

**КРЫМСКИЙ ФЕДЕРАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
им. В.И. Вернадского
КУБАНСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
БОЛГАРСКИЙ ЕВРАЗИЙСКИЙ НАУЧНЫЙ ЦЕНТР
ЦЕНТР ИССЛЕДОВАНИЯ ДИНАМИКИ МЕЖДУНАРОДНЫХ
ОТНОШЕНИЙ
СЕТЬ КУЛЬТУРНОГО ОБМЕНА И МЕЖЭТНИЧЕСКОГО
ДОВЕРИЯ**

ЭТНИЧНОСТЬ, РЕЛИГИЯ И ПОЛИТИКА

**Симферополь
ИТ «АРИАЛ»
2015**

УДК 37
ББК 74.00
Э 91

*Сборник зарегистрирован в системе
Российского индекса научного цитирования (РИНЦ).*

Главные редакторы:

Т.А.Сенюшкина, доктор наук государственного управления, профессор.

А.В.Баранов, доктор политических наук, доктор исторических наук, профессор.

Редакционная коллегия:

А.Г.Герцен, кандидат исторических наук, доцент.

Е.А.Сенюшкин, кандидат политических наук, доцент.

Е.В.Черный, доктор психологических наук, доцент.

Мнение авторов может не совпадать с мнением редакционной коллегии.

Э 91 Этничность, религия и политика / Под ред. Т.А. Сенюшкиной и
А.В. Баранова. – Симферополь : ИТ «АРИАЛ», 2015. - 402 с.
ISBN 978-5-906813-27-5

В основу сборника научных трудов легли статьи и тезисы выступлений участников двух международных конференций: XXVI Ливадийских чтений, г. Ялта 21-25 мая 2014г. и Хараксского форума – 2014, 16-20 октября 2014 г., г. Ялта. Раскрываются проблемы взаимоотношения этничности, религии и власти, особенности управления этнополитическими и межконфессиональными конфликтами в условиях манипулирования коллективным сознанием, технологии конструирования коллективной памяти, анализируются актуальные вопросы, связанные с проявлением этнического и религиозного факторов в условиях политического кризиса на Украине и в странах Ближнего Востока.

УДК 37
ББК 74.00

ISBN 978-5-906813-27-5

© Сенюшкина Т.А., 2015.

© Баранов А.В., 2015.

© ИТ «АРИАЛ», 2015

ИНОСТРАННЫЕ СТУДЕНТЫ: СОЦИАЛЬНЫЕ СВЯЗИ И СЕТИ

Расширение экономических, социальных и культурных связей и отношений в последние десятилетия актуализирует проблему успешного включения индивидов, социальных групп и общностей в социальное пространство. Особого исследовательского внимания заслуживают иностранные студенты, которые в условиях развивающейся практики международного сотрудничества, в том числе и в системе высшей школы, реализующей программы студенческого обмена, стажировок, являются, во-первых, носителями социокультурных связей, ценностей, норм родной страны, во-вторых, адаптантами в новой поликультурной среде принимающего сообщества, в-третьих, акторами, формирующими социальные сети. Во всех трех ипостасях, иностранные студенты выступают социальной общностью.

Общность иностранных студентов функционирует, воспроизводит социальные практики, формирует социальные сети и развивается под влиянием социальной среды, при этом выступая фактором изменения и самого социального пространства. Системообразующим первичным принципом, выступающим в качестве основы существования данной общности, является совершение международной миграции с целью получения высшего образования. К числу характеристик иностранных студентов как общности относятся: общий интерес - получение высшего образования, основной вид деятельности - учебно-образовательная, получение высшего образования за пределами своей страны, возраст - от 18 до 30 лет (молодежь), идентификация себя как члена общности иностранных студентов (в России функционирует Ассоциация иностранных студентов), ресоциализация - освоение новых социальных норм, ценностей, социальных ролей, предъявляемых иной социальной средой, и устранение старых, привычных, традиционных, характерных для своей страны.

Социальные сети как структурно-функциональные образования отображают социальные связи между узлами сети (актерами). В нашем исследовании актерами социальных сетей являются иностранные студенты как социальная общность, а также иные социальные общности и группы, социальные институты и организации, с которыми иностранные студенты образуют социальные сети. В современной сетевой теории выделяется два типа социальных сетей: полные и эгоцентричные. Иностранные студенты (эго-актеры) образуют эгоцентричные сети, их базовыми атрибутивными характеристиками являются: страна, из которой прибыли студенты (ближнее/дальнее зарубежье), национальность/этническая идентичность, длительность включения в общность, вид занятости, возраст.

В исследовании, проведенном в 2012 году, объектом которого выступили студенты Уральского федерального университета, приехавшие из стран Азии (Китай, Корея, Монголия, КНДР, Япония; N=110), мы попытались определить социальные сети, которые формируют учебные мигранты. Материалы

исследования позволили выделить следующие группы связей, на основе которых формируются социальные сети.

В основе первой, выделенной нами, сети - учебная деятельность. Сеть содержит связи иностранных студентов с акторами, которые включены в учебный процесс. К числу таких акторов относятся студенты-иностранцы, студенты-россияне, профессорско-преподавательский состав, организационные структуры университета, деятельность которых связана с образовательным процессом учебных мигрантов. По размеру эта сеть, пожалуй, самая большая.

Следующая сеть формируется на основе бытовой деятельности студентов. Поскольку 94% опрошенных проживают в общежитии, то ключевыми акторами сети выступают также студенты-мигранты и российские студенты, основным местом проживания которых на время обучения становится общежитие. При этом социальные связи с земляками значительно плотнее, т.к. иностранные студенты воспроизводят практики быта, характерные для своей родной страны: приготовление национальных блюд, общение на родном языке и пр. В эту сеть также включены и иные акторы, интенсивность взаимодействия с которыми меньше, чем с коллегами-студентами: водители/кондукторы общественного транспорта, медицинские работники, продавцы/кассиры, полицейские и др. При этом доля конфликтов с ними выше, а основной причиной, по мнению иностранных студентов, выступает принадлежность к другой этнической общности: каждый третий опрошенный указал на словесные оскорбления, 7% - на физические формы насилия.

Еще одна сеть формируется на основе родственных связей. Основным механизмом взаимодействия выступают коммуникативные каналы, предлагаемые Интернет (skype, электронная почта, чаты и т.п.). Размер сети небольшой, однако эта сеть наиболее закрытая, в нее включен только сам студент и его родственники.

Предложенные типы сетей не исчерпывают всех возможных вариантов анализа социальных связей иностранных студентов, приехавших получать высшее образование в российских университетах. Можно выделить соседские, дружественные, территориальные связи. Теории социальных сетей выступают источником и инструментом исследовательского анализа иностранных студентов. Формируя и включаясь в социальные сети, общность иностранных студентов создает и воспроизводит практики взаимодействия, которые отражают не только структуру связей и отношений в сети, но и динамику функционирования и развития самой общности.

Фундаментальность российского высшего образования выступает фактором привлекательности вузов для иностранных студентов, их доля с каждым годом возрастает. В социальное пространство включаются представители иных этнических общностей и культур. Формируя собственные социальные сети, они стремятся к интеграции в принимающее сообщество, которое в повседневных бытовых практиках пока еще не готово в полной мере принять и понять новые для нее этнические группы.

ТИПОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ И ЕГО РОЛЬ В ФОРМИРОВАНИИ РЕЛИГИОЗНОЙ ТОЛЕРАНТНОСТИ

Типологический анализ общества позволяет упорядочить наши знания о конкретном социуме. Многие социальные, экономические, управленческие, политические феномены, становятся более ясными и закономерными при их рассмотрении, методами типологического социологического анализа. Типология позволяет понять не только специфику российского общества, но и увидеть черты, объединяющие все страны мирового сообщества, глобальные проблемы и, таким образом, глубже познать их закономерности и тенденции развития. Кроме того, можно выделить интегральные типы общностей, групп, организаций, этносов, конфессий, идеологий. Одна из эффективных парадигм и технологий, основанных на типологическом подходе – соционика.

В соционическом анализе выделяют социотипы как типические образцы социального поведения людей. Каждый социотип имеет свою социальную миссию и выполняет свою социальную роль. Единая фиксированная классификация типов интеллекта и типов социального поведения позволит систематизировать обширный материал социальных и гуманитарных наук. Это приведет к оптимизации процессов исследования, обучения и управления [4, с. 4].

Соционическая парадигма имеет сходство с антиэволюционистской моделью в социологии в форме теории культурно-исторических типов Н.Я. Данилевского [1, с. 198]. Обе концепции базируются на структурно-функциональном анализе социальных систем. И культурно-исторический тип Н.Я. Данилевского и интегральный тип информационного метаболизма (ИТИМ) выступают как интеграция существенных признаков определенного социального организма. Однако восьмизлементная социомодель, имеющая четкую структуру, поддается объективной верификации, по сравнению с описательным подходом к характеристике культурно-исторических типов. Вместе с тем основополагающие идеи соционики и Н.Я. Данилевского совместимы в главном: человечество не представляет единой живой целостности.

Комплексное применение методов социологического и соционического исследований проверяет массовое представление об универсализме психологических рекомендаций. Люди разные, социальные субъекты также типологически неоднородны. Законы информационного и социального взаимодействия важно учитывать не только на микро- и мезосоциальном уровне. На основе обнаруженных закономерностей социальной и интеллектуальной (духовной) совместимости можно выстроить продуманную систему отношений Центра с регионами – с учетом интегральных национальных типов, национального самосознания их жителей, их традиций и местных особенностей.

Каждый член группы относится к некоему социотипу. Но все индивиды, вместе взятые, образуют живой организм, характеризующийся своими особыми качествами. Значит, группа как организм также может быть отнесена к определенному социотипу. «...Интегральный социотип – это та форма, та

спецодежда, которую надевает каждый член данного коллектива, чтобы решить поставленную задачу» [1, с. 57].

Интегральные и индивидуальные социотипы – это статическое ядро, которое ничего не говорит об изменчивой оболочке группы (личности), связанной с уровнем социального, духовного, интеллектуального развития личности. Именно поэтому глубоко архаичным является оценка людей по формальным социальным характеристикам, особенно таким, как национальность, раса, религия, территория. Личные социотипы во всех нациях одни и те же. Это основа для понимания, доверия, согласия и сотрудничества в глобальном масштабе. В традиционной этнологии государство считается чем-то внешним. Однако государство и этнос соответствуют друг другу в каком-то отношении и в определенный период времени («каждый народ заслуживает ту власть, что имеет»). С системной соционической позиции государство является надструктурой, регулирующей жизнедеятельность этноса и возникает в результате соединения внутренних и внешних потребностей (воздействие надсистемы). Итак, все институты, включая государство, являются подсистемами этноса (его органами), созданными для достижения целей в процессе общественной эволюции и адаптации в окружающем мире.

Характер развития религии как церковного института соответствует, как правило, характеру этноса. Так, христианство разделилось на православную (Гуманист), католическую (Инспектор) и протестантскую (Хранитель) ветви. Так, для арабской ментальности (Идеолог) ислам как инспекторская структура является дуальной или тождественной типу исламских государств. Ветви христианской религии соответствуют и близки менталитету российского, европейского или американского этносов.

Среди социоников встречается мнение, что ислам относится не к логической, а к эмоциональной группе религий. Обосновывается это тем, что ислам сильно апеллирует к эмоциональной сфере верующего. И арабскую нацию относят к эмоционально-интуитивному типу. Интегральный тип буддизма порой связывают с сенсорикой, обращая внимание на управление телом, йогу и т. д. (при этом, предавая забвению отказ от желаний, который культивируется в буддизме). Конфуцианство диагностируют как логическую религию: дистанция между старшими и младшими, экзамен для чиновников и т. д.

Мировым религиям свойственна слабость деловой логики и. Христианская церковь, как известно из истории, запрещала ссуду денег под проценты. В XII в. законы, карающие за ростовщичество, стали особенно суровыми. Мусульманская церковь также запрещает подобного рода финансовые операции.

В Украине (как, впрочем, и в Башкирии) существует информационно-типологическая основа для формирования этики аскетического протестантизма. М. Вебер на основе социологического анализа доказал, что данная этика привлекает людям трудолюбие, бережливость и честность в зарабатывании денег. Слабость морального фундамента бизнеса объясняется тем, что православие больше воспитывает в гуманитарно-страдальческом, чем в социально-практическом духе, то есть мало влияет на частно-предпринимательскую деятельность. Но перспективы перехода к цивилизованному капитализму есть.

Интегральный тип ментальности, народа Турции – *LF*(Инспектор). Такой же тип имеет структура государства, армии и исламской религии. В силу этой многоуровневой тождественности Турции – стабильное и светское государство, поскольку тождественная структура типа ислам не является доминирующей. В арабских странах (*ET*, Идеолог) ислам дуализирует, суггестирует ментальность этноса и его влияние там, в отличие от Турции, является определяющим во всех сферах жизни общества.

Вопреки расхожему мнению, Запад и Восток не так уж далеки друг от друга. Соционическое обоснование: типологический материал, из которого сотканы индивиды и группы, один и тот же. В свое время К.Г. Юнг обосновал экстравертность Запада и интровертность Востока. В социальном отношении Запад – динамично развивающееся общество открытого типа. Восток – статичное общество закрытого типа. Восток развивается гораздо медленнее, в том числе и по причине доминирования традиционализма, консерватизма и авторитаризма. «В случае изолированного развития интровертный Восток приходит к закостенелости и отсталости, а экстравертный Запад порождает кризис культуры и экологии в силу ничем не уравновешиваемой экспансивности. Выход из тупика изоляционизма состоит в кооперации, позитивном взаимодействии обоих полюсов» [1, с. 48-49].

Такие страны как Россия, США пытаются активно влиять на другие государства и целые регионы. В свое время Ф. Энгельс говорил о цивилизирующем влиянии России на страны Востока. В этом же ряду стоят колониальные империи прошлого – Великобритания, Франция, Османская империя, Австро-Венгрия и т. д. Германия и Япония в XX в. попытались с помощью силы оружия и агрессии перекроить геополитическую карту и изменить мир в угоду своим ценностям и интересам. Сегодня роль мирового цивилизатора, агрессора и «жандарма» выполняют США. Поэтому проблема взаимодействия качественных, типологических факторов и уровней развития приобретает практическую значимость.

Интегральная соционика весьма перспективна для использования в сфере международных отношений, геополитических прогнозов. Уже есть опыт сотрудничества государственных структур со специалистами. Американский политолог С. Хантингтон в своей статье (1993 г.) обосновал тезис, что XXI век станет веком столкновения цивилизаций или религий. В 1996 г. Хантингтон выпустил в свет книгу «Столкновение цивилизаций и перестройка мирового порядка». Он выделял 8 цивилизаций – индустскую, исламскую, японскую, православную, китайскую, западную, африканскую, латиноамериканскую.

В социоанализе известен закон о доминировании конфликтов между тождественными (сходными) системами над конфликтами противоположных (дополняющих) систем. В социально-политической жизни и практике международных отношений можно найти целый ряд доказательств данного закона. Так, конфликт между Российской Федерацией и Чечней объяснялся их принадлежностью к одному интегральному социотипу – *FL*(«Маршал», «Хозяин», «Покровитель»). Каждый из данных социумов стремится к господству и экспансии, что и порождает конфликт.

Другой факт: сербско-мусульmano-хорватский конфликт. В его основе лежит не только и не столько религиозный фактор, сколько геополитический территориальный фактор. Не случайно хорваты-католики вступали в союз с мусульманами против православных сербов, а мусульмане с сербами – против хорватов. Стройность концепции Хантингтона нарушает и тот факт, что в югославском конфликте союзником хорватов стала Германия, боснийских мусульман – США, а сербов – Великобритания и Франция. США также встали на защиту косовских албанцев-мусульман в их конфликте с сербами. Во время войны в Персидском заливе в 1990 г. мы стали свидетелями христианско-исламского блока западных стран с Кувейтом, Саудовской Аравией и другими исламскими государствами против исламского Ирака.

Из истории известно множество фактов, когда представители одних религий вступали в союз с представителями «чуждых» конфессий для достижения прагматических целей. Соционический закон конфликтов тождеств подтверждается массой примеров войн внутри цивилизаций, религий, в пределах одного этноса и страны, между соседними, близкими по языку и культуре народами. В последние века увеличивается доля гражданских войн. По данным исследователя войн К. Райта в период в 1800-1941 гг. одна гражданская война приходилась на 3 межгосударственные. За период с 1945 по 1985 гг. в мире произошло 160 вооруженных конфликтов, из которых 151 – в странах третьего мира (по данным германских учёных).

Сам С. Хантингтон приводит факты, которые опровергают основное положение его концепции: конфликты внутри цивилизаций происходят примерно в 1,5 раза чаще, чем конфликты между разными цивилизациями. По данным известного российского политолога К.С. Гаджиева, число классических межгосударственных войн уменьшается, в то время как число внутригосударственных конфликтов и войн возрастает. Не столкновения религий, а конфликты интересов внутри цивилизаций выходят на первый план [2, с.387-396].

Практическое применение интегральной соционики, информационно-энергетического моделирования в сфере духовной культуры: получение точной информации об этнических ценностях; анализ и прогнозирование межэтнических взаимодействий; прогнозирование отношений социальных систем с разными культурами; профилактика и конструктивное разрешение межнациональных конфликтов с помощью учета глубинных типологических ценностей; определение основных характеристик религиозных социальных институтов и др.

Среди функций педагогической соционики следует выделить формирование нового мировоззрения, в основе которого лежит толерантность [3, с.14-18]. Новая научная и учебная дисциплина найдет широкое применение в подготовке работников высшей и средней школы принципиального нового интеллектуального уровня, адаптированных к задачам информационного общества, где наивысшей ценностью будет обладать интеллектуально-информационные и духовные продукты. С помощью педсоционики станет возможным формирование новых социальных сил, лидирующей группы новой цивилизации. Поэтому главную функцию новой дисциплины можно обозначить так: готовить личность педагога и учащегося к свободному выбору в наступающей инфор-

мационной цивилизации. Реализация воспитательного потенциала новой науки и технологии: повышение эффективности воспитания с помощью методов социоанализа; социализирующее воспитание в школе и вузе с целью обеспечения опыта коммуникации; воспитание толерантности, межнациональной терпимости; профилактика противоправного, отклоняющегося и деструктивного поведения.

Типологический подход выполняет и практическую функцию для гражданского общества и правящего политического класса. Познание закономерностей социального развития и эволюции общества помогает определить общий ориентир в определении перспектив развития современной России, которая отличается поликультурным, полиэтническим и поликонфессиональным образованием.

Литература

1. Гуленко В.В. Гуманитарная соционика. М., 2009.
2. Гаджиев К.С. Введение в геополитику. М., 1998.
3. Антошкин В.Н. Педагогическая соционика. Новосибирск, 2008.
4. Антошкин В.Н. Типологический анализ и повышение эффективности социального управления// Современные исследования социальных проблем (электронный научный журнал). 2012. №6 (14).

ЕЛЕНА АППЕЛЬГАНЦ

ОСОБЕННОСТИ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ КАТОЛИЧЕСКИХ ОБЩИН КАЗАХСТАНА

После распада Советского Союза в Казахстане произошла активизация конфессионального поля, одним из последствий этого стало укрепление позиций Римско-католической Церкви. В тоже время в Западной Европе, в своем традиционном поле влияния, Римско-католическая Церковь столкнулась с рядом проблем. Аналогичная ситуация складывается в Казахстане, который открыт для глобализационных тенденций и имеет свою историческую, социальную и культурную специфику.

Автором на протяжении последних трех лет проводится социологическое исследование с целью изучения специфики функционирования католических общин в Казахстане. Информация была получена в ходе проведения глубинного интервью, экспертного интервью, включенного наблюдения и анализа документов, что позволило изучить католические общины Казахстана в период с XVIII века по настоящее время. На основе полученных данных можно выделить три основных периода.

Досоветский период. Первые католические общины на территории Казахстана сформировались лишь к концу XIX – началу XX веков[1]. Связанно это было с двумя основными моментами: царское правительство рассматривало земли Казахстана как удобное место для ссылки всех неугодных правящему режиму, что привело к появлению здесь польской диаспоры; сюда начали переселяться люди, которым была нужна земля для жизни и работы, с чем связа-

на, в частности, миграция немцев-католиков. Католики селились преимущественно в сельских районах [2], формируя моноконфессиональные поселки [1].

Важным фактором, детерминировавшим функционирование, являлось нормативно-правовое положение католических общин на территории Казахстана. В рассматриваемый период оно напрямую зависело от политики, которую проводила Российская Империя как внутри страны, так и на международной арене. В целом, католические общины имели возможность нормально функционировать при условии невмешательства в сферу влияния Русской православной Церкви, а также Российского государства.

Католические общины имели двухчастную структуру, что отражалось в распределении ролей и функций между духовенством и прихожанами. Обязанности священника и прихожан прописаны в специальных Инstrukциях, которые утверждали правители империи [3].

Важной стороной жизни католической общины являлось религиозное образование и процесс религиозной социализации. Процесс религиозной социализации в католических общинах Казахстана был достаточно полным, включая в себя соблюдение таинств и возможность получения католического образования. Первичная религиозная социализация проходила в семье, вторичная – в Церкви. Несмотря на то, что семья выступала в качестве одного из агентов религиозной социализации, главная роль принадлежала воспитательным учреждениям церкви. На уровне общины действовала церковно-приходская школа, которая являлась первой ступенью религиозного и светского образования, а также переходной ступенью от семьи к общине [4]. В целом, общины были закрытыми и полностью подчинялись всем религиозным канонам.

Советский период. Формирование и структурирование католических общин Казахстана в советский период имеет свои особенности: во-первых, до 50-х годов XX века продолжается процесс формирования общин за счет прибытия в регион депортированных народов и спецпереселенцев. Во-вторых, переселение носило дисперсный характер, что привело к нарушению доминировавшего прежде моноконфессионального сельского поселения. В-третьих, дисперсный характер переселения и последующее снятие режима спецпоселения приводят к увеличению доли католиков в городах. В-четвертых, формируется новый центр католической веры в масштабах не только Казахстана, но и СССР, - Караганда, называемая в народе «Вторым Римом» или «Ватиканом Советского Союза» [4].

Важно отметить, что после установления советской власти «отношения государства с Римско-католической Церковью основывались на марксистской концепции отделения церкви от государства... Религии, как пережитку прошлого, не было места в социалистическом государстве» [3, с. 184]. Антирелигиозная и идеологическая политика СССР привела к тому, что к 40-м гг. XX в. Католическая Церковь в Советском Союзе номинально прекратила существование. Она лишилась священнослужителей, всех культовых зданий, имущества и церковных ценностей, фактически были упразднены все ее структуры [3].

Самые важные изменения, на наш взгляд, произошли в результате гонений против католического духовенства. Несмотря на очень редкие возможности выездной миссионерской деятельности священников, функции трансляции

религиозной традиции переместились на внутрисемейный уровень, а религиозное образование осуществлялось подпольно. Данная ситуация привела к появлению так называемой «катакомбной церкви» - тайной вере и молитвенным собраниям в группах на дому [5]. Верующие были вынуждены искать другие пути совершения таинств. Здесь, в силу объективных факторов, женщина становится главным агентом религиозной социализации и средоточием религиозной жизни католиков. Роль, которая испокон веков Римско-Католической Церковью отводилась мужчине-священнику, переходит к светской женщине. Простые, набожные женщины-матери и бабушки, руководили молитвенными группами и совершали в экстремальных условиях основные религиозные обряды. Конечно, этого было недостаточно и с каждым новым поколением число практикующих католиков сокращалось. Однако традиция крестить детей и соблюдать по возможности предписания Церкви внутри семьи, поддерживаемая главным образом «женщинами со священнической душой» [6], позволила сохранить религиозную идентичность.

Современный период. В это время были налажены дипломатические отношения с Ватиканом, восстановлена административная структура Римско-католической Церкви и в страну начали прибывать католические миссионеры. Количество католических объединений в Казахстане выросло, и по результатам на 25 октября 2012 г. составило 79, что позволило занять пятое место среди других религиозных объединений [7].

Современный период. По нашим данным, на рубеже XX и XXI веков происходит подъем уровня религиозности католического населения Казахстана вследствие образования независимого светского государства, которое открыло возможности для удовлетворения духовных потребностей верующих. В последнее десятилетие уровень религиозности католического населения Казахстана находится в более или менее стабильном состоянии. Однако, по оценкам экспертов, глубина веры католиков Казахстана все же уступает внешней религиозности.

Если рассматривать функционирование католической общины как отдельного элемента взаимодействия с другими социальными группами, то они стали открытыми, особенно в плане взаимодействия с другими религиозными объединениями.

Следует также отметить, что структура католических общин Казахстана вновь подверглась трансформации. Начиная с 90-х годов XX века, «свхарактеристические женщины» [5] уступают свое место вновь появляющимся священникам, но по-прежнему играют большое значение, хотя бы в силу того, что именно женщины составляют большую часть верующих. Во-вторых, роль семьи в католических общинах Казахстана представляется менее значительной, ведь она больше не является центром религиозной жизни, теперь приход собирает и организует жизнь членов семьи. В то же время именно семье придается первостепенное значение в качестве средства для поддержания и сохранения традиционных христианских ценностей.

Современные католические общины Казахстана соответствуют классической приходской модели, которая всегда была характерна для Римско-католической Церкви на Западе [8]. В центре организации жизни таких общин

находятся основные церковные практики, предполагающие католическую социализацию (например, катехизация, приобщение к таинствам и посещение воскресной мессы). Ключевую роль агента католической социализации выполняет при этом духовенство.

В зависимости от степени членства в общине можно условно разделить прихожан на две группы. Первая группа представляет собой ядро общины и включает в себя тех, кто регулярно посещает церковь, принимает таинства, участвует в благотворительных акциях прихода и подношениях церкви, а также соблюдает основные культовые предписания в рамках собственной семьи. Вторая группа включает тех, кто связан с приходом только благодаря традиционному соблюдению таких предписаний, как крещение, венчание или похороны по католическому обряду, а посещение церкви, как правило, ограничивается празднованием Пасхи и Рождества.

Католические общины Казахстана преимущественно состоят из представителей этнических групп, которые традиционно исповедуют католицизм (поляки, немцы, латыши, литовцы, украинцы) и потомков от смешанных браков между представителями указанных этнических групп с другими.

Установлено, что современные католические общины имеют все возможности для полноценного функционирования и удовлетворения потребностей верующих. Они выполняют ряд функций: регулятивную, социальной интеграции и стабильности, коммуникативную, мировоззренческую, социализации личности, катехизации и идентификации.

Результаты проведенного исследования показали, что функционирование католических общин на территории Казахстана является уникальным случаем. Во-первых, их появление, формирование и функционирование стало следствием миграционных процессов с XIX по XXI вв. Во-вторых, функционирование католических общин Казахстана напрямую зависело от нормативно-правового положения, устанавливаемого сначала Российской Империей, затем Советским Союзом и Республикой Казахстан.

Литература

1. Бургарт Л.А. Влияние миграционных факторов на формирование и развитие Католической Церкви в Казахстане // Этнодемографические процессы в Казахстане и сопредельных территориях. Сб. науч. трудов VII междунар. науч. конф. Усть-Каменогорск, 2006. С. 54-61.
2. Ерофеева И.В. Конфессиональные процессы среди немецкого населения Казахстана во второй половине XVIII–начале XX вв. // История немцев Центральной Азии. Материалы конф. Алматы, 1998. С. 52-64.
3. Лиценбергер А.О. Римско-католическая Церковь в России: история и правовое положение. Саратов, 2001. 384 с.
4. Бургарт Л.А. Особенности расселения немцев-католиков в Казахстане и их взаимосвязь с практикой религиозной жизни (конец XIX–начало XXI вв.) // Из истории католической веры и церкви в Казахстане. Сборник статей. Усть-Каменогорск, 2010. С. 70-86.
5. Бургарт Л.А. О значении молитвы и «евхаристических женщин» для сохранения католической веры в СССР в 40-е–80-е гг. XX в. (на примере

немцев-католиков Казахстана) // Из истории католической веры и церкви в Казахстане. Сборник статей. Усть-Каменогорск, 2010. С. 125-151.

6. Шнайдер А. Это Господь. Рукопись. С. 3. Оригинальное издание: Dominus est. Riflessioni di un vescovo dell'Asia Centrale Sulla Sacra Comunione. Libreria Editrice Vaticana, 2008.

7. Официальные данные Агентства по делам религии Республики Казахстан.

8. Бремон Д'АрсН. де. Религиозные практики во Франции и их изучение: подходы и методы //Религиозные практики в современной России. Сборник статей. М.: Новое издательство, 2006. С. 33-51.

ФАСИХ БАДЕРХАН

ЭХО СОБЫТИЙ АРАБО-МУСУЛЬМАНСКОГО МИРА И КАВКАЗА НА МАЙДАНЕ В КИЕВЕ: УКРАИНА НА ОЧЕРЕДИ?

Многие аналитики заговорили о том, что события в Украине во многом похожи на те, что происходили в Сирии, и не исключено, что они управляются одним центром или являются компонентами одной и той же стратегии. А стратегия заключается в том, что существование национальных государств стало тормозом и преградой перед мировым капиталом, который стремится проникать туда, где имеются ресурсы, на своих условиях. Реализация этой стратегии, которая берет начало еще с 1972 г. [1], началась с разрушением Югославии в 1999г., и не закончится сегодня Украиной.

В настоящее время майдан превратился из акции протеста оппозиции в центр притяжения откровенно националистических и экстремистских сил, зачастую не имеющих отношения к Украине. Например, на майдане были замечены черкесские флаги, есть сведения об участии в столкновениях на майдане лиц, до недавнего времени воевавших в Сирии на стороне вооруженной оппозиции.

Такая радикализация майдана приводит к обострению ситуации на востоке и юге страны, что в конечном итоге может привести к расколу Украины. Более того, углубление кризиса на Украине может негативно отразиться на соседних государствах, в частности, на процессе мирного урегулирования молдавско-приднестровского конфликта и даже привести к его возобновлению.

В этой связи, крайне безответственно выглядит позиция стран ЕС и США, откровенно вмешивающихся во внутренние дела Украины, поддерживающих националистические и деструктивные силы, что может сформировать многолетний очаг напряженности в центре Европы.

Учитывая политику запада в отношении Украины, когда стране, имеющей глубокие внутренние противоречия, навязывается одно мнение и открыто поддерживаются антиправительственные силы, создается впечатление, что страны запада проводят политику «разделяй и властвуй» и намерены реализо-

вать югославский сценарий, расчленив Украину. Это происходит на фоне эйфории вхождения в Европу.

В этой связи, хотел бы задать вопросом: в какую Европу хотят многие государства, в том числе из бывшего СССР, и особенно Украина? Они не понимают, что от той Европы, куда они стремятся, ничего не осталось? Европа со второй половины XX в. стала стремительно уходить от своих вековых ценностей проекта «Модерна», который начался еще со времен Английской революции и укрепился окончательно после Французской революции. Эти ценности (просвещение, гуманизм, эмансипация женщин, отделение церкви от государства, свобода, братство, социализм и др.) сделали Европу образцом развития, однако, со второй половины XX в. Европа начала переходить от «Модерна» к «Постмодерну», в котором, к сожалению, мы не видим ничего, кроме сексуальной патологии, финансовых махинаций и т.д., а это представляет серьезную опасность как для европейского континента, так и для других стран, которые продолжают считать Европу образцом для подражания.

Кроме того, элита «Постмодерна», похоже, заключила союз с исламом, таким образом, она становится «Контрмодерном» а это то, что мы четко видим в рамках «третьей мировой перестройки» в арабо-мусульманском мире, где инструментом реализации указанной стратегии является исламизм, а на Украине национализм [2], хотя есть сведения о том, что некоторые исламисты, которые воевали в Сирии, были замечены на майдане еще в 2013 г.

Что касается желания народа Украины отделиться от СССР, то и тогда результаты референдума были слишком преувеличены. Д. Панамарчук, советник В. Черновола – создателя «Руха», сказал, что не 92%, а около 65% были за независимость Украины, но все тогда молчали из-за президентских выборов, и даже там, где журналистами было организовано наблюдение, только 40% были за независимость. Европа, конечно, молчала, но даже видный деятель украинской оппозиции А. Яценюк считал, что советская система образования и медицины была гораздо лучше того, что мы видим за период независимости Украины. «Коктейль Молотова» заставил его пересмотреть свои взгляды на то, что происходит в стране [3].

События на Ближнем Востоке, в Северной Африке, Украине и в других странах, где происходили похожие события, преследовали цель показать мировому сообществу реальную возможность мобильного заедывания социальных ресурсов в протестных акциях, направленных на свержение действующих в указанных регионах политических режимов. Кроме того, решалась задача оказания психологического давления на «недемократических» [4] лидеров в различных государствах якобы с целью их подталкивания к развитию инструментов гражданского общества и соблюдению прав и свобод человека. В дальнейшем это позволило бы Западу активизировать работу со всеми социальными группами тех или иных стран, а также регулировать протекающие в них общественно-политические процессы с целью создания условий для последующего отстранения от власти авторитарных лидеров.

В контексте событий, которые произошли в странах арабского мира, на Украине и Кавказе, активизируется деятельность структур международного терроризма, против которого необходимо тесно взаимодействовать. Одним из

ключевых направлений такого взаимодействия должно стать блокирование каналов финансирования. В этой связи следует подчеркнуть недопустимость использования практики «двойного стандарта» как в оценке террористических угроз, так и в отношении экстремистов любого религиозного или националистического толка, которым подчас удается найти убежище от правосудия за пределами территорий разыскивающих их стран.

Нет необходимости подробно говорить о том, что происходило в Грузии после разрушения СССР, особенно в период правления М. Саакашвили и в 2008 г., когда Россия могла сменить режим в этой республике, как Запад это делает насильственным путем. Грузию преподносили как образец демократии, а на самом деле она была тоталитарным государством, идеология которого базируется на этнической исключительности, политических репрессиях и подавлении политических прав и свобод. Поддержание тесных контактов с таким государством и его руководством наносило ущерб международной репутации любой цивилизованной страны.

Для оказания давления на своих политических оппонентов, а также стремясь отвлечь внимание международного сообщества от массовых нарушений прав человека в самой Грузии, режим Саакашвили предпринимал попытки использовать трибуны различных международных организаций, в том числе, таких как Европейский суд по правам человека (ЕСПЧ).

В течение нескольких лет совет ООН по правам человека в Женеве неоднократно указывал на масштабные нарушения прав человека в Грузии – пытки, произвол правоохранительных органов, отсутствие независимой судебной власти, дискриминация и притеснение национальных меньшинств, необоснованное ограничение свободы слова и печати. Критике подвергся разгон демонстрантов 25-26 мая 2011 г. силами правопорядка с применением стрелкового оружия, сопровождавшийся жестокими избиениями, жертвами, многочисленными арестами. События в Тбилиси трактовались даже некоторыми европейскими политиками как классическая демонстрация «железного кулака диктатуры».

В ежегодном докладе, опубликованном в январе 2013 г., международная правозащитная организация HUMANRIGHTSWATCH признает, что США и Европа не смогли добиться от Тбилиси соблюдения прав человека в Грузии [5]. Власти тогда полагали, что национальные меньшинства не должны играть заметную роль в общественной и государственной жизни, так как решить их проблему можно лишь ассимиляцией или выдворением из страны, в момент, когда было сильное стремление к формированию моноэтнического государства. Как следствие этого, продолжались притеснения армян (Самцхе-Джавახетия), азербайджанцев (Квемо-Картли) и греков (Панкиси).

Именно Саакашвили играл в карту так называемого «Черкесского вопроса». Это странным образом совпало с объявлением в 2007 г. российского города Сочи победителем в конкурсе на проведение зимней олимпиады в 2014г. Впервые подняли этот вопрос в Грузии [6], и стали проводить кампанию с целью доказать недоказуемое - «геноцид черкесов» со стороны России в XIX в. К этой кампании присоединились часть журналистов и политологов России. Именно журналисты и политологи, а не историки и праведы, которые могут

подтвердить или отрицать то, что они называют «геноцидом».

Таким образом, Запад не преследует и не преследовал цель демократизации. Примеров много – Афганистан, Ирак, Ливия, Сирия и т.д. Запад фактически не заинтересован в том, чтобы реформы прошли успешно во всех этих странах. Это явно прослеживается во всех странах постсоветского пространства и в арабских странах, где идут беспорядки, а также сегодня на Украине. Если запад действительно стремится к подлинной демократии, то для этого есть гораздо более эффективные методы. Главная цель всех событий в арабском регионе – привести во власть исламистов, а на Украине – националистов.

Примечания

1. Внимательное прочтение доклада Римского клуба «Пределы роста» дает основание считать, что всё началось именно тогда.

2. Для авторов указанной стратегии не важно, кто инструмент, а главное результат, невзирая на судьбу народов, в том числе на Украине, которую они якобы считают европейской страной.

3. Комсомольская правда. 2014. 27.01.

4. Они считают Януковича недемократичным, хотя ясно, как ведёт себя оппозиция, поддерживаемая Западом, и как ведёт себя украинский ОМОН.

5. <http://www.org/print/world-report-2012/world-report-2012-Georgia>.

6. Именно Грузия в 1992 г. напала на Абхазию и в августе 2008 г. предприняла попытку совершить геноцид против двух северокавказских народов. Некоторые специалисты считают, что действия в августе 2008 г. были направлены на срыв Олимпиады в Сочи в 2014 г. По некоторым сведениям, Саакашвили получил около 1 млрд. долларов США для срыва Олимпиады в Сочи.

САРГЫЛАНА БАИШЕВА

СОЦИАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ НАЦИОНАЛЬНОЙ МОДЕРНИЗАЦИИ В РЕСПУБЛИКЕ САХА (ЯКУТИЯ)

Работа выполнена в рамках проекта «Этносоциальное развитие коренных малочисленных народов и модернизация традиционных отраслей Севера в условиях нового промышленного освоения» Программы фундаментальных исследований Президиума РАН «Традиции и инновации в истории и культуре», 2012-2014 гг.

Анализу различных аспектов модернизации впервые в России было посвящено масштабное исследование Института социологии РАН [1, с.282]. Агрессивное вторжение техногенной цивилизации в Республике Саха в первую очередь коснулось этнической жизнедеятельности. Неоднозначное влияние промышленного освоения территории на условия существования родовых общин, в которых формируется мировоззрение каждого её члена, участвующего в развитии традиционных отраслей Севера (оленоводство, охотничий и рыбный промысел, сбор дикоросов) и приспособление аборигенного сооб-

щества к новой социальной реальности изучается якутскими учеными на протяжении ряда лет [2, 3, 4].

Тенденции модернизации традиционных отраслей рассматриваются нами через призму представлений коренного населения Южной Якутии в сфере демографической политики, занятости, с учетом образовательного уровня, национальной принадлежности, места проживания. При проведении анкетирования в рамках проводимого нами исследования главным критерием отбора респондентов являлась вовлеченность в традиционную хозяйственную деятельность населения трудоспособного и старше трудоспособного возраста. К респондентам отнесены те из них, профессиональная деятельность которых относится к традиционным отраслям Севера, либо в повседневной жизни являются соучастниками процесса социальной модернизации в пределах границ исследуемого региона. Всего анкетным опросом охвачено 285 чел., из них эвенков – 72,2%, эвенов – 15,1%, других коренных малочисленных народов Севера – 0,7%. Интервью были проведены среди специалистов органов муниципальной власти (г. Алдан, г. Нерюнгри); глав наслегов (Анаминский, Беллетский); глав родовых общин, членов районных ассоциаций эвенков. Большинство экспертов - представители эвенкийского сообщества, их мнение сводится к тому, что промышленное освоение Южной Якутии наряду со значительным отторжением земель для ведения традиционных занятий эвенков обусловило интенсивное загрязнение территорий традиционного природопользования, что значительно ухудшает условия жизнедеятельности кочевых родовых общин. Происходит значительный подрыв самой основы жизнеобеспечения коренных народов, что может иметь отрицательные последствия неминуемой деформации их самобытного хозяйства и этнической культуры (включая язык), а также постепенный отход от традиционного образа жизни. Часть экспертов придерживается более жёсткой позиции, которая означает, что современная индустриализация разрушает их уникальную, создаваемую на протяжении веков культуру, основанную на гармоничном взаимодействии человека и хрупкой природы, тем самым существует угроза исчезновения самих эвенков, как неотъемлемой части мировой цивилизации.

Критическое отношение населения к проблемам традиционных отраслей Севера, особенно в части земельно-имущественных отношений, укрепления материально-технической базы родовых общин и других форм осуществления хозяйственной деятельности является следствием общей обеспокоенности населения институциональными реформами и показателем ощущения нестабильности в аборигенном сообществе.

Как показывает анализ данных, внутри родовых общин и между отдельными родовыми общинами наблюдается значительная дифференциация в уровне жизни по таким показателям, как обеспеченность материально-техническими средствами (средства передвижения: снегоходы «Буран», вездеходы, автомашины; средства связи; наличие охотничьих избушек и баз оленеводов на маршрутах кочеваний), стационарным жильём в посёлках и пр.

Нами выявлено, что существует прямая зависимость материального достатка и модернизации родовых общин от целого комплекса взаимосвязанных параметров. К ним относятся: число членов родовой общины, площадь предо-

ставленных во владение земель, место расположения и качество оленьих пастбищ и охотничьих угодий, наличие кровнородственных связей (не только внутри общины, но и за пределами), уровень образования её членов, умение налаживать контакты во властных структурах на уровне поселения, наслега, района.

Результаты исследования показывают неоднозначный характер взаимодействия власти, бизнеса и аборигенного сообщества в вопросах модернизации традиционных отраслей Севера. Наряду с положительными явлениями (налаживание партнерских отношений при очаговом характере промышленно-хозяйственного освоения территорий традиционного природопользования; возрождение национальной культуры, повышение этнического самосознания, высокий уровень этнической толерантности, фрагментарное восстановление отдельных видов традиционных отраслей) - наблюдаются тенденции негативного характера. Снижение уровня и качества жизни основной массы аборигенного населения вызвало ухудшение физического и социального состояния, что детерминирует запоздалое внедрение процессов социальной модернизации в условиях ведения традиционного образа жизни.

Литература

1. Горшков М.К. Российское общество как оно есть (опыт социологической диагностики). М.: Новый хронограф, 2011. 672 с.
2. Баишева С.М., Донской Р.И., Константинова Т.Н., Сосин П.В., Тобуков П.З., Томаска А.Г. Этносоциальная адаптация коренных малочисленных народов Севера Республики Саха (Якутия) / отв. ред. К.Б. Клоков. Новосибирск: Наука, 2012. 363 с.
3. Баишева С.М. Воздействие строительства Канкунской ГЭС на окружающую среду: оценка аборигенов Южной Якутии // Арктика и Север. Архангельск, 2011. №4. С.135-153.http://narfu.ru/aan/article_index_years.php?ELEMENT_ID=23558
4. Баишева С.М. Эвенкийская семья в условиях промышленного освоения: результаты этносоциологического исследования в Южной Якутии // Северо-Восточный гуманитарный вестник. Якутск, 2011. №1(2). С. 102-105.

**АЛЕКСАНДРА БАЛИКА,
ЗЛАТИСЛАВА БАЛИКА**

КОЛЛЕКТИВНАЯ ПАМЯТЬ КАК ЕДИНСТВО СОЗНАТЕЛЬНОГО И БЕССОЗНАТЕЛЬНОГО В ЭПОХУ СОЦИАЛЬНЫХ ПРЕОБРАЗОВАНИЙ

В эпоху серьезных социально-политических изменений в обществе возрастает роль сознательной и бессознательной коллективной памяти народа. Бессознательная коллективная память (коллективное бессознательное) есть «родовая память человечества; она присуща всем людям и передается по наследству. Коллективное бессознательное «содержит все аспекты человеческой природы – свет и тьму, красоту и безобразное, добро и зло, мудрость и

глупость» [6, 131-133]. Оно – и источник жизненных сил, творческой энергии, и прародитель «демонов души». Его структурными элементами являются архетипы (прообразы) – всеобщие, априорные поведенческие программы. По мнению К. Юнга, архетипы оказывают мощное воздействие не только на поведение индивидов, но и на события человеческой истории [6; 7]. Мы различаем три вида архетипов: прообразы субличностей, перечисленные К. Юнгом (Самость, Тень, Персона, Анима и Анимус), прообразы социальных ролей (Герой, Великий Отец, Великая Мать, Палач, Предатель и т.д.) и прообразы событий (Грехопадение, Суд, Апокалипсис, Рождение, Смерть и т.д.) [1; 2].

Во времена значительных социальных перемен архетипы в разных формах оживают и начинают оказывать влияние на все стороны общественной жизни. Происходящие события осмысливаются современниками и остаются в сознательной памяти индивидов и всего народа. Эти события фиксируются и в коллективном бессознательном народа, т.е. в коллективной бессознательной памяти, которая сохраняет в себе новый позитивный и негативный социально-политический опыт. От особенностей происходящих перемен зависит, какие архетипы и в каких формах будут проявлять себя в конкретной ситуации. Кроме того, формы пробуждения архетипов определяются специфическими чертами различных социальных субъектов: расы, народа, нации, поколения, класса, социальной группы и т.д. [6]. Для понимания механизма оживления архетипов и выяснения их роли в социально-политической жизни общества необходимо различать: 1) сам архетип как универсальную модель бессознательной психической активности (архетип инвариантен); 2) архетипические проявления как результат совместной работы сознания и коллективного бессознательного (в культуре и в различных видах поведения социальных субъектов); 3) идеологические формы интерпретации архетипа, представленные различными политическими силами общества; 4) объективные условия активизации данного архетипа. В зависимости от конкретной ситуации архетипические представления различных индивидов, социальных групп и народа, а также идеологические формы интерпретации архетипа различными политическими силами могут адекватно или же неадекватно выражать соответствующий архетип, что будет проявляться в различных видах и формах социальных действий. Архетипические проявления и идеологические формы интерпретации этого архетипа могут также соответствовать или не соответствовать объективным условиям активизации данного архетипа. Возможны и противоречия между архетипическими представлениями различных социальных субъектов и идеологическими формами интерпретации архетипа различными политическими партиями.

Существуют различные катализаторы пробуждения архетипов. Прежде всего, к ним относятся экономические и социально-политические факторы. Именно они приводят к активизации тех архетипических программ, которые необходимы для выживания данной цивилизации. Во время войны становится основным архетип Героя, во время реформ – архетип Новатора и т.д. Другим важным фактором является воздействие на массы политического лидера и средств массовой информации – спомощью ораторского мастерства, символов, произведений искусства. Особенность нашей эпохи в том, что наряду с из-

вестными методами широко используются новейшие психотехнологии. Воздействие на массы становится не менее сильным, но более изощренным. На смену физическому уничтожению инакомыслящих приходит информационная война [3; 4].

Какие же архетипы имеют определяющее значение для современного общества? Если использовать классификацию К. Юнга, то в настоящее время многие люди находятся под сильным влиянием архетипов Персоны и Тени: Персоны – потому что ради выживания людям часто приходится носить маски; Тени – потому что социально одобряемым порой становится поведение, которое раньше считалось предосудительным, нарушающим общечеловеческие нормы. Бывает так, что человек дает волю теневой стороне своей натуры не столько по зову души или под напором инстинктов, сколько «по расчету»: добиться материального благосостояния, обрести власть, стать успешным и процветающим, завоевать популярность. Если же рассматривать не прообразы субличностей, а прообразы социальных ролей, то можно заметить, что архетипы Героя и Звезды в современном обществе воплощаются порой в крайне неадекватной форме. Нередко признание получают люди, поведение которых имеет отрицательную социальную направленность (либо их заслуги абсурдно диспропорциональны их популярности). В то же время немало и тех, кто действительно является живым воплощением этих архетипов. Но они в большинстве случаев не получают заслуженной награды – ни моральной, ни материальной. Ведущим в нашем обществе становится архетип Купца, который может играть позитивную роль в развитии экономики. Но, к сожалению, сейчас активизируется темная сторона этого архетипа, которая находит отражение в вульгарном утилитаризме. Итак, эпоха преобразований характеризуется усилением влияния коллективного бессознательного на поведение масс и индивидов, распространением различных неадекватных форм воплощения архетипов, противоречием между сокровенным содержанием архетипа и его идеологической интерпретацией. Одна из важнейших задач, которая стоит перед нашими учеными и политиками, – это создание новой национальной идеи, которая смогла бы вдохновить многомиллионное население России. Такой идеи, которая способствовала бы раскрытию архетипа Самости. Данный архетип на уровне личности означает ее самореализацию, а на уровне общества – создание наиболее гармоничной социально-политической системы.

Литература

1. Балаика З.С. Роль архетипов в политической жизни общества // Клио: Журнал для ученых. СПб., 2011. №1(52). С. 11-13.
2. Балаика З.С. Великая Отечественная война: пробуждение архетипов // Клио: Журнал для ученых. СПб., 2011. №4. С. 86-88.
3. Зыкин Д. Власть. Элита. Народ. Подсознание и управляемая демократия. М.: Эксмо, 2008.
4. Кара-Мурза С.Г. Манипуляция сознанием. М.: Эксмо, 2007.
5. Нойманн Э. Глубинная психология и новая этика. СПб.: Азбука-классика, 2008.
6. Юнг К.Г. Проблемы души нашего времени. М., 1994.
7. Юнг К.Г. Психология бессознательного. М., 1994.

8. Юнг К.Г. Комментарий к «Гайне Золотого Цветка»// О психологии восточных религий и философии. М., 1994.

АНДРЕЙ БАРАНЕЦКИЙ

СОЦИОЛОГИЧЕСКОЕ И ГЕОПОЛИТИЧЕСКОЕ ЗНАЧЕНИЕ МОДЕРНИЗАЦИИ ТЕСТОВ НА КРЕАТИВНОСТЬ

Практически на всей планете наблюдается исчезновение неграмотных, необразованных людей в политических элитах. Если в начале XIX века ещё встречались уникалы, типа зулусского «императора» Чаки, то уже к началу XX века всё шире практикуется исключение людей без высшего образования из политических элит. Становится невозможным игнорировать интеллектуальное неравенство людей. Есть предыстория изучения, - как интеллекта, так и креативности. Здравый смысл и общенаучный кругозор подсказывают, что судьба государств с низким уровнем креативности и интеллектуальной инициативности политической элиты предрешена и незавидна.

Казалось бы, лидеры государств должны быть что называется «кровно» заинтересованы в изучении человеческих качеств и психологических особенностей тех 100 или 1000 человек, которыми они непосредственно руководят. Но будет ли «избранная тысяча» лиц, принимающих решения сама себя изучать и поднимать свой интеллектуальный уровень? В историческом прошлом власть имущие позволяли себе отдых чаще, чем заботы об интеллектуальном росте, но текущий век показывает, что геополитические манипуляции становятся тотальными. Чтобы применять политическую технологию завтра более эффективно, чем вчера, надо наращивать как уровень интеллекта, так и уровень креативности. Иначе политическая элита соседней или заокеанской цивилизации поможет конкурентам или оппозиционерам взять власть и отстранить от оной старую политическую элиту. Поэтому появление новых открытий, касающихся изучения психологических, педагогических и социологических реалий на наших глазах становится более значимым событием, чем некогда создание ядерного оружия. Понимание состояний ГОТОВНОСТИ глубже всех в мире изучил советский психолог Д.Н. Узнадзе. Он, конечно, исследовал элементарные установки, но это говорит об основательности, а не о том, что социолог вправе игнорировать категорию установки в процессах постижения отношений власти и отношений к власти. Понятие установки и понятие готовности особо важны для модернизации концепции человеческой креативности. Сущность креативности – в обеспечении динамичной и устойчивой системы установок по отношению к предмету творчества.

Многие достижения психологов и педагогов не были нацелены на политические цели непосредственно. Их ракурс и их дискурс вне социологии и вне политологии. Поэтому геополитическое значение их не очевидно. Это педагогические системы А.С. Макаренко, В.А. Сухомлинского, В.Ф. Шаталова, и даже опыт детского дома-интерната в Загорске под Москвой. Это наследие классиков советской психологии Л.С. Выготского, П.Я. Гальперина, Д.Н.

Узнадзе, и ныне здравствующего Василюка Ф.Е («Психология переживания»). Много обещает и опыт переосмысления достижений западного психоанализа среди учёных Восточной Европы, этим занимаются десятки профессоров, и не случайно. Есть и основательные культурологические исследования «анти-достижений» человека с «нашим» складом души или, как теперь принято говорить, – «нашим» менталитетом. Так, становится понятнее судьба талантливых аутсайдеров в социуме господствующего нарциссизма власть имущих при чтении исследования феномена нарциссизма власти. Такое исследование предприняли А.К. Шевченко и А.О. Маклаков в работе «Непристойные наслаждения» [3]. Этот опыт важен тем, что он показывает: технологически может оказаться, что быстрее и эффективнее можно модернизировать методы изучения низкого уровня креативности и низкого уровня нравственной культуры. Особенно если они сочетаются с невысоким уровнем интеллекта.

Социология морали в странах Восточной Европы как наука известна только узкому кругу профессионалов, о широком использовании и форсированном развитии этой дисциплины мысли вообще вопросы не ставятся. Хотя есть предложение о соединении социологии морали с некоторыми методами культивирования и изучения философской культуры субъекта и создании СОЦИОЛОГИИ НРАВСТВЕННОЙ КУЛЬТУРЫ [1].

Об этом вопросе не ставят ни СМИ, ни политики.

А в бытность свою Президентом России Д. Медведев публично подчёркивал, что для судьбы России важнее всего форсировать технические науки, при этом сделал оговорку – считает так, хотя сам он юрист. Вероятно, ни в Правительстве России, ни в Правительстве Украины никто никогда не занимался мониторингом геополитического значения всех научных исследований. Можно предположить, что геополитическое значение, вероятно, раз и навсегда приписали только ядерной физике.

Кто воспользуется возможностью видеть пропасть между бездарными и талантливыми людьми? Какой политический режим в какой стране? Советского психолога Л.С. Выготского (он умер в 1937 г.) в качестве гения «переоткрыли» психологи США в 1982 г. При этом советские профессора психологии чтят память о нём как об учителе и корифее нашей науки всегда. НИИ педагогики великого педагога В.А. Сухомлинского создан и работает в современном Китае, но не на Украине, где его тоже многие помнят и чтут.

Данная публикация представляет собой попытку сделать публичной информацией о том, что для успехов в геополитических играх нового века социология с психологией будут играть существенно более весомую роль, чем физика, химия и биология вместе взятые. «Кадры решают всё», а утечка мозгов и качество кадрового состава правящей элиты предопределил та цивилизация, которая соединит достижения психоаналитических изысканий с исследованиями человеческих способностей советскими психологами и педагогами XX века.

Глобальные социальные проекты может разработать и предложить не всякая цивилизация и не всякая политическая элита. Но если она на это способна, то её влияние и силы возрастают многократно. Сущность оружия в том, что это инструмент для пресечения деструктивных инициатив диких, нециви-

лизованных субъектов. Главное геополитическое оружие – это не то, что делали на военных заводах оружейники XX века, а глобальные социальные проекты. Есть критерии их оценки [2] и перспективы модернизации.

Литература

1. Баранецкий А.Н. О необходимости создания социологии нравственной культуры // Этничность и власть: новая геополитическая карта Европы и проблема безопасности в Черноморско-Каспийском регионе. Материалы VIII междунар. семинара 21-23 мая 2009 г., г. Ялта / под ред. Т.А. Сениошкиной. Севастополь: ЭКОСИ–Гидрофизика, 2010. С. 280.

2. Баранецкий А.Н. Перспективы понятия о ноосфере в контексте практики переосмысления глобальных социальных проектов // Современное гуманитарное образование: концепция ноосферы В.И. Вернадского в контексте информатизации мира: материалы междунар. науч.-практ. конф. 23 апр. 2013 г. / Под общ. ред. И.Н. Воронина, Н.В. Крюковой. Симферополь: ИТ «АРИАЛ», 2013. 276 с.

3. Маклаков А.О., Шевченко А.К. Непростойные наслаждения. Киев: СПД Моляр С.В., 2010. 412 с.

АНДРЕЙ БАРАНЕЦКИЙ

ЛОГИКА ЦЕННОСТНОГО ОТНОШЕНИЯ – ОСНОВА СОЦИАЛЬНО ЗНАЧИМОЙ ИНИЦИАТИВЫ

Цель доклада – рекомендовать коллегам при осмыслении проблем конференции и путей их решения использовать практику обращения к логическим основаниям аксиологии, так как логичность ценностного отношения имеет иное качество, чем логика познавательного или властного отношения.

Структура доклада:

1. Для актуализации опорных понятий предлагается вспомнить о т.н. «веберовском ренессансе» конца XX века. Макс Вебер принадлежит к числу тех добросовестных критиков марксизма, которые не игнорировали детерминацию законов политической жизни законами экономической жизни. Вебер искал те закономерности, которые бы включали в себя любые законы бытия экономической реальности. То есть Вебер искал то, от чего зависит сама эволюция экономических систем. В его трудах справедливо указывается, что детерминантами экономического бытия являются особые ценности или системы ценностей. Понять эти ценности предлагалось через исследование особенностей религиозного бытия. После Вебера стали употреблять выражения «экономика конфуцианского типа», активизировались исследования трудовой этики протестантизма, - с ней Вебер связывал так называемый «дух капитализма». В ряде публикаций 2007–2014 гг. автор данного доклада предлагает общие закономерности, которые искал Макс Вебер называть «ЛОГИКОЙ ЦЕННОСТНЫХ ОТНОШЕНИЙ». Предлагается допустить, что эти закономерности являются как логическими основаниями аксиологии, так и обобщённой детерминантой экономической, религиозной, культурной жизни.

2. В контексте сказанного внимание к ценностям при анализе «конфликтов ценностей в условиях конкуренции идеологий» (тема конференции) представляется в высшей степени верным в методологическом отношении подходом. При этом сами ценности стоит рассматривать не как неизменную данность, а как живую реальность, итог творчества, инициативности и культивирования. В общественном сознании можно встретить как уверенность в том, что кроме высших ценностей вся временная реальность вообще находится вне логики ценностного отношения, так и уверенность в противоположном, - что любые ценности и святыни – временны и преходящи. Очевидно, что поиск логических оснований ценностного отношения исключает эти крайности, требует уважать как временное, так и вечное, требует мыслить реальность во всём богатстве возможных смысловых связей.

3. Для построения логики ценностных отношений предлагается признать как существование маленьких, «микроскопических» и игнорируемых ценностей, так и неустрашимый факт наличия таких ценностей в реальности бытия. Сама дефиниция ценности, как явления вечного и беспредельного во временном и предельном устраняет возможность игнорировать как реальность вечного, так и важность малого, конечного, предельного, временного. Такая дефиниция ценности составляет отправную точку для построения всей логики ценностных отношений. Уже более ста лет идёт бурная математизация всех знаний о субъективной реальности, об обществе и человеке. То есть социальные и гуманитарные дисциплины мысли требуют снова и снова ставить вопросы о мере, о количестве, об измеримости. Соответственно, - можно ставить вопрос о мере явленности вечного во временном или беспредельного в предельном. Объективным ответом на вопрос о такой мере оказывается приговор истории, которая требует хранить и возрождать ценности человеческого и творческого наследия, требует покончить с рецидивами бесчеловечного и контрпродуктивного отношения.

4. Резонно предполагать, что логика ценностных отношений противоположна логике бесчеловечных и контрпродуктивных, асоциальных и бесхозяйственных отношений. Волонтаристская реализация властных полномочий, резкий рост влияния СМИ на избирательное культивирование сомнительных ценностных отношений могут быть иллюстрацией эффективной подмены и фальсификации логики ценностных отношений. Когда под предлогом защиты ценностей в обществе начинаются те или иные вооружённые конфликты, войны, то простая тщательная констатация и документирование хода событий вскрывает множество сюжетов логики ценностных отношений. Её магистральные сюжеты – наращивание и снижение, девальвация. В условиях любых войн – экономической или информационной, быстро растёт число уничтожаемых и игнорируемых ценностей. Расцвет, подъём, рост общества – это итог роста ценностного отношения.

Основные положения и выводы.

Мы стали современниками особого типа комплексной войны, когда СМИ, финансируемые из далёких и близких зарубежных центров, распространяют у людей навязчивые неврозы, психозы и истерические реакции на заданные информационной войной символы предписанных ценностных отношений.

Предписанные и навязанные ценности в условиях такой – можно её назвать психоделической информационной войны, вводятся в жизнь людей вместе с истериками, навязчивыми неврозами и устойчивыми психозами. Системное культивирование акцентуаций оказывается не менее опасным оружием. Когда миллионы людей вводятся в состояние хронической антипсихотерапевтической контрпродуктивной невротизированности, - кто из них может говорить или мыслить о мере вечного во временном? Очевидно, что явные и скрывааемые психозы, неврозы, истерики делают бесчеловечность даже жизнь «сытого меньшинства». А как живётся тем, кто не сводит концы с концами? Их жизнь даже в СМИ как ценность и предмет интереса – игнорируется. Логика игнорирования ценностей жизни скромного человека – это тоже логическое основание понимания ценностных отношений.

В истории обычно общий рост ценностного отношения к бытию был заметен после больших побед, после гражданских войн и революций, после глубоких и масштабных реформ. Все эти процессы можно назвать общим подъёмом инициативности граждан. Рост экономики и рост числа разнообразных масштабных проектов обычно хорошо отражался в академической исторической литературе. Так, современные СМИ очень редко пишут об эпохе НЭПа, а ведь она дала образцы преодоления множества конфликтов, реализовала великие прорывы в обновлении всей структуры общества, науки и культуры. Ни на одном континенте XX век не знал столь быстрого роста промышленности, науки, творчества новых форм культуры. Как шла трансформация ценностных ориентаций людей в годы НЭПа? Благодаря каким ориентирам они смогли сделать всё, что сделали? Предположим, что прежде всего – благодаря высокой мере социального согласия, социального единения и социального доверия. Эти характеристики социального быта могут быть изучены социологией.

В веке текущем достижение гармонии ценностных отношений вполне может сопровождаться обновлением отношения к креативности. Платформой для общественного согласия вполне может стать обновление центра внимания религиозных и политических идеологических установок. Так, слова Христа для мусульман – это слова святого Исы, то есть добрые мусульмане могут принять их во внимание. Например – слова о том, что таланты даны каждому. Например – что ждёт участь раба тех, кто зароем талант в землю. Познание истины также может быть в центре христианской и исламской морали. Такое смещение мировоззренческого акцента хорошо сочетается с умонастроениями заботливых родителей в современном мегаполисе, которые пекутся о поиске талантливости у своих детей. Педагогические проекты вполне могут быть поддержаны религиозными идеологиями. Что же касается социал-демократов и коммунистов, то у них есть множество причин поставить в центр своей заботы противопоставление креативного и реакционного, бездарного и талантливого. Таким образом, - общественное согласие неотделимо от логики ценностных отношений как способе достижения гармонии ценностных отношений. Это согласие, эта логика и эта гармония - общая платформа для разработки и реализации общесоциального проекта о благополучном жизнеустройстве.

**КОНФЛИКТНОСТЬ УКРАИНСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ И
КОНСТРУИРОВАНИЕ ИДЕНТИЧНОСТИ НОВОРОССИИ:
ОСНОВНЫЕ ИНДИКАТОРЫ**

В Украине устойчиво проявляются идентификационные размежевания, вызванные отсутствием исторических оснований государственного единства. Неудача конструирования национальной идентичности на этнократической основе стала весомым фактором дезинтеграции украинского государства в ходе кризиса и гражданской войны 2013–2014 гг.

Цель тезисов – установить, какие индикаторы общественного мнения выражают конфликтность украинской идентичности и тенденции конструирования конкурирующих проектов, в частности, идентичности Новороссии. Эмпирическая основа работы включает статистику переписи населения 2001 г. и голосований на выборах в Украине, опубликованные итоги анкетных опросов.

Прочная украинская идентичность и в государственном, и в этнокультурном смысле не сформирована. Вряд ли она может быть закреплена на основе ориентаций, присущих только Западу страны. По итогам анкетного опроса 2002 г., 37% респондентов на первое место ставили региональную, а не общенациональную идентичность [1, с. 134]. В другом опросе 2002 г. с более дробной шкалой ответов считали себя, прежде всего, гражданами Украины 41,0%; жителями своей местности – 31,6%; гражданином СССР – 12,7%; жителями региона – 5,9%; представителями своего народа – 3,0%; «гражданином мира» – 2,7% [2, т. 2, с. 343]. Данные долгосрочные факторы делают Украину «глубоко расколотым» обществом.

Преобладающий фактор расколов идентичности – языковой. Украинское общество расколото примерно пополам по приверженности государственному языку в повседневном общении. По анкетному опросу 2004 г. (Киевский международный институт социологии), в семье 45% жителей страны говорит по-украински, 10% - на обоих языках, 45% - на русском [3, с. 89]. В западных областях считают украинский язык родным практически все респонденты (свыше 95%); в центральных областях и Киеве – половина опрошенных; на Востоке и Юге предпочитают русский язык.

Важный аспект – мнение респондентов о статусе русского и украинского языков. В 2002 г. считали, что украинский язык – единственный государственный, а русский – лишь бытовой (язык национальных меньшинств) 74,5% жителей западных областей; 44,3% - центральных; 17,7% - восточных и 14% - южан (по данным Центра экономических и политических исследований им. А. Разумкова [4, с. 219]. С государственным статусом обоих языков соглашались 53,3% южан, 55,3% жителей восточных областей, 30,2% в центральных областях и 7,9% - в западных. Судя по опросу 2006 г., во всей Украине поддерживали статус русского языка как второго государственного 56,2% респондентов; против выступали 35,9% [1, с. 134]. Судя по анкетному опросу, проведенному Центром региональных исследований и стратегий, на юге Украины весной 2011 г. доля считающих родным языком русский достигал 95-97%, а вы-

ступали за русский язык в роли регионального 43%, второго государственного – 41% респондентов [5].

Эскалация конфликта идентичностей отчетливо началась с лета 2012 г. в связи с принятием закона Украины о региональных языках. Опрос Центра им. А. Разумкова (27 июля – 9 августа 2012 г.) во всех регионах (репрезентативная выборка 10979 чел. старше 18 лет, погрешность 1%) выявил различия идеологических и партийных ориентаций. На Западе доминировала националистическая приверженность (29%). В Центре – равенство националистической (15%) и социал-демократической (13%) приверженности. На Юге и Востоке преобладала поддержка союза с Россией (14%) и коммунистических идей (8-9%). Среди сторонников Партии регионов – наибольший уровень желающих воссоединения с Россией (22%) [6, с. 60-61].

Киевский международный институт социологии накануне падения власти В.Ф. Януковича и Партии регионов провел опрос 8-18 февраля 2014 г. (выборка 2032 чел. старше 18 лет во всех областях Украины и Крыму, погрешность не более 2,2%). 30% в качестве основной причины конфликта указали «влияние Запада, стремящегося втянуть Украину в орбиту своих политических интересов». Но мнения резко дифференцированы по регионам: на Востоке и Юге так считали 57% и 44%, в Центре и на Западе – 17% и 5%. Наибольший удельный вес тех, кто симпатизировал участникам «Евромайдана», в Западном (80%) и Центральном регионах (51%). На Юге 20% симпатизировало участникам силового давления на власть. Меньше всего их в Восточном регионе – 8% [7].

Представляет большой интерес анкетный опрос, проведенный в июне 2011 г. Центром региональных исследований и стратегий (г. Одесса) в Николаевской, Одесской и Херсонской областях, Автономной Республике Крым (АРК) (гнездовая пропорциональная выборка 2500 чел., погрешность 3%). Гражданами Украины, в первую очередь, считали себя 46% респондентов, своего города или местности – 31%, области или группы областей – 10%, гражданином СССР – 9%. Но данный баланс сильно различался по 4 регионам: в АРК и на Херсонщине гражданами Украины считали себя 37-38%, а в Николаевщине – 66%. Очевидна зависимость распределений от этнической идентичности. Считали себя русскими 62% крымчан, 24% жителей Одесской области, 18% херсонцев и 14% жителей Николаевской области. Причём гражданская идентичность преобладала у 68% украинцев и лишь у 26% русских в 4 регионах. Установлена прямопропорциональная зависимость между уровнем приверженности Украине и поддержкой прозападной геополитической ориентации [8, с. 272-273, 282-283].

Анкетный опрос 10-15 апреля 2014 г., проведенный Киевским международным институтом социологии в 8 областях Юга и Востока страны (выборка 3232 чел., погрешность 1,8%), доказал резкое размежевание внутри макрорегиона [9]. Отчетливо выделяются Донецкая и Луганская области, где в 1,5-2 раза была ниже признание легитимности захватившей власть 22 февраля режима. Респонденты из этих областей видели решение проблем в федерализации Украины и тесном сотрудничестве с Россией. От 58,1 до 62,9% жителей Донбасса поддерживали воссоединение Крыма с РФ (в целом по Югу и Восто-

ку был характерен паритет: за реинтеграцию 43,0 при 44,3% против). Если в целом в 8 областях Юга и Востока считали «Евромайдан» оправданным протестом 41,7%, то в Донецкой и Луганской областях – соответственно, 20 и 26,8%. Далее по нарастаю поддежки «Евромайдана» последовательность такова: в Запорожской области – 43,7%, Харьковской – 47,5%, Одесской – 50,1%, Днепропетровской – 54,5%, Николаевской – 60,3% и Херсонской – 61,9% [9]. Донбасс отчетливо выделялся неприятием нового режима. Небольшой перевес прозападных ориентаций выражен в Запорожской, Харьковской и Одесской областях. Отчетливо преобладала поддержка нового режима в Днепропетровской, Николаевской и Херсонской областях.

Данные тенденции проявлялись и по иным индикаторам идентичности в опросе 10-15 апреля 2014 г. Так, считали для себя главной угрозой «вторжение России» 6,4% респондентов в Донецкой области, 10,7% - в Луганской и, на контрасте, 36,2% - в Николаевской и 42,7% - в Херсонской областях [9]. Именно в Донецкой и Луганской областях – наивысший процент опрошенных, которые считали, что «Россия справедливо защищает интересы русскоязычных граждан на Юго-Востоке». Эти регионы резко выделялись поддержкой гипотетического ввода российских войск, экономических и политических ориентаций на Россию, а не на Евросоюз и США. Только в Донбассе потенциальная угроза со стороны киевского режима оценивалась как более весомая, чем со стороны РФ. Индикаторы позиционирования сообществ Донбасса носят отчетливый антиолигархический характер.

Сделаем выводы. Украина – «глубоко расколотое» общество. Отсутствует устойчивая национальная идентичность большинства граждан. Устойчиво проявляются долгосрочные социокультурные размежевания: центр – периферия (с преобладанием локальной идентичности), город – село, религиозность – секулярность, русскоязычные – украиноязычные территории. Пространственное распределение расколов совпадает, усиливая их конфликтотенный потенциал. Общепринятое в научной литературе идентификационное деление Украины на отчетливо выраженные Запад, Центр, Юг и Восток неполно соответствует реальности. Речь должна идти о центрах («ядрах» ареалов) и об их перифериях, переходных от одного ареала к другому [10]. Ярко выражены этнокультурные лакуны, индикаторы идентичности в них значительно отличаются от окружающего ареала (Закарпатье, Киев).

Политический кризис 2013–2014 г. сделал необратимым рост русской этнической и российской государственной идентичности в Республике Крым и г. Севастополе. Более сложные процессы идут в Донбассе вследствие гражданской войны. Вероятно критическое ослабление украинской идентичности и рост региональной – новороссийской, если эти процессы не будут прерваны этноцидом и депортациями со стороны киевского режима. В остальных 6 областях Юга и Востока отчетливо выражен конфликт субкультур, но режим владеет инициативой в конструировании идентичностей. Наибольшая приверженность этнонациональной украинской идентичности проявляется в Херсонской, Николаевской и Днепропетровской областях, относительно меньшая (по убыванию) – в Запорожской, Одесской и Харьковской областях. Это создает значительные исходные препятствия для конструирования идентичности Но-

вороссии как единого исторического и политико-культурного пространства. Нарастает размежевание областей Украины по индикаторам выбора между европейской и евразийской интеграцией, отношения к государственному перерыву.

Литература

1. Попов Э.А. Наступление на русский язык на Украине: до и после «оранжевой» революции // Современные политические процессы на Украине. Ростов н/Д, 2009. С. 134.
2. Кремень В.Г., Табачник Д.В., Ткаченко В.М. Україна: проблеми самоорганізації. Київ, 2003. Т. 2. С. 343.
3. Марков С.А. «Оранжевая революция» - пример революции глобального сообщества // «Оранжевая революция». Украинская версия. М., 2005. С. 89.
4. Мальгин А.В. Украина: соборность и регионализм. Симферополь, 2005. С. 219.
5. Мартынюк В. Точку в вопросе единения России и Украины ставить рано! Режим доступа: <http://www.km.ru/ukraine/2011/07/01/istoricheskoe-edinstvo-rossii-i-ukrainy/> (дата обращения: 06.07.2011).
6. Інформаційно-аналітичні матеріали «Парламент і парламентські вибори в Україні 2012 р.: політична ситуація, суспільні настрої та очікування (робоча версія): до круглого столу на тему «Україна напередодні парламентських виборів: чи справляться очікування громадян». 26 вересня 2012 р. Київ, 2012. С. 60-61.
7. Отношение жителей Украины и России к событиям в Украине. Режим доступа: <http://www.levada.ru/03-03-2014/otnoshenie-zhitelei-ukrainy-i-rossii-k-sobytiyam-v-ukraine>(дата обращения: 06.03.2014).
8. Князева Е.В. Самоидентификации населения Южноукраинского региона: «неукротимость примордиального» // Социальные идентичности в динамике институционального и самоорганизационного. Одесса, 2013. С. 272-273, 282-283.
9. Мнения и взгляды жителей Юго-Востока Украины: апрель 2014. Режим доступа: http://zn.ua/UKRAINE/mneniya-i-vzglyady-zhiteley-yugo-vostoka-ukrainy-aprel-2014-143598_html(дата обращения: 11.05.2014).
10. Григорьянц В.Е., Жильцов С.С., Ишин А.В., Мальгин А.В. Федерализация Украины: к единству через разнообразие. М., 2012.

АНДРЕЙ БАРАНОВ

ПОЛИТИКА ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ КАК КОМПОНЕНТА КОНСТРУИРОВАНИЯ РОССИЙСКОЙ ГРАЖДАНСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ (ПО МАТЕРИАЛАМ СЕВЕРНОГО КAVKAZA)

Политика идентичности применяется для конструирования в общественном сознании, политических институтах и практиках, законодательстве единого сообщества – гражданской нации. Гражданская идентичность формируется в качестве системы ценностей, ориентаций, установок, в т.ч. – исторических. Гражданская идентичность не исключает этнические и религиозные идентичности, а согласуется с ними в русле толерантности и демократических норм.

Для упрочения российской идентичности базовым институтом является система образования. Прежде всего, значимы исторические науки, формирующие позитивную идентичность. Необходимо выработать понимание истори-

ческого процесса, при котором каждый гражданин, представитель каждого народа чувствовал бы себя наследником «одной для всех» истории России [1]. В этом контексте важно ориентировать педагогическое сообщество на раскрытие неуклонного становления российского полиэтничного общества, в которое внесли позитивный вклад все регионы, этнические группы, конфессии Северного Кавказа. Принципиальной должна стать установка образовательного процесса: на Северном Кавказе нет «титულных» и «пришлых», «жертв истории» и «палачей», а есть сообщество равноправных граждан России, устремлённых в будущее, находящих в памяти о прошлом конструктивные идеи и ориентиры.

Увы, в средней и высшей школе макрорегиона слабы усилия по преодолению межэтнической и конфессиональной вражды, а нередко и преобладают деструктивные оценки прошлого, усиливающие раскол исторической памяти поколений и этноконфессиональных групп. «Национальная» история, навязанная системе образования в республиках после распада СССР, превращает историю в трагедию с коллективной ответственностью за прошлое живущих поколений, раскалывает полиэтничное и поликонфессиональное общество [2, с. 101-102; 3, с. 128-166]. Укреплению российской идентичности на Северном Кавказе препятствует этноцентристская политика элит в сфере образования и культуры, формирующая конфликтное восприятие событий истории (Кавказской войны, мухаджирства, депортаций 1943–1944 гг. и др.). Идёт информационная война между сторонниками российского единства и изоляции Северного Кавказа. Это чревато ростом угроз сепаратизма. С учётом традиционализма Северного Кавказа на первый план выдвигается проблема содержания исторического образования, определения модальности оценки событий прошлого. Историческое образование не должно раскалывать молодёжь и общество по идеологическому, этноязыковому либо религиозному признаку. История не может быть предметом стыда и мести, а должна стать фактором реинтеграции российского общества, признания его «единства во многообразии».

Позитивным выходом из кризиса идентичности станет, по мнению Т.П. Хлыниной, проект «исторического забвения» или «счастливой памяти», связанный с созданием принципиально иной системы образования [4, с. 104-105]. Проект исходит из необходимости изменения целей: «изучение истории в школе в определенный период жизни молодого человека избавляет его или её от необходимости оглядываться назад. От необходимости ставить вопрос о вине родителей, вине предков и вине нации» [5, с. 51].

Федеральный закон РФ №309-ФЗ в 2007 г. отменил национально-региональный компонент государственного стандарта общего (среднего) образования [6]. Введенные по закону федеральные государственные образовательные стандарты должны обеспечивать единство образовательного пространства. Но де-факто дисциплины регионального цикла продолжают сохранять весомое место в системе школьного образования Северного Кавказа. Наибольший интерес они вызывают у родителей и учащихся «титулных» этничностей.

Требуется усилить роль школ и вузов как интегрирующих центров воспитательной деятельности по формированию российской идентичности; обес-

печить соответствие учебных программ целям данной политики; внедрять инновационные проекты и программы с использованием интернет-технологий.

Региональная история должна рассматриваться как органическая часть российской. Сохраняя значение, она включается и во всемирную историю, изучаемую в контексте взаимодействия культур и призванную способствовать формированию толерантности молодежи. В школьном и вузовском курсах истории требуется найти оптимальное сочетание общероссийских закономерностей, а также региональных и локальных особенностей. Решить проблемы, по предложению Е.Ф. Кринко [7, с. 95], могла бы гибкая структура учебных курсов, включающая несколько уровней: всероссийский, региональный, местный. Содержание первого уровня представляет инвариантную часть, подлежащую аттестации как показатель выполнения федеральных стандартов, а два последних наполняются материалом в зависимости от типа учебного заведения, что обеспечивается системой подвижных «вкладышей». Система образования в поликультурном макрорегионе должна стать важным институтом воспитания толерантности и согласия, а этнические и конфессиональные различия желательно деполитизировать.

Литература

1. Председатель Правительства Российской Федерации В.В.Путин, прибывший с рабочей поездкой в Ставропольский край, принял участие в Форуме народов Юга России. Режим доступа: <http://archive.government.ru/special/docs/17843/> (дата обращения: 25.01.2012).
2. Гаджиев М.С., Кузнецов В.А., Чеченов И.М. История в зеркале паранауки. Критика современной этноцентристской историографии Северного Кавказа. М., 2006. С. 101-102.
3. Казенин К.О. Элементы Кавказа: Земля, власть и идеология в северокавказских республиках. М., 2012. С. 128-166.
4. Хлынина Т.П. Фактор общего прошлого и его возможности в развитии Южного макрорегиона // Реалии многоукладного макрорегиона: потенциал обновления и препятствия развитию. Материалы Расшир. засед. Ученого совета ИСЭГИ ЮНЦ РАН (7 февр. 2012 г.). Ростов н/Д, 2012. С. 104-105.
5. Настоящее прошлого: как обходиться с историей и памятью? Материалы коллоквиума. 19-20 июня 2008 г. М., 2009. С. 51.
6. Федеральный закон РФ №309-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части изменения понятия и структуры Государственного образовательного стандарта» (в ред. Федерального закона от 02.07.2013 №185-ФЗ). Режим доступа: <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=LAW;n=140580>
7. Кринко Е.Ф. Между любовью к «малой родине» и конструированием идентичности: учебники истории в республиках Северного Кавказа // Национализм на Северном Кавказе: исторический опыт и современные практики. Ростов н/Д, 2012. С. 82-97.

**ОБЩЕСТВЕННАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ
В КОНТЕКСТЕ ЭТНОПОЛИТИЧЕСКОЙ МОБИЛИЗАЦИИ**

В условиях глубоких политических трансформаций возникает опасность дифференциации общества по этническим признакам. Представители различных этносов, обращаясь в прошлое, воссоздают картину настоящего зачастую кардинально отличающуюся от реально сложившейся. Уровень относительной депривации, выражающейся в степени неудовлетворенности социально-экономическим положением этноса по сравнению с другими, становится значимым фактором в политической жизни общества, влияющим на консолидацию населения. Нарастающие противоречия при наличии субъективных условий (появление национальных лидеров, идей и ценностей, разделяемых этническим большинством и отличных от идей и ценностей других этносов, высокий протестный потенциал и т.д.) могут привести к этнической мобилизации, которая может иметь как конструктивный, так и деструктивный характер. Если конструктивность проявляется в активном поиске внутренних резервов для развития этноса и сотрудничестве с другими слоями общества, то деструктивность основана на поиске тех, кто мешает развитию этноса, что приводит к противостоянию сначала этнических элит, неспособных достичь компромисса, а затем – к этническому противостоянию в массовом масштабе (от бытового до национального). Таким образом, разрушается необходимая для успешной политической трансформации консолидация общества, создающая, порой, непреодолимые препятствия для эффективного решения социально-экономических и политических проблем государства.

Поэтому важным фактором консолидации населения выступает общественная безопасность, включающая в себя реализацию основных прав и свобод человека и гражданина, сохранение гражданского мира, политической и социальной стабильности в обществе. Гражданская идентичность современного российского, да и украинского общества в контексте общественной безопасности может быть рассмотрена через призму безопасности политической, рассматриваемой как «обеспечение доступа народных масс к процессам выработки и проведения в жизнь внешней и внутренней политики государства» [1, с. 30], а также недопустимость использования политики в качестве средства блокировки и подавления большинства населения. Это те проблемы, с которыми российское общество столкнулось за последний год в ходе выборных кампаний, а также в результате действий оппозиционно настроенных сил в стране, что привело к некоторой либерализации политической жизни. Однако в конце 2012–2013 гг. вновь было ужесточено законодательство в отношении политических свобод (в области СМИ, регулирования интернета, деятельности НКО, проведения митингов, действий добровольцев и независимых наблюдателей, приняты законы о клевете, оскорблении чувств верующих и т.д.). Государство публично взяло ориентир на выражение интересов большинства (без учета интересов меньшинства) и при необходимости инициировало массовые акции в свою поддержку, сопоставимые по масштабу с протестными. Анало-

гичными процессами характеризуется политическая ситуация в Украине, где в середине января 2014 г. были приняты законы, ограничивающие возможности протестных сил в полной мере использовать свое влияние на политическую ситуацию в обществе.

Исторически демократической является политика, реализуемая в интересах большинства. Однако к концу XX века на Западе стала широко распространенной практика учета интересов меньшинств с интересами большинства. Возникает некий консенсус в отношении пересекающихся интересов, которые и реализуются в повседневной практике. Правда, в XXI веке мы видим даже приоритет интересов меньшинств над интересами большинства, что приводит к протестам и дезинтеграции ряда западных обществ. Тем не менее, практика учета интересов меньшинств – этнических, религиозных, политических, идеологических и т. д. – является вполне оправданной и приводит к созданию атмосферы взаимного уважения и терпимости к инаковости.

Этническая мобилизация, основанная на различных идеологических и цивилизационных ценностях, вносит деструктивный характер в общественное развитие, так как способствует противостоянию, при отсутствии желания к сближению идейно-ценностных установок различных групп населения. В сложившихся условиях интегративный контекст общественной безопасности будет обеспечен лишь при реализации институтами гражданского общества соответствующих функций: защитой частных сфер жизни человека и гражданина от необоснованной жесткой регламентации государства и других политических структур; обеспечением прав и свобод человека; контролем за деятельностью правоохранительных органов, других силовых структур и властных институтов и т.д.

Выполнение данных функций возможно лишь в условиях демократического политического режима, когда соблюдено соотношение политических и силовых методов обеспечения безопасности. Гражданское общество при этом допускается в сферу безопасности, а трансформация политики связана с возрастающей ролью личности и общества в обеспечении безопасности, реализацией в политике государства демократических ценностей – свободы и равенства [2, с. 28-30].

Этническая мобилизация несет с собой опасности, характерные для недемократических режимов, поэтому приоритет интересов личности и общества должен быть определен в качестве государственной политики, поддержанной гражданским обществом. Способность политической власти предложить компромиссный вариант политического развития и конструктивный характер деятельности этнических элит является необходимым условием общественной безопасности в условиях этнополитической мобилизации.

Литература

1. Операции информационно-психологической войны: краткий энциклопедический словарь-справочник / под ред. А.И. Петренко. М., 2011.
2. Хардт М., Негри А. Множество: война и демократия в эпоху империи. М., 2006.

**СОВРЕМЕННАЯ ПОЛИТИКА
ГОСУДАРСТВЕННЫХ ИНСТИТУТОВ РФ В УСЛОВИЯХ
МИРОВОГО ПОЛИТИЧЕСКОГО ПРОЦЕССА**

Государственные институты, участвуя в определении и реализации государственной политики, должны учитывать тенденции мирового политического процесса: с одной стороны действуют глобальные параметры, связанные с усилением дифференциации всех сфер политической жизни, противостояние национальных моделей политических систем, требующих сохранения самобытности; с другой – существует общая тенденция интеграции человечества – глобализация. Феномен глобализации характеризуется тем, что кризисы и подъемы приобрели планетарные масштабы, влияние мировой политической конъюнктуры стало тотальным – государственные институты при формировании курса государственной политики не могут абстрагироваться от данного факта. Кроме того, необходимо учитывать, что «произошло «сжатие» географического и социального пространства, порождая серьезные социально-экономические конфликты как внутри обществ, так и на изменяющихся границах региональных систем» [8, с. 28].

Основываясь на теоретических построениях форм глобализации В.Г. Калужного [2], который удачно обобщил варианты развития и детерминирования тех или иных институтов, выделим несколько направлений развития деятельности государственных институтов в условиях современного международного политического процесса.

Первое направление связано с созданием модели наднационального государства, где будет действовать глобальный политический институт – мировое правительство, обеспечивающее подчинение всех без исключения субъектов существующим нормам. Здесь будет важным решение проблемы беспристрастного соотнесения интересов и приведение их в единый политический курс, не ущемляющий ни одного из участников. После этого необходимо обеспечить выполнение принятых решений при помощи легитимного принуждения (может возникнуть проблема акторской легитимности).

Второе направление обусловлено созданием бесполой структуры мирового порядка. В данном случае необходимо реформирование ООН, потому что данный институт является самым многочисленным и представительным форумом обсуждения разнообразных проблем человечества.

Третье направление представлено «доминированием сверхдержавы, выполняющей роль «мирового полицейского» и решающей глобальные проблемы через призму своих национальных интересов, целей и задач (чем с конца XX в. активно занимается администрация США, выстраивая однополярный мир)» [2, с.49]. Считаем, что в контексте данного сценария развития все государства столкнутся с реальной угрозой национальной безопасности со стороны НАТО. Организация НАТО уже сегодня вышла за пределы Западной Европы. Развитие ее военной инфраструктуры и тезис о том, что «Соединенные Штаты не могут подвергнуть себя риску отказа от доступа в ключевые регионы, и

поэтому будет диверсифицирован и расширен список баз, с которых могут быть начаты боевые операции» [9, р.99] свидетельствуют о стремлении к глобальному контролю и наличии реальной угрозы национальному суверенитету.

Четвертое направление состоит из так называемого кооперативного глобального управления, воплощающего идею «больших пространств» К. Шмита, предполагающую многополярный вектор развития. В данном аспекте для российской государственной политики актуально создание «большого пространства» в рамках Евразии. Исходя из этого, распад СССР негативен: «народы, населяющие наши земли, теряют возможность апелляции к сверхгосударственному арбитру, способному урегулировать или ограничить потенциальные или актуальные конфликты» [1]. Поэтому, если не восстановление «Восточного Евразийского Блока», то, по крайней мере, создание действенных региональных организаций необходимо.

На наш взгляд, наиболее приоритетным направлением является заключительное, – четвертое, т.к. для него существуют объективные тенденции (регионализм), и в отличие от третьего варианта развития, у которого также есть объективные предпосылки, последний сценарий отражает дискретный характер мирового политического процесса, проницаемость границ, взаимозависимость субъектов. В данном направлении действия государственных институтов, построены на кооперативной основе и принципах синергии.

Для этого в рамках государственной политики реализуется определенный внешнеполитический курс. Анализ политической ситуации в нашей стране после распада СССР позволяет сделать вывод, что в начале 1990-х гг. геополитический вектор был устремлен на Запад, в то время как ближе к 2000-м гг. в деятельности соответствующих государственных институтов все больше набирает обороты Евразийское направление. В 2000-е гг. на смену институциональному заимствованию западных образцов пришел успех начатым интеграционным проектам, подпитываемых идеей создания Евразийского союза [4], с инициативой которого активно выступает Россия. Исходя из этого, постсоветское пространство и региональные межгосударственные организации (СНГ, ОДКБ, ЕврАзЭС, ЕЭК, ШОС) стали приоритетным направлением государственной политики в контексте реализации российских национальных интересов.

Наряду с формами глобализации и направлениями развития деятельности государственных институтов можно выделить последовательно сменяемые тенденции мирового политического процесса, которые также влияют на характер государственной политики.

Согласно теоретической концепции Н.С. Розова, выделяется три мегатенденции. Первая мегатенденция, условно названная «вестернизацией» (ранее автор называл ее «ассимиляция») [6] связана с распространением «либертарианской и индивидуалистической идеологии», включает большинство процессов и явлений, позже названных «глобализацией». По мнению Н.С. Розова, за последние годы данная «мегатенденция, с одной стороны, значительно усилилась, с другой стороны, стала более размытой в культурно-цивилизационном плане» [5, с.37]. Данный мегатренд проявляется в стреми-

тельным развитием мирового рынка в последние десятилетия и в значительном успехе на нем «новых индустриальных стран».

Вторая мегатенденция (ранее обозначена «изоляция» [6]), по сути, протестная и изоляционистская. Она включает в себя национальные, охранительные движения, в том числе религиозного толка, а также предполагает создание союзов и блоков, направленных против вестернизации и глобализации. В России мегатренд представлен интенциями отчуждения от Запада, националистическим подъемом и антиамериканскими настроениями. Вторая тенденция не столь глобальна как первая, но пока составляет «значимую и драматическую антитезу последней» [5, с.38].

Третья мегатенденция – «многополюсное партнерство» - ориентирована на учреждение и укоренение экологических, демократических, гуманистических принципов. Эта тенденция требует «совершенно нового духовного обеспечения». Н.С. Розов указывает на ее утопичность, декларативный характер данных принципов: присутствие в программах прогрессивных партий развитых стран и отсутствие в реальной политике. Господствует первая мегатенденция, а третья, не смотря на некоторую активизацию пацифистских, правозащитных движений, создание «альтерглобализма», заметно не усиливается.

Таким образом, обозначенные мегатенденции определяют специфику мирового политического процесса и влияют на деятельность государственных институтов. В связи с этим существенное воздействие на государственную политику оказывает расстановка сил и баланс субъектов, представляющих мегатренды.

В практическом смысле, согласно данной теории, реальную угрозу может представлять господство первой мегатенденции и ее субъектов – национальных производителей эффективно действующих на мировом рынке и не имеющих особых мотивов для пересмотра сложившейся модели производства и распределения. Тотальное доминирование данного сегмента приводит к тому, что субъекты второй мегатенденции ущемлены. Это, главным образом, потребители рынка, чье производство (рассматриваемое в широком плане как материальное и духовное производство, производство услуг, идей, образования и др.) не находит спроса на рынке, плюс та часть субъектов, которая заведомо не участвует в данной системе рыночных отношений. В подобной ситуации субъекты третьей мегатенденции («прогрессивная общественность») фактически выключены из процессов обмена благами, или их роль настолько мала, что интересы попросту не учитываются.

Примечательно, что высокоразвитые общества связывают единственно возможный путь развития цивилизации именно с третьим мегатрендом. При этом два других являются его историческими, логически обусловленными, предшественниками. Только пройдя первую и вторую мегатенденции можно достичь безопасных, эффективных и, прежде всего, ответственных сетевых взаимодействий, где первая мегатенденция является мощным толчком политико-экономического развития. Согласно данному пути: «рано или поздно новые институты и практики обеспечения ответственности непременно появятся в передовых экономических державах» [5, с.45]. Поэтому, по нашему мнению, первая мегатенденция представляет опасность в статичном рассмотрении, не-

обходим правильно выбранный вектор развития – последовательный переход к третьему мегатренду.

Итак, при помощи теории мегатенденций мирового развития можно выделить специфику деятельности государственных институтов, связанную с последовательным политико-экономическим развитием: усовершенствованием материального производства, повышением значения непроизводственной сферы, усложнением и изменением характера социальных взаимосвязей в условиях мирового экономического кризиса. На современном этапе Россия движется в сторону второй мегатенденции, а, следовательно, деятельность государственных институтов определяется тем, что обнаруживается нарастание влияния государства, общественное мнение склоняется в сторону регулируемой экономики, внеэкономической поддержкой явно убыточных и неспособных к самостоятельному развитию отраслей и т.д. [7, с.83] Согласимся с выводом, что наблюдаемый финансово-экономический кризис имеет профилактическую функцию для мировой системы. Его основная причина – снижение уровня ответственности экономических субъектов. Успех решения возникающих проблем будет способствовать обеспечению национальной безопасности при помощи выработки механизмов, направленных на повышение ответственности акторов.

Мировой политический процесс в виде глобализации и мегатрендов развития отражаются на всех структурных элементах системы государственной политики, тем самым деятельность государственных институтов, реализуемая на глобальном уровне, связана с внутривнутриполитическими процессами.

Таким образом, для России преодоление мирового финансово-экономического кризиса во многом связано с реализацией Концепции долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года [3]. В ней определено, стратегической целью является «достижение уровня экономического и социального развития, соответствующего статусу России как ведущей мировой державы XXI века, с привлекательным образом жизни, занимающей передовые позиции в глобальной экономической конкуренции и надёжно обеспечивающей национальную безопасность и реализацию конституционных прав граждан» [3].

Выполнение заявленных задач предполагает деятельность государственных институтов, направленную на утверждение демократических основ, достижение устойчивого и сбалансированного роста, в целях модернизации и догоняющего развития. В случае успеха осуществится переход к инновационной стадии экономического развития и будет создана соответствующая данной стадии инфраструктура постиндустриального общества, – что благоприятно скажется на состоянии национальной безопасности. Таким образом, мы видим единство и невозможность деления государственной политики: деятельность государственных институтов на глобальном уровне смыкается с государственным – общероссийским.

Литература

1. Дугин А.Г. Карл Шмитт: 5 уроков для России // НашСовременник. 1992. №7. Режим доступа: http://politlogia.narod.ru/d/Dugin_Shmitt.htm (дата обращения 13.08.2013).
2. Калужный В.Г. Глобализация и устойчивое развитие современного мира // Власть. 2010. №2.
3. Концепция долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года. Утверждена распоряжением Правительства Российской Федерации от 17 ноября 2008 г. N 1662-р.
4. Путин В.В. Новый интеграционный проект для Евразии – будущее, которое рождается сегодня // Известия. 2011. 03.10. Режим доступа: <http://izvestia.ru/news/502761> (дата обращения: 12.08.2013).
5. Розов Н.С. Глобальный кризис в контексте мегатенденций мирового развития и перспектив российской политики // Полис. 2009. №3. С. 34-46.
6. Розов Н.С. Структура цивилизации и тенденции мирового развития. Новосибирск, 1992.
7. Трубицын Д.В. «Мегатенденции мирового развития» или «модернизация»: методологическая дилемма // Полис. 2010. №6. С. 76-89.
8. Чуб А.А. Глобализация и регионализация как важнейшие тенденции мирового развития // Журнал экономической теории. 2009. №2. С. 224-237.
9. Campbell K., Ward C. New Battle Stations? // Foreign Affairs. 2003. September-October. P. 99.

ВАДИМ БЕЗВЕРБНЫЙ

ЭТНИЧЕСКИЙ ИМПЕРИАЛИЗМ ИЛИ ЗАМЕЩАЮЩАЯ МИГРАЦИЯ: ПРИМЕРЫ, ФАКТОРЫ И ПОСЛЕДСТВИЯ

*Исследование проведено при поддержке РГНФ,
грант № 13-32-01305 а2*

К настоящему времени миграционные процессы приобретают особую актуальность не только в контексте мощного источника привлечения дешевой рабочей силы. Как показали последние события в Косово, Франции и Дании, неконтролируемая массовая международная миграция чуждых по культуре и языку людей может повлечь за собой межэтнические и межконфессиональные противоречия и дестабилизировать общество.

История знает немало примеров, когда массовая этническая миграция выступала в роли значимого инструмента геополитики и впоследствии ставила под угрозу территориальную целостность принимающей страны.

Одним из таких примеров являлся мексиканский Техас первой половины XIX в. После экономического кризиса США в 1819 г. авантюристы, торговцы и разорившиеся американские землевладельцы, нуждавшиеся в расширении своих угодий с целью упрочения своего положения в Союзе и создании новых рабовладельческих штатов на западе США, обратили внимание на малозаселенные, богатые природными ресурсами и отличавшиеся великолепным климатом плодородные земли Техаса.

Предпринятая в июне 1819г. неудачная попытка силового присоединения Техаса к территории США, провозглашение Миссурийского компромисса в 1820г. и доктрины Монро в 1823г. фактически узаконившую территориальную и рабовладельческую экспансию США на юг вынудило мексиканское правительство Агустина 14 января 1823 г. принять закон о колонизации. На практике этот закон ставил в равные с гражданами Мексики условия иностранцев-католиков, приобретающих землю, а также предоставлял им дополнительные права, льготы и привилегии. В результате, данные процессы в разы усилили приток американских иммигрантов на территорию Техаса в особенности из южных и юго-западных районов США и закрепили дальнейшую «мирную» колонизацию Мексики. Необычайная дешевизна земли в Техасе привела к тому, что, по официальным цифрам, с 1824 по 1835 гг. около 5 тыс. иммигрантов получили в собственность более 26 тыс. акров земли. Однако судить о реальных масштабах миграции, опираясь только на число землевладельцев, неверно, так как кроме них в Техас ринулись различные предприниматели, авантюристы и т.д., кроме того, многие семьи в качестве прислуги брали с собой негров- рабов.

С течением времени численность прибывших американских колонистов неуклонно возрастала, и они установили полный контроль над Техасом. Несмотря на то, что мексиканское правительство осознало угрозу для своей территориальной целостности и в 1830г. запретило дальнейшую иммиграцию из США, иммиграция в Техас все равно продолжалась. К середине 1830-х гг. число американских колонистов достигло 30 тыс. чел. Их число стало значительно превышать количество мексиканцев, проживающих на своей территории (примерно 3,5 тыс. чел.).

5 сентября 1836г. был проведен плебисцит за немедленное включение провозглашенной независимой Республики Техас в состав США, в ходе которого подавляющее большинство опрошенных одобрило эту идею. После ряда военных и дипломатических противостояний и стремления Мексики вернуть контроль над Техасом правительство США продолжило попытки присоединить Техас и всячески способствовало увеличению числа иммигрантов и этнических диаспор в этом регионе. Так, во второй половине 1830-х гг. численность американских иммигрантов увеличилась практически вдвое. В 1839 и 1840 гг. независимость Техаса признали Великобритания и Франция. Наконец, 13 октября 1845г. после проведения всенародного референдума, в котором участвовало более 4,5 тыс. чел., в основном – этнических американцев, высказались за мирную аннексию Техаса. За Техасом последовали Калифорния, Новая Мексика, Аризона, Луизиана и Флорида [1].

В 20-30-е годы XXв. началось активное заселение немцами Судетской области Чехословакии. К 1938 г. их число достигло 3,3 млн. чел., что составляло подавляющее большинство населения этого региона. Без согласия Чехословакии, но с молчаливого согласия правительств Франции, Англии и Италии 30 сентября 1938 г. было подписано Мюнхенское соглашение, по которому промышленно развитые территории заселенные судетскими немцами передавались Германии [2].

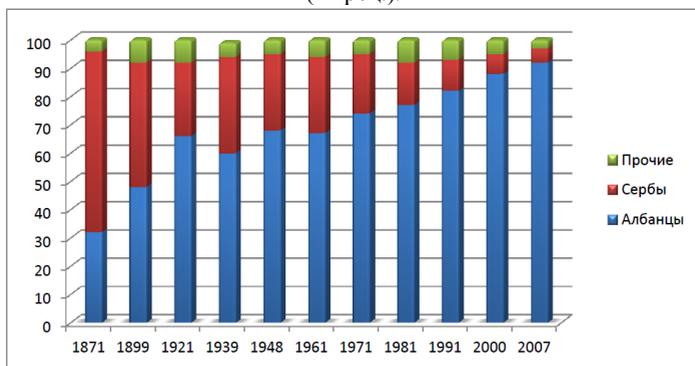
Похожий прецедент произошел на севере Кипра в 1974 г. Воспользовавшись политическими конфликтами внутри Греции и возросшим числом турков в этнической структуре населения Северного Кипра, правительство Турции ввело на Северный Кипр свои войска и провозгласило Турецкое Федеративное Государство Кипр, ставшее в 1983 г. Турецкой Республикой Северного Кипра. В результате операции, получившей название «Операция Аттила», Турция завладела 1/3 территории острова Кипр [3].

Для России с учетом этнокультурной и исторической близости славянских народов по-прежнему актуален пример сербского края Косово и Метохия. Культурные и исторические факты говорят о том, что его территория еще в VI в. являлась центром сербской культуры и государственности. Массовая миграция албанцев, поддерживаемая Османской империей, начала нарастать в период турецко-австрийской войны 1683–1699гг., после которой значительная часть сербов была вынуждена покинуть свои земли.

Впоследствии темпы переселения албанцев в Косово и Метохию росли и к концу Второй мировой войны население региона состояло на 68,5% из албанцев и 23,6% - сербов [4]. Во время войны косовские албанцы, воевавшие на стороне фашистской Италии, произвели этническую чистку сербов, в ходе которой множество людей было убито и более 400 тыс. изгнано со своей земли. После окончания войны и прихода к власти И. Броз Тито миграция албанцев только усилилась. Режим стремился ослабить положение сербов и включить Албанию в состав Югославии в обмен на передачу ей Косова. Власти Югославии приняли 400 тыс. албанских беженцев и переселили из Косова и Метохии в другие регионы страны 200 тыс. сербов [5]. Данные политические решения, а также демографический взрыв албанского населения, где на среднюю семью приходилось 6-9 человек, привели к тому, что к концу 80-х сербов в крае осталось менее 20% (см. Рисунок 1).

Рисунок 1.

Динамика этнического состава населения Косово в 1871–2007 гг. (в проц.).

Значительный дисбаланс в этнической структуре Косова и других регионов Югославии привел к чрезвычайно острому межэтническому и

межконфессиональному противостоянию и распаду страны. 17 февраля 2008 г. албанские сепаратисты в одностороннем порядке объявили о независимости Республики Косово, которую не признает Сербия, но поддерживает США и большая часть стран Европейского Союза. На сегодняшний день, в Косово и Метохии осталось менее 5% сербов. Ценой нескольких тысяч убитых мирных жителей, многочисленных гражданских войн, опустошающих натовских бомбардировок, разоренных и оскверненных церквей и памятников культуры, в Косово и Метохии по сей день царит хаос [6].

Во всех изложенных примерах отражены геополитические аспекты демографических и миграционных процессов и необходимость их наблюдения и контроля со стороны общества и государства во избежание повторения «мексиканского», «судетского», «киприотского» и «косовского» сценариев.

По словам доктора исторических наук, генерала-лейтенанта Н.С. Леонова, подобные прецеденты могут именоваться как «этнический империализм», т.е. «захват отдельными нациями не принадлежащих им территорий с помощью целенаправленных миграционных потоков либо изменение политического статуса, государственной принадлежности в результате сдвигов в демографическом составе населения» [7].

По нашему мнению, под «этническим империализмом» может пониматься сознательная политика государства по достижению геополитических целей и задач на основе преобладания резидентов своей страны в сопредельных территориях и государствах.

Литература

1. Архангельский В.Н., Иванова А.Е., Рыбаковский Л.Л., Рязанцев С.В., Кузнецов В.Н. Стратегия демографического развития России. М.: ЦСП, 2005. С. 98-99.
2. Официальный сайт Натальи Нарочницкой. Режим доступа: <http://www.narochnitskaia.ru/cgi-bin/main.cgi?item=1r250r040405221938>
3. Там же.
4. Косово: международные аспекты кризиса / Под ред. Д. Тренина и Е. Степановой; Моск. Центр Карнеги. М.: Гендальф, 1999. С. 91.
5. Человек на Балканах в эпоху кризисов и этнополитических столкновений XX века. СПб.: Алетейя, 2002. 480 с.
6. Маначинский А.Я. Югославия: приговор вынесен. Киев: Румб, 2005. С. 97-112.
7. Официальный сайт Натальи Нарочницкой. Режим доступа: <http://www.narochnitskaia.ru/cgi-bin/main.cgi?item=1r250r040405221938>

**ДЕРЖАВНА ПОЛІТИКА ПАМ'ЯТІ В УКРАЇНІ:
ДО ПИТАННЯ ПРО ВИЗНАЧЕННЯ ЦІЛЕЙ, СПРЯМОВАНOSTІ
ТА НАПРЯМІВ РЕАЛІЗАЦІЇ**

Попри точну не визначеність у понятійному та нормативно-правовому відношенні державна політика пам'яті в Україні, на думку авторів, являє собою важливу складову гуманітарної політики держави, яка являє собою сукупність унормованих в концептуальному й правовому відношеннях принципів, методів та конкретних державних заходів з використання (урахування) інформації про історичне минуле в процесах державного будівництва й соціокультурного відтворення політичної нації. У сучасній науковій думці вже здійснювалися спроби концептуального визначення політики пам'яті (щоправда, здебільшого через призму специфічних політичних настанов доби президенства В.Ющенка) [див. зокрема: 1-9]. У науковому повідомленні ми пропонуємо авторське бачення наріжних засад політики пам'яті в Україні, обумовлене конституційним статусом її державності, магістральними завданнями розвитку та соціокультурними особливостями українського народу, що утворилися історично [питання, про які йтиметься, вже порушувалися науковцями Українського інституту національної пам'яті: 10-14].

Державна політика основана на взаємодії держави й соціуму (громадянства, суспільних інститутів, окремих соціальних груп тощо) з приводу оцінки соціальної значущості певних історичних подій та процесів, визначення доцільності, місця та ступеню впливу пам'яті про них на хід державно-політичного та соціального розвитку. В своїй змістовній основі, функціях, спрямованості та інших сутнісних характеристиках державна політика пам'яті визначається, передовсім: особливостями державно-політичного, суспільно-економічного ладу та апарату державного управління, міжнародного становища держави; ступенем реального суверенітету країни у минулому та сьогоденні тощо; актуальними потребами суспільного розвитку, конкретно-історичними викликами, що стоять перед певною державою; перебігом історичного минулого, цивілізаційними традиціями певної держави; особливостями конкретної культурно-освітньої системи, традиційної культури, етноконфесійним складом населення тощо.

Її провадження, як уявляється, має здійснюватися на таких принципах: законності та поваги до невід'ємних прав особи та громадянина; пріоритетності законодавчо визначених національних інтересів, узгодженості її настанов та змісту із політичним курсом України; науковості та об'єктивності; незалежності від кон'юнктурних політичних, корпоративних або нав'язаних ззовні впливів; громадянської прозорості та ідейно-методологічного плюралізму.

Провідними функціями державної політики пам'яті пропонуємо вважати: сприяння утвердженню зовнішньо- та внутріполітичної легітимності державного ладу («історичних прав» держави та політичної нації на існування, суверенітет, існуючу форму державного ладу, територію тощо); активна участь у

творенні офіційної ідеології національно-державного будівництва («національної ідеї»); забезпечення загальногромадянської ідентичності та лояльності нації до держави, консолідації суспільства навколо базових пріоритетів розвитку; виховання громадянської свідомості та її мобілізація на виконання пріоритетних завдань; забезпечення конструктивної спадковості різних вікових генерацій як передумови редуплікації суспільного життя та національних традицій; організація поширення суспільно значущих знань щодо подій та процесів національної історії всередині держави та за кордоном, сприяння розвитку загального освітнього й культурного рівня населення; участь у забезпеченні безпеки та сприятливих зовнішніх умов існування держави.

Її реалізація, на нашу думку, передбачає вирішення таких головних завдань: визначення, згідно із стратегічними потребами розвитку України і її суспільства, змістовних пріоритетів та організаційно-правових засад провадження політики національної пам'яті; організацію уповноваженими державними установами та об'єднаннями громадян наукових, інформаційно-аналітичних, меморіальних, громадсько-політичних, культурно-просвітницьких та інших заходів, спрямованих на формування та утвердження національної пам'яті; сприяння державотворчим процесам, формуванню суспільної злагоди, громадянської єдності, патріотичної свідомості, нерозривного гуманітарного простору та міжрегіональної інтеграції в Україні; збереження, відповідно до чинного законодавства України, духовних та матеріальних носіїв пам'яті про минуле, залучення їх до формування національної пам'яті нинішнього та майбутніх поколінь українського народу; створення наукових та інформаційно-духовних передумов до відновлення історичної справедливості щодо жертв незаконних та антилюдських діянь та подій, які мали місце в минулому українського народу; забезпечення належного місця прищепленню науково обґрунтованих знань про минуле на різних рівнях здобуття освіти, у гуманітарній роботі з громадянами України; поширення об'єктивної інформації про минуле українського народу, його місце у цивілізаційному поступі людства; допомогу зарубіжному українству, на основі норм міжнародного права та добросусідства, у збереженні національної пам'яті як складової національно-культурної ідентичності; сприяння забезпеченню інформаційної безпеки, суверенних прав, територіальної цілісності України, її інтеграції в європейський гуманітарний простір.

Основними формами провадження державна політика пам'яті слугують: визначення уповноваженими державними органами юридичних, концептуальних та організаційних підвалин провадження державна політика пам'яті (в цілому нормотворча діяльність у цій сфері); наукове та аналітичне забезпечення державної політики пам'яті; розвиток фундаментальної історичної та інших галузей гуманітарної науки; цілеспрямована діяльність багаторівневої системи освіти із поширення знань про історію певних народів та держав; діяльність держави (у т.ч. – разом із об'єднаннями громадян, суспільними організаціями) із публічного відзначення визначних історичних подій, дат, вшанування видатних постатей національної історії тощо; організація роботи із створення, розвитку, збереження тощо державно визнаних меморіальних об'єктів (у т.зв. «місцях пам'яті»); державна діяльність з охорони пам'яток історії та культури;

художня творчість та діяльність засобів масової інформації навколо історичної тематики.

Література

1. Волянук О.Я. Суспільна пам'ять в контексті розвитку політичної свідомості в сучасній Україні. Автореф. дис. ... канд. політ. наук. К., 2012. 19 с.
2. Зерній Ю.О. Історична пам'ять як об'єкт державної політики // Стратегічні пріоритети. К., 2007. №1. С. 71–76.
3. Зерній Ю.О. Державна політика пам'яті в Україні: становлення та сучасний стан // Стратегічні пріоритети. К., 2008. №3. С.41-51.
4. Зерній Ю.О. Історична пам'ять як фактор національної безпеки // Нова парадигма. К.: Вид-во НПУ ім. Драгоманова, 2009. Вип.84. С. 37-57.
5. Історична пам'ять як поле змагань за ідентичність: матеріали «круглого столу», 22 квітня 2008 р. К.: НІСД, 2008. 128 с.
6. Коник А. «Історична пам'ять» та «політика пам'яті» в епоху медіакультури // Вісник Львівського університету. Серія журналістики. 2009. Вип. 32. С. 153–163.
7. Масненко В. Історична пам'ять як чинник національної інтеграції сучасного українського суспільства // Збірник наукових праць. Львів: Видавничий центр ЛНУ імені Івана Франка, 2006. Вип. 3. С. 153-169.
8. Проблеми української політики: аналітичні доповіді Інституту політичних і етнонаціональних досліджень ім. І.Ф.Кураса. К.: ІПіЕНД НАН України, 2010. С. 255-337.
9. Симоненко І.М. Особливості структури історичної пам'яті Українського народу та шляхи формування національного історичного нарративу // Стратегічні пріоритети. К., 2009. №1. С. 51-61.
10. Веденєв Д.В. Виклики в гуманітарній сфері України і національна пам'ять // Національна та історична пам'ять. Збірник наукових праць. К., 2012. Вип. 5. С. 23-36.
11. Веденєв Д.В., Будков Д.В. Заручники глобального протистояння. Трагедія Великого Голоду 1932–1933 рр. в Україні у контексті «холодної війни» (1945–1991 рр.): Монографія. К.: Дорадо-Друк, 2013. С. 216-225.
12. Веденєв Д. В. Наукове забезпечення формування політики національної пам'яті в Україні: до питання про визначення принципів, змісту і механізмів реалізації // Національна та історична пам'ять. Збірник наукових праць. К., 2013. Вип. 6. С. 208-216.
13. Солдатенко В.Ф. Проблеми політики національної пам'яті та завдання її наукового забезпечення // Державотворчі та цивілізаційні здобутки українського народу. Національна та історична пам'ять. Збірник наукових праць. К., 2011. Вип. 1. С. 7-25.
14. Солдатенко В., Веденєв Д. Як не розчинитися у глобалізованому світі: проблеми наукового забезпечення формування політики національної пам'яті в Україні // Україна дипломатична. К., 2012. Вип. XIII. С. 687-715.

SVITLANA BUKO

IT OUTSOURCING IN UKRAINE: CROSS-CULTURAL ASPECTS OF COMPETENCY FRAMEWORK

Introduction: IT market in Ukraine

According to the 2013 state statistics Ukrainian IT field employs around 40 thousand staff members within 2 thousand companies all over the country (CEEA report, 2010). ILO Global Employment trends report data demonstrated overall world trends of outsourcing and outstaffing and Ukraine is an excellent example of a country where global employment trends are reflected in the field of IT market.

The USA and Western Europe are both well-established importers of software development services from the Ukraine (Global IT IQ Report, 2012, BrainBench Report 2012). 70% of Ukrainian IT specialists work for American and/or European customers.

International outsourcing reports place Ukraine on the list of leading countries in the region along with Romania, Hungary, Poland, Belarus and the Czech Republic. Key characteristics of the market are: growing market volumes and increasing volumes of services exported; growth in the consumption of outsourcing services in the internal market; growth in their share of IT support services (IT infrastructure support); and service providers that are improving their technologic processes and quality management systems (Pan-European IT Outsourcing Intelligence Report 2012); competitive operational costs; proven financial advantage (cheaper labor costs); Ukrainian vendors are claimed to provide innovative solutions and added-value services rather than just a cheaper offering of routine processing requirements, educated talent pool; cultural proximity; expertise in the outsourcing industry (Pan-European IT Outsourcing Intelligence Report 2012).

In order to understand Ukrainian IT market, it is essential to describe its peculiarities and perceptions of employers and employees. Overall it is marked by high salaries, young/middle age labor force, no unemployment rate, very high job satisfaction. Public opinion polls (Bionics 2013) indicate that IT field career is considered to be very prestigious and specialists have a bright professional future. Their work is considered the most prestigious and promising, and at the same time is the highest paid in the labor market. According to the employment/unemployment survey of 2013 there employment competition in the area is very low. IT specialists are also in the field of Top 10 highest jobs in Ukraine (Head Hunter Ukraine Survey, 2013).

According to the demographics reports, general IT Ukrainian specialist is a male 26-35 years old, higher education, at least 3 years of professional IT experience, 50% of IT specialists and leads are fluent in English Ukrainian IT sphere is a market of rather young, ambitious, happy, self-aware specialists. IT career is considered to be very prestigious and popular in Ukraine. Women are also entering the field mainly as tech writers, CQs, managers (HeadHunter, Ukraine, 2013).

Research problem

This new Ukrainian prestigious and promising IT Market, with highest paid in the labor, top scale talent pool of young IT experts should estimate prognosis for future development and growth, taking into consideration competency framework perceptions of international clients.

Methodology

The research for this study encompassed desk (2012-2013) and field qualitative research (Summer/Fall 2013). Desk research was based on the analysis of aggregated European and Ukrainian IT reports, ILO and, WB reports. It also drew extensively on existing studies, research papers, and ongoing IT HR and IT development projects and conferences. The second component of the study was qualitative research based on qualitative in-depth interviews with 10 registered and 10 non-registered Ukrainian IT specialists-leads conducted in Summer-Fall 2013 (Located in Central, Western, Eastern and Southern Ukraine). Third component included ex-

pert interviews: 5 expert interviews with HR IT experts were conducted. Expert interview goal was to identify general trends, patterns and insights in the IT HR area with the help of in-depth interview (45 minutes). Expert interviews added professional HR perceptions on the skills, education, market supply/demand and recruitment of Ukrainian IT specialists at the global market.

Sample and procedures: Population group selected for this research project consisted of Ukrainian IT specialists – team leads; highly skilled, educated, well paid specialists. Sampling: different regions of Ukraine (western, southern, central, eastern Ukraine), man and women (25 + y.o.), 73 % of all IT teams linked to big and medium-size Ukrainian cities.

Analysis: The researcher recruited participants, collected data through individual and Skype interviews, took field notes, audio recorded and transcribed the interviews, analyzed, reported the findings. Data was analyzed inductively, with the aim of clustering information into central themes (perceptions of standard, and non-standard employment). Once the themes have been identified and analysis of the interview data is completed, the researchers examined the findings. Qualitative data was examined through NVIVO 10 software.

Findings: Perceptions of HR IT experts

Ukrainian IT specialists at the market

In the expert interviews all HR IT specialists describe current situation on IT-market as the one having rather noticeable shortage of IT professionals and high demand for IT-products. Interviews with IT recruitment companies helped summarize required list of competencies of IT specialists. Among most wanted professional and personal qualities for IT-experts are: communication and technical skills (healthy ambitions), foreign languages (English) so that cultural gap is as little as possible, knowledge of latest software and services in IT-industry. Success of IT-teams with international customers is a blend of the following characteristics: active live position & proactive search for interesting projects with international clients; professional experience in development of IT-projects (preferably using more than one programming language); good communicative skills; aspiration and motivation for further development and self-learning.

Specialists commented on the fact that working culture and habits of IT teams are often shaped within cross-cultural communication with clients. This adds additional perception of importance of intellectual work in the international setting and often leads to higher job satisfaction and faster professional growth of IT specialists.

Several experts expressed concern with the Ukrainian education system is its inability to prepare Ukrainian IT-specialists for work under international terms and conditions, i.e. graduates mostly rely on the chance, rather than build and develop thorough strategy. HR specialists indicated that even though market is saturated with many professionals, this listed above combination is not often found in Ukraine.

HR IT specialists also stated that Ukrainian Universities graduate excellent technically prepared IT-specialists, however communication (i.e. soft skills) is still their weakest point. General they are internationally competitive in the professional sense, but not actually competitive in communicative skills.

According the assessment of interviewed HR specialists, marketability of Ukrainian IT-specialists on the international IT-market is rated rather high. HR spe-

cialists indicated during the interviews that Ukrainian IT-specialists are a valuable asset to foreign clients because they 1) have experience and knowledge of technology 2) are more flexible in incorporating the cultural aspects into business ethics i.e. better communication flow, give proper feedback, meet deadlines etc.

International clients who hire Ukrainian IT specialists expect 1) high level of commitment and involvement in decision making process 2) contribution of ideas and participation in software/project development. Other category of clients just hires foreign distance working employee, thus 1) looks for delivery of tasks on time (efficient deadline management) and 2) receipt of job done at the expected level of quality.

Salaries of Ukrainian IT-specialists are reviewed based on semi-annual salary revision plan. However, because of dynamics of IT-services market IT-specialists are often headhunted, thus “stolen” from the company. Therefore many companies practice review based on 1) situation on the market and 2) individual performance to keep the employees interested and committed. Due to high demand and medium supply, companies compete for qualified specialists and fringe benefits (“Social package”) and other aspects (i.e. official employment opportunity) recently became a valuable tool in headhunting best experts and talented professionals.

HR respondents believe that international clients expect to find good IT specialists in Ukraine for less money than in their own country. International clients usually follow the classical outsourcing pattern in IT-field where lower cost creates the demand; IT-services cost less in Ukraine compared to US or Europe, where the major IT-service consumers are located. However, one of the HR experts gives insights into the possible changes in the market due to growing demands of Ukrainian IT developers.

Summary and conclusion

In sum, the results of this study demonstrate key impartial and varied perspectives on the perceptions about employment patterns of the market for IT outsourcing.

Demand at the international ICT market is high (not only financial factors contribute to area growth), Ukraine can offer large staffing options for IT projects on a short notice and world IT market trends demonstrate need for qualified staff. Ukraine is able to provide qualified young dedicated and driven IT specialists, ensuring early entrance in the labor market.

Researchers identified social-demographic portrait of successful managers/leaders of teams and IT-specialists in Ukraine: education, level of professional training & preparation, abilities and skills, including some gaps in skillset required by international clients and international HR managers within global IT market.

Overall, the consequences of working in IT outsourcing in Ukraine differ depending on workers' individual and collective vision of the future of the country and IT market in Ukraine in the light of socio-economic changes of 2014. Due to the social and political changes in Ukraine IT outsourcing market trends are changing the overall patterns and landscape of the market and economy.

References

1. Bionic hill research (2013) Retrieved 10 December 2013 from <http://bionic-hill.com/>
2. BukoS. (2012) Кросс-культурная коммуникация в виртуальных командах. [Cross-cultural communication in virtual teams]. In V.M. Zhuk (eds) Proceedings of 5th Interna-

tional Conference on Innovative Development of Society in Conditions of Cross-Cultural Interaction. Sumy, 26-28 April, 2012. Sumy: SOIPPO, pp. 371-374 (in Ukrainian).

3. BukoS. (2013) Конструирование профессиональной идентичности в международных виртуальных командах. [Building professional identity of international virtual teams.] In Senushkina T.A. (eds) Proceedings of the XII international seminar Ethnicity and Power: Collective memory and technologies of construction of the identity 20-25 May, 2013 in Yalta. Sevastopol: Weber, pp. 49-51 (inRussian).

4. Central and Eastern European IT Outsourcing Landscape Report 2011 Retrieved 8 April 2012 from http://www.itsourcing-europe.com/IT_Outsourcing_Reports.html

5. Ciklum IT report, 2012 Retrieved 8 April 2012 from http://www.itsourcing-europe.com/ITO_Research_2012.html

6. Decent work country profile: Ukraine / International Labour Office, ILO/EC Project "Monitoring and Assessing Progress on Decent Work" (MAP). Geneva: ILO, 2013.

7. Head Hunter Ukraine Report (2012) Retrieved 20 December 2013 from www.hh.ua

8. IT Sourcing Europe Report, 2012. Retrieved 8 April 2012 from http://www.itsourcing-europe.com/ITO_Research_2012.html

9. Ukraine case study: jobs and demographic change. Background paper for the World development report 2013 / Eds: Kupets O., Vakhitov V., Babenko S. 2011.

ЕЛЕНА ВЕЛЕСКО

ПРОБЛЕМЫ ЭТНОПОЛИТИЗАЦИИ МАССОВОГО СОЗНАНИЯ

Проблема управления массовым сознанием и поведением приобрела особую остроту и актуальность и стала объектом изучения, поскольку с начала XX в. массы все больше стали влиять на ход социально-политических процессов. Движущей силой этнических конфликтов и войн, всплеска насилия и расовых предрассудков зачастую является психология масс, поведение толпы.

Процессу формирования масс, их психологии, стихийному поведению, феномену массовизации общества посвящены труды таких авторов, как Г. Лебон, Г. Тард, С. Сигеле, В. Мак-Дугалл, С. Московичи, З. Фрейд, Д. Белл, Э. Ледерер, Х. Арендт, Э. Канетти, Я. Щепаньский, Э. Шилз, Э. Фромм, Г. Блумер, Н. Полякова, Д.В. Ольшанский, А.П. Назаретян, Г.П. Бакулев, Г.Г. Почепцов, А.А. Грабельников, Г.Ю. Чернов, А.А. Араблинская и др.

В научных исследованиях массовых феноменов прослеживаются два подхода к проблеме: изучение индивида как носителя массового сознания («массового человека») и изучение массы как системного и целостного явления. При первом подходе важными аспектами изучения выступают индивидуальные качества носителя массового сознания, субъекта массовой культуры, субъекта «массового поведения». При втором – системный эффект, изучение свойств массы как единого целого, как системного взаимодействия индивидов [1].

Испанский философ и социолог Х. Ортега-и-Гассет в работе «Восстание масс» дает весьма жесткую оценку массе: «Масса сминает непохожее, недюжинное, и лучшее. Кто не такой, как все, кто думает не так, как все, рискует стать изгоем» [2, с. 16]. Ортега-и-Гассет называет массу посредственностью и

заурядностью. И в мире, который стал более тесным, где «близость дальнего, доступность недоступного фантастически раздвинула жизненный горизонт каждого человека» [2, с. 33], главенствует масса. То, что определяет психологический рисунок, портрет массового человека, - это «беспрепятственный рост жизненных запросов и, следовательно, безудержная экспансия собственной натуры» и «врожденная неблагодарность ко всему, что сумело облегчить ему жизнь». Обе черты рисуют весьма знакомый душевный склад – избалованного ребенка [2, с. 51].

Массовый человек, в отличие от человека элиты, предъявляющего к себе строгие требования, человека творческого и думающего, осознающего и сомневающегося, всегда доволен собой, не знает сомнений, довольствуется уже готовыми решениями и чужими мыслями, предпочитает простые объяснения, дающие иллюзию ясности и простоты мироустройства. «Масса – это те, кто плывет по течению и лишен ориентиров. Поэтому массовый человек не создает, даже если возможности и силы его огромны. И как раз этот человеческий тип сегодня решает» [2, с. 43]. Однако понятие массы по Ортеге-и-Гассету не означает социальную принадлежность. Он имеет в виду человеческий склад или образ жизни. Масса существует для того, чтобы ее вели, наставляли: «Ей необходимо следовать чему-то высшему, исходящему от избранных меньшинств» [2, с. 105].

Исследователи определяют подход Х.Ортеги-и-Гассета как культурцентристский. Его сущность состоит «в акценте на рассмотрение «массового человека» как субъекта современных социально-массовых явлений; появление и господство «человека массы» связывается с развертыванием в благоприятных социальных обстоятельствах «плебейских» субкультуры и типа личности, для которого характерны жажда социального возвышения, стремление к расширенному паразитарному потреблению, ограниченные культурные потенции и потребности» [3].

Весьма продуктивными выглядят также идеи американского социолога и социального психолога Д. Рисмена, выделившего три типа характеров людей, соответствующих трем типам общества. В доиндустриальных обществах наблюдалось преобладание консервативного типа социального характера – конформного, ориентированного на традиции, устоявшиеся образцы поведения в касте, сословии. Второй тип характера – «изнутри ориентированная личность» - свойственная периоду развития раннеиндустриального общества с ослабленными традициями, отсутствием или неразвитыми СМИ – личность сильная, целеустремленная, предприимчивая, склонная к нововведениям и переменам. Вместе с тем, здесь еще сохраняется роль традиционных норм и ценностей. И в условиях перехода к потребительскому, развитому индустриальному обществу появляется «извне ориентированная личность». Ее поведение обусловлено влиянием бюрократии, СМИ, моды, господствующей системы связей и отношений. Это стандартизированная и обезличенная фигура, объект манипулирования и результат отчуждения. «У личности такого типа есть стремление к подлинно человеческим проявлениям (любовь, страсть, правдивость, честность и т.д.), но вся система внешнего воздействия мешает ей в этом. Последний, третий тип характеризует "одиночество в толпе", но в то

же время рождает стремление к подлинно позитивному социальному характеру - "автономной личности", имеющей ясные, рациональные цели, личности не конформной, независимой от влияний потребительского общества, культурной среды» [4].

При характеристике такого феномена, как массовое общество исследователями отмечаются следующие типологические черты: это тип общества, где волевые акты пробуждаются и направляются извне, с помощью общественного мнения и пропаганды: «Таким образом, масса находится в зависимости от внешнего коммуникатора, чьё искусство заключается в учёте ряда свойств души массового человека: масса хочет быть ведомой, но таким образом, чтобы ей казалось, что ведёт она; она не хочет быть свободной, но хочет таковой считаться; присущее ей среднее и обычное должно быть возвеличено в качестве общечеловеческого», где «ориентация на усреднённое, массовое ведёт к существенной деградации социальных сфер и социализирующих институтов» [1]. Такой подход позволяет рассматривать массовое общество как общество управляемой и контролируемой с помощью специальных манипулятивных технологий и идеологии массы.

Феномен массового сознания не вполне исследован в силу своей сложности. Но следует отметить, что массовизация сознания и общественных феноменов оказывает существенное влияние на социальный и политический контекст современной этнополитической ситуации. Выделим несколько проблемных сфер, требующих не только пристального внимания со стороны политологов, социальных психологов и обществоведов, но и некоторого научного переосмысления:

1. В настоящее время в развитых обществах в результате новых социально-культурных процессов формируется оригинальный тип социального характера. К продуктивным сторонам социального характера современной личности относятся креативность, творчество, свобода мышления, вовлеченность в разнонаправленный жизненный опыт, индивидуализм и внутренняя свобода. К непродуктивным чертам в настоящее время относятся: всепроникающий гедонизм и нарциссизм, предпочтение поверхностного, «контактного» общения, ориентация на потребление массовой информации, страх и одиночество, эгоизм, преобладание бессознательной мотивации в поведении [4].

2. Потребность в достоверной информации заменяется потреблением выборочной информации, совпадающей с личным мнением потребителя. В любом обществе потребления востребован продукт массового производства, стандартный, среднего качества, вполне доступный и типичный. Такими характеристиками сегодня, зачастую, и обладает «потребляемая массовая информация».

3. Мыслями, чувствами, настроениями, вкусами людей манипулируют с помощью средств массовой информации, моды, общественного мнения, субкультур. «Успешность» манипулирования связана не в последнюю очередь с желанием человека соответствовать образу, образцу, быть таким, каким его хотят видеть, а не самим собой.

4. Сильная подверженность внушению массового человека позволяет, используя информационные технологии, через СМИ обращаться к базовым

моделям поведения, стереотипам и ценностным ориентирам, вызывать эмоциональный отклик и определенные предсказуемые реакции людей. Сегодня очень сильно пропагандистское влияние через СМИ со стороны политических элит на социум.

5. Поскольку массы преклоняются перед силой, масса жаждет быть подавляемой, стремится к подчинению, ей всегда нужна цель, руководство извне, направляющие ее действия, то в обществе все чаще наблюдается нетерпимость и непоколебимая вера в авторитет жестких «вождей», политических лидеров.

6. Манипулирование массовым сознанием опирается, в основном, на метафоры, стереотипы, слухи, сплетни, циркулирующие в социуме. Сегодня не менее популярны также методы искусственного формирования общественного мнения — астротерфинг (намеренное централизованное манипулирование общественным мнением в сети Интернет с целью дезинформации, искажения статистических данных), скрытая манипуляция, внушение, подмена понятий, сдвиг смыслов, переписывание истории и т.п.

Литература

1. Чернов Г.Ю. Социально-массовые явления: методология исследования и теория. Режим доступа: http://discollection.ru/article/26062013_124664_chernov/4
2. Ортега-и-Гассет Х. Восстание масс. М.: АСТ: Ермак, 2005. 269с.
3. Чернов Г.Ю. Сущность культурцентристского (ортегианского) подхода к массовым явлениям. Режим доступа: <http://psyfactor.org/lib/chernov4.htm>
4. Араблинская А.А. Концепции социального характера Э.Фромма и Д.Рисмена в контексте современности. Автореф. дис. ... канд. социол. наук. Режим доступа: <http://ru.znatock.com/download/docs-16335/16335.doc>

ЛЮДМИЛА ВШИВЦЕВА

ЦИВИЛИЗАЦИОННОЕ САМООПРЕДЕЛЕНИЕ СЕВЕРОКАВКАЗСКИХ ЭТНОСОВ В УСЛОВИЯХ КРИЗИСА РОССИЙСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ

*Публикация подготовлена в рамках исследовательского проекта
«Особенности формирования российской цивилизационной идентичности
в Северо-Кавказском регионе», Грант Президента Российской Федерации
МК-3338.2013.6*

Кризис российской идентичности актуализировал самоидентификацию этносов Северного Кавказа, и не все из них осознали себя россиянами, принадлежащими к российской культуре. Несмотря на то, что Северо-Кавказский регион включен в модернизационные процессы, на ментальном уровне он все еще продолжает существовать как бы отдельно от России, хотя и в границах одного государства. Так, в ходе проведенного нами социологического исследования с целью уточнения иерархии идентичностей и выявления цивилизационного самоопределения этносов, проживающих на территории Северного Кавказа, были сделаны следующие выводы:

1. В иерархии идентичностей северокавказских этносов первое место занимает этническая идентичность – 60,1%; русских – гражданская идентичность (58,7%);

2. Среди молодежи Северного Кавказа гражданская идентичность является достаточно устоявшейся (у русских – 58,7%, у северокавказских этносов – 39,9%), но гораздо меньшей является российская цивилизационная идентичность. Следовательно, молодое население республик отчетливо считают себя гражданами России, но не чувствует себя частью России как культурно-цивилизационной системы, ориентируясь на иные культурные ценности;

3. Можно говорить о гражданской, но не о цивилизационной интеграции Северного Кавказа в российское общество. Так, только 45,2% респондентов определяют Северный Кавказ как часть российской цивилизации; 8,9% – как часть исламской цивилизации; 23,3% – как самобытную кавказскую цивилизацию;

4. Автохтонные этносы Северо-Кавказского региона воспринимают себя как определенную общность со своей территорией, историей и культурой, образующих особую кавказскую цивилизацию (28,9%);

5. Важнейшими цивилизационно-идентификационными факторами северокавказских этносов выступают не столько архетипические символы, доминантные ценности, культурные смыслы и исторические ожидания общности россиян, а сколько природно-климатические символы, кавказский менталитет, этнокультурные и этноконфессиональные ценности, особенности быта общности кавказских народов;

6. Больше половины респондентов из числа жителей Северо-Кавказского региона (62,8%) вообще представляет Россию не как единую полиэтничную страну-цивилизацию, а как страну многих цивилизаций.

В целом результаты социологического исследования свидетельствуют о том, что Северо-Кавказский регион характеризуется доминированием традиционалистских региональных идентификационных моделей, устремлением реализовать претензии на собственную культурно-цивилизационную самобытность (например, кавказская цивилизация), усилением осознания локальной особенности, этнической идентичности в ущерб формированию общероссийской, наряду с этническими все более привлекательными выступают конфессиональные модели самоидентификации (например, исламские).

Одной из главных причин дезинтеграции российского общества и кризиса российской цивилизационной идентичности выступает неравномерность модернизационного развития регионов России, которая ведет к конфликту Современности и Традиционности. Регионы с низкими уровнями модернизации, к которым относится и Северный Кавказ, характеризуются социокультурной и политической архаизацией, преодолеть которую возможно только на базе экономической модернизации, которая должна выступить в качестве стартового механизма комплексной модернизации.

Важнейшими интеграционными основами Северного Кавказа в российское цивилизационное пространство должны выступить: во-первых, промышленное и инновационное развитие региона, ведущее к построению полноценной социальной структуры, преодолевающей клановость, к изменению архаи-

зированной традиционалистского уклада жизни; во-вторых, качественная система образования, основанная на сохранении и развитии русской культуры и языка, отечественной истории, культурно-исторического наследия всех этносов России, способности применения их лучших научных и культурных достижений для позитивного развития страны и региона; в-третьих, средства массовой информации, ориентированные на символы и ценности общей истории, общей государственности, общих гражданских подвигов, общей культуры и общего будущего.

Модернизационные процессы и ориентиры Северного Кавказа должны стать одним из важнейших факторов формирования российской цивилизационной идентичности. Северо-Кавказский регион нуждается в новом, консолидирующем полиэтничный и поликонфессиональный социум, интеграционном проекте на экономической базе модернизации и социокультурной основе российской цивилизационной идентичности. Именно цивилизационная идентичность России, которая лежит в основе ее культурно-цивилизационного самоопределения, самоотождествления с уникальной, самобытной цивилизацией, является эффективным средством противостояния натиску как глобализации, так и ксенофобии. Если Д.А. Медведев, когда был Президентом РФ, ставил задачи по формированию гражданской идентичности, нынешний Президент России, В.В. Путин поставил задачу по формированию именно цивилизационной идентичности, в которой усмотрел суть великой страны.

АНАСТАСИЯ ГАРАГОНИЧ

УПРАВЛЕНИЕ ЭТНОПОЛИТИЧЕСКИМИ КОНФЛИКТАМИ: ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И ПРИКЛАДНЫЕ ПРОБЛЕМЫ

Анализ природы этнополитических конфликтов, их причин, сущности событийных характеристик, прежде всего, ставит проблему разрешения конфликтов, управления конфликтным взаимодействием.

Этнополитические конфликты представляют собой во многом стихийное социальное действие с большими деструктивными последствиями.

Вместе с тем, можно и нужно управлять их развитием и разрешением.

В целом возникновение любого этнополитического конфликта обусловлено существованием той или иной формы неравенства этносов. Поэтому урегулирование этнических конфликтов требует нахождения нового, компромиссного и приемлемого для всех конфликтных сторон баланса взаимно удовлетворяющих их интересов. Для достижения этого баланса необходимо выполнение трех обязательных условий[2].

Во-первых, каждая из сторон конфликта должна признать наличие конфликтной ситуации. Тем самым за каждой стороной конфликта признается право на существование, но это совсем не означает признания справедливости их требований и претензий. Урегулирование конфликта невозможно и бесполезно, если одна из сторон заявляет, что ее оппонент не имеет права на существование, а его позиция лишена всяких оснований.

Во-вторых, обязательным условием в урегулировании конфликта является степень организованности сторон: чем лучше они организованы, тем легче достигнуть договоренности и добиться исполнения условий договора. И, напротив, диффузный характер интересов, их расплывчатость существенно затрудняют разрешение конфликтной ситуации.

В-третьих, конфликтующие стороны должны принять твердо установленные правила игры, при соблюдении которых только и возможен переговорный процесс.

Из всех вариантов разрешения этнических конфликтов самый трудный, но и самый оптимальный – путь реального решения проблем и достижения компромисса; наименее вероятен вариант саморассасывания конфликта; наиболее катастрофично «естественное» развитие событий. Очевидно, что практически приемлемым является способ нейтрализации конфликтов.

Практика нейтрализации этнических конфликтов показывает, что все способы их урегулирования можно объединить в три группы. Первая из них предполагает полную победу одной стороны над другой, разрешение конфликтной ситуации с позиции силы. Именно на такой результат этнополитического конфликта чаще всего ориентируются конфликтующие стороны на ранних этапах конфликта. Однако, как показывает история этнополитических конфликтов XX века, большинство из них неразрешимы путем силовой победы одной стороны над другой и могут консервироваться на многие десятилетия, переводя конфликт из открытого состояния в латентное. У побежденной стороны, как правило, остается чувство национальной обиды, горечь поражения, которые передаются из поколения в поколение, и через значительный промежуток времени такой конфликт может обостриться с новой силой (Нагорный Карабах).

Вторым вариантом разрешения актуализированного этнического конфликта является взаимное поражение конфликтующих сторон. Чаще такой результат конфликта возникает, когда обе стороны истощили, свои силы в борьбе и при этом ни одна из сторон не смогла одержать заметной победы над другой. В этом случае для урегулирования конфликта стороны вынуждены обращаться к посредникам, искать компромиссное решение проблемы, которое, как правило, не удовлетворяет ни одну из сторон. Если удастся урегулировать конфликт таким способом, то он практически переходит в латентное состояние, при котором стороны продолжают рассматривать друг друга как противников. Такой способ разрешения также имеет высокую вероятность для последующей актуализации конфликта.

Третий способ разрешения конфликта может заканчиваться взаимным выигрышем сторон в виде достижения согласия по основным вопросам и установления конструктивного взаимодействия. Такой исход конфликта чаще всего становится возможным при наличии у обеих сторон политической воли к позитивному разрешению конфликта. Независимые посредники могут показать конфликтующим сторонам возможность их дальнейшего сотрудничества в разрешении стоящих перед ними общих проблем. Такая форма урегулирования конфликта является вполне реалистичной, поскольку придает конфликту

не разрушительное, а созидательное содержание. При этом конфликт переходит в латентное состояние на продолжительное время[1].

Каждый этнополитический конфликт имеет, по крайней мере, четыре фазы (периода) в своем развитии: латентный период, проявление конфликта, активное течение конфликта, последствия конфликта. В течение латентного периода для предотвращения конфликта, прежде всего, следует:

- *добиться практической реализации принципа гражданского равноправия;*
- *обеспечить оптимальные условия получения гражданства в новых национально-государственных образованиях;*
- *проводить политику социально-экономического выравнивания условий жизни всех этнических групп, а особенно подвергшихся ранее дискриминации;*
- *реализовать принципы федерализма равным образом для всех этнических групп.*

Появление национально-патриотических и особенно национально-радикальных движений, сообщений о зверствах, чинимых какой-либо этнической группой; требований чрезвычайных мер для защиты угнетаемых этнических групп или этнических меньшинств; начало этнической миграции переводят межнациональный конфликт из потенциальной в актуальную стадию[3].

Для снятия этнической напряженности в этот период необходимо: создавать этнически нейтральные подразделения полиции и армии с определением их четких функций и полномочий в конфликтных действиях; организовать подачу и изложение точной и непредвзятой информации о конфликте во всех средствах массовой информации; осуществлять особый контроль за сохранностью и движением оружия; максимально строго преследовать по закону организаторов уличных беспорядков с неукоснительным и точным исполнением приговоров.

Как правило, эта стадия, в случае дальнейшей эскалации конфликта, служит подготовкой к следующей стадии – конфликтных действий, становящихся в ходе нарастания остроты конфликта все более насильственными[2]. По мере накопления жертв и потерь конфликт на этой стадии делается все менее управляемым и цивилизованно разрешимым. Тем самым развитие межнациональной конфронтации все больше подводит конфликт к черте, за которой может последовать национальная катастрофа, и потому главной задачей становится максимально быстрое прекращение военных действий, для чего необходимо принять меры по скорейшему ослаблению конфликта и умиротворению: удаление из зоны конфликта, арест или временное задержание сторонников экстремальных методов разрешения конфликта; предотвращение раскола по этническому признаку в государственных и силовых структурах, обеспечивающих общественный порядок; введение особого контроля над средствами связи и объективностью средств массовой информации; создание механизма прекращения боевых действий и достижение временного перемирия; проведение комплекса мер по сведению к минимуму количества человеческих жертв и материального ущерба (отвод вооруженных формирований, создание нейтральных зон, организация безопасных населенных пунктов и городов); предотвращение мародерства и военных преступлений; организация перегово-

ров. Важным этапом управления конфликтом является применение таких мер, как посредничество, консультирование, переговорный процесс и т.п., нацеленных на достижение национального консенсуса или, по крайней мере, компромисса. Результативность достижения последних, в особенности консенсуса, является показателем того, в какой мере приведены в действие демократические и гуманистические способы урегулирования и разрешения международных конфликтов, позволяющие нейтрализовать националистические установки и конфронтационные устремления их участников и помочь каждому из них перейти от жесткого или даже насильственного противодействия национальных общностей и их представителей к эффективному и согласованному взаимодействию с ними ради совместного удовлетворения коренных потребностей и интересов всех участников возникшей межэтнической коалиции[1]. Развертывание этого процесса означает укоренение и закрепление общедемократического принципа приоритетности и неотъемлемости прав и свобод каждого человека в специфической сфере международных отношений. Наконец, четвертая фаза развития конфликта предусматривает устранение последствий конфликтных действий и примирение конфликтующих сторон. Для решения этих задач необходимо: дать общую оценку последствий конфликта и объявить программу воссоздания единства гражданского общества на условиях национального примирения; придать восстановительному процессу этнически нейтральный характер (освобождение заложников, возврат беженцев, ответственность за присвоение чужой собственности, организация медицинского обслуживания); не допускать героизации террористов и экстремистов во избежание превращения их в политических лидеров; начать общественный диалог всех этнических групп для реформирования общества; отказаться от драматизации конфликта и не допустить его фиксации в «исторической памяти» этноса, чтобы последующие поколения не могли возродить вновь «дух конфликта».

Кроме того, все перечисленные способы и методы регулирования этнических конфликтов в каждом из периодов их развития могут быть дополнены методами ослабления и торможения конфликтов. К такому типу методов можно отнести метод деконсолидации конфликтующих сторон, который означает отделение с помощью специальных мер наиболее радикальных элементов или групп от других, более склонных к компромиссам и переговорам. Как показывает практика, эффективным методом ослабления и торможения конфликта является использование разного рода санкций (от символических до военных) по отношению к конфликтующим сторонам. В качестве санкций обычно применяются прекращение поставок вооружения и боеприпасов, горючесмазочных материалов воюющими сторонами, торговых и экономических отношений. Военные санкции (вооруженное вмешательство) считаются допустимыми в этническом конфликте, если в ходе него имеют место массовые нарушения прав человека[1].

Весьма эффективным методом ослабления этнополитических конфликтов зарекомендовал себя метод краткого прерывания конфликта путем объявления прекращения боевых действий или моратория на них. В результате этого

быстро меняется общий эмоциональный фон конфликта, снижается накал страстей, ослабевает общая консолидированность групп в конфликте[3].

Одним из важнейших способов предотвращения этнополитических конфликтов является формирование у членов полиэтничного общества правового сознания, уважения принципов гражданского общества, исключаяющих ущемление гражданских прав, которое неизбежно возникает в разгоревшихся конфликтах подобного рода. Стремление индивидов к этнической самоидентификации, этнической консолидации, с одной стороны, кажется их естественным правом и вполне прогрессивным. Но конкретные действия, направленные на воссоздание идентичных мелких этнических образований во имя культурной или религиозной автономии, ведут к разрыву сложившихся связей в данном сообществе. Ориентации на этническую солидарность, которая возникает в периоды социально-экономического и духовного кризиса общества, необходимо противопоставить идею социальной интеграции на базе ценностей гражданского общества, а значит, следует активнее формировать гражданское самосознание у членов общества. Ценности гражданского общества должны доминировать в сознании людей над этническим.

Итак, подводя итог, следует отметить, что при возникновении конфликта, прежде всего, необходимо его локализовать, четко определить границы конфликта, т.е. не допустить введения в него этнического и религиозного факторов, которые могут послужить катализатором для его эскалации. Кроме того, необходимо избегать упрощения проблем, жесткого противопоставления интересов, целей конфликтующих сторон: как бы ни развивала каждая из них свою аргументацию, в равной мере будут развиваться аргументы и другой стороны. Поэтому важно выйти за пределы сложившейся конфликтной ситуации, т.е. рассмотреть ее с точки зрения общих принципов, объединяющих позиции обеих сторон, например, гуманизма, демократии, свободы индивида, равенства и т.п. Очень важно исключить всякие бюрократические проволочки в решении возникших проблем. Бюрократизация, формализация отношений между хозяйственными, политическими деятелями и гражданами, между руководителями и подчиненными может привести к трансформации обычного трудового или даже бытового конфликта в этнический или религиозный[1]. И, наконец, важное условие управления конфликтами – недопущение промедления в принятии мер; время в разрешении конфликта является одним из решающих факторов, ибо промедление в признании конфликта и в управлении им приводит к эскалации действий и к усугублению последствий.

При этом не исключено применение государственного насилия по отношению к тем, кто нарушает законы, ущемляет права и свободы других членов общества. Оно правомерно как насилие над насилием, т.е. как отрицание насилия, которые чаще всего сопровождают этнополитический конфликт.

Литература

1. Василик М.А., Вилунас Ю.Г. Политология. СПб.: Пионер; М.: Астрель: АСТ, 2005. 398с.
2. Никовская Л.И. и др. Мировые процессы, политические конфликты и безопасность. М.: Российская ассоциация политической науки, 2007. 248с.
3. Арцибасов И.Н., Егоров С.А. Вооруженный конфликт: право, политика, дипломатия. М.: Междунар. отношения, 1989.169с.

ОСОБЕННОСТИ РЕЛИГИОЗНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ В СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИХ ПРОЦЕССАХ ЕВРОПЕЙСКОГО СОЮЗА

Усиление интеграционных связей, миграционных процессов и тесное смешение различных этносов порождает активное взаимодействие различных культур, а неопределенность социально-политического бытия усиливает проблему этнической и религиозной самоидентификации в современном мире.

Сегодня в европейском пространстве возрастает присутствие иноэтнических и инокультурных сообществ, актуализируется их уникальность и самобытность, усиливается апелляция к религиозным ценностям. И хотя современная Европа все еще остается христианской, тем не менее, наблюдаются процессы духовной трансформации на фоне подъема ислама, что со временем может изменить этнокультурный облик Европы.

Лидерами стран в Западной Европе, с большой долей мусульманского населения являются Франция (10%), Германия (5,2%) и Великобритания (4,6%). Точное количество мусульман в ЕС назвать затруднительно. Их приблизительное количество варьируется от 15 до 25 млн. чел. [1]

Отношения мигрантов и принимающего общества обладают особой спецификой и не позволяют утверждать о полной интегрированности мусульман в европейское сообщество. Мусульмане-мигранты зачастую воспринимают культурный мир Европы в качестве угрозы своей национальной и религиозной идентичности и при интеграции в локальное сообщество, явно игнорируют национальный уровень. Об этом свидетельствует появление в принимающих странах этноконфессиональных анклавов, занимающих целые кварталы (в Берлине – турецкий район Кройцберг; в пригороде Парижа арабский район Ла-Курнеф; в Лондоне – ТауэрХэмлетс и т.д).

Однако, численность мусульман в странах ЕС растет не только за счет миграционного потока и высокого уровня рождаемости, но и за счет новообращенных европейцев (этнических немцев, французов, англичан и других), принявших ислам. Так, по данным исследования организации Faith Matters, в обществе активизируется тенденция перехода коренных британцев в ислам, в том числе и в подростковой среде [2]. Сегодня в Британии насчитывается до 70 тысяч неофитов, при этом европейские женщины чаще мужчин меняют веру [3].

Рост мусульманской общины, обособление исламского сообщества, вызывают обеспокоенность среди коренного населения, и нередко воспринимаются в качестве угрозы, усиливая националистические настроения и ксенофобию. Европейцы, заинтересованные в рабочей силе (мигрантах), но обеспокоенные ростом безработицы и демографическими изменениями, преступностью, ассоциируют негативные явления с мигрантами. Экстремизм и терроризм часто воспринимаются как неотъемлемый атрибут ислама. Такой риторикой для привлечения электората активно пользуются ультраправые и правые

политические партии, а антииммиграционные инициативы получают немалую поддержку среди населения.

По результатам исследования, проведенного в 2011 г. Pew Research Center, 58% европейцев охарактеризовали мусульман как фанатичных, 50% - жестоких, склонных к насилию, 39% назвали высокомерными, 35% - эгоистичными, 23% считают их аморальными, и только 30% указывают на то, что мусульмане толерантны, а 22% полагают, что они уважают женщин [4, с. 19]. При ответе на вопрос: «Какая религия является самой жестокой?» 90% французов, 79% немцев и 75% британцев ответили, что это ислам [4, с. 23].

В целом европейские мусульмане умеренны и находят возможность исповедовать ислам в условиях западного образа жизни. Тем не менее, именно второе и третье поколение мигрантов, являющихся полноправными гражданами государства, становится наиболее привязанным к исламской культурной традиции и не старается интегрироваться в европейское общество.

Однако исламское население Европы не ограничивается только умеренными мусульманами. Наблюдается процесс радикализации мусульманского движения. Большинство исследователей сходятся в том, что доля радикалов в среде европейских мусульман составляет 0,5% [5]. Благодаря ориентации Европы на либеральные ценности (свободу слова и т.д.), радикалы относительно свободно могут выражать свои идеи. Отличаясь бескомпромиссным неприятием «чужой» идеологии и выражая готовность к вооруженной борьбе за доминирование собственной, радикализм, может трансформироваться в терроризм. Проблема терроризма становится всё более актуальной. До недавнего времени одной из самых спокойных стран считалась Германия. Однако летом 2006 г. спецслужбы ФРГ обнаружили подготовку к терактам в аэропорту на американской базе в Рамштеине и в ряде других объектов. Таким образом, на сегодняшний день в Европе терроризм трансформировался из внешней угрозы во внутреннюю. Он всё больше приобретает системный характер, а теракты нередко совершают молодые экстремисты, зачастую получившие европейское образование и применяющие современные технологии.

Международные политические события, особенно в исламских странах оказывают влияние на настроение мусульман в Западной Европе. Сегодня на фоне действий «Исламского государства», власти ЕС крайне обеспокоены ростом массового радикального фанатизма, особенно в молодежной мусульманской среде. По информации западных СМИ, к армии «халифата» примкнули около 3 тыс. чел. из США, республик бывшего СССР, в т. ч. – из России (преимущественно из Чечни), а также из ряда европейских государств [6].

Сохранению идентичности мусульман способствует и их связь с религиозно-правовой традицией [7, с. 79]. С увеличением доли мигрантов в населении стран ЕС, все чаще возникают ситуации, разрешить которые в европейском правовом поле весьма затруднительно. Речь идет о гражданских делах, связанных с бракоразводными процессами, разделом имущества, вопросами наследования и прочих.

Попытки лоббирования прямого применения мусульманского семейного права в Англии предпринимались уже с середины 1970-х гг., однако не увенчались успехом. В результате в мусульманской общине стали оказываться

неформальные услуги по разрешению споров, например, при мечетях стали действовать «шариатские советы». Со временем это привело к появлению «гибридного семейного права», обращающегося одновременно к двум системам права (национальной и мусульманской). В марте 2014г. правовая система Великобритании (CommonLaw) впервые пополнилась законами шариата, когда было издано новое официальное руководство для адвокатов. Речь идет о начале предоставления британскими юристами услуг по составлению завещаний, отвечающих нормам исламского права. Подобный симбиоз права выступает как относительно новый механизм интеграции в принимающее общество, позволяя мусульманам сохранять свою идентичность.

Таким образом, современные миграционные процессы в Европе характеризуются определённой противоречивостью в силу интенсификации религиозного фактора. Продуцируя формирование идентичности среди этнически гетерогенного населения, религия (в данном случае ислам) становится аналогом этнических аспектов в социальном и политическом контексте.

Мультикультурализм как практика конструирования политической нации, не смогла в полной мере обеспечить необходимый уровень консолидации европейского сообщества, о чем несколько лет назад заявили лидеры стран ЕС. Возникла необходимость формирования новой общеевропейской идентичности, которая смогла бы согласовать различные религиозные традиции (например, христианскую идентичность и мусульманскую).

Ислам сегодня прочно вошел в европейские социально-политические процессы, однако, религиозная идентичность не всегда является созидательной силой, иногда она может выступать потенциально деструктивным фактором и провоцировать конфликты. Прикрываясь религиозной риторикой в своих действиях пытаются радикальные и экстремистские силы.

Современная политическая реальность требует усиления государственного регулирования миграционных процессов в целях минимизации и превенции основных рисков и угроз. Необходимо активно задействовать институты гражданского общества, разрабатывать и внедрять программы по адаптации мигрантов, налаживать диалог в мультикультурном пространстве.

Литература

1. Четверикова О. Демографическая революция в Европе: миграция как орудие глобализации. URL: http://communitarian.ru/publikacii/evropa/demograficheskaya_revolyuciya_v_evrope%3A_mi_graciya_kak_orudie_globalizacii/ (дата обращения: 01.11.2014).
2. В Великобритании подростки принимают ислам. URL: <http://www.islamnews.ru/news-139000.html> (дата обращения: 22.10.2014).
3. В Великобритании растет число обращений в ислам. URL: http://www.bbc.co.uk/russian/uk/2011/01/110104_uk_islamisation.shtml (дата обращения: 20.10.2014).
4. Common Concerns About Islamic Extremism. Muslim-Western Tensions Persist. URL: www.pewglobal.org/files/2011/07/Pew-Global-Attitudes-Muslim-Western-Relations-FINAL-FOR-PRINT-July-21-2011.pdf (дата обращения: 10.11.2014).
5. Цуркан А. Европа: исламский радикализм vs. модернизация религии. URL: http://www.perspektivy.info/misl/cenn/jevropa_islamskij_radikalizm_vs_modernizacija_religij_2014-07-24.htm (дата обращения: 25.10.2014).

6. Крылов А. Реинкарнация «халифата». URL: <http://www.mgimo.ru/news/experts/document261013.phtml> (дата обращения: 02.11.2014).

7. Тхор В.В. Самоидентификация мусульман Англии: политико-правовой аспект. Дис. ... канд. полит. наук. М., 2014. 159с.

ИЛЬДАР ГАФФАРОВ

ОБРАЗЫ РЕГИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ В КОНТЕКСТЕ СОВРЕМЕННЫХ ТРАНСФОРМАЦИЙ

Многообразие культурного ландшафта на территории РФ создают важные предпосылки для формирования общероссийского культурного, исторического поля и тем самым закладывают основы формирования российской цивилизации. Цивилизационный подход в рассмотрении таких элементов как религия, экономическую, политическую, социальную организацию, систему образования и воспитания и др. является оптимальным в XXI веке. Почему? Мы живём в период достаточно крупных трансформаций в рамках классических государств, которые являются предметом многочисленных пересмотров не только с позиций территориальных, но и более мягких уязвимых духовных факторов. А это уже другой более сложный уровень, связанный со своеобразным складом жизни, воплощающийся в особенностях культуры, ценностей, норм, обычаев, традиций и т.д. Так вот наша задача безболезненно преодолеть период от классического мироустройства к более сложному цивилизационному мироустройству. А для этого важно изучать духовное поле в контексте в части региональной идентичности. Должны ли мы бояться многообразия историко-культурных полей в рамках одного государства. Ни в коем случае. Это ещё более укрепляет основы государства, в котором мы живём и творим. Цель нашей работы – рассмотреть региональные проблемы современности в тесной связке с глобальными процессами, происходящими в мировом масштабе.

Цивилизационный подход во многом является аморфным и представляет собой «некий интуитивный образ, чем логически выверенную категорию»[1]. С этим несложно согласиться. Вот формулировка Тойнби по данному вопросу: «культурный элемент представляет собой душу, кровь, лимфу, сущность цивилизации; в сравнении с ним экономический и тем более политический планы кажутся искусственными, заурядными созданиями природы и движущих сил цивилизации»[2]. Эта формулировка не нова, но актуальна как никогда. Всем известно, что Тойнби разделил цивилизации на три поколения. Т.е. они могут развиваться или не развиваться. Последние, как правило, исчезают с мировой арены. Творческий акт затруднён статичностью примитивных обществ: в них социальная связь (подражание), регулирующая единообразие поступков и устойчивость отношений, направлена на умерших предков, на старшее поколение. Как он подметил: «при резком изменении условий жизни общество не может дать адекватного ответа, перестроиться и изменить образ жизни»[2]. И отсюда следует что, продолжая жить и действовать так, как будто ничего не случилось культура постепенно гибнет под грузом неразрешённых вопросов.

Разнородность культур – во времени и пространстве – позволяет понять, почему некоторые типы государств, соответствующие одним условиям, останавливались в развитии в других условиях. Цивилизация как считает американский политолог С.Хантингтон, представляет собой «некую культурную сущность». Т.е «культурная самоидентификация людей может меняться, и в результате меняются состав и границы той или иной цивилизации» [3]. И продолжая мысль С.Хантингтона можно сделать вывод, что все эти изменения кардинально могут повлиять и на границы и народонаселение современных государств. Вообще, как видим, цивилизация первична, а государство в современном понимании вторично. Цивилизацию можно определить как культурную общность наивысшего уровня, как самый широкий уровень культурной идентичности людей. Так как же в современном динамично изменяющемся многовекторном мире найти ответы и перестроиться, исходя из современных реалий?

Универсальное государство представляет последнюю фазу общества перед его исчезновением, а мираж бессмертия возникает вследствие ошибочного восприятия универсального государства как цели всякого человеческого существования [2]. Если доминирующему меньшинству и удаётся через самоотречение обрести новую возможность принять участие в творческом акте, оно всегда приходит к этому вопреки себе. Некоторые общества выделяют из своей среды «творческое меньшинство». Эта горстка энтузиастов – примером собственного бескорыстного служения увлекает за собой косную массу, и общество переходит на новые рельсы.

Мы взяли за основу то, что цивилизации ещё никогда не были автономны. Их всегда старались подмять и подминали под себя универсальные государства. Пожалуй, здесь надо остановиться. И вначале разобрать термин «регионализм». Активный выход регионов государств на международную арену приводит к необходимости осмысления этого процесса и выяснения его истоков. Почему? В современном мире происходит осмысление процессов, которые произошли в последние столетия. Именно тогда наметился в крен пользу универсальных государств. Что это означает? По сути дела регионализм ушёл в тень, а вернее был отодвинут на задний план. И это приводило к многочисленным издержкам во всех сферах общественной жизни. Но трендом эпохи всё же было универсальное государство. Несомненно, это приводило к многочисленным противоречиям, которые нередко потрясали основы универсальных государств. Пик этих противоречий ещё не достигнут.

Регионализм XX века носил латентный характер. Эта проблема изучалась и прижилась в Западной Европе и США. Почему? С одной стороны Запад очень быстро перестраивался к определённым вызовам политического, социально-экономического и культурного характера и умело формулировал и ставил задачи касающихся регионов в целом и в частности. Возникла своего рода двухуровневая власть. Вот эти уровни никогда не пересекались. С этим нельзя не согласиться. Параллельно государство эволюционировало в сторону избавления от избыточной массы обязанностей и встраивало их на другой уровень – региональный. Причём полномочия регионального уровня росли, а уровень центральный терял эти полномочия и до сих пор этот процесс продолжа-

ется. Регионализм нацелен на рациональное использование ресурса управления. И поэтому регионализм свойственен всем государствам в большей или меньшей степени. Носители идей регионализма критически относятся к традиционному государству наций. Особенно эти позиции сильны в Европе. Приверженцы идей единой Европы считают, что по мере усиления интеграции основной объём власти и полномочий будут переходить в регионы. В Европе это Бургундия во Франции, Бавария в Германии. Надо понимать, что регионализм – это общее наименование разных интеллектуальных воззрений, нацеленная на рациональное использование естественного пространственного многообразия регионов, которая проистекает из общей идентичности, культуры, истории, географии. Но есть ещё регионализм активный. И он является надстройкой к существующей естественной общей идентичности того или иного региона. Это создание региональных институтов управления. В то же время важно понимать, что процесс регионализации не должен протекать бесконтрольно и не должен носить процесс неуправляемый, который чреват большими потрясениями во всех сферах общественной жизни и в политическом смысле может привести к децентрализации власти. Почему это может принять опасные формы? Человечество, к сожалению, ещё не научилось к автономному гармоничному самоуправлению.

Закругляя нашу тему нужно сказать, что готовых рецептов безболезненного перехода от классических государств к образованиям более крупным и в целом естественным не существует. Человечество ещё не готово перешагнуть грань называемую «через себя и сквозь себя» так как эгоистическое начало в человеке, в обществе ещё не сломлено, не ликвидировано, а наоборот мы видим, что таковое только прогрессирует, принимая новые ужасающие формы, перед которыми человек слаб, беззащитен и одинок. Соответственно общество не готово осознать и принять изменения, происходящие в современном мире. Растерянность в умах и сердцах порождает безволие и обречённость. Таков современный мир и современный человек. В данном небольшом исследовании мы попытались с точки зрения исторической проанализировать череду ключевых событий, которые по нашему мнению являются переломными во всех сферах жизни общества. В ходе этих событий появлялся новый мир, более сложный и в начале непредсказуемый. Всё вышесказанное нуждается в обеспечении определённой безопасности, стабильности и главным образом предсказуемости мировых процессов идущих на уровне государственных и на уровне региональных сообществ. Президент Российской Федерации В.В.Путин сказал: «Мы обязаны извлекать уроки из истории, если хотим иметь мирное и счастливое будущее»[2]. Действительно это очень важно, так как накладывает груз ответственности за судьбы миллионов людей и будущих поколений.

Литература

1. Дилигенский Г.Г. «Конец истории или смена цивилизаций?//Вопросы философии.1991.№3.С.23.
2. Графский В.Г. Всеобщая история права и государства. Учебник, М.: Норма; Инфра-М, 2000.
3. Тойнби А. Постижение истории. М., 1997. С.24.

4. Ключевский В.О. Курс русской истории // Ключевский В.О. Сочинения в 9 т. М., 1987. Т. 3.
5. История государства и права России/ под ред. И.А. Исаева. М., 1999. С. 410.
6. Всеобщая история государства и права/ под. ред. З.М. Черниловского. М., 1999. С. 115.
7. Каганский В.Л. Война и революция регионов (К «анатомии» советского пространства) // Независимая газета. 1991. №171. 31.12.

РОМАН ГЕРМАН

ИСТОРИЧЕСКОЕ ПРОШЛОЕ КАК РЕСУРС ЭТНОПОЛИТИЧЕСКОЙ МОБИЛИЗАЦИИ НА СЕВЕРНОМ КАВКАЗЕ

Историческое прошлое и историческая память о нем зачастую выступает одним из главных ресурсов процесса нациестроительства. Более подробно взаимосвязь nationbuilding с интерпретациями исторического прошлого рассмотрена в теориях этноконструктивизма [1].

Среди множества регионов России именно на Северном Кавказе, на наш взгляд, история используется в политических целях наиболее широко и активно. Одной из доминантных характеристик кавказского региона является гиперисторицизм общественного сознания. Гиперисторицизм – это чрезмерная актуализация и чрезмерное давление на региональную политику тех элементов исторического наследия, что были мифологизированы как народной памятью, так и политическим сознанием [2].

История на Северном Кавказе является политическим игроком, важнейшим легитимирующим ресурсом: сюжеты исторического прошлого актуализируются в целях подтверждения претензий на территорию, в целях повышения этнического статуса, оказывают непосредственное влияние на принятие ключевых политических решений [3].

На Северном Кавказе мы наблюдаем проявления исторической политики. Под исторической политикой мы понимаем систематическое и целенаправленное использование сюжетов исторического прошлого для достижения политических целей текущего момента.

Власти республик Северного Кавказа охотно прибегали к такому безотказному способу воздействия на эмоциональную сферу массового сознания, как всенародные празднества по случаю юбилейных дат, мероприятия, связанные с утверждением государственной атрибутики и национальной символики. Последнее, как правило, не обходилось без привлечения исторического наследия.

С целью добиться от федерального центра финансовых дотаций и иных преференций региональными элитами республик Северного Кавказа используются суждения о жестокой экспансионистской политике Российской империи/СССР, что крайне искажает реальную, куда более неоднозначную картину российско-кавказских взаимоотношений.

Многие этнополитические конфликты новейшего времени на Северном Кавказе имеют глубокие исторические корни. В частности, к таковым относится осетино-ингушский конфликт по поводу территории Пригородного района. Обе конфликтующие стороны, отстаивая свою правоту, приводят аргументы исторического характера.

Историческая политика становится инструментом влияния заинтересованных политических акторов, как внутрироссийских, так и зарубежных.

Когда в 2006 г. активно обсуждался вопрос об укрупнении Краснодарского края за счет вхождения в его состав Адыгеи, активизировалась деятельность «Черкесского конгресса», учрежденного за несколько лет до этого в Адыгее.

Сегодня это движение мобилизует националистически настроенные силы, выдвигающие лозунги признания «геноцида» адыгов в Кавказской войне, права на репатриацию диаспоры и возвращения территорий под эту репатриацию (так называемая «деколонизация» адыгских земель). С этой целью мобилизованы зарубежные черкесские организации.

Накануне и сразу после принятия Международным олимпийским комитетом решения о проведении Олимпиады-2014 в Сочи «Черкесский конгресс» и родственные ему организации в унисон заговорили о невозможности реализации этого решения, заявляя, что Олимпийские игры не могут проводиться на «костях» народа, подвергшегося «геноциду» [4].

Кавказская война XIX века, действительно, носила ожесточенный характер, и обе стороны демонстрировали в ней храбрость и героизм. И хотя Кавказская война формально закончилась 150 лет назад, черта под ней, как видно, еще не подведена. Было бы правильным установить на территории Красной Поляны памятник убьхам и российским воинам, погибшим в Кавказской войне. Этот символический акт, несомненно, будет положительно встречен общественным мнением на Кавказе и ослабит позиции этнонационалистов.

Итак, можно заключить, что участниками политических процессов в северокавказском регионе для достижения своих целей в ходе этнополитических конфликтов используются соответствующие интерпретации исторического прошлого. Вместе с тем, актуализация релевантных сюжетов исторического прошлого может быть использована как мера гармонизации отношений в регионе, как средство примирения. Особое внимание следует уделить школьным и вузовским учебникам по истории Северного Кавказа, документальным и художественным фильмам о Кавказе, информационным программам. Также историческое образование в северокавказском регионе должно быть поставлено под государственный контроль.

Литература

1. Герман Р. Э. История как средство создания нации: анализ этноконструктивистских теорий // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов, 2012. № 7 (21): в 3-х ч. Ч. I. С. 43-50.
2. Панарин С. А. Позиционно-исторические предпосылки кавказской политики // Политические исследования. 2002. № 2. С. 100.

3. Маркедонов С.М. Исторический фронт «Пятидневной войны на Кавказе» // Посев. 2009. № 4 (1579). С. 11.

4. Манкиев М. Неподведенные итоги Кавказской войны и Олимпиада-2014 в Сочи // Фонд стратегической культуры. URL: <http://fondsk.ru/article.php?id=1031> (дата обращения: 11.12.2013).

КАРИНЭ ГОВОРУХИНА

ПРОБЛЕМЫ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ИНФОРМАЦИОННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ В УСЛОВИЯХ ПОЛИЭТНИЧНОГО ОБЩЕСТВА

Среди угроз и вызовов, связанных с развитием информационного общества можно особо выделить такие как: «цифровой разрыв» между странами и в рамках отдельного государства, проблемы информационной безопасности (на всех уровнях – отмировой политической системы до индивида), борьба с преступностью в сфере высоких технологий, обеспечение свободы выражения и контроля над содержанием сети Интернет, защита интересов этнических меньшинств и молодежи, сохранение национального языка и культурного наследия в условиях «информационной глобализации», защита интеллектуальной собственности и обеспечение доступности информации.

В этих условиях и происходит формирование социальной картины мира отдельных индивидов – многогранного многозначного понятия, позволяющего с той или иной степенью адекватности прояснить отношение людей к жизни, друг к другу, к обществу и государству, в которых они взаимодействуют в сложном переплетении различных субкультур [1, с. 9]. Таким образом, данный конструкт может использоваться как инструмент познания духовно-теоретического и духовно-практического освоения мира, процесса коммуникативного взаимодействия акторов политического процесса в плюралистичном этно-конфессиональном пространстве и различных интерпретативных измерениях, создающих особую дополнительную сложность для исследования и формулирования основных направлений информационной политики. Данную ситуацию можно классифицировать как конфликт интерпретаций [2].

Проблематика обеспечения информационной безопасности в современных условиях может рассматриваться в различных аспектах и на разных уровнях анализа: от мировой политической системы до отдельного индивида, не утрачивая при этом своей «глобальности». Российская наука и дипломатия уделяют особое внимание межгосударственному уровню информационной безопасности как наиболее важному, а именно, возможному использованию информационно-коммуникационных технологий в военных целях. Так, А.В. Крутских формулирует проблему предельно четко: «Всовременном мире происходит постепенная "информатизация" вооруженных сил и "интеллектуализация" традиционных вооружений. Информационное оружие становится важным элементом военного потенциала государств. Оно эффективно дополняет традиционные военные средства и в ряде случаев способно заменить их» [3].

Обращает на себя внимание тот факт, что в эпоху глобализации в информационном пространстве действуют следующие законы воздействия на массовое сознание:

1. Закон многонаправленности. Массовое сознание получает информацию как из официальных, так и из неофициальных каналов;

2. Закон многослойности. Сообщение содержит не только факт, но и его интерпретацию, поэтому заимствование факта вместе с чужим сообщением несет в себе и его интерпретацию, которую массовое сознание может даже не замечать;

3. Закон активной роли аудитории. В информационном мире сообщение формулируется как источником, так и потребителем информации, иногда даже роль потребителя информации может быть выше, чем роль источника;

4. Закон информационного усиления. Искажение информации достигается за счет изменения значимости события (общественные приоритеты), но удержать внимание можно только при коллективной мотивации (личных приоритетах).

Управление информационным пространством на данном этапе развития общества стремится к тому, чтобы вводить в массовое сознание информационные структуры с заранее прогнозируемым реагированием на них. И новости, и романы, и «мыльные оперы» строятся на определенной «героической грамматике». Потребители этой информации реагируют на нее, благодаря определенному вовлечению в ситуацию. Например, страх перед врагом в рамках патристической пропаганды призван трансформироваться в «гневную отповедь».

Основная озабоченность в сфере обеспечения информационной безопасности связана с возможностью применения информационно-коммуникационных технологий в целях, несовместимых с задачами обеспечения стабильности и безопасности полиэтничных обществ. Важнейшими угрозами здесь видятся враждебное использование информационно-коммуникационных технологий на уровне государств против информационных инфраструктур в политических, в том числе военных целях, преступная и террористическая деятельность в киберпространстве.

Таким образом, в современных условиях особенно значимой представляется проблема обеспечения информационной безопасности в полиэтничных обществах, формирования современных институтов, способных упреждать негативные информационные воздействия (слухи, дезинформацию, фальсификацию исторических событий, деструктивную информацию националистического и экстремистского толка), оказывающие разрушительное влияние на межнациональную обстановку, а также ориентировать информационные потоки, особенно СМИ, в сферу этнотолерантности, этнокультурного взаимопонимания и восприимчивости ценного опыта освоения мира.

Литература

1. Проблемы устойчивого развития региона: информационная безопасность полиэтничного социума (на материалах Юга России). Краснодар, 2011.
2. Рикер П. Конфликт интерпретаций. М., 1993.
3. Крутских А.В. К политико-правовым основаниям глобальной информационной безопасности // Международные процессы. 2008. Т. 6. №1(16).

СОЦИАЛЬНАЯ НОСТАЛЬГИЯ КАК КОНСТРУКТ КОЛЛЕКТИВНОЙ ПАМЯТИ

В настоящее время весьма необходимым становится изучение социальной ностальгии как явления, обретающего определенные специфические черты и общественное значение. В условиях резких социальных перемен и нарастания разочарованности достигнутых успехов, острая потребность значительной части общества удержаться в привычных для себя социокультурных рамках приводит к актуализации «образа прошлого». Социальная ностальгия предстает своего рода индикатором нарушения взаимосвязи времен, когда переживания реальной действительности обращено к прошлому, а настоящее оценивается только в сравнении с ним. Для Украины субъектом социальной ностальгии стали целые классы, слои, большие совокупности людей, в качестве же объекта фигурирует общество в целом.

Действительно, в последние годы память об исторических событиях и явлениях прошлого стала важным источником для общественных настроений, выражения национального самосознания людей. Коллективная память выступает в качестве предмета конструирования социальной реальности. Через призму своего субъективного видения представители разных социальных групп интерпретируют процессы и явления истории в соответствии со своими интересами. Мало того, обращение к памяти социального прошлого является важной потребностью общества, так как в ней заключен большой воспитательный потенциал. Коллективная память обеспечивает связь поколений, их преемственность, создает условия для общения, взаимопонимания и определенных форм сотрудничества людей в различных сферах социальной действительности, способствует консолидации общества и сохранению его единства.

В этой связи, одной из главных причин возникновения социальной ностальгии является резкая смена привычных ориентиров в переходном обществе. Разуверившись в настоящем, не ожидая позитивного в будущем и не будучи способным адаптироваться к новым ценностям и ориентирам, ущемленные социальные группы пытаются найти себе обнадеживающие вспомогательные точки в прошлом.

Заинтересованные политические силы с помощью механизмов манипулирования общественным мнением пытаются деконструировать социальную ностальгию, превращается ее в долговременную социальную амнезию. Так, Советский Союз подается сегодня как нечто нехорошее, устаревшее, давно умершее. И в этом «заслуга» организованного целенаправленного информационного обеспечения манипулирования общественным сознанием. С начала 90-х годов советское прошлое подвергалось жесткой критике со всех сторон. Его клеймили позором экономисты, политики, историки, ученые, общественные и религиозные деятели. В большинстве средств массовой информации слово давали именно тем, кто всячески охаивал советский строй. Эта кампания по травле прошлого продолжается до сих пор. Для любого внимательного телезрителя очевидно. Что плюнуть в советскую историю является для большин-

ства тех, кто присутствует на телеэкране, признаком хорошего тона. Ломка стереотипов сознания, перестройка мировоззрения захлестнула в первую очередь молодежь. В ее сознании глубоко вошли основные антисоветские постулаты. Новое поколение стали воспитывать на иных ценностях, идеалах, образах, нежели тех, которые хранили их отцы и деды. В результате традиционный конфликт отцов и дедов в украинском обществе перешел все нормальные границы, образовалась пропасть во взаимоотношении поколений. Организованное, целенаправленное умолчание достижений советского общества как многомиллионной социальной организации сформировало общественный склероз. Он проявляется как феномен массового забывания, как способ вытеснения общественного сознания памяти о том, что было в обществе еще несколько лет назад.

Между тем в Советском Союзе к 70-80 годам XX ст. возникло уникальное для всей человеческой истории общество, показавшее народам мира реальную альтернативу капиталистическому развитию, в котором голод, нищета, бездомные, беспризорные практически отсутствовали. К минимуму была сведена преступность, наркомания, межнациональные конфликты. Советский Союз, как социальная организация стал общим домом для всех народов - никто не выяснял тогда, чья тут земля – армянская или азербайджанская, русская или чеченская, украинская или татарская – земля была общей для всех. Постоянная забота о детях и семье не была пустым звуком. Основные материальные блага воспринимались как естественные: бесплатное получения жилья, детские сады, общеобразовательные школы, система высшего образования, социальная защита пенсионеров и многое другое. Ряд зарубежных ученых считают, что Советский Союз – общемировой клад социальных, государственных и экзистенциальных моделей. Европейский союз внутри и Американская империя вовне строятся сегодня на беззастенчивом заимствовании этих моделей. Именно они, а не политики постсоветского пространства, первыми и наиболее успешно наследовали СССР. К сожалению, молодое поколение действительно знает о советском обществе непростительно мало. Нет теоретической картины того, что именно представляли собой общественные структуры огромной социальной организации Советского типа. Как заявил французский социолог П. Бурдьё; «Этот вопрос мало изучен, потому что русские не смогли проработать его как следует. Оставаясь в рамках псевдополемиических концепций вроде «тоталитаризма» [1].

Конкретизируя и уточняя некоторые теоретические вопросы изучаемой темы, несомненно, ждущей в дальнейшем своей предметной разработки, можно определить социальную ностальгию как создаваемый миф о социальном строе, общественных отношениях, образе жизни, идеалах и целях, свойственных прошлому. Часть этот миф являет собой картину одновременно естественную и ирреальную, представляет некий символ, оперируя которым, люди пытаются познать повседневную реальность и моделировать мир сквозь призму идеального архетипа.

Литература

1. Люмьер–Экспресс. 1996. № 2. С.3.

ИСТОРИЧЕСКАЯ ПАМЯТЬ И ЕЁ ВЛИЯНИЕ НА ВОСПИТАНИЕ ГРАЖДАНИНА

Констатируя печальные итоги развития страны на рубеже XX–XXI веков, нужно отметить, что более заметной стала постепенная утрата нашим обществом патриотического сознания. Широкое распространение получили равнодушие, эгоизм, индивидуализм, цинизм, немотивированная агрессивность, неуважительное отношение к государству и социальным институтам. Вот почему в этих условиях очевидна неотложность решения на государственном уровне острейших проблем системы воспитания гражданина – патриота как основы консолидации общества и государства.

Центральная роль в решении задач гражданского и патриотического воспитания, как показывают наши исследования, базируются на традиционных фундаментальных основаниях, одним из которых является историческая память. К сожалению, должного понимания сути этого явления нет.

В современном гуманитарном знании концепция исторической памяти стала одной из самых востребованных. К ней обращаются не только историки, но также социологи, культурологи, писатели и, конечно, политики.

Ознакомившись с научными трудами Ю. Арнаутовой, П. Берка, Ф. Йейтса, Ю. Левадой, П. Нора, Л. Репиной, М. Соколовой, М. Хальбвакса, мы пришли к выводу, что историческая память представляет собой синтез и квинтэссенцию такого рода информации, которая в обобщенном виде достигает максимально высокого теоретического уровня интеллектуальной абстракции. [1, с. 51; 4, с. 22].

Доказано, что моделирование процесса воспитания исторической памяти в образовательных учреждениях, начиная с дошкольных и заканчивая вузами, дает качественно новое понимание научных подходов: просветительского, реализующего концепции открытого общества, цель которого – формирование свободной, социально и культурно самореализующейся личности; ситуативного подхода, апеллирующего к фундаментальным идеям исторического культурного наследия как главной национальной ценности; аксиологического подхода, возводящего на вершину аксиологической иерархии государство как высшую ценность истории и культуры данного общества и формирующего историческую память личности на основе существующих социальных уставов.

Вот почему, историческая память выступает в виде сложного и многогранного духовного образования, фиксирующего состояние устойчивости и изменчивости в общественном развитии и обеспечивающего преемственность, связь времен и поколений, что в целом является основой для правильной ориентации в будущее. Именно, способность исторической памяти воспроизводить прошлое и увязывать его с будущим, на наш взгляд, является фундаментальным свойством человека и человеческого общества.

Она представляет собой один из ключевых механизмов соединения людей этническими связями, обеспечивая идентичность исторических предков,

общие воспоминания, коллективные гордость и унижения, радость и сожаления, связанные с тем, что случилось в прошлом.

Напрашивается вывод: историческая память всегда является, с одной стороны, результатом исторического дела культуры, опыта истории того или иного народа, общества, с другой стороны, результатом поиска общественного идеала, будущего творения и ценностных отношений.

Ценностные отношения носят обобщающий характер, и, обладая данной широкой чертой, способны включить в себя всю сумму значимого для человеческой жизни. Например, любовь к природе интегрирует в себе наслаждение фауной и флорой, заботу о растениях и животных, беспокойство по поводу гибели природной красоты, а, вместе с тем, и приближения экологической катастрофы, отсюда, стремление к сохранению всего живого, воссоздание элементов природы в городском пейзаже, общение с природой [3, с. 339].

Очертить содержание воспитательного процесса с позиции ценностных отношений означает очертить круг наивысших ценностей, одной из которых является «Человек»: он – цель и мера всех вещей. Известно, что только «вечеловеченный» мир приобретает ценность, то есть мир, пронизанный идеей человека, оцениваемый с точки зрения человеческой жизни. Формирование у подрастающего поколения ценностного отношения к человеку как таковому составляет фундамент современного воспитания гражданина-патриота.

Что же означает принять человека как ценность? Во-первых, обнаружить его присутствие в окружающем мире; во-вторых, уважать его автономию, самочувствие, интересы; в-третьих, помогать ему в становлении и развитии по мере своих сил; в-четвертых, понимать во всех его проявлениях; *в-пятых*, содействовать его благу во имя жизни на земле.

В итоге, ценностная ориентация на человека порождает правильные устойчивые отношения, выступающие для окружающих людей как качества личности: дисциплина, вежливость, доброжелательность, внимательность, честность, совесть, великодушие, самоотверженность и, как обобщающее, гуманность.

Провозглашение современной жизни как наивысшей ценности, признание её неприкосновенности как принципа человеческого совместного существования на земле приносят в содержание современного воспитания в качестве второго ключевого элемента ценностное отношение к жизни. Жизни, как таковой, и жизни, как продукту человеческого творчества.

Однако, при этом надо обращать внимание на то, что декларируя ценность жизни и утверждая ее неприкосновенность, человек, тем не менее, не разрешил жуткого противоречия, заложенного в ходе самой жизни: одна жизнь должна угаснуть, чтобы расцвела другая; одна жизнь послужит средством жизни другой; отстаивая свою жизнь, кто-то вынужден пресечь жизнь другого[2, с. 146].

Отношение к жизни, как ценности, сопровождается рядом ценностных отношений как характеристик этой жизни. Они отражены в категориях «счастье», «свобода», «совесть», «справедливость», «равенство», «братство», указывающие на черты достойной жизни.

Для педагогов данные ценностные отношения означают необходимость формирования у своих воспитанников образа достойного человека жизни с этими характеристиками, так, чтобы в итоге, к началу самостоятельной жизни юноши и девушки могли вполне сознательно производить выбор: жаждут ли они свободы как безграничного своеволия или свобода предполагает их интенсивные духовные усилия по осознанию жизненного выбора; хотят ли они счастья быка, попавшего в огород с бобами, или мечтают об упоении творчеством вместе с людьми и для людей; будут ли они выстраивать свое поведение соведая, как это сказывается на окружающих, либо направят силы лишь на удовлетворение личных интересов. Как видим, введение в содержание воспитания ценностного отношения к жизни образует огромный блок отношений, обучающих частным проявлениям ребенка [2, с. 286].

Третьим содержательным блоком воспитательного процесса следует признать систему отношений, связанных с ценностью «Общества», а вернее, «сообщества», как всякого рода единения людей во имя достойной жизни. Ценностное отношение к обществу – последовательный и поэтапный процесс. Сначала общество выступает для ребенка в виде общепринятых нормативов, регуляторов его поведения в социуме. Затем раскрывается для него связь текущей жизни за счет распределения социальных ролей человека в обществе. Позже он знакомится с правовой основой общества и политическим устройством.

Образ социального устройства формируется под влиянием жизненного опыта, пережитых впечатлений, социально-политической информации, падающей на ребенка по самым различным каналам социальных коммуникаций. Юность склонна к вопросу персоналий, ее занимает величие, слава, масштабность личности, способной вести за собой людей и изменять жизнь общества, поэтому неизбежным содержанием воспитания становятся отношения к исторической фигуре, ведущей историческое социальное развитие, либо решительным образом повлиявшей на социальные повороты. Для выпускника школы, готовящегося переступить порог в самостоятельную взрослость, актуальна проблема его личной роли в обществе: мое «Я» и общества.

Нельзя также миновать в работе с подрастающим поколением и вечной проблемы идеального справедливого общества, над которыми веками бьется человеческая мысль и которая от века к веку порождает мечту и реальное движение людей к переустройству общества[5, с. 345].

Наконец, отметим еще один содержательный блок, фокусирующий в себе всю совокупность названных отношений: к человеку, к жизни, к обществу, к родине, - это ценностное отношение к труду, которое материализует всю сумму вышеназванных отношений.

Известно, прямым и окончательным способом наши отношения к человеку, к обществу, родине и жизни мы проявляем в активной деятельности. Характер труда, качество труда, усилия в труде, мотив труда, место труда в режиме существования – все это проекция указанных отношений человека к людям, обществу, родине, жизни и своему «Я», которое решительным порядком выразит себя именно в творчестве, утвердит свою неповторимость и уни-

кальность в созидательной деятельности. Отношение к труду – это выражения отношения к какой-либо иной ценности. В первую очередь, - человека.

В последнее время много говорится и пишется о новых образовательных стандартах. Есть несколько вариантов, но все они оказываются формой приобщения к образовательным стандартам «цивилизованной Европы», а тем самым и отрывом от своих собственных национальных корней. Нельзя не отметить, что предлагаемые образовательные стандарты совершенно не соответствуют необходимости духовного возрождения Украины. Духовное её возрождение невозможно без возвращения к национальным духовным истокам, без овладения богатейшим культурным наследием страны, без полного восстановления исторической памяти.

Культура – это и есть память человечества о своём прошлом, а конкретные плоды культуры – генетический код, который определяет дальнейшее развитие человечества. Утрата культурного наследия – это разрушение генетического кода, в результате чего человечество обречено на гибель.

Литература

1. Арнаутова Ю.А. Культура воспоминания и история памяти // История и память. М., 2006. С. 51.
2. Коднаспирова Г.М. Педагогика: учеб. для студентов образ. учрежд. сред. проф. образ. М.: ВЛАДОС, 2003. 352с.
3. Подласый И.П. Педагогика: учеб. для студентов высших пед. заведений. М.: Просвещение; ВЛАДОС, 1996. 432с.
4. Хальбвакс М. Коллективная и историческая память // Неприкосновенный запас. 2005. № 2-3. С. 22.
5. Харламов И.Ф. Педагогика: учеб. пособие. 4-е изд., перераб. и доп. М.: Гардарики, 2000. 519с.

ГЕННАДИЙ ГРЕБЕННИК

ТЕХНОЛОГИЯ МИФОТВОРЧЕСТВА — СЕКРЕТНОЕ ОРУЖИЕ АЛЕКСАНДРА ВЕЛИКОГО В БОРЬБЕ ЗА МИРОВОЕ ГОСПОДСТВО

Взаимное притяжение и дружба Аристотеля и Александра Македонского, величайшего ученого и величайшего завоевателя, были завязаны на грандиозный проект мироустройства, который лелеял Аристотель. Он прозревал в своем царственном ученикебудущего гегемона всех эллинов, а объединенную Элладу видел в качестве могущественной империи, распространяющей свое культурное влияние на весь остальной мир. Здесь бросается в глаза определенное сходство между Аристотелем и его великим учителем и конкурентом Платоном. Тот хотел реализовать свой план создания идеального государства при помощи тирана. Аристотель пошел дальше Платона: он сам захотел воспитать «философа на троне».

Аристотель предложил идеологию похода Александра в Азию. Он дал ему ценнейшую информацию о разных устройствах государств, их сильных и слабых сторонах. Он стал преподавать ему науку о том, как обращаться с вла-

стью большого объема. Это было приобщение к будущей миссии. По нашему мнению, Аристотель должен был вложить в голову своего венценосного ученика один принципиально важный тезис: есть наука как зрелый плод эллинской цивилизации и мнение как область веры, мифических представлений невежественных масс. Властитель может и должен использовать силу заблуждения варварских народов в своих интересах, но при этом его истинное могущество основывается на научном знании. То есть наука должна стать секретным оружием в руках завоевателя Александра, по своей мощи не менее грозным, чем его вышколенная армия.

По словам Плутарха, Александр получил тайные знания, называемые философами «устными», или «скрытыми». Вот факт: находясь в Азии, Александр узнал, что Аристотель некоторые из этих учений опубликовал в книгах, и написал ему следующее письмо: «Александр Аристотелю желает благополучия. Ты поступил неправильно, обнародовав учения, предназначенные только для устного преподавания. Чем же будем мы отличаться от остальных людей, если те самые учения, на которых мы были воспитаны, сделаются общим достоянием? Я хотел бы превосходить других не столько могуществом, сколько знаниями о высших предметах. Будь здоров» [1]. По всей видимости, негативную реакцию Александра вызвала публикация «Поэтики трагедии», где Аристотель иносказательно описывает технологию создания мифа об Александре Великом.

Племянник Аристотеля и придворный историограф Александра Каллисфен в своей книге «Деяния Александра» (ок. 330 г. до н.э.) попытался создать миф о божественной сущности Александра Великого, представив его новым воплощением Геракла. Это могло быть эффективным средством выведения его фигуры на уровень общеэллинского героя, чего и добивался Аристотель.

В штабе Александра Каллисфен возглавлял пропагандистский аппарат и отвечал за идеологическое сопровождение восточного похода Александра. Именно он обеспечил победу македонян в информационной войне. Он выполнял возложенные на него задачи средствами мифотворчества. Так, высокий дух македонской армии поддерживался умело распространяемыми слухами о необычайной везучести македонского царя, что свидетельствовало о том, что сами боги помогают ему [2, с. 205-207]. Но, думается, сам придворный мифолог полагал, что он освобожден от обязанности верить в собственное мифотворчество, что наедине с царем они как свободные эллины и друзья детства равны. Он вел себя по отношению к «богу» Александру недопустимо вольно и за это поплатился жизнью.

«Ты не Бог, Александр!» — простое слово Каллисфена, сказанное подчеркнуто спокойно в присутствии окружения из греков и знатнейших персов и последующая вспышка ярости царя, лишь подтвердившая правду факта, в мгновение разрушили мифологическую ауру вокруг него. Сошел ли Александр с ума на почве побед, пьянства и триумфальных приемов восточной знати, поверил в миф о своей божественной сущности или по-прежнему им двигал политический расчет, но порой его непоправимо заносило — вот вопрос, касающийся последнего года жизни Александра, на который нет однозначного ответа.

Как Аристотель отнесся к тому, что Александр «переключился» с Зевса на Амона? Одобрил ли он религиозный синкретизм Александра? Или все же увидел в этом угрозу своему плану эллинизировать Восток, более того, уступку восточным варварам, египетской традиции? Пожалуй, последнее. Именно здесь наметилась принципиальная линия расхождения Аристотеля с Александром. Царь, по мнению Аристотеля, в ходе своего вторжения глубоко в Азию изменил своей первоначальной миссии быть проводником общегреческого мировоззрения, эллинской цивилизованности, чему свидетельство – отказот греческого топоса в пользу египетской религиозной традиции. Он поддался мягкому давлению Востока, не устоял перед славословиями и услужливым почитанием, тогда как должен был сохранять холодный ум и четкое представление о соответствии между политической реальностью и идеологией.

Проблема свободы и проблема универсализма – вот две проблемы, на которых разошлись два гения античной древности – Аристотель и Александр. Первый хотел сохранить и укрепить национальное превосходство эллинов в мире, распространить его на Восток, тогда как другой хотел превзойти национальный уровень, объединить Древний Запад и Древний Восток как две половинки единого мира. Им овладела космополитическая идея. Аристотель видел превосходство эллинской цивилизации в великом открытии политической свободы, которая идет вровень и параллельно с открытием научного разума. Александр сознательно отказывается от этих достижений эллинства в пользу всемирной, глобальной империи и идеи абсолютной власти, которую египетский бог Амон выражал лучше, чем олимпиец Зевс.

Современникам свойственно переоценивать своё время, связывать политические технологии с появлением новых технических ресурсов передачи информации. Между тем, как показывает целенаправленный взгляд в историю, там всегда отыщутся обстоятельства, в очередной раз подтверждающие еклизиастову мудрость: ничто не ново под луной. Если речь идет об управлении политическим процессом посредством мифотворчества, то логично предположить, что в эпохи мифодоминантного мышления критически мыслящие философы могли использовать народную веру в традиционных богов для решения политических задач. Мое предположение состоит в том, что Аристотель и Александр осознанно применили технологию боготворчества для создания мировой империи [3]. Такая технология имела успех, но оказалась в конечном итоге губительной для обоих ее творцов.

Литература

1. Плутарх. Сравнительные жизнеописания. Александр. VII.
2. Ладынин И.А. Прижизненный царский культ Александра Великого: к проблеме соотношения египетских и греческих компонентов // Древний Восток: общность и своеобразие культурных традиций. М., 2001. С. 200-225.
3. Мое предположение неоригинально. Подобные рассуждения вкладывает Карел Чапек в уста Александра Македонского в одноименном апокрифе (1936).

**НЕМЕЦКИЙ ДИСКУРС О ПРОШЛОМ И ПРОБЛЕМА
СООТНОШЕНИЯ НАЦИОНАЛЬНОЙ И ЕВРОПЕЙСКОЙ
ИДЕНТИЧНОСТИ НЕМЦЕВ
(ВТОРАЯ ПОЛОВИНА XX–НАЧАЛО XXI В.)**

Выполнено в рамках работ по проекту «Человек в меняющемся мире. Проблемы идентичности и социальной адаптации в истории и современности» (грант Правительства РФ № 14.В25.31.0009)

Вопрос о соотношении национального и европейского уровней идентичности немцев в современной Германии не может быть решен без рассмотрения вопроса об их отношении к проблеме исторической преемственности.

Особая роль в формировании национальной идентичности современных немцев отводится проблеме восприятия и преодоления недавнего прошлого - периода национал-социализма в истории Германии и ее поражения во Второй мировой войне. В послевоенной Германии тема национального попадания в разряд «табу» (в соответствии с политикой денацификации). Происходит отход от идеи особого немецкого пути, потеря позитивного самообраза. Центром послевоенной парадигмы мышления немцев становится «вопрос о вине» (Schuldfrage); культивируется чувство коллективной вины, чувство стыда по отношению к отдельным эпизодам своей истории [1, с. 10]. Нация переживает сильнейший кризис, связанный с утратой идентичности.

Ситуация осложняется после раскола страны и образования двух немецких государств (ФРГ и ГДР) и разделения нации на восточных и западных немцев. «После 1949 года возникло нежелание быть немцем: понятия немецкости не существовало. Место национальной идентичности было вакантным в системе символов и норм» [2, с. 182].

«Денацифицированные» в послевоенные годы немцы стали чаще всего говорить о себе как о европейцах, как о космополитах и только затем как о немцах. По мнению П. Шульце, в европеизме немцы прятали свою идентичность, «скомпрометированную фашизмом» [2, с. 181].

Поиск национальной идентичности начинается с новой силой в 70-х гг. XX в.; предметом дискуссий все чаще становится мысль о национальном единстве. В конце 1980-х гг. возникает «Спор историков» о переосмыслении прошлого, «вопроса о вине», о немецкой ответственности. Часть представителей интеллектуальной элиты Германии подняла вопрос о ренационализации немецкой истории. Этот дискурс проявился и в 1990-е гг., он отражал взгляд на Германию как нормальное общество, которое может обсуждать не только вопросы вины, но и вспоминать немецкие страдания без отказа от достигнутого широкого консенсуса по вопросу о немецкой ответственности. Но и сегодня тень нацистского прошлого с его идеологемой расового превосходства вынуждает немецких политиков и ученых крайне осторожно обращаться к национальной проблематике. Ю. Хабермас в качестве консолидирующей идеи для немцев предлагает не национальный, а конституционный патриотизм. Приме-

чительно, что протесты против нового дискурса о прошлом звучали и звучат не только со стороны сторонников самоцензуры в самой Германии, но и за ее пределами. Например, план организации в Берлине Центра документации изгнания немцев из других стран Европы после войны вызвал крайне резкие протесты в Польше. Главный мотив – «нельзя позволить немцам отказаться от однозначной роли кающегося преступника» [3, с. 72].

ФРГ отличается активной внешнеполитической позицией в сфере европейских интеграционных процессов, является «локомотивом» европейской интеграции. Современные исследования в этой области позволяют выделить два фактора, обуславливающих эту позицию. Во-первых, отмечается, что объединенная Германия, подтверждая неизменность своего послевоенного политического курса и решительно отрицая любой особый «немецкий путь», подчеркивает свою готовность к дальнейшей интеграции в ЕС, вплоть до делегирования ему ряда полномочий суверенного государства [4, с. 91]. Во-вторых, в сознании западных немцев успешное развитие европейской интеграции долгое время связывалось с перспективой успешного решения «германского вопроса», с тем, что насущная проблема национальной идентичности граждан западногерманского государства будет преодолена в ходе интеграции ФРГ в европейские структуры [5].

Таким образом, проблема соотношения национальной и европейской идентичности в современной Германии тесно связана с проблемой преодоления прошлого. Одним из главных акторов конструирования европейской идентичности в Германии выступает государство, которое активно идет на углубление процессов европейской интеграции и, стремясь «настроить» европейскую идентичность, допускает ослабление чувства национальной идентичности. Продолжающиеся в немецком обществе дискуссии о содержании понятий национальной и европейской идентичности, базирующиеся на различных подходах, позволяют сделать вывод об отсутствии единой стратегии в решении поставленных вопросов.

Литература

1. Бонвеч Б. Вторая мировая война в национальной памяти Германии и России // Послевоенная история Германии: российский-немецкий опыт и перспективы: Материалы конференции российских и немецких историков (Москва, 28-30 октября 2005 г.): Сборник статей/ Под ред. Б. Бонвеча и А.Ю. Ватлина. М.: ДиректМедиаПабблишинг, 2007. С. 8-24.
2. Шульце П. Немецкий поиск национальной идентичности // Свободная мысль. 2007. № 11. С. 177-184.
3. Миллер А.И. Дебаты об истории и немецкая идентичность // Политическая наука. – 2005. № 3. С. 66-75.
4. Погорельская С.В. Германия на рубеже веков. Некоторые аспекты европейской политики объединенной Германии // Мировая экономика и международные отношения. 2000. № 1. С. 89-95.
5. Арапина С.В. Европейская идентичность: теория и практика (некоторые аспекты). URL: <http://ashpi.asu.ru/ic/?p=2232> (дата обращения: 05.01.2014).

ВЛИЯНИЕ ТРАНСНАЦИОНАЛЬНЫХ КОРПОРАЦИЙ НА ПРОЦЕСС МИГРАЦИИ РАБОЧЕЙ СИЛЫ И ЭТНОПОЛИТИЧЕСКУЮ МОБИЛИЗАЦИЮ

Известно, что в настоящее время государства, особенно небольшие, не могут более обеспечивать стабильный рост и развитие, полагаясь лишь на свои собственные ресурсы. Для обеспечения экономического роста необходимо углублять взаимоотношения с другими государствами, стремиться занять и упрочить свое место в общемировом производственном процессе. Некоторые государства нуждаются в поддержке со стороны других экономических субъектов – более опытных и сильных в финансовом и производственном смысле.

Исторически сложилось так, что транснациональный капитал (капитал, принадлежащий разветвленным многонациональным корпорациям) на данном историческом этапе стал тем «обеспечителем» относительной экономической устойчивости, ради которого государства вступают в конкурентную борьбу друг с другом. Причин этому множество, но важно отметить, что капитал транснациональных корпораций (ТНК), во-первых, с трудом поддается измерению, так как в процесс производства и реализации продукции ТНК вовлечено огромное число субъектов, но ясно, что это огромные средства. Во-вторых, капитал ТНК «растворен» во всем многообразии дочерних фирм, располагающихся по всему миру.

Сотрудничество с такими крупными фирмами, располагающими огромными финансовыми возможностями, конечно, является заманчивой перспективой для небольших развивающихся государств, и они, вступают в конкурентную борьбу с себеподобными, чтобы воплотить эту перспективу в реальность. Однако решение одной проблемы, как правило, порождает ряд новых.

Сегодняшний мир может представляется одним большим мегаполисом, поскольку глобализации подвержены все сферы деятельности людей. И не последнюю роль в данном процессе играет миграция рабочей силы, которая, в свою очередь, является прямым следствием деятельности ТНК.

История миграции рабочей силы насчитывает уже более, чем 100 лет. Начиная с середины XIX века, наблюдался огромный поток мигрантов из Европы в США. В последнее десятилетие сформировался новый центр привлечения рабочей силы – Юго-Восточная Азия [2].

Используя возможности, предложенные развивающимися странами – дешевое сырье и рабочая сила, ТНК могут позволить себе снизить издержки производства и себестоимость продукции. Целями же стран-экспортеров рабочей силы является сокращение безработицы, обмен знанием и опытом и т.д.

Однако европейские эксперты утверждают, что миграция с запада на восток серьезно угрожает рабочим местам и жалованию, а также грозит большими потерями для стран, выпускающей мигрантов. Эти страны рискуют столкнуться и сталкиваются с проблемой дефицита квалифицированных специалистов. К тому же они теряют положительный эффект от тех инвестиций, кото-

рые государство вкладывает в образование и подготовку тех кадров, которые покидают свою страну и готовы наниматься на менее квалифицированную работу в странах Евросоюза. Увеличение производительности труда за счет переноса технологических достижений, информации и инноваций из развитых стран в менее развитые, также способствует росту безработицы в этих странах, в особенности, низкоквалифицированного персонала [1].

Как среди ученых, так и среди политиков считается, что для органичного вхождения трудовых этнических мигрантов в жизнь нового для них социума необходимо вовлекать их в политическую и гражданскую жизнь этого социума. Однако эта задача может осложняться множеством факторов.

Во-первых, мигранты пребывают из стран, где механизмы демократизма не действуют, не отлажены или находятся на стадии зарождения, созревания. Именно поэтому нельзя ожидать от них быстрого, эффективного включения в демократию и ее процедуры. Во-вторых, многие из мигрантов не знают государственного языка принимающей стороны, а без него практически невозможно осуществлять свои политические права в полной мере. Вынужденная трудовая миграция – это, чаще всего, стресс для субъекта миграции, поэтому чувство неустойчивости, «оторванности от корней» также могут препятствовать его вхождению в гражданское общество [3].

Миграционная политика – это эффективный инструмент, посредством которого государство может ограничивать себя от негативных проявлений глобализации и, наоборот, использовать его для решения собственных экономических проблем. Такая политика включает в себя также меры, направленные на интеграцию трудовых этнических мигрантов в политическую жизнь принимающего их общества. Транснациональные корпорации, будучи могущественными акторами на мировой арене, способны подчинять, подстраивать под себя слабые и неэффективные экономики, а единство экономического пространства, стирание границ, обязывают нас быть осведомленными в этом вопросе.

Литература

1. Bari I. Economic globalization, Economic Publishing House, Bucharest, 2005.
2. Cantwell J. Transnational Corporations and Innovatory Activities. UN Library on Transnational Corporations, 1994.
3. Ciobanu S. Transnationalization – as phenomenon of world economy development// Annals of the Free International University, Economic series. Moldavia, 2007. Vol. 6.
4. Dunning J.H. Multinational Enterprise and the Global Economy. Wokingham:Edison-Wesley Publishing Company, 1993.
5. Garson J.P., Loizillon A. Changes and Challenges: Europe and Migration from 1950 to the Present: study presented on the Conference “The Economic and Social Aspects of Migration”, organize by European Commission and OCDE. Bruxelles, 2003.

FEDERICO D'AGOSTINO

**PUBLIC RELIGION, COLLECTIVE MEMORY
IN A MULTIETHNIC AND GLOBAL SOCIETY**

Public religion and civil society are closely related to a collective memory which is a social construction and representation of reality, but it is also a sedimentation and embedment of symbolic capital within a cultural and socioeconomic system in a given historical time, space and tradition. It is also a stratified reality almost as an archeological circles and where the past, and the present and the projection toward the future constitute a collective memory.

The analysis of collective memory leads to the discovery of the magma of popular religiosity, the families and kinship lineage the ethnic identities and boundaries, the mythological reference points.(Levi-Strauss),the grounding meanings (M. Weber) the place of self-transcendence into the social life (R. Bellah and H. Joas), and the collective unconscious (Freud, Jung).

The collective memory can be analyzed in a small community by looking at the intertwining of religion, ethnic identity and power relations or in a global framework where there is not only the ethnic rebound but the revival of communities resilient to the process of massification and capable of starting processes of development.

What is particularly interesting to analyze today is how the collective memory is trusted more and deeper into the artificial memory of computer and software, how collective memory persists in the ethnic communities as a form of cultural survival and social identity and how the public religion of the past may suffer or be enacted within the asynchrony between the collective memory of the past and the rapid changes of multiethnic and global society.

АНАСТАСИЯ ДЕНИСОВА

**АНГЛИЙСКИЙ ЯЗЫК КАК ФАКТОР КОНСТРУИРОВАНИЯ
ЕВРОПЕЙСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ В РОССИЙСКОМ
ПРОВИНЦИАЛЬНОМ ВУЗЕ**

Утверждение в 1993 г. новой Конституции РФ и вступление России в 90-е годы XX в. европейские организации (прежде всего, в Совет Европы) позволяют идентифицировать страну как часть европейского сообщества государств. Вместе с тем, наряду с этими и другими юридическими изменениями, требуется большой и длительный процесс формирования европейской идентичности в общественном сознании. Наиболее благодатной почвой для реализации этой задачи является студенческая молодежь, которая отличается большой восприимчивостью к процессам глобального характера, и сама стремится стать их участником. Для того чтобы общая европейская идентичность формировалась естественным способом и осознавалась на ценностном уровне, требуется, во-первых, деятельностная включенность молодежи в сотрудничество со

своими зарубежными сверстниками, и, во-вторых, создание среды и условий, в которых молодежь самостоятельно определяет свои мотивы, потребности и ожидаемые результаты от взаимодействия с зарубежными партнерами. Институт высшего образования наиболее подходит для реализации этих задач, поскольку именно он закладывает основу человеческой когнитивной деятельности, ценности, формирует его карьерные притязания и кругозор.

На протяжении последнего десятилетия система высшего образования в Российской Федерации постепенно переходит на стандарты европейской образовательной системы, чему в значительной степени способствует включение российских вузов в Болонский процесс [1]. Его важной задачей является формирование общеевропейской идентичности в сознании студенчества. Для этого предусмотрено обязательное введение программы академической мобильности студентов, которые могут выбрать семестр обучения в любом европейском вузе-партнере. Реализация программы возможна только на основе освоения хотя бы одного европейского языка, как правило, английского.

Английский является признанным языком глобального многоцелевого общения. Это язык науки, бизнеса, политики, культуры, повседневного общения, он обладает привилегированным статусом в ЕС, даже с учетом того, что существует официальная политика обеспечения равного статуса для всех официальных языков ЕС в рамках этого союза, и что идеалом ЕС является многоязычное информационное общество [2]. Освоение языка, и обучение по программе академической мобильности, способствуют формированию у студента европейских ценностей, и в итоге - европейской идентичности. Следовательно, английский язык выступает инструментом конструирования европейскости, т.к. широко известно, что вместе с языковыми конструкциями происходит и частичное заимствование ментальности.

Поэтому индикатором распространения европейской идентичности в России, в чем заинтересована и сама Россия, и европейские страны в целом, выступает владение населением, молодежью в первую очередь, европейскими языками, в частности английским. Важную роль при этом играет установка студентов на освоение иностранного языка и участие в программе академической мобильности. Для того чтобы выявить данную установку в мае 2013 г. в Южном федеральном университете (г. Ростов-на-Дону) было проведено социологическое исследование. Инструментарий включал в себя несколько блоков вопросов, ориентированных на выявление мотивации и возможностей студентов в овладении английским языком. Методом анкетного опроса было опрошено 449 студентов очного отделения 9 гуманитарных факультетов. Гипотезой исследования стало предположение о том, что студенты, особенно престижных специальностей на международных рынках труда, заинтересованы в освоении английского языка и участии в программе академической мобильности, но университет не создает для этого должных инфраструктурных условий.

Результаты исследования показали, что, хотя ЮФУ уже несколько лет участвует в программе международных студенческих обменов «Erasmus» и ведет ряд совместных стажировок с европейскими организациями, только 18,5% знают о существовании программ и знакомы с правилами участия в них.

Значительная часть – 41,1% опрошенных студентов даже не знают об их существовании. При этом выявлено, что 90% респондентов хотели бы принять участие в зарубежных стажировках, но при условии поддержки вуза. А именно: для 36,3% это возможно только при полной финансовой поддержке, для 33,4% - при частичной финансовой поддержке, а 17,5 согласны на организационную поддержку. Несомненно, участие в подобных программах с точки зрения языковой компетенции требует достаточно уверенного владения академическим английским языком, а также готовность его совершенствовать, используя свои собственные ресурсы. Из опрошенных студентов 53% признали, что готовы самостоятельно дополнительно совершенствовать навыки и знания иностранного языка для участия в зарубежных стажировках и проектах. Собранный материал дает основание для следующих выводов: во-первых, университет не рассматривает в качестве своей важной задачи создание условий для интеграции студенчества в европейское образовательное пространство; во-вторых, современная студенческая молодежь в нестоличных вузах рассматривает в качестве реальной для себя перспективу работы в европейских странах, и для этого уже осваивает английский язык самостоятельно дополнительно к университетской программе (30%), а еще 53% готовы вложить свои ресурсы в освоение языка для участия в международных программах. Эта ситуация свидетельствует о том, что продвинутая студенческая молодежь в российской провинции самостоятельно выбирает курс на формирование европейской идентичности.

Литература

1. Гребнев Л. Высшее образование в Болонском измерении: российские особенности и ограничения // Высшее образование в России. 2004. № 1; Смирнов С. Болонский процесс: перспективы развития в России // Высшее образование в России. 2004. № 1.
2. АртемьеваЕ.Ю. Глобальный английский как фактор сохранения языкового плюрализма в международном сообществеhttp://www.unn.ru/pages/e-library/vestnik/9999-0200_West_MO_2003_1/35.pdf.

ГАЛИНА ДЕНИСОВА

ЦЕННОСТНЫЕ ОСНОВАНИЯ КОНСТРУИРОВАНИЯ ЕВРОПЕЙСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ В СОЗНАНИИ РОССИЙСКОЙ МОЛОДЕЖИ

Конструирование европейской идентичности определяет цивилизационный выбор, который неоднозначен в России на протяжении последних трех столетий. Широко известен интеллектуальный спор сторонников линии «западников» и линии «славянофилов», который развернулся в XIX столетии и с разной степенью остроты периодически вспыхивал в интеллектуальных и политических дискуссиях на протяжении XX столетия, включая начало нового века. Ключевые позиции политического выбора были зафиксированы в Конституции РФ, принятой в 1993 г. Юридически, принятая в 1993 г. Конститу-

ция, утверждала европейский выбор России, в русле которого разрабатывались и утверждались международные документы. Об этом же свидетельствовало и официальное вхождение, России вошла в состав Совета Европы и во все европейские международные организации.

Однако цивилизационный тип идентичности не формируется сам по себе, особенно в период системной трансформации и острых дебатов о выборе стратегии развития страны. Утверждение цивилизационной идентичности требует единства политической элиты по этому вопросу и сознательно организованной деятельности в области продвижения символов идентификационной приверженности и конструирования их ценностей в молодом поколении. В 90-е гг. XX в. в России наблюдался общий кризис идентичности, который фиксировался социологическими исследованиями в стране [1]. В нулевые годы нового столетия в образовательной политике России четко артикулирована задача формирования патриотизма и конструирования гражданско-правовой идентичности – российского согражданства. Проблема цивилизационной идентичности оставалась за кадром внимания институтов социализации. Так, по опросам Левада-центра в 2007 г. только 11% респондентов считали, что Россия – это часть Запада и должна стремиться к сближению с европейскими странами [2]. Об этом же свидетельствуют опросы в поликультурном южно-российском регионе [3].

При всей культурной близости европейских стран и России (особенно русского этнического ядра), их принципиальное различие – в доминирующей социетальной ценности и роли права в обществе. Для европейских стран – это личность, наделенная свободой и гражданскими правами, которые признаются и защищаются государством, для России – это ценность государства. Утверждение в Конституции РФ 1993 г. ценности гражданских прав личности в качестве доминирующей создает основу для конструирования европейской идентичности как приверженности европейской системе ценностей в широких слоях российского общества. Особенно показательно утверждение правовых европейских ценностных конструктов в процессе социализации молодежи.

Осенью 2013 г. в ряде общеобразовательных школ социологической лабораторий ЮФУ был проведен опрос учащихся 8 и 10 классов г. Ростова-на-Дону, направленный на выявление правовых ценностей и представлений. В опросе приняли участие 365 чел. В инструментарий были введены три основные группы вопросов, направленные на выявление представлений о человеческом достоинстве и правах человека; знаний о демократических принципах организации государства; представлений о принципах взаимодействия государства и гражданина. Собранные материалы позволяют выделить определенную сдвигу в ценностном сознании молодежи. Так, если вопрос о содержании понятия «человеческое достоинство» вызвал затруднение у значительной части (44%) респондентов, а у другой – коннотации с социальным статусом личности, то факт наделенности индивида гражданскими правами с момента рождения и неотчуждаемости их признают уже около 70% опрошенных учащихся (еще 17% «скорее согласны» с этой позицией). Почти 85% признают четкую взаимосвязь прав и обязанностей личности. Не менее четко проявляются представления о принципах правового государства, которое формируется

сегодня в России. Устойчивая треть учащихся в качестве главных принципов выделили: развитую систему прав и свобод, доминирования права над традицией, четкое разделение властей, и неотвратимость наказания за правонарушение. Правда, значительно меньший рейтинг у принципа равенства всех перед законом. При этом 42,2% считают, что именно четкое разделение власти является залогом укрепления социального порядка. Вместе с тем, меньшая определенность наблюдается в представлениях молодежи относительно принципов взаимодействия государства и гражданина. Так, респонденты, почти единодушно декларируя неприкосновенность частной жизни, тем не менее, признают возможность государства контролировать СМИ (47,7%), нежелательность критики правительства (27,9), опосредованность (и не обязательность) граждан участия в политике (более 60%). Ограничение гражданских прав считают недопустимым только 24% респондентов. Все остальные соглашались на такие ограничения в различных случаях (например, если это требуется для поддержания порядка в стране (27,9%).

Сравнение этих и других результатов опроса показывают, что право присутствует в жизни учащихся преимущественно в знаниевой форме и пока незначительно проникло в их повседневную жизнь. Формирование права как ценности предполагает принципиальное изменение условий жизнедеятельности учащихся в образовательной организации (школы) в целом. Принцип гражданских прав должен стать основой организации управления школой, переводя его в формат соуправления, где равноправными субъектами выступают учащиеся, учителя и родители. Этот же принцип должен стать основой реализации образовательной деятельности учащихся, переориентируя их на соучастие в организации образовательного процесса. Иными словами, требуется перейти от представления права как учебного предмета к системному гражданскому образованию, построенному на основе гражданских прав личности. Такие изменения – длительный процесс. Проведенный опрос выявляет динамику в этом направлении.

Литература

1. Мониторинг общественного мнения. Экономические и социальные перемены. 2006. № 2; Рабочая группа ИС РАН. Российская идентичность в социологическом измерении. Аналитический доклад. Часть 3 // Полис. 2008. № 3.
2. Цит. по: Пантин В.И. Политическая и цивилизационная самоидентификация современного российского общества в условиях глобализации // Полис. 2008. № 3. С. 35.
3. Денисова Г.С., Дмитриев А.В., Клименко Л.В. Южно-российская идентичность: факторы, ресурсы. М.: Альфа, 2011. С. 131, 145; Авксентьев В.А., Аксумов Б.В. Портфель идентичностей молодежи Юга России в условиях цивилизационного выбора // Социс, 2010. №12.

ADAPTATION OF LEADERSHIP PRACTICE INVENTORY (LPI) IN UKRAINE

Американсько-Український дослідницький проект має на меті зібрати первинні дані та проаналізувати тенденції розвитку лідерства в різних вікових групах українців. Аналізуються 2 демографічних розрізи населення: молодша група (20-29 років) та старша груп (50 – 59 років). В дослідженні приймають участь 25 міст України, 1200 респондентів. Частина перша присвячена опитуванню (LPI “self” LeadershipPracticesInventory який було розроблено найбільш визнаними експертами у сфері лідерства в Америці - Kouzes, J, та Posner, В у книзі «Виклик Лідерства» (TheLeadershipChallenge). Воно складалось з 30 тверджень (опис поведінки), що підпадають під 5 основних характеристик взірцевого лідерства: змальовувати цілі; надихати спільне бачення; постійно вдосконалюватись; мотивувати інших на дію; заохочувати серцем. Кожна категорія включає в себе 10 питань з оціночною шкалою в 10 балів. Лідери заповнили опитувальний лист і оцінили наскільки ці твердження відображають їх звичну поведінку.

Introduction

The purpose of the American-Ukrainian joint research project was to translate Leadership Practice Inventory (LPI) into Ukrainian language and to examine perspectives on leadership among two generational groups in the Ukraine, who have experienced very different kinds of leadership. Ukraine was chosen for this study because of its unique position historically, politically, culturally, and geographically, as well as due to the dramatic changes in leadership it experienced over the twentieth century. Each culture has its own unique challenge of balancing its own cultural norms and expectations with the demands and expectations placed on its leaders. Therefore, as culture changes and the demands of leaders change, leadership praxis changes (House, et al., 2004).

Background

Sociological polls by Panina (2005) indicate that Ukrainians favor “strong leaders” Sheremet (2005) found that Ukrainians had high power distance, with moderate levels of individualism and uncertainty avoidance. Russian sociologists Magun & Rudnev (2006: using Schwartz’s value indicators) indicate that Ukrainians are high in “Conservation” (security, conformity and tradition) and lower in “Openness to Change”. Overall, the concept of leadership is underdeveloped in Ukraine. There are many translated books on leadership (US experience) and some research devoted to Ukraine. Most of the research is focused on political leadership: gender issues in political leadership (women), media and political leadership in Ukraine, youth and political leadership in Ukraine. There are also some publications on business and leadership in Ukraine – where leadership is viewed as a part of management. Key issues about changes in Ukrainian society can be located at Ukrainian society and transformational annual (statistical) studies conducted by Academy of Science of Ukraine. The concept of leadership is not included into this key national survey of Ukrainian society (Barnes, et al., 2012).

Ukrainians experienced inflation of democratic expectations as for 2004-2005 during to Orange Revolution and then mass disappointment due to the political turmoil and deregulation and economical crisis (Kutsenko, 2009). The current state of the Ukrainian society indicated a need to study new changes in leadership, especially taking into consideration EuroMaidan 2014 events – strikes all over the country for European integration, for democracy and civic society in Ukraine.

US researchers offered western definitions of Leadership within research project. Leadership is defined as “process of social influence in which one person can enlist the aid and support of others in the accomplishment of a common task”. “Leadership is ultimately about creating a way for people to contribute to making something extraordinary happen.” (Kouzes J. and Posner B., 2007, p. 25). Leadership could be identified in politics (government), in business (corporations and small business), third sector, education/academia.

Methodology

Quantitative data collection, using the Leadership Practices Inventory (Kouzes & Posner). Instrument translation conducted in-country. Followed by an assessment of the results. 1,200 respondents (25 cities). Detailed analysis by researcher and Ukrainian researchers.

Summary of Research Model: Instrument (phase 1) Leadership Practices Inventory (Kouzes & Posner) Questionnaire has six questions for each of the five practices listed below.

- Model the Way: set a motivating example
- Inspire a Shared Vision: generate a common purpose
- Challenge the Process: take risks from status quo
- Enable Others: facilitate true teamwork
- Encourage the Heart: Recognize contributions of the team

Participants/respondents: The two groups are a sample of those in their 20s, and a sample of those in their 50s. They come from 25 locations, from all regions of the country. **Note:** junior respondents (20-29 years old), senior respondents (50 – 59 years old).

Results

Research Findings 1

- Variables with greatest difference in means between the two groups:

Model the Way: significant differences in mean scores in 4 out of 6 questions.

Challenge the Process: significant differences in mean scores in 3 of 6 questions.

Research Findings 2

• The questions with the greatest differences in means between the groups were:

Making sure co-workers follow principles and standards that were agreed on (older = higher)

Experiment and take risks, even if there is a chance of failure (younger = higher)

Discussing future trends that will influence how work gets done (older = higher)

Develop cooperative relationships with those one works with (older = higher)

Research Findings 3

- Highest mean on 1-10 scale for both respondents in their 20s and 50s was for the same behavior: “Gives the members of the team lots of appreciation and support for their contributions.”
- Lowest mean for both groups was also for the same behavior: “Appeals to others to share an exciting dream of the future.”
- Second Highest mean for both respondent groups was also the same: “Treats others with dignity and respect.”
- Second Lowest mean for both groups was: “Seeks out challenging opportunities that test my own skills and abilities.”

Preliminary results of the quantitative study were first presented at the international conference in Ukraine “Innovative development of society in the conditions of cross-cultural interactions (Johnson, 2011) and at the *International Leadership Association (2011)*.

Conclusion

In Ukraine as just one example, we have seen how intricate and nuanced leadership systems, styles and expectations seem to be.

There are differences in leadership model between young and old generation. The representatives of the older generation share such an attribute as “fair” and their concept of leadership corresponds with Soviet leader’s models. Young generation doesn’t have a certain well-formed concept or model, but still differs a lot from the old one. Recent political events and strikes of winter 2013-2014 are demonstrating shifts in political leadership perceptions of all generations in Ukraine. Therefore, the need exists for more research that acknowledges the fluidity of cross-cultural leadership paradigms. This represents an exciting new and in-depth area for leadership studies in the future.

References

1. Barnes J., Buko S., Johnson B., Kostenko N. (2012, October) Through the looking glass: Do Western Leadership Assessments work in cross-cultural contexts? Paper presented at the 14th Annual.
2. International Leadership Association Global Conference “Leadership Across the Great Divides: Bridging Cultures, Contexts, and Complexities,” Denver, Colorado, USA. Golovakha Y. Panina N. (2009) Main Stages and Tendencies in Transformation of Ukrainian Society: From Perestroika to Orange Revolution. In Ukrainian Sociological review. Named after Natalia Panina 2006-2007 (pp.3-24) Kyiv: Institute of Sociology NAS.
3. House, R.J., Hanges, P.J., Javidan, M., Dorfman, P.W., & Gupta, V. (2004). Culture, leadership, and organizations: The GLOBE study of 62 societies. *Journal of Cross-Cultural Psychology*, 36(5), 628-630.
4. Johnson B. (2011) Сравнительное исследование восприятия лидерства среди разных поколений Украины [Comparative analysis of leadership within different generations in Ukraine]. In: V.M. Zhuk (eds) Proceedings of 5th International Conference on Innovative Development of Society in Conditions of Cross-Cultural Interaction. Sumy, 27-30 April, 2011. Sumy: SOIPPO, pp. 371-374 (in Russian).
5. Kutsenko, O. (2009) Ukraine Under societal transformation: Quo Vadis? In Ukrainian Sociological review. Named after Natalia Panina 2006-2007, Kyiv: Institute of Sociology NAS. pp. 58-74.
6. Kouzes, J.M., & Posner, B.Z. (2007). *The leadership challenge* (4th ed.). San Francisco, CA: Jossey-Bass.

7. Magun V., Rudnev M. (2007) Bases Human Values: Comparing Ukraine with the Other European Counties. In: E.Golovakha, S.Makeev (Ed.) Ukrainian Society in a European Dimention. Kiev: Institute of Sociology, NAS of Ukraine; Kharkov V.N. Karazin National University. pp. 226-273.

8. ШереметП. Мешаеглиаашаментальностьжизненномууспеху? // Зеркало недели. Киев, 2005. № 19(394).с. 7-12.

JOHN JOHNSON

RELIGIOUS REACTIONARY MOVEMENTS IN THE UNITED STATES: THE CASE STUDY OF THE CONSERVATIVE HOLINESS MOVEMENT

The period of 1920 to 1970 was one of rapid social change in the United States. A combination of factors produced these changes which culminated in the 1950s. Three of the early contributors were the affect of the cinema, changes in fashion, and the migration from the farm to the city. Television played an important role after its invention, but the majority of American families did not have television at the end of World War II.

The anxiety, stress, and prosperity of the 1950s produced a virtual explosion of interest in religion. In some ways, the new focus on religion seemed almost indiscriminate. Says Sydney Ahlstrom, "*The generalized kind of religiosity which predominated in the postwar years had "faith in faith" as its material principle and pious utilitarianism as its leading characteristic. Peace of mind and confident living were the promises it held out in the "age of anxiety," especially to those who were caught up in the stress and busyness of the business world and/or the insecurity and tensions of residential life in suburbia*" (Ahlstrom, 1973, p.955).

One of the best-known groups to affirm the times were the "beat" poets and writers of California. They became notorious for their rejection of popular values and their adventures with narcotics. Through poems and novels, they preached the earthy joys of the body, the ecstasies of the heart, and human potential, urging the young to live for the present and enjoy their feelings. Along with a hedonistic philosophy, they promoted Eastern religions. American philosophy was to mold man into the great industrial machine, but Eastern philosophy enabled him to feel at home in the universe. "Where American life seemed hectic and disordered, Eastern religion offered calm and order" (McLoughlin, 1978, p. 200). Lesser-known attempts to benefit from the times included the Church of Scientology (1952), The Zen center of San Francisco (1959), and the newly formed Unification Church of North America (1959) (Wuthnow, 1986, p. 3).

Other religious groups sought peace and order through a right wing conservative reaction. Robert Wuthnow believes that the furthest-reaching religious movements of the 1950s were those which involved the expansion and reorganization of already-existing groups. Some of these resulted as "sectarian reactions ... on the part of groups who felt their theological orientations and lifestyles threatened by the changes taking place" (Wuthnow, 1986, p. 3).

Between 1955 and 1967, at least eight sectarian movements were formed as the result of divisions within the Church of the Nazarene, the Free Methodist Church, The Pilgrim Holiness Church, and the Wesleyan Methodist Church. All of these were denominations which at one point were part of the Methodist Church but left it in the late 1800s and early 1900s. An inter-denominational association was also formed to enable the new churches to cooperate with each other and with holiness conservatives in other denominations. Almost without exception the divisions occurred over what was considered "worldliness." In order to prevent "worldliness" from occurring again, the new movements created stringent definitions of Christian behavior, including opposition to the use of television and insistence on conservative rules of dress. There have been divisions and mergers among the new denominations, but as a whole, the movement shows no signs of decline. Seven Bible Colleges are sponsored by these churches, with a combined student population of around 1,000 students. Although some of them have obtained regional accreditation in recent years, most of them are nonaccredited institutions whose function is to train pastors and directors of Christian schools.

Since their formation, the leadership of such groups has cast themselves as the embodiment of historic Christianity with a theology dating back to the early church. Historians in the movement claim to carry a mantle of theological purity which was dropped by other holiness churches such as the Nazarenes Wesleyans and Methodists shortly after World War II.

The purpose of this presentation is to showcase the Conservative Holiness Movement as a Case Study Example of the rapid religious changes that occurred in the United States between 1900 and 1970. The question of the study is "Why did the Conservative Holiness Movement form, and what lessons about social change can we learn from its formation? A second question that will be explored (if there is time) is, "Have religious reactionary movements in the former Soviet Union formed for the same reasons or were their origins different?" If there is time, reactionary religious movements in the former Soviet Union (Such as the Old Brethren) will be examined as well to understand the historical conditions of their formation and understand whether or not they were similar or different to those that created the Conservative Holiness Movement in the United States. Conclusions will be drawn regarding what social conditions tend to create extreme religious movements in these and other regions.

References

1. Ahlstrom, S.E. (1972). *A Religious History of the American People*. New Haven and London: Yale University Press.
2. Halberstam, D. (2012). *The Fifties*. New York, NY, Open Road Integrated Media.
3. Hudson, W.S. (1973b) *Religion in America*. New York, N.Y.: Charles Scribner's Sons.
4. Hunsberger, B.E. (1983). *Apostasy: A Social Learning Perspective*. *Review of Religious Research*, Vol. 25, No. 1. (September), 21-37.
5. Jones, C.E. (1974). *A Guide to the Study of the Holiness Movement*. Metuchen, N.J.: Scarecrow Press.
6. Kostlevy, W. (2010) *Holy Jumpers, Evangelicals and Radicals in Progressive Era America*. New York, N.Y.:Oxford Press.

7. Thorton, W. (1998). Behavioral Standards, Embourgeoisment and the Formation of the Conservative Holiness Movement. *Wesleyan Theological Journal*, 33(2), 172-197.

8. Wuthnow, R. (1986). Religious Movements and Counter Movements in North America. In: J. Beckford (Ed.) *New Religious Movements and Rapid Social Change* (pp. 3-15). London: Sage Publications.

НЕЛЛИ ДИДЕНКО

КОНСТРУИРОВАНИЕ ЕВРОПЕЙСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ И НОВЫЕ ВЫЗОВЫ НАУЧНО-ОБРАЗОВАТЕЛЬНОГО СООБЩЕСТВА РОССИИ

С 2002 г. Россия участвует вместе с ЕС в построении Единого европейского исследовательского пространства (ERA) и в развитии Единого европейского пространства высшего образования (EHEA). Россия участвует также в Болонском процессе с 2005 г.

Эта деятельность вызвала необходимость проведения реформ, как в области высшего образования, так и в деятельности российских государственных академий наук (ГАН).

Минобрнауки было принято решение развивать фундаментальные исследования в университетах. В области высшего образования были образованы на базе существующих наиболее продвинутых университетов университеты нового типа: так называемые Федеральные университеты (Клуб 9) и научно-исследовательские университеты (НИУ).

Эти преобразования сопровождались значительными финансовыми вложениями и имели безусловно положительный эффект. Так, в частности, доля молодых ученых в некоторых отраслях науки достигла 39% (не везде). Однако, несмотря на имеющиеся положительные результаты, нерешенных проблем еще очень много. Это, в частности, касается и проблем интеграции академической науки и образования.

Для увеличения эффективности деятельности бывших институтов Академии наук было принято решение перевести эти институты по большей части на грантовое финансирование. С этой целью в конце 2013 г. был создан новый государственный Российский научный фонд (РНФ), который уже начал функционировать.

Для успешного вхождения российских ученых в международное научное сообщество потребовалось введение новых критериев оценки научной деятельности, одним из которых является доля научных публикаций в зарубежных высокорейтинговых журналах, по которому мы еще отстаем.

Для более интенсивного вовлечения российских ученых в международные проекты были проведены конкурсы мегагрантов (3-5 млн. евро на 2-3 года) с участием известных западных ученых, в том числе российских эмигрантов, для формирования новых современных лабораторий в университетах, а в последнем конкурсе и в научно-исследовательских институтах.

Реформирование академии наук идет сложно. Несмотря на то, что реформа проводится сверху, в обсуждениях реформы научное сообщество активно участвует, в том числе общественные организации ученых, хотя Минобрнауки не всегда прислушивается к мнению ученых.

Взаимодействие с зарубежными учеными и реформы науки и образования в России привели к появлению ученых нового типа, называемых на Западе “GlobalResearcher”, которые являются характерными элементами образования европейской идентичности в научной среде России.

Во всех странах, входящих в ЕС, также, как и в России, стал актуальным вопрос разумного совмещения глобальных и национальных интересов при использовании результатов научной деятельности.

В первую очередь, научно-образовательная деятельность Российского сообщества должна быть направлена на повышение качества жизни в России.

ГУЛИМ ДОСАНОВА

РЕЛИГИОЗНАЯ ГРАМОТНОСТЬ МОЛОДЕЖИ В ФОКУСЕ СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ (CASE-STUDY АСТАНА)

Целью данной статьи является актуализация проблемы изучения религиозной грамотности населения как индикатора характера религиозности. На фоне растущего в Казахстане интереса населения к религии актуализировались проблемы исследования уровня религиозности различных социальных категорий, в том числе молодежи. Религиозность молодежи страны неоднородна, обусловлена рядом факторов, основными из которых являются: возраст, уровень образования, этническая и конфессиональная принадлежность, уровень доходов. В качестве отдельной составляющей религиозности молодежи исследователи выделяют уровень религиозной грамотности как показатель осознанности религиозного поведения

Приведенные в настоящей статье выводы основаны на данных, полученных в ходе массового социологического опроса, проведенного в г.Астана в июле-августе 2014 г.

При изучении уровня религиозной грамотности были рассмотрены следующие ее составляющие: наличие у молодежи потребности в изучении истории своей религиозной конфессии; наиболее предпочтительные источники получения информации о религии; участие молодежи в специальных мероприятиях, организованных как представителями традиционных религий (ислама, православия, католицизма), так и в учреждениях образования; уровень осведомленности молодежи о различиях между традиционными и нетрадиционными религиозными организациями.

В ходе анкетирования при ответе на вопрос «Испытываете ли Вы потребность в ознакомлении с историей религии, основами различных вероучений?» мнения молодежи г.Астана разделились. Так, если половина опрошенных респондентов из числа столичной молодежи заявила, что испытывает ин-

интерес и желание ознакомиться с историей различных религий, то вторая половина не считает нужным изучать историю религий. Помимо перечисленных мнений встречалась точка зрения, согласно которой молодежь сегодня испытывает острую потребность в получении знаний о религиях. Были и такие респонденты, которые заявили, что в светском государстве изучение истории религий недопустимо.

Социальный портрет респондентов, испытывающих острую потребность в получении знаний о религии, выглядит следующим образом. Что касается этнической принадлежности, то представители коренной национальности/казахи, а также представители других национальностей (помимо казахов и русских) чаще испытывают огромную потребность в получении знаний подобного рода, в то время как русские такую потребность испытывают в наименьшей мере. При этом, представители русской национальности в большей мере склонны считать, что «в светском государстве изучение религий недопустимо», тогда как представители других этнических групп (помимо казахов и русских) допускают обратное. Корреляция переменных «уровень образования» и «потребность в ознакомлении с историей религии» показал следующую тенденцию. Чем выше уровень образования респондентов, тем большую потребность в получении знаний о религии они испытывают. В то же время определенный интерес к получению подобных знаний чаще испытывают такие категории молодежи как занятые воспитанием детей, домохозяйством, работающая молодежь и безработные.

Чем выше у респондентов самооценка собственного материального положения (живем в полном достатке), тем больший интерес они испытывают к изучению истории религии. Соответственно, чем ниже уровень материального положения (по самооценке респондентов «часто испытываем материальные трудности»), тем в большей степени они склонны полагать, что «в светском государстве изучение религии недопустимо».

С целью выявления предпочтительных источников получения информации о религии среди молодых верующих Астаны респондентам был задан вопрос «Из каких источников Вы получаете информацию о религии?». На первом месте по популярности среди молодежи в качестве источника знаний о религии стоят СМИ (телевидение, радио, интернет, пресса), этот источник предпочитают чуть более 28% молодежи. Второе место занимает такой источник знаний о религии как разговоры с родителями, родственниками (22,5%), на третьем – общение с друзьями, знакомыми (21,6%), на четвертом – религиозная литература (12,9%), на пятом – беседы со священнослужителями (7,4%). 4% респондентов заявили, что получают подобные знания на занятиях в школе, колледже или университете.

В ходе анкетирования молодежи г.Астана было предложено ответить на вопрос «Принимали ли Вы участие в специальных мероприятиях для молодежи, организованных представителями традиционных религий (ислама, православия, католицизма), проводимых в Астане?». Согласно результатам опроса, почти половина опрошенных молодых людей «никогда не слышала, что подобные мероприятия проводятся», тогда как около трети опрошенных респондентов «что-то слышали о них, но сами никогда в них участия не принимали».

Только пятая часть опрошенной молодежи принимала участие в подобных мероприятиях либо несколько раз присутствовала на таких мероприятиях.

В этническом разрезе, чаще в такого рода мероприятиях принимают участие казахи и представители других национальностей (кроме казахов и русских), тогда как среди русских доминирует ответ «что-либо слышал о проведении таких мероприятий, но личного участия в них не принимал». Таким образом, мы видим, что данная этническая группа проявляет меньшую активность в посещении специальных мероприятий для молодежи, организованных представителями традиционных религий (ислама, православия, католицизма), проводимых в Астане. Анализ корреляций переменных – уровень образования и участие в работе специальных мероприятий для молодежи, организованных представителями традиционных религий – демонстрирует следующее. Наиболее часто принимает участие в мероприятиях подобного рода молодежь со средним специальным и с незаконченным высшим образованием. В то время как никогда не слышали о проведении подобных мероприятий молодые люди с неполным средним образованием и незанятая/не работающая и не учащаяся молодежь.

Таким образом, подавляющему большинству столичной молодежи свойственна низкая степень информированности и низкая степень участия в мероприятиях, организованных представителями традиционных религий в Астане, целевой аудиторией которых является молодежь.

Одним из вопросов анкеты, предложенной вниманию столичной молодежи, был вопрос: «Религии в Казахстане делятся на традиционные и нетрадиционные. Какие религиозные конфессии, по Вашему мнению, относятся к традиционным?». По мнению большей части опрошенной молодежи, к числу традиционных для Казахстана религиозных конфессий относятся: ислам ханафитского мазхаба, русское православие, буддизм, римско-католическая церковь, иудаизм. При ответе на вопрос «В чем заключается отличие традиционных религий от нетрадиционных религиозных организаций?» большинство респондентов выразило свое мнение следующим образом: «Традиционные религиозные объединения связаны с историей и культурой народа Казахстана».

По мнению более чем четвертой части опрошенных, «традиционные религии существуют на территории Казахстана продолжительное время». Практически пятая часть опрошенной столичной молодежи считает, что «традиционные религии в отличие от нетрадиционных проповедуют толерантность по отношению ко всем другим», тогда как другая часть респондентов склонна полагать, что «традиционные религии в противовес нетрадиционным зарегистрированы и поэтому законны». Таким образом, анализ полученных данных позволяет сделать вывод о том, что, по мнению столичной молодежи, основными отличиями традиционных религий от нетрадиционных главным образом являются их связь с историей и культурой казахстанского народа и продолжительность существования на территории страны.

На вопрос «Принимали ли Вы участие в мероприятиях (по месту учебы или работы), на которых обсуждались проблемы межрелигиозного согласия и профилактики религиозного экстремизма?», подавляющее большинство опро-

шенной молодежи заявило о том, что «никогда не слышали о проведении подобных встреч». При этом более чем десятая часть респондентов отметила, что «знала о проведении подобных мероприятий, но уклонилась от их посещения». Основываясь на результатах проведенного исследования, можно констатировать, что в подавляющем большинстве молодежи Астаны своевременно и систематически не получает информацию о проведении мероприятий, на которых обсуждаются проблемы межрелигиозного согласия и профилактики религиозного экстремизма.

Таким образом, данные проведенного социологического исследования показывают, что уровень религиозной грамотности молодежи Астаны можно охарактеризовать как средний. Рациональная составляющая религиозного сознания (присутствующая наряду с эмоциональной верой) выражена у молодых верующих Астаны слабо. Только около одной восьмой части молодежи хорошо знают историю своей религиозной конфессии, большинство же молодых людей знает лишь самые важные моменты истории своей религии.

На первом месте по популярности среди молодежи в качестве источника знаний о религии стоят СМИ, разговоры с родителями, родственниками, общение с друзьями, знакомыми, религиозная литература.

Проводимые в городе мероприятия по повышению религиозной грамотности слабо адаптированы для молодежи. По мнению большей части опрошенной молодежи г.Астана, участие в разъяснительных мероприятиях по профилактике религиозного экстремизма имеет крайне низкую степень эффективности. В основном подобные мероприятия носят принудительный, эпизодический, несистемный, малоэффективный характер и не отвечают ожиданиям и запросам молодых людей.

СЕРГЕЙ ЕФИМОВ

ЭТНИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ АДМИНИСТРАТИВНО- ТЕРРИТОРИАЛЬНОГО УСТРОЙСТВА КРЫМА 20-х–30-х ГОДОВ XX ВЕКА

Несмотря на усилившееся в последние десятилетия внимание представителей научного знания к проблемам национальной политики, отдельные вопросы национально-государственного строительства в СССР остаются недостаточно изученными. К числу таковых относится анализ функционирования национальных административно-территориальных единиц первичного и базового уровня, т.к. большинство исследователей ограничиваются преимущественно верхними этапами административно-территориальной иерархии СССР – союзными и автономными республиками, национальными округами. Пожалуй, наиболее обстоятельной работой по данной проблеме является диссертационное исследование О.К.Кайковой «Национальные районы и сельсоветы в РСФСР: исторический опыт Советского государства в решении проблемы национальных меньшинств в 1920–1941 гг.» [10].

Отметим, однако, что до сих пор «за кадром» остаются вопросы национально-административного строительства в Крыму как самобытного региона, вошедшего в состав Советской России на исходе Гражданской войны в ноябре 1920 г.

Невзирая на неурегулированность статуса Крыма в составе РСФСР (окончательно он был определен постановлением ВЦИК от 18.10.1921 г. об образовании Автономной Крымской Социалистической Советской Республики), Крымский ревком уже 8 января 1921 г. – спустя лишь два месяца после окончательного установления советской власти на полуострове утвердил принципиально новое административное деление Крыма на 7 уездов, 20 районов и 298 сельревкомов (впоследствии – сельсоветов), базировавшееся на экономическом районировании с учетом национального состава населения (см. рис.1).

Состоявшийся в марте 1921 г. X съезда ВКП(б) на полтора десятилетия определил вектор «очередных задач партии в национальном вопросе», нацеливавший повсеместно «поставить у себя действующие на родном языке суд, администрацию, органы хозяйства, органы власти, составленные из людей местных, знающих быт и психологию местного населения» [17, с. 70].

Геопространственной основой практической работы в этом направлении стало формирование сети национально однородных административно-территориальных единиц. Как отмечал председатель КрымЦИК Вели Ибраимов, «в вопросе построения советов особое внимание было обращено на то, чтобы для трудовых масс удобно было участие в них и чтобы в них нашли отражение также национальные интересы населения» [7, с. VII]. Дополнительно укажем, что прецедент функционирования национальной административно-территориальной единицы первичного уровня в Крыму уже имелся: в конце XIX века на территории Феодосийского уезда была создана национально-болгарская Кишлавская волость [7, с. 400].

Поиски оптимальной структуры административно-территориального устройства велись с завидной активностью: в апреле 1921 года был дополнительно выделен 21-й район – Коккозский, в октябре того же года одновременно с образованием Автономной КрымССР уезды были реорганизованы в округа, в 1922 году для преодоления последствий голода была существенно изменена конфигурация и состав Симферопольского, Севастопольского и Ялтинского округов, Коккозский район был включен в состав Бахчисарайского.

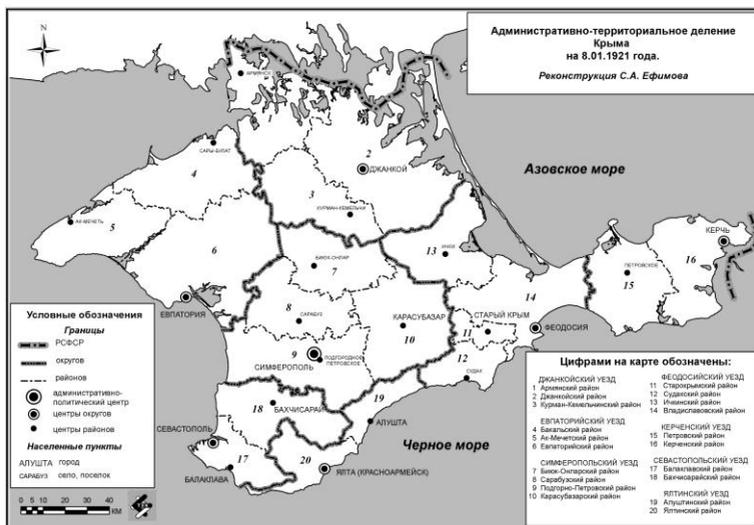

Рис. 1. Карта административно-территориального деления Крыма на 8.01.1921 г.

Однако, существенные трудности, связанные с невозможностью формирования значительного количества бездефицитных местных бюджетов, повлекли укрупнение административных единиц: в 1923 г. были ликвидированы округа, а количество районов сокращено до 15.

Вскоре на административное структурирование территории вновь оказал мощное воздействие финансовый фактор: многие районы и большинство сельсоветов при существовавшей тогда системе налогообложения опять оказались неспособными сформировать свои минимально полноценные местные бюджеты. Наиболее дефицитными оказались бюджеты южнобережных районов. Было принято решение об очередном сокращении районов до 10.

Укрупнение административно-территориальных единиц существенно ограничивало возможности учета этнического фактора. По свидетельству П.М.Софийского, если объединение Ялтинского и Алуштинского районов, «однородных в экономическом и национальном отношении» выглядело естественным, объединение степных районов «по национальным соображениям также не представляло затруднений ввиду отсутствия в них компактной национальной массы», то районы Бахчисарайский, Карасубазарский и Судакский, «несмотря на их бюджетную дефицитность вследствие национальной однородности и невозможности слияния их с соседними районами, должны были остаться самостоятельными» [7,с.405]. В итоге постановлением Президиума ВЦИК от 4.09.1924 г. деление КрымССР на 10 районов с указанием на «нецелесообразность частого административного перекраивания границ» было утверждено и сохранялось неизменным до осени 1930 г.

Сеть сельсоветов после многих изменений преимущественно в сторону укрупнения также сократилась с 298 в 1921 г. до 143 в 1924 г. и представляла собой неоднородную структуру разновеликих объектов, объединявших в степных районах до 20 населенных пунктов (при среднем расстоянии до центра сельсовета в 10 верст), а в предгорных районах – до 10 населенных пунктов (при среднем расстоянии до центра сельсовета в 5 верст).

Как отмечалось, «только в районах с преобладающим татарским населением имеются чисто национальные сельсоветы, тогда как в большинстве степных и отчасти предгорных районов, в которых национальности не представляют компактной массы, население сельсоветов смешанное. Всего по Крыму сельсоветов с преобладающим русским населением имеется 57, татарским – 51, немецким – 26, болгарским – 6, греческим – 1, эстонским – 1 и прочим – 1» [7, с. 406].

В апреле 1925 г. совещание по советскому строительству при Президиуме ЦИК СССР отметило, что осуществлявшееся в силу бюджетных затруднений укрупнение сельсоветов привело к неадекватному увеличению их территорий, вследствие чего создались неудобства для населения, низовые органы советской власти отделились от людей, ослабились возможности вовлечения сельского населения в повседневную практическую работу советов. Было признано необходимым приступить к разукрупнению сельсоветов с тем, чтобы расстояние от центра сельсовета до крайнего селения, как правило, не превышало 3 верст. В развитие этого решения Административная комиссия ВЦИК дополнила основания разукрупнения указанием на необходимость обязательного учета национального состава населения при построении сети сельсоветов.

Предварительно предполагалось, что новая сеть разукрупненных сельсоветов будет состоять из 550-600 единиц [7, с.407]. На практике, однако, их количество не превысило 443.

Сведения о развитии в предвоенные годы в Крыму сети сельсоветов, в том числе национальных, приведены в таблице 1.

Начавшееся в середине 20-х годов массовое переселение в степные районы Крыма евреев из Российской Федерации, Украинской и Белорусской союзных республик встретило системное противодействие крымских (в первую очередь – татарских) управленческих элит. Окончательно преодолеть его союзному центру удалось лишь с завершением т.н. «дела Вели Ибраимова», закончившимся его расстрелом в 1928 г.

Помимо еврейского, другим важным этническим фактором административно-территориального строительства в КрССР во второй половине 20-х годов становился немецкий. Если «в начале XX века в Крыму экономически противоположные полюсы занимали богатая немецкая колония и бедная татарская деревня», то после революции, сгладившей социальные противоречия между основными этническими общностями полуострова, «недавнее экономическое благополучие немецких колонистов явилось причиной ущемления их политических прав. Немцы не были представлены в органах власти даже в тех районах, где проживали компактно; в Крымском ЦИК для немцев не было сделано ни секции, ни подотдела» [19, с. 24, 26].

Таблица 1
Развитие сети сельсоветов в Крыму в 20-е - 30-е годы XX века

Дата	Источник	Количество сельсоветов													
		всего по Крыму	в том числе:												
			русских	украинских	татарских	немецких	болгарских	греческих	еврейских	армянских	чешских	эстонских	сменских	прочих	
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	
1	1924 [7,с.406]	143	57		51	26	6	1					1		1
2	1925 [12,с.280]	345	112		135	29	7	5	1	1					55
3	1926 [12,с.277]	345	102		145	29	7	5	1	1	1	1	53		
4	1929 [14,с.93]	418		3	141	32	9	8	5	2	1	2			
5	1930 [12,с.23]	427	106	3	145	27	8	6	14	1		3	114		
6	1934 [15,с.9]	443	133	12	158	36				31				73	
7	1935 [8,с.12]	441	130		177*	40				32					72

* Сумма числовых показателей количества национальных и прочих сельсоветов на 10 единиц превышает указанную в строке общекрымскую численность. По-видимому, в журнальном тексте была допущена опечатка (скорее всего, количество татарских сельсоветов равнялось 167).

О начале нового подхода в административно-территориальном строительстве возвестила резолюция бюро Крымбкома ВКП(б) по вопросу о коренизации советского, кооперативного и профсоюзного аппарата, принятая 22 августа 1929 г. Ею было определено, что «коренизация аппарата и производства, перевод делопроизводства на родной язык ... являются одним из основных средств усиления связи рабочего класса с отсталыми трудящимися массаами татар и нацмен и быстрейшего вовлечения их в управление государством» [11,с.6]. Фактически это означало взятие курса на вытеснение русского языка из сферы делопроизводства, тогда как до этого было определено, что «в сельском управлении национализация аппарата *сопровождается* (курсив мой – С.Е.) употреблением в делопроизводстве также языка нации, которая составляет большинство населения в районе, управляемом данной административной единицей» [7,с.X].

В утвержденной президиумом КрымЦИКа 4 сентября 1929 г. «Инструкции к декрету о переводе делопроизводства в районах с преобладающим татарским населением на татарский язык» впервые давались нормативные определения национальных административно-территориальных единиц. Согласно данному документу, «районами с большинством татарского населения считаются: а) города и курортные поселки, насчитывающие 60 и свыше процентов татарского населения; б) сельские местности, насчитывающие 60 и свыше процентов татарского населения». Татарскими сельсоветами при этом было предписано считать «сельсоветы, заселенные на 60 и больше процентов татарами» [11,с. 12].

Данному критерию соответствовали лишь два района – Бахчисарайский и Судакский. Таким образом, дату принятия данного документа можно считать днем появления первых национальных районов на карте Крыма (см. рис.2).

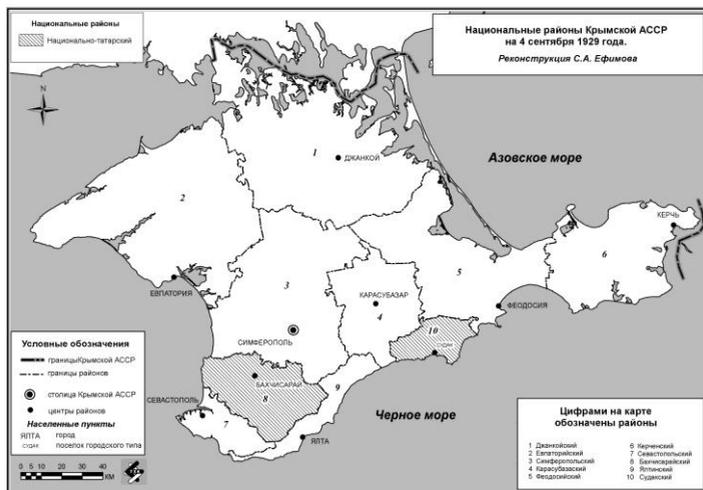

Рис. 2. Карта национальных районов Крымской АССР на 4.09.1929 г.

Попутно отметим, что во введенных в научный оборот опубликованных документах первое упоминание о существовании в Крыму национальных районов (без указания времени их создания) содержится в «Краткой докладной записке подотдела национальных меньшинств Крымского обкома ВКП(б) о национальном строительстве в Крымской АССР и партийно-массовой работе среди национальных меньшинств», написанной не ранее 1 апреля 1930 г. В ней говорится о том, что «в настоящее время, в связи с новым районированием, предполагается выделить кроме существующих 2 татарских районов (Бахчисарай, Судак), еще 3 национальных района – немецкий, еврейский и татарский» [12, с.280]. Такова была первоначальная административно-территориальная гипотеза.

Практически весь 1930 год ушел на подготовку существенных изменений территориального устройства Крымской АССР, призванных адаптировать его конфигурацию как к потребностям индустриализации и коллективизации, так и – главным образом – к реализации новых акцентов национальной политики. Московский Центр был заинтересован в создании административно-территориальных предпосылок для осуществления идеи еврейской колонизации, а также безболезненного разрешения возникших проблем немецкого населения. Не случайно управделами ЦИК и СНК КрАССР М.Якобсон в передовой статье Бюллетеня КрымЦИК и СНК 11 сентября 1930 г. пишет, что «по принятому КрымЦИКом и Бюро ОК ВКП(б) проекту вместо существующих 10 создается 16 районов», отдельно выделяя среди создаваемых только два национальных района - немецкий и еврейский, делая, однако, при этом оговорку, что население вновь образуемого Алуштинского района «преимущественно татарское» [20].

Состоявшаяся 19 сентября четвертая сессия КрымЦИК IV созыва приняла постановление «По докладу тов. Кешишьянца о разукрупнении районов и расширении прав Райисполкомов», первым пунктом которого предусматривалось «проект о разукрупнении районов и организации новых шести районов: Фрайдорфского (еврейский), Биюк-Онларского (немецкий), Алуштинского (татарский), Сейтлерского, Ак-Мечетского и Ишуньского, а также выделении пяти самостоятельных городов – Симферополь, Севастополь, Феодосия, Керчь и Ялта – с непосредственным подчинением КрымЦИКу – утвердить» [1].

Совнарком РСФСР в принятом 8 октября постановлении «По докладу Совета Народных Комиссаров Крымской Автономной Республики о состоянии и перспективах хозяйственного и культурного строительства Крымской Автономной Республики» за подписями А.Лежавы, В.Усиевича и М.Народницкого одобряет «намеченную правительством организацию новых национальных районов (татарского, немецкого, еврейского)» [2].

Однако 30 октября за подписями М.Калинина и А.Киселева выходит Постановление Президиума Всероссийского ЦИК «О реорганизации сети районов Крымской АССР», которым статус национальных придается лишь двум вновь образуемым районам – Фрайдорфскому (еврейский) и Биюк-Онларскому (немецкий) [3].

Тем не менее, П.М. Софийский в ноябре 1930 г. [16,с.43], отмечая, что «при чрезвычайной пестроте национального состава населения в Крыму выделение национальных массивов, за исключением горной части Крыма, представляется весьма затруднительным», снова осторожно пишет о создании 3 новых нацрайонов, не уточняя при этом их этническую специализацию. Добавим к этому, что выделение городов Севастополя и Ялты с преимущественно славянским населением из состава одноименных районов в самостоятельные единицы создало предпосылки для наделения национальным статусом еще двух районов – вновь созданного Балаклавского и Ялтинского.

В конце концов, президиум ЦИК КрАССР 15 декабря 1930 г. принимает постановление «О национальных районах Крымской АССР» следующего содержания: «В целях полного осуществления ленинской национальной политики и более широкого вовлечения в дело социалистического строительства широких слоев трудящихся коренного населения Крыма – татар и национальных меньшинств и лучшего их обслуживания, в дополнение к уже принятым решениям о создании национально-еврейского Фрайдорфского района, национально-немецкого Биюк-Онларского района и существующим национально-татарским Бахчисарайским и Судакским (так в тексте оригинала – С.Е.) районам, президиум ЦИК Кр.АССР постановляет:

- 1) Балаклавский, Ялтинский и Алуштинский районы считать национально-татарскими районами.
- 2) Ишуньский район считать национально-украинским районом.
- 3) Деловодство и счетоводство во всех советских, хозяйственных, кооперативных и общественных организациях в Балаклавском, Ялтинском и Алуштинском районах перевести с 1 января 1931 г. на татарский язык.

Вся переписка с этими районами должна происходить на татарском языке (изъятие допускается лишь в отношении учреждений и организаций, преду-

смотренных в разделе III Инструкции к постановлению президиума ЦИК и СНК Кр.АССР от 25/ХП 29 г. о переводе делопроизводства учреждений и организаций в районах и селениях с большинством татарского населения на татарский язык)» [4].

Картографический образ итогов этой работы представлен на рис.3.

Рассмотрев 5.03.1931 г. в порядке контроля вопрос «О состоянии коренизации советского, кооперативного и хозяйственного аппарата и вовлечения в производство коренного населения в Бахчисарайском, Балаклавском районах и в гор. Симферополе», президиум ЦИК КрАССР вновь предложил «Балаклавскому и Бахчисарайскому РИКа в месячный срок перевести делопроизводство и переписку с центральными и местными учреждениями и организациями на татарский язык», а всем наркоматам, областным и хозяйственно-кооперативным организациям было «категорически предложено» «вести переписку с национальными районами (Судак, Бахчисарай, Балаклава, Алушта и Ялта) исключительно на татарском языке, не допуская никаких случаев переписки с ними на русском языке или на двух языках (русском и татарском), за исключением Карасубазарского района, которому вести переписку на двух языках: русском и татарском» [5]. Надо полагать, что именно *таким тонким деликатным способом – путем упоминания через запятую – Карасубазарскому району придавался статус национально-татарского.*

Административный «коренизаторский» задор нередко доходил до абсурда. Секретарь КрымЦИКа К.Монатов в мае 1931 г. писал в официальном Бюллетене ЦИК, что «ответработники Биюк-Онларского района командировали своих представителей в соседние районы для вербовки татарских работников с целью коренизации ими аппаратов учреждений своего немецкого [! – С.Е.]района на 60%. В Алуште по мотивам коренизации аппарата снят с работы секретарь горсовета, выдвигенец грек, хорошо знающий условия, быт, психологию и язык местного коренного населения, - в частности, 11% населения Алушты составляют нацмены. Балаклавские ответственные руководители предполагали коренизовать аппарат учреждений гор. Балаклавы исключительно татарскими работниками, несмотря на то, что татар в этом городе всего 1% - большинство населения Балаклавы нацмены» [13].

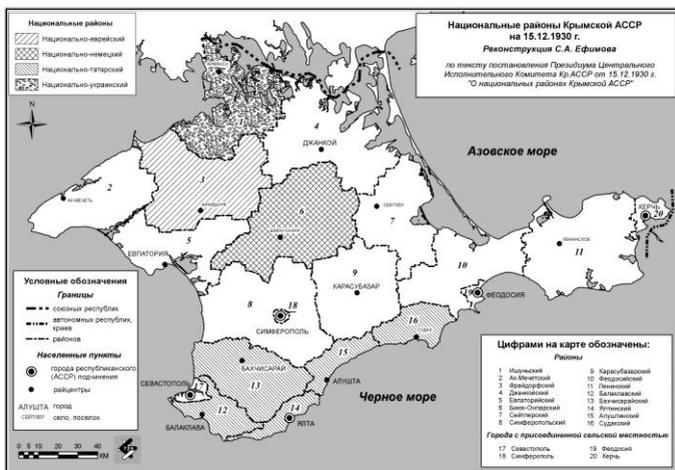

Рис. 3. Карта национальных районов Крымской АССР на 15.12.1930 г.

4.04.1932 г. президиум КрымЦИКа установил план коренизации на 1932 год, предусматривавший «средний процент коренизации по отношению ко всему составу служащих в аппарате национальных татарских районов в размере: для Бахчисарайского, Судакского и Алуштинского районов – 90%, Ялтинского – 80%, Балаклавского – 75% и Карасубазарского – 65%». Отметим, что эти показатели почти повсеместно превышали удельный вес татар в составе населения соответствующих районов. Обратим внимание читателя и на то, что данным постановлением был подтвержден факт придания Карасубазарскому району национально-татарского статуса. Для других национальных районов Крыма было устанавливалось «следующее процентное соотношение к основным национальностям: Фрайдорфский район, - евреев – 60%, татар – 25%, Биюк-Онларский район, - немцев – 55%, татар – 20%, Ишуньский район, - украинцев – 65%, татар – 20%». По остальным районам были поставлены следующие задачи по коренизации аппарата: «Ак-Мечетский – 40%, Джанкойский – 35%, Евпаторийский – 30%, Ленинский – 40%, Феодосийский – 35%, Симферопольский – 40%, Сейтлерский – 35% и по городам: Керчь – 30%, Севастополь – 25%, Симферополь – 30%, Феодосия – 25%» [6].

Опыт четырехлетнего функционирования данного административного деления показал необходимость оптимизации сети районов по площади, численности и однородности национального состава населения, экономической специализации хозяйств. В результате разукрупнения районов их общее количество выросло до 25 (см. рис.4), причем почти половина из них – 12 – имели статус национальных (7 татарских, 2 немецких, 2 еврейских, 1 украинский).

Отметим, что в итоге совокупная площадь, соотносимая с еврейскими, немецкими и украинским национальными районами сократилась более чем на 1100 квадратных километров при существенном увеличении совокупной площади под татарскими национальными районами.

Последние изменения в карту национальных районов КрАССР были внесены 22 февраля 1937 года, когда за счет части Симферопольского, а также заселенной преимущественно нетатарским населением части Карасубазарского района был образован Зуйский район (см. рис. 5). Это был последний аккорд почти десятилетнего функционирования в Крыму национальных административно-территориальных единиц базового уровня.

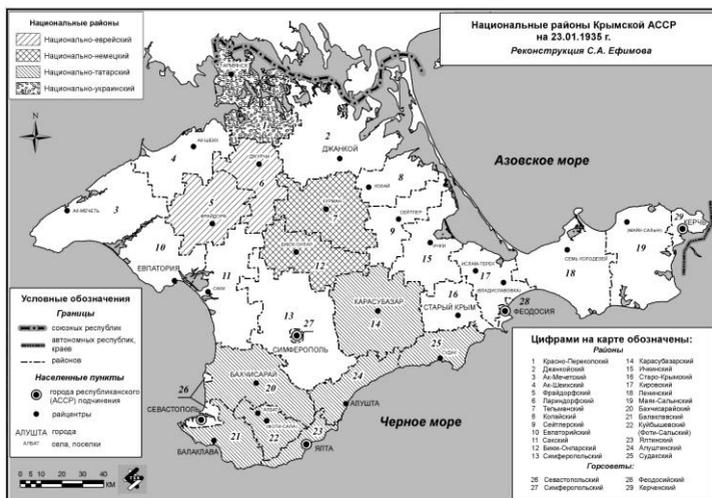

Рис. 4. Карта национальных районов Крымской АССР на 23.01.1935 г.

Социально-экономическая модернизация 1920-х–1930-х гг. повлекла коренные изменения социального облика, трансформацию традиционного образа жизни и хозяйственного уклада этнических меньшинств, позволив сделать вывод о решении в СССР национального вопроса. Последнее было зафиксировано 5.12.1936 г. в Конституции СССР – «конституции победившего социализма», 123-я статья которой утверждала, что «равноправие граждан СССР, независимо от их национальности и расы, во всех областях хозяйственной, государственной, культурной и общественно-политической жизни является непреложным законом. Какое бы то ни было прямое или косвенное ограничение прав или, наоборот, установление прямых или косвенных преимуществ граждан в зависимости от их расовой и национальной принадлежности, равно как всякая проповедь расовой или национальной исключительности, или ненависти и пренебрежения, караются законом». Данное положение было дословно продублировано в статье 127 Конституции РСФСР от 21.01.1937 г. и статье 90 Конституции Крымской АССР от 4.06.1937 г.

Таким образом, существование в Крыму национальных административно-территориальных единиц, функционирование которых постоянно нуждалось в аппаратно культивируемой этнической пассионарности, к 1938 году утратило и без того невысокую конституционную легитимность.

Вместе с тем, следует отметить, что национальные районы и сельсоветы достаточно успешно выполнили задачу территориально-организационного содействия постановке образования и культурно-просветительской работы на родном языке, подготовке национальных кадров и, в целом, приданию позитивного импульса всестороннему развитию этнических меньшинств.

В контексте периодически появляющихся исследований о якобы имевшем место национальном характере Крымской АССР можно согласиться с мнением В.В. Харабуги [18] о том, что наличие разветвленной сети национально-татарских и других национальных районов и сельсоветов свидетельствует о вненациональной природе крымской автономии, о её изначальном полиэтническом характере, отсутствии в ней каких-либо особых титульных национальных групп.

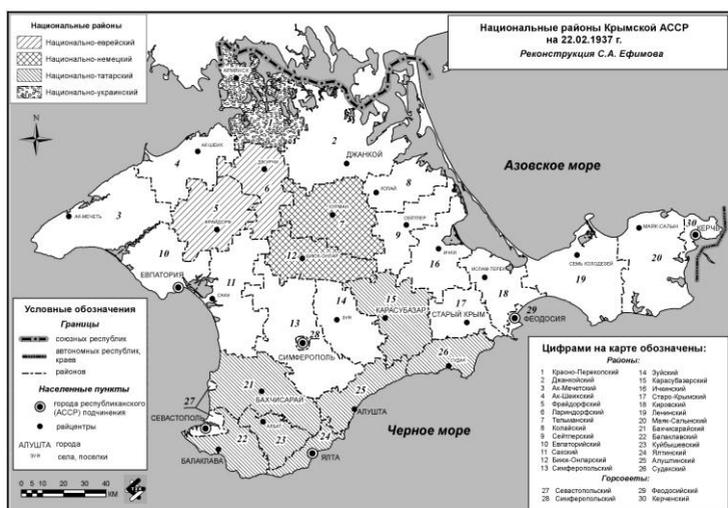

Рис. 5. Карта национальных районов Крымской АССР на 22.02.1937 г.

Особо укажем, что в описываемый период сетка административно-территориального деления полуострова подверглась наиболее значительным за все советско-постсоветское время трансформациям, становясь то самой «крупноячейстой» в 1924 году, то самой дробной в 1937. При этом, если укрупнение районов производилось исключительно по «бюджетным» основаниям, то разукрупнение осуществлялось с целью учета этнических особенностей расселения, а также создания оптимальных условий для обеспечения модернизации сельхозпроизводства на началах коллективизации.

Статья проиллюстрирована реконструированными картографическими образами административно-территориального деления Крыма. Примененная методика реконструкции, основанная на использовании ГИС-технологий, предложена автором и описана в [9].

Литература

1. Бюллетень ЦИК и СНК Крымской АССР. Симферополь, 1930. №58. 26 сент. С. 17.
2. Бюллетень ЦИК и СНК Крымской АССР. 1930. №64. 26 окт.
3. Бюллетень ЦИК и СНК Крымской АССР. 1930. №68. 20 ноябр. С.6, 7.
4. Бюллетень ЦИК и СНК Крымской АССР. 1930. №75. 26 дек.С.9, 10.
5. Бюллетень ЦИК и СНК Крымской АССР. 1931. №15. 21 марта. С. 5.
6. Бюллетень ЦИК и СНК Крымской АССР. 1932. №23. 21 апр. С.1, 2.
7. Весь Крым, 1920–1925. Юбилейный сборник. Симферополь: Издание КрымЦИК'а, 1926. 572 с.
8. Генов И.Г. Новое районирование и очередные задачи советов // Экономика и культура Крыма. Симферополь, 1935. №2 (март-апр.).С.12.
9. Єфімов С.О., Селезньова О.О. Адміністративно-територіальний устрій територій: геоінформаційні підходи до реконструкції і моделювання (на прикладі АРК) // Вісник геодезії та картографії. Київ, 2008. №5 (56). С. 37-44.
10. Кайкова О.К. Национальные районы и сельсоветы в РСФСР: исторический опыт Советского государства в решении проблемы национальных меньшинств в 1920–1941 гг. Автореф. дис. ... канд. ист. наук.М., 2007.20 с.
11. Коренизация аппарата Крымской Автономной Советской Социалистической республики (К вопросу о вовлечении трудящихся татар в производство, государственные, кооперативные учреждения и общественные организации). Симферополь: Изд. орготдела КрымЦИКа, 1929. 29 с.
12. Крымская АССР (1921–1945) / Сост. Ю.И. Горбунов. Симферополь: Таврия, 1990.320 с.
13. Монатов К. К обслуживанию нацменьшинств // Бюллетень ЦИК и СНК Крымской АССР. 1931. №25. 11 мая.С. 1,2
14. Отчет правительства Крымской Автономной социалистической советской республики VI съезду советов. Симферополь: Крымгосиздат, 1929. 121 с.
15. Самединов А.А.О советском, хозяйственном и культурном строительстве Крымской АССР: докл. на IV сессии XV созыва Всероссийского ЦИК. Симферополь: Крымпартиздат, 1934. 54 с.
16. Софийский П.М. Новое административное деление КрымАССР // Экономика и культура Крыма. 1930. №2.С. 37-49.
17. Сталин И.В. Марксизм и национально-колониальный вопрос. Сб. избр. статей и речей. М.: Гос. изд. полит. лит., 1938.232 с.
18. Харабуга В.В. К проблеме государственно-правового статуса Крымской АССР (1921–1945 гг.). URL: <http://www.kr-eho.info/index.php?name=News&op=printpage&sid=11751>(дата обращения: 07.10.2014).
19. Чеботарева В.Г. Социальные противоречия национальной политики в Крымской АССР в 1920-е годы // Вопросы истории. 2006. №12. С.23-43.
20. Якобсон М. Перестроить аппарат и систему управления //Бюллетень ЦИК и СНК Крымской АССР. 1930. №55. 11 сент.С. 1,2.

ГОСУДАРСТВЕННОЕ УПРАВЛЕНИЕ ЭТНОКОНФЕССИОНАЛЬНЫМИ ПРОЦЕССАМИ В РЕСПУБЛИКЕ АДЫГЕЯ

Неотъемлемой чертой российского общества стало возрастание этноконфессионального фактора, который существенным образом влияет на характер и направление развития происходящих модернизационных процессов. Этноконфессиональные факторы рассматриваются как нациообразующие и способствующие формированию единства российской нации. Вместе с тем эти факторы послужили вызовом стабилизации общественно-политических отношений в стране, использование которых в развитии этнополитических конфликтов в различных регионах постсоветского пространства общеизвестно.

Юг России является самым пестрым по своей этнической и конфессиональной палитре регионом Российской Федерации. Следствием влияния глобализационных тенденций в регионе является рост взаимовлияния религий, этносов, культур и локальных цивилизаций.

Развитие этноконфессиональных отношений обусловлено общими принципами регулирования развития общества. Вместе с тем они отличаются от других форм общественных отношений, поэтому их развитие предполагает специфические принципы регулирования. Необходимо не только выявлять и знать общие и специфические законы развития этноконфессиональных отношений, но и выработать на их основе принципы регулирования. Укрепление этнополитической и этноконфессиональной безопасности позволит создать предпосылки для стабильного функционирования полиэтноконфессионального социума, формирования этноконфессиональной толерантности, мира и согласия.

Государственное управление этноконфессиональными отношениями должно строиться на основе учета следующих принципов: наиболее полное удовлетворение прав и свобод представителей разных наций и конфессий; социальная справедливость, консолидация наций и этносов; реализация разумных национально-специфических интересов в сфере культуры, языка, национальной психологии и традиций; выравнивание уровня экономического и культурного развития национальностей; межнациональное и межконфессиональное согласие, этноконфессиональная толерантность и гуманизм, сотрудничество и сотворчество народов; рациональное сочетание прав наций, конфессий и прав человека; преодоление сепаратизма, экстремизма, национализма, религиозного фанатизма и нетерпимости [1].

Не предпринимая попытку интегрального анализа данной проблемы, остановимся на реалиях Республики Адыгея, более 450 тысяч жителей которой составляют уникальное многообразие этносов, конфессий, культур, языков. Устойчивость межнациональных отношений основана на мирном взаимодействии и взаимопонимании всех народностей, проживающих в республике. При этом два основных этноса – адыги, являющиеся автохтонным народом, и русские выступают примером конструктивного межэтнического диалога. Общ-

ность народов послужила источником формирования особого типа нравственно-этической системы, в которую органично интегрировались и этнокультурный феномен «адыгэ хабзэ», и богатая славянская культурная традиция.

Республика Адыгея накопила значительный опыт по собственному национально-государственному строительству, формированию региональной модели государственной национальной политики, основной целью которой является сохранение гражданского мира, взаимопонимания и согласия между представителями разных национальностей, проживающих в Адыгее, создание экономических, политических, государственно-правовых, социально-культурных условий и гарантий для развития всех народов республики.

В Адыгее сложилась успешно функционирующая система регулирования и взаимодействия в сфере этноконфессиональных отношений, в которой значительная роль отводится органам государственной власти и общественным этнокультурным объединениям.

Основные положения в сфере национальных отношений определяют деятельность государственных органов Республики Адыгея в области национальной политики. Приоритетными направлениями национальной политики в Республике являются обеспечение максимально благоприятных условий для поддержания равенства между этническими общностями республики; соблюдение прав человека в национально-культурной сфере; формирование национальных отношений, способствующих реализации потребностей, этнических общностей и конкретных личностей на основе общенациональных интересов.

Вся деятельность органов государственной власти Республики Адыгея в вопросах межнациональных отношениях строится на четко обозначенных принципах национальной политики с учетом основ национальной политики Российской Федерации.

Результатом усилий государства и общества, достигнутого широкого консенсуса по основным направлениям дальнейшего развития республики стало формирование национальной политики, основные элементы которой закреплены в Конституции Республики Адыгея.

Национальная политика в Республике Адыгея призвана наполнить новым содержанием идею патриотизма, дружбы и сотрудничества всех наций и народностей, поднимая и развивая при этом культуру и самобытность каждой народности республики, а также объективно оценивая политическую ситуацию, своевременно прогнозировать и предупреждать конфликты в сфере межнациональных отношений.

Государственная национальная политика в Республике Адыгея строится на двух фундаментальных приоритетных положениях. Первое заключается в необходимости всестороннего развития адыгского народа как государствообразующей нации и укрепления Республики Адыгея как исторически сложившейся формы его государственности. Второе направлено на обеспечение равных с адыгским народом условий жизнедеятельности всех национальных общин и граждан, в совокупности составляющих многонациональный народ республики.

Следует отметить, что недостаточно активное воспитание культуры межэтнических отношений и нарушение баланса интересов различных этниче-

ских общностей, проживающих на одной территории, может привести к росту напряженности в межэтнических отношениях. В этой связи перед органами государственного управления стоит задача сохранения баланса интересов этнических общностей в этнокультурном развитии, и на основе этого формирования высокой и устойчивой культуры межэтнического взаимодействия и общероссийской идентичности у представителей этнических общностей Республики Адыгея. Необходимо также дальнейшее совершенствование нормативной правовой базы, создающей условия для удовлетворения гражданами своих образовательных, культурных, языковых и этнических интересов.

Регулирование межнациональных процессов требует гибкости в осуществлении государственной национальной политики, выработки новых технологий в формировании представлений о совместном проживании народов. Постоянное изучение этнополитических процессов, прогнозирование событий в межнациональных отношениях дает возможность принимать своевременные и обоснованные решения.

Ключевой задачей политико-административного управления этноконфессиональными отношениями в многонациональном регионе является реализация системы мер, направленных на обеспечение этнополитической безопасности, которая представляет собой устойчивое развитие социума, гарантированное от опасностей и рисков социально-политических, межэтнических, территориальных, межконфессиональных конфликтов и противоречий. Государственная национальная политика в Республике Адыгея занимает ключевое место в системе принятия политических решений и в управлении этноконфессиональными процессами.

Литература

1. Юсупова Г.И. Глобализация и этнополитическая безопасность Юга России. М.: Собрание, 2009. С. 44.

КСЕНИЯ ЖАРЧИНСКАЯ

ВИЗУАЛЬНЫЕ ОБРАЗЫ И СРЕДСТВА КОНСТРУИРОВАНИЯ ЭТНИЧЕСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ ДРЕВНИХ СЛАВЯН В ВИРТУАЛЬНЫХ СООБЩЕСТВАХ

Выполнено в рамках работ по проекту «Человек в меняющемся мире. Проблемы идентичности и социальной адаптации в истории и современности» (грант Правительства РФП 220 № 14.В25.31.0009)

В виртуальном пространстве значимую роль играют визуальные образы и символы [2]. Особенно актуально это для социальных сетей, где важным фактором идентификации и персонализации пользователя становятся аватар и фото на странице [3, с. 160].

Самостоятельное формирование пользователем инфопотока, путем подписок на тематические сообщества, фильтрации списка «друзей» и т.д., здесь также влияет на процесс конструирования идентичности. Постоянный откры-

тый доступ к обновляющимся в режиме реального времени фото и видеоматериалам ускоряет процесс самоидентификации и «консервирует» его результаты.

Мы рассмотрели это явление на примере типичной символики интернет-комьюнити «крайних славянофилов» (родноверов, поклонников славяноарийского ведизма и т.д.). Их исследованием, рассматривая транснациональные идеологические сообщества националистов или локальные общины неоязычников, занимались В. Шнирельман, А. Гайдуков, О. Кавыкин, О. Асеев, В. Яшин и др. Но конструирование «традиционной» славянской идентичности сегодня, очевидно, происходит не только в границах «реального» мира.

Выводы, сделанные в статье, основаны на визуальной интерпретации популярных изображений виртуальных сообществ. В анализе учитывался «контент» и «контекст» создания графики [4], принимались во внимание авторские подписи, комментарии и дискуссии пользователей. Нашей целью было выяснить, какие универсальные символы присутствуют в этой культуре, каковы их черты и эмоциональный контекст появления наиболее часто повторяющихся образов.

В рамках исследования рассматривался графический контент пяти крупных виртуальных сообществ «крайних славянофилов» в социальной сети «ВКонтакте» численностью от 6000 до 122000 человек. При этом учитывались как активные, так и пассивные модели поведения, связанные с различными типами самоидентификации неоязычников [1, С. 9-10]. Для анализа типичных образов выбирались наиболее часто просматриваемые и «комментируемые» изображения, отражающие идеологию, цели и задачи референтной группы.

На основании анализа были выявлены следующие наиболее часто повторяющиеся (в скобках примеры подтипов) символические центры композиции, представленные по частотности в порядке убывания:

- антропоморфные изображения (детализированные изображения человека в полный рост, в т. ч. в образе бога, времени года, явления природы);
- религиозные символы (знаки веры, священные книги, амулеты, космогония, чудеса, боги языческого пантеона и другие мифологические персонажи);
- образ врага (внешние захватчики, иноверцы, хищные животные и птицы);
- война и образ воина (армия, героизм, сражения, оружие, военная подготовка детей, великие военные деятели, военная память, история войн);
- семья, поколение, гендерные идеалы (образцы мужского, женского и детского поведения и внешности, патриархальная идиллия, семейный быт);
- социальная и политическая жизнь и нормы (обряды, ритуалы, быт деревни и города, гербовая и государственная символика, ЗОЖ и др.);
- знание и его хранители (книги, веды, руны, карты, «ключ к истине», старцы-хранители знания, история и мифология в инфографике и тексте).

Назовем некоторые общие черты исследуемых сообществ на основании интерпретации перечисленных повторяющихся образов. Во-первых, это антропоморфизм. Центральное место в описываемой культуре занимает человек. Боги, природа, отвлеченные понятия часто персонифицируются (что упрощает

конструирование идентичности). В виртуальных сообществах родноверов, как и в молодежной среде в целом, распространены «selfy» (сделанные самостоятельно автопортреты, например, в одежде с атрибутикой или для демонстрации татуировок, амулетов, украшений, типичной «арийской» внешности). Идеализируются агрессивные и экспрессивные «воинственные» персонажи и сюжеты. Наряду с героизацией образа воина-мужчины оружие в руках нередко держат женщины и дети, что позиционируется как «нормальная» повседневная практика, не несущая негативного подтекста. Присутствует идея крепкой патриархальной семьи, романтизация женских образов и некоторая «тоска по феминности» в культуре, а также образ «истинного знания», которое полагается беречь и хранить для потомков. Наконец, значимую роль в системе ценностей информантов играет социальная жизнь, система обрядов и ритуалов, а также религия. Несмотря на присутствие определенной доли «рационализации», им свойственна вера в иррациональное и сверхчувственное. Примечательно, что вопреки конфронтации неоязычества с христианством, иногда в графике используются архетипичные библейские образы (например, змей-искуситель или лики дьявола).

Посредством перечисленных визуальных образов транслируется специфический образ мира, который становится оптимальной базой для формирования новой культурной и этнической идентичности «славянина». И эта сконструированная мифологическая идентичность в силу воображаемой близости к первоосновам родной культуры мыслится информантами более естественной и «эффективной», чем реальная национальная, гражданская, городская или региональная принадлежность.

Литература

1. Кавыкин О.И. «Родноверы». Самоидентификация неоязычников в современной России. М. 2007. 232 с.
2. КагельСМ. Информационная эпоха: экономика, общество и культура. М.: Изд-во ГУ-ВШЭ, 2000. С. 9-40.
3. УшкинС. Визуальные образы пользователей социальной сети «Вконтакте»// Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2012. № 5. С. 159-169.
4. Ярская-СмирноваЕ., РомановП. Взгляды и образы: методология, анализ, практика. Визуальнаяантропология: настройкаоптики. М.: Вариант;ЦСПГИ, 2009. С. 7-15.

JAKABAL BERTZSOLT

COLLECTIVE MEMORY AS A SOCIO-POLITICAL PHENOMENON. CREATING AND USE OF MEMORY IN CLUJ-NAPOCA (ROMANIA)

This paper focuses on the social usage of memory and seeks to explore the multiple roles and functions that the figures and representations of (cultural) memory have played and continue to play in representing, mediating and manipulating

ing collective memory, culture and politics within the post-communist and multiethnic (Romanian majority – Hungarian minority) context.

Transylvania, annexed to Romania in 1920, is a place of continuous Romanian–Hungarian conflicts. There is always a domain of conflict between the Hungarian minority and the Romanian majority represented by the construction, the invention and commemorative use of the past. In my ethnographic and socioanthropologic analysis I focus on the place-making, memorial monuments and objects, the institutionalized uses of cultural memory and the interethnic relations and symbolic behaviors that stay behind it in contemporary Cluj-Napoca.

The system change of 1989 brought along not only a political fracture, but also one in the imagined past. On the social level resulted in the drama of diminuation of belief in the institutions and authorities. The past constructed up to that point naturally lost its political legitimacy. The period of time after 1989 proved to be one of the most productive regarding local construction of memory; show how great social and political changes reshape attitudes to the past, and reveal differences between the old system (communism) and the new (age of democracy). Reinterpretation of the public sphere and the space, its resettlement with past events is a permanent endeavor for dominant groups, and of those in formation. I would like to analyze more deeply the tendencies of past construction, the contested memories and contributes to identity settings. What previously exposed component of the past was made invisible by the new system? What conflicts were revealed, what kind of identity strategies, legitimating processes and national discourses were put into motion by the construction of (new) memory?

АННА ИСТОМИНА

ПРОФЕССИОНАЛЬНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ УЧИТЕЛЕЙ: МЕЖДУ НЕГАТИВНОЙ И ПОЗИТИВНОЙ СВОБОДОЙ

На примере средней школы рассматривается ситуация институционального регулирования с нарушенной прямой и обратной связью. Когда регулирующие воздействия воспринимаются как неадекватные и порождают незапланированные реакции, у администратора возникает дилемма: либо радикально сменить ценностные основания институционального взаимодействия в соответствии с актуальными задачами, либо путем переговоров легитимировать актуальные задачи, трансформируя ценностные основания институциональных взаимодействий.

Учительство как профессия (в отличие от занятия (occupation)) требует интенсивной вовлеченности в профессиональную деятельность, что концептуализируется в терминах «этос» [Мертон, 2006], «приверженность делу» (commitment) [Day et al., 2005], профессиональная идентичность и др. и предполагает относительную автономию профессионала от прямой внешней регуляции. Неолиберальные реформы бюджетной сферы, начатые в конце XX в., существенно переформатировали условия воспроизводства ролевой идентичности профессионалов. В частности, они изменили природу учительства как

профессии: усилили ориентированность на внешне наблюдаемые быстрые результаты и внешний контроль, расширили круг заинтересованных лиц (стейкхолдеров) в оценке результатов учительского труда, интенсифицировали труд и т.п. [Day et al., 2005].

Усиление внешнего контроля в институциональном дискурсе трактуется двояко: (1) как вынужденная мера менеджмента повысить социально-экономическую эффективность труда профессионалов, (2) как неадекватное стремление менеджмента внедрить элементы бюрократического этоса ради сокращения автономии профессионалов в выполнении ими ролевых обязанностей. Обе трактовки имеют важные сходства: содержат противопоставление «мы – они» и указания на заботу «мы» об общем интересе и на избыточную эгоистичность «они»; проблематизируют баланс между внешней и внутренней регуляцией профессиональной деятельности.

Мы исходим из того, что реформирования средней школы с наименьшими издержками можно достичь при сохранении условий для (вос)производства профессиональной идентификации, профессионального этоса, приверженности делу; иными словами, при восстановлении прямой и обратной связи в институциональном регулировании. Практичность тезиса демонстрируется на материале фокус-групп и интервью о критериях оценки профессиональной квалификации учителей, проведенных с представителями образовательных учреждений девяти городов РФ.

В докладе демонстрируется принципиальная возможность реконструировать / диагностировать проблемы: профессиональной идентичности (неопределенность представлений о профессиональной роли, нормах и ценностях) / обратной связи / нелегитимности регулирования по текстуальной репрезентации противоречий в ролевых установках.

В рамках модели пространственно-деятельностной идентичности [Оберемко, 2009], включающей концепцию позитивной и негативной свободы [Берлин, 2001], проанализированы два текстуально выраженных противоречия: (1) отрицание vs. утверждение нужности учителю знаний по педагогике и психологии; (2) отрицание vs. признание необходимости внешнего контроля над качеством работы учителя. В результате реконструкции намечены направления деятельности по легитимации обновляемых форматов профессиональной деятельности учителя.

Литература

1. Берлин И. Два понимания свободы // Философия свободы. Европа. М.: НЛЮ, 2001. С. 122-185.
2. Мертон Р. Социальная теория и социальная структура. М.: АСТ; Хранитель, 2006.
3. Оберемко О.А. Интеракционистская модель формирования идентичности: реконструкция // Социологический ежегодник: сб. науч. тр. М.: ИНИОНРАН; ГУ-ВШЭ. 2009. С. 114-135.
4. Day C., Elliot B., Kington A. Reform, Standards and Teacher Identity: Challenges of Sustaining Commitment // Teaching and Teacher Education. 2005. Vol. 21. No. 5. P. 563-577.

**СОЦИАЛЬНЫЙ ПОРТРЕТ МОЛОДОГО ВЕРУЮЩЕГО
ГОРОЖАНИНА В КАЗАХСТАНЕ
(ПО РЕЗУЛЬТАТАМ СОЦИОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ)**

Представленные в статье выводы основаны на результатах социологических исследований, проведенных в текущем году в г.Астана (Республика Казахстан), участником которых являлся автор. Непосредственным заказчиком приведенных исследований выступили государственные органы Республики Казахстан, в компетенцию которых входят вопросы религии и религиозности населения. Указанные исследования были проведены посредством метода массового опроса в г.Астана.

Полученные данные демонстрируют высокую степень удовлетворенности молодого населения столицы сложившейся сегодня в Казахстане межконфессиональной ситуацией. Большинство опрошенных отметили, что отношения между представителями разных конфессий в Казахстане носят спокойный характер.

Доминирующей точкой зрения среди молодежи столицы является установка на равное и нейтральное отношение государства ко всем конфессиям. В целом молодежь столицы характеризуется светскими установками, однако в большинстве своем допускает возможность государственной поддержки традиционных религий и возможность ограничения деятельности нетрадиционных для Казахстана религиозных организаций.

Большинство молодых людей, проживающих в столице, считают себя верующими. Количественный показатель - индекс религиозности столичной молодежи равен примерно 82%. Но следует иметь в виду, что характер религиозности у этих людей может быть абсолютно разным. Разным, возможно, у них будет и религиозное поведение, то есть практики посещения культовых сооружений, выполнения религиозных предписаний и т.д.

Давая качественную характеристику религиозности городской молодежи, следует указать на доминирование пассивной религиозности, сопровождающейся неполным исполнением религиозных предписаний и слабым участием в жизни религиозной общины.

Если говорить о степени религиозности молодежи, то следует отметить, что три четверти опрошенных отнесли себя к верующим, время от времени посещающим богослужения, отмечающим только самые важные религиозные праздники, но в жизни религиозной общины активного участия не принимающим. Если обратиться к имеющимся в современной науке типологиям религиозности, то по своим характеристикам этот тип можно назвать колеблющимися, верующими с доминированием социальной (а не духовной) религиозности.

Согласно известному российскому исследователю И.Н. Яблокову, у верующих с доминированием социальной религиозности религиозная ориентация является важной, но не определяющей. Верующие этого типа не играют активной роли в религиозной группе, не принимают активного участия в распространении религиозных взглядов. Религиозное сознание лишь отчасти ока-

зывает влияние на мотивацию социальной деятельности, мотивы их участия в религиозном культе, как правило, нерелигиозные.

Если соотнести полученные данные с типологией исследователя Г. Ленски, то можно сказать, что большая часть молодежи г.Астана характеризуется социальной религиозностью, для которой характерна приверженность к одобряемой социальной установке, определяемой моде, их религиозность в меньшей степени связана с осознанными внутренними духовными потребностями.

Глубоко верующими, знающими основы своего вероучения, глубоко верящими в них, соблюдающими все религиозные обряды и являющимися активными участниками жизни религиозной общины назвали себя 7,4% опрошенных молодых людей. Согласно типологии религиозности Д.М. Угриновича, этих людей можно охарактеризовать как убежденных верующих. Они верят в основные религиозные догматы, осознают себя членом определенной религиозной группы, регулярно исполняют религиозные обряды, участвуют в деятельности своей религиозной организации и пропаганде своего вероучения. Религиозное сознание у таких людей в значительной мере оказывает влияние на мотивацию их социальной деятельности.

В этническом разрезе количество глубоко верующих несколько больше среди казахов, чем среди представителей других национальностей. В анализе корреляций между степенью религиозности и материальным положением семьи было замечено, что вопреки мировым тенденциям по фиксации прямой зависимости между религиозностью и бедностью, судя по полученным в ходе настоящего исследования данным, в Астане наблюдается обратная тенденция. Около 90% респондентов, по их словам живущих в полном достатке, называют себя верующими, к ним же относят себя 81,4% опрошенных, живущих удовлетворительно, 77%, испытывающих материальные трудности, и только 50%, живущих бедно, на грани выживания. Причем никто из этих 50% наименее обеспеченных молодых людей не отнес себя к активным верующим.

Согласно анализу корреляций между религиозной принадлежностью респондентов и их национальностью, очевидно, что среди приверженцев ислама доминируют казахи (98,2% от всех казахов), 42,9% представителей других (помимо казахов и русских) национальностей также отнесли себя к исламу. Среди русских мусульманами себя назвали 6,5% респондентов.

Ко второй по численности религиозной группе в Казахстане – православии – отнесли себя 82,4% всех русских, принявших участие в опросе, 23,8% представителей других национальностей и 0,4% казахов. Католиками назвали себя 23,8% представителей других национальностей (предположительно немцев и поляков) и 1,9% русских. Часть респондентов (2,4%, причем все принадлежат к другим помимо казахов и русских этносам) отнесли себя к иудаизму. Приведенные данные демонстрируют преимущественную приверженность молодых людей своим традиционным религиозным конфессиям, обусловленным их этнической принадлежностью.

Религиозность человека во многом обусловлена религиозностью его родителей, ведь семья во все времена была и остается важнейшим институтом религиозной социализации. С целью выявления данной обусловленности в инструментарий настоящего исследования был включен вопрос о степени ре-

лигиозности родителей современных молодых людей. Анализ данных позволяет сопоставить уровень религиозности разных поколений населения одного города.

Большинство опрошенных молодых людей оценили религиозность своих родителей на среднем уровне, отметив, что их родителей можно назвать верующими, однако часть религиозных обрядов ими выполняется неосознанно. В принципе, мы видим, что степень религиозности молодежи, описанная нами выше, соответствует уровню религиозности старшего поколения. Это объясняется тем, что молодые люди, уровень религиозности которых невысок, по сути, являются «социальными продуктами» своих родителей, переняв у них основные ценности, в том числе религиозные.

Среди тех респондентов, кто назвал своих родителей верующими, соблюдающими все религиозные обряды, подавляющее большинство составляют глубоко верующие молодые люди (76,5% от всех глубоко верующих). 64,6% верующих, посещающих богослужения время от времени, указали, что их родители являются верующими, однако выполняющими не все религиозные предписания. Около половины (49%) неверующих молодых людей, мало осведомленных в области своего вероучения не смогли назвать своих родителей верующими. Таким образом, полученные данные наглядно демонстрируют нам прямую зависимость религиозности молодых людей г. Астана от степени и характера религиозности их родителей.

Характер религиозности может быть раскрыт при помощи вопроса о знании истории религиозных конфессий, к которым себя легко отнесло большинство респондентов. Данные, полученные по этому вопросу, еще раз подтверждают достаточно пассивный характер религиозности большинства молодых горожан. Только 13,3% опрошенных смогли сказать, что хорошо знают историю своей религиозной конфессии, большинство же молодых людей (42,6%) знает лишь самые важные моменты истории своей религии. 35,3% молодых астанчан признались, что имеют минимальное представление об истории своей конфессии.

Наиболее высокий процент ничего не знающих об истории своей религии наблюдается у молодежи с неполным средним (14%) и общим средним образованием (14,7%). Это легко объяснить как ранним возрастом данных респондентов (возможно с более слабой мотивацией к изучению подобных вопросов), так и меньшей эрудицией, меньшим объемом знаний и опыта. Наибольшее количество ответивших, что хорошо знают историю своей религии, и тех, кто знает лишь самые важные моменты ее истории, - молодые люди, по их словам живущие в полном достатке (в сумме 70,3%), наименьшее число осведомленных в вопросах истории своей конфессии среди тех, кто живет бедно, на грани выживания (около 50%).

В разрезе уровня религиозности видно, что хорошо знают историю своей религиозной конфессии преимущественно глубоко верующие молодые люди (62,7% от всех в этой категории), знают лишь самые важные моменты истории своей религиозной конфессии преимущественно колеблющиеся (48,3% таковых), более половины неверующих (58%) имеют минимальное представление об истории своей конфессии.

В целом, давая качественную характеристику религиозности городской молодежи Астаны, следует указать на доминирование пассивной религиозности, не сопровождающейся полным исполнением религиозных предписаний и слабым участием в жизни религиозной общины. При этом, четко фиксируется зависимость степени религиозности молодежи от уровня религиозной веры их родителей. Несмотря на то, что подавляющее большинство столичной молодежи относит себя к верующим, большинство из них, скорее можно отнести к категории колеблющихся.

ВИКТОР КОВАЛЁВ

КОНФЛИКТ ЦЕННОСТЕЙ И ИДЕОЛОГИЧЕСКИЕ МИФЫ В РОССИЙСКОЙ ПОЛИТИКЕ И ПОЛИТОЛОГИИ: НЕОБХОДИМОСТЬ ДЕКОНСТРУКЦИИ

В современных обстоятельствах, особенно с учетом известных событий на Украине, проблема идеологического (и вооружённого) противостояния носителей различных ценностей и идеологий приобретает новую актуальность. В этой драматической ситуации можно легко броситься в дискуссии по конкретным поводам и обстоятельствам и не видеть ничего помимо этой страшной конкретики и текущих событий. Такая позиция вполне оправдана, но для профессиональных обществоведов, анализирующих, к примеру, истоки и причины идейного противоборства и убийств в Донбассе и схожие случаи, стоит отвлечься от непосредственной «злости дня» и проанализировать ситуацию в более широком теоретико-методологическом контексте.

Для профессиональных политологов и т.п. такая задача выглядит еще более необходимой ещё и потому, что ситуация на той же Украине оказалась не просто драматичной, но *неожиданной* драматичной, произошла не просто трагедия, но, для подавляющего большинства, как аналитиков, так и простых мирных обывателей, *неожиданная* трагедия. Кто ещё в начале 2014 г. ожидал применения «Градов» и ракет «Точка-У» против мирных городов?

Вернемся к проблематике конфликтов ценностей. При их описании имплицитно предполагается, что стороны конфликта отстаивают свои позиции, и в ходе этого могут либо прийти к компромиссу, либо зайти как угодно далеко. Разумеется, некая из сторон может быть признана заблуждающейся, но убеждать ее в этом порой приходится военной силой. Допустим, сейчас в РФ многие уверены, что нынешние украинцы проводят самоубийственную политику, но, попробуй докажи это нынешним украинцам. Точно так же ничего нельзя было доказать большинству немцев в 1930-е годы или тем, кто бросился поддерживать революции в Российской империи.

Однако в ходе конфликта определенных ценностей и идеологий зачатку в тени, без должного внимания остается проблема их происхождения и успешного внедрения, а также неудач при попытках нейтрализации убийственных для страны и нации идей. Ближайшим аналогом такой ситуации является действие компьютерных вирусов, хорошо знакомых современному че-

ловку. Однако намеренное искажение программного кода и беззащитность пользователя перед ним характерно не только для мира компьютеров, но сплошь и рядом встречается в развитии той или иной политической ситуации.

Столь пространное введение для короткого доклада требуется потому, что среди наших экспертов, а особенно среди вузовских политологов, которые учат основам обществоведения студентов, и, следовательно, дальше передают ситуацию непонимания, сама поставленная проблема не слишком-то и осознается.

«Политология для постсоветских стран – это импортная наука, американская. Многие отечественные учебники, по сути это переводы, да еще и плохо адаптированные к отечественным реальностям. Следовательно, неадекватные представления о своих собственных общественно-политических проблемах транслируются не только студентам, которые, в большинстве своем, о них забывают, сдав экзамен, но так или иначе и в мир медиа, и в сферу государственного управления, используются в постановке не совсем адекватных исследовательских задач. Такая искаженная проблематика находит отражение в многочисленных диссертациях, монографиях и статьях и т.д. Навязанная псевдоактуальная проблематика отвлекает наши, и без того невеликие интеллектуальные силы от действительно важных вопросов.

Примеров можно привести множество, но чтобы не переводить обсуждение с проблемы на «случай» (кейсы), приведем те, которые не близки «злобе дня» и носят как бы академический характер. Скажем, в области политических исследований, к которой мы имеем отношение, на наш взгляд, оказались весьма преувеличенными представления об автономии политического поля, а также вырывание внутривнутриполитической проблематики из международного контекста. Последнее не вполне учитывается и в политической компаративистике. В итоге мы имеем, например, огромный массив электоральных сравнений, описание которых оторвано от контекста, в котором проходили те или иные выборы. Вот на неких выборах в ходе реальной конкурентной борьбы (в РФ был период, когда результаты голосования заранее не были predeterminedены) побеждает кандидат в губернаторы, и вскоре наиболее ценные активы территории оказываются в руках «зарубежных инвесторов» (есть конкретные примеры). А что важнее на выборах Б. Ельцина или П. Порошенко – проценты поданных голосов или же внешнее влияние на проводимый победителями политический курс? Вопросы эти даже для журналистов кажутся риторическими, но в анализе представителей отечественной политической науки сплошь и рядом «выносятся за скобки». Схожий эффект получается и при проведении широкомасштабных сравнений [1] (весьма информативных самих по себе), когда в межстрановых сравнениях «выносятся за скобки» фактическое неравноправие, зависимость между изучаемыми объектами. Тогда Россия и другие постсоциалистические государства оказываются в положении нормальных, «обычных стран» (Отсылаем к нашумевшей в свое время статье [2]).

Конечно, для решения частных исследовательских задач и успешного анализа той или иной проблемы такое разъятие изучаемых объектов совершенно неизбежно. Но в дальнейшем, игнорирование обстоятельств, в котором протекает тот или иной политический процесс, имеет для его понимания роко-

вые последствия. Причем разрыв между анализом внутренней и внешней политики проистекает, несмотря на чрезвычайную популярность на постсоветском пространстве *геополитики*, когда информационное пространство оказывается заваленным «римлендами и хартлендами», «Левиафанами и Бегемотами» и тому подобными мифологемами. Здесь трудно удержаться, чтобы не привести в пример еще один набор информационных мэмов, известный под названием «евразийства». Это, на наш взгляд, одно из наиболее ярких проявлений отвлечения общественного внимания путем концентрации на квазипроблеме, более известный широкой публике, нежели вопросы сравнительной политологии.

Конечно, даже критическое упоминание «континента Евразия» может быть рискованным, так как может сразу вызвать бурное обсуждение перспектив «исхода к Востоку» и т.п. В общем-то, понятны и исторические причины возникновения евразийского движения (Великая война, фактическое предательство союзников, революция как реакция против «европейского курса» и т.д.). Современное поведение Запада, санкции со стороны Западной Европы и США, также дают российским сторонникам массу аргументов в пользу вариантов евразийской идеологии и политики. Однако не стоит забывать и об использовании евразийцев со стороны тех, кто не хотел возрождения исторической России, например, о провокациях ОГПУ и их наследников. За евразийскими лозунгами фактически скрывается новый интернационалистский, антироссийский и антирусский проект. Это предполагает новый вариант навязывания чужих ценностей (чем «Азиопа» лучше «общеевропейского дома»?) и жертвы, ради чужих интересов (вместо следования в фарватере политики США и других «цивилизованных стран» идти на поклон к Китаю).

Соответственно, метания между Западом и Востоком, акцентирование внимания на расширении Евразийского союза взамен интеграции с Западом, новое издание «советского интернационализма» в виде реинтеграции постсоветского пространства (крайне негативно воспринимаемое на большей его части, если речь идет не просто о получении выгоды за счет российских ресурсов). Это снова будет затруднять нам осознание своих собственных интересов, потери в конфликтах ради фактически не нужных нам целей, с соответствующими информационными эффектами, как в СМИ, так и в ориентации экспертизы и общественных наук.

Однако без здорового национализма, без современного национального государства и без научно подкрепленного национального интереса не может быть и национальной подлинно политики, своей национальной политологии и т.д. Чтобы пробиться к этому, жизненно необходимо подвергнуть ревизии и, при необходимости, решительной *деконструкции* те идеи и представления, которые бытуют у нас сейчас. Причем то, как их назвать, это вопрос второй. Понятно, что как в массовом сознании, так и среди экспертов распространены элементы различных мифов, идеологий, утопий и антиутопий и пр. Если только академически спорить об их особенностях, то можно опять забыть о необходимости обезвреживания «мозговых вирусов», развенчания вредных для русских мифов, деконструкции враждебных России идеологием, то есть всего того, что мешает нам жить своей жизнью, иметь нормальные отношения в

обществе, развиваться и модернизироваться стране, а, наоборот, может нас окончательно погубить.

Литература

1. Политический атлас современности. Опыт многомерного сравнения политических систем современных государств /Под рук. А.Ю.Мельвиля. М.: МГИМО, 2007. 248 с.

2. Шлейфер А., Трейсман Д. Обычная страна // Рабочие материалы Московского Центра Карнеги. 2004. №7. 26 с.

МИХАИЛ КОЛЕСОВ

МИФЫ УКРАИНСКОГО КРИЗИСА

Начало украинского политического кризиса относится не к ноябрьскому «Майдану» 2013 г., и даже не к «Оранжевой революции» 2004 г., а к осени 1991 г., к провозглашению «незалежности» Украины. Исторические же корни этого кризиса находятся в глубине 1914–1918 гг., когда Украина оказалась одним из главных очагов националистического движения, направленного на развал Российской империи. Игнорирование этих фактов сегодня и ведёт к квазиполитической демагогии и к информационным мифам.

Миф первый – «фашистская хунта».

Высказанное однажды это эмоциональное выражение в адрес нынешнего киевского правительства не случайно вызывает недоумение у западных СМИ. Прежде всего, испанское слово «хунта» означает ничто иное как «совет» (и во многих испанских и латиноамериканских странах города и посёлки управляются местными «хунтами»). И слово «фашизм» воспринимается в Европе иначе, чем в России (Советском Союзе). Фашизм для европейцев ассоциируется с политической доктриной Бенито Муссолини и с понятием *тоталитарного режима* государства, как антипода демократии («свободы»).

Между тем, тот процесс, который происходит сейчас в Украине, имеет вполне конкретное определение – *нацизм*. Однако не следует подменять это понятие словом «национализм» (украинские «националисты»), так как *нацизация* страны (народа) – это социально-культурный процесс формирования общественного сознания на основе идеи национального превосходства. Аналогия с *нацистской* Германии вполне уместна. Так же, как в Германии в 30-е годы XX века, в Украине за последние двадцать лет удалось сформировать системной образования и культуры поколение *неонацистов*, которое стало приемником поколения их дедов и прадедов, боровшихся за украинскую «незалежность» в войсках Семена Петлюры и Степана Бандеры.

Миф второй – «гражданская война».

Этот - очередной журналистский штамп, применяемый к каждому внутреннему военному конфликту. Между тем в современной историографии принято называть «гражданской войной», прежде всего, военные действия между защитниками и противниками определенного политического режима.

На Украине нет «гражданской войны» потому что никто не стремится к свержению существующей политической власти. Здесь совершенно очевидно имеет место «международный конфликт», поводом для которого явилось откровенно заявленная новым киевским правительством *антирусская* политическая программа. Поэтому этот «конфликт» возник именно в Донецкой и Луганской областях (в других областях он был быстро подавлен) с преимущественно русским населением (Малороссия до 1918 года не входила в состав «украинских земель»). То, что сейчас происходит на территории этих «мятежных» областей – это не что иное, как *русский холокост* (геноцид русского населения Украины). То, что под бомбами оказались и некоторые украинские семьи, (которые, кстати, «эвакуировались» на украинский «запад»), не меняет *антирусский* характер АТО. После принятия Верховной Радой Закона о «лострации», нет никаких сомнений, что антирусские «зачистки» пройдут по всем областям Украины после легализации новой власти.

Миф третий – «Федерализация Украины».

Бывшие лидеры «самопровозглашенных» ДНР и ЛНР с самого начала отвергали идею «федерализации» в составе Украины. И были правы. Эта идея в контексте Конституции Украины – юридический «нонсенс». Это показал двадцатитрехлетний опыт Крымской «автономной» республики, которая имея все внешние атрибуты «государственности», так и не получила: юридического и экономического (финансового) «суверенитета». После долгой борьбы Крыму было позволено (*нелегально*) лишь пользоваться русским языком для *регионального общения* (прямая аналогия с немецкой оккупацией).

По Конституции Украина – «унитарное» государство. И «правые» радикалы не позволят ни Президенту, ни Верховной раде менять её текст в этой части. Заявления президента Украины о готовности признать относительно «самостоятельный» статус «территорий», контролируемых сегодня «ополченцами» ДНР и ЛДР, есть не что иное, как «уступка» лидерам Евросоюза, оказавшимся в «затруднительном положении» в связи с наконец-то обнаруженными представителями ОБСЕ фактами геноцида мирного населения на временно оккупированных украинской армией восточных территориях. Лицемерие этого заявления подтверждается непрекращающимися артобстрелами жилых районов Донецка.

В связи с этим очевидно, что не принимается во внимание очень важный социально-психологический вопрос. Каким образом русское население ДНР и ЛДР, после потери своих домов, детей и родных (более 3600 погибших, только по официальным данным ООН), примет идею фиктивной «федерализации» в составе Украины?! Сотни тысяч беженцев прекрасно понимают, что по возвращению на «родную» землю их нищета и война.

Миф четвёртый – «выборы – легитимизация украинской власти».

Речь идёт о *мифологизации* электорального процесса в Украине, вследствие которой СМИ активно навязывают *иллюзия* относительно *возможной «лояльности»* будущей украинской политической элиты.

В этой связи нельзя не вспомнить, что Гитлер и его «команда» получили *легитимную* власть в Германии в 1933 г. (и дважды позже) вполне *электоральным* путём (т.е. в итоге «свободного» выбора немецкого народа).

Нет никаких серьёзных аргументов для предположения, что выборы в Верховную Раду приведут к «умиротворению» Украины. Проблема, прежде всего, – в мотивации. Совершенно очевидно, что активное большинство украинцев поддерживает сегодня *нацистскую* политику киевской власти и её *антироссийскую* направленность. И не важно, какая политическая конфигурация будет представлена в этой власти, она, в любом случае, останется *олигархической*. А это значит, что будет продолжен курс на «евроинтеграцию» и на военно-политический союз с НАТО, который, рано или поздно, приведёт к конфронтации с Россией, т.е. к войне. Именно для этого Украина и нужна США. И хотя в Европе никто не хочет «умирать», НАТО не подчиняется никакому европейскому правительству.

Миф пятый – «украинский кризис».

Это ещё одна *аллюзия*, которая усиленно навязывается СМИ, подающими информацию о трагических событиях в Украине, как *внутренний кризис*. Принимать желаемое за действительное – это серьёзная политическая ошибка (аналогия с «Мюнхенским соглашением»).

Между тем, уже в конце XX века (с распадом СССР) стало ясно, что любой «национальный кризис» в современном мире уже не является «внутренним делом» какой-либо страны. XXI век – это время *глобальной политики*. И ни один политический лидер, какими бы личными амбициями он ни обладал, не осмелится принять серьёзное решение, не сообразуясь с геополитическими интересами других (особенно «ведущих») стран.

Поэтому нынешний «украинский кризис» - это всего лишь один из *актов* пьесы, разыгрываемой на сцене современной геополитики. Поэтому не случайно в него «вписались» США и страны ЕС, экономические интересы которых сегодня выходят уже далеко за установившиеся границы их контроля. И дело тут не в самой Украине (которая, очевидно, экономически обойдётся ЕС намного дороже, чем, например, Греция или Португалия). А задача заключается в установлении *глобального контроля* над мировой экономикой (её «финансовыми потоками»), одним из серьёзных препятствий для решения которой сегодня является Россия. Между прочим, Украина дважды в течение XX века явилась, фактически, «стимулом-бонусом» двух мировых войн, направленных, прежде всего, против России.

Поэтому сегодня создание на южных рубежах России *нацистского* государства, откровенно заявившего *антироссийский* вектор внешней политики – это фактически объявление войны. Удастся ли России её избежать – это вопрос мудрости российского руководства и... обстоятельств.

**НЕКОТОРЫЕ ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ
РЕВОЛЮЦИОННЫХ СОБЫТИЙ В АРАБСКИХ СТРАНАХ**

Сейчас много говорят и пишут о революционных событиях в арабских странах, иногда пытаясь дать прогноз их дальнейшего развития. Для осмысленного понимания этих процессов полезно оглянуться назад. Попытаться обобщить события прошедших революций, найти закономерности общие для Революции как важнейшей социальной категории.

Революции (и последующие контрреволюции) в одной стране или группе близких стран, имеющих одну историческую судьбу, составляют революционный период, как целостную систему в пространстве и во времени, имеющую свои законы. Конкретные революции – лишь проявление этих процессов. Революционный период заканчивается тогда, когда ликвидируются все препятствия для свободного развития нации, когда в обществе создаются условия, исключающие возможность каких-либо революционных событий.

Во Франции революционный период закончился Третьей республикой в 1871 г., в США – гражданской войной, в России и Китае – событиями конца XX века. Обращает на себя внимание синхронность революционных процессов в Германии и Италии вследствие сходства многих политических и экономических факторов. В обеих странах революционный период закончился поражением фашистских диктатур во время второй мировой войны.

В революционный период все режимы в той или иной степени имеют черты диктатуры. Во Франции – Якобинская диктатура, Директория, диктатура Наполеона; относительно либеральное правление Людовика XVIII сменилось диктатурой Карла X; на смену режима Луи-Филиппа с элементами демократии вновь пришла диктатура Наполеона III.

В Германии – сначала диктатура Бисмарка, затем Вильгельма II. Демократическая (внешне) Веймарская республика, весь период своего существования находившаяся в состоянии перманентного кризиса, породила жесткую национал-социалистическую диктатуру. Следует отметить, что попытки либерализации власти и общества в революционный период, как правило, порождают классические диктатуры.

В арабских странах революционный период начался после второй мировой войны. События «арабской весны» как раз и стали проявлением этих процессов. Учитывая тот факт, что революционный период обычно длится около ста лет, подобного рода события следует ожидать на Ближнем Востоке до середины XXI века.

В настоящее время ситуация в этих странах находится в точке бифуркации. Дальнейшее направление развития в первую очередь зависит от политики Запада. Если он и дальше будет заниматься здесь «экспортом» демократии, может проявить себя модель Веймарской республики, когда попытки построения демократии в Германии в конечном итоге привели к власти Гитлера. Законы революционного периода несовместимы с демократией

Сейчас в мусульманском мире в определенных кругах «висит в воздухе» идея Халифата. Это может быть союз, конфедерация или что-то в этом роде. Сейчас основная роль по консолидации арабских стран в этом направлении принадлежит Саудовской Аравии. Нечто похожее на шиитский Халифат пытаются создать и Иран. Но при этом явно недооценивается роль радикальных организаций. Самое печальное, что в данном случае пройдена «точка невозврата».

Если появляется какое-либо явление, угрожающее безопасности социально-политической (экономической) системы и на его не обращают должного внимания, оно рано или поздно проходит «точку невозврата», увеличиваясь в объеме, автономизируясь и структурируясь. Появляется система, которая уже развивается по своим внутренним законам и главное – имеет значительный регенерационный потенциал. Если вначале данную проблему можно решить «малой кровью», то после перехода – уже «большой кровью». Это относится и к событиям в Чечне в 1990-е гг., и последнему мировому экономическому кризису, и к нынешней ситуации на Украине.

На высокий регенерационный потенциал радикальных исламистских организаций указывают события в Афганистане, Ираке, Северном Кавказе и др. Действия подобного рода организаций нельзя назвать религиозным терроризмом. Их деятельность подчиняется законам не религиозной, а политической системы. Руководство Саудовской Аравии должно понять, что, оказывая помощь радикалам, оно тем самым создает силу, которая в будущем, если сочтет выгодным для себя, просто уберет монархию как ненужный хлам. Кстати, это же должна понимать и так называемая демократическая оппозиция на Украине.

Если в конечном итоге во главе Арабского халифата окажутся радикалы, он в течение короткого времени превратится уже в Мусульманский халифат (в соответствии с известным в политике «принципом домино»). Многое зависит от характера дальнейшего развития ситуации в Сирии. Если победит оппозиция, вероятность появления Халифата резко возрастет. Халифат неизбежно начнет, подобно фашистской Германии, настойчиво «беспокоиться» судьбой своих единоверцев в других странах. А это уже третья мировая война.

Ход важнейших событий в тех или иных странах в революционный период не зависит от политической элиты. Действуют законы, независимые от их сознания. Начало Первой и Второй мировых войн во многом связано с подобного рода закономерностью. Германия в это время находилась в состоянии революционного периода. События на Ближнем Востоке в настоящий момент не зависят от воли руководства этих стран, но зависят от проведения разумной политики в этом регионе со стороны США, Западной Европы, России, Китая.

**НЕКОТОРЫЕ ТЕНДЕНЦИИ ИДЕНТИФИКАЦИОННЫХ
ПРОЦЕССОВ МОЛОДЕЖИ НА СЕВЕРНОМ КАВКАЗЕ
(ПО РЕЗУЛЬТАТАМ СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ)**

Одним из методологических оснований в решении проблемы поиска консолидационного ресурса для российского общества является анализ молодежи как открытой социальной (под)системы. В рамках концепции социального развития молодежи (В. Чупров, Ю.Зубок), одной из функций молодежи помимо воспроизводства социальной структуры, социального опыта, выступает инновационная функция, связанная с совершенствованием этой структуры и опыта (новаторство). Новаторство видится нами как параметр, характеризующий открытость данной системы. Оно реализуется в том числе через новые идентификации, характерные для каждого нового поколения молодежи, прирастаемые количественно и преобразованные качественно. Так, более взрослая когорта в поколении молодых имела и имеет принципиально иной формат национальной идентичности. Социализация нынешних молодых людей 26-29 лет, не была обременена советской идентичностью, с одной стороны, с другой – протекала в период отсутствия национальных, гражданских ориентиров. Новый опыт понимания «Родины», идентификации с ней не удался у всего российского общества, и у детей того времени (1990-х гг.) не было достойных образцов. Это проявляется в особенностях манифестации национальной идентичности этой когортой в сегодняшние дни.

В целях выявления особенностей идентификационных процессов в среде молодежи Северного Кавказа проведено самостоятельное эмпирическое исследование (N = 640, исследованием были охвачены молодые люди в возрасте от 15 до 29 лет – представители регионов – республик: Адыгея, Кабардино-Балкария, Чечня, краев – Краснодарского и Ставропольского и Ростовской области). Идентификационные процессы в регионе обладают следующими ключевыми характеристиками:

1. Высокий уровень этнической солидаризации. В целом весь массив опрошенных молодых людей демонстрирует наиболее значимую ориентацию на этническую идентичность, что продолжает отличать исследуемый регион от общероссийской картины. Однако в актуализированном состоянии с близкими значениями находятся локальные идентичности (общность с городским, сельским сообществом, земляками), идентификации по интересам (общность с людьми тех же взглядов на жизнь). Российская идентичность уступает по популярности названным предпочтениям, но значимо востребована. Эти тенденции обнаружены во всех исследуемых субъектах, русскоязычные регионы характеризуются также достаточно высокими значениями этнической идентичности, ее преобладанием.

2. В структуре идентификационного пространства молодежи существуют возрастные особенности. Обнаружено снижение степени идентификации с гражданами России в наиболее старших и наиболее молодых когортах. Наибо-

лее высокие показатели солидаризации с этой общностью обнаружены у 18-25-летних.

3. Эмоциональное восприятие национальной (гражданской) идентичности в целом позитивно у молодежи. Однако более слабо оно выражено у молодежи в республиках (кроме Адыгеи), где количество испытывающих чувство отстраненности и отчуждения, обиды и унижения от ощущения того, что они россияне приближается к 20% (наибольшее количество в Кабардино-Балкарии).

4. Отмечена тенденция низкой востребованности солидаризации с какими бы то ни было группами. Ее в большей степени демонстрирует молодежь Чечни. Среди них самое большое количество людей, не ощущающих близость с большинством предложенных общностей. Этим подтверждается положение об индивидуализации и атомизации нынешнего молодого поколения.

5. Однотипных конфигураций многоуровневых идентичностей не было получено в исследованных регионах ни по одному этносу. Указанная гетерогенность идентификационного пространства Северного Кавказа отражает нелинейность идентификационных процессов.

К анализу идентификационного пространства на Северном Кавказе применяется концепция многоуровневой идентичности, структура которой выражена несколькими уровнями: этническим, региональным, национальным, цивилизационным, между которыми существуют отношения зависимости. Концепция отстаивает их возможность взаимно дополнять друг друга, сосуществовать, иметь в разной степени актуализированными те или иные уровни в зависимости от социального контекста.

На основе ранговых распределений диагностировано идентификационное пространство функционирования многоуровневой идентичности в разных регионах северокавказского общества. Как уже отмечено, однотипных конфигураций многоуровневых идентичностей не было получено в исследованных регионах ни по одному этносу. Ранговые распределения показали различные иерархии идентичностей у основных исследованных этносов. Иерархии представлены следующим образом: у адыгейцев – российская национальная, республиканская, северокавказская, этническая идентичности, у балкарцев – этническая/национальная, республиканская, северокавказская идентичности, у кабардинцев – северокавказская, национальная, этническая, космополитичная (гражданин мира); у русских – национальная, этническая, республиканская, космополитичная; у чеченцев – этническая республиканская, национальная, космополитичная/северокавказская.

Ранговые распределения идентичностей продемонстрировали такой тип самоорганизации в среде молодежи, при котором все базовые составляющие российской идентичности находятся в отношениях сложности и нелинейности: этническая, региональная (северокавказская и республиканская/краевая/областная), космополитичная и религиозная формы идентичности. Целью анализа явилось выявление в этих идентификационных процессах консолидационного потенциала, т.е. обнаружение тех точек, где стягиваются различные ветвящиеся структуры, т.е. параметров порядка.

Установлено, что параметрами порядка идентификационного пространства молодежи полиэтничного региона, необходимыми для выявления и акту-

ализации консолидационного ресурса идентификационных процессов имеют возможность стать: этноконфессиональная идентичность: чеченская молодежь демонстрирует высочайшую по региону солидаризацию с людьми своего вероисповедания.

Религиозная идентичность в идентификационных процессах этого региона в значительной степени может стать параметром порядка, через который возможно «мягкое управление» всем идентификационным пространством, укрепление всей структуры многоуровневой идентичности. Это позволит выйти на усиление ее национальной составляющей, и, как следствие, инициировать консолидационную тенденцию.

В Кабардино-Балкарии на примере кабардинской молодежи обнаружена значительная актуализация локальной идентичности – северокавказского регионального уровня, что в принципе не характерно для других исследованных этносов. Работа с направлением этого уровня в необходимое для целей консолидации русло должна также интегрировать молодежь республики и консолидировать ее на почве национальной идентичности. Усиление значения малой родины, актуализация региональной северокавказской идентичности может стать особенно эффективной для сплочения разнородных общностей и идентичность поверх разделяющих барьеров. Данные исследования отражают уровень процессов самоорганизации в идентификационном пространстве региона. Его сложность и нелинейность есть ответ на социальную нестабильность, в результате чего молодежью конструируются собственные модели социокультурного пространства.

В таких условиях одним из нежелательных эффектов, наблюдаемых в этой подсистеме, становится эффект «негативной консолидации» (участие в националистических организациях, криминальных сообществах). Преодоление этих тенденций должно способствовать осознание необходимости интеграции, консолидации и самоорганизации в преодолении коллективных и индивидуальных проблем молодежи.

ЭДУАРД КУЛЬПИН

ФЕНОМЕН КРЫМА С ПОЗИЦИЙ СОЦИОЕСТЕСТВЕННОЙ ИСТОРИИ

Мир на пороге технологических сдвигов, без которых принципиально не решить комплекса взаимосвязанных проблем, изначально стимулируемых с ростом населения в условиях ограниченных природных ресурсов. Эти рост и ограниченность сделали невозможным повышение уровня и качества жизни, адекватного социальным ожиданиям. Ожидания в условиях глобализации и информационной революции конца XX начала XXI стремительно росли во всех странах. Старый порядок не устраивает слишком многих. Возникают «точки сборки» нового порядка, как правило, невидимые для современников. В обществе, как и в природе лишь 2% мутаций обеспечивают будущее

развитие, 98% – идет в исторический террикон. Что такое присоединение Крыма к России в марте 2014 г. – наше будущее или неудачный эксперимент?

Главный виновник – рост населения

Человечество до недавнего времени развивалось в незыблемой уверенности в неисчерпаемости природных ресурсов Планеты. Во второй половине прошлого века пришло одновременное понимание, с одной стороны, ограниченности ресурсов Земли, с другой – невозможности, по крайней мере, в обозримом будущем решить проблему за счет внеземных ресурсов. Если обратиться к истокам, то в конечном счете, в «сухом остатке» мы видим, что проблема возникла за счет неуправляемого роста населения Планеты и для истории людей не является принципиально новой. Вид Номо давно вышел за пределы своей экологической ниши, определенной природой, но будучи в отличие от других биологических видов *Sapiens* вместо приведения численности вида в соответствие со вместимостью экологической ниши, род людской приводил экологическую нишу в соответствие со своей численностью за счет открытия новых технологий. При этом происходили локальные нарушения экологического равновесия, но снималась угроза глобальных. Последний технологический переход на новые энерго- и материалосберегающие технологии произошел в 1970-х гг. Его потенциал к концу XX века был исчерпан, что в частности нашло свое выражение в лихорадочном ускорении процесса глобального потепления. В конце XX в. впечатляющая революция в информационных технологиях изменила качество и уровень жизни людей, но не привела к остановке роста потребления ресурсов и не остановила рост населения.

Нарушение экологического равновесия становится все более бесповоротными и буквально видимым. На наших глазах становится кривым зеркало экономической жизни. Деньги перестают работать как всеобщий эквивалент, а другое мерило не найдено. Конечно, так уже бывало, и международная валютная система обрушивалась три раза — в 1914, 1939 и 1971 гг. Но — восстанавливалась. Однако тогда не было такого обилия финансовых «пузырей». Есть мнение, что «уже два года рост международной торговли отстает от роста глобального ВВП (впервые после Второй мировой!), значит, мировая экономика достигла поворотной точки» (Slon <http://news.mail.ru/economics/17579444/?frommail=1>). Не подошли ли мы к пределу всеобщей взаимосвязанности и пришло время отъединения? Модус вивенди законов и морали эпохи роста не работает в эпоху стагнации. Международные соглашения и законы способны при изменении условий жизни вступать в конфронтацию с моралью. Это время настало? Когда оно настаёт, перестает действовать право и вместо него начинает действовать сила. Что такое коррупция, в разной степени характерная практически для всех стран нашего времени? Исходя из смысла латинского глагола, коррупция — ни что иное, как «порча» государства. А ведь, государство необходимо обществу, прежде всего, для поддержания общественного порядка. Падает авторитет государства – падает порядок. От главных факторов «порчи» проистекает множество мелких, но более видимых и острых «зол».

Но вернемся к истоку всего – к народонаселению. В природе, когда тот или иной биологический вид превышает возможности своей экологической ниши, вступает в действие встроенный в генетическую «память» механизм «сброса» излишних представителей вида. Данный «механизм» способен находить свое выражение в разных формах, из которых наиболее демонстративен эффект леммингов: «лишние» в едином порыве самоликвидируются. Общественное бессознательное Homo Sapiens в подобных обстоятельствах проявляется в массовой поддержке силовых, в том числе военных методов решения тех проблем, которые до того решались и в принципе могут быть решены за «столом переговоров». Но что не может быть решено за столом переговоров, так это новые технологии. Атмосфера творчества сгущается и становится всеобщей во время войн. Любые, но особенно мировые войны, как ничто другое многократно ускоряют процесс поиска и нахождения новых не только военных, но и поворотных мирных технологий, практической реализацией которых человечество занимается, как правило, после бойни. Мир стоит на пороге потрясений, которые должны с чего-то начаться. Современникам трудно видеть внешне не слишком заметное изменение, способное впоследствии преобразовать мир. Короче, станет ли присоединение Крыма к России пусковым механизмом глобальных перемен?

У мира нет четко выработанных правил

В марте 2014 г. Крым вошел в состав Российской Федерации. Сторонники присоединения считают случившееся возвращением полуострова России или воссоединение Крыма с Россией путём плебисцита, т.е. законным и моральным актом. Противники — аннексией Крыма или захватом Крыма Россией, т.е. незаконным и аморальным действием. «Своими действиями на Украине Владимир Путин открыл настоящий ящик Пандоры, грозящий долгосрочными последствиями ... Российский лидер выступил сразу против двух ключевых идей мирового порядка, установленного после окончания Второй мировой войны и развенчания европейских империй: нерушимости границ государств, чей суверенитет находится под защитой ООН, и недопустимости отождествления государства с каким-либо одним этносом» [1].

На Генеральной ассамблее ООН поддержали Россию 11 стран. За резолюцию против результатов плебисцита в Крыму, т.е. с осуждением РФ, проголосовали представители большинства стран мира – 100 государств, но воздержались, т.е. отказались от прямого осуждения – 58. В компании осуждающих – страны «золотого миллиарда», а несогласных с осуждением – страны, где проживает большая часть населения земли, в том числе ведущие развивающиеся страны мира – Бразилии, Индии, Китая, ЮАР. Позиции сторон можно представить по заявлениям, с одной стороны, от ФРГ, с другой – от Китая. Так, Ангела Меркель заявила в бундестаге, что Россия в крымском вопросе действует по закону джунглей (13 марта 2014 г. <http://top.rbc.ru/politics/13/03/2014/910891.shtml>). А обозреватель ведущего немецкого издания Der Spiegel Уве Клузмманн, комментируя дружелюбные и сильные слова о России в ведущих китайских изданиях, делает однозначный

вывод: «в противостоянии России с Западом самая населенная страна в мире стоит на стороне самой обширной страны».

Итак, действиями России было нарушено достигнутое ранее согласие подавляющего большинства стран мира о незыблемости сложившихся после Второй мировой войны государственных границ. Но нарушения подобного рода случались, однако они осуществлялись, как правило, тем, кто взял на себя функции охранителя существующего порядка, кому это было не очень, но все же простительно. С падением биполярного мира при молчаливом всеобщем согласии США взяли на себя ответственность за стабильность в мире в самых разнообразных ее проявлениях и поддерживали её, не забывая об интересах стран «Золотого миллиарда» и своих собственных. Насколько эффективно и морально поведение США, нет единого мнения в мире, о чем в частности свидетельствует и упомянутое голосование, и, к примеру, редакционная статья «Хуанцю жибао» постулирующая: «Китай выступает за многополярный мир, и сильная Россия укладывается в картину этого мира. Это куда лучше, чем мир, в котором одна Америка говорит «баста!» и все» (<http://www.inosmi.ru/world/20140321/218798280.html#ixzz2xu5ZuCfU>).

«Какой вывод можно из всего это сделать? – пишет профессор Хосе Игнасио Торребланка, обозреватель газеты «Эль Паис» - У мира нет четко выработанных правил» (<http://www.inosmi.ru/world/20140320/218790804.html#ixzz2xul6cfeq>). Точнее, те правила, с которыми еще недавно солидаризовались все ведущие страны мира, поставлены под сомнения. В прошлом когда нарушали правила, оправдывались длительностью видимых процессов, остротой борьбы и самое главное – борьбы с кровью. Здесь же все было иначе. А именно: быстрая, бескровная война.

Умом Россию не понять

Реакцию людей Запада на операцию «Крым» можно выразить одним словом – непонимание. Причем даже у тех западных политиков, чье детство и юность прошло в соцлагере, разговоры с которыми ведутся без переводчика и ведутся со старыми знакомыми, с которыми до сих того было полное взаимопонимание. Канцлерин ФРГ А. Меркель после многочасовых разговоров с В.В. Путиным заявила, что президент РФ – инопланетянин. Так ли? Тут впору вспомнить К.Г.Юнга, его коллективное бессознательное, его анализ поведения политиков и их популярности, т.е. адекватности глубинным ожиданиям массы населения, но адекватности не рациональной, а иррациональной. Это чутко уловили люди с пониманием и Запада, и Востока, русские люди, чье понимание происходящего глубоко национально. Их попытки объяснить русскую душу западному человеку лучше всего привести в прямых цитатах, без комментариев.

Маша Гессен — российско-американская журналистка, автор книги «Человек без лица: невероятное восхождение Владимира Путина» (The Man Without a Face: The Unlikely Rise of Vladimir Putin): «Путин намерен спасти мир от Запада. Начал он с Крыма. Когда он говорит, что защищает русских на Украине, он имеет в виду, что защищает их от многочисленных ужасных вещей, которые идут с Запада ... Именно эта миссия, а не просто желание

откусить кусок соседней страны, является движущей силой в новой войне Пугина. Именно поэтому так сильна поддержка российского общества» [5].

Владимир Пастухов — доктор политических наук (St. Antony College, Oxford): «Лидеры Старого и Нового Света не понимают, что произошло. Конфликт лишь поверхностно связан с Украиной и тем более с Крымом. Это всего лишь повод. Война объявлена не Украине, а Западу, его политике, идеологии, его жизненному укладу, его ценностям и образу мыслей. Это «священная», то есть идеологическая и религиозная война, которая обречена стать тотальной. Ее целью не является приобретение каких-либо территорий (их в России и так более чем достаточно, свои некому осваивать). Присоединение Крыма — это сакральный акт, лишенный экономического и политического смысла. Такая война ведется до полного уничтожения одной из сторон. Ее итогом будет либо поражение Запада, либо распад России. Не исключено, что единственным бенефициаром этого столкновения в конечном счете станет Китай.» [6].

Петр Турчин — доктор биологических наук, перешедший в клиометрию — математические методы в истории: «Говорят, что канцлер Германии Ангела Меркель заявила, будто Путин живет в другом мире. Она права. Мир Пугина — это русское культурное пространство, которое очень сильно отличается от Западной Европы, где сегодня действует Меркель. ... Я вырос в России, и меня поразило то (в отличие от американских комментаторов), насколько настойчиво Путин в своей речи о присоединении от 18 марта указывал на чувство общности и на общие символы... мы наблюдаем совместную эволюцию геополитики и того, что антрополог Скотт Атран (Scott Atran) называет «священными ценностями». Геополитические ресурсы обретают ауру святости... Священные ценности по своей природе важнее материальных соображений... В международной политике на карту поставлено нечто большее, чем голый геополитический расчет». Это большее — честь. ««Честь» означает, что ваша решимость ... подлинная и заслуживает доверия. Опасность вас не напугает, откупиться от вас никто не сможет. Если вы поддадитесь первому или второму искушению, вы утратите свой авторитет... Чтобы понять Крым, нам нужна теория эволюции национальной чести. Она нелогична и беспощадна — но она работает» [7].

Пастухов также говорит о глубинных истоках русской иррациональности: «Помимо имперской ностальгии, у русской истории есть еще один дифференциал, так сказать, «второго порядка», куда более мощный, чем первый: стремление русского народа к социальной справедливости, как в локальном, так и во всемирном масштабе. На этом «обламывались» все русские цари. ...Приватизация (1990-х гг. —Э.К.) — незаживающая рана в душе поколения 90-х, которая ноет и гноится сильнее, чем любой Крым. А безудержная коррупция властей предрежащих — все равно что соль на раны. И какой бы эффективной ни была примененная Путиным военная анестезия, боль эту победить нельзя... Социальная справедливость — это красная кнопка в русской душе. Потому что настоящая русская идея - это идея всеобщей справедливости... Будущее в России — это левый поворот».

Мир на перекрестке трех дорог

Здесь мы подошли к самому главному: с кем и как будет осуществлен поворот? Я не о Путине, а о майдане. Истоки воссоединения Крыма с Россией в киевском майдане. Подавляющее большинство людей вышли на майдан с желанием раз и навсегда покончить с коррупцией, т.е. «порчей» в стране. Невозможность дальше терпеть это зло было единым для всех жителей Украины: и на западе и на востоке государства. Глубинный исток желания – «тяга к высшей справедливости» [8]. Где земля обетованная?

Глобализированная Планета состоит из трех миров, различающихся по критерию цивилизационной идентичности и однопорядковых по численности населения и территории — США, Китай и Европа, а все остальные страны находятся в процессе выбора своего места в каком-нибудь из трех миров [9]. Миров три, но центр силы один [10]. Два мира уже сформировались и принадлежат к двум автохтонным цивилизациям Старого света: китайской, сформировавшейся два тысячелетия назад, и европейской, модернизированной США два века назад. Объединенная Европа – место, где исторически сформировалась европейская цивилизация, находится в процессе метаморфозы из «гусеницы» (традиционные представления о мире и о себе) в «бабочку» (новые представления, соответствующие реалиям XXI века). Пока Европа остается «гусеницей» - она часть мира США. Но она уже претендует на нечто отличное от Америки. Не факт, что метаморфоза произойдет, но процесс идет. Если завершится – сформируются три центра силы и соответственно плюрализм в развитии Homo Sapiens. Если не произойдет, мир останется однополярным, а может быть биполярным, где место СССР займет Китай. При этом ни Европа, ни Китай не смогут стать центрами силы без природных ресурсов России. Как ни кажется странным, главная угроза США исходит не от Китая, и даже не от Китая в союзе с Россией, а от Европы, точнее от объединения Европы и России.

На вопросы: кто нам ближе ментально, культурно, духовно – американцы, европейцы или китайцы, и с кем оптимальным будет наше развитие — мне приходилось излагать ранее. В сухом остатке: лучший выбор для России – вхождение в ЕС [11]. События весны 2014 г., возможно, те самые переломные, а воссоединение Крыма с Россией – пусковой механизм необратимых мировых процессов.

Литература

1. For China, Crimea Lessons Must be Heeded. South China Morning Post, Гонконг. 23.03.2014. Цитпо: <http://www.inosmi.ru/world/20140326/218966879.html#ixzz2xu2IKoPS>
2. Не случайно появление статей с заголовками: Халмурзоев С. События на Украине – пролог мирового апокалипсиса. <http://www.utro.ru/articles/2014/04/10/1188183.shtml>
3. FredWeir.Russia Debuts New, Sleek Force in Crimea, Rattling NATO. Christian Science Monitor. Цитпо: <http://www.inosmi.ru/russia/20140404/219272972.html#ixzz2xti0jQIq> 03/04/2014
4. Cihat Tekin. Rusya:3 — ABD:0 (Россия — США 3:0) YeniMesaj 25.03.2014. Цит. по: <http://inosmi.ru/russia/20140327/219025206.html#ixzz2xA0DVuit>

5. Russia is Remaking Itself as the Leader of the Anti-Western World. "The Washington Post", 31/03/2014. Цит. по: <http://inosmi.ru/russia/20140331/219140257.html#ixzz2xuBV39wH>
6. Пастухов В.Б. Крестный поход// Новая газета. 2014.25 марта. с. 7-8.
7. Peter Turchin. Russia's Sacred Land. Aeon Magazine. 03/04/2014.
8. Не знаю, правда, откуда этот исток: он в православном сознании или в чем-то ином, поскольку только «тяга к высшей справедливости» легитимизировала власть большевиков и объединяла многонациональную Советскую Россию. Факт: коррупция и тяга к справедливости характерны для всех наследников СССР.
9. Исключение составляет Индия – возможный претендент на формирование в будущем четвертого мира.
10. «Интереснее всего то, что с началом очередного акта русские и американцы потянулись друг к другу. ...Это демонстрирует нам нечто важное в том, как устроен и действует наш мир. ... Если русские хотят найти решение украинской проблемы, которое будет защищать их национальные интересы, не вынуждая при этом идти на неприемлемый риск, разговаривать они могут только с Соединенными Штатами. В Европе нет такой фигуры, которая могла бы выступать от имени европейских государств по такому важному вопросу ... Москве нужен важный и сильный партнер по переговорам. Соединенные Штаты - это единственный такой партнер. ... Но еще важнее то, что русские показали нам, как сегодня действует мир. Когда необходимо что-то сделать, звонить надо по-прежнему в США». George Friedman. Russia and the United States Negotiate the Future of Ukraine. "Stratfor". 01/04/2014. Цит. по: <http://inosmi.ru/world/20140402/219201295.html#ixzz2xuMP6b8Q>
11. Кульпин Э.С. Альтернативы российской модернизации или реставрация Мэйджи по-русски// Политические исследования. 2009.№5. С. 158-169.

ВИКТОР ЛЕБЕДЕВ

ПЕРСПЕКТИВЫ КОНСОЛИДАЦИИ ЭТНОСОВ НА ОСНОВЕ ИСЛАМА В РЕСПУБЛИКЕ ДАГЕСТАН

Стабильные и дружественные межэтнические и межконфессиональные отношения – мечта любого мультикультурного общества. Но реализовать подобную мечту под силу отнюдь не каждой стране с пестрым этническим или религиозным составом: терпимость друг к другу и низкий уровень этнических и религиозных стереотипов это не правило 21 века, а скорее исключение.

В современной России проблема формирования общегражданской идентичности стоит особенно остро в связи высоким уровнем межэтнической напряженности и экстремизма. В республиках Северного Кавказа сегодня идет процесс поиска объединяющего начала, которое позволило бы привести стабильность в межэтнические отношения. Достаточно часто из уст представителей власти в регионах СКФО можно услышать, что ислам обеспечивает единство различных этнических групп на Кавказе, и является частью общей идентичности.

Сегодня наиболее «исламской» территорией России является Республика Дагестан. В рамках «перестройки» и последующих событий ислам в республике начал быстро возвращать утраченные позиции. Традиционным направлением ислама в Дагестане считается суфизм. В республике насчитывается при-

мерно 20 суфийских объединений. В 1990-е гг. произошел рост численности суфийских братств, которые объединяли до 60% верующих мусульман [1].

Религиозное возрождение суфизма в республике оказалось осложнено проникновением этнических конфликтов внутрь исламской общины Дагестана. Развитие противоречий было связано с доминированием аварцев в Духовном управлении мусульман Дагестана, что ощущалось представителями других этносов как несправедливость. В итоге возник конфликт между сторонниками официального ДУМД и мусульманской оппозицией из кумыков и лезгин [2].

На сегодняшний день темпы активного межэтнического противостояния в суфизме снижены, во многом в связи с другим более значимым расколом исламской общины по линии суфии/салафиты.

На сегодняшний день можно говорить о существовании двух групп салафитов в республике – радикальной и умеренной. Радикальные салафиты в Дагестане являются частью террористического подполья, действующего на территории Северного Кавказа. Они исповедуют исламистскую идеологию и считают правящий режим Российской Федерации антиисламским, и потому ведут против него «священную войну», совершая террористические акты и убийства известных исламских лидеров. Стоит отметить, что умеренные салафиты в Дагестане не поддерживают действий своих радикальных собратьев, однако считают необходимой исламизацию общественной жизни: по их мнению, это позволит побороть несправедливость, безработицу и межэтнические конфликты. Несмотря на наличие богословских противоречий, начался процесс формирования диалога между ДУМ Дагестана и группой авторитетных богословов-салафитов, который 29 апреля 2012 г. увенчался совместным заседанием, где была достигнута договоренность о паритетном выходе на информационное пространство, и урегулировании конфликтов на уровне дискуссий.

Однако, как показывает практика, конфликт между умеренными салафитами и суфиями по-прежнему существует. Так в пос. Ленинкент города Махачкалы сложилась конфликтная ситуация: в какой из мечетей проводить пятничный намаз. В итоге салафиты и суфии молятся в разных мечетях. При этом была предпринята попытка разрешить ситуацию силовым методом: салафитов пытались не пустить в «салафитскую» мечеть [3].

Говоря об исламе в Дагестане нельзя обойти вниманием факт существования на территории республики шиитской общины. Несмотря на значительный опыт мирного сосуществования в республике шиитов, в последнее время шииты также испытывают преследования со стороны радикальных салафитов. Так, 18 августа 2012 года в г. Хасавюрте было совершено вооруженное нападение на шиитскую мечеть, в ходе которого было ранено 8 человек, один из которых на следующий день скончался [4].

Таким образом, исламское сообщество республики находится в кризисе: оно охвачено междоусобной распрей суфиев и салафитов, сопровождающейся кровавыми убийствами имамов, правоохранителей и мирных жителей. В ситуации, когда различные интерпретации ислама, существующие в республике, приходят между собой в противоречие, а сторонники радикального исламизма вступают в вооруженный конфликт, не брезгуя убийством мирных жителей –

ислам вряд ли способен выполнять функцию консолидации дагестанского общества. Перспективы ислама на этом поприще, к сожалению, пока плачевны. До тех пор, пока не произойдет стабилизация религиозно-политической обстановки в республике, ислам будет скорее фактором конфликтности, а не консолидации.

Литература

1. Кисриев Э.Ф. Ислам в Дагестане. М., 2007. С. 65.
2. Мацузато К., Ибрагимов М.Р. Тарикат, этничность и политика в Дагестане // Этнографическое обозрение. 2006. №2. С. 21.
3. Мусаев М. Споры о том, какая мечеть главнее. URL: <http://kavpolit.com/spory-o-tom-kakaya-mechet-v-leninkente-glavnee/>
4. Умер раненный в мечети г. Хасавюрта Эмин Джафаров. URL: <http://www.kavkaz-uzel.ru/articles/211413/>

**ЭДУАРД ЛЕБЕДЕВ,
ГАЛИНА БЕЛОВА**

ЗНАНИЕ И ВЕРА

Философия религии рассматривает большой комплекс вопросов. В целом же, это совокупность философских установок по отношению к религии, осмысление ее природы и функций, философские обоснования существования Бога, его природы и отношения к миру и человеку. Поэтому, проблема богочеловека или человекобога одна из важных в философии религии.

По Франку, человек перестает быть человеком перед лицом всемогущего величия Бога, но человек также перестает быть человеком, теряя свое отношение к Богу, объявляя себя человекобогом. В этом кризис современности (по Франку). Выход из этого кризиса в идее богочеловечности, в силу которой обладание Богом как трансцендентной инстанцией образует само имманентное существо человека. Хотя, идеалы земного рая препятствуют победе идеи богочеловечности, потому что они строятся на науке как форме патологии.

Актуальной проблемой философии религии является проблема смысла жизни. К чему бы не стремился человек, в конечном счете он добивается одного: полноты и завершенности своей жизни. Если полноту своей жизни мы ищем в таких благах, как богатство, власть, всеобщее признание, безмятежность наслаждений, то этого мы никогда не достигнем, ибо мы одержимы неутолимой жаждой. Но если цель – искание внутреннего богатства (что также до конца неосуществимо), то, пожалуй, шаг в этом направлении приблизит к истинному пониманию смысла жизни.

На вопрос «что делать, чтобы изменить мир?» Франк отвечал: ничего, потому что этот замысел превышает человеческие силы. Он полагал, очевидно, что наша жизнь не может быть самоцелью. Мы не можем жить для жизни, мы всегда живем для чего-то. Чтобы быть осмысленной, наша жизнь должна быть служением высшему и абсолютному благу. Но высшее благо не может быть ничем иным, кроме самой жизни, только жизни не как бессмысленного

процесса, а жизни как покоя, блаженства, как самосознающей и самопереживающей полноты и удовлетворенности в себе.

И, пожалуй, одна из самых важных проблем философии религии – это проблема знания и веры. Углубляясь в философию, мы говорим, что она имеет дело не с проблемами, а с тайнами. Можно быть лишь посвященным в тайны, но не «знающим» их. Тайной нельзя овладеть однажды раз и навсегда, как овладевают истиной. Тайна приходит и уходит, и когда она уходит, посвященный оказывается самым ничтожным из ничтожных детей мира. Л. Шестов считал, что люди о своей ничтожности ничего не знают, а «посвященный» знает, и это знание делает его самым ничтожным. Тайны всегда остаются тайнами, никогда не превращаясь в проблему, а тем более в теорию, они неисчерпаемы. Когда человек спрашивает, почему происходит смена времен года или дня и ночи, он хочет услышать точные ответы. Но кто спрашивает, что такое душа, бессмертна ли она или справедлив ли Бог, тот хочет совсем другое – и ясные отчетливые ответы приводят его в отчаяние, а порой и в бешенство.

Религия, как правило, имеет дело с тайнами, которые называются таинствами. Любой человек испытывает соблазн знания, ему хочется знать что-то, чего не знают другие и что будет ценным для всех. И он включается в процесс познания за «поиском» истины. Такая истина – это итог глубокой, многоплановой креативной деятельности. Но иногда, оставаясь наедине с собой, под непроницаемым покровом тайны индивидуального бытия, как замечал Шестов, перед нами всплывают истины, больше похожие на сновидения, и легко забываются, как сновидения. О них остаются только смутные воспоминания, а мы и не знаем, что делать с ними: переложить на музыку или стихи... Но тогда это будут совсем не те истины, что открылись нам. Такие истины открываются не через знание и познание, а только через веру. Эти истины отличаются от истин познания. Они свободно даются, свободно принимаются, никем не регистрируются, ни перед кем не отчитываются, никого не настораживают и не пугают и сами никого не боятся.

Если знание есть обличение вещей, явлений видимых, то вера – невидимых. Уже на психологическом уровне: люди науки полны всякого рода вер и суеверий: вера в коммунизм, в прогресс, в закономерности природы. По Канту, существуют три вида веры. Прагматическая вера человека в свою правоту в том или ином единичном случае; цена такой вере — «один дукат». Вера в общие положения — доктринальная. Например, вера в то, что на всех планетах Солнечной системы нет жизни. Такая вера может быть доступна опровержению. Наконец, есть моральная вера, где вопрос об истинности суждений не встает вовсе. Верить в Бога, по Канту, означает не размышлять о его бытии, а просто быть добрым. Учитывая, что Кант отождествлял мораль с религией, мы должны понимать расширительно третий вид веры — как религиозную веру вообще. Даже в верховенство научного знания можно лишь верить.

Вера нельзя заменить или ограничить знанием. Любые попытки рационалистического анализа таинств в религии приводили к религиозному бесплодию, а введение религии в пределы разума приводило к превращению веры в морализм. Но и знание нельзя заменять верой, нельзя верой решать научные

проблемы. Если вера есть свободный подвиг, то научное знание есть тяжкий долг труда.

Вера – это не только связь с Богом. Само существование внешнего мира утверждается лишь верой. Всё исходное в знании недоказуемо, в него верится. И это имеет место во всех областях знания, везде мы упираемся в то, что недоступно разуму, в некий неразстворимый остаток – в познании человека, природы, истории. Например, если в проблеме человека можно объяснить факт его рождения физико-химическими и биологическими закономерностями, то появление человека всегда остается непостижимым чудом.

Знание мира, как отмечал Н. Бердяев, носит насильственный и безопасный характер, вера – свободный и опасный. Опираясь на веру, человек как бы бросается в пропасть, рискуя или разбить голову, или приобрести все. В акте веры человек всегда стоит на краю пропасти, потому что вера не знает гарантий. Можно отдать все силы, пытаясь прикоснуться к иным мирам, – и это окажется напрасным. Но без этой попытки все тем более напрасно.

В отсутствии веры есть только материальный мир, связанный законами необходимости, когда отсутствуют иные возможности, а потому все становится обыденным. Обыденность везде, где человек опирается на свои силы, на разум, везде, где отсутствует вера. В акте веры есть подвиг отречения, которого нет в акте знания, это акт свободной любви, не ведающей доказательств, гарантий, принуждений. Я верю в Бога не потому, что мне доказано его Бытие, что я принужден к принятию его, что я гарантирован залогом с небес, а потому, что я люблю Его, утверждал Бердяев.

Вера, по Л. Шестову, – это неизвестное и чуждое умозрительной философии новое измерение мышления, открывающее путь к источнику всех возможностей. Также вера совершается вопреки разуму, она отменяет знания и потому дается только в сверхчеловеческом напряжении.

Вера начинается там (как утверждал С. Кьеркегор), где кончается мышление, мышление умозрительной философии, ориентированное на принудительное знание.

Мир, открывающийся нам в вере, совсем другой. В этом мире возможно все, здесь нет никаких мертвых истин, возвышающихся над богом и человеком; здесь есть спасение от гибели и смерти, ибо Бог здесь – источник всех истин и даже бывшее может сделать небывшим. Человек будет жив только верой, ибо без веры, без «большого» разума нет и жизни, есть только автоматическое сонное прозябание; всё, что не от веры, есть грех, есть смерть.

Вера, по Шестову, дана человеку, чтобы он сам стал господином в созданном для него Творцом мире. Вера ведет нас через то, что разум отвергает, к тому, что разум считает несуществующим. Разум учит человека повиноваться, вера дает ему власть повиноваться!

Когда мы говорим, что человек живой единой верой, это значит, что только верующий жив, все остальные не живут в полном смысле этого слова. Только вера спасает от сна и омертвения. Вера имеет дело с истинами – откровениями, это живые истины. Они как дар для человека, награда за огромные усилия жить «большим» разумом; они существуют где-то на грани человеческого колебания между бытием и бездной, они постоянно меняются, ибо они

живут и существуют в те мгновения, когда человек пребывает в этом живом состоянии. Вот почему мы утверждаем, что вера – источник жизни.

В эти мгновения человек является верующим, посвященным в тайну, обладает верой-откровением, которая не имеет ничего общего с верой-доверием (доверие – значит до веры). Вера-доверие, по Шестову, – только суррогат знания. Вера – другое измерение мышления, в том смысле, что душа постоянно перестраивается, что даже механизм мышления становится другим. Точнее, мышление сохраняется, а для механизма не остается места.

Однако, противоположность знания и веры весьма относительна. Их противоположность, по Бердяеву, – лишь aberrация слабого зрения. Как всякие противоположности, знание и вера не могут существовать по отдельности. Чтобы мы не делали, они вместе присутствуют в любом нашем поступке и даже в каждой мысли. Чтобы верить во что-то, необходимо так или иначе знать предмет, в который ты веришь. В свою очередь, знание всегда начинается с положений, принимаемых на веру без всякого доказательства, с постулатов и аксиом.

Истины откровения не упраздняют истин знания. Научные знания есть проникновение в частную, ограниченную действительность, а в скромности знания – высшая гордость науки. Нет высших и низших истин. Религия лишь превращает частную научную истину в истину полную и цельную, в истину, как путь жизни. Вера дается внутренним подвигом самоотречения, который и допускает к высшим реальностям.

Религиозный опыт, согласно Франку, выступает еще и опытом эстетическим. Даже неверующий человек, стремясь выразить то, что ему стало доступно в опыте красоты и добра, вынужден употреблять такие слова, как «дивный», «чудесный», «неземной», «божественный». Опыт встречи с чистой, совершенной красотой, как и с чистой благостью, кротостью, страданием, с подвигом самоотверженной любви есть неизбежно предвосхищение религиозного опыта, часто смутное. Даже когда нравственная неправда, как отражение безнадежности жизни, сталкивается с великим произведением искусства, сменяется ощущением того, что все же на свете есть настоящая правда. С точки зрения Флоренского, существование «Троицы» Рублева и есть доказательство бытия Бога.

Литература

1. Бердяев Н.А. О назначении человека. М.: Республика, 1993.
2. Бердяев Н.А. Спасение и творчество // Бердяев Н.А. Философия творчества, культуры и искусства. В 2-х т. М.: Искусство, 1994. Т. 1.
3. Бердяев Н.А. Философия свободы; смысл творчества. М.: Правда, 1989. 607с.
4. Печенкин А.А. Вводные замечания // Современная философия науки: Хрестоматия. М.: Наука, 1994.
5. Франк С.Л. Реальность и человек. СПб: Изд-во РХГИ, 1997.
6. Франк С.Л. Смысл жизни // Франк С.Л. Духовные основы общества. М.: Республика, 1992.
7. Шестов Л.И. Афины и Иерусалим // Шестов Л.И. Соч.: в 2 т. М.: Наука, 1993.

КАКИЕ ПРОЦЕССЫ МОГУТ СТОЯТЬ ЗА ПОЛИТИЧЕСКИМИ ПРОТЕСТАМИ В СТРАНАХ БЛИЖНЕГО ВОСТОКА И В УКРАИНЕ

Для того, чтобы составить адекватную картину того, какие процессы стоят за феноменами типа «арабской весны» и к чему они могут привести, надо выделить три параллельных, но взаимодействующих друг с другом процесса, которые я назову «бунт», «попытка демократизации» и «националистическая конфронтация».

Бунт – это характерная черта государств «приказного» типа [1], т.е. тех, чьи институты строятся на основе «приказного принципа», согласно которому права есть только у одной из сторон, а у второй – только обязанности («вертикаль власти»). Альтернативный ему «договорной» принцип, при котором у обеих сторон есть права, исторически доминировал лишь в Западной Европе, где возникла уникальная система сеньориально-вассальных отношений и уникальные самоуправляемые города (их характерным признаком стала ратуша). В остальном мире доминировал «приказной» принцип.

В «приказной» системе можно выделить две подсистемы: 1) «базовую», состоящую из «народной массы» и «правителя», и 2) «сопутствующую», состоящую из «правителя» (включая его ближний круг — «двор», это среда взревания дворцовых интриг и переворотов); а также находящихся на службе у правителя (прямо или косвенно) «служащих». Во второй подсистеме культивируется «высокая культура» (как правило, светская), связанная с образованием и предназначенная индивиду.

В основе «базовой» подсистемы, по сути, лежит принцип отношений патриархальной семьи: отец — домочадцы. Здесь нет никакого договора, у домочадцев нет прав, вся власть, в том числе и над жизнью, сосредоточена у отца. Последний должен заботиться о благосостоянии семьи, но не отдельного ее члена. Индивидуальная жизнь, не говоря о свободе и правах индивида, здесь имеет малую цену. Один из важнейших процессов в «базовой подсистеме», носящий циклический характер, определяется происходящими время от времени «бунтами» «народных масс», ибо у масс нет других эффективных форм воздействия на «правителя», кроме бунта (форма прошений и жалоб оказывается недостаточно эффективной). В случае победы бунт сметает вторую подсистему, но затем воссоздается та же структура (но с другими людьми и, возможно, другой высокой культурой). Именно восстановление старой структуры, с одной стороны, отличает «победный бунт» от революции, которая подразумевает изменение структуры, а с другой стороны, указывает на то, что «приказная» система формируется не «сверху» — со стороны «правителя», а «снизу» — со стороны «народных масс», которые, в отличие от граждан «народа-нации», передают (делегируют) «правителю» право (и ответственность!) за принятие внешних макрорешений разрешений возникающих внутри споров, чем и создается место «правителя».

Второй процесс имеет место в «сопутствующей» подсистеме. В силу приобщения в современном глобализирующемся открытом мире ее части к западным демократическим ценностям, возникает демократическое движение внутри приказной системы. Поскольку этот слой относительно тонок, то прийти к власти он может только на плечах бунта. Но бунт потому и бунт, что он воспроизводит старую систему, сметая демократов. Поэтому в случае неустойчивости по отношению к бунту демократическое движение может увеличить вероятность бунта. Сегодня это усугубляется тем, что Запад не понимает, что авторитаризм в приказных системах растет снизу, поэтому если просто убрать авторитарную верхушку, то получится хаос, как в Ираке, или восстановление новой авторитарной системы, возможно, более низкого качества. К негативным результатам может привести и слишком активная помощь демократическим движениям, она может послужить провокацией. Понимание этих процессов, возможно, приведет в ближайшей перспективе к распространению принципов толерантности на политические системы, а не только на культуры, хотя сделать это очень непросто.

Третий процесс – запуск обладающего мощной энергетикой коллективистского «национализма», который в начале и конце 20 в. часто сопровождал процесс распада «имперских» образований на национальные [2]. Суть национализма в деиндивидуализации, в коллективном характере действий, в объединении вокруг идеи-мифа о нации, задающего жесткую границу «свой / чужой». По А. Тойнби, это одна из трех форм социализма (коммунизм, национализм, фашизм), появляющихся на западе в конце 19 в., породившего две мировые войны. Для арабских и других незападных стран соответствующей идеей-мифом, как правило, является определенная форма религии. Но суть процесса и его формы одни и те же. В Украине поляризация происходит по языковому принципу, который коррелирует с этно-национальным и субцивилизационным – ориентацией на Западную Европу или Россию.

Неприятность этого процесса состоит в том, что это приводит, во-первых, к поляризации населения, активизации радикалов с разных сторон (сторон обычно оказывается две), что ярко проявилось в Югославии, а, во-вторых, во враги для обеих сторон здесь попадает любой самостоятельно думающий человек (так в охваченной националистическими настроениями Грузии 1990-х гг. погиб (не выдержало сердце) известный философ М. Мамардашвили).

Полагаю, что в арабских странах мы имеем сочетание всех трех процессов. Думаю, что тоже имеет место и в Украине. Причем в Украине эти процессы в разных частях страны (а, возможно, и в разных социальных слоях) по-разному перемешаны. При этом каждый видит только свое и настаивает, что это и есть все, что происходит «на самом деле». Такое однобокое видение усиливается СМИ, возникают многочисленные положительные обратные связи. Особую опасность представляет то, что это однобокое видение распространяется далеко за пределы Украины. Наверное, нечто похожее имело место накануне Первой мировой войны.

Литература

1. Липкин А.И. Россия между несовременными «приказными» институтами и современной демократической культурой // Мир России. 2012. №4. С. 40-62.
2. Липкин А.И. К вопросу о понятиях национальной общности и национального культурного ядра // Вестник российской нации. 2012. №4-5. С. 155-176. URL: http://www.intelros.ru/intelros/reiting/rejting_09/

АЛЕКСАНДРА ЛИХАНОВА

ПРОШЛОЕ В НАСТОЯЩЕМ

Прошлое представляет собой самую глубокую онтологическую основу бытия, оно – в природе и структуре всех социальных явлений. Но для многих политиков, журналистов, даже ученых прошлое – отработанный материал («шлак»), в лучшем случае – средство для достижения каких-то, чаще политических, целей.

В периоды радикальных общественных преобразований (революций, крутых реформ, контрреволюций) недавнее прошлое становится первой жертвой революционеров и реформаторов. Так было во времена Французской, Февральской, Октябрьской революций и в постсоветский период, когда, по словам Президента РФ, в прошлом (советском) видели только плохое.

Но в отличие от прежних времен в постсоветский период появилось много нового.

Во-первых, огромные масштабы исторической информации благодаря современным электронным масс-медиа.

Во-вторых, преобладал тотальный характер отрицания прошлого (по Ельцину, ничего из прошлого не ценили и, соответственно, не щадили).

В-третьих, принижение и искажение российской истории сопровождалось идеализацией и универсализацией исторического пути и опыта западных стран.

В-четвертых, на вооружение была взята новая методология интерпретации прошлого: не изучение прошлого и его реконструкция, а произвольное, в соответствии с политическими целями, конструирование прошлого.

Инструментальный подход к прошлому («Приватизация прошлого») не мог не породить мощные разрушительные процессы в обществе – на всех его уровнях, во всех сферах.

Искаженное прошлое разрушало познавательные возможности общества, его способность понимать прошлое, настоящее и создавать реалистичный проект будущего. Это «толкало» «властвующую элиту» на путь заимствования (имитации, копирования) чуждых природе России экономических, политических и культурных моделей.

Отбрасывание истории неизбежно ведет к деградации, разрушению социокультурной сферы общества: «архаичная» национальная культура вытесняется «качественной» передовой зарубежной; деградирует нравственная ат-

мосфера в обществе; разрушается национальное сознание и самосознание, традиционная (православная) структура ценностей, разрушается сфера образования и науки и др. В конечном счете, как показал С.Г.Кара-Мурза, идет «демонтаж народа».

Тотальное идеологизированное неприятие советской экономики («экономика абсурда»), государственной организации («империя зла»), международных отношений («гюрьма народов»), вело к разрушению («через колено», по выражению Б.Ельцина) этих и многих других сфер общественной жизни.

Искусственно сконструированный (придуманный, выбранный), сугубо негативный образ советского прошлого в действительности стал антисистемной, запустившей механизм разрушения общества изнутри.

Только уважение к прошлому (стремление видеть его таким, каким оно было на самом деле) создает нормальные условия для сохранения и развития общества.

ТАМАРА ЛИХАНОВА

ТРАНСФОРМАЦИЯ НАЦИОНАЛЬНОГО САМОСОЗНАНИЯ В ПОСТСОВЕТСКИЙ ПЕРИОД

1. Национальное самосознание есть, прежде всего, устойчивое, разделяемое большинством народа отношение к самому себе. Оно носит преимущественно эмоционально-чувственный, волевой и аксиологический характер, хотя в основе этого отношения лежит осознание (знание) своей национальной идентичности. Самосознание народа – его духовный стержень, от которого в решающей мере зависит характер эволюции народа и государства. Процессы деградации и разрушения национального самосознания неизбежно ведут к упадку, деградации, кризису народа и страны.

2. Основными элементами структуры национального самосознания являются национальное чувство, интерес к своему народу, знания и представления о своем народе, способность сохранять достоинство народа (уважение к себе, веру в себя), отношение к другим народам, ответственность за судьбу своего народа, сопричастность его судьбе, наличие (или отсутствие) национальной идеи (идеологии), патриотизм, как психологическая установка, интегрирующая в себя знание, национальное чувство и готовность действовать в интересах народа. Тесно взаимосвязанные между собой, эти элементы образуют органическое целое.

3. Главные основания («краеугольные камни») национального самосознания – отношение народа к прошлому своей страны и народа и отношение к своей национальной культуре. Здоровое национальное самосознание формируется на основе уважения к национальной истории и к ценности своей национальной культуры. Разрушение исторической памяти общества и отбрасывание национальной культуры были главными факторами, разрушавшими национальное самосознание.

4. Трансформация национального самосознания в постсоветский период происходила под влиянием, в первую очередь, социально-политических и информационных факторов. В постсоветский период первостепенную роль в деформации национального самосознания сыграло изменение общественно-политического строя, переход на рыночные отношения, повлекшее за собой образование новой системы общественных ценностей, во многом, противоположной традиционным ценностям, сформировавшимся в российском обществе. Кроме того, изменение роли государства в общественной жизни, уход от регулирования многих сфер, в том числе контроля и цензуры средств массовой информации в соответствии с традиционными ценностями общества, привели к массовому манипулированию общественным сознанием, разрушению традиционных представлений об историческом прошлом страны, разрыву и нарушению преемственности в общественном сознании.

5. Смена духовно-нравственных ориентиров в 1990-х гг. привела к «моральной деградации» общества, росту социальных девиаций, атомизации общества. Институты государства и общества, традиционно выполнявшие воспитательную функцию, во многом утратили её. Распространение зарубежной массовой культуры, её образцов, стереотипов поведения, чуждого мировоззрения деструктивно повлияло на состояние национального самосознания в российском обществе.

6. Путь духовно-нравственного возрождения России возможен только через повторное обретение ценностных координат, содержащихся в национальном культурном коде.

ДЕНИС ЛОГВИНЕНКО

ВЛИЯНИЕ ИЗРАИЛЬСКОГО ЛОББИ НА ИНСТИТУТЫ ВЛАСТИ США ПРИ ФОРМИРОВАНИИ БЛИЖНЕВОСТОЧНОЙ ПОЛИТИКИ: СТРАТЕГИЯ И ТАКТИКИ

Цель работы – выяснить влияние израильского лоббизма в США на институты власти США при формировании ближневосточной политики.

Лоббизм – это деятельность отдельных лиц или групп в отношении органов государственной власти с целью оказать влияние на принятие и осуществление указанными органами законодательных актов и административных решений [1]. Лобби являются неотъемлемой частью политической системы США [2].

Одной из мощнейших лобби-групп в США является произраильское лобби. «Израильское лобби» – термин, который используются для описания коалиции людей и организаций, активно работающих над формированием произраильской политики [3]. Лобби не является монолитным блоком с единой государственной власти, это приводит к разногласиям внутри израильской группы интересов по отдельным вопросам. Некоторые представители лобби (Мортон Клеин, Джон Хаги) выступают против создания совместного государства Израиль и Палестины и считают, что Израиль должен удерживать

оккупированные территории. Другие (Деннис Росс, Мартин Индик) выступают за начало переговоров о палестинских поселениях.

Как и в других группах интересов, границы израильского лобби не могут быть четко определены. Но можно выделить ядро организаций, которые объявили целью вдохновить правительство и народ США на поддержку Израиля и еврейского населения внутри Штатов и за их пределами: Американско-израильский комитет по общественным связям (AIPAC – American Israel Public Affairs Committee); Американско-еврейский конгресс; Израильский политический форум; Конференция президентов ведущих американских еврейских организаций; Американские друзья Ликуд и мн.др. Университеты и исследовательские организации: Еврейский институт национальной безопасности; Вашингтонский институт ближневосточной политики и др. [3]. Разветвлённая структура лобби включает не только университеты и исследовательские центры, но и ученых, которые последовательно занимаются лоббированием и пропагандой израильских интересов в рамках исследовательской и преподавательской деятельности. Это не значит, что каждый ученый, который выступает на стороне Израиля по отдельным вопросам, может быть отнесен к лобби. К израильскому лобби могут быть отнесены только те эксперты, которые последовательно формируют одностороннее произраильское восприятие политических проблем.

Самым влиятельным органом по продвижению еврейских интересов является AIPAC. В 1997 г. журнал «Fortune» провел опрос членов и работников Конгресса, и AIPAC занял второе место среди лоббистских организаций США. Периодическое издание «National Journal» в марте 2005 г. пришло к тому же выводу. Бывший председатель комитета по международным отношениям Ли Гамильтон, работавший в конгрессе 34 года, в 1991 г., характеризуя еврейское лобби, говорил: «Не существует такой лобби-группы, которая равна ней по силе...» [3]. AIPAC преобразовался из организации с годовым бюджетом в 300 тыс. долл. на 1973 г. в трансграничную организацию с ежегодным бюджетом в 40-60 млн. долл. на 2007 г. [4].

Поддержка Израиля со стороны США выражается в финансовой, военной, политической, гуманитарной помощи. О военной помощи можно судить по следующим цифрам: Израиль на 2013 г. получает 60% стоимости программ военной помощи США иностранным государствам; 22% военного бюджета Израиля строится за счет США [5]. Столь значительная поддержка Израилю, оказываемая США, была бы невозможна при слабости лобби.

Одним из методов, кроме работы с политиками и студентами – резервом американской элиты является продвижение произраильской политики посредством публичного дискурса, заключающегося в доказательствах стратегической ценности Израиля на Ближнем Востоке, защите и обосновании дипломатии Израиля, поддержке еврейского населения. Цель – убедить общественность в единстве ценностей обеих наций. Лобби успешно проводит маргинализацию любого, который будет критиковать политику Израиля, особые отношения между США и Израилем, произраильскую направленность курса США. Методами диффамации избраны: поддержка конкурента в предвыборной кампании, обвинение в антиизраильских или антисемитских убеждениях,

опубликование компрометирующей статьи в влиятельном издании и т.д.). Будет делаться все необходимое, чтобы мнение данного человека не получило поддержку [6].

Таким образом, позиции израильского лобби в США являются сильными и неконкурентными. Ежегодная финансовая, военная и иная поддержка Израиля со стороны США является прямым доказательством. Израильское лобби имеет в своих руках все необходимые ресурсы давления, налаженный механизм продвижения интересов, благосклонность американского населения.

Литература

1. Конышев В.Н., Сергунин А.А. Современный предпринимательский лоббизм в США: определение, типология, особенности // Вестник СПбГУ. Сер. 6. 2010. №2. С. 72-77.
2. Руденкин В.Н. Лоббизм, группы интересов и коррупция в США // Вестник Уральского института экономики, управления и права. Екатеринбург, 2008. №5. С. 76-92.
3. Mearsheimer J.J., Walt S.M. Israel Lobby and U.S. Foreign Policy. London: Penguin Books. 2006. P. 496.
4. Сурков Н.Ю. Произраильское и арабское лобби в США // США и Канада: экономика, политика, культура. 2007. №10. С. 113-127.
5. Дегтерев Д.А., Степкин Е.А. Американская помощь Израилю: истоки, структура, динамика // Вестник МГИМО-Университета. 2013. №3. С. 92-99.
6. Petras J. The Power of Israel in the United States. Atlanta: Clarity Press, Inc. 2006. P. 191.
7. Foxman A.H. The Deadliest Lies: The Israel Lobby and the Myth of Jewish Control. N.Y.: Palgrave MacMillan, 2007. P. 256.
8. Зелепукин Р.В. Понятие и происхождение лоббирования как политико-правового института // Вестник Тамбовского университета. 2011. №8. С. 305-310.

**РУШАЛИНА ЛУКЬЯНОВА,
ФЛОРИДА АБДРАХМАНОВА**

СЕКТА – ДЕСТРУКЦИЯ ОТНОШЕНИЙ В СОВРЕМЕННОМ СОЦИУМЕ

В социальном анализе процессов общения весьма важны его формы, которые обусловлены такими факторами как статус, роль, функция, степень следования принятым нормам.

Особой формой социального взаимодействия и межличностных отношений людей является общение. Это важная составная часть социального бытия человека как общественного существа, источник его жизнедеятельности, условие формирования как общества, так и личности.

Общение людей регламентировано особыми социальными нормами. Различные системы регулирования общения и поведения складываются в разных группах и общностях, устанавливая специфические ролевые ожидания – устойчивые предположения о поведении человека, выполняющего конкретную социальную функцию в определенных обстоятельствах.

В современном социуме общение приобретает все более сложный и разный характер. Появляются его новые виды (например, виртуальное обще-

ние). Особое значение приобретают различные формы профессионального и делового общения, обладающие высокой степенью формализации. В результате проявляется дефицит межличностного общения, усиливаются тенденции к развитию специально созданных для общения неформальных групп, внутри которых могут складываться доверительные и дружелюбные межличностные отношения, иногда игрового характера.

В развитии общения могут наблюдаться искажения, нарушения, приводящие к деформации и деструкции внутреннего мира и психических свойств личности. Одним из примеров является изолированное общение в секте.

В латыни слово *secta* имело несколько значений: путь, правило, образ действия, мысли или жизни; учение, направление, школа; ересь, ложное учение; шайка.

Этимологически слово секта происходит от «следовать за кем-то, повиноваться»; при этом довольно рано это слово стало ассоциироваться со словом и другими производными от «резать, разделять, отсекать».

Слово «секта» изначально было нейтральным термином для описания отдельных политических, философских и религиозных групп, и употреблялось в полемическом контексте еще в дохристианскую эпоху.

В раннехристианскую эпоху оно стало обозначать ложное учение, отколовшееся от основной общины, используя для перевода (которое тоже сначала значило просто «учение, школа, направление», а затем сузилось до понятия «ложное учение, ересь»). Эти два слова вплоть до Нового времени употреблялись на латинском Западе как синонимы.

После Реформации установилось разграничение значений терминов: слово — «секта» стало обозначать организацию или группу людей, а «ересь» — неортодоксальное учение, содержащееся сектой или деноминацией, причем это правило словоупотребления было обращено и в прошлое христианства (таким образом, можно, например, сказать, что секта североан исповедовала монофизитскую ересь). Такое различие названных понятий было воспринято отечественной богословской наукой в синодальный период истории Русской Православной Церкви. В греческом же богословии до сегодня в обоих значениях употребляется только слово.

Русскоязычная терминология религиозных групп заметно отличается от, например, англоязычной. В частности, понятие секта соответствует два термина: *sect* и *cult*, основным различием между которыми признается необходимость для *cult* отпочкования от другой религиозной группы и отсутствие призыва к очищению данного религиозного учения и возврата к исходным корням. Вместо этого *cults* наоборот основываются на новых откровениях, пророчествах и нетрадиционных или эзотерических знаниях. В последнее время для *cults* в широком смысле слова все чаще используется понятие *New Religious Movements (NRM)*.

В этимологическом словаре русского языка о происхождении слов понятие секта рассматривается как слово, заимствованное в Петровскую эпоху из немецкого языка, где *Secte* < лат. *secta* < *secta* (*pars*) «отколовшаяся» (часть), от *secare* «колоть, сечь, разделять».

В.И. Даль определил слово «секта» как «французское братство, принявшее свое, отдельное ученье о вере; согласие, толк, раскол или ересь».

Д.Н. Ушаков рассматривал секту как религиозное сообщество, состоящее из людей, отколовшихся от господствующей церкви и принявших новое вероучение или отгородившаяся от общения с другими, замкнувшаяся в себе группа лиц.

В толковом словаре С.И. Ожегова в одном случае секта рассматривается как религиозное течение (община), а в другом секта – группалиц, замкнувшихся в своих мелких, узких интересах.

В Православном энциклопедическом словаре секта названа организованной группой людей, замкнувшихся в рамках узкого религиозного учения, противоречащего учению господствующей Церкви и не совпадающего с интересами общества.

В политическом словаре – сектой является религиозная группа, община, отколовшаяся от господствующей церкви. В переносном смысле - группа лиц, замкнувшихся в своих узких интересах.

Социологический словарь под сектой рассматривает:

- неинституализированную сплоченную социальную группу, объединенную на добровольных началах верой в избранное учение; как правило, изолированную, оппозиционную или даже враждебную по отношению к общепринятым целям, нормам, создающую путем харизмы собственную систему ценностей и норм и признающую ее единственно правильной.

- тип религиозной организации, часто противопоставляющей себя господствующей в данном обществе церкви и светской власти. Характеризуется: претензией на исключительность собственных доктрин, ценностей и роли; настроениями избранничества; стремлением к нравственному самосовершенствованию; строгим соблюдением предписанных норм и установок; подчеркиванием равенства всех ее членов; отрицанием института священства.

Очень схожие сведения значения термина секта даются в историческом и юридическом словарях. Термин «секта» не употребляется (кроме единичных случаев) в нормативных актах Российской Федерации.

В энциклопедии «Альтернативная культура» под сектой подразумевается тоталитарная религиозная организация, основанная на жестком эсхатологическом учении, отличающаяся крайним фанатизмом адептов и высоким уровнем преданности лидеру, который провозглашается или живым богом, или его наместником на земле.

В энциклопедии по психологии секта – группа, которая характеризуется: особым ритуалом поклонения богу или человеку; изоляцией от окружающей "злой" культуры; наличием харизматического лидера.

Автор учебного пособия «Пенитенциарная сектология» А.В. Тонконогов пишет, что «отрицать факт существования сект (наиболее опасной формы – тоталитарных сект) как реальной антисоциальной силы и их влияния на все сферы деятельности в мировом сообществе может лишь тот, кто отказывается думать и поэтому (сам того не осознавая), попадает в число потенциальных жертв какого-либо объединения или группы, которые чаще всего скрывают от

непосвященных свои истинные цели и тайны вероучения и являются – религиозными, псевдорелигиозными и светскими сектами» [4; с. 4].

Во многих сектах осуществляется контроль над личностью, применяются методы принуждения. Секту возглавляет лидер или некий совет «посвященных». Так, члены сатанистских групп отвергают морально-этические нормы общества, игнорируют институт государства, ведя аскетический образ жизни и исполняя трудовые и материальные повинности. Относя себя к избранным, некоторые сектанты стараются оградить себя и близких от окружающего мира (самые радикальные основывают поселения в безлюдных местах).

В.В. Дезорцев в книге «Лжепророки, лжеисцелители, лжечудотворцы среди простаков» отмечает, что секты отличаются изолированностью, свой кодекс, ритуалы. Как правило, секты претендуют на исключительность, элитарность своей роли, доктрины, идей, ценностей и установок. «Есть шумные, пышно рекламируемые, а есть секты действующие «тихой сапой» и продвигающиеся тихими стопами. Встречаются фанатичные, с идеями экстремизма и изуверскими поведенческими. Бесспорно, немало сект вполне адекватных, вписывающихся в общество, со своими особыми верованиями. Судьбы сект различны. Одни открыты, спокойно существуют десятилетиями, другие распадаются и умирают, третьи разрастаются, усиливают влияние, приживаясь в разных странах» [2; с. 135]. Есть немало молодых, модернистских, «нетрадиционных», так называемых «религий нового века».

Итак, мы выяснили, что само слово «секта» - не нейтральное, оно заключает в себе глубокий исторически обусловленный подтекст в русском языке. Производными от этого термина являются слова «сектант», «сектантство» и «сектантский». В силу эмоциональной окрашенности религиоведы избегают пользоваться этим термином, предпочитая термины «религиозные группы», «религиозные организации», «религиозные образования», «религиозные течения». Следует помнить, что это слово, как правило, обозначает не само учение, а организацию, его представляющую.

Характерными чертами многих сект являются фанатизм, агрессивность, враждебность, противостояние. Сектантство не существует вне конкретных лиц, их поведения и деятельности, поэтому сектантство является не просто социальным, а социально-психологическим феноменом.

Сектантами распространяется информация о чудесных, удивительных и эффективных результатах лечения. Ортодоксальная наука и медицина ставят под сомнение лечебную практику сект и не без основания. Вред, наносимый активным внедрением мистики в сознание в виде сектоподобных семинаров и тренингов – непоправимый. Происходят серьезные нарушения в психике человека. Этот вред многоплановый (как индивидуальный, так и социальный), имеет неспецифическую часть (общую для всех видов сектоподобных семинаров) и специфическую (особенности конкретной преподаваемой догмы). Руководители сектоподобных семинаров и тренингов обещают: *ощущение чуда*, гарантируя легкое избавление от проблем, развитие особых возможностей. Человек постигает нечто более высокосовременное по отношению к «обычным» людям. Вера в учителя, без сомнений и раздумий, «привязывание» к Идее до полной зависимости от нее – обязательные условия и требования таких

семинаров. При этом в большинстве случаев осуществляется (зомбирование) участников в несколько этапов. Всеми способами поддерживается убежденность, что все – впереди нужно проявлять настойчивость и упорство в освоении новых знаний, внушается мысль, что многие уже достигли желаемых результатов и не достает только веры в себя – эти убеждения мотивируют посещение следующих занятий. В процессе обучения сектанты находят оправдание своим неудачам, взамен безоговорочно принимая все, что хоть чем-то напоминает желаемое и действительное. Окончательный переход личности в субкультуру данной секты, объясняет поведение, в котором может наблюдаться активная реакция неприятия, отторжения, противодействия общей культуре или пассивное ограждение себя, замыкание в мире идей и наваждений.

Итак, с развитием сект общество подвержено деформации, а общение между людьми носит деструктивный характер, где социальное состояние человека сопровождается конфликтами, развалом деловых, семейных и социальных отношений; проблемами правового и клинического характера; полной изоляции в субкультуре. Антагонистичность и тяжесть последствий зависит как от особенностей отдельных людей, так и специфики конкретной мистической субкультуры. Но в любом случае развивается комплекс сверхзначимой Идеи, отвергается все, что ей противоречит, возникает соответствующие изменения психики в сторону разделения морали «для всех» и, сокровенной – «для Идеи», активное противодействие или пассивное избегание всего, что может попортить Идею. Для продвижения своей Идеи, сектанты ставят под сомнения научные достижения, объявляя их порочной практикой направленной против Человека.

А.В. Тонконогов выделяет три основных признака секты:

- применение к неопитам и адептам агрессивных методов манипулирования;
- наличие тайной доктрины (двойственность учения – официальное и для избранных)
- наличие высшего круга посвященных (манипуляторов) – хранителей тайного знания.

Секты активно разрастаются в кризисную эпоху. Религиозная секта – это всегда оппозиционное направление по отношению к официальным религиозным верованиям. Число сект и так называемых новых религиозных движений неуклонно растет (в мире 140 млн. верующих являются их приверженцами, а в России их число, по разным оценкам, доходит до 300-400 тыс.) и они крайне неоднородны.

Секты, которые медленно разрушают гуманитарные, культурные и религиозные ценности, относят к тоталитарным. Термины «деструктивная религиозная организация», «тоталитарная секта», «деструктивный культ» отсутствуют в законодательстве нашей страны, но уже давно используются специалистами.

Религиозное объединение (деструктивный культ, тоталитарная секта) – это авторитарная иерархическая организация любой ориентации, разрушительная по отношению к естественному гармоническому духовному, психическому и физическому состоянию личности (внутренняя деструктивность), а также к

созидательным традициям и нормам, сложившимся социальным структурам, культуре, порядку и обществу в целом (внешняя деструктивность), практикующая скрытое психологическое насилие, выражающееся в целенаправленном установлении отдельным лицом (лидером) или группой лиц (руководством) в своих узкоэгоистических целях незаконного контроля над сознанием, поведением и жизнью других личностей без их добровольного и осознанного согласия для формирования и поддержания у них состояния неестественной и противозаконной зависимости и покорности доктрине и лидерам, стремящимся через неинформированное использование преданных им и зависимых от них адептов к незаконному обогащению и незаконной власти.

Для деструктивных религиозных сект характерно скрытое психологическое насилие с незаконным контролем лидера или его подчиненными над сознанием личности. Секты, управляемые лидерами, чьи полномочия обоснованы на приписывании им мистической власти стремятся полностью контролировать своих членов путем манипуляции сознанием верующих и регламентации всех аспектов их жизни, противопоставляя *свою организацию*, свою идеологию и субкультуру всем другим типам мировоззрений и культур.

Следует отметить, что перечисленные характеристики присущи различным группам в разной степени. Их структуры и экстремистские методы бросят вызов общепризнанным демократическим ценностям. Претензии лидеров подобных сект на абсолютную власть в сочетании с требованием от адептов безоговорочного подчинения, позволяют им осуществлять противозаконную деятельность. Мораль, во многом отчуждающая членов секты от общества, вносит раскол в общую культуру, завлекая и обманывая доверчивых граждан.

Последствия для членов сект могут быть самые серьезные: смена ценностных установок; утрата восприятия действительности. Использование тоталитарными сектами деструктивных методов воздействия на психику человека, являющиеся причиной целого ряда проблем, среди которых: отчуждение членов секты от внешнего мира, прекращение трудовой деятельности или обучения, замкнутость, агрессивность, фанатичное отстаивание своей идеи, отказ от критического и рационального мышления.

Так что же такое тоталитарная секта или как ее еще называют деструктивный культ? Это любая авторитарная иерархическая организация, ведущая деятельность (религиозную, философскую, политическую, психологическую, образовательную, коммерческую), в основе которой лежит практика обманной вербовки и контроль над сознанием членов ее организации. Ее лидер использует различные психотехники в сочетании с гипнозом, внушением, вызывающим нарушение психического состояния; отключающим критическое мышление личности (вводящий человека в измененное состояние сознания); осуществляющий всеобщий (тотальный) контроль за всеми без исключения сторонами жизни адепта; составляющий практики, правила поведения, нормы общения, противоречащие нормам этики и морали, принятым в обществе. То есть тоталитарная секта – это асоциальное сообщество, требующее разрыва с семьей, с окружающим миром, добивающаяся абсолютного подчинения ее лидеру.

Секты характеризуют следующие признаки:

1. Обожествление личности (лидеров) секты;
2. Тотальный контроль над adeptами – естественный контроль над всеми сферами жизни сектантов, не оставляющий возможности критически осмыслить свое поведение;
3. Отказ от медицинской помощи;
4. Пропаганда насилия во имя спасения;
5. Применение техник контроля. Программирование сознания. Членами сект становятся преимущественно люди, не имеющие твердых жизненных позиций, легко внушаемые, готовые отказаться от своей свободы и принять установки своих учителей, наставников. В такой ситуации человек избавляется от ответственности за собственную жизнь. В результате он оказывается в полной зависимости от лидеров секты;
6. Наличие иерархии в секте (посвящение в «таинство» гарантирует восхождение на определенную ступень иерархии в секте);
7. Претензия на исключительность. Сектантам внушается мысль о том, что только они - единственно праведные «избранники Божии», что все окружающие люди обречены на гибель потому, что не разделяют их взглядов. Особенно это характерно для сект оккультного направления, где особый упор делается на «самоусовершенствование», то есть развитие в себе «паранормальных» способностей, отличающих членов секты от обычных людей.

Таким образом, нарушается конституционное право граждан на получение достоверной информации. В религиозной практике сект человеку обещают личное спасение души; в медицинских культах излечение всех болезней; в образовательных центрах – скоростные методы обучения, повышение интеллектуального потенциала, решение жизненных проблем. Культы по оказанию психологических услуг обещают улучшить отношения в семье, обрести друзей. Коммерческие культы обещают успех в бизнесе и быстрое обогащение. Многочисленные псевдодуховные университеты и центры, которые в подавляющем большинстве являются теми же деструктивными культами, обещают развитие сверхспособностей, сверхсознания.

Общество не есть простое множество людей, а определенная целостная система, в которой люди объединены совокупностью связей социальных отношений. Взаимодействие людей, их активность образуют общественную жизнь, создавая общество как органическую ценность. Скрытый характер взаимодействий между членами сект и их отношения к внешнему миру ведут к возникновению конфликта, являющегося одной из причин деструкции отношений в современном обществе.

Классификация сект, предложенная иереем А.И. Хвилья-Олинтер выглядит следующим образом:

- секты восточной ориентации (псевдохристианские);
- секты западной ориентации;
- секты экологической ориентации;
- секты коммерческие или псевдонаучные;
- сатанинские или примыкающие к ним;

Сатанинские культы имеют изуверский характер. В такие группы молодых людей подталкивает юношеский нигилизм, отрицание авторитетов, а по-

рой и безответственность. Привлечение ребят в ряды сектантов осуществляется на молодежных мероприятиях, где присутствующих удивляют оккультными фокусами. Молодежь соблазняют обещанием чудесной силы, полной свободы, обогащением сексуального опыта. Девиз «делай все, что хочешь, ты имеешь право на все и можешь убить тех, кто посягает на твои права» толкает многих подростков на совершение преступления. Моральные преграды сознательно нарушаются, безнравственность возводится в принцип, сила и безжалостность – культ.

История религии располагает многочисленными сведениями о возникновении различных религиозных движений. Как указывал выдающийся русский социолог П.А. Сорокин, что на протяжении тысячелетий и столетий одни религиозные коллективы исчезают, другие — появляются, причем эти процессы совершаются, подобно политическим перегруппировкам, скачками; смена периодов религиозного движения и застоя связана с изменением социального уклада населения и служит симптомом этого изменения.

Секта может представляться благотворительным комитетом, университетом, курсами английского языка или психологическим тренингом.

Деятельность сект наносит серьезный вред психическому и нравственному здоровью личности. В результате меняется самооценка, слабеет психологическая защита самой личности от внешнего агрессивного воздействия. Каждый вправе решать – как строить свою жизнь, однако очевидно, что неприятие мира, его отрицание (уход в секту для человека означает практически полный отказ от мира) – это не самый идеальный способ разрешения жизненных проблем, а чаще всего способ дестабилизации и дезорганизации современного общества. Общество, где присутствует разветвленная деятельность сект не способно избежать глубоких социальных противоречий. Их основой является нарушение гармонии во взаимоотношениях личности с окружающим его миром и с самим собой. «Развитие феномена сектантства в мировом социуме во многих случаях представляет собой реальную угрозу как национальной безопасности отдельных стран (в том числе и России) так и стабильности во всем мире» [4; с. 108].

Литература

1. Деструктивные тоталитарные секты. Режим доступа: <http://www.scorcher.ru/mist/sects/sects.php/>
2. Дезорцев В.В. Лжепророки, лжеисцелители, лжечудотвоцы среди простаков. Уфа: полиграфкомбинат, 1998. 176 с.
3. Миссионерско-апологетический проект «К Истине». Режим доступа: www.kistine.ru
- Дворкин А.Л. Десять вопросов навязчивому незнакомцу, или Пособие для тех, кто не хочет быть завербованным. М., 1995.
- Хвьяля-Олингер Андрей, иерей. Религиозно-духовная безопасность. Белгород: Белгородская православная духовная семинария, 2004.
4. Тонконогов А.В. Пенитенциарная сектология. Учеб.-практ. пособие. М.: НИИ УИС Минюста России, 2004. 121 с.

**КОНСТРУИРОВАНИЕ ИНДИГЕННОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ:
РЕГИОНАЛЬНЫЕ ПРАКТИКИ**

Зигмунд Бауман, характеризуя современность, отметил, что сегодня идентичности представляются чем-то, вроде одежды, которую можно одевать и снимать как костюм [2]. Действительно, «идентичность» - ключевой термин в повседневном словаре современной политики. Сегодня идентичности создаются, изменяются и множатся. Само понятие окутывает все большее социально-культурное пространство. В то же время, «идентичность» остается понятием слишком неопределенным, разрываемым между «сильным» и «слабым» значениями, эссенциалистскими коннотациями и конструктивистскими определениями, чтобы отвечать потребностям социального анализа [3,с.63].

Характерной чертой современной политической культуры России стали попытки сформулировать и выработать общероссийскую национальную идею. Однако реальность последних, по крайней мере, двух десятилетий говорит о том, что этнические элиты в различных регионах России более успешны в нахождении пути к национальной идее. Они более результативны в конструировании национального текста, который понятнее тому, кому он предназначен. Ключевыми в национальном тексте являются символы-маркеры этнической коллективной памяти. В национальном тексте синтезируется мифологическое прошлое и реальное настоящее, «а маркеры хронотопа культурного мира – общие предки, культурный герой, великая история ... приобретают качества неомифа с имманентно присущими ему характеристиками современных идеологов о защите общей/своей земли, что неизбежно подразумевает стремление к сохранению этнополитической государственности» [1,с.4].

Р. Брубейкер и Ф. Купер, анализируя посткоммунистическое возрождение этнического национализма в регионах бывшего СССР, опровергают мнения о том, что его корни идут от сильных и глубоких корней национальной идентичности, которые удалось сохранить на протяжении десятилетий репрессий и безжалостных антинациональных коммунистических режимов [3,с.61-115]. Они заявляют, что «возвращение подавленного» вообще не связано с попыткой утвердить и выразить идентичность. Советский режим никогда не был антинациональным. Вместо безжалостного подавления национального, Советский Союз предпринял беспрецедентные усилия по его институционализации и кодификации. Территория государства была разбита на более чем пятьдесят формально автономных национальных «отечеств», каждое из которых было объявлено «принадлежностью», определенной этнонациональной группы. Советский гражданин имел «национальность», которая определялась при рождении на основании происхождения, регистрировалась в идентификационных документах, записывалась в официальном делопроизводстве, чтобы контролировать доступ к высшему образованию и рабочим местам. Режим не просто признавал, он заново создавал индивидов и территории как национальные [3,с.61-115].

Как нам представляется, региональный контекст очень важен для понимания индигенной идентичности. Место, пространство, региональный ландшафт имеют значение именно тогда, когда мы сталкиваемся с феноменом неопределенной идентичности. Пространственные факторы важны в отношении, как к индивидам, так и к социальным группам. На регион можно посмотреть, как на историю, нарратив. Его восприятие есть воспоминание и запоминание, ощущение и выработка социально-культурных навыков.

В коллективной монографии, посвящённой социокультурным практикам переходного периода у бурят высказывается идея о том, что «модернизированная мифологема великого прошлого апеллирует не только к славным страницам истории (участие бурят в Монгольской империи), но и к её культурным героям, персонифицированным, в первую очередь, в образе Чингисхана. При этом миф о великом прошлом подразумевает героизацию истории и поиски в ней, во-первых, великих предков, а во-вторых – великого государства, выступающего в роли идеала, к которому следует стремиться. Свойственная мифу дискретность позволяет сомкнуть и отождествить великое прошлое и не менее великое будущее, резервируя за настоящим роль связующего звена» [1, с.7]. Заметим, что образ Чингисхана используется в качестве символа национально-возрождения и в качестве национальной идеи не только бурятами, монголами, но и, например, якутами. Еще в 2009 г. был снят художественный фильм режиссером и действующим министром культуры Республики Саха А. Борисовым «Тайна Чингиз-хана».

Активная эксплуатация исторического образа была вызвана целым рядом причин: стремлением восстановить этнокультурные связи с Монголией; законодательно восстановить утраченный в 1958 г. политоним бурят-монгол; осуществить ревитализацию исторической, политической и культурной памяти. И далее указывает, что идея территориального государственного суверенитета сопрягалась с доминирующей в националистическом дискурсе темой монгольской идентичности, её возрождения и сохранения [1, с.8-9].

В постсоветском пространстве происходила и сейчас еще происходит этнизация идентичности, которая затронула все социально-культурные отношения и социальные и культурные институты, а также соответствующие дискурсы. Группы людей в разных регионах формируют разнообразные представления о своей общности и уникальности, главная цель которых – поддержание целостности и этно-регионального единства средствами и объектами, выполняющими символические и коммуникативные функции.

Литература

1. Амоглонова Д.Д., Богомункуев С.Д., Варнавский П.К., Куклина В.В, Мисоркеева Ю.С., Содномпилова М.М. Буряты: социокультурные практики переходного периода. Иркутск, 2008.
2. Бауман З. Текущая модерність: взгляд из 2011 года. URL: <http://polit.ru/article/2011/05/06/bauman/> (дата обращения: 30.04.2013).
3. Брубейкер Р., Купер Ф. За пределами «идентичности» // Ab Imperio. Казань, 2002. №3. С.61-115.

**«ВІДКРИТИЙ УРЯД» ЯК МОДЕЛЬ ВИРІШЕННЯ
ЗАГАЛЬНОНАЦІОНАЛЬНИХ ПРОБЛЕМ**

1. Ідея «відкритого уряду» виросла із ідеї «відкритого управління» в бізнесі, авторство якої приписують американському менеджеру Джеку Стеку [14]. Досягнення максимальної ефективності «відкритого управління» залишилося головною метою цієї стратегії при переході її із суто господарської до суспільно-політичної сфери, де вона набула назв «відкритий уряд» або «відкрита держава» [8]. Реалізація концепції «відкритого уряду» являє собою засіб швидшого досягнення загальнонаціональних цілей. Ефектогенеруючий результат «відкритого урядування» зумовлений його опертям на принципи відкритості, спільної участі, партнерства, відповідальності, політичної незалежності, етичності [13, с. 246]. До складників «відкритого урядування» відносяться і дорадча демократія, краща можливість моніторинг і громадський контроль за діями влади [9, с. 20, 22]. «Відкрите урядування» найбільш відповідає засадам публічної політики, яка розуміється як взаємодія державного апарату й суспільства під час прийняття важливих для країни (суспільства, населення) рішень та дій [7; 2, с. 39].

2. За «відкритого урядування» суттєво зростає політична, соціальна і моральна вага інститутів громадянського суспільства [5, с. 142-143]. Взаємна користь держави і суспільства від співпраці в рамках «відкритого урядування» зумовлена єдністю їхньої соціальної спрямованості, здатністю НУО до кращого вирішення проблем, які входять до державної компетенції, а також до розробки проектів, конкурентних тим, що їх розробляють державні структури [9, с. 23]. Діалог громадян з органами влади в рамках «відкритого уряду» має подолати ті чинники, якими посилюється їхня недовіра до органів управління [6, с. 63-64].

Завдяки діалогу між громадянами і «відкритим урядом» посилюється можливість запобігання тим громадським ініціативам, які характеризуються політологами як конфліктні і деструктивні. З другого боку, легше долається самоусунення державних і політичних інститутів від конструктивних громадських ініціатив [4, с. 29]. Модель «відкритого уряду» здатна усунути ті недоліки у відносинах влади і громадянського суспільства, які часом викликають скепсис щодо креативної функції останнього [12, с. 5].

3. При запровадженні моделі «відкритого уряду» варто прислухатися до побоювань, що підвищення статусу неурядових організацій може завершитися заміщенням традиційних механізмів легітимації політичної влади, таких як вибори, конкуренція політичних ідеологій і програм, прямий представницький мандат, а боротьба між ними за доступ до ресурсів стане менш прозорою, менш легальною і більш спекулятивною в морально-політичному сенсі [12, с. 9].

4. В цілому у виборі форм і методів «відкритого урядування» уповні можна орієнтуватися на Меморандум Білого Дому від 8 грудня 2009 року «Директиви щодо Відкритого Уряду», адресований виконавчим департаментам і

агенціям США. Меморандум вимагає від них ряд обов'язкових кроків, спрямованих на реалізацію ідеї «відкритого уряду» - публікацію без затримок урядової інформації в режимі он-лайн, у покращенні якості інформації, яка надається органами влади, у створенні сприятливих рамок для відкритого уряду, що означає зменшення конфіденційності інформації і застосування нових інформативних технологій [16], у створенні електронних сайтів при органах влади усіх штатів країни, а також у створенні окремого сайту-путівника з інформацією про доступ до них (<http://www.refp.org/open-government-gnide>). Аналогічним орієнтиром є канадський урядовий план дій «Відкрите урядове партнерство» [15]. В останні роки ідея "відкритого уряду" втілюється у міжнародну стратегію під такою ж назвою.

5. До механізмів «відкритого урядування» можна віднести «електронну демократію», зокрема у вигляді «електронного уряду», суть якого полягає в обов'язковому відображенні усіма урядовими установами своєї діяльності в онлайн-режимі і у наданні громадянам можливості особисто брати участь в обговоренні законів та законопроектів, нагальних суспільних проблем і висловлюватися з приводу підготовки рішень. Щоправда, остання форма електронної демократії небезпечна тим, що авторами змін можуть виступати деструктивно налаштовані особи [3, с. 9]. Крім того, «відкрите урядування» заохочує громадян до ігнорування громадських організацій, але тим самим виникає небезпека атомізації суспільства.

6. Актуальність запровадження «відкритого урядування» для України зумовлена тим, що трансформаційні очікування населення постійно наражалися на закритість влади, чим блокувалася участь суспільства у прийнятті загальнонаціональних рішень, зокрема щодо геополітичного та гео економічного вектору.

7. Запровадження моделі «відкритого уряду» в Україні залишається доволі проблемним процесом. Одна із причин – подеколи розбіжність між спрямованістю громадської активності та потребами населення. Так, зверталася увага на те, що найбільш резонансні ініціативи в Україні були зумовлені політичними мотивами. Вони стосувалися, зокрема, питань народовладдя та прямої демократії, запровадження інституту народної законодавчої ініціативи, проведення референдумів, захисту прав людини від владного свавілля, політики влади у тих або інших сферах суспільного життя (мови, історичної пам'яті, етнополітики тощо), зовнішньополітичної стратегії. Натомість соціологічні обстеження виносять на верх соціальних пріоритетів населення такі проблеми, як

8. Україні і без офіційного оголошення стратегії «відкритого уряду» зроблено багато кроків, яких можна віднести до таких, що фактично реалізують цю стратегію. У науковій періодиці наводиться доволі повний (на 2010 рік) перелік вітчизняних правових актів, якими громадянам гарантуються можливості участі у державному управлінні [Див.: 1, с. 167-169]. Проведені повні і всебічні аналітичні розробки про стан розвитку громадянського суспільства в Україні [10, с. 21]. Основними каналами впливу громадськості на діяльність органів влади України є громадські ради при цих органах. Участь у роботі громадських рад дає можливість для контролю за діяльністю тих органів,

при яких вони утворені. Іншими формами громадського контролю за діяльністю органів влади є громадські експертизи, доступ до публічної інформації, участь у роботі експертних органів. Однак, на думку аналітиків, відсутність чітко визначеної процедури проведення експертиз суттєво обмежує можливість застосування цієї форми контролю [10, с. 22–23].

9. Нова редакція Закону України «Про громадські об'єднання» надає додаткові можливості для активації громадських організацій. Щоправда, аналітики бачать у новій редакції закону і певні ризики які випливають із надання громадським об'єднанням, які мають статус юридичної особи, права на підприємницьку діяльність. [11].

Процес набуття взаємовідносинами влади і суспільства стану належної відкритості поки що обмежений масою невирішених проблем організаційного, морально-психологічного, технічного характеру. За таких обставин залишаються актуальними ті висловлені аналітиками пропозиції щодо активізації взаємодії НУО та органів державної влади, виконання яких об'єктивно сприятиме фактичному здійсненню стратегії «відкритого уряду» [10, с. 25-26].

Література

1. Гирик М. Механізми участі громадськості в державному управлінні: правові аспекти // Вісник Національної академії державного управління. К.: 2010. №2. С. 167-172.
2. Зіміна О. Становлення та розвиток публічного управління і можливості його впровадження в Україні // Вісник Національної академії державного управління. К.: 2011. №1. С. 34-43.
3. Кальниш Ю.Г. Пряма демократія в Україні: історичні традиції та перспективи розвитку // Стратегічні пріоритети. К.: 2008. №9. С. 5-15.
4. Корнієвський О.А., Палій Г.О. Громадські ініціативи та їх роль у формуванні демократії участі // Стратегічні пріоритети. К.: 2011. №2. С. 27-31.
5. Купрій В. Інститути громадянського суспільства і процес формування суспільної політики // Вісник Національної академії державного управління. К.: 2010. № 2. С. 140-144.
6. Манжолі П.Г. Взаємодія влади та громадян: практика легітимації інститутів влади у новітній історії України // Стратегічні пріоритети. К.: 2007. №1. С. 58-64.
7. Оболенський О.Ю. Провісники нового публічного управління // Розвиток публічного адміністрування на засадах менеджменту: європейський контекст: матеріали наук.-практ. конф., м. Дніпропетровськ, 15-16 травня 2009 р. Дніпропетровськ, 2009. с. 37.
8. Открытое государство: Материал из Википедии – свободной энциклопедии. Режим доступу: <http://ru.wikipedia.org>
9. Пожидаєв С.О. Неурядові організації у суспільно-політичному житті України: межі участі та пріоритети діяльності // Стратегічні пріоритети. К.: 2007. № 4. С. 19-26.
10. Про стан розвитку громадянського суспільства в Україні. Аналітична доповідь / А.В.Срмолаєв (Керівн. авт. кол-ву). К.: НІСД, 2012. 46 с.
11. Прокопенко А. Подводные камни закона об общественных объединениях. Режим доступу: <http://sud.ua/newspaper/2013/01/31/46802>
12. Розумний М.М. Громадське суспільство та «обхідний шлях» до демократії // Стратегічні пріоритети. К.: 2013. №1. С. 5-10.
13. Сибіга І. Форми та методи впливу неурядових організацій на прийняття державно-владних рішень // Вісник Національної академії державного управління. К.: 2012. С. 242-249.

14. Смирнов В. «Система открытого управления» Джека Стека или как избежать банкротства в условиях экономического кризиса? Режим доступа: <http://www.top-personal.ru/issue.html?1943>

15. Canada's Action Plan on Open Government. Режим доступа: <http://data.gc.ca/eng/canadas-action-plan-open-government>

16. Open Government Directive. Memorandum for the Heads of Executive Departments and Agencies. December 8, 2009. M10-06. Режим доступа: <http://www.whitehouse.gov/open/documents/open-government-directive>

ДАРЬЯ МАКОВСКАЯ

ЭТНОГЕОПОЛИТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

Изучение проблем безопасности в условиях формирования нового мирового порядка в конце XX – начале XXI вв. обуславливается чрезвычайной значимостью обеспечения международной безопасности, выступающей в качестве безусловного неконкурентного общечеловеческого блага. Тем не менее, современные тенденции общественно-политического развития свидетельствуют о непрекращающемся росте конфликтности как на уровне взаимоотношений геополитических акторов, так и на уровне субъектов, идентифицирующихся по этническому признаку.

Проблема безопасности всегда являлась ключевой в теории и практике международных отношений. В рамках классического реалистического подхода, содержание этого понятия было достаточно простым: безопасность – это состояние или этап субъекта (например, политического объединения, государственного устройства), когда он уверен в своем выживании. Оно тесно связывалось с категорией «национальные интересы», являясь фактически ее производной. Призвание национальной безопасности – это, прежде всего, обеспечение гарантий неуязвимости основных, жизненно важных интересов государства – национального суверенитета, территориальной целостности, защиты населения.

Традиционная парадигма национальной безопасности со временем уступила место парадигмам глобальной, региональной, трансрегиональной безопасности, развивающихся с учетом современной динамики глобальной безопасности. Сейчас существуют основные четыре теоретических направления в исследовании данной проблематики: неореализм, глобализм, регионализм и конструктивизм.

В рамках каждого из них затрагиваются вопросы, непосредственно касающиеся проблем этнической безопасности. Одной из исходных посылок неореалистических исследований безопасности в начале XXI века является идея о расширении сферы компетенции государства в осуществлении контроля над различными видами деятельности, что, безусловно, подразумевает и деятельность в области этнополитики, а также проблему конфликта цивилизаций, затрагивающей и этнорелигиозную сферу.

В контексте теории глобализации, опирающейся на марксистскую либо либеральную теоретические парадигмы, государство перестает быть приоритетным объектом обеспечения безопасности с помощью силы, а акцент перемещается на деятельность в этом ключе негосударственных субъектов, в том числе, маркирующихся по этническому признаку и создающих риски и угрозы безопасности мирового сообщества.

Регионалистические теории безопасности делают акцент на существенном значении региональной безопасности как составной части всей международной системы, а, как известно, этнорегиональные конфликты являются одной из самых значительных угроз в современном мире.

И, наконец, приоритетом конструктивистской парадигмы является исследование поведения социальных и политических акторов. В этом ключе стоит упомянуть, что этническая идентичность является идеальным объектом для конструирования, также, как и конфликты, участники которых идентифицируют себя по этническому признаку.

Рассуждая в рамках концепции национальной безопасности, мы говорим в первую очередь о влиянии этнической проблематики на обеспечение жизненно важных интересов государства-нации: национального суверенитета, территориальной целостности государства, защиты населения. В качестве доминирующего агента безопасности здесь выступает национальное государство, в качестве главного объекта – территория, а главной задачей является «все, что связано с самосохранением государства, защитой его пространства и правящих в нем властных структур» [2, с. 8].

Не менее важным чем этническое, является и геополитическое измерение национальной безопасности, поскольку геополитические процессы возникали и возникают по поводу соперничества между геополитическими субъектами за влияние на то или иное пространство. В результате этого соперничества одни субъекты получают преимущество, а другие его теряют, что отражается на состоянии их безопасности.

В рассмотренных нами случаях явно прослеживается ситуация, когда в политическом государстве некоторые этнические образования стремятся получить или присвоить себе статус геополитического субъекта, то есть обладающего таким уровнем государственности, который позволит им получить доминирующее право на использование стратегических ресурсов и выступать в качестве самостоятельного субъекта международных отношений, в том числе и предъявляя претензии территориального характера. Кроме того, использование конфликтных этнополитических процессов может стать эффективным инструментом в геополитическом противостоянии с целью разрушения стабильности в государстве – объекте внешнего влияния.

Взаимодействие геополитических и этнополитических процессов в их влиянии на национальную безопасность раскрывается следующим образом. Геополитические процессы имеют непосредственную взаимосвязь с обеспечением безопасности, угрозы которой формируются вследствие борьбы между субъектами геополитики. Этнополитические процессы могут способствовать развитию геополитических процессов и соответственно приводить к развитию геополитического соперничества, что прямо коррелирует с вопросами нацио-

нальной безопасности. В этом взаимодействии доминирующей влиянием на безопасность являются процессы геополитические, всегда непосредственно влияющие на данную сферу. Этнополитика же будет обладать опосредованным влиянием, поскольку не всегда этнополитические процессы приводят к развитию геополитических [3, с. 65-69].

Зачастую именно этнополитическая конфликтность приводит к тому, что государства перестают выступать в качестве акторов геополитических отношений. А заинтересованные субъекты геополитики используют разжигание этнополитической конфликтности в государствах, которые являются объектом их геополитического влияния, для включения данных территорий в свое геополитическое поле или их удержания в нем.

Литература

1. Кузнецов А.М. Безопасность человека // Ойкумена. Владивосток, 2011. №2. С. 52-62.
2. Панарин С.А. Безопасность и этническая миграция в Россию // Pro et Contra. 1998. Т. 3. №4. С. 5-27.
3. Семенов В.А. Этногеополитические аспекты безопасности России: Дис. ... д-ра полит. наук. М., 2005. 302 с.

ОЛЬГА МАЛИНОВА

ОФИЦИАЛЬНАЯ РИТОРИКА И КОНСТРУИРОВАНИЕ НАЦИОНАЛЬНОГО ПРОШЛОГО: АНАЛИЗ ТЕМАТИЧЕСКОГО РЕПЕРТУАРА ПАМЯТНЫХ РЕЧЕЙ ПРЕЗИДЕНТОВ РФ (2000–2013 гг.)

Апелляция к прошлому является неотъемлемым атрибутом политической риторики. Когда речь идет о легитимации и делегитимации существующего режима, политическом целеполагании, мобилизации поддержки, критике оппонентов и проч., отсылки к «коллективной памяти» оказываются весомыми аргументами. Предполагается, что они подкрепляют нормативные и причинные утверждения «эмпирическим» опытом предков.

Используя этот ресурс, публичные политики участвуют в дискурсивном конструировании «памяти» о национальном прошлом. При этом они оперируют наличием репертуаром исторических событий и фигур, которые известны широкой аудитории и способны вызывать ожидаемую реакцию. Будучи ограничены репертуаром «актуализированного» прошлого, политики в то же время располагают существенными ресурсами для его трансформации, причем не только за счет риторической реинтерпретации. Для властвующей элиты «актуализированное» прошлое выступает и как ресурс, применение которого сопряжено с определенными выгодами и рисками, и как объект символических инвестиций.

Второй аспект представляется особенно важным, когда в повестке дня стоит конструирование новой макрополитической идентичности, как это имеет место в случае современной России. Очевидно, что ее «тысячелетняя история» представляет собой хотя и богатый, но трудный ресурс. События, память о

которых настойчиво культивировалась в советский период, впоследствии подверглись переоценке. В то же время многое из того, что служило опорой идентичности до революции, в СССР оказалось «репрессировано» и предано забвению. Все это, с одной стороны, усложняет задачи публичных политиков, которые не могут не апеллировать к отечественной истории, а с другой стороны – возлагает на них особую ответственность за развитие арсенала символов, пригодных для политического использования.

Анализ репертуара событий национального прошлого, «задействованных» в официальной риторике, позволяет выявить особенности подходов властвующей элиты к трансформации и использованию этого ресурса. В докладе представлены результаты исследования речей глав Российского государства по случаям государственных праздников, юбилеев и памятных дат.

Выступления такого рода принадлежат к особому жанру, который предполагает использование определенных риторических приемов и дискурсивных стратегий. Памятные (commemorative) речи обычно произносятся в дни официальных праздников, а также годовщин и юбилеев важных общественных событий. По определению Р.Водак и Р. Де Чиллиа, они призваны «вернуть прошлое в настоящее» [2, р. 346-347]. В отличие от программных выступлений, которые были предметом нашего внимания на предыдущем этапе исследования [1], памятные речи не ставят непосредственной целью легитимацию действий власти; их функции – скорее представительские: официальное лицо от имени государства воздает хвалу (или порицание) группе/сообществу, соответствующим образом оценивая ее деяния и качества. Это дает более широкие возможности для актуализации прошлого, «полезного» не только с точки зрения текущих задач, но и для выстраивания долгосрочной «политики идентичности».

Объектами нашего анализа стали выступления президентов В.В.Путина и Д.А.Медведева по случаям: 1) официально установленных праздничных нерабочих дней, связанных с историческими событиями – Дня защитника Отечества, Дня Победы, Дня России, Дня народного единства, Дня Конституции, 2) памятных дней, памятных дат и дней воинской славы (победных дней) России, 3) юбилеев исторических событий, 4) речи на церемониях открытия памятников, музеев, мемориальных досок и т.п.

По результатам исследования были выявлены следующие тенденции. Оказалось, что 57% памятных выступлений российских президентов в 2000–2013гг. были посвящены поводам, связанным с историей советского периода, 24% – дореволюционным событиям и 19% – датам, связанным с постсоветской историей России (причем доля первой категории возросла с 53% в первом президентском сроке В.В.Путина до 69% в течение первого года его третьего срока; тогда как доля последней уменьшилась с 32 до 13%). Таким образом, основная «нагрузка» по легитимации современной государственной политики авторитетом прошлого ложится на советское наследие. Наиболее часто используемым символом отечественного прошлого была и остается Великая Отечественная война (33% выступлений такого рода). Следует отметить, что с середины 2000-х гг. предпринимались определенные усилия по расширению актуального репертуара «тысячелетнего прошлого»: если в течение первого

срока Путина события отечественной истории до 1917 г. давали всего 16% поводов для памятных речей, то в 2004–2008гг. их доля возросла до 30%; в массиве аналогичных выступлений Медведева она составляет 29%. Однако эта работа не отличается системностью: значительная часть календаря юбилейных выступлений президентов, призванных «напомнить» отдаленное прошлое, формируется ad hoc; исключение составляет лишь День народного единства, целенаправленно учрежденный для коммеморации идеологически подходящего события «1000-летней истории».

В целом можно констатировать, что властной элите РФ пока не удается использовать символический ресурс «тысячелетней истории» в полной мере, что отчасти обусловлено не зависящими от нее обстоятельствами (недостаток «унаследованных» практик коммеморации событий дореволюционной истории, затянувшиеся поиски «общепринятого» нарратива национального прошлого), а отчасти определяется отсутствием систематической стратегии развития репертуара «актуального» прошлого.

Литература

1. Малинова О.Ю. Тема прошлого в риторике президентов России // *Proetcontra*. 2011. № 3-4. С. 106-122.
2. Wodak R., De Cillia R. Commemorating the past: the discursive construction of official narratives about 'Rebirth of Second Austrian Republic' // *Discourse & Communication*. 2007. Vol. 1. №3. P. 337-363.

ВИКТОРИЯ МАЛЬЦЕВА

ВЛИЯНИЕ ЦЕННОСТНЫХ УСТАНОВОК МОЛОДЕЖИ ЮГА РОССИИ НА ПРЕОДОЛЕНИЕ ЭКСТРЕМИСТСКИХ ПРОЯВЛЕНИЙ

В условиях появившихся в XXI веке новых угроз системной стабильности современного общества изучение феномена экстремизма – одно из приоритетных направлений, как и изучение аспектов идеологического противостояния экстремизму. Проблема роста террористических угроз особенно актуальна для тех регионов мира, в которых наблюдается существенное повышение уровня конфликтности, связанное с политизацией этнических и конфессиональных факторов. В Российской Федерации к подобным регионам относится в первую очередь Северный Кавказ. В данной ситуации противостояние экстремизму и терроризму становится необходимой частью государственной стратегии, основой национальной безопасности Российской Федерации. Наиболее уязвимой частью социума, подверженной экстремистскому воздействию является молодежь.

Исходя из этого, актуализируется интерес к проблеме молодежи и ее места и роли в обществе, так как именно молодежь в ближайшем будущем будет выступать в качестве основной движущей силы развития современного социума. По мнению И.М. Ильинского молодежь является социальным аккумулятором и конденсатором трансформаций, которые постепенно происходят в глубинах общественной жизни, но «при этом молодежь одновременно и сила,

способная активно созидать Новое, и «взрывоопасный», разрушительный материал. Все зависит от намерений самой молодежи и от того, как использует эту силу общество» [1]. То есть эта сила может быть направлена на творчество, позитивные изменения в жизни самого молодого человека и всего общества. В то же время, эта сила может быть использована и в деятельности организаций экстремистской направленности.

Так «под экстремизмом понимается предельно жесткая радикальная позиция. Экстремистом является крайне, радикально (решительно) настроенный человек; в зависимости от политических убеждений это может быть левый или правый экстремист» [2]. Известный ученый-терроролог, профессор истории Джорджтаунского университета У. Лакер считает терроризм частью не только многообразного феномена экстремизма, но и других явлений социальной жизни: «Терроризм – это, прежде всего, не идеология, а стратегия. К нему прибегают и политические экстремисты, как левые, так и правые, и религиозные фанатики, и защитники прав животных, и просто психически неуравновешенные люди, заиклившись на каких-то сверхценных идеях» [3]. Таким образом, экстремизм выступает идеей, мыслью, по сути – теорией, тогда как терроризм конкретная деятельность, т.е. практика, выстраиваемая на основе экстремистской идеи.

К проявлениям экстремизма, прежде всего, необходимо отнести пропаганду националистического и характера, проявления сепаратизма и ксенофобии, пренебрежение к действующим в обществе правилам и нормам поведения или в отрицании их, деятельность асоциальных молодежных организаций экстремистского характера, спекулирующих на идеях национального возрождения и провоцирующих рост преступных акций на этнорелигиозной, политической почве. Экстремистская деятельность может осуществляться в отношении совершенно различных субъектов: властных структур, социальных групп, религиозных общин или религиозных деятелей, наций, народностей. Отсюда и разные формы экстремизма: экстремизм националистический, религиозный, политический. Основу экстремистских проявлений составляют факторы, имеющие в масштабе страны внешнюю (кризисное состояние экономики, резкое падение жизненного уровня большинства населения) и внутреннюю (рост политического радикализма как способа политической борьбы, возникновение феномена международного терроризма, усиливающаяся культурная унификация) детерминацию.

Рассматривая реалии современной российской действительности, можно отметить, что современная российская молодежь предстает как адаптированная, но не социализированная группа. Функцию социализации в обществе выполняет гражданская идентичность, являющаяся основой группового самосознания молодежи. В противоположность гражданской идентичности возникает негативная конфликтная идентичность. По мнению М.Е. Попова, присутствие в культуре посттрадиционной России конфликтогенных авторитарных и этнонационалистических сегментов ставит проблему общественной безопасности в прямую связь с защитой как общегражданской, так и этнокультурных идентичностей. Содержание конфликтной идентичности заключается в конструировании и выборе конфликтогенных идеологий «этнополитической безопасно-

сти», для которых характерно эклектичное сочетание взаимоисключающих ценностей и смыслов (авторитаризма и демократии, этнонационализма и гражданства) [4]. В качестве ценностных ориентаций, влияющих положительно на преодоление экстремизма можно назвать: гордость своей национальностью, интерес к своей культуре и культуре людей других национальностей, устойчивая структура ценностных ориентаций, активность жизненной позиции, упорство в достижении целей, верность определенным принципам и идеалам, оптимизм, а также общие ценности – семейные, трудовые и ценность неприкосновенности жизни человека.

Таким образом, формирование гражданской идентичности, позитивных ценностных установок у современной молодежи способствует преодолению экстремизма, противодействию экстремистских проявлений в современном обществе.

Литература

1. Ильинский, И.М. Молодежь как социальная ценность и фактор перемен // О положении молодежи и перестройке исследований молодежной проблематики в СССР: материалы к VIII пленуму ЦК ВЛКСМ.М., 1989. Ч. 1. С. 3.
2. Басалай А. Опасность: национальный экстремизм // Диалог. 1999. №10. С. 43-62.
3. Интервью с У. Лакером от 10.02.2006.URL: <http://www.washprofile.org>
4. Попов М.Е. Конфликты идентичностей и развитие гражданского общества на Северном Кавказе // Системный кризис на Северном Кавказе: материалы Всерос. науч. конф. Ростов н/Д: Изд-во ЮНЦ РАН, 2011. С. 257-260.

ЭЛИНА МАНЖИКОВА

О НЕКОТОРЫХ ОСОБЕННОСТЯХ РАЗВИТИЯ МЕЖРЕЛИГИОЗНЫХ ОТНОШЕНИЙ В РЕСПУБЛИКЕ КАЛМЫКИЯ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ

Российский опыт сосуществования христианства, прежде всего православия, мусульманства, буддизма, иудаизма, других религий является уникальнейшим явлением. Опыт Республики Калмыкия – европейского центра буддизма, в области развития межрелигиозных отношений уникален вдвойне.

Калмыки (прежде – ойраты), во времена Чингисхана и его потомков впервые столкнувшись с уйгурским буддизмом, позже попали под влияние тибетской буддийской школы Кагью (Карма «черношапочная», Дрикунг, Таглун). Специфика родоплеменного устройства и формирования союза четырех ойратских племен, территориальная близость ойратов, тогда населявших Джунгарию и Цинхай (северный Тибет), к ареалу влияния школы «желтошапочников» привели к распространению и утверждению в их среде в качестве главенствующей школы Гелуг. Именно с продвижения части ойратов (калмыков) в Россию в начале XVII в. можно говорить о проникновении буддизма в Россию[1].

К началу 90-х гг. XX в. Калмыкия на территории бывшего СССР была, наверное, единственной республикой, где фактически отсутствовали религи-

озные организации. На территории республики действовали всего 2 православные церкви, которые ютились в непригодных ветхих помещениях. Культурообразующий народ республики – калмыки, исповедующий буддизм, который несет в себе синтез многоцветья уникальных восточных цивилизаций, вообще не имел к этому времени ни моленной дома, ни хурула (храма). Несколько поколений калмыцкого народа, в том числе и те, кто прошел через невзгоды сибирской ссылки 1943–1956 гг., выросли без духовного ориентира, не имели возможности познания своих национально-культурных истоков.

Уже к 1940 г. все хурулы в Калмыкии были закрыты и уничтожены, духовенство репрессировано. Попытки общественности по возвращении из Сибири восстановить хотя бы маленькую частицу былого – открыть моленный дом для верующих – заканчивались неудачей[2].

Только в 1988 г. в г. Элисте образовалась первая буддийская община, у населения республики стал появляться интерес к религии, увеличилось количество людей, участвующих в обрядах. В общественном мнении, в средствах массовой информации пропагандировались идеи положительной роли религии для современного общества. Она рассматривалась как одно из эффективных средств выхода общества из состояния духовного кризиса.

Широкому распространению, росту популярности религиозных взглядов среди населения республики способствовал идеологический вакуум, образовавшийся после ухода со сцены коммунистической идеологии. Несмотря на некоторое оживление религиозной жизни в республике, кардинальных изменений не наблюдалось.

С избранием в апреле 1993 г. К.Н. Илюмжинова Президентом Калмыкии произошли изменения в религиозной жизни республики. В рамках действующих федеральных и республиканских законов были предприняты действенные меры по реализации прав граждан на свободу вероисповеданий. Позитивное отношение к религии со стороны руководства республики имело самый положительный резонанс. Именно на период с 1993 г. приходится пик активизации религиозной деятельности. Повсеместно в селах, городах республики образовывались религиозные общины, строились хурулы, православные церкви, направлялись на учебу в буддийские монастыри Индии и Бурятии юноши из Калмыкии. Вся эта работа не носила стихийный характер, а осуществлялась при поддержке государственных органов.

Современная религиозная ситуация в Калмыкии характеризуется значительным динамизмом и новизной. Религиозная среда в Калмыкии неоднородна, она тесно привязана к местным условиям. В целом она характеризуется тем, что наибольшее число верующих составляют пожилые люди, однако в последнее время наблюдается немало молодежи и людей среднего возраста. Пожилых людей становится меньше, увеличивается доля учащихся и служащих, религиозная среда в целом молодеет, меняется ее социальный состав в сторону повышения интеллектуального и образовательного уровня. Усилилась тяга народов Калмыкии к возрождению и развитию национальных культур, к нравственному очищению общества. Значительное место в этом процессе занимают религиозные организации. Наметилась тенденция межконфессионального сотрудничества.

Большинство населения республики исповедует буддизм и православие. В то же время наблюдается рост числа новых нетрадиционных конфессиональных общин.

Традиционные конфессии, распространенные в республике, находят постоянную поддержку у руководства республики.

В Элисте был создан Межрелигиозный Совет, целью которого является координация совместной деятельности традиционных религиозных организаций в деле укрепления и развития их диалога; обеспечения и поддержания межрелигиозного и межнационального мира, достижения согласия и стабильности в обществе; предотвращения конфликтов на этноконфессиональной почве; утверждения в обществе традиционных духовных ценностей, диалога с государственной властью Калмыкии, международными межрелигиозными организациями.

Совет не ставит своей целью сближение вероучений и доктрин, не имеет богослужебных форм деятельности и собственных теологических позиций. Он не ассоциирует себя с государством или с какой-либо политической силой.

Диалог традиционных конфессий на территории Калмыкии проявляется во взаимной заинтересованности представителей разной этнической принадлежности к истории, ритуалам других религий. Республику часто посещают высшие духовные лидеры мировых религий.

За 16 лет введения института Президентства в Республике Калмыкия построено более 40 буддийских храмов и более 30 православных церквей (включая часовни). В настоящее время в Элисте возведен один из крупнейших и величественных буддийских культовых сооружений современности – буддийский храм «Золотая обитель Будды Шакьямуни».

В результате тесных этнокультурных контактов в регионе представители разных мировых религий не только знают основные обычаи, традиции, праздники других конфессий (Цаган-Сар, Пасха, Зул, Масленица и др.), но и отмечают их в семейном кругу. На небольшом географическом и культурно-религиозном пространстве Калмыкии представлены ведущие конфессиональные системы, которые проецируют основные тенденции развития религиозной ситуации в стране и мире.

Калмыкия сегодня представляет собой целостное, исторически сложившееся многонациональное образование. В ее состав входят представители более 90 национальностей и трех мировых религий: буддизма, христианства, ислама.

В республике сегодня всемерно содействуют сохранению самобытности и этнической неповторимости традиций калмыцкого, русского и других народов, проживающих в Калмыкии. Органы власти способствуют развитию культур народов на основе равноправного, межнационального, культурного взаимодействия.

Реализация этих прав осуществляется на основе многовариантных форм национально-культурного самоопределения народов Калмыкии. С ростом национального самосознания возрастает и стремление народов к самостоятельному устройству общественной жизни.

При рассмотрении межконфессиональных отношений необходимо учитывать готовность конфессий к диалогу как его главное условие. Наиболее конструктивной формой межконфессиональных отношений является диалог, способствующий самовыражению и развитию его участников.

Благодаря тому, что Калмыкия является территорией буддизма – самой веротерпимой религии[4], в Калмыкии не было религиозных споров, но, наоборот, сложился уникальный опыт гармоничного существования религий и культур. В республике межрелигиозные отношения близки к оптимальным, что подтверждается согласованной реакцией духовных лидеров на события, совместными мероприятиями, созданием межрелигиозных структур.

Таким образом, анализ религиозной ситуации и взаимодействия органов государственной власти Республики Калмыкия и религиозных организаций выявил следующие тенденции. Во-первых, за последние годы произошло немало положительных сдвигов в государственно-религиозных отношениях, и вопрос элементарного выживания уже не стоит перед нашими религиозными сообществами. Во-вторых, межрелигиозный диалог является одним из ключевых способов общественного развития и улучшения благосостояния всех народов, поощрения толерантности, взаимопонимания и гармонии между различными культурами и религиями, а также способствует преодолению конфликтов и насилия.

И, в-третьих, благодаря международному высокому авторитету Главы Республики Калмыкия, мы отмечаем, что на выстраивание и позиционирование диалога межрелигиозных отношений в Республике Калмыкия активно влияют события, происходящие в России и мире.

Тесное сотрудничество в деле продвижения духовных ценностей и культуры, диалога с целью обеспечения мира и согласия между органами исполнительной власти и религиозными организациями, с одной стороны, между самими религиозными организациями, и различными религиозными течениями, с другой стороны, на наш взгляд - главные особенности развития межрелигиозных отношений в современной Калмыкии.

Литература

1. Гранин А., Китинов Б. Российский буддизм на стыке тысячелетий. URL: <http://kalmykia.evrazia.org/buddizm.html>
2. Бакаева Э. Буддизм в Калмыкии: основные этапы истории// Буддизм России. 2009. №42. С. 9-18.
3. Намруева Л.В., Поканинова Е.Б. Характеристика этнической и конфессиональной идентичности Республики Калмыкия// Социология власти.М., 2009.№4. С.69-74.
4. Барлоу Р. Буддизм и современная психология Запада //Буддизм России. 2003. №37.
5. Батмаев М.М. Калмыки в XVII-XVIII веках. Элиста, Калмыцкое кн. изд-во, 1993.
6. Буддизм: энциклопедия.М.: Эксмо; СПб.: Мидгард, 2008.

CONSTITUTIONAL DEBATES –
A WAY TOWARDS THE CONFLICT OVER ABKHAZIA
(THE LATE 1980-S AND THE EARLY 1990-S)

The present paper will highlight one of the foundations of contradictions between the central Georgian authorities and the local governing elites of Abkhazia, which started by the end of the 1980s and mostly ran through reconsiderations and re-interpretations of the soviet time constitutions of these units. Therefore, the Constitution of the Georgian SSR of 1978, the Constitution of the Abkhazian SSR of 1925 and the Constitution of the Abkhazian ASSR of 1978 will come under the focus of the present research. The comparative analyzes of the particular clauses from these constitutions will highlight the strengths of claims of the Abkhazian authorities on the secession from the Republic of Georgia and the foundations of insistence of the Georgian authorities on impossibility of legal separation of the Abkhazian Autonomous Republic from the Republic of Georgia based on these documents. It will be demonstrated that the Soviet time constitutions backed-up the institutional subordination of the Autonomous Republic of Abkhazia to the Republic of Georgia after the dissolution of the Soviet Union, as by the time of the emergence of conflict, the Republic of Georgia (together with the Autonomous Republic of Abkhazia) was pursuing its independent statehood on the basis of the Constitutions of the Georgian SSR of 1978 (before the *coup d'état* of Zviad Gamsakhurdia) and referred to the Constitution of 1921 of the Democratic Republic of Georgia (after the *coup d'état* of Zviad Gamsakhurdia) which, through the Article 117, granted Abkhazia (Sokhumi District) the right of autonomous governance in local affairs (№5, pp. 129-130).

The historical discourse of relations before the Soviet Union will be also highlighted. At that time, the three states of the South Caucasus/Transcaucasia were united in the Soviet Socialist Republic of the Transcaucasus. The Union Treaty of the Soviet Socialist Republic of the Transcaucasia, adopted on March 12, 1922, brought together the Soviet Socialist Republics of Azerbaijan, Armenia and Georgia (Article 1; Article 13) (№6). According to this constitution, Abkhazia was mentioned neither as an autonomous republic/member unit of the newly formed union, nor as a separate entity within the constituency of any member states. Later on, the treaty on the creation of the Union of Soviet Socialist Republics, signed on December 30, 1922, presented the Soviet Socialist Federative Republic of the Transcaucasus (TCSFSR – Georgia, Armenia and Azerbaijan) as the member states which concluded the treaty on the unification with the Union State – the USSR (№4, pp. 100-101). The Constitution of the USSR of January 31, 1924 brought the Soviet Socialist Federative Republic of Russia (RSFSR), the Soviet Socialist Republic of Ukraine (USSR), the Soviet Socialist Republic of Byelorussia (BSSR), Transcaucasus Soviet Federative Socialist Republic (TCSFSR: Soviet Socialist Republic of Azerbaijan, Soviet Socialist Republic of Georgia and Soviet Socialist Republic of Armenia) into one state – the Union of the Soviet Socialist Republics (№2). Thus, the concluding treaty on the creation of the USSR did not ground Abkhazia as a

separate entity within the newly formed union. Neither the treaty on the creation of Soviet Socialist Federative Republic of the Trans-Caucasus nor the Constitution of the Union of the Soviet Socialist Republics set the status of Abkhazia as an entity beyond the borders and rights of Georgia (SSR). Similarly, the Constitution of the Soviet Socialist Republic of Abkhazia (of April 1, 1925 which will be analyzed in some details) did not set the status of Abkhazia beyond the Georgian SSR within the TCSFSR or the USSR. Article 4 of the Constitution of the Soviet Socialist Republic of Abkhazia mentioned that the “Abkhaz SSR, united on the basis of Union Treaty with the Georgian SSR, enters the Transcaucasus Soviet Federative Socialist Republic through the Georgian SSR and as a member of latter, the USSR” (№1). That is, the Constitution of the Abkhazian SSR determined the status of Abkhazia within the framework of Georgia.

The constitutional debates over the status of Abkhazia demonstrate that hardly any pretext could be found for the separation of the Abkhazian ASSR from the Georgian SSR and, later on, of the Abkhazian AR from the Republic of Georgia on the basis of the Soviet constitutions. These constitutions bounded the two entities through the subordination of the Abkhazian ASSR to the Georgian SSR. In addition, after the coup d'état in Tbilisi, no change occurred in terms of the status relations of the two political entities, as the Constitution of 1921 referred by the Military Council as its legal basis, located Abkhazia within the framework of Georgia as well and at the same time granted autonomous status to the present day entity of Abkhazia, called Sokhumi District at that time.

References

1. Constitution of the Soviet Socialist Republic of Abkhazia (April 1, 1925)// Status of Autonomous Regions of Abkhazia and South Ossetia within Georgia (1917–1988). Collection of Political-Legal Acts. Tbilisi, 2005.
2. Constitution of the Union of the Soviet Socialist Republics (January 31, 1924)// Status of Autonomous Regions of Abkhazia and South Ossetia within Georgia (1917-1988). Collection of Political-Legal Acts. Tbilisi, 2005.
3. De Waal T. The Caucasus – An Introduction. Oxford: University Press, 2010.
4. Extract from the Treaty on Establishment of the Union of the Soviet Socialist Republics (March 30, 1922)// Status of Autonomous Regions of Abkhazia and South Ossetia within Georgia (1917–1988). Collection of Political-Legal Acts/ ed. Tamaz Diasamidze. Tbilisi, 2005, pp. 100-101.
5. Resolution of the State Council of the Republic of Georgia on the Resolution of the Supreme Soviet of the Abkhazian ASSR on “Stopping the 1978 Constitution of Abkhazia” (July 25, 1992)// Regional Conflicts in Georgia – South Ossetian AO. Abkhazian SSR (1989-2005). A Collection of Political and Legal Acts / ed. T. Diasamidze. Tbilisi, 2005, pp. 129-130.
6. The Union Treaty of the Soviet Socialist Republics of the Trans-Caucasus (March 12, 1922)// Status of Autonomous Regions of Abkhazia and South Ossetia within Georgia (1917–1988). Collection of Political-Legal Acts, Tbilisi, 2005.

**ФЕНОМЕН ВЛАСТИ В ОПЕРНОМ НАСЛЕДИИ
Н.А. РИМСКОГО-КОРСАКОВА**

Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ в рамках проекта проведения научных исследований «Философия музыки в России конца XIX – начала XX вв. в контексте проблем современности», проект № 13-33-01021

Отталкиваясь в раскрытии темы от понимания феномена власти как сложного взаимодействия индивидуальных воль и сил, составляющих основу институциональных форм государства и права (М. Вебер, М. Фуко, Р. Барт, Б. Рассел и др.), выделим силу Любви, порождающую и организующую жизнь человека, а также силу музыки, которая с древних времен наделялась магическими свойствами воздействия на людей и считалась лучшим средством общения с природой, душами предков, с могущественными силами добра и зла, жизни и смерти. Единение музыки со словом, с вешным миром сакрализует их смыслы, и оперный жанр, синтезирующий все эти компоненты, с наглядной очевидностью демонстрирует цели, мотивы, стремления, силы народа.

Опера – ведущий жанр в творчестве Н.А. Римского-Корсакова, который благодаря любви к музыке, таланту, требовательности к себе и трудолюбию сумел пройти путь от музыканта-самоучки до признанного в мире русского композитора, дирижера, педагога, профессора консерватории. Всю жизнь композитора не отпускала еще одна сила – сила русской природы и природы вообще, связанной в его мироощущении с идеалом Вечной Женственности. В беседе с В.В. Ястребцевым композитор говорил: «Оперы мои уже по самой сущности своей – самые религиозные, так как я всюду в них поклонялся природе или же воспевал это поклонение» [Цит. по: 1, 48]. Этот религиозный момент составлял, по мнению И.И. Лапшина, единство всего музыкального творчества Римского-Корсакова, его настроения, и такое аффективное отношение к миру как к целому есть показатель вселенского чувства, или космической эмоции, присущей композитору как величайшему певцу [1,48].

Пантеизм Римского-Корсакова можно считать интерпретацией того, что, по выражению А.Ф. Лосева, есть «самое самó», т.е. самое главное, самое существенное в мире и в каждой отдельной вещи. Самое само как «абсолютный первопринцип всего сущего и не-сущего» есть тайна, которая никогда не может быть раскрыта, но может являться. Допуская «бесконечное количество модусов своей собственной данности», самое само может быть дано только в интерпретативном символе, хотя никакой интерпретативный подход не может целиком исчерпать ни символ, ни соответствующую ему вещь, ибо они сами по себе гораздо больше своих проявлений. Но А.Ф. Лосев призывает «всячески освобождать духовную деятельность человека в создании символов интерпретации», так как, несмотря на условность, шаткость, гипотетичность интерпретирующей деятельности человека, «она есть отражение абсолютных энергий самого самогó. И в этом – гарантия их осмысленности и правды» [2, 332, 333, 337, 339,353].

Вряд ли Римский-Корсаков был знаком с трудами его современников – русских религиозных философов, утверждающих органическую связь идеи Вечной Женственности со смыслом Любви (В.С.Соловьев, В.В.Розанов, С.Н.Булгаков, И.А.Ильин и др.), однако лучшие страницы корсаковских опер отданы именно ей, и такое совпадение интерпретации самого самого симптоматично. Попытки композитора выразить эту идею на языке философии не увенчались успехом, но именно музыкой Римскому-Корсакову удалось сказать своё веское слово в её защиту. В свете выбора композитором сюжетов своих опер из истории и фольклора русского и, шире, славянского народа можно предположить, что отмеченные силы композитор относит к важнейшим в отечественной культуре. Символы самого самого представлены Римским-Корсаковым в обликах легендарных, но чаще сказочных, «внеземных» красавиц. Ольга в «Псковитянке», Марфа в «Царской Невесте», Панночка в «Майской ночи», Снегурочка в одноименной опере, Волхова в «Садко», Феврония в «Сказании о невидимом граде Китеже», Кашеевна в «Кашее Бессмертном» – все они погибают во имя Любви, сопряженной с долгом во благо своего народа, отчего смерть их – искупительная, просветляющая, всепримиряющая, утверждающая идею жизни, воскресения и бессмертия.

С этих позиций трактовка оперы Римского-Корсакова «Золотой петушок» как «тотального отрицания-глумления», вселенской катастрофы при отсутствии даже субъективно значимых ценностей [3], неубедительна. Опровергнуть подобную, весьма распространенную интерпретацию, может внимательное прочтение либретто (к примеру, слов Звездочета: Мудрецам дары не лестны: власть, богатство, сан известный даст нам лишнего врага. Но любовь мне дорога), а главное, пленительная музыка Шемаханской Царицы, образ которой певица Н.И. Забела-Врубель, пользующаяся особым доверием композитора, трактовала как образ Чуда, Добра и Красоты. Обращение Царицы к Солнцу, преобладание в её партии светлых, прозрачных, волшебных звукоцветов, изысканной чувственности, наличие в ней грозно-повелительных интонаций позволяет говорить о Божественном, «солнечном» происхождении Царицы. Однако её жажда любви не находит у людей адекватного ответа, и Додон, его сыновья и подданные, не прошедшие испытания любовью, наказывают сами себя. Неоднозначность образа Шемаханской Царицы дает право на интерпретацию его и как «темной бездны», воплощения лжи, зла и коварства, – нотолько с точки зрения немзыкального человека, или тупого Додона, распевającego слова любви на мотив «Чижика-пыжика», допустившего убийство, братоубийство и мечтающего лишь сласти кушать, отдыхать да сказки слушать, и, конечно же, погрязшего в рабстве народа, жалобно вопрошающего в финале оперы: Что даст новая заря? Как же будем без царя? Иницируемая Царицей смерть Додона рисует вовсе не гибель народа, а воскрешение истинной Любви с надеждой на осознание людьми, государственными правителями, каждым человеком собственных грехов и ошибок.

Литература

1. Лапшин И.И. Н.А. Римский-Корсаков. Философские мотивы в его творчестве // Русская мысль. М., 1910. Год тридцать первый, кн. X. С. 46-60.
2. Лосев А.Ф. Самое само. Миф – Число – Сущность. М.: Мысль, 1994. 919с.

3. Ляхович А. «Золотой петушок» Римского-Корсакова: мистерия отрицания и катастрофы // Израиль XXI: Музыкальный журнал. Режим доступа: <http://www.21israel-music.com/Petushok.htm>

НАТАЛЬЯ МИКЛИНА

«РУССКИЙ МИР» В ОПЕРНОМ ТВОРЧЕСТВЕ Н.А. РИМСКОГО-КОРСАКОВА

Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ в рамках проекта проведения научных исследований «Философия музыки в России конца XIX – начала XX вв. в контексте проблем современности», проект № 13-33-01021

«Вызовы», брошенные сегодня России, понуждают нас к поиску корневых основ русской ментальности, воплощенных в творчестве гениев отечественной мысли, которые интуитивно-рациональным, мистическим образом «схватывают» тонкие нити, связующие далекое историческое прошлое русского народа с насущными проблемами современности. Достоянное место в ряду таких гениев принадлежит Николаю Андреевичу Римскому-Корсакову, творчество которого в силу невербального характера языка музыки таит в себе немало мудрых мыслей и откровений. Наиболее явственно осознанные и неосознанные самим композитором прозрения проступают в его оперных произведениях, где музыка тесно связана со словом и сценическим действием.

Будучи «плоть от плоти» Земли Русской, её северных районов, Н.А. Римский-Корсаков выбирал соответствующие сюжеты своих опер, главные герои которых взяты из русской истории, литературы, русского и славянского фольклора, вбирающего в себя и пушкинские («Сказка о царе Салтане», «Золотой петушок»), и гоголевские («Ночь перед Рождеством», «Майская ночь») сюжеты, и сюжеты из жизни польского народа («Пан воевода») и славянских балтов, непосредственно граничивших в далекие времена с германскими племенами («Млада»). Обращение к драме А.С. Пушкина «Моцарт и Сальери», к... («Сервилия»), «восточные» мотивы в сказочных операх Римского-Корсакова не выходит за рамки русской традиции, пытающейся понять и по-своему истолковать жизнь народов мира. преобладает тихая, спокойно-повествовательная эпика, холодновато-таинственные звучности.

ДЖАЛАЛИТДИН МИРЗАЕВ

САЙИДЫ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ В КОНТЕКСТЕ ФОРМИРОВАНИЯ НАЦИОНАЛЬНОГО САМОСОЗНАНИЯ

Принадлежность к общности, которую мы сегодня обозначаем «нацией», является относительно новым явлением в истории. До сегодняшнего дня сохранились остатки прошлого самосознания, например, как семейно-клановые

связи в Центральной Азии. Поэтому надо констатировать тот факт, что нация – явление историческое, она формируется во времени, тем самым есть одна из многочисленных возможностей идентификации, границы и свойства которой постоянно меняются. В этом процессе изменение социального статуса и национального самосознания группы, впоследствии потеря групповой идентичности являются болезненными процессами для общества и требуют научного осмысления. В связи с этим представляется актуальным анализ аналогичных процессов с позиции исторической дистанции, исследование трансформации, которая уже завершена. Широкие возможности для исследования представляют процессы, происходившие в Центральной Азии с конца XIX века. Этот период истории дает в руки исследователя богатый материал, анализ которого может помочь в выработке концепций, объясняющих логику и механизмы процесса преобразований в прошлом и настоящем.

Нация для Центральной Азии была колониальной инновацией, привнесенной из Европы социокультурной моделью, получившей легитимацию в советский период. Доколониальный период жители Центральной Азии наряду с исламской идентичностью, игравший определяющую роль, использовали другие различные формы, подчас накладывающихся друг на друга. Например, идентичность, связанная с локально-территориальными сообществами, или родоплеменными традициями. Разделения на этнические общности были изобретены колониальными властями для совершенствования управления Центральной Азии, соответствовала классическому принципу «разделяй и властвуй». Но царизм управлял «сверху», через наместников, сохраняя в целом простор для действия традиционных для региона регуляторов.

В отличие от имперского советский колониализм имел свою специфику. Для большевистской партии, фактически порвавшей с присущей европейской социал-демократии идеей эволюционного развития, были присуща ориентация на революционный скачок, которая наглядно проявилась в национальном вопросе. Согласно большевистской теории, создание мировой коммунистической республики требует на какое-то время, переходной период, учета национального момента. Но всем процессом должна руководить Коммунистическая партия, интересы его идеологии и политики во всех случаях являются определяющими. Именно через призму этой главной линии и следует рассматривать ход создания советского многонационального государства. Советское руководство путем развития образования на местных языках закрепило стандарты языков национальных меньшинств, а также установила границы наций и этнических групп. На базе принципов якобы национального самоопределения были путем административной реформы созданы союзные и автономные республики. Национально-территориальное размежевание в Центральной Азии в первую очередь подгонялось под складывавшуюся систему «партия – государство». В то же время следует признать, что эти новые государственные образования возникли не на пустом месте, а в результате кристаллизации и комбинации определенных этнических образований, состоявших между собой в определенных связях. А различные статусные дореволюционные группы внедрялись в новые общности, и, как правило, в состав титульной нации территориального образования.

Формально дореволюционные статусные группы перестали существовать после 1917 г., так как исчезли юридические и институциональные основания для их воспроизводства, но их способы жизни и идентичности продолжали жить. Для того, чтобы они «растворились» в советском обществе, необходим был длительный и сложный процесс преобразования привычек, навыков, идентичности, приоритетов и ценностей. Для статусных групп Центральной Азии параллельно шел процесс отнесения себя к определенной этнической общности. И после революции, *саййиды* представляли собой «чистейший образец» наследственной элиты. В то же время, *саййиды* – единственная статусная группа внутри образованного слоя, которая, будучи сильно дифференцированной, все же обладала коллективной идентичностью, достаточно четким представлением о нормах поведения, правилах общения. Следовательно, из всех традиционных групп, *саййиды* дает исследователю наиболее богатый материал для изучения изменения самосознания и социальной структуры, а также для исследования механизмов “растворения” группы.

Собранные мной материалы из источников позволяют исторически воссоздать этапы формирования клана саййидов г. Термеза, которая берет свое начало со второй половины IX века. Термез был первым мусульманским городом Мавераннахра, где уже с 689 г. власть полностью переходит к приверженцам ислама. Результатом активной социальной динамики периода становления ислама явился процесс утверждения генеалогического принципа с возникновением новой иерархии, на вершине которой размещаются «*ахл ал-байт*» – члены дома Пророка. *Саййидами*, как правило, называлась та их часть, которая восходила в своей родословной к внуку Мухаммада Хусейну, сыну Али ибн Абу Талиба и Фатимы, племянника и дочери Пророка. Самоопределение группового сознания сопутствовало оформлению потомков дома Пророка как корпоративной группы и привело к консолидации особого типа ментальности, нашедшей отражение в культуре ислама. Повсюду, где властвовал ислам, возникли династии из потомков Пророка. *Саййиды* составляли обособленную привилегированную группу в иерархии мусульманского общества и пользовались большим авторитетом среди верующих. В сознании окружающих саййиды часто отождествлялись со святыми – *аулия*. Особенно подчеркивалась роль саййидов в качестве носителей божественного благословения – «*барак*». Вообще, считалось, что потомки Пророка проникнуты эзотерическим знанием, хранят божественное могущество и передают его своему потомству.

Саййиды сразу внедрялись в местные круги, заняв в них прочное ведущее положение. Они принадлежали к определенной профессионально-культурной среде, составляя наиболее образованную часть мусульманского общества. Эта среда характеризовалась занятиями умственным трудом, основанном на обладании знаниями, полученными в результате специальной подготовки, что обеспечивало ее высокий образовательный уровень. Им принадлежит авторство многочисленных трудов по различным направлениям средневековой мысли.

Термезские *саййиды* использовали все три языка мусульманского мира арабский, персидский и тюркский, последний стал их родным. Они вначале обеспечивали приоритет арабского языка во всех сферах общественной жизни.

В конце XI в. в городской культуре фиксируется широкое распространение языка *дари*, которая особенно ярко проявляется в поэзии. Таким образом, в городской среде функционирует письменный билингвизм: арабский как язык религии и науки; *дари* как язык поэзии. Дари, впоследствии обозначаемый термином *фарси*, постепенно вытесняет арабский язык и в других сферах. В течении XVI века, когда сунниты преследовались в Иране, они бежали в *Мавараннахри*, как правило, приютились в городах. Тем самым, в городской среде прирастает число носителей *фарси*. Под воздействием широкого распространения *фарси* в первой половине XVII в. с арабского на *фарси* переводится даже сакральный текст – *шаджара*, родословная термезских *саййидов*. Тем самым с этого времени фарси приобретает приоритетное значения во всех сферах письменной традиции, которая сохраняется до установлении советской власти. Из данного контекста следует, что термезские саййиды, так и другие саййиды Центральной Азии меняли свои языковые приоритеты в соответствии с теми или иными потребностями.

Советская система вначале содействовала отгеснению группового самосознания *саййидов* и постепенно сменила его на новое самосознание. Разрушение социальных институтов традиционного общества после 1917 года лишило представителей элиты возможностей воспроизводства социального статуса прежними способами. Изменение социального контекста способствовало тому, что произошла трансформация *саййидов* – ко второй половине XX века оно прекратило свое групповое самосознание.

РУДОЛЬФ МИРСКИЙ

НЕОНАЦИЗМ В УКРАИНЕ И ХОЛОКОСТ: ПОЛИТИКА НАЦИОНАЛЬНОЙ ПАМЯТИ И МЕТАМОРФОЗЫ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПРАВДЫ

После разочарований Оранжевой революции мало кто ожидал такого массового повторения Майдана в ответ на внезапный демарш правительства в вопросе евроинтеграции. Отказ Президента Украины от обещаний подписать Соглашение об ассоциации с ЕС в Вильнюсе возмутило общественность, и вывела на главные площади страны сотни, а затем и тысячи граждан.

Евромайдан на ул. Грушевского в Киеве на рубеже 2013–2014гг. стал символом революционного взрыва и всеукраинского протестного мирного восстания, актом гражданского неповиновения и гражданского героизма. Двигателем этого процесса явилось украинское студенчество, которое ранее воспринималось преподавательской средой как в основном легкомысленная часть нашего общества, не прошедшее достаточной патриотической и гражданской закалки. Региональный центр при львовской политехнике, созданный по инициативе автора этих строк 10 лет назад, явился единственной на Украине государственной образовательной структурой. Современные условия гражданского накала украинского общества требуют гносеологического прорыва,

особенно такой неврологической проблемы как Холокост в контексте цивилизационного выбора.

В последнее время некоторые немецкие общественные организации ФРГ начали воздвигать мемориалы «жертвам» вермахта на украинской земле. Это большие, по 2 га мемориальные комплексы в различных уголках Украины. Многие из них построены с явным попранием законов Украины – без всяких разрешительных документов или с серьёзными нарушениями. Эти комплексы часто цинично располагаются на местах массового уничтожения евреев, других мирных граждан, военнопленных Красной Армии и советских партизан.

Согласно итогам Нюрнбергского трибунала, немцы в Украине никак не могут быть жертвами, так как уничтоженные и замученные ими уже являются жертвами. Они могут быть только палачами, которые нашли смерть на чужой земле, на которую пришли с оружием.

Но, тем не менее, под патронатом президента Германии такие мемориальные комплексы, героизирующие солдат вермахта и именующие их «жертвами» возводятся на всей территории Украины. А немецкая сторона не только ухаживает за ними и поддерживает их в идеальном порядке, но и активно привозит в Украину своих школьников, показывая им эти мемориалы.

Расчёт простой. Кто будет бороться с могилами? Стоят немецкие кресты - пусть стоят. В то время, как памятников жертвам Холокоста мало, даже если они есть, они единичны, а мемориалы «немецким жертвам» поражают своими масштабами.

В украинской земле лежит много граждан СССР, много евреев – жертв Холокоста. Незаконно установленный бердичевский мемориал «жертвам» вермахта, по данным Службы безопасности Украины, установлен прямо на месте массового расстрела евреев и советских офицеров. Всё это результат продуманной государственной политики Германии и отсутствия какой-либо противодействующей принципиальной политики в данном вопросе со стороны Украины. К этому следует добавить бесхребетность еврейских организаций Украины, купившихся на деньги немецких фондов, и уроки искажённой истории о Холокосте, которые преподносятся молодежи некоторыми украинскими образовательными структурами.

В данной ситуации возникает опасность продолжения процесса воздвижения немецких мемориалов на могилах еврейских жертв и организации встреч немецких и украинских школьников. При этом отсутствует разрешение министерства образования и утверждённые программы для таких встреч.

Вот ещё один вопиющий факт: возле Винницы, несмотря на протесты многих граждан, и организаций, недавно был открыт музей на месте ставки Гитлера «Вервольф». Это место и без того всегда привлекало неонацистов. Теперь его окультуривают, планируют экспонировать личные вещи Адольфа Гитлера и рассказывать о его отношениях с Евой Браун. Для этих целей также нужна всесторонняя поддержка немецкой стороны, и Германия с удовольствием её оказывает.

Уже отстроена охранная вышка, откуда эсэсовцы расстреливали всё, что движется. Воссоздана полевая кухня. А вход в музей только через шлагбаум с красноречивой табличкой «HALT». Экскурсия уже включена в европейский

туристический каталог. В Виннице свободно продаются книги и диски о жизни Адольфа Гитлера и Евы Браун. Создание музея натолкнулось на серьёзное непонимание и неприятие общества. Противники музея считают создание мемориала на месте гитлеровской ставки цинизмом и актом героизации фашизма, который привлечёт скинхедов и неонацистов.

15 июня 2012г. президент Украины Виктор Янукович сказал в Виннице на встрече с журналистами, что вопрос о создании мемориального музейного комплекса «Вервольф» на месте расположения бывшей ставки должен пройти общественную дискуссию. Но такая дискуссия до сих пор не состоялась.

Сооружение по инициативе и финансированию некоторых немецких гуманитарных организаций ФРГ памятников погибшим немецким солдатам в Украине в районе Бердичева и других городов выглядит как результат гипертрофированной толерантности и полного искажения и фальсификации истории Великой Отечественной войны. Нужно обратить внимание на реальный общественно-политический контраст, который требует глубинного аналитического осмысления сути современной общечеловеческой трагедии Холокоста.

С одной стороны, неспособность и несостоятельность украинского полиэтнического народа, одного из победителей в Великой Отечественной войне, организовать и финансировать сооружение памятников жертвам Холокоста в знаковых местах – киевского Бабьего Яра и львовского Яновского концлагеря. С другой стороны, немецкий народ, побеждённый в той войне, явился способным для сооружения мемориалов погибшим немецко-фашистским солдатам как жертвам в различных регионах Украины.

В этом случае украинские дети будут изучать Великую Отечественную войну по памятникам «немецким жертвам». Как это возможно, когда жертва становится палачом, а палач жертвой?!

Таким образом, учитывая отмеченную опасную тенденцию расширения контекста трагедии Холокоста и приведённые нами иллюстрации её обезличивания и распыления, как никогда актуально звучит призыв Международного Стокгольмского конгресса 2000 г. о необходимости и насущности пересмотра изначальных парадигм нашей цивилизации для её спасения.

МИХАЭЛА МОРАВЧИКОВА

РЕЛИГИОФОБИЯ ИЛИ ВОЗРОЖДЕНИЕ РЕЛИГИИ? ИСЛАМ И ХРИСТИАНСТВО В ЕВРОПЕ

«Будущая культурная война не будет между верующими и неверующими, а во внутри лагеря верующих. Будет быстрее всего проводится секретно, чем в открытой форме на ослабление религиозной веры. Эта эрозия религиозной ортодоксии и фанатизма определенно будет касаться всех, и всегда найдутся такие фанатики, которые не смогут ничего другого, чем усовершенствовать свою боевитость» [1], утверждает в своей книге «Последние дни Европы» профессор современного искусства Уолтер Лагуер.

По утверждению Лагуера, в будущем произойдет стычка, даже можно сказать культурная война между верующими, Йозеф Ратцингер утверждает полностью противоположное. Ратцингер в своей книге «Европа Бенедикта из Нурси в кризисе культур» пишет: «Настоящее противоречие, которое представляет современное человечество, не проявляется между различными религиозными культурами, а между радикальной эмансипацией (освобождением) человека от Бога, от корней жизни на одной стороне, и между крупнейшими религиозными культурами на стороне другой. Если произойдет встреча двух культур, это не будет встреча двух больших религий – которые издавна воюют одна против другой, но, несмотря на это, всегда могут жить вместе – это будет встреча между радикальной эмансипацией человека и большими исторически культурами» [2].

Исламофобия или христианофобия?

«Религия может влиять на мир только тогда, когда она сама станет светской» [3].

Термин исламофобия начал применяться после 1998 г., когда с этим словом в наименовании вышел отчет Фонда Runnymede [4]. Применение термина «исламофобия», однако, можно обнаружить уже в 20-х годах XX века, но его использование еще не было широко распространено. В тоже время, когда призерницы исламофобии аргументируют, что ислам является ненавидимым, и что борьбе с исламофобией необходимо уделять большее внимание, критики данной теории (прежде всего, в Великобритании и Франции) утверждают, что это является псевдопроблемой. По мнению критиков исламофобии, не существует никакой коллективной вины или какой-либо специальной ненависти по отношению к исламу, как к религии. Наоборот, ислам, по их мнению, безразличен для европейцев.

В средние века христианство видело в исламе неприятеля, что было связано, прежде всего, с завоеванием Святой земли мусульманами и походами крестоносцев. В последующих столетиях ислам в европейском мышлении появлялся достаточно изредка. Занимались ним исключительно теологи и философы. В недалеком прошлом христианские церкви пытались создать межрелигиозный диалог с исламом. Пока что нельзя наблюдать значительных результатов этих стремлений, разве что некоторые локальные модели сожительства. Протестантский теолог и публицист Петер Хахне в данной связи утверждает: «нельзя удивляться, что мусульманские интеллектуалы считают диалог с христианами за потерю времени, если они видят, как по-несерьезному воспринимаем эту веру» [5].

Лагуер утверждает, что в последние годы возрастает неприязнь к мусульманам, это необязательно связано с их религиозной верой, а в основном с фактом, что большинство террористических актов совершили мусульмане. Более точным термином, соответствующим современной ситуации был бы термин «террорифобия» [6].

На другой стороне обнаруживаем несколько мусульманских критических и не критических высказываний, которые считают сосуществование ислама и либерально-демократического государственного строя достаточно сложным, но в переходный период реализуемый *modus vivendi*. Например, мусульм Баса-

ам Тиби, известный геттингенский профессор международных отношений утверждает, что «исламским способ игры является исламская мировая революция, глобальный джихад против глобальным неверующим». Пакистанский исламский духовный Али Мауди в своей книге «Исламский взгляд на политику» писал: «Ислам приказывает создание такого государства, в котором будет управлять всеми областями жизни. Это тоталитарное государство и никто не имеет право быть в оппозиции по отношению к его требованиям». Басаам Тиби далее продолжает: «Тот, кто отрицает присутствие нового тоталитаризма и его исламо-джихадских корней, препятствует тому, чтобы западные и исламские демократы соединились для защиты открытого общества. В интересах исламско-европейского мира необходимо завершить неоткровенный диалог» [7]. Эти слова могут понравиться каждому приверженцу исламофобии. Но при этом необходимо задуматься над тем, в какой мере они отражают реальность. Алия Изетбегович, бывший президент Боснии, в своей книге «Ислам между Востоком и Западом» пишет, что ислам не является только религией, но и единством веры, науки, морали и политики. Он утверждает, что существуют только три интегральные мировоззрения: религиозное, материалистическое и исламское. Религия в данном смысле воспринимается ним как «европейская», как вера, как эзотерическое впечатление, не переходящая в личное отношение к богу и проявляющаяся в догмах и ритуалах. Ислам, по его мнению, обозначает единство духа и материи, наивысшей формой которого является человек. Все человеческие недостатки, по его мнению, являются следствием, религиозного отрицания человеческих биологических потребностей или материалистического отрицания человеческих духовных потребностей [8]. Изербегович, хоть и сам не был мусульманином из «окраинны уммы», передал этим мусульманское понимание собственной религии. «Эта взрывоопасная смесь религии и политики развивает незаурядную силу в жизни тех народов, которые ее приняли. Ислам отождествляется с самой сущностью жизни» [9]. «В соответствии с формулой трех ,d' - dîn, dunjâ, dawla (религия, мир, государство) – является [ислам] одновременно законом, моралью, стилем жизни и культурой» [10].

Зададим тогда себе вопрос – на основании такого определения ислама можно ли вообще исповедовать аутентичный ислам в обществе, тенденции которого направлены на приватизацию религии, в обществе, в котором вытесняются все религиозные проявления в частные сферы? Является ли еще идея секулярного государства или идея лаициты актуальной? Или в связи с тезисом десекуляризации и ресекуляризации актуальным является вопрос общественной религии или общественных религий?

Христианофобия – самоопровержение Европы

«Исламское государство может, даже и должно опираться на воодушевляющие моральные корни, которые его создали; может и должно признать основные ценности, без которых не могло возникнуть и не могло бы прожить. Не может существовать государство абстрактного и исторического разума» [11].

Профессор Й. Х. Х. Вейлер, один из самых известных современных теоретиков европейской интеграции начал использовать термин «христианофо-

бия». Обозначает ним европейский феномен радикального отказа от религиозных истоков собственной культуры и неспособность кого-либо признать существование этих корней. Параллельно с попытками изгнать религию из европейского общественного пространства можно наблюдать и отрицание собственной религиозной традиции и ключевых формативных элементов современной европейской культуры. В более широком, прежде всего, политическом смысле, это не касается веры или понимания Бога и мира, которые могут быть интерпретированы по-разному, и у которых специфическая формулировка при определении политического порядка в секулярной Европе была бы проблематичной. Проблема касается акцептации корней, из которых возникла Европа, и которые являются основой того, что европейскую культуру делает европейской.

Корни христианофобии, вероятно, заложены в идеи секулярного или лаицкого характера государства. Кроме уважения индивидуального права религиозной свободы видно и очевидно тенденцию создания пространства для свободного сосуществования всех религиозных обществ включая их права на самоопределение. Начальное развитие было таким, чтобы религиозная проблематика постепенно исчезла из европейского политического пространства, а религия в рамках либеральной демократии стала частным делом, политический размер которого определяется личным участием отдельных лиц или соответствующих групп [12]. Эта видимость оказывала поддержку множеству социологических секулярных тезисов, а также политических проектов. Постепенно, однако, они были признаны как ошибочные или преодоленные. Можно поставить вопрос, является ли он именно тем, заявляющий о себе ислам, который в наибольшей степени способствует проверке тезисов секуляризации и практической политики стран? Какую задачу играет в данном процессе христианство и другие религии?

Страх от упоминания о христианстве на определенных местах, который достаточно сильно проявился при создании концепции евроконституции коекто понимает как проявление толерантности [13]. Не только на нехристиан, однако, может быстрее всего повлиять, как характеристика малодушного общества, которое не имеет ни о чем своего целенаправленного мнения. Рассуждения Ратцингера о том, что если произойдет конфликт культур, то это не будет конфликт религий – которые издавна ведут борьбу одна против другой, и, несмотря на это, сосуществуют, а будет конфликт с нерелигиозным миром, улавливают разницу между пониманием правды в религиозных системах и в «мирах», проповедующих «дискуссионное понятие правды». И, несмотря на то, что религиозная правда в отдельных религиях отличается, те, которые ее принимают в качестве жизненного стиля и способа мышления, считают существование правды естественным и в большей или меньшей мере способны и готовы толерантно относиться к другим путям поиска правды, чем их собственный. Постсовременная философская дискуссия, однако, развивает, вначале, прежде всего, американской антропологией установленную относительность и отменяет правду, как соответствие утверждений с действительностью. От утверждения В. Джеймса о том, что правдой является то, вера во что является для нас добрым делом, попадаем к неопрагматистам, которые предлага-

ют, полностью отречься от теории правды [14]. Таким образом, теряем землю под ногами, так как одна из сторон диалога определяет то, что для нее хорошо, считаться в каждый момент с чем то другим, или с несколькими противоположными вещами одновременно. Современный американский философ Н. Гуудман утверждает: «Никакое описание мира не является привилегированным, ни одно из них не улавливает сущность лучше, чем другое, прежде всего, потому, что сущность мира не существует...» [15] Если взаимное познание и понимание является одним из основных предпосылок спокойного сожительства, то существует место для беспокойства в связи с возможным монопольным положением неопрогматических философов, но одновременно их приглашение к диалогу вместе с представителями всех религий. Поиск консенсуса основных ценностей и общей этики путем укрепления индивидуальных добродетелей и общей справедливости является лучшим путем, чем резигнация, собственно говоря, единым приемлемым для тех, которые не заявляют о том, что никакого пути вообще не существует [16]. Единым из основных вопросов по отношению христианства к исламу может заключаться в том, является ли релятивистский подход к правде и собственно почти всему современным репрезентативным подходом западной иудеохристианской цивилизации? Если да, то тогда понятно, почему мусульмане не имеют серьезную причину вести открытый диалог с таким Западом.

Конец «конца религии»

«Можно ли вообще говорить о частно-общественной полярности, если религия не является делом мировоззрения, но включает также ритуалы и влияет на поведение?» [17]

Некоторые исследования, например, авторы труда «Mapping the Global Future» [18] показывают, что на протяжении последующих пятнадцати лет отчетливо возрастет задача и необходимость религиозной идентификации личности, которая станет одним из главных факторов самоопределения. Также очевидно, что исламская община в странах Европейского союза будет радикально подвержена влиянию возрастающего секуляризма и глобального материализма и будет стремиться воспользоваться всеми возможностями, которые позволяют демократическую систему, включительно обширного концепта человеческих прав и религиозной свободы [19]. Что представляет интерес, так это то, что выразительные проблемы с радикальными исламскими группировками можно наблюдать, прежде всего, в таких странах, как Франция и Голландия, которые декларируют религиозную толерантность и секулярное государство. Казалось бы, что данное «идеологически опустошенное» политическое пространство провоцировало к заполнению больше, чем в странах, в которых политика, хотя бы формально заявляет о христианской культурной традиции и на ней основанной ориентации ценностей. Как будто бы действовал мусульманам приписываемый, и естественно упрощенный, подход «нам не мешает ваше христианство, нам мешает ваше неверие». В связи с этим утверждение Ратцингера является намного реальнее, чем утверждение Лакуера. С другой стороны, можно наблюдать то, что государство, которое называет себя идейно нейтральным, в котором религия является частным делом, сильно заботится о религиозных символах, какими являются, например, кресты или платки.

Примером является французский закон об острентативных религиозных символах (так называемый закон о платках), который ужесточает религиозную нейтральность государства и препятствует проявлениям религиозной идентификации в общественных школах. Но при этом кажется, что это быстрее всего проявление фальшивой уравниловки. Очевидно, закон был принят для того, чтобы поразить радикальную часть французской мусульманской общины, но при этом он запрещает использовать религиозные символы также и приверженцам других религий. Прокламированное религиозно нейтральное государство, однако, вообще не должно было бы заботиться о религиозных символах на телах своих граждан. А если оно это делает, то также должно заботиться о других внешних проявлениях идентификации идей или движений [20]. Прокламированное стремление к нейтральности государство перешагнуло, или же активно вмешалось исключительно протирелигиозно. Для воплощения в жизнь положений «закона о платках» еще необходимо добавить различные, часто беспорядочные, или имеющие рекомендационный характер, постановления судов в различных европейских странах в вопросах религиозных исключений, свободы совести или характерных «спорах о foulard».

Кроме того, мы являемся свидетелями нефункциональности лаицизма и французской республиканской веры в гомогенном обществе во Франции, также как и свидетелями нефункциональности многокультурности Великобритании, что проявилось либо беспорядками, которые полностью показали себя в Клиши-сюр-Буа, или террористическими актами в лондонском метро. Это результат того, что в крупных мировых традициях существует абсолютная профанность, которая искусственно создавалась на Западе чем-то глубоко чужим [21].

Религиофобия или возрождение религии? Необходимость диалога крестьян, мусульманов и секуляристов.

«Принцип, связанные с культурным и моральным релятивизмом, имеют значительно более широкие последствия и европейские общества с ними должны будут жить» [22].

Не только период в Европе, когда религия должна была стать в углу, так как на определенное время доминировал секуляризм, но и культурный и моральный релятивизм, на нем основанные взгляды и ослабление или даже потеря чувства ответственности и способность принять однозначную точку зрения являются коэффициентами осложняющими взаимный диалог между религиями, а также религиями и секуляристами. Карен Армстронг в «Постскрипtum об исламе» в своей книге «Ислам» пишет: «Видно, никогда не было так важно правильно понять ислам как до сих пор». Автор продолжает размышлять о катастрофе, которая могла бы произойти, если бы и далее культивировался искаженный образ об исламе, и если бы эта религия считалась врожденным неприятелем демократии и ценностей, которые проповедует приличное общество. Такой подход по ее мнению, «нарушил и любовь к правде и уважение священных прав других. Эти ценности лучше всего характеризуют традиции обоих обществ – западного и исламского» [23]. Вопрос подхода кажется ключевым, вопрос подхода Запада и Востока, избавленные в одинаковой мере, как ориентализма так и оксидентализма, а, прежде всего, - исходя из правильного

понимания собственной идентичности как предпосылки конструктивных отношений к другим культурам и религиозным традициям [24]. «Боязнь возникает в результате потери нашей фактической идентичности» [25] Европа должна избавиться боязни от чувства потери собственной идентичности, снова ее найти и возродить, учитывая все существующие факты современного времени. Европейская культура возникла из многих корней. Чувствительные уши гуманистов или материалистически ориентированных «современных европейцев» тяжело воспринимают убеждение о том, что христианство, которое абсорбировало Иерусалим и Афины, решающим способом сформулировало черты лица континента. Различным религиозным течениям во время прошлых столетий европейской истории не удалось наклонить чашу весов в свою сторону, хотя на развитие культуры старого континента, иногда в большей мере, а иногда меньшей, но, несомненно, оказывали свое влияние.

В конце концов, возврат к тем христианским ценностям, которыми овладела еще языческая Европа и сегодня они воспринимаются, как всеобщие человеческие ценности, является неизбежным. Это возврат к базовым ценностям, которые теряются во мгле относительности добра и зла. К предпосылкам возможности диалога между религиями и религиозными и нерелигиозными группировками европейцев неизбежно отклониться от радикального морального релятивизма. Как от мусульман мы будем требовать, чтобы немусульманскую общественность не провоцировали заявлениями типа «наш бой не закончится до тех пор, пока над (канцелярией британского премьера) Даунинг стрит, 10 не будет поднят зеленый флаг ислама», так же последовательно мы должны требовать и того, что красть и клеветать – это плохо и тогда, когда такого рода занятие будет названо каким-либо постметафизическим эвфемизмом «постхристианской Европы». Кажется, что диалог все еще только начинается и для начала необходимо определить свои собственные позиции.

Литература

1. Laqueur W. Poslední dny Evropy... Humanistická Evropa nebo islamistická Eurábie? Praha: NLN, 2006. P. 168.
2. Ratzinger J. Evropa Benedikta z Nursie v krizi kultur. Kostelní Vydří: Karmelitánské nakladatelství, 2006. P. 37.
3. Izetbegović A. Islám mezi Východem a Západem. Brno: TWRA, 1997. P. 221.
4. Рабочей группой, которая занималась изучением фобий перед исламом и мусульманами и ненависти к ним, руководил профессор Гордон Конвей, биолог, вице-ректор Сассекского университета, позже президент фонда им Рокфеллера. Фонд имени Рокфеллера – британская организация, которая занята борьбой против расовой дискриминации и поддержкой близких отношений между этническими меньшинствами.
5. Hahne P. Konec legrace. Německo na kolenou! A co my? Praha: Návrat domů, 2007. P. 43.
6. Laqueur W. Poslední dny Evropy... Humanistická Evropa nebo islamistická Eurábie? O.c. P. 66.
7. WamS 9.5.2004// Hahne P. Konec legrace. Německo na kolenou! A co my? O.c. P. 44.
8. Izetbegović A. Islám mezi Východem a Západem. O.c. P. 5.
9. Izetbegović A. Islám mezi Východem a Západem. O.c. P. 11.
10. Müller Z. Islám. Praha: Svoboda, 1997. P. 37.

11. Ratzinger J. Európa. Jej základy v súčasnosti a v budúcnosti. Trnava: Spolok svätého Vojtecha, 2005. P. 112.
12. Fiala P. Evropský mezičas. Nové otázky evropské integrace. Brno: Barrister&Principal, 2007. P. 87, 93-94.
13. Теорию влияния масонского влияния в данном направлении разрабатывает Мануэль Гуэрра Гомес. Лаицизм, альтернативная религия? // Veličová, Silvia (ed.) Moderné náboženstvo 2. Modern Religion 2. Bratislava: Ústav pre vzťahy štátu a cirkví, 2006. P. 26.
14. Davidson // Rorty R. Filozofické orchidey. Bratislava: Kalligram, 2006. P. 12.
15. Goodman N. // Rorty R. O.C. P. 11.
16. Moravčíková M. ...,Or not!“ Ludské práva a relativizmus – moderné „spoločenské“ paranáboženstvá alebo predstupne hľadania konsenzu o základných hodnotách? // Veličová S. (ed.) Moderné náboženstvo 2. Modern Religion 2. O. c. P. 70-71.
17. Schneider J. Opatrné ano veřejné roli náboženství// Hanuš J., Vybíral J. (eds.) Evropa a její duchovní tvář. Eseje – komentáře – diskuse. Brno: Centrum pro studium demokracie a kultury, 2005. P. 117.
18. National Intelligence Council's. Washington, 2005.
19. Čikeš R. Registrácia cirkví a náboženských spoločností verzus náboženská sloboda// Moravčíková M., Lojda M. (eds.) Islam v Európe/Islam in Europe. Bratislava: Ústav pre vzťahy štátu a cirkví, 2005. P. 14.
20. Fiala P. Evropský mezičas. Nové otázky evropské integrace. O. c. P. 91-93.
21. Ratzinger J. Európa. Jej základy v súčasnosti a v budúcnosti. O. c. P. 35.
22. Laqueur W. Poslední dny Evropy... Humanistická Evropa nebo islamistická Eurábie? O. c. P. 137.
23. Armstrongová K. Islam. Bratislava: Slovart, 2002. P. 225.
24. Reale G. Kulturní a duchovní kořeny Evropy. Za obrození evropského člověka. Brno: Centrum pro studium demokracie a kultury, 2005. P. 150.
25. Saint Exupéry A. de. Válečný pilot. Praha: BB Art, 2000. P. 199.

ДМИТРИЙ МУЗА

А.С. ПАНАРИН О СТРУКТУРОГЕНЕЗЕ И ИНТРИГАХ ВОСТОЧНОГО МЕГАЦИКЛА ВСЕМИРНОЙ ИСТОРИИ

Известно, что А.С. Панарин выдвинул и отстаивал гипотезу биполушарной структуры истории, и соответствующих логике её развития восточно-западных (1000- и 500-летних) мегациклов. Кроме того, он отталкивался от вертикально-горизонтального распределения социокультурного «вещества» и движения духовных энергий по осям: Север – Юг и Восток – Запад. Наконец, он видел (в соответствии с установками цивилизационной теории) структуру истории как взаимодействие цивилизационных миров.

«Замкнувшийся круг модерна» или переход западных социокультурных ценностей в свою противоположность («контрмодерн»), поставили перед незападными цивилизациями задачу духовно-нравственного реформирования истории. Иначе: в переходе исторической инициативы от Запада к Востоку.

Причем в знаменателе западного мегацикла значились не либеральная демократия, права человека, технократия и рынок, «новый Эдип» и мораль успеха, а «онтологический нигилизм, индивидуализм и репрессия». Проще:

груз милитаристских, социально-экономических, технологических, демографических, ресурсных и экологических проблем.

Именно они, в виде «вызовов» со стороны западной постхристианско-постпросвещенческой технологически-рыночно-урбанистской цивилизации, обращены к мусульманской, индо-буддийской, конфуцианско-даосской и православной цивилизациям. «Ответ» этих цивилизаций ожидает быть разным, в зависимости от сохранности базисного суперэтнического текста, состояния «символического капитала» и комплементарной истории идейно-ценностной мотивации. Проще: способности цивилизаций – в лице «творческого меньшинства» – найти внутренние духовные средства для реформирования истории.

При этом понятие «Восток», по А.С. Панарину, включало в себя «периодическую систему элементов восточного опыта»: конфуцианского, даосского, иудейско-буддийского и исламского. Главная проблема Востока – породить общий синтетический язык для реформации истории (перевода её интриги в неугильтарный, неэмпирически-потребительский и неноминалистический фазис).

На этом пути особую роль должна сыграть Россия как евразийская цивилизация, соединяющая в себе структурно-осевые координаты. Именно она способна инициировать (на основе культурного наследия цивилизаций Востока, а затем и политической прагматики) создание полноценного «евразийского союза». Но прежде должны оформиться частные «союзы» России и Китая, России и Индии, России и стран, входящих в мусульманскую цивилизацию. Само конституирование союзных отношений, по мнению А.С. Панарина, предопределено этикоцентризмом культурных традиций этих цивилизаций. Они принципиально отличны от главных стимулов цивилизации модерна (постмодерна) – наживы и страха. Их информационные коды содержат т.н. моралистический монизм, или систему космо-, эко-, и культуроцентричных координат. Иначе говоря, они подчиняют экономическую и техническую деятельность человека более гармоничной модели бытия, где совесть и ответственность, прилежание и солидарность – суть инварианты.

Кроме того, исследуя природу России как цивилизации (например, в работах «Православная цивилизация в глобальном мире» (2002), «Стратегическая нестабильность в XXI веке» (2003) и изданной посмертно - «Русская культура перед вызовом постмодернизма» (2005), Панарин пришел к еще более эвристичным выводам.

Определяя её как православную цивилизацию, он нашел, что поиск адекватного «ответа» на атлантизм (западничество) связан с анамнезом и герменевтикой базисного восточнохристианского (византийско-болгарско-древнерусского) суперэтнического текста. Именно этот текст содержит необходимые реалистические установки: космологические, антропологические и социальные. В нём заложен принцип творческой аскезы (противоположный гедонизму потребителей) и упование на конечное торжество «униженных и оскорбленных» (оставленных Западом вне истории). Но главное, он содержит нравственно-волевую идею «переоткрытия» единства человечества, общую для всех судьбу и ответственности за неё: «законы православного бытия тако-

вы, что мы не можем открыть «иное» для самих себя – оно не приватизируемо. Только открыв его для других, мы имеем шанс обрести его для себя».

Иначе говоря, духовный ресурс православной цивилизации – это евангельская этика и сотериология, нацеливающие на универсальную культурно-историческую перспективу.

Таким образом, структура и интриги восточного мегацикла содержат не только творческие сюрпризы, обращенные к Истории, но они заставляют Историю реплицировать тот диалогизм, который и есть адекватная форма исторического бытия.

ДИЛЯРА МУФТАХУТДИНОВА

ПЕСНИ СОЦИАЛЬНОГО ПРОТЕСТА ПОВОЛЖСКИХ ТАТАР КОНЦА XIX – НАЧАЛА XX В.

Принято считать, что музыкальная культура мусульманских народов до XX века была примитивна и однообразна, что ислам сковывал творческий потенциал этносов, относящихся к мусульманской цивилизации, и не давал развиваться душевным порывам, передаваемым через музыку и пение. Однако это глубоко ошибочное мнение. Чему пример музыкальные традиции поволжских татар конца XIX - начала XX века. Это время пробуждения этнического самосознания татарского народа. Время формирования татарской буржуазной этно-нации. Эти новые явления непременно были замечены властями, так казанский губернатор П.Боярский отмечал, что если раньше на вопрос какой ты нации, татарин отвечал «мусульманской», то теперь он пишет, что: «в Казанской губернии тяготение к религиозному фанатизму ослабевает и крепнет стремление к поднятию народности, усвоению татарского национализма и созданию самостоятельной мусульманской культуры» [1, с. 79].

Конец XIX–началоXX века –это времянеобыкновенного подъёма культуры и престижа образования в татарской среде. Этот факт подтверждает статистика. С 1895 по 1912 гг. число татарских школ в Казанской губернии увеличилось с 647 до 1088, а число обучающихся в Казанской губернии увеличилось с 33 тыс. до 85 тыс. [2, с. 15]. В подготовительных материалах «Особого совещания по выработке мер для противодействия татаро-мусульманскому влиянию в Приволжском крае» приводятся следующие данные: «Общее число учащихся в мектебах и медресе Казанской губернии приблизительно 70000 человек, причем один учащийся приходится на 9 мусульман и одна учащаяся на 12 мусульманок. Из означенных данных видно, что дело начального образования у мусульман поставлено значительно выше, чем у местного русского населения, в котором, при условии включения в число учебных заведений университета, духовной академии, юнкерского училища и всех средних учебных заведений, один учащийся приходится на 14 человек, а одна учащаяся на 55 человек» [3, с. 314].

Таким образом, по уровню массовой грамотности населения татары-мусульмане занимали одно из первых мест среди народов российской империи.

Наряду с литературой, прессой и книг исторического содержания именно народная и авторская песня создавала чувство благостного единения и душевного подъема людям, относящимся к разным социальным слоям, но объединённым единой исторической памятью и национальной самоидентификацией. Именно в это время среди татар самых разных сословий широко распространяются и сочиняются песни социального протеста и песни исторического содержания. Замечала ли такое явление власть? Разумеется, и власть, и христианские миссионеры пристально наблюдали и пытались пресечь эти новые явления мусульманской культуры. Вот как об этом сообщалось в Миссионерском сборнике за 1894 год: «Министр народного просвещения... уведомил, что в магометанских школах сих округов употребляются, кроме печатных книг религиозного содержания, рукописные книги и тетради, заключающие в себя стихи и песни на татарском языке, в которых оплакивается зависимость татар от Российского государства, восхваляются турки и другие мусульманские народы, умаляется значение русского народа, выражается сожаление об участи мусульман, призванных к отбыванию воинской повинности, прославляется сила ислама, внушается надежда на будущее торжество магометан над неверными и т.п.» [4, с. 218].

Правительство предприняло ряд мер репрессивного характера. Оно запретило обращение напечатанного в России Корана, подчинило строгой цензуре все издания на татарском языке, ограничило участие татар в органах местного самоуправления-земствах, запретило принимать в мектебы и медресе детей татар, отпавших от православия, ввело образовательный ценз для мусульманского духовенства, основным требованием которого было знание русского языка, мусульманские конфессиональные школы были переданы под надзор Министерства народного просвещения, хотя государством они не финансировались.

В этих условиях песенное творчество распространялось методом «сарафанного радио». В век, когда не было телевидения и интернета, люди более тесно вечерами общались и, конечно же, пели. Песни эти распространяла и сочиняла, прежде всего, мусульманская молодёжь. Особенно учащиеся новометодных (джадидистских) медресе. Вот как об этом сообщается в упомянутом нами отчете: «Песни эти учениками поются в свободное время в школах и домах родителей, среди собравшегося народа и являются настолько распространёнными, что сборники оных, составляют принадлежность почти каждого грамотного ученика – татарина, могут быть найдены в каждом доме, из которых ученики ходят в медресе или мектебе. Нередко ученики приносят в школы песни, записанные их отцами и братьями во время их ученической жизни, но большинство таковых песен сочиняются взрослыми шакирдами». По свидетельству одного из бывших шакирдов, писателя Сайфи Кудаша «в свободные от занятий дни медресе напоминало музыкальную школу» [5, с.229-230].

Интересно, что песни шакирдов медресе в итоге переросли в гимны татарского студенчества и были широко распространены в период первой бур-

жуазно-демократической революции 1905–1907гг. Такие песни как: «Беренче сада» («Первый клич»), «Икенче сада» («Второй клич»), «Мусульманская Марсельеза», «Шәкертләр жыры» (Песня шакирдов) на стихи Г.Тукая шакирды пели на митингах и демонстрациях во время первой русской революции.

Литература

1. Цит. по: Исхаков Д.М. От нации «мусульманской – кнации «татарской» // Татарстан. 1995. №9-10. С.79.
2. Амирханов Р.М. Очерки истории татарской общественной мысли. Казань, 2000. С.15.
3. Труды особого совещания по вопросам образования восточных инородцев. СПб., 1905. С. 314.
4. Историческое и современное значение христианского миссионерства// Миссионерский противомусульманский сборник. 1894. Вып. XX. С.280.
5. Историческое и современное значение христианского миссионерства// Миссионерский противомусульманский сборник. 1894. Вып. XX. С.281.
6. Кудаш С. Незабываемые минуты// Кудаш С. Навстречу весне: повесть; Незабываемые минуты: воспоминания; по следам юности: рассказы о прошлом. М., 1974. С.229-230.

РИНАТ НАБИЕВ

ВОЗРОЖДЕНИЕ ИСТОРИКО-КУЛЬТОВЫХ ОБЪЕКТОВ ТАТАРСТАНА В КОНТЕКСТЕ ПОЛИТИКИ ПАМЯТИ

В устойчивом развитии многонационального и поликонфессионального государства этноконфессиональные отношения являются важным фактором единства и согласия в обществе. Для поддержания их требуется постоянные научные поиски и реализация эффективных форм работы. Актуализированность межрелигиозного взаимопонимания в мире и стране вызвана необходимостью преодоления ксенофобий, исламофобий, возникающих конфликтов на религиозной почве. Следует выделить ряд уровней межконфессиональных отношений, который имеет степень интолерантности, терпимости, толерантности, комплиментарности и взаимоуважения.

История Волго-Уралья как будто специально предназначена для того, чтобы сыграть роль научного объекта для изучения модели мирного добрососедства, процесса формирования навыков толерантного поведения, обеспечивающего самосохранение уникального общественного социума, хотя бы и представляющего собой конгломерат различающихся по языку и вере общин. Всего населения в Республике Татарстан 3786488 чел., в т.ч. татар – 2125710(53,2%); русских – 1501369 (39,7%) и др. по результатам переписи 2010 г. [16, с.7]. 1 января 2013 г. в Татарстане, по данным Управления Минюста РФ по РТ, зарегистрировано 1594 религиозные организации. В их числе: 1194 мусульманских, 305 православных, 95 иных, главным образом протестантских. Наглядным выражением процесса религиозного возрождения в республике стало культовое строительство и реставрация переданных в пользование и собственность религиозным организациям храмов. В настоя-

щее время функционируют 1763 культовых здания и молитвенных дома различных конфессий, из которых в пользовании и собственности у мусульман находятся 1382 мечети, у православных – 320 храмов, а также 61 молитвенный дом – у других конфессий [17]. По количеству религиозных общин Татарстан относится к числу лидеров среди субъектов Российской Федерации.

Внимание ученых к российскому религиозному возрождению возрастает, причем оно изучается даже с неожиданных сторон, например, развитие социально-политической лексики применительно православного русского и исламского русского социолектов (социальных диалектов) [2, с. 403-416]. Важной стала политика памяти в современном мире, которая считается основой любой возможной серьёзной и последовательной политики. Ведутся поиски, есть ли различия между исторической или национальной памятью как неким состоянием, функцией и политикой памяти, как осознанно генерируемой и реализуемой идейной, информационной и политической стратегией? [3], - справедливо задается вопросом Иван Фомин, шеф-редактор журнала «Со-крат».

Как известно, в современных условиях преобладающим компонентом исторической памяти является рефлексия по поводу негативного опыта этноса – носителя данной совокупности представлений о событиях прошлого. Этот сегмент коллективной памяти ещё более усилился, поскольку криминализация и виктимизация минувшего повсеместно способствовали превращению «национального романа» в криминальную хронику. Насильственные формы христианизации в регионе, революционный террор и гражданские войны, колониальные завоевания и работорговля, мировые войны, тоталитарные режимы и сотрудничество с ним – это далеко не полный список тем, которые выдвинула на первый план демократическая критика национальной истории [4].

Спекуляция в подобных вопросах в пространстве массовых коммуникаций в условиях подъёма памяти и возрастания конфликтогенности на этноконфессиональной почве представляет большую угрозу. Гражданская ответственность историознания, а равно коммуникативных институтов и общественных структур должна проявиться в том, чтобы способствовать выработке исторической политики, направленной на утверждение в качестве основных интерпретаций исторических сообщений и преданий, в каких превалирует позитивное восприятие знания о прошлом, включая вопрос о взаимоотношениях с «соседями» по культурно-историческому развитию [5, с.70]. В данном случае речь идёт не только о содержательном переструктурировании обывденного исторического сознания, но и придании ему более систематизированной формы и использование в этом процессе долговременных идейно-организационных мероприятий. В условиях посткоммунистического кризиса и возвращения в сферу сознания теологических знаний позволили более углубленно взглянуть на историческое прошлое с точки зрения реалии постсекулярного общества [6, с.320].

Конструирование комплиментарной интегрированной памяти татарского и русского народов на основе освоения их историко-культурного и религиозного наследия предпринято в Татарстане на протяжении последних десятилетий. Конкретные шаги в этом направлении были включены в процесс религи-

озного возрождения как с точки зрения проведения конфессиональной политики, так и по реализации конкретных проектов. В этом плане в конфессиональной политике следует выделить позицию государства относительно «соблюдения баланса интересов двух крупных конфессий – ислама православия и равенство всех религиозных объединений перед законом», а также «религия отделена государство, но она не отделена от общества». При поддержке государства был осуществлен проект восстановления Благовещенского собора и воссоздания мечети Кул Шариф в Казанском кремле. Эти работы завершены к празднованию 1000-летия Казани.

Особо следует выделить значение специального фонда в развитии взаимопонимания между конфессиями, созданного по инициативе первого Президента РТ, Государственного советника М.Ш. Шаймиева, который возглавил Попечительский совет данного республиканского Фонда возрождения памятников истории и культуры Республики Татарстан. Комплексный проект «Культурное наследие – остров-град Свияжск и древний город Болгар» на 2010–2013годы был утвержден 5 октября 2010 г. в Казанском Кремле на заседании попечительского совета Республиканского фонда «Возрождение» [7].

Коллектив Казанского федерального университета вносит заметный вклад в разработку научной составляющей проекта, его ректор является председателем Экспертного совета фонда «Возрождение», а директор Института международных отношений, истории и востоковедения Казанского федерального университета – членом Попечительского совета фонда. При проведении археологических исследований на объектах Болгара и Свияжска специалисты университета используют геофизические и иные методы естественных наук. Это служит не только получению достоверной исторической реконструкции объектов и проведению масштабных работ по музеефикации этих объектов, но и позволяет обеспечить доступ населения к картине культурного наследия Болгара и Свияжска. Можно отметить, что в основу проекта «Болгар – Свияжск», по сути дела, положена идея межцивилизационного / межкультурного взаимодействия в полиэтноконфессиональной Поволжской ойкумене.

В контексте политики памяти эти объекты представляют собой сегменты памяти, которые занимают значительное место в коллективных представлениях о прошлом у народов, населяющих территорию современного Татарстана. Вместе с этим следует выделить ряд значимых событий и процессов, интегрированных в историко-национальную память народов.

Достигнутая атмосфера межконфессионального согласия и религиозной толерантности в республике является результатом сложных многовековых межконфессиональных отношений в регионе и все это отнести к успеху лишь современных политиков местного и федерального уровня было бы несправедливо. В исторической памяти народов сохраняется непростой процесс формирования толерантных отношений между ними. Если обратимся к истокам взаимоотношений религий, например, в Волжской Булгарии, то станет очевидным, что болгарские и кыпчакские предки татарского народа еще до монгольских завоеваний, будучи язычниками или мусульманами, были знакомы с представителями христианства (как православия, так и католицизма), несторианцев, буддизма, манихейства и т.д. В этом государстве мирно уживались раз-

ные религии, а переход от тенгрианства к более высокой исламской цивилизации происходил мирным и добровольным путем, оставляя свой позитивный отпечаток в социокультурной истории и менталитете народа.

Прагматичная и весьма тонкая политика в сфере религий чингизидов выработала атмосферу религиозной свободы и межконфессиональной толерантности. Основа этой политики была заложена в знаменитом Ясе – кодексе законов Чингисхана. Известно то, что при всём многообразии смыслов культурно-исторических символов в социальной памяти откладывается обозначенное явление, своеобразный доминирующий денотат. Даже при исторических разночтениях значимости древних поселений «Билляр» и «Булгар» семантическое ядро понятия «Болгар» связано с принятием в 922 г. ислама тюркоязычными племенами, организованными в рамках раннегосударственного объединения Волжская Булгария. Столица ее претендует на включение в список всемирного культурного наследия. Отражением менталитета народа и бережного отношения к историческим памятникам стало бурное сопротивление общественности установлению памятника барсу в образе «Хранительницы» Даши Намдакова.

Вместе с тем, подтекст другого крупного историко-культурного символа региона – Свяжска отсылает к событиям завоевания Казанского ханства – в известном смысле исторического преемника Булгарии – войсками Ивана IV, что оставило глубокую рану в сознании народа. Дело в том, что одним из последствий этого явилась дискриминация покорённого населения (мусульман и язычников) по религиозному признаку путем проведения насильственной христианизации. Значимость его усилено еще тем, что именно отсюда ведется отчет начало формирования Российской империи, что связывает на этой площадке идеи православия и государственности. Храмы, возведенные на этом острове, поистине представляют собой уникальные историко-архитектурные памятники.

При многообразии исторических форм контактов, борьбу и сотрудничество, жесткие конфликты и культурные заимствования в Поволжье и Приуралье происходила цивилизационная и духовная притирка сопредельных народов – восточных славян, тюрко-татарского и финно-угорского этносов, мусульман и православных. Оказавшись в середине прошлого тысячелетия в едином государственно-политическом пространстве, народы Поволжья не растворились в «плавильном котле» истории, а развивались вместе, сохраняя при этом свои традиции и самобытность. В укреплении спокойствия и миролюбия в этноконфессиональных сферах, в определении этнокультурной идентичности на передний план выходит именно те стороны исторического опыта, который отражает стремление к миру и согласию, к открытости к диалогу. В целях сохранения мира и спокойствия нужно высказаться в пользу умиротворения возбуждённой исторической памяти и формирования изначально позитивного образа совместного прошлого проживания народов как залога стабильного развития социума. Поскольку обыденное историческое сознание покоится на субъективных основаниях, укоренено в психоментальных структурах сознания и поэтому оно не выстраивает строгую логическую схему и не нуждается в поисках детерминированности.

На более осознанном уровне идеи мирного сосуществования и религиозной толерантности рецепируются, например, в творческом наследии татарских мыслителей. В контексте восстановления крупных символов веры и культуры (например, Свяжск, Булгар) эти вопросы наполняют их смысловым содержанием. В свое время известный историк мусульманской культуры, выдающийся общественный деятель, муфтий Разаетдин Фахретдин отмечал, что татары во время и после завоевания Казани не стремились создавать единый мусульманский фронт против завоевателей – христиан. Это несмотря на то, что «крестовые» походы Ивана Грозного, в войсках которого были много татар и других народов, проводились против «неверных» и «бусурман». В этой связи Д.С. Лихачев отмечал, что борьба Московского царства против татарских ханств носила, в отличие от прежних эпох, религиозный характер.

Вопреки призывам к газавату, среди интеллектуалов Казани были активные противники подобного шага. Например, через все творчество выдающегося поэта-мыслителя Мухаммедьяра, творившего в этот период в Казани, красной нитью проходит широко известная мысль о первостепенном значении не религиозных ритуалов, а справедливых, гуманных деяний [8, с. 203-204].

Важное влияние на эволюцию межрелигиозного восприятия в России оказали произведения мусульманских мыслителей и модернистов: Абдрахим Утыз – Имани, И. Гаспринского, Ш. Марджани, Г. Баруди, М. Бигиева, Девлет-Кильдеева, Мурзы Алима, Петербургского ахуна А. Баязитова и др.

И. Гаспринский в своей работе «Русское мусульманство. Мысли, заметки и наблюдения мусульманина» (Бахчисарай, 1881), ставшей на долгие годы своеобразным манифестом мусульманского модернизма. Как и ряд предшественников, он выступил за изучение русского языка, ибо «незнание русской речи изолирует от русской мысли и литературы, не говоря уже о полной изолированности в отношении общечеловеческой культуры» [9, с.21]. Он выразил также надежду на «возможность единения (народов – Р.Н.), сближения нравственного, на почве равенства, свободы, и образования» [9, с. 46].

Известные общественные и религиозные деятели конца XIX–начала XX вв. Мурза Алим, Девлет-Кильдеев, А. Баязитов подчеркивали важность и продуктивность исламо-христианского взаимовлияния, что авраамические религии являются родственными и, в частности, ислам не противоречит прогрессу и науке [10]. Яркий и талантливый теолог и общественный деятель М. Бигиев дальше разработал учение о всеохватности божественного милосердия [11], ставшего потенциальной основой для восприятия общечеловеческого равенства, единства, солидарности и свободного развития.

В период первой мировой войны крупные татарские писатели, поэты, общественные и религиозные деятели определяли свои позиции не только по отношению к своему народу, но и призывали к миру и согласию, защищали общие интересы народов. В частности, великий татарский поэт Габдулла Тукай, когда на страницах разноязычной периодической печати Балканскую войну стали описывать как борьбу Библии с Кораном, выразил резкий протест:

Алдым алмаслар халыкны юк белэн –,
Монда хээрэтлэр сугышмый поп белэн!

То есть: «Не удастся обмануть народ этой небылицей/. Здесь не воюют муллы с попами» [8, с. 206].

В настоящее время трудно переоценить значение издания энциклопедического типа, которое не только способствует формированию своего рода «ментазыка» – посредника между различными исследовательскими сообществами, но и стимулирует интерес к теме со стороны молодых специалистов и интеллектуалов. Важный добротный шаг в этом плане уже сделан в издании энциклопедического словаря [12] в рамках проекта «Культура, религия и общество», где находит освещение все значимые исторические культовые издания. Целью будущего подобного издания должно служить осмысление исторического места и роли ислама в социокультурном и духовном развитии татарского общества со времени принятия ислама до наших дней.

При всех нюансах и соотношениях конфессионального и светского культурных «ядер» взаимодействия в регионе общность исторических судеб предопределила активность культурных взаимодействий. [13] Поскольку татаро-мусульманское сообщество выработало такие принципы, как толерантность, гибкость, политическая лояльность, взаимоуважение народов многонационального российского государства, то опыт его развития может быть в полной мере использован в налаживании исламо-христианского диалога в контексте цивилизационных взаимоотношений между Западом и Востоком, в том числе на просторах Евразии.

Комиссар Совета Европы по правам человека в докладе «О соблюдении прав человека в Российской Федерации» Республики Татарстан была названа настоящей лабораторией, «в котором все определяются духом сотрудничества и диалога» [14, с.219].

Несмотря на различия в целевых установках светского и религиозного образования, как отмечается во Всеобщей Декларации прав человека, всякое образование призвано формировать дружеские отношения между людьми, развивать стремление к сотрудничеству. В Татарстане в десяти мусульманских, православных и протестантских учебных центрах реализуются образовательные запросы верующих с учетом и конфессиональной особенности республики. Сохранившиеся историко-культурного характера здания восстановлены и там ведутся учебные занятия, таковым, например, является медресе «Мухаммадия», Исламский колледж, здание епархиального училища и т.д.

Важно осмысление опыта полиэтнокультурных вариантов развития, для которых характерным являются устойчивые тренды к толерантности, нормализации межэтнических и межконфессиональных отношений. Речь, в частности, идет о таких восточных регионах постсоветского пространства, как Татарстана, Башкортостан, Казахстан, где также исторически формируется такой тип диалога культур и языков в режиме исламо-христианского культурного симбиоза. Интерпретация социологической наукой термина «симбиоз» базируется на постулатах пассионарной теории этногенеза Л.Н. Гумилева, где она обозначает форму взаимополезного сосуществования этнических систем в одном регионе, при котором симбионты сохраняют свое своеобразие. Взаимодействие двух основных традиционных для российского общества религий – православия и ислама, на историческом срезе Татарстана имеет основание

говорить о формировании межконфессионального культурного симбиоза. Ярким символом взаимoadaptации основных этнокультурных групп, населяющих Республику Татарстан, на современном этапе является крупный социальный проект, связанный с возрождением таких культурно-исторических памятников, как Булгар и Свияжск.

Выступившая в качестве института гражданского общества группа ученых Казанского университета с 1997 г. в рамках Совета по делам религий при Кабинете Министров РТ начал реализовывать научно-практический проект «Культура, религия и общество». Прошедшая проверку на практике в Татарстане в 1997–2007 гг. концепция системной социокультурно-правовой координации развития государственно-межконфессиональных отношений имеет свои этапы формирования и взаимосвязанную цельную структуру, сочетающую в себе как демократическое начало, так и координирующие функции. Следовательно, складывание концепции проекта «Культура, религия и общество» охватывало организационно-концептуальные, правовые и практические сферы, что предусматривало рождение механизмов [15, с. 194-208] решения вопросов развития государственно-межконфессиональных отношений. Политика памяти стало важным составляющим данного проекта, в котором культовые объекты, несущие глубинные историко-ментальные нагрузки, нашли отражение в разных изданиях и конкретных мероприятиях по случаю основания того или иного объекта.

Таким образом, в конфессиональной политике и практике системной социокультурной координации развития государственно-конфессиональных отношений возрождение и использование историко-культовых символов в формировании политики памяти становится важным фактором развития взаимопонимания представителей разных общин. Значимость знаковых культовых символов в толерантных межкультурных коммуникациях многократно возрастает тогда, когда за этими объектами мы видим историю взаимоотношений и непростой путь взаимной адаптации.

Литература

1. Бестужев Е.Л. Современное русское православие как полирелигия // Диалог, толерантность, образование совместные действия Совета Европы и религиозных конфессий: Материалы заключительного международного семинара «Религия и права человека». Казань: Изд-во КГУ, 2006. С.140-147.
2. Kemper M. Comparative Conclusion: Islamic Russian as a New Socio-lect? // Islamic Authority and the Russian Language: Studies on Texts from European Russia, the North Caucasus and West Siberia/ ed. by Alfrid K. Bustanov and Michael Kemper. Amsterdam: Pegasus, Pegasus Oost-Europese Studies. 2012. No. 19. P. 403-416.
3. Фомин И. Политика памяти. Сократ. 2-е изд. 2010. <http://www.iarex.ru/articles/19633.html>
4. Копосов Н.Е. Память строгого режима: История и политика в России. М., 2011. 320 с.
5. Бухараев В.М. Проект «Культурное наследие Татарстана: древний город Болгар и остров-град Свияжск» в контексте политики памяти // Социокультурный потенциал межконфессионального диалога: Материалы Международной научной конференции, Казань, 23-24 мая 2013 г. / сост. и отв. ред. Р.А. Набиев. Казань: Казан. ун-т, 2013. С. 70-72.
6. Islam in Tatarstan: experience of tolerance and of co-existence. Kazan, 2006. 100 с.

7. http://www.bolgarportal.ru/news/utverzhdn_kompleksnyj_proekt_kulturnoe_nasledie_ostrov_grad_svijazhsk_i_drevnij_gorod_bolgar/2010-10-05-168
8. Усманов М.А. Истоки и традиции религиозной терпимости татарского народа// Ислам и христианство в диалоге культур на рубеже тысячелетий. Материалы междунар. науч.-практ. конф. Казань: Арт-кафе, 2001. С. 200-206.
9. Исмаил Бей Гаспринский. Россия и Восток. Казань: Тат. кн. изд-во, 1993. 130 с.
10. Мурза Алим. Ислам и магометанство // С.-Петербургские Ведомости. 1882. 14 июля. № 188; Девлет-Кильдеев. Магомет как пророк. СПб., 1881. 35с.; Баязитов А. Ислам и прогресс. СПб., 1898. 95с.
11. Бигиев М. Доказательства божественного милосердия // Бигиев М. Избр. труды. Казань: Татар. кн. изд-во, 2005. Т. I. 336 с.
12. Ислам на Европейском Востоке. Энциклопедический словарь / под ред. Р.А.Набиева. Казань: Магариф, 2004. 383 с.
13. Михайлова С.М., Коршунова О.Н. Традиции взаимовлияния культур народов Поволжья. Казань: ФЭн,1997. 106 с.; Михайлова С.М., Коршунова О.Н. Казанский университет в XX веке // И.Д.Кузнецов: Матер. Всерос. научной конференции. Чебоксары, 2006. С.457-470.
14. Векторы толерантности: религия и образования / под ред. Р.А. Набиева. Казань: Магариф, 2006. 264 с.
15. Государственно-конфессиональные отношения в современном Татарстане. Казань: Изд-во Ин-та истории АН РТ, 2003. Вып. 11. 224 с.
16. Наш дом Татарстан. Историко-этнографический журнал. 2013. №2.
17. Козлов В. Религиозная жизнь в Татарстане: плюсы и минусы глазами госслужащего. URL: http://walre.my1.ru/news/religioznaja_zhizn_v_tatarstane_pljusy_i_minusy_gl/2013-06-20-125

ИРАИДА НАМ

СИБИРСКАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ КАК ПОЛИТИЧЕСКИЙ ПРОЕКТ

Работа выполнена при поддержке гранта Правительства РФ (П-220), № 14.В25.31.0009

В условиях глобализации возрастает стремление региональных и этнических сообществ к сохранению/формированию своей идентичности, собственного уклада жизни. На этом фоне сибирская идентичность представляет особый интерес. Социологические исследования фиксируют рост сибирского регионального самосознания: если в середине 1980-х гг. «сибиряками» называли себя 15% опрошенных, то сегодня – 60-80% [1].

Актуализации и политизации сибирской идентичности способствовала Всероссийская перепись населения 2010 г. Само присутствие названия «сибиряки» в списке возможных ответов на вопрос о национальной принадлежности стало мощным толчком к возрождению идеи сибирского регионализма («областничества»), активно разрабатывавшейся сибирской интеллигенцией во второй половине XIX–начале XX в. [2].

В современном сибирском движении выделяются два направления – «националисты», трактующие категорию «сибиряк», как национальную общность, которая существовала всегда, «отличаясь от русских и говором, и хо-

зйством, и бытовыми привычками, и мировоззрением, и даже внешним видом», и «регионалисты» («сепаратисты»), рассматривающие «сибиряков» как выражение территориальной идентичности («сибиряк – тот, кто живет в Сибири») и разрабатывающие различные проекты сибирской государственности.

«Сибирские националисты», как они сами себя называют, своей главной задачей считают конструирование сибирской нации, выделяя в качестве ее основных элементов: 1) многокомпонентный состав, включающий сибирских старожилов, как «ядро» нации, и людей смешанного происхождения, выбирающих самоидентификацию «сибиряка»; 2) сибирский язык (существующий пока в форме письменного литературного языка, составленного томским лингвистом Я. Золотаревым на основе традиционных сибирских говоров, но постепенно оформляющийся в «живой» язык) [3]. Описывая «сибиряков» как особую национальность, националисты признают, что «пока еще существует в больших масштабах двойная самоидентификация, а сибирская нация имеет крайне размытые и нечеткие границы» [4].

В октябре 2010 г. националисты образовали «Совет сибирского народа» и обнародовали свою программу: минимум – создание сибирской национальной партии и учреждение национально-культурной автономии сибиряков, максимум – «переучреждение Российской Федерации как свободного объединения ее субъектов на основе одного равноправного федеративного договора, создание подлинно федеративного государства; создание единого территориального объединения на территории Сибири» [5].

Сторонники регионального патриотизма – «регионалисты» главную проблему усматривают в «неправильно выстроенных финансовых взаимоотношениях с центром», а ее решение – в предоставлении экономической и политической самостоятельности Сибири («Сибирь – сибирякам»). Они выступают за создание Сибирской Республики в составе РФ [6], вплоть до отделения и создания сибирской государственности в форме Сибирской Конфедерации («Областническая альтернатива Сибири») [7].

Регионалисты, как и националисты, обратились к институту национально-культурной автономии (НКА). В марте 2012 г. в Новосибирске была учреждена НКА «Сибирская воля» с целью «вывести в публичную плоскость вопрос о роли Сибири в становлении российской государственности.... Кто такой сибиряк? В каком направлении необходимо развиваться Сибири? Как нам обустроить свою жизнь?» [8]. В июле 2013 г. учредители «Сибирской» воли» обратились к полпреду президента в Сибирском федеральном округе В. Толоконскому с предложением инициировать процесс объединения сибирских регионов в один макрорегион Сибирь с повышением налоговых, управленческих и законодательных полномочий субъектов федерации [9].

Еще один путь конструирования сибирской идентичности – продвижение бренда Сибири. С этой целью в 2013 г. запущен брэнд Gm*Siberian, направленный на «всеобщее объединение информационного пространства Сибири и поддержку образа сибиряка, сделать Сибирь открытой миру» [10].

Таким образом, наблюдаемый сегодня рост сибирского самосознания во многом имеет протестный характер (москвоборчество») и связан с осознанием дисбаланса в отношениях федерального центра и Сибири. Наряду с объектив-

ными факторами, влияющими на формирование региональной идентичности, сибирская идентичность является сегодня и конструируемым политическим проектом, стимулирующим формирование единого регионального сообщества.

Литература

1. Жигунова М.А. Разные, но вместе // Эксперт. Сибирь. 2011. 350 (315). С. 11-12; Дутчак Е.Е., Кашпур В.В. «Русский сибиряк» или Парадоксы региональной идентичности // Общественные науки и современность. 2013. №4. С. 124-125.
2. Нам И.В. Новая национальность «сибиряк»: актуализация сибирской идентичности в ходе ВПП-2010 // Этнопанорама. 2012. №3-4. С. 48-51.
3. Верхотуров Д. Аудиозапись лекции «Что такое сибирская нация?» URL: <http://www.verkhoturov.info/content/view/1173/54/#comment-395>
4. Верхотуров Д. Долой сепаратизм! URL: <http://www.verkhoturov.info/content/view/1213/47/>
5. Программа Совета Сибирского Народа (СЧН). URL: <http://sibsovet.livejournal.com/8592.html>
6. Марголин Д. Развитие Сибири. Программный документ // Личный архив автора.
7. Кулехов М. Сибирь в современном мире: куда нам двигаться. URL: <http://newsbabr.com/?IDE=95769>
8. Широкова В. Сибиряк по призванию. URL: <http://www.interfax-russia.ru/Siberia/view.asp?id=298839>
9. Сибиряки не хотят платить налоги Москве. URL: <http://www.city-n.ru/view/327031.html>
10. Ай эм сайбериан. После провала лобового сепаратизма в регионах создаются искусственные идентичности. URL: <http://topwar.ru/>

ТАТЬЯНА НОСЕНКО

ПАЛЕСТИНО-ИЗРАИЛЬСКИЙ КОНФЛИКТ НА ФОНЕ «АРАБСКОГО ПРОБУЖДЕНИЯ»

Палестинская тема звучала достаточно приглушенно в ходе арабских выступлений в 2011–2013 гг. Основное внимание было сосредоточено на внутренних социально-экономических, политических проблемах. На фоне разновекторных массовых выступлений в арабских странах палестинская проблема теряет свое значение консолидирующего арабский мир фактора. Резко антипалестинскую реакцию в Египте вызвали попытки исламистов из ХАМАС вмешаться во внутривнутриполитическую борьбу в стране летом 2013 г. «Солидарность с палестинским делом снижается, будь то с точки зрения политической и материальной поддержки или освещения в СМИ», - заявил король Марокко Мохаммед VI на двадцатой сессии комитета Аль-Кудс Организации исламского сотрудничества, проходившей в Марракеше в январе 2014 г. [Regnum 19.01.2014].

С другой стороны, направленность массового протеста против авторитарных режимов, за гражданские права и свободы неизбежно напоминает об ущемленном положении палестинцев, усиливает поддержку требования палестинской независимости, прекращения израильской оккупации палестинских

территорий. Для радикальных интерпретаторов ислама Палестина, оставаясь священной землей мусульман, не подлежит разделу. Они видят свой религиозный долг в восстановлении целостности «родины религии». Палестинская проблема остается общим деноминатором для объединения различных политических и общественных сил в арабских странах. Палестинскому вопросу уделяется большое внимание со стороны всех политических течений, как националистических, так и исламистских. Это «сплачивает усилия различных течений народных образований, поддерживающих противостояние сионистской агрессии против Палестины»[kavpolit.com].

На «арабской улице» не снизился градус враждебности в отношении Израиля. Египетские авторы отмечают, что неприятие Израиля как скрепка, держит вместе различные политические силы Египта, а во время предвыборной кампании кандидаты изощряются перед избирателями в своей антиизраильской риторике [Haaretz]. Даже либеральные, секуляризованные группы населения в арабских странах подвержены влиянию различных конспирологических теорий, запугивающих обывателей чудовищными заговорами евреев.

Тем не менее, создается впечатление, что арабы сегодня явно не намерены ужесточать свои позиции в отношении Израиля из-за палестинской проблемы, а уж тем более предпринимать против него какие-либо военные действия. Этому способствует сфокусированность арабских режимов на стабилизации внутреннего положения, отвлечение больших ресурсов на противостояние гегемонистским претензиям Ирана в регионе. По некоторым оценкам, потребность в сдерживании Ирана объективно создает почву для военно-политического сотрудничества между Израилем и так называемым суннитским фронтом – Турцией, Египтом, Саудовской Аравией, Иорданией, Марокко. Трансграничные последствия гражданской войны в Сирии заставляют Иорданию координировать с Израилем свою политику на сирийском направлении.

Крайне неустойчивый kaleidoscope событий в ближневосточных странах сказывается на ситуации в палестинском движении. После революции 30 июня 2013 г. в Египте, не только ликвидировавшей правление исламистов, но и убравшей с политической арены «Братьев-мусульман», позиции ХАМАС в секторе Газа подверглись серьезной эрозии. В войне в Сирии движение ХАМАС, поддерживающее повстанцев, оказалось по разные стороны баррикад с шиитской Хизбаллой, что привело к приостановке военного сотрудничества между двумя давними союзниками по борьбе с «сионистским образованием». Не оправдались и надежды палестинских исламистов на помощь со стороны Турции или Катара. В результате популярность ХАМАС среди палестинцев снижается, в то время как возрастает поддержка лидеров ФАТХ. Это обеспечивает Палестинской администрации во главе с М.Аббасом «общественный тыл» для продолжения начатых в августе 2013 г. переговоров с Израилем при американском посредничестве.

События «арабской весны» пошатнули и без того зыбкое региональное равновесие, выстраивавшееся в течение нескольких десятилетий и обеспечивавшее безопасность Израиля. Вследствие этого в Израиле сложилось два направления мысли в том, что касается урегулирования с палестинцами. По-

сколькx арабские волнения демонстрируют разнообразие проблем и противоречий, взрывающих арабский мир изнутри, правые силы в Израиле активно эксплуатируют обострение региональной обстановки, чтобы разорвать увязку между урегулированием арабо-израильского конфликта и стабильностью на Ближнем Востоке. Следуя этой логике, большинство израильтян считает менее опасным переждать бури в соседних странах и не предпринимать никаких драматических дипломатических шагов. Другие полагают, что нестабильность в регионе, которая в отсутствие палестино-израильского урегулирования может переброситься и на палестинские территории, заставляет ускорить решение этого вопроса. Тем более, что в свете региональных событий арабские страны склоняются к более продуктивным дискуссиям по вопросам урегулирования палестино-израильского конфликта.

Преобладание в законодательной и в исполнительной власти Израиля сил, предпочитающих говорить не об урегулировании палестино-израильского конфликта, а о контроле над ним, ориентирующихся на силовое сдерживание угроз с палестинской стороны, налагает ограничения на продвижение мирного процесса. В то же время, нельзя исключать, что активизация усилий международного сообщества по поискам путей установления мира на Ближнем Востоке вследствие арабских восстаний может дать положительные результаты.

Литература

1. Regnum – информационное агентство
<http://www.regnum.ru/news/polit>
2. <http://kavpolit.com/arabskaya-vesna-i-palestiskij-vopros/>
3. Haaretz (on-line edition) 26.08.2011.

ЕЛЕНА НОСКОВА

МОДЕЛИ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО ТЕЛА КАК ФАКТОР РАЗЛИЧИЯ ВЕРУЮЩЕЙ И НЕВЕРУЮЩЕЙ МОЛОДЕЖИ НА ПРИМЕРЕ МОЛОДЫХ ЖИТЕЛЕЙ г. КАЗАНИ

Предложенная к конференции работа находится на стыке социологии и культурологии, при ее написании были использованы как социологические методы (опрос, экспертное интервью, анализ документов), так и общенаучные методики (сравнительный анализ). Основной проблемой проведенного исследования является существование противоречия между религиозными моделями тела (исламской и православной) и реальным поведением молодых «декларативных» верующих (то есть верующих по самоопределению). В данном случае исследовательский интерес направлен на выявление сходств и различий моделей тела в рамках двух наиболее распространенных в Татарстане конфессий – ислама суннитского толка и православного христианства.

Цель исследования: на основании анализа теоретических подходов к социокультурным факторам (в том числе религиозному фактору), воздействующим на человеческое тело, выявить особенности восприятия тела, реализации телесных практик среди представителей различных религиозных групп моло-

дежи г. Казани. Для выявления ортодоксальных взглядов мы обратились к материалам религиозных сайтов, а также к мнению священнослужителей, современных взглядов – к мнению казанской молодежи, а именно студентов Казанского федерального университета и членов молодежной православной группы.

Эмпирическая база исследования включает в себя результаты авторского исследования:

- традиционный анализ материалов религиозных сайтов (с элементами контент-анализа);

- опрос молодых жителей г. Казани (n=120 чел.) методом анкетирования с целью выявления мнений по вопросам тела и телесных практик молодых верующих и неверующих казанцев;

- опрос священнослужителей г. Казани в форме полуструктурированного неформализованного интервью (n=10) с целью выявления ортодоксальных взглядов рассматриваемых конфессий относительно тела, его восприятия и телесных практик.

На первоначальном этапе написания работы была выдвинута основная гипотеза исследования: конфессиональная принадлежность человека оказывает влияние на восприятие им собственного тела, его внешние параметры и телесные практики, что происходит в результате соблюдения религиозных норм и предписаний в области тела.

Результаты исследования, проведенного среди молодых казанцев, позволяют нам сделать вывод, что конфессиональная принадлежность имеет определенное влияние на тела и телесные практики верующих. Таким образом, гипотеза исследования подтвердилась. Однако это влияние имеет место только при условии осознанной веры и достаточно высокой степени религиозности. Многие элементы ортодоксальных моделей тела (мусульманской и православной) находят практическую реализацию в условиях повседневной жизни верующей молодежи.

**ОЛЕГ ОБЕРЕМКО,
ТАТЬЯНА ОБЕРЕМКО**

ВОЛОНТЕР ИЛИ ДОБРОВОЛЕЦ: РАЗЛИЧИЯ В ОСНОВАНИЯХ ДЛЯ МОБИЛИЗАЦИИ РАДИ ОБЩЕСТВЕННОЙ ПОЛЬЗЫ

Доклад подготовлен на материале собранных в 2012 г. 160 интервью с российскими добровольцами-волонтерами, которые содержат реакции на невинный вводный вопрос: «Какое из слов Вы предпочитаете: волонтер или доброволец? В каких ситуациях, почему? В чем разница между этими двумя словами?». Некоторые смысловые различия указывают на то, как к участию в одном общественном движении привлекают разные аттракторы; можно ожидать, что под эгидой внешне единого движения добровольцев / волонтеров скрываются социокультурные разломы (квивиджи).

Тем, кто в словах «волонтер» и «доброволец» видит разный смысл, одно понятие (разным информантам – разные) воспринимается ближе, другое – дальше. «Ближе» – значит «понятнее», а вот «понятность» расщепляется на частные смыслы. Эти смыслы и рассмотрены в докладе.

1. Близкое и далекое, как **укорененность в истории и в актуальности**.

Условно говоря, «белые» сторонники слова «доброволец» находят источники образных репрезентаций в царской России, например, в виде «красивого твердого знака на конце слова “доброволец”».

Условно «красные» – кто позитивно воспринимает свой жизненный опыт в советское время – связывают «добровольца» с Великой Отечественной войной, добавляя к смыслу «добрая воля» семы «быть первым», «быть там, где трудно», «закрывать собой амбразуру». В сильной формулировке дополнительные смыслы сводятся к идее принесения себя в жертву ради общественно-го блага.

«Белые» и «красные» романтики по-разному уходят в прошлое от актуальности. Кто не бежит дня сегодняшнего, выбирает «волонтера» – понятие, включенное в актуальный общественный контекст.

Для некоторых укорененность в советской истории делает слово «доброволец» «отстойным» за счет ассоциации с «непрестижными» видами деятельности (копать картошку) в интересах «непрестижных» целевых групп (пенсионерам).

По оценке эксперта старшего поколения, современные практики связаны **более с акциями, чем с конкретным делом**, конкретной помощью; отсюда «заниматься делом» непрестижно и несовременно.

2. Близкое и далекое как **органичное и неорганичное**. В этой оппозиции тоже присутствует смысл историчности, но отсутствует смысл романтического бегства от настоящего. Предпочитающие органичность живут в повседневности, фундаментально пронизанной своей историей. В слове «доброволец» отлита русская культура (древняя, родная, априорно понятная), в несобственном, чужом по звучанию слове «волонтер» – актуальные посторонние влияния.

Однако в этом контексте «чужое» не значит «вражье». Употребляя «волонтер», мы «как бы строимся под иностранцев». На фоне своего слова, чужое слово может связываться с большей решительностью и ответственностью, а «свое» слово воспринимается мягче. Поэтому сфера деятельности волонтерства может представляться шире, чем у добровольчества: не только интересы категорий или групп граждан, входящих в «мой мир», но сфера общественных интересов, то есть, **интересов общества как целого**.

Идея «неорганичности» может иметь и конфронтационный потенциал, если «интуитивная непонятность» слова иностранного происхождения интерпретируется как «непостижимость пустоты», «отсутствие сути».

«Отсутствие органики» может получать и злободневную политическую трактовку, в которой волонтеров ассоциируют с иностранными агентами: в этом противопоставлении добровольцы действуют по доброй воле, а иностранные агенты, являются выразителями чужой воли и/или носителями корыстного интереса.

В других контекстах предпочтение слова «волонтер» может выражать позитивное отношение к актуальным глобальным формам публичной жизни, связанным с олимпийским движением, с идеологией либерализма и др.

3. «Чужое» может обнаруживаться и внутри государственных границ и трактоваться как отсутствие доброй воли. Здесь «доброволец», в отличие от «волонтера», действует исходя из собственных побуждений и в интересах других, а «волонтер» привязывается к контексту официально организованного движения, которое, (1) при мобилизации опирается на принуждение, а не на добрую волю, (2) проводит только массовые мероприятия, (3) куда волонтеров загоняют для отчета, для «галочки», и (4) которые реально никому не помогают и никого не поддерживают.

Если отталкиваться от содержащегося в последних словах противопоставления «своего» слова «чужому», то получится, что официально организуемое волонтерство – это модное иностранное заимствование, лишенное смысла на русской почве, а потому строящееся не на личной вовлеченности, а исключительно на внешнем принуждении.

Доброй воле вместе с принуждением может противопоставляться соблазн денежным вознаграждением, получением бесплатных билетов на культурные события, пропуском на доску почета и др. Можно понять так, что доброволец действует самостоятельно, неорганизованно и среди людей, а действие волонтеров имеет коллективный характер и протекает в институционализированном контексте, где участие можно конвертировать в денежные и символические формы капитала.

3.1. Добровольчество и волонтерство может ассоциироваться с разными формами социальной жизни, описанными классической социологией. В одной из версий добровольчество трактуется как предприятие в духе М. Вебера (Применение метафоры предприятия к сфере политического см. [Вебер]), а волонтерство как нечто близкое к чистой форме социации (обобществления) по Г. Зиммелю [Зиммель].

Предприятие есть цепочка последовательных целерациональных действий, при которых агент полностью субъектен, им движет добрая воля, которая «заставляет» для выполнения общественно значимой задачи находить любые имеющиеся ресурсы – в том числе тратить свои собственные – приватные, а не публичные – в том числе объективированные (деньги) ресурсы, а не только свое личное время и усилия. Такие добровольцы идут дальше бескорыстия. На такое предприятие «вызываются» пойти инициативно; на него нельзя загнать «добровольно-принудительно».

Иное дело массовое участие волонтеров в специально организованном публичном мероприятии, типа фестиваля. Волонтеры придают ему характер массовости – реальности, связности, действительности общества. Реальность самого общества создается за счет массового участия в **запланированном, спроектированном** мероприятии. Проектирование (планирование) не входит в компетентное участие самих волонтеров; планируют и проектируют другие люди. Стало быть, волонтер не имеет субъектности, поскольку в массовой «тусовке» ему нет возможности открыто и интенсивно проявить свою добрую волю.

Волонтер жертвует свободным временем, которое он проводит на фестивале в слабом режиме вовлеченности; неясно, что вознаграждает: жертву свободным временем или слабую вовлеченность в публичную жизнь в «безопасной» для всех стейкхолдеров форме. В последнем случае вознаграждается скорее неучастие, чем участие.

Предприятие (например, поиск детей в лесу) тоже может быть массовым, однако в этом случае происходит мобилизация с высокой степенью вовлеченности. Добровольчество, как предприятие предполагает: (а) «порыв из души, когда тебе вообще ничего не жалко»; (б) жертвование материальных и нематериальных ресурсов; (в) отсутствие рутины, как при сборе вещей или гуманитарной помощи, который по формальным признакам можно относить к целерациональному предприятию, но с низкой степенью вовлеченности и инициативы.

3.2. Описанный контекст добровольчества / волонтерства так же описывается в терминах противопоставления настоящего самоорганизующегося дела и ненастоящего организованному сверху движению. Настоящим добровольцам приписывается действие, личное участие с высокой степенью вовлеченности; ролевая определенность, членство в определенной организации, наличие книжки волонтера приписываются оппозиции.

В развитии добровольчества сверху сначала создается символическое пространство (пропаганда), затем – институциональная статусно-ролевая структура с запроектированным ценностно-нормативным комплексом, которая (в последнюю очередь) массово наполняется людьми.

Одна из причин неприятия институционального, или ролевого конструирования добровольчества – возможность использовать «самозванных добровольцев» для обслуживания коммерческих и/или административных (которые имеют свое коммерческое измерение и рыночную стоимость) интересов третьих лиц; такая деятельность остается некоммерческой только для «добровольцев».

Государством добровольчество развивается как современное «индустриальное» предприятие, как специальная площадка, организованная под достижение ограниченного круга спроектированных целей. Финансовая политика обеспечивает контроль над условиями деятельности «индустриального предприятия» (номенклатуру, объем и качество продукции, типы мотивации, характер координации взаимодействия и т.п.). Управляемость предприятию обеспечивают менеджеры волонтерского сектора.

Оба движения волонтеров / добровольцев находят поддержку среди молодежи, удовлетворяя, как ни странно, сходные потребности внешне непохожими средствами, тем самым предоставляя разные по смыслу основания для мобилизации участия в одном общественном движении.

Литература

1. Вебер М. Политика как призвание и профессия // Вебер М. Избранные произведения. М.: Прогресс, 1990. С. 644-706.
2. Зиммель Г. Общение: пример чистой, или формальной социологии // Социологические исследования. 1984. №2. С. 170-176.

**МИГРАЦИОННЫЙ КОНТЕКСТ ПЕРМСКОЙ
ПОВСЕДНЕВНОСТИ 1941–1945 гг. И МЕТАМОРФОЗЫ
КОЛЛЕКТИВНОЙ ПАМЯТИ В ЛОКАЛЬНОМ ИЗМЕРЕНИИ**

Вынужденные миграции часто являются неотъемлемым компонентом военных событий. В 1941-1945 гг. эвакуация больших групп населения из западных районов СССР в восточные регионы, в том числе в г. Пермь (тогда – Молотов), стала явлением, воздействовавшим на повседневную жизнь в тылу. Впоследствии феномен эвакуации стал значимым элементом коллективного прошлого пермяков. 57% горожан считают, что из множества миграционных процессов за 300-летнюю историю Перми более всего на «характер пермяков» повлияла «эвакуация в годы Великой отечественной войны на территорию края предприятий, культурных учреждений и людей из западных районов страны» [5].

Значительный ресурс для понимания того, как миграционные процессы военного времени связаны с настоящим, содержит предложенный Я. Ассманом концепт «культурная память» – особая символическая форма передачи и актуализации культурных смыслов, она выражается в мемориальных знаках разного рода — в памятных местах, датах, церемониях, в письменных, изобразительных и монументальных памятниках. Передаваясь из поколения в поколение, культурная память удерживает лишь наиболее значимое прошлое – мифическую историю, которая имеет ориентирующую, нормативную и конституирующую функции [7].

В г. Молотов с началом войны были направлены 64 промышленных предприятия, технические и конструкторские бюро, в том числе и так называемые «шарашки», где работали осужденные по 58-й ст. ученые-изобретатели; военно-механический институт, ленинградский Кировский театр и хореографическое училище, Русский музей с огромной коллекцией экспонатов, многие деятели культуры (Ю. Тынянов, В.А. Каверин, М.Л. Слонимский, М.Э. Козаков, А.И. Хачатурян, Б. Иогансон, Н.И. Альтман и др.). Эта часть эвакуационного потока стала своего рода «культурной инъекцией» в организм индустриального города, повлияв на его дальнейшее развитие, запечатлевшись в коллективной памяти городского сообщества.

Существенную роль в процессе включения феномена эвакуации в культурную память пермяков играет символическая политика – деятельность, «связанная с производством различных способов интерпретации социальной реальности и борьбой за их доминирование в публичном пространстве» [3]. П. Нора назвал процесс, который мобилизует разнообразные дискурсы и практики в репрезентации события, содержит в себе социальное и культурное видение памяти о событии, служит выражением солидарности группы», коммеморацией [4].

Инструментализация памяти об эвакуационном периоде городского прошлого происходит при помощи разных коммеморативных практик. Это мемориальные доски (в память о М.Ю. Цирульникове, А.И. Хачатуряне, Е.Н.

Гейденрейх и др.); городские топонимы (ул. Гальперина); юбилейные даты (установление памятной доски на фасаде здания Пермского театра оперы и балета к 70-летию эвакуации Марининского театра), документальные фильмы («Эвакуационный роман», режиссер Б. Караджев, 2011 г.; «Бурлаки на Каме», режиссер С. Лепихин, 2013); почетные звания (звание «Выдающийся деятель пермского балета XX столетия» присвоено Пермским обществом любителей хореографического искусства «Арабеск» Е.Н. Гейденрейх), мемориальные знаки (памятный знак в честь блокадников, умерших в эвакуации в Перми, установлен на Егошихинском кладбище, где в рамках проекта «Ленинградский квартал» пермского отделения ВООПИК реставрированы места захоронений эвакуированных ленинградцев). Реализация данного сегмента символической политики, актором которой является не столько власть, сколько гражданское общество, фиксирует прежнюю солидарность и акцентирует взаимную историческую благодарность вынужденных гостей города и невольных хозяев.

Однако, коллективная память о прошлом и исторический нарратив, создаваемый профессиональными историками, находятся в весьма сложных взаимоотношениях: действует «принцип обратной связи между историей как наукой, историей как образом прошлого, историей как коллективным «воспоминанием» и историей как комплексом аргументов, легитимирующих существование власти» [8]. В историческом нарративе есть немало свидетельств того, что «в обстоятельствах, когда массовая миграция резко ухудшила условия жизни на местах, отношение к приехавшим порой было не просто противоречивым, но безразличным или открыто враждебным» [9]. Этот негативный фон особенно заметен в мемуарах людей, которые в молотовской эвакуации были детьми. Авторы вспоминают, что «местное население ненавидело всех эвакуированных «чухом», называя «жидами» белообрисых питерцев наравне с рыжими, русыми и черноглазыми приезжими из Москвы, Горького или Одессы. Реальная национальная принадлежность мало кого из «местных» занимала. Просто все мы были для них «китайцами» - по-другому одетые, непривычные к морозам, жившие надеждой на возвращение домой». В воспоминаниях отмечается «антисемитизм как беспрерывный фон, начиная с детского сада в Перми, когда слово «жид» было услышано впервые», а также словечко, которым пермяки называли вновь прибывших - «выкавыренные» [2].

Нельзя не заметить, что из локальной коллективной памяти эта неприятная часть прошлого вытеснилась. Как заметил Х. Вельцер, «память абсолютно оппортунистична: она берет то, что ей полезно, и отбрасывает то, что представляется ей лишним или неприятным» [1]. Неслучайно «гостиница-семизатжка», где жили в войну эвакуированные деятели культуры, воспринимается как позитивно окрашенный символ пермского дружелюбия и милосердия. Такова презентация образа города военной поры у пермского поэта В. Радкевича: «Над этим возвышенным домом / Заря милосердия плыла / И дом приближался - как донор / Радущья, любви и тепла» [6].

Литература

1. Вельцер Х. История, память и современность прошлого. Память как арена политической борьбы // Неприкосновенный запас: Дебаты о политике и культуре. 2005. №2-3. С. 33.

2. Вирон С. События и люди. URL: http://www.partner-inform.de/memoirs/artikles/Sobitija_I..html; Рабинович Э. 1953-й. URL: <http://berkovich-zametki.com/2013/Starina/Nomer1/ERabinovichI.php>; Фрумкина Р. «Китайский» вопрос. URL: <http://index.org.ru/journal/22/frumk22.html>
3. Малинова О.Ю. Проблема политически «пригодного» прошлого и эволюция официальной символической политики в постсоветской России// Политическая концептология. Ростов н/Д, 2013. №1. С. 115.
4. Нора П. Проблематика мест памяти // Франция – память. СПб., 1999.
5. Пермь как стиль. Презентации пермской городской идентичности. Пермь, 2013.
6. Радкевич В. Семизатка// Литературное Прикамье. Пермь, 1986. С. 9.
7. Репина Л.П. Культурная память и проблемы историописания (историографические заметки). М., 2003. С. 11.
8. Филиппова Т.А. «Российская нация» и ее история: перезагрузка смыслов// Национальные истории на постсоветском пространстве. М., 2009. С. 84.
9. Янковская Г.А. Эвакуация, или Диалог поневоле // Родина. 2004. №6. С.20.

ЛЮДМИЛА ОЖИГОВА

ЦЕННОСТНО-СМЫСЛОВЫЕ ОРИЕНТАЦИИ ЛИЧНОСТИ: ГЕНДЕРНЫЕ РАЗЛИЧИЯ

В наши дни проблематика самореализации личностью своих ценностей стала неотъемлемой частью большинства зарубежных и отечественных исследований. Общеизвестно, что творческая самореализация, стремление к ней является одной из ведущих движущих сил развитой личности, побуждающей ее деятельность. Однако сам процесс выбора значимых ценностей и смыслов, способов их экспансии во внешние пространства может быть достаточно противоречивым и трудным для личности.

Быстро меняющаяся социально-экономическая ситуация подталкивает современного человека к высоко мобильному поведению. Приспосабливаясь к новым условиям он (человек) не успевает порой «прожить», интегрировать возникающую в Я-концепции новую идентичность, буквально «теряет себя» и свободу в конструировании бытия, аутентичного своим ценностям и смыслам.

Свобода личности в реализации своих ценностей может быть детерминирована еще и культурными ожиданиями, связанными с гендерными нормами и стереотипами. Доказано, что в результате гендерной социализации происходит формирование гендерной идентичности личности, которая в свою очередь в современной гендерной психологии понимается как сложный мультиполярный (а не биполярный как ранее) феномен, существующий в субъективном пространстве личности. Гендерная идентичность включает в себя: биологический пол, который приписывает себе сам человек; особенности маскулинности и феминности, которые тоже определены личностью в соответствии с нормами его культуры; гендерные характеристики, через которые личность конструирует (описывает) свой Образ Я как женщина, как мужчина или как некоторая другая нефонформистская личность (Знаков, 2010; Клещина, 2004; Кон, 2001; Ожигова, 2006).

То есть, гендерная социализация во многом определяет развитие личности, ценности и ориентиры ее реализации в обществе.

Все это определило цель нашего исследования, направленного на выявление особенностей ценностно-смысловых ориентиров личности в контексте гендерной теории.

В исследовании использовалась методика «Ценностные ориентации» М. Рокича (модификация Е.Б. Фанталовой). Выборка составила 131 женщину и 114 мужчин, из них: 45 девочек и 44 мальчика – подростки 13-15 лет; 52 девушки и 41 юноша – молодежь в возрасте 19-22 лет (студенты гуманитарных специальностей – психологи, менеджеры по персоналу, социальные работники); 34 женщины и 29 мужчин – в возрасте 25-34 лет (из них 18 мужчин и 15 женщин – актеры, 19 женщин и 11 мужчин – менеджеры среднего звена в области экономики, юриспруденции, торговли). Все жители города Краснодара, русские.

Анализ результатов ценностных ориентаций всех женщин показал, что значимость и доступность таких ценностей, как общественное признание, уверенность в себе, познание и развитие, наличие хороших и верных друзей, высокое служебное положение для женщин не актуальна. Для молодых девушек доступна продуктивная жизнь, любовь и здоровье, но не доступны интересная работа, свобода, семейная жизнь. Для зрелых женщин зоной неудовлетворенности выступает: здоровье, свобода и любовь. Для всех женщин недоступной является материальная обеспеченность. При этом молодые девушки удовлетворены продуктивностью, здоровьем и любовью, а зрелые женщины вполне удовлетворены своей продуктивностью, работой и семейной жизнью.

Таким образом, ведущими ценностно-смысловыми ориентирами личности молодой девушки являются: свобода, интересная работа, материальная обеспеченность и создание семьи. Для зрелой женщины актуально здоровье, свобода, гармония с любимым человеком, материальная обеспеченность.

Для мужчин такие ценности, как любовь, уверенность в себе, познание и развитие, общественное признание, во всех представленных возрастах по степени значимости не поднимаются выше 8-го ранга. Для молодых юношей наиболее значимы и доступны продуктивная жизнь, здоровье и наличие друзей, а не доступны интересная работа, свобода, семья и материально обеспеченная жизнь. Для мужчин зрелого возраста доступны и значимы продуктивная жизнь, интересная работа, свобода, здоровье, семейная жизнь и наличие друзей.

Таким образом, ведущими ценностно-смысловыми ориентирами личности молодого юноши являются свобода, интересная работа, профессиональный рост, материальная обеспеченность, создание семьи. Зрелые мужчины больше заинтересованы в решении проблемы профессионального роста и статуса.

Мы видим, что общим ценностным ориентиром и для мужчин, и для женщин являются ценности, которые могут быть отнесены к таким пространствам бытия, как профессия и семья. Но в юношеском возрасте девушки и юноши стремятся к достижению сходных ценностей – это интересная работа, свобода, материальная независимость и создание семьи. В зрелом возрасте мы наблюдаем уже существенные различия: для мужчин актуальным становится

стремление повысить свой профессиональный рост и статус, а для женщин – улучшить здоровье, гармонизировать отношения с любимым человеком и приобрести свободу. Единственным общим переживанием для мужчин и женщин является стремление улучшить свое материальное состояние.

Полученные результаты подтверждают другие исследования. Известно, что работающие женщины, состоящие в браке, имеют худшее психическое здоровье, чем мужчины. Это связано с тем, что, решая проблему совмещения карьеры и семьи, женщины испытывают двойную нагрузку, частично лишают себя личной свободы и подчиняют свои профессиональные и другие потребности семейным, а именно обслуживанию других (детей, мужа, родителей), переживая состояние непонимания и отсутствия гармонии с любимым человеком. Нашла подтверждение и идея об ориентации женщины на область межличностных отношений, выделяемая другими исследователями (Ярская-Смирнова, 2003).

Женщины стремятся к «свободе от» - от плохого самочувствия, материальной и психологической зависимости, бытовых семейных обязанностей, непонимания. Но для чего женщинам свобода? Женщина часто стремится к свободе, но не всегда видит сферы приложения своих сил. Стремясь быть свободной в чувствах и желая гармонизировать отношения с любимым человеком, женщина может «не видеть» других значимых областей реализации: профессионального роста, общественного признания, друзей, своих увлечений. То есть собственного мира или, позволим себе феминистскую метафору, «мира без мужчины» и «мира для себя, для чего-то своего суверенного, личного».

Дж. Бенжамин, определяя структуру и специфику социальных взаимосвязей в иерархически организованном современном мире, пишет о том, что мы усваиваем логику доминирования и подчинения в отношениях. Наши способы познания, попытки изменить или контролировать мир пронизаны отношениями соревнования, идеал свободы включает идею подчинения другого, а автономия – значит бег от зависимости (Бенжамин, 1988).

От зависимости или от взаимности? Слабая автономия женщины, некоторая невротизация и ориентация на слияние с «другим» (любимым, близким), воспринимается мужчиной, имеющим в этот период ценность собственного мира (работы, друзей), как интервенция и захват (Соколова, 2001).

Это значит, что внутренние противоречивые состояния женщины находят отражение в области межличностных взаимодействий и могут, как показывают исследования Г.Ю. Фоменко, Т.К. Хозяиновой, только усиливаться, если личность не осознает свои потребности и новые формы поведения (Фоменко, 2005; Хозяинова, 2004).

Однако ряд исследований показывает, что могут быть выделены другие группы женщин, которые имеют неконформистские ценности и приоритеты реализации: сотрудничество бизнеса и государства во благо общества, обогащение среды профессионального общения, стремление к реализации общечеловеческих ценностей, повышение роли женщин в обществе, стремление стать собственницей, личное счастье, общественное признание и жизнь, полная удовольствий (Молл, 2003).

Мужчины точно знают для чего им свобода – это «свобода для» реализации своих потребностей, целей, интересов. И среди них невозможность реализовать свои карьерные и материальные амбиции может вызывать некоторое понижение гендерной самооценки и кризисные состояния, - так называемый, по определению И.Н. Тартаковской, кризис несостоявшейся маскулинности или «срыв сценария». Данный феномен – это невозможность мужчинами реализовать личный сценарий мужественности – состояться как мужчина, т.е., занять доминантную позицию в социуме. В постсоветском кризисе маскулинности автор выделяет следующие типы сценариев: смирившиеся неудачники, несправедливо обиженные, алкоголики, эскаписты, домохозяйева, отцы-одиночки (Тартаковская, 2002, с. 10.).

Тезис о кризисе маскулинности предполагает существование некоторой нормативной модели маскулинности, возможности реализации настоящего мужчины. Так, отмечает И.Н. Тартаковская, Р. Бреннон сформулировал четыре основные компоненты «мужской роли»: необходимость отличаться от женщин; необходимость быть лучше других; необходимость быть независимым и самодостаточным; необходимость обладать властью над другими. В стремлении и необходимости соответствовать внутреннему и внешнему стереотипу маскулинности и заключается проблема субъектности для мужчин. В мире с ярко выраженной гегемонией маскулинности даже самому «нормальному» мужчине сложно быть «нормальным» в этой гонке за первыми местами, ресурсами, властью (Тартаковская, 2002, с. 11-18).

В результате мужчина может достичь только вечное напряжение и страдание. М. Кауфман пишет, что что быть мужчиной – значит жить в странном мире власти и страдания, и в этом парадокс мужской власти. Маскулинность, по мнению М. Кауфмана, хрупка и иллюзорна, так как ни один мужчина не может постоянно и полностью быть уверенным в том, что достиг и реализует ее (Кауфман, 2002). Уделом мальчиков и мужчин становится постоянная уязвимость и необходимость доказывать свою мужественность скорее перед другими мальчиками и мужчинами, чем перед женщинами.

Таким образом, в ходе исследования уточнено, что ведущие ценностно-смысловые ориентации личности определяются всем комплексом его биосоциальных и индивидуальных характеристик, являются результатом конкретной личной истории (вариантом гендерной идентичности, возрастом, профессиональной деятельностью и т.д.). Выявлено, что женщины стремятся к «свободе от» - от плохого самочувствия, материальной и психологической зависимости, бытовых семейных обязанностей, непонимания. Мужчины точно знают, для чего им нужна свобода – это «свобода для», то есть для реализации своих потребностей, целей, интересов.

В обоих случаях ценностно-смысловые ориентиры личности подчинены гендерным ожиданиям и ограничивают свободу в реализации своих ценностей и смыслов. Следует далее изучить то, какие последствия имеют такая ориентация для личности и межличностных отношений.

Литература

1. Знаков В.В. Понимание мужчинами и женщинами моральной допустимости абортов // Вопросы психологии. 2010. № 2. С. 90-100.

2. Кауфман М. Фрагменты из книги «Chacking the armour: power, pain and the lives of men» (Toronto: Viking, 1993) // Гендерная педагогика и гендерное образование в странах постсоветского пространства: Сб. матер. Междунар. летней школы. Иваново: Иванов. гос. ун-т, 2002.
3. Клецина И.С. Психология гендерных отношений: Теория и практика. СПб.: Алетейя, 2004.
4. Кон И.С. История и теория «мужских исследований» // Гендерный калейдоскоп: Курс лекций / Под общ. ред. М.М. Малышевой. М.: Academia, 2001.
5. Молл Е.Г. Управление карьерой менеджера. СПб.: Питер, 2003.
6. Ожигова Л.Н. Психология гендерной идентичности личности. Краснодар: Изд-во КубГУ, 2006.
7. Соколова Е.Т. Общая психотерапия. М.: Тривола, 2001.
8. Тартаковская И.Н. «Несостоявшаяся маскулинность» как тип поведения на рынке труда // Посиделки: Информационный листок. СПб., 2002. №3 (71).
9. Фоменко Г.Ю. Личность в экстремальных условиях: два модуса бытия. Краснодар: Изд-во КубГУ, 2005.
10. Хозяинова Т.К. Отношение матери к ребенку: личностный аспект. Краснодар: Изд-во КубГУ, 2006.
11. Социальная политика и социальная работа: Гендерный подход: учеб. пособие / Под ред. Е.Р. Ярской-Смирновой. Саратов: Саратов. гос. техн. ун-т, 2003.
12. Benjamin J. The Bonds of Love. Psychoanalysis, feminism, and the problem of domination. L., 1988.

АЛЕСЯ ОНОПРИЕНКО

СОВРЕМЕННЫЙ РОССИЙСКИЙ МИФОГЕНЕЗ

*Публикация подготовлена в рамках исследовательского проекта
«Особенности формирования российской цивилизационной идентичности
в Северо-Кавказском регионе». Грант Президента Российской Федерации
МК3338.2013.6*

Один из принципиально важных, хотя, возможно, и не самых очевидных факторов, влияющих на развитие ситуации в нынешней России, - это структурирование новой политической мифологии.

Р. Барт, отвечая на вопрос: «Что такое миф в наше время», – подчеркивал, что любая идеология постоянно преобразует продукты истории в неизменные сущности, все время пытается затушевать процесс изменения и развития, превратить миф в застывший объект вечного обладания. Современные мифы, порожденные идеологией, имеют одну цель – «обездвижение мира. Они должны давать внутреннюю картину вселенского хозяйственного механизма с раз и навсегда установленной... иерархией» [1]. Таким образом, мифы, являясь «освященными» государственной идеологией образцами для подражания, «настигают человека всегда и повсюду, отсылают его к тому неподвижному прототипу, который не позволяет ему жить своей жизнью, не дает ему особенно вздохнуть». Они парализуют человека, лишают его инициативы, делают его безвольным и пассивным.

Политический миф – это не столько произведение искусства, сколько функциональное средство, позволяющее упорядочить картину мира и организовать деятельность людей. Современный политический миф – коллективное-бессознательное творение нации, государства или политической партии. Они создают мифы для обоснования законности и своевременности своих желаний, стремлений и ненависти.

Вся структура политических мифов направлена на возбуждение людей. Политическая идеология, напичканная политическими мифами, имеет больше шансов на овладение массами, нежели идеология с изложением конструктивной программы.

В периоды нестабильности мы можем наблюдать парадоксальную ситуацию: старые мифы еще не разрушены, а новые мифы уже созданы. Как первые, так и вторые не способствуют движению социума вперед, хотя новые мифы могут его стабилизировать. Вследствие диалога двух пластов мифов, происходит их трансформация, что чревато возвращению в хаос самодовольства, самолюбования, что, в свою очередь, разрушает человеческую личность.

В кризисной ситуации мифы рождаются и распространяются с огромной скоростью. На наш взгляд, причинами этого являются:

- необходимость компенсации недостатка информации о социальной действительности;

- потребность в целостном осмыслении действительности;

- потребность в сравнительно простых средствах отражения действительности, чему способствуют доступность и легкость мифа;

- распространенность в обществе различных форм непродуктивной активности, выступающей следствием насильственного отрыва человека от труда, низкого уровня профессионализма, чрезмерной политизации общества и т.д.;

- возрастание роли мифа стимулируется понижением культурного уровня населения, распадом сложившихся систем образования и воспитания, возникшим духовным вакуумом, насаждением антиинтеллектуализма.

По мнению Г. Осипова, современному российскому обществу также насаждаются новые мифы. Назовем некоторые из них: миф о том, что все решит рынок, тогда как безудержная стихия рынка, не подкрепленная соответствующими изменениями в хозяйственном механизме и его правовом регулировании, ведет к дезорганизации производства; миф о приватизации как средстве создания изобилия, которой якобы нет альтернативы в преодолении застоя и упадка в хозяйстве; миф об «антиреформаторах» или противниках реформ, которые якобы против реформ России, в то время как критики принятого курса реформирования выступают за более радикальный курс (новый курс) реформирования, основным индикатором которого является человек, его моральное и материальное благополучие; миф об угрозе коммунизма, который используется как средство запугивания обывателя, как средство борьбы с оппозицией; миф о будущем, что требуется еще немного потерпеть, а там «с окончательной победой капитализма» будут нормальные, цивилизованные условия жизни, другими словами, тем самым скрываются от российского общества истинные причины нынешнего катастрофического положения, что, в

свою очередь, способствует распространению опасной социальной болезни и шири, и вглубь; миф о том, что Запад нам поможет.

Примечательно, что процесс политического мифогенезиса протекает на двух уровнях, долгое время не вступающих во взаимодействие друг с другом. На первом из них – федеральном складывание новой мифологии как общегосударственного феномена до недавних времён происходило довольно вяло, и связано это было с поиском новой общенациональной идеи.

Второму уровню формирования мифологии – региональному, - напротив, изначально были свойственны весьма высокий темп и значительное разнообразие образующих его событий. Процессы, активизированные распадом СССР, в ряде субъектов Российской Федерации привели в исторически сжатые сроки к образованию локальных неомифологий, быстро прошедших через стадию становления и оформившихся в зрелые самовоспроизводящиеся квази-идеологические системы, а в ряде случаев и вступивших в период стагнации. К настоящему времени можно с уверенностью говорить о завершении основного этапа неомифогенеза в наиболее развитых субъектах РФ, что позволяет обозначить доминирующие тенденции и главные структурные элементы регионального политического мифа.

Литература

1. Барт Б. Избранное. М., 1996 .С. 235.

АДИЛА ОРУДЖИЕВА

ТРАНСФОРМАЦИЯ СТЕРЕОТИПОВ ЭТНИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ КОРЕННЫХ МАЛОЧИСЛЕННЫХ НАРОДОВ СЕВЕРА (НА ПРИМЕРЕ ЯМАЛО-НЕНЕЦКОГО АВТОНОМНОГО ОКРУГА)

Процесс индустриализации и освоения обширных территорий России в XX в. носил ступенчатый характер и сопровождался массовыми миграционными перемещениями населения, сопряженными с социальными, экономическими, политическими и идеологическими феноменами. В этот круговорот вовлекались представители всех народов. Этнические контакты при этом, даже в условиях их мирного протекания, обусловленные благими намерениями общества, сопровождалась порой «пассионарным напряжением» этносов, участвующих в этих событиях. Особенно чувствительно реагировали, на разного рода преобразования, малочисленные народы [1, с. 7].

Среди многочисленных народов России в особую группу обычно объединяют 26 «народов Севера», которые отличаются малочисленностью, особым типом традиционного хозяйства, кочевым, или полукочевым образом жизни со своим характерным укладом. В массовом сознании населения СССР существовало представление о том, что эти народы находятся на грани исчезновения. На основе материалов о крайне высокой смертности, эпидемиях и голоде, собранных в разные периоды их дореволюционной истории, можно

было бы говорить о сокращении их численности, что как бы подтверждало вывод о «вымирании» этих народов.

Тезис о неминуемом «вымирании» малочисленных народов Севера в царской России был взят на вооружение после революции советскими общественниками. Согласно общепринятой в то время исторической схеме, коренные северяне были якобы спасены революцией. При этом счастливой жизни советских северян противопоставлялась тяжелая и мрачная жизнь аборигенов зарубежного Севера. В качестве подтверждения расцвета обычно приводили численный рост народов советского Севера (забывая при этом сообщить о быстром росте «несчастных» зарубежных северян). Количественный рост при этом считался неперменным спутником прогресса.

Со второй половины 1980-х годов в СМИ и популярной литературе вновь появились высказывания о реальной тяжелой и мрачной жизни российских народов Севера. Как тогда писали в газетах, под угрозой необратимого истощения оказалась не только природная среда, но и человеческий генофонд [2].

Интересно, что пик обвиняющих голосов пришелся на самый успешный, с точки зрения роста численности, период в жизни коренных народов Ямало-Ненецкого автономного округа. Так, в период между переписями 1979–1989гг. число ненцев, хантов и селькупов увеличилось на 20 %, тогда как за предшествующий период (1970–1979гг.) наблюдалась их абсолютная убыль, тогда как численность всего населения округа выросла вдвое [3, с. 88-89]. Следует отметить, что именно в этот промежуток и вплоть до начала 1990-х годов шел интенсивный процесс этнической ассимиляции.

Несмотря на мощную экспансию представителей различных национальностей, коренные жители Ямала смогли не только сохранить свою численность, но и увеличить ее благодаря постоянному естественному приросту.

По данным Всероссийской переписи 2002 г. в ЯНАО численность коренных народов Севера достигла почти 37 тыс. человек. По сравнению с переписью 1989 г. их число увеличилась на 7,2 тыс. человек или на 24,2 %, тогда как численность остального населения, на долю которого приходилось 91,5% всего населения, выросло лишь на 5 тыс. чел., или 1,1% [4, с. 90]. В начале 1990-х гг., после принятия ряда законов о придании коренным малочисленным народам Севера особого статуса, часть жителей Ямала, имея на то основания, идентифицировало свою национальную принадлежность к этой группе населения. В 2010 г. в округе проживало уже более 41 тыс. представителей ненцев, хантов и селькупов [5].

Позитивные изменения в динамике численности коренных малочисленных народов Севера во многом связаны с проводимой государством политики по сохранению и развитию малочисленных народов, населяющих Россию. В апреле 1999 г. был принят закон №82-ФЗ «О гарантиях прав коренных малочисленных народов Российской Федерации» [6], в котором впервые на федеральном уровне законодательно закреплена возможность правового регулирования жизненно важных вопросов: коллективное и индивидуальное право безвозмездно владеть и пользоваться землями различных категорий.

В рамках Целевой программы «Сохранение традиционного образа жизни, культуры и языка коренных малочисленных народов Севера ЯНАО на 2012-2015 годы», было предусмотрено выделение средства на обеспечение кочующих семей связью, в том числе и спутниковыми телефонами [7]. Окружными властями предоставляются гранты за проекты в сфере сохранения исторической среды обитания и традиционного образа жизни коренных народов, в том числе и в сфере этнографического и экологического туризма. Особое внимание уделяется развитию индивидуального предпринимательства из числа коренных жителей.

В настоящее время и пришлое и коренное население сформировали на Ямале гармоничные межнациональные отношения, благоприятную структуру населения отличную от старообжитых районов России, в которых заложен потенциал будущего демографического и экономического развития региона.

Литература

1. Гумилев Л.Н. Древняя Русь и великая степь. М., 2000. С.7.
2. Известия. 1989, 12 окт.
3. Краткая социально-экономическая характеристика населения РСФСР (по данным Всесоюзной переписи населения 1989 г.). М., 1991. Ч. III.
4. Национальный состав и владение языками, гражданство (Итоги Всероссийской переписи населения 2002 г.). М., 2004. Т. 4, ч 1. С. 90.
5. Российская газета. 2012. № 245.
6. <http://www.minnac/info/23883.nhtml> (дата обращения: 15.08.2013).
7. <http://base.consultant.ru/ragbase/cgi/online.cgi?reg=rlaw960; n=58411> (дата обращения: 15.08.2013).

**ВЛАДИМИР ПАШКОВ, НИКОЛАЙ МАЛЕВАННЫЙ,
СЕРГЕЙ ПЕТКОВ, ВИКТОРИЯ МОГИЛЕВСКАЯ,
НАТАЛЬЯ БОГОМОЛОВА**

НАЦИОНАЛЬНАЯ, МАКРОРЕГИОНАЛЬНАЯ И РЕГИОНАЛЬНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ КАК ФАКТОР ФОРМИРОВАНИЯ ГРАЖДАНСТВЕННОСТИ

Гражданство – политико-правовая принадлежность лица к конкретному государству, в связи с которой на него распространяются законы этого государства, возникают ее гражданские, политические и другие права и свободы, возможность ее участия в управлении делами соответствующего общества или государства. В связи с этим мы можем говорить об еще одном понятии - «гражданственность», которое, кроме юридического статуса лица, предполагает и осознание им своей роли и места в том общественном образовании, в котором она находится.

В последние десятилетия можно говорить, как самоутверждению общенациональной идентичности в украинском социуме, так и о росте роли регионов, об углублении региональной идентичности, вписанной в всеукраинский, а иногда европейский контексты, считает А.Иванец, причем некоторые регионы осо-

бенно связаны между собой и образуют определенные образования – макрорегионы [1].

Макрорегион может состоять как из отдельно существующих административных регионов, так и быть административно целостным. Главными критериями должно быть удобство и комфорт его жителей, повышения конкурентоспособности регионов, макрорегиона, который из них состоит, а также обеспечения общенациональных интересов. Отечественный исследователь данной темы Л. Нагорная предлагает характеристику понятия «национальная идентичность» в украинском контексте, отмечая, что понятие этнической и национальной идентичности часто отождествляются (как это делает, например, А. Олейник на страницах «Малой энциклопедии этнодержавознавства» [3]). М. Обушний ввел в научный оборот гибридное понятие «этнонациональная идентичность» [4].

Для Украины проблемы национальной самоидентификации стоят остро, потому что обретение независимости поставило ее перед выбором новой идентичности, такой, которая лучше способствовала бы процессам формирования политической нации сограждан. Выбранная молодым государством парадигма ни была национально-этнической и не закрепила за титульным украинским этносом никаких властных преимуществ [5].

Необходимость четкого определения идентификационного пространства в Украине возрастает в связи с тем, что процессы самоидентификации происходят одновременно с изменением механизмов социально-экономического регулирования. Новейший этап социокультурной трансформации в новообразованном государстве связан с существенной модификацией системы ценностей и моделей политического поведения. Нестабильность социальной среды, осложненная разнополюсностью внешних ориентаций, порождает размытость идентификационных систем и диффузию идентитета.

В понятие этнической идентичности вкладываются, прежде всего, общие представления, возникающие в результате осознания членами определенной этнической группы общности происхождения, культуры, языка, традиций, территории, истории и т.д. Что касается национальной идентичности, то по сравнению с этнической, это понятие более неопределенно и размыто. Э. Смит характеризует ее как абстрактную, многомерную конструкцию, связанную со многими различными сферами жизни и склонную к многочисленным преобразованиям и сочетаниям. Ее главными особенностями являются историческая территория, общие мифы и историческая память, общая культура, единые юридические права и обязанности для всех членов, общая экономика. Понятие национальной идентичности предполагает прежде самобытность, историческую индивидуальность, наличие популярной в массах национальной идеи [7].

В. Циба считает главными в характеристиках, которые способствуют идентификации жителей с гражданством данной страны, признание и уважительное отношение к национальным символам, знание и восприятие исторического прошлого страны, культуры коренного этноса с целью укрепления нации, знание и пользование государственным языком – языком коренного этноса – прежде всего, с целью консолидации граждан в нацию, а также как средства общения; духовное единство народа благодаря единой вере, что спо-

способствует формированию и укреплению нации; обоснованный минимальный ценз оседлости иммигрантов в стране с целью адаптации к социальной и этнокультурной среде [8].

Таким образом, можно сделать вывод о мощном гносеологическом и онтологическом потенциале развития национальной, макрорегиональной и региональной идентичности как факторе формирования гражданственности в Украине. Указанные уровни идентичности граждан Украины, при определенных условиях, могут быть не только не противоречивыми друг к другу, но и консолидирующими звеньями украинского социума, факторами формирования действенного патриотизма в экономической, исторической, территориальной, социокультурной и национальной основе.

Литература

1. Иванець А. За Перекопом земля є, або макрореґіон Таврія як історико-культурна, географічна та економічна реальність. URL: <http://krymtatar.in.ua/index/article/id/1042>
2. Енциклопедичний словник з державного управління / уклад.: Ю.П.Сурмін, В.Д.Бакуменко, А.М.Михненко та ін.; за ред. Ю.В. Ковбасюка, В.П. Трощинського, Ю.П. Сурміна. К.: НАДУ, 2010. 820 с.
3. Мала енциклопедія етнодержавознавства / НАН України, Ін-т держави і права ім. В.М. Корецького; Редкол.: Ю.І. Римаренко (відп. ред.) та ін. К.: Довіра; Генеза, 1996. С. 98.
4. Обушний М.І. Етнонаціональна ідентичність – феномен самовизначення українців. Автореф. дис... д-ра політ. Наук.К., 1999.
5. Нагорна Л. Поняття «національна ідентичність» і «національна ідея» в українському термінологічному просторі// Політичний менеджмент. К., 2003. №2. С. 15.
6. Костенко Н. Культурні ідентичності: перетворення і визнання // Соціологія: теорія, методи, маркетинг. К., 2001. №4. С. 74.
7. Сміт Е. Національна ідентичність. К.: Основи, 1994.
8. Циба В. Демократичні перетворення в країні. Діалектичні і соціально-психологічні аспекти// Політичний менеджмент. К., 2011. №4.

ПЕТР ПАШКОВСКИЙ

ТЕОРИЯ НОВОРОССИИ: ВЗГЛЯД ИЗ КРЫМА

События, происходящие в Украине с ноября 2013 г., актуализировали обсуждение вариантов её внутри- и внешнеполитического будущего [1; 2]. В частности, вхождение Крыма в состав России и массовые протесты на украинском юго-востоке, переросшие в вооружённое противостояние киевских властей со сторонниками так называемых «Луганской» и «Донецкой народных республик», объявивших о создании «Союза народных республик – Новороссии» [3; 4], породили новую волну общественно-политических и научных дискуссий относительно исторических оснований и уместности использования термина «Новороссия». Особого внимания в этой связи заслуживают мнения крымских политологов, посвятивших ряд комплексных исследований осмыслению данной проблемы.

Основоположником теории Новороссии принято считать отечественного геополитика Е.Морозова, опубликовавшего в 1996 г. одноимённую статью [5]. Рассмотрение сущности данной теории, безусловно, нуждается в специальном изучении. При этом в рамках настоящей работы важно отметить, что указанный исследователь, характеризуя этнические, национальные, территориальные и хозяйственные особенности обозначенного образования, отмечал: «...сложился тип новоросса со своей культурой, своим диалектом (тем самым русско-украинским «суржиком»), с которым страстно борется галичанская интеллигенция Украины), сложилась единая территория Новороссии от Дуная до Алтая и свой тип экономики, основанный на экспорте пшеницы свободными земледельцами» [5].

Крымские учёные изначально восприняли эту концепцию с большим интересом, современному увеличению которого способствовали обозначенные выше события.

Так, заслуживает внимания попытка выделить границы пространства Новороссии, принадлежащая крымскому историку, кандидату филологических наук, директору Центрального музея Тавриды А.Мальгину. Осуществив исторический анализ проблемы, он приходит к выводу, что трактовки границ данного пространства различаются в зависимости от того, какие аспекты в них преобладают: исторические, политические или народно-хозяйственные. «Нам, как крымчанам, - акцентировал исследователь в июле 2014 г., - наверное, будет близко следующее понимание пространственного наполнения этого понятия: большинство земель, входящих в исторический макрорегион Новороссия, представляют собой земли, контролировавшиеся когда-то Крымским ханством и подвергшиеся со второй половины XVIII века глубокой социокультурной переработке: сначала в рамках Российской империи, а затем – Советского Союза. Таким образом, Новороссия, это не что иное как своего рода Большой Крым. Крым малый самоопределился 16 марта 2014 года. Самоопределение Новороссии, таким образом, не за горами» [6].

В статье «Русский Новый свет», опубликованной в августе 2014 г., А.Мальгин раскрывает особенности процесса исследования истории Новороссии, начиная с XVIII в., приводя ряд значимых с научной точки зрения фактов и не менее важных выводов. Обобщая указанные сюжеты, учёный отмечал: «Мы говорим сейчас только о самых общих работах по истории освоения Новороссии, но следует иметь в виду, что за последние 250 лет появилось также и множество исследований по отдельным субрегионам обширной страны – о Донбассе, Приазовье, Южном Поднепровье, Таврии, Побужье, Буджаке, Приднестровье, о её больших городах – Одессе, Ростове-на-Дону, Екатеринославе (Днепропетровске) и Александровске (Запорожье), - назвать которые в таком кратком очерке просто невозможно. Точно также невозможно даже бегло обозреть обширную литературу по археологии, древней и средневековой истории этого края. Буквально на наших глазах рождается интереснейшая литература о политическом и духовном феномене Новороссии...» [7]. И в этом имеется несомненная заслуга крымских исследователей.

Специфика природных условий, историческая динамика этнического и национального состава, культурно-психологические и производственные осо-

бенности земель Новороссии в их взаимодействии, учитывая вытекающие из этого последствия, освещаются в статье А.Мальгина «Новороссия: человек и природа», увидевшей свет в конце августа 2014 г. Исследователь обоснованно утверждает о том, что степной ландшафт детерминировал характер исторического процесса на этой территории: «В течение тысячелетий Новороссия является грандиозным коридором, через который с Востока на Запад, а иногда и в обратном направлении движутся массы разнообразных, преимущественно кочевых этносов». При этом «до XVIII века ни один из «хозяев степей» не смог стать основой сколько-нибудь устойчивого оседлого сообщества». Вторым важным фактором, оказавшим значительное влияние на историю данного пространства, стало море. «Если степь, - акцентировал учёный, - делает Новороссию продолжением Евразии, то море связывает её со средиземьем (средиземноморьем), сообщая её почётную миссию посредника и проводника ценностей великих цивилизаций Юга Европы на русский север». Третьим природным фактором, определившим судьбу рассматриваемых земель, выступают недра: «Открытие угольных и железорудных месторождений привело к колоссальному промышленному росту и, по существу, к новой революции в Новороссии, которая повлекла за собой серьёзнейшие социальные и демографические перемены ... Промышленный переворот привлёк к освоению нового региона выходцев не только из различных социальных слоёв, но и из различных этносов обширной Российской империи (Советского Союза) и за границы» [8].

Быстрота социально-демографических изменений, вызванная обозначенными факторами, обусловила «культурную укоренённость местных сообществ». «Именно поэтому, - заключал А.Мальгин, - социальный ландшафт Новороссии до самого последнего времени сохранял высочайшую подвижность, именно поэтому осознание собственной идентичности у жителей Новороссии шло более медленными темпами, чем у соседей. Именно поэтому новороссам в XX веке не без временного успеха навязывали чуждое им самосознание». В данных условиях был сформирован «подвижный, открытый, приморский, индустриальный и в конечном итоге современный (ну и, разумеется, брутальный) характер их культуры, резко отличный от консервативной, замкнутой, континентальной и сельской культуры Украины ... Культура и самосознание Новороссии полностью завязаны на «большом пространстве», на империи, здесь господствуют ветры Евразии. Идентичность Новороссии часто называют «советской». Но это лишь последний, верхний слой этой специфической культурной реальности. И Новороссию ещё предстоит в полной мере осознать это» [8].

Смысловое развитие теория Новороссии получила в трудах крымского политолога, кандидата исторических наук, доцента Таврического национального университета имени В.И.Вернадского А.Никифорова. Так, ещё в 1999 г., в целом разделяя взгляды Е.Морозова, он писал: «Новороссийская этнокультурная общность еще находится в стадии становления, которому к тому же препятствует то обстоятельство, что территория Новороссии рассеяна на части границами новых независимых государств. Эта ситуация способствует распространению среди населения Новороссии острой ностальгии по СССР. В

таким деформированном виде проявляется пока еще не до конца осознанное стремление новороссов к политическому единству»[9].

Впоследствии происходило концептуальное оформление приведённых суждений. В 2012 г. А.Никифоров указывал, что «в недрах русского этноса в данный момент созревает новый субэтнос – новороссы. На наш взгляд, геополитической задачей этого формирующегося субэтноса является освоение русским геополитическим организмом степной полосы Евразии. Для того, чтобы убедиться в том, что освоение это далеко от завершения, достаточно взглянуть на современную политическую карту Восточной Европы и Северной Азии» [10]. «Перспективы сохранения и развития Русского мира в свете теории Новороссии, - значит далее в этой работе, - видятся не в стратегии «сосредоточения» России, а в поддержании пространственной структуры, в которой наличие Русского материка (РФ) подкреплялось бы существованием Русского архипелага, состоящего из территорий, на которых русские, не меняя этнической и культурной идентификации, могли бы чувствовать себя дома, на Родине, где они являются коренным народом в не меньшей степени, чем в «материковой» России» [10]. На основе теории Новороссии данный исследователь формулирует концепцию геополитических циклов и перспектив Русского мира, функциональность которой подтвердят дальнейшие общественно-политические события.

Роль А.Никифорова характеризуется не только системностью и глубокой концептуально-декларативного измерения его взглядов, но и практической деятельностью. В марте 2014 г., в разгар украинского социально-политического кризиса, он – активный участник «крымской весны» и сторонник воссоединения полуострова с Россией – уже открыто заявляет, что «на нашем поколении лежит ответственная задача – собрать воедино Новороссию. А Крым является хорошим примером и началом этого процесса» [11]. «Сейчас, - отмечал он в июле 2014 г., - когда в трудах и муках Новороссии рождается на наших глазах как политическая реальность, когда угаданная, прочувствованная и интеллектуально обоснованная модель обретает плоть и кровь – становится более очевидно, ясно, зримо, то, что Морозов видел ещё в далёких 90-х: что здесь, в Новороссии, решается будущее России, того огромного культурно-исторического пространства, которое в последнее время стало принято называть Русским миром. А это значит, что каждый, кто не просто в силу демографической и географической случайности называет себя русским, должен, нет – ОБЯЗАН – каждый день делать хоть что-то ему посильное для победы Новороссии» [12].

В контексте обозначенной проблемы представляется необходимым отметить взгляды известного крымского политолога, кандидата филологических наук, доцента Таврического национального университета имени В.И. Вернадского С.Киселёва. Среди наиболее значимых его работ выделяются исследования циклов геополитической истории Причерноморья и «Малой игры» [13], крымской русской идентичности [14] и геостратегического значения Крыма в свете российской внешней политики [15]. Так, в 1994 г. в брошюре «Размышления о Крыме и геополитике», написанной в соавторстве с Н.Киселёвой, он утверждал, что «возрождённой России для обеспечения своих интересов в

Европе рано или поздно придётся всё же потребовать возвращения Крыма в её состав», после чего «неминуемо восстановится её сильная внешняя политика и начнётся обратное движение от рубежей предательства к рубежам победы» [15, с. 33, 34]. Справедливости данных слов подтвердит история.

Много лет спустя, в мае 2014 г., размышляя о причинах и последствиях «крымской весны», С.Киселёв отмечал: «Геополитический выигрыш России в результате возвращения Крымского полуострова более чем очевиден. Ещё в XVIII веке была сформулирована такая максима – кто владеет Крымом, тот контролирует Чёрное море и Северное Причерноморье. В настоящее время этот регион – один из геостратегических и геоэкономических узлов на мировой политической карте» [16]. «Для России возвращение Крыма в её состав, - акцентировал он, - есть первый шаг на пути восстановления её миродержавного значения, возвращения статуса супердержавы» [16]. Кроме того, указывал исследователь, «смысл Крыма для России в том, что древняя земля Тавриды – колыбель русского Православия! Здесь принял крещение Святой Владимир. Отсюда началось распространение православной веры на Руси. Той Веры, которая наложила неизгладимый мистический отпечаток на всю её историю; Веры, сформировавшей «загадочную русскую душу», тайна которой по-прежнему остается недоступной чужакам» [16].

С учётом рассмотрения теории Новороссии, видится важным ещё одно обстоятельство. В 2011 г. С.Киселёв подчёркивал, что «спустя двести лет после присоединения Крыма к России, русская культура настолько укоренилась на крымской земле, включив ее в свой генетический код, что началась ее пространственная самоорганизация, подтверждением чему и является крымско-русская идентичность.

Сегодня крымская русская идентичность – уже реальность, а крымские русские – этнографическая константа в многонациональном составе населения полуострова, политический и правовой субъект, с которым рано или поздно придется считаться, если мы действительно хотим мира и согласия на благодатной земле Крыма» [14].

Комплексное и системное продолжение теории Новороссии получила в трудах крымского политолога, кандидата философских наук, доцента, директора Центра этносоциальных исследований Таврического национального университета имени В.И. Вернадского А.Филатова. Размышляя о будущем Украины, в октябре 2009 г. учёный отмечал: «Новороссия и Крым станут новым государством или государствами, если в Крыму татары поддержат независимость. Статус этого государства или государств Новороссии и Крым будет подобен статусу Абхазии и Южной Осетии. Ожидать в настоящее время и в ближайшем будущем включения этих земель в состав Российской Федерации вряд ли возможно. Одной из причин, препятствующих модернизации территориально-государственного устройства РФ, является действующая Конституция, фактически ограничивающая возможности восстановления политической целостности страны в границах Советского Союза или Российской Империи» [17].

В дальнейшем его взгляды приобретают форму завершённой геополитической концепции, имеющей более решительный и, как покажут последующие

события, во многом пророческий характер. «Россия – становящаяся цивилизация, – констатировал он в марте 2014 г. – Древняя (Новгородско-Киевская) Русь и Московская Русь – воспроизводство Византийской цивилизации. Царская Россия и Советская Россия – воспроизводство европейской цивилизации. Сейчас формируется собственно Российская цивилизация на базе Российского социокультурного пространства. ... Перспективы российской цивилизации строятся, исходя из следующей концептуальной модели. Историко-временная ось человеческой культуры возникает из последовательно сменяющихся друг друга уровней и в различной степени активности взаимодействующих очагов культуры: Южная Африка (архаическая культура древнейшего человека, до периода отстоящего от нашего времени в 40 тысяч лет); Средиземноморье – Ближний Восток – Индия – Китай (Древний Египет, Древняя Месопотамия, Древняя Индия, Древний Китай, Древняя Греция, Древний Рим, 10-2 тысячи лет назад); Европа (эпоха Средневековья, Нового и Новейшего времени, вплоть до сегодняшнего дня); Россия (Новороссия, становление в XXI веке)»[18].

Расширенная аргументация обозначенной концепции была представлена в монографии А.Филатова «Геополитика в цивилизационном измерении», увидевшей свет в начале 2014 г. В ней, на базе глубинного культурно-исторического и геополитического анализа, исследователь заключал: «Таким образом, фиксируется продвижение очагов глобальных исторических культурных комплексов с юга на север планеты. Что даёт основания предполагать возникновение следующего очага Мировой оси культуры на севере от Евроатлантического на территории Урала и Южной Сибири – Российского очага мировой культуры» [19, с. 197].

Указанные исследователи – далеко не единственные представители крымского научного сообщества, интересующиеся проблемой интерпретации теории Новороссии. Однако представляется, что приведённые специалисты внесли наибольший вклад в обогащение и развитие данной теории: ими комплексно исследована история изучения Новороссии; предложены и обоснованы оригинальные трактовки её границ (в частности, идея Большого Крыма – Причерноморья); осуществлён геополитический анализ пространства Новороссии; раскрыто влияние природных факторов (степной ландшафт, море и недра) на социально-демографические, этнические и национальные процессы, идентичность и культуру местного населения; определена зависимость между формированием субэтнуса новороссов и внешней политикой Российской Федерации на постсоветском пространстве; охарактеризовано значение Крыма (сакральное, культурное, ментальное и стратегическое) и Черноморского региона в контексте возрождения могущества современной России и становления Новороссии; выявлено наличие особой крымско-русской идентичности; разработана геополитическая концепция, доказывающая реальность процесса продвижения очагов глобальных культурно-исторических комплексов с юга на север и возможность возникновения следующего – Российского – очага Мировой оси культуры на территории Урала и Южной Сибири.

Литература

1. Пашковский П.И. «Конфликт поколений» в контексте внешнеполитического выбора Украины как проявление личностной депривации // Личностная депривация: юридический, психологический, междисциплинарный аспекты: коллективная монография / Отв. ред. В.М. Мелихов, О.Н. Макаренко, Г.Г. Егоров. Волгоград: ООО «Царицынская полиграфическая компания», 2014. С. 364-372.
2. Юрченко С.В. Социально-политический кризис в Украине в контексте формирования новой системы международных отношений // Личностная депривация: юридический, психологический, междисциплинарный аспекты: коллективная монография / Отв. ред. В.М. Мелихов, О.Н. Макаренко, Г.Г. Егоров. Волгоград: ООО «Царицынская полиграфическая компания», 2014. С. 397-411.
3. ДНР и ЛНР объединились в Новороссию и ждут Харьков Режим доступа: <http://www.mk.ru/politics/2014/05/24/dnr-i-lnr-sozdali-novoe-gosudarstvo-novorossiyu.html>
4. ДНР и ЛНР объединились в Новороссию и намерены создать «Народный фронт». Режим доступа: http://zn.ua/UKRAINE/dnr-i-lnr-obedinilis-v-novorossiyu-145730_.html
5. Морозов Е. Теория Новороссии. Режим доступа: <http://www.whiteworld.ru/rubriki/000102/001/00122008.htm>
6. Мальгин А. Новороссия: границы пространства. Режим доступа: http://zerkalokryma.ru/specialproject/novorossiya/novorossiya_granicy_prostranstva/
7. Мальгин А. Русский Новый свет. Режим доступа: http://zerkalokryma.ru/specialproject/novorossiya/russkij_novyj_svet/
8. Мальгин А. Новороссия: человек и природа. Режим доступа: http://zerkalokryma.ru/lenta/people/opinions/novorossiya_chelovek_i_priroda/
9. Никифоров А. Хворый парубок Европы. Геополитические перспективы независимой Украины. Режим доступа: <http://ok.archipelag.ru/part2/hvoriy.htm>
10. Никифоров А. Геополитические циклы и перспективы Русского мира в свете теории Новороссии. Режим доступа: <http://www.geopolitics.ru/2012/10/geopoliticheskie-cikly-i-perspektivy-russkogo-mira-v-svete-teorii-novorossii/>
11. Андрей Никифоров: «На нашем поколении лежит ответственная задача – собрать воедино Новороссию». Режим доступа: <http://www.novoross.info/general/24355-andrey-nikiforov-na-nashem-pokolenii-lezhit-otvetstvennaya-zadacha-sobrat-voedino-novorossiyu.html>
12. Никифоров А. Колумб Новороссии. Режим доступа: http://zerkalokryma.ru/specialproject/novorossiya/kolumb_novorossii1/
13. Киселёв С. Циклы геополитической истории Причерноморья и «Малая игра». Режим доступа: <http://www.kr-eho.info/index.php?name=News&op=article&sid=9606>
14. Киселёв С. Крымская русская идентичность как этнополитическая реальность. Режим доступа: <http://www.bigyalta.com.ua/story/27309>
15. Киселёв С., Киселёва Н. Размышления о Крыме и геополитике. Симферополь: Крымский архив, 1994. 64 с.
16. Сергей Киселёв: «Смысл Крыма для России в том, что это колыбель русского православия». Режим доступа: <http://www.regnum.ru/news/polit/1799130.html>
17. Политолог: статус государств Новороссия и Крым будет подобен статусу Абхазии и Южной Осетии. Режим доступа: http://timer.od.ua/news/Politolog_status_gosudarstv_Novorossiya_i_Krym_b.html
18. Филатов А. Крымский референдум как аспект геополитики в цивилизационном измерении. Режим доступа: <http://zapadrus.su/rusmir/pubru/988-anatolij-filatov-krymskij-referendum-kak-aspekt-geopolitiki-v-tsvivilizatsionnom-izmerenii.html>
19. Филатов А.С. Геополитика в цивилизационном измерении. Симферополь: Антиква, 2014. 224 с.

**МИХАИЛ ГОРБАЧЁВ И ПРОЦЕСС ДЕЗИНТЕГРАЦИИ СССР:
КОНЦЕПЦИИ ЗАПАДНЫХ ИССЛЕДОВАТЕЛЕЙ**

В настоящее время западная историография проблемы установления роли и места советских элит в процессе разрушения второй сверхдержавы – представляющая «альтернативный взгляд», распознавший подчас «скрытые» от специалистов постсоветских государств факты и события, давая им оригинальную оценку – в отечественной науке остаётся недостаточно изученной. Отдельный интерес представляет определение, путём анализа взглядов учёных США и Великобритании, интерпретаций значения личности первого и последнего советского президента в ходе дезинтеграции СССР.

Согласно Дж.Мэтлоку, в «западном понимании» этой проблемы выделяется «три школы». Первая определяет М.Горбачёва как «проходную фигуру», инициировавшую реформы с целью укрепления личной власти. В рамках второй школы советский лидер предстаёт реформатором, который быстро сбился с пути, оказавшись жертвой масштабных перемен, будучи не в силах их контролировать. Третья школа называет М.Горбачёва подлинным реформатором, столкнувшимся с противодействием руководством коммунистической партии, что привело его к тактическим компромиссам, в ходе которых он пытался избавиться от контроля со стороны КПСС. Для успешного завершения, задуманного – построения государства, базирующегося на «господстве закона» в форме конфедеративного союза из основного числа советских республик – ему якобы не хватило времени [9, р. 656].

Но оценки исторического значения личности советского генсека в западной историографии не ограничиваются объяснением в формате трёх указанных школ, характеризуюсь существенной вариативностью. Так, к первой группе можно условно отнести исследователей, утверждавших, что именно политика М.Горбачёва кардинально и необратимо изменила СССР и действовавший мировой порядок. «На протяжении менее семи лет, - писал Р.Кайзер, - Михаил Горбачёв трансформировал мир. Он всё перевернул в собственной стране. ... Он поверг советскую империю в Восточной Европе одной лишь силой своей воли...» [8, р. 11-13]. Дж.Бейкер отмечал, что окончание холодной войны стало возможным благодаря одному человеку – советскому президенту, без активного участия которого не начались бы произошедшие затем масштабные перемены [4]. По мнению Э.Картера, М.Горбачёв сыграл определяющую роль, по меньшей мере, в четырёх сферах: изменение военной политики (особенно после его выступления в ООН в декабре 1988 г., когда мир убедился в серьёзности советских намерений); отказ от признания классовой борьбы «смыслом мировой истории»; выдвижение на первый план «общечеловеческих ценностей» и признание важности ООН; отказ от поддержки марксистских режимов в «третьем мире»; изменение отношения к восточноевропейским странам и отказ от «доктрины Брежнева» [6, р. 205-227]. В подтверждение этого Р.Гартхофф подчёркивал, что в процессе окончания холодной войны «Горбачёв сделал львиную долю уступок» Западу [7, р. 775]. «Если мы можем

воздать должное одному человеку, - акцентировал Дж.Мэтлок, - сокрушившему коммунистическое господство в Советском Союзе, то это будет Михаил Горбачёв» [9, р. 571]. Дж.Турпин писал: «Холодная война не завершилась бы без Горбачёва. Он ввёл перестройку, которая включала в себя свободу словесного выражения, политическую реформу и экономические изменения. Он отказался от «доктрины Брежнева», позволив странам Варшавского Договора обрести независимость...» [11, р. 47].

Ко второй группе интерпретаторов роли персоны М.Горбачёва относятся аналитики, отмечавшие такие его качества, как непоследовательность, растерянность, наивность и отсутствие реализма, которые в совокупности с внешними и внутренними факторами привели к потере контроля над, инициированными им, «перестроичными» процессами. «Вначале Горбачёв полагал, - обосновывали Э.Бриггс и П.Клэвин, - что возможно просто уничтожить злоупотребления, после чего начнётся рост производства. ... Поскольку сила и авторитет центральных институтов коммунистической партии уменьшились, Горбачёв оказался полностью не подготовленным к требованиям независимости со стороны пятнадцати советских социалистических республик. ... Горбачёву нечем было ответить на этнические и языковые проблемы, созданные его реформами» [1, с. 501, 503]. Г. Киссинджер отмечал: «Горбачёв ... хотел добиться своими действиями модернизации, а не свободы; он попытался приспособить Коммунистическую партию к окружающему миру, а вместо этого оказался церемониймейстером краха той самой системы, которая его сформировала, и которой он был обязан своим возвышением» [2, с. 716-717].

Третья группа аналитиков указывает на некий «психологический конфликт», происходивший внутри личности советского генсека, делавший его позицию двусмысленной, внося «путаницу» во внутри- и внешнеполитический курс СССР. В частности, З.Бжезинский называл М.Горбачёва «Великим Путаником и исторически трагической личностью» [5, р. 46]. «Попытка путча в августе 1991 года, - писал Дж.Хоскинг, - была во многом заговором Горбачёва против самого Горбачёва, когда одна половина его двойственной политики совершила покушение на другую» [3, с. 488]. Р.Саква считал, что в ходе финальной стадии холодной войны Дж.Буш и Г.Коль смогли переиграть советского президента вследствие его «внутреннего противоречия», которое заключалось в столкновении двух диаметрально противоположных желаний - быть, с одной стороны, реформатором, а с другой - всеобщим примирителем [10].

Литература

1. Бриггс Э., Клэвин П. Европа нового и новейшего времени. С 1789 года и до наших дней. М.: Весь мир, 2006. 600 с.
2. Киссинджер Г. Дипломатия. М.: Ладомир, 1997. 848 с.
3. Хоскинг Дж. История Советского Союза. 1917–1991. Смоленск: Русич, 2001. 496 с.
4. Baker J. A., DeFrank T. M. The Politics of Diplomacy: Revolution, War and Peace, 1989–1992. N.Y.: G. P. Putnam's Sons, 1995. 687 p.
5. Brzezinski Z. The Cold War and Aftermath // Foreign Affairs. 1994. №4. P. 42-49.

6. Carter A. Success and Failure in Arms Control Negotiations. N.Y.: Oxford University Press, 1989. 308 p.
7. Garthoff R. The Great Transition: American-Soviet Relations and the End of the Cold war. Washington: Brookings institution, Cop. 1994. 814 p.
8. Kaiser R. Why Gorbachev Happened: His Triumphs and His Failure. N.Y.; Toronto: Simon & Schuster, 1991. 476 p.
9. Matlock J. F. Autopsy on an Empire: the American Ambassador's Account of the Collapse of the Soviet Union. N.Y.: Random House, 1995. 836 p.
10. Sakwa R. The Rise and Fall of the Soviet Union, 1917-1991. London; N.Y.: Routledge, 1999. 521 p.
11. Turpin J. Gorbachev, the Peace Movement, and the Death of Lenin // Why the Cold War Ended: A Range of Interpretations / ed. by R. Summy, M.E. Salla. Westport: Greenwood Press, 1995. P. 69-90.

ПЕТР ПАШКОВСКИЙ

**ПРОБЛЕМА «КОНФЛИКТА ПОКОЛЕНИЙ»
В КОНТЕКСТЕ ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКОГО ВЫБОРА
УКРАИНЫ**

Украинские политические реалии конца 2013 – начала 2014 г., помимо очередного подтверждения региональной «расколотости» общества в плане мировоззренческих установок и геополитических ориентаций [1, с. 255], способствовали активизации дискуссий относительно обострения «конфликта поколений» в сфере смыслов [2; 3; 4]. Действительно, в ходе известных событий в разных регионах страны как никогда чётко наблюдались отличия в восприятии её внутривнутриполитической реальности и внешнеполитической перспективы представителями различных возрастных групп – поколений.

Один из наиболее убедительных примеров обоснования идеи влияния «исторического опыта поколений» на формирование внешнеполитического курса государств был представлен в рамках концепции «циклов американской истории». Её автор, американский исследователь А.Шлезингер-младший, привёл важные в теоретико-методологическом плане положения: «...в течение своей жизни люди склонны формироваться под воздействием событий и идей, преобладающих на момент обретения ими политического самосознания». Впоследствии, придя к власти, каждое новое поколение «склонно отвергать труды поколения, которое оно сместило, и возрождать собственные юношеские идеалы тридцатилетней давности» [5, с. 52]. При этом период «политической жизни» поколения определяется, приблизительно, в тридцать лет. Первую половину этого срока поколение политиков идёт к власти, а в период второй – удерживает её, реализуя свой политический курс [6, с. 96]. Данные утверждения и механизм «смены поколений» доказывают свою обоснованность на примере политических процессов ряда современных государств.

Что касается ситуации в Украине, то вплоть до недавнего времени здесь наблюдалась общая для стран постсоветского пространства тенденция «вос-

производства» культурно-психологических установок «советской эпохи», носителем которых было поколение «homosoveticus» [7; 8]. Это признавали и западные специалисты, обобщая мнения, которых относительно бывших советских республик, российский американист А.И. Уткин в 2006 г. отмечал: «...в социально-психологическом смысле Советский Союз никуда не девался, он существует по сию пору. И не следует переоценивать значимость пятнадцати столиц, правительств, парламентов. Американские специалисты подчёркивают тот факт, что рухнувшая в одночасье политическая система оставила 70 млн. человек, живущих за пределами своих республик. Помножьте на три это число, и это будет общее число родственников, находящихся на территории пятнадцати республик. Социальные ценности не погибли в течение нескольких месяцев или лет. Исторические особенности не затухают в течение нескольких сезонов. Всё это осталось в пятнадцати новорожденных государствах и, как «невидимая рука» истории, подводит общий знаменатель под пятнадцать суверенных государств» [9, с. 415].

Проявлением сохранения «духа эпохи» выступает почитание обществом её символов – памятников и названий улиц, музыкальных произведений, важнейших исторических событий, особого «пантеона героев» - имеющих консолидирующее значение. Пока они стоят на своих постаментгах, живут в названиях, сознании и голосе, на страницах учебников и газет, на экранах телевизоров и в радио эфирах, пока они вызывают уважение и гордость за «наше общее прошлое» – прежняя эпоха, воплощённая в менталитете поколения, продолжает существовать. Когда они разрушаются, отрицаются, пересматриваются, стираясь из памяти – на смену одним эпохам, и сформированным ими поколениям, приходят другие.

Доказательства того, что подобное происходит в Украине, имели место на протяжении более чем двух последних десятилетий. Однако этот процесс протекал в большей или меньшей степени плавно, без очевидных «перегибов» и явного радикализма, ставших практически повсеместным явлением в последние месяцы. Символами смены эпох и поколений в настоящее время представляются даже не направленные против политики властей массовые выступления, социальный состав, движущие силы и механизмы организации которых вызывают массу вопросов. Такими символами становятся показательные акты, на фоне которых происходили эти события. Речь идет, прежде всего, о низвержении «пантеона героев» прошлого: невиданной по своей массовости череде разрушений «рукотворных архетипов» советской эпохи – памятников В.И.Ленину. В частности, по информации украинских СМИ, только 21 февраля 2014 г. было снесено порядка 10 памятников «вождю мирового пролетариата», среди них 2 монумента в г. Хмельницком, 4 на Винничине и 1 в Белой Церкви [10]. Всего же с начала декабря 2013 по конец февраля 2014 г. разрушено несколько десятков подобных памятников, преимущественно в центральных и некоторых южных областях Украины, а также в Крыму [11].

На этом фоне наблюдается усугубление «конфликта поколений» в плане украинского внешнеполитического выбора, что подтверждают социологические исследования. Так, по данным Института социологии НАН Украины на ноябрь 2013 г., отвечая на вопрос о том, «кого Вы считаете главным союзни-

ком Украины в ближайшие 5 лет», мнения респондентов значительно отличались в зависимости от их возраста. В качестве её главного союзника Россию и страны СНГ называет большинство – 48% опрошенных. Из них: 55,6% - люди старше 55 лет, 47,4% - от 30 до 54 лет и 37% - до 30 лет. Европейский союз (ЕС) к «главным союзникам» Украины относят 29,6 % респондентов: 37% - люди в возрасте до 30 лет, 31,1% - от 30 до 54 лет, 22,6% - старше 55 лет [12, с. 145-146].

Примечательно, что в последние годы наблюдается общее падение популярности восточного направления интеграции, особенно среди представителей младшей и средней возрастных групп. Об этом свидетельствует сравнительный анализ исследований Института социологии НАН Украины за 2008 и 2013 гг. [12; 13]. В конце 2013 г. идею присоединения Украины к Союзу России и Беларуси «скорее позитивно» оценивали 48,9% всех опрошенных (в 2008 г. – 60,3%), «скорее негативно» - 28,5% (в 2008 г. – 24,3%), «трудно определить» – 22,4% (в 2008 г. – 15,4%). Кроме того, в группе до 30 лет эту идею поддерживали 36,7% (в 2008 г. – 51%), примерно столько же - 37,3% (в 2008 г. 28%) – не поддерживали и 26% (в 2008 г. – 21%) – затруднились ответом. Среди респондентов в возрасте от 30 до 54 лет «скорее позитивно» идею присоединения Украины к Союзу России и Беларуси оценивали 48,5% (в 2008 г. – 60,5%), «скорее негативно» - 29% (в 2008 г. – 25,8%), затруднились с ответом 22,5% (в 2008 г. – 14,5%). Представители старшей возрастной группы (от 55 лет) в 2013 г. в подавляющем большинстве оценивали эту идею «скорее позитивно» - 57,1% (в 2008 г. – 66,9%), значительно меньшая их часть (22,6%) – «скорее негативно» (в 2008 г. – 20,3%). Тех, кто не определился – 20,3% (в 2008 г. – 12,8%) [12, с. 148; 13, с. 56].

В свою очередь, в 2013 г. идею вступления Украины в ЕС «скорее позитивно» оценивали 41,6% опрошенных (в 2008 г. – 44,1%), «скорее негативно» - 27,9% (в 2008 г. – 18,8%), тех, кому было «трудно ответить» - 30,3% (в 2008 г. – 37,7%). Это демонстрирует тенденцию некоторого падения популярности европейского направления интеграции в общегосударственном масштабе. Однако в сфере возрастных отличий «конфликт поколений» в контексте внешнеполитического выбора прослеживается в полной мере. В 2013 г. идея вступления Украины в ЕС в возрастной группе до 30 лет пользовалась поддержкой 48,8% (в 2008 г. – 48,4%), не поддерживало данную идею 21,6% (в 2008 г. – 14,5%), «трудно определить» было 29,6% (в 2008 г. – 37%). Возрастная группа от 30 до 54 лет в плане отношения к этой проблеме демонстрирует следующие показатели: «скорее положительно» - 43,7% (в 2008 г. – 44,5%), «скорее отрицательно» - 26,1% (в 2008 г. – 18,3%), «трудно сказать» - 30,3% (в 2008 г. – 37,2%). Среди представителей старшей возрастной группы (от 55 лет) в 2013 г. поддерживало данную идею 34,2% (в 2008 г. – 40,6%), не поддерживало – 34,9% (в 2008 г. – 22,7%), не определившихся со своей позицией – 30,8% (в 2008 г. – 36,7%) [12, с. 153; 13, с. 56]. Следовательно, за пять лет произошло снижение положительного восприятия идеи европейской интеграции Украины в средней и старшей возрастной группе, и незначительное увеличение – в младшей.

Отличия внешнеполитических приоритетов разных возрастных групп населения также проявляются в оценке идеи вступления Украины в Таможенный союз (ТС). По данным на ноябрь 2013 г., позитивно к этой идее относились 45,1% опрошенных, в том числе: 36,4% - в возрастной группе до 30 лет, 44,9% - от 30 до 54 лет, 51,2% - от 55 лет. «Скорее негативно» данную идею оценивали 25,5%: в возрастной группе до 30 лет – 29,9%, респонденты 30-54 лет – 26,6%, люди в возрасте от 55 лет – 21,4%. Тех, кто не определился в своём отношении значилось 29,1%, из них: 33,7% - в возрастной группе до 30 лет, 38,6% - от 30 до 55 лет, 27,5% - от 55 лет [12, с. 150]. Очевидно, что базой социальной поддержки евразийского направления интеграции Украины являются представители средней и старшей возрастных групп, вступая в противоречие с младшей группой, в рядах которой наблюдается наибольшее число противников данного внешнеполитического вектора.

Для понимания истоков и факторов обозначенных противоречий необходимо идентифицировать социальный состав указанных возрастных групп, уточнив особенности их мировоззрения и мотивации. Помощь в этом могут оказать эксперты Центра Разумкова, которые, при участии коллег из Центра НОМОС и Центра политико-правовых реформ, опубликовали в 2013 г. исследование «Украина: время выбора» [14]. Согласно их данным, среди приверженцев ЕС две трети – люди младше 50 лет. 65% из них – избиратели партий «Батькивщина», УДАР и «Свобода». 40% имеют высшее или неполное высшее образование (что почти вдвое больше, чем среди сторонников ТС). Большинство (57%) – люди с относительно высоким уровнем доходов: те, кому, по собственной оценке, либо «в целом на жизнь хватает», либо «живётся обеспеченно». 62% - относят себя к среднему классу, треть – к низшему. Приверженцы европейской интеграции имеют гораздо больший опыт посещения стран ЕС (в них бывали более 34%), нежели сторонники ТС (лишь 13%) и те, кто не определился (16%), - хотя страны ТС они посещали чаще (44%). Свой уровень информированности относительно ЕС представители этой группы чаще оценивают, как средний (48%), а относительно ТС – одинаково часто как средний (42%) и низкий (42%). Среди преимуществ ЕС они, как правило, называют высокий уровень социальной защиты граждан (70%), верховенство права (43%) и развитую демократию (41%). 94% считают, что именно в ЕС существуют лучшие условия для развития Украины. А в ТС наиболее часто видят такие недостатки, как: коррупция (64%), доминирование России (41%), дефицит демократии (41%) и теневая экономика (40%). Большинство сторонников европейской интеграции считают, что в странах ЕС живут более социально активные, культурные, моральные люди, с большим чувством собственного достоинства, чем в странах ТС [14, с. 28].

Приверженцы ТС – в подавляющем большинстве люди от 50 лет и старше. Наибольшую социальную группу (40%) составляют пенсионеры. Большинство (58%) – граждане с низким уровнем доходов, которые отмечают, что средств хватает только на питание и приобретение необходимых недорогих вещей, или не хватает даже на питание. 50% - относят себя к среднему классу, 46% - к низшему. 70% - жители Юга и Востока Украины, 46% - избиратели Партии регионов. 61% сторонников ТС посещали страны, которые в него вхо-

дят, тогда как страны ЕС – только 13%. Свой уровень информированности о ЕС представители этой группы чаще оценивают, как низкий (46%), а относительно ТС – одинаково часто как средний (42%) и низкий (42%). В числе главных преимуществ ТС они называют общую историю, культуру, похожий менталитет граждан, входящих в него стран (86%), наличие природных ресурсов, энергоносителей (69%), стабильную экономическую ситуацию (34%). А главными недостатками ЕС – доминирование ведущих держав над другими странами Союза (46%), нестабильную экономическую ситуацию в ряде государств ЕС (39%), неравномерное экономическое развитие стран-членов (39%), разницу культур, ценностей и менталитета их граждан (34%), дефицит природных ресурсов (30%). 80% - считают, что именно в ТС существуют лучшие условия для развития Украины. Большинство (57%) – уверены, что в странах ТС живут более доброжелательные, открытые, приветливые люди, а относительно большинство (48%) – более моральные, чем в странах ЕС [14, с. 29].

Таким образом, утверждения о значительных отличиях во внешнеполитических устремлениях представителей разных поколений украинского общества выглядят обоснованными. Причины современного обострения подобных противоречий разъясняет заместитель директора Института социологии НАН Украины Е.Головаха, который, по собственному признанию, ещё в 1991 г. (явно используя описанные выше подходы А.Шлезингера-младшего) подсчитал, что на смену массового сознания украинского общества «уйдёт около 30 лет». «Советские традиции и советский способ отношения людей сохраняются, - отмечал он в феврале 2014 г. – Но есть ещё механизм смены поколений. Поколение, уже не видевшее Советский Союз, больше ориентировано на образцы настоящего. А в настоящем очевидно, что на Западе люди живут лучше. И нынешняя молодёжь уже в большей степени, чем 20 лет назад, видит для себя европейское будущее» [2].

Украинский публицист Е.Середа, подчёркивая наличие «конфликта поколений» в сфере смыслов, в феврале 2014 г. акцентировал, что украинские граждане в возрасте от 18 до 29 лет «в большей степени, чем другие возрастные группы ... чувствуют себя европейцами, ощущают свою принадлежность к истории и культуре европейского сообщества и считают, что Украина должна присоединиться к ЕС». Его прогнозы относительно будущего данной тенденции таковы: «Через 15-30 лет в нашем обществе, по всей видимости, ещё заметней окрепнет «евроукраинская» модель патриотизма. А всё, что связано с просоветским и пророссийским, постепенно будет скатываться на обочину политико-идеологической реальности. Этому должны способствовать дальнейшие процессы глобализации и вестернизации» [3].

Итак, современное обострение «конфликта поколений» в интерпретации внешнеполитического выбора Украины вносит дополнительный дисбаланс в её «расколотовое» в мировоззренческом плане общество. Люди разных поколений, ведомые отличающимися системами ценностей и ментальными особенностями, публично акцентируют различное понимание внешнеполитических перспектив государства. В условиях политического кризиса под влиянием внешних и внутренних факторов данные противоречия обостряются. Одним из возможных путей консенсуса представляется появление новых функциональ-

ных смыслов, способных примерить и объединить на общезначимых началах представителей разных возрастных групп, вне зависимости от их национальной принадлежности, социального статуса, жизненного опыта и политических предпочтений. Но события последних двух десятилетий показывают, что разработка и внедрение идей, объединяющих украинское общество, сталкивается с рядом противодействующих факторов, деструктивно влияющих на процессы социальной консолидации.

Литература

1. Хантингтон С. Столкновение цивилизаций. М.: АСТ, 2005. 603 с.
2. Головаха Е.В. Украине две угрозы – авторитарная и шовинистическая. Режим доступа: <http://focus.ua/society/296745/>
3. Серета Е. С какими проблемами столкнется Украина после смены поколений? Режим доступа: <http://polemika.com.ua/news-138191.html>
4. Юрченко Н. «Евромайдан» – бунт поколения, выросшего на компьютерных играх. Режим доступа: <http://nk.org.ua/politika/74565-evromaydan--bunt-pokoleniya-vyroshego-na-kompyuternykh-igrakh?id=74565&print=true>
5. Шлезингер-мл. А.М. Циклы американской истории. М.: Прогресс; Прогресс-Академия, 1992. 685 с.
6. Юрченко С.В. Историчний досвіт поколінь і проблема формування нової системи міжнародних відносин // Культура народів Причорномор'я. Симферополь, 2003. № 38. С. 95-98.
7. Кара-Мурза С.Г. Советская цивилизация. К.: Оріяни, 2004. 800 с.
8. Шевченко М. Постсоветский человек: становление новой ментальности. Режим доступа: <http://www.archipelag.ru/authors/shevchenko/?library=2187>
9. Уткин А.И. Большая восьмёрка: цена вхождения. М.: Алгоритм, 2006. 480 с.
10. На Украине протестующие разрушили несколько памятников Ленину. Режим доступа: <http://www.km.ru/world/2014/02/22/protivostoyanie-na-ukraine-2013-14/733017-na-ukraine-protestuyushchie-razrushili-ne>
11. Good Bye Lenin: В городах Украины сносят памятники Ленину. Режим доступа: <http://delo.ua/ukraine/v-dnepropetrovske-snesli-pamjatnik-leninu-227971/>
12. Арсенко А., Суїменко Є. Зовнішньополітичні орієнтації населення України // Українське суспільство 1992–2013. Стан та динаміка змін. Соціологічний моніторинг / За ред. В. Ворони, М. Шульги. К.: Інститут соціології НАН України, 2013. С. 141-154.
13. Геополитические ориентации населения и безопасность Украины. По данным социологов / А.А. Беленок, А.И. Вишняк, А.А. Зоткин, А.Н. Малюк, В.А. Поддубный, А.С. Резник, Л.С. Рязанова, Н.А. Шульга / Сост. Н.А. Шульга. К.: ТОВ «Друкарня «Бізнесполіграф», 2009. 88 с.
14. Україна: час вибору / Центр Разумкова, Центр НОМОС, Центр політико-правових реформ. К: Фонд «Відродження», 2013. 40 с.

**ETHNICITY AND RELIGIOUS INTERFERENCES
IN EASTERN ROMANIA. THE ROLE OF PENTECOSTALISM IN THE
CONTACT ZONES OF ORTHODOXY AND CATHOLICITY**

The paper aims to describe the role of Pentecostalism in the context of ethnicity and religious interferences in Eastern part of Romania in three neighbouring communities with completely different sociocultural features. The author is seeking to answer, how Pentecostalism was introduced in a Moldavian Csángó community with Romano Catholic majority, in an Orthodox Romanian and in a Gypsy community in the eastern region of Romania. In these settlements, Pentecostal communities maintain more or less close relationships with each other. The question arises: How are the different sociocultural features shaping the functioning of Pentecostalism in these three different communities, and what roles ethnicity and religious background play in it? How can Pentecostalism establish new regional networks which can cross historically deep ethnic boundaries? These processes are taking place in a context of intensive transformation caused by modernization, and acceleration of international labour migration, establishment of transnational life worlds, as well as in the context of ambition of Church policies to strengthen their position in postsocialism. Investigating the emergence of new religious communities in the contact zones of Orthodoxy and Catholicity, which is also a border for Romanian, Moldavian Csángó and Gypsy ethnicities the author is seeking to answer what kind of cultural, political and social processes shaped the emergence of the present religious field after the disintegration of socialism in Romania.

ДАВИД ПЕТРОСЯН

**ЭТНОРЕЛИГИОЗНЫЕ МЕНЬШИНСТВА В УСЛОВИЯХ
КОНФЛИКТА (АРМЯНСКАЯ ОБЩИНА В СИРИИ И БЕЖЕНЦЫ В
АРМЕНИИ)**

*(доклад подготовлен для выступления на семинаре экспертной Сети
EAWARN в апреле 2014 года в Геттингене, Германия)*

Как известно, нынешний конфликт в Сирии, население которой по оценкам ЦРУ превышает 22 млн. человек, начался в 2011 г. (отметим, что конфликту предшествовала засуха 2006-2011 гг.) и он прошел через несколько весьма сложных стадий, среди которых часто выделяют несколько:

- нагнетание ситуации в социальных сетях;
- демонстрации протеста, которые требовали политических реформ и борьбы с коррупцией;
- произошли столкновения приведшие к жертвам, за которым последовали отставка правительства и отмена режима ЧП (держался 48 лет);

- введение санкций против Сирии со стороны ряда монархий Персидского залива и ЕС;
- начало боевых действий между оппозиционными группировками и правительственными войсками;
- начало гражданской войны, которая через некоторое время приобрела религиозный окрас, в которую включились радикальные исламистские группировки либо близкие к «Аль-Каиде», либо напрямую являющиеся ее филиалами: Джебхат-ан-Нусра и Исламское государство Ирака и Леванта, а также другие;
- участие иностранных граждан в боевых действиях против правительственных войск в рядах как светской оппозиции, так и среди радикальных исламистов, а также участие на стороне правительственных сил подразделений ливанской «Хезболлы» и бывших военнослужащих иранского КСИР;
- вовлеченность в конфликт, в разной степени, всех сопредельных с Сирией государств, некоторые из которых приняли на своей территории значительные контингенты беженцев;
- вовлеченность в конфликт ряда монархий Персидского залива;
- боестолкновения между различными группировками повстанцев и призывы радикальных исламистов к насилию и уничтожению христианских групп населения, либо к их изгнанию;
- разнящиеся позиции внешних игроков среди которых Иран, Россия и Китай, де-факто поддерживают администрацию Башара Асада, а западные страны, во главе с США – вооруженную светскую оппозицию, а в ряде эпизодов и радикальных исламистов суннитского толка;
- в конце 2012 года доклад ООН охарактеризовал войну как «открыто религиозный конфликт» между алавитским ополчением и его шиитскими союзниками, воюющими в основном против преимущественно суннитских повстанческих группировок. Данное мнение оспаривается обеими сторонами конфликта, но совершенно очевидно, что доля истины и немалая в этом утверждении существует. По нашему мнению, у конфликта есть мощная геополитическая составляющая. Речь идет о стремлении США, Великобритании, Франции, Турции, Саудовской Аравии и некоторых других государств, передать власть суннитскому большинству и разорвать в Сирии т.н. «шиитский пояс», что должно ослабить влияние Ирана на региональных процессы. Вполне возможно, что упомянутые крупные внешние игроки имеют сценарии раздробления Сирии на несколько государств, что может стать причиной хаоса, как минимум, в этом секторе Среднего Востока;
- информация, предоставляемая в западной и российской прессе по данному конфликту, по ряду вопросов, отличается крайней односторонностью и тенденциозностью. В сложившейся ситуации мы делаем наши оценки исходя из информации армянской прит, аудио, интернет и теле-медиа, которые работают в Ливане и имеют достоверные источники информации в Сирии, причем как в правительственных кругах, так и в армянской общине.

Мы имели возможность отслеживать ситуацию в армянской общине Сирии и через другие источники, в том числе речь идет об армянской прит-медиа в Тегеране и армянских религиозных источниках.

Более не останавливаясь на причинах конфликта, различных его этапах, ходе боевых действий, вовлеченности крупных игроков мы обращаемся к теме Армении и армянской общины Сирии, которая против своей воли оказалась втянута в этот многослойный и многопараметровый конфликт.

Изначально главной проблемой для Армении в этом конфликте было то, что возможное падение режима Б.Асада в Сирии могло привести к тому, что в регионе Большого Среднего Востока, особенно в его западном и центральном секторе:

- мог образоваться дисбаланс между Ираном и Турцией, который приведет к усилению позиций Анкары. Это крупное и пока неядерное государство получит больше возможностей для оказания давления на регион Большого Среднего Востока и на сопредельные субрегионы, в том числе такие как Южный Кавказ;

- могла возникнуть серьезная угроза дестабилизации всего региона, который является "нефтяной бочкой" планеты, расширится формат взаимодействия различных радикальных группировок, в том числе террористических организаций. Для спецслужб и дипломатов крупных государств сформируются удобные условия для манипуляций неустойчивой ситуацией, в том числе для реализации различных сценариев типа проекта "Нового Большого Среднего Востока". В том числе и создания проамериканского и произраильского государства Курдистан, который, вполне возможно, будет граничить с Южным Кавказом;

- может сложиться опасность разрыва «шиитского пояса», который сейчас блокирует активность Турции, Катара, Саудовской Аравии, США, Великобритании и, отчасти, Франции, по ряду азимутов и, наоборот, будет способствовать чрезмерному усилению позиций суннитов, в том числе и религиозных радикалов.

В Ереване наиболее распространено мнение о том, что в случае прихода к власти в Сирии суннитов, которых скорее будет контролировать Анкара чем Вашингтон, следующим объектом внешнего и сильного давления станет Иран. Тем более что Сирия является страной-ключом к региону.

Любое усиление позиций Турции, тем более на Большом Среднем Востоке и, потенциально, на Южном Кавказе, традиционно рассматривается в Ереване как угроза не только Армении, но и многочисленным армянским общинам в арабских странах.

Интересным и новым в этом контексте является то, что все происходящее в Сирии играет на руку противникам нормализации армяно-турецких отношений, т.к. Анкара на деле продемонстрировала, что в случае необходимости она может растоптать любые договоренности и договора и вмешаться во внутренние дела соседнего и формально дружественного государства.

Для лучшей иллюстрации материала представим религиозную и этническую композицию в Сирии [1].

Особо отметим то обстоятельство, что на территории современной Сирии исторически никогда не существовало государства с радикальной религиозной доминантой. Действительно, алавиты, которых представляет собственно президент Б. Асад и спецслужбы, находятся на вершине властной пирамиды.

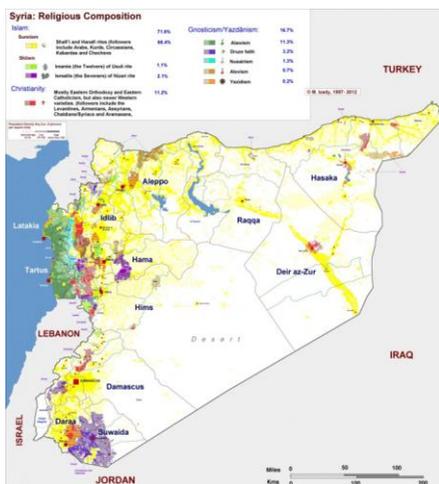
Однако это не означает, что сунниты лишены допуска во власть или силовые структуры. Напротив, к примеру их позиции в армии или на дипломатической службе достаточно сильны. В целом, до начала конфликта, несмотря на очевидный авторитаризм правящего режима, можно было констатировать, что на территории Сирии сформировалась если и не полностью гармоничное совместное проживание различных религиозных конфессий и групп, то во всяком случае присутствовал характерно высокий уровень толерантности, взаимопонимания и сотрудничества для поликонфессиональной страны.

Армяне в Сирии и Армении

Армянская община на территории современной Сирии считается «материнской», т.е. той, которая присутствовала здесь с незапамятных и еще до-арабских времен, а точнее, с I века до н.э. со времен Великой Армении и царя Тиграна II Великого (правил в 99–45 гг. до н.э.). Святые апостолы Фаддей и Варфоломей, которые были первыми проповедниками христианства в Армении, прибыли на ее землю с территории современной Сирии. Особо отметим то обстоятельство, что в период геноцида армян в Османской Турции в годы

Первой Мировой войны, сирийские арабы, в отличие от курдов, не участвовали в массовых убийствах армян и предоставляли им убежище. Оценки численности армянской общины на территории Сирии расходятся как в армянских, так и в сирийских источниках от 70 тыс. до 100 тыс. чел.

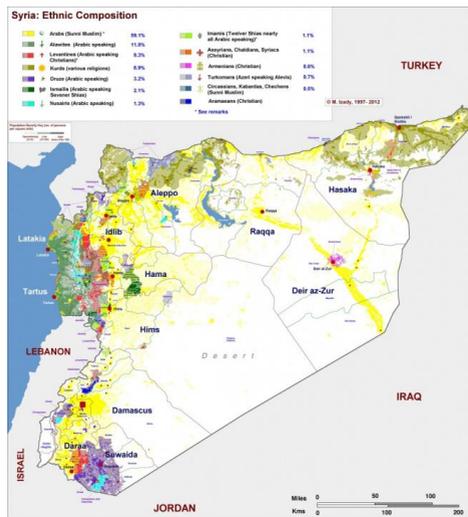
Основная часть общины компактно проживает в Алеппо (большая часть), Дамаске (меньшая часть), Эль-Камышлы и в селении Кесаб [2] на побережье Средиземного моря (59 км к северу от Латакии). Расположенный на высоте 1300 м над уровнем моря, Кесаб является стратегически важной высотой, с которой можно видеть то, что происходит на турецкой стороне границы. Именно здесь находится российская РЛС, с помощью которой ведется наблюдение за натовскими объектами [3], расположенными на территории Турции,

и, прежде всего, за американской базой Адана, а также предоставляется информация режиму Б. Асада о том, что происходит по другую сторону границы, на территории Турции, где формируются подразделения Сирийской свободной армии (ССА) и других вооруженных отрядов сирийской оппозиции.

Армянская община в Сирии является очень сплоченной, интеллектуальной (многие врачи, инженеры, музыканты и другие специалисты получили образование в Советской Армении) и хорошо организованной, прекрасно понимающей, чем грозит ей лозунг вооруженной сирийской оппозиции и исламистских радикалов: «Алавитов – в могилу, христиан – в Ливан!».

Община в Алеппо находится больше под влиянием традиционной армянской партии АРФ-Дашнакцутюн, а в Дамаске – под влиянием социал-демократической партии «Гнчак». В сложившейся ситуации сильного противостояния армянская община в целом держит нейтралитет, отдавая при этом несомненное предпочтение правящей «коалиции меньшинства», которая сегодня стоит у власти в Сирии (алавиты/шииты + христиане и вообще национальные меньшинства + лояльные сунниты). Напомним также, что уроженцами армянской общины Сирии были первый президент Армении Левон Тер-Петросян (1991-1998 гг.) и экс-министр иностранных дел Вардан Осканян (1998-2008 гг.), оба родились в Алеппо.

Хорошие отношения армян с алавитами иллюстрирует то обстоятельство, что среди армян, ставшими президентами стран за пределами исторической родины [4], двое – выходцы из армяно-алавитских семей. Это:

- Амин Хафез – президент Сирии с 1963 по 1966 гг. Родился в Алеппо. Отец Хафеза – армяниниз Сасуна, мать происходила из знатной алавитской семье;

- Карлос Менем –президент Аргентины с 1989 по 1999 г. Родился в армяно-алавитской семье иммигрантов из Сирии. В Аргентине приняли христианство, К. Менем был крещен в Армянской Католической Церкви.

Следует отметить, что по итогам майских парламентских выборов в Сирии 23 июня 2012 г. сформировано новое правительство, в состав которого впервые в истории страны был включен представитель армянской общины.

Портфель государственного министра по вопросам охраны окружающей среды глава государства доверил армянке Назире Фарах Саркис[5].

Что это означает, по мнению экспертов в Ереване и Дамаске?

Появление армянки в правительстве, конечно же, не случайно. В Сирии в отличие от соседнего Ливана армяне никогда не занимали столь высоких должностей. Максимум, что доверяли в Дамаске армянину, - это мандат депутата парламента.

Назначение Саркис министром является своеобразным способом заручиться поддержкой армянской общины, которая, как и остальные христиане, всегда была лояльной по отношению к правящему клану алавитов, но в последнее время по понятным причинам перестала оказывать ему открытую поддержку. Асаду в сложившихся условиях совсем не помешают симпатии армянского лобби Америки и Европы.

Есть еще одно объяснение. Дело в том, что в ходе внеочередных парламентских выборов правящая партия БААС невольно нарушила устную договоренность, которой придерживалась в течение многих десятилетий. Еще отец ныне правящего президента Хафез Асад пообещал сирийским армянам, что у них всегда будет в парламенте как минимум один представитель. Согласно традиции, которую уважал и Асад-младший, сирийская епархия Армянской Апостольской Церкви рекомендовала кандидата из числа политически активных армян, а партия БААС официально выдвигала и обеспечивала его проход в парламент. Но в ходе подготовки состоявшихся 7 мая первых в истории многопартийных выборов правителям было уже не до армян. Никто из троих баллотировавшихся армян в Национальное собрание не прошел. Известный юрист Смбул Смбулян, представлявший в парламенте армянскую общину два срока подряд, неожиданно уступил своему сопернику 300 голосов и оказался за бортом (кстати, этот факт является косвенным свидетельством реально состязательного/ конкуретного характера выборов проведенных в мае 2012 г.). Башар Асад не мог не чувствовать какой вины перед армянами, которые всегда были законопослушными гражданами и не поддерживали смугу. Президенту дали понять, что неприятный осадок пройдет, если СмбулуСмбуляну будет предложен министерский портфель. Экс-депутат действительно был вовсе не прочь сменить законотворческую деятельность на должность в правительстве. Но вопреки ожиданиям портфель предложили вовсе не ему.

Сей факт в общине расценивается по-разному. С одной стороны, Смбулян многим казался одиозным, так как был слишком близок к власти, в прочности позиций которой давно уже можно сомневаться. В этом смысле Назира Фарах Саркис - человек куда более свободный и политически неангажированный. Назначение политически нейтрального человека поможет армянской общине отвести звучащие со стороны оппозиции обвинения в абсолютной

преданности режиму Асада. Но, с другой стороны, Саркис в отличие от С.Смбуляна, не будучи задействованной в структурах общины, не может формально считаться ее представителем. Она не подотчетна общине и не обязана отстаивать в правительстве ее интересы.

Информации о Назире Фарах Саркис немного. Известно, что ей 50 лет. Родилась в Алеппо. Получила армянское образование. По профессии химик. Является доктором Университета Алеппо. Заведовала в этом ВУЗе кафедрой аналитической химии. До того была председателем Союза учителей Фармацевтического колледжа.

Для лучшего понимания ситуации также отметим то обстоятельство, что в соседнем Ливане в коалицию «14 марта» входят 3 депутата от традиционных армянских партий «Гнчакян» (социал-демократы) и рамкавар – азатакан (либералы). Между тем, наиболее крупная армянская традиционная армянская партия АРФ-Дашнакцугюн тесно сотрудничает в Ливане с шиитским движением «Хеболлах» (его военные подразделения участвуют в боевых действиях в Сирии на стороне правительственных войск).

Политика Армении в отношении событий в Сирии. Шаги по обеспечению безопасности армянской общины.

Изначально официальный Ереван стоял перед исключительно трудной задачей защиты своей общины в Сирии в условиях разворачивающегося конфликта. Решение этой проблемы для малого государства изначально является сверхтрудным. Однако при грамотном использовании всех имеющихся в наличии ресурсов угроза безопасности для армянской общины в Сирии могла бы быть на куда более низком уровне, чем она оказалась в действительности.

Следует отметить, что Армения была одной из немногих стран, которая, с началом кризиса, при всех голосованиях по резолюциям Генеральной Ассамблеи ООН по ситуации в Сирии, воздерживалась. И это при том, что руководство страны подвергалось достаточно массивному давлению со стороны таких стран как США и Великобритания.

Однако, по сути, руководство Армении, учитывая сложность и непредсказуемость вооруженного конфликта в Сирии (реально военная ситуация в пользу правительственных войск изменилась только летом 2013 г.) и наличие в стране армянской общины, предпочло позицию нейтралитета, ориентируя в этом направлении и армянскую общину. В том числе и с учетом политическое нейтралитета армянской общины во время гражданской войны в Ливане в 1975–1990гг. Тогда через армянскую общину шли все переговоры между конфликтующими сторонами, обмена пленными, заложниками и ранеными.

Учитывая вышеизложенное, официальный Ереван в своей политике в Сирии пытался согласовать ряд вопросов с Москвой и Вашингтоном. Насколько нам известно, были сделаны безуспешные попытки добиться 100% гарантий безопасности и имущества для армян – граждан Сирии от:

- США (слава Богу, здесь вполне достаточно лоббистских ресурсов);
- Турции (через опосредованные каналы);
- повстанцев/оппозиции («Свободная армия Сирии» уже сделала такое заявление устами генерала Абдель Джаббар аль Огаиди, но учитывая децентрализованную структуру вооруженной оппозиции, этого явно недостаточно).

Однако результаты этих согласований оказались неудовлетворительными, в том числе и из-за непоследовательности МИДа страны. Хотя была сделана попытка воспроизведения модели действий армянской общины во время гражданской войны в Ливане 1970–2000-х гг. (напомним, что глава МИД Армении Э.Налбандян работал в посольстве СССР в Ливане в 1978–1983 гг.):

- организация самообороны. К реализации этого пункта привлечены лица, осуществлявшие эту миссию в Ливане. Кроме того, к осени 2012 г. правительство Сирии само предприняло шаги по вооружению национальных и религиозных меньшинств, а также оказало содействие в вопросе формирования сил самообороны на их основе. Таким образом, организованы армянские отряды самообороны в местах компактного проживания армянского населения, которые пользовались поддержкой правительственных сил. Известно, что взвод армянских ополченцев под командованием Каро Кадехджяна участвовал в жестоких боях за христианский город Маалюля (45 км к северо-востоку от Дамаска, 3500 жителей, единственное место в мире, где все говорят на арамейском языке) в сентябре 2013 г.;

- лояльность режиму при сохранении позиции активного нейтралитета (обмен заложниками, ранеными, переговоры и проч.) как внутри Сирии, так и в вопросах касающихся голосования в ООН (Армения воздерживается в голосованиях по вопросам касающихся Сирии) и на других площадках (участие во встрече по Сирии в Тегеране). Этот пункт не удалось реализовать из-за инертности руководства МИД Армении, хотя потенциальные партнеры были готовы к сотрудничеству;

- проведена активизация армянских лоббистских организаций в Конгрессе США с требованием пролоббировать вопрос обеспечения безопасности христиан Сирии. Однако вопрос был плохо подготовлен и результаты этой лоббистской деятельности можно признать неудовлетворительными.

Проблематичность в реализации этого проекта в том, что армянская община в Сирии, в отличие от Ливана, не имела опыта серьезной политической деятельности на таком уровне. Именно поэтому данная модель не была реализована в полной мере.

В складывающейся вокруг Сирии ситуации и возможной активизации курдского фактора большое значение для крупных игроков имеют связи армян с курдами, другими этническими и религиозными группировками в стране и регионе. В частности, были востребованы давние связи с Курдской рабочей партией (КРП) с АРФ-Дашнакцутюн и «Всенародного армянского движения» (политическое крыло законсервированной уже свыше 20 лет ASALA – Армянской секретной армии освобождения Армении).

Для иллюстрации возможного взаимодействия армян с курдами обратим внимание на ситуацию сложившуюся в расположенном на севере Сирии г. Кобани (Айн аль Араб), большинство жителей которого составляют курды. Там создан народный парламент, состоящий из 33 членов (среди его членов кроме курдов есть армяне и арабы), который руководит городом с населением в 350 тыс. чел. Кобани относится к числу тех городов, которые правительственными войсками были переданы под контроль местных жителей. В этом городе столкновений не было, и жизнь течет в естественном русле. Для обеспе-

чения безопасности внутри города и на въездах в Кобани созданы посты, где дежурит вооруженная молодежь.

Несмотря на предпринятые меры поддержки правительства Сирии, других национальных и религиозных меньшинств, армянская община во время конфликта понесла человеческие и материальные потери [6] (см. выпуск «Новости Сирии» на русском языке с 3.33 минуты), что привело к исходу части армянской общины в соседние страны (прежде всего, Ливан), страны ЕС и Армению.

Стоит уточнить, что значительная часть армянской общины Сирии связана с армянскими общинами Франции и США. Следовательно, поток сирийских армян направлен не только на Армению, но и на Ливан. А из Ливана – во Францию и далее в США. В случае продолжения в Сирии гражданской войны, миграция сирийских армян пойдет в двух направлениях.

Армянские беженцы из Сирии в Армении

Несмотря на то, что официальный Ереван не реализовал все имеющиеся возможности обеспечения армянам должный уровень безопасности, начали озвучиваться призывы вывезти их. Эта тенденция была инспирируема проамериканскими изданиями в Армении. Действительно - организация эвакуации крайний шаг, к которому должны были быть готовы власти, но не первый, к которому призывали проамериканские СМИ. Противилась политике эвакуации традиционная армянская партия АРФ-Дашнакцутюн, руководство которой в Ереване сделало соответствующее заявление. В целом из-за неопределенности ситуации это заявление не было поддержано другими парламентскими силами.

Скандал и публичные протесты в Ереване вызвали действия национального авиаперевозчика – компании «Армавиа» (ее владелец М. Багдасаров является одним из основных бизнес-партнеров президента С. Саргсяна), которая взвинтила цены на авиабилеты для сирийских армян, желающих приехать в Ереван. И это на фоне того, что арабские авиакомпании удерживали стабильные цены для пассажиров, желающих покинуть Сирию [7].

Поэтому на первых порах временное пристанище большинство армян старались получить не в Армении, а в соседнем Ливане и в странах Западной Европы, которые с удовольствием давали армянам из Сирии въездные визы и даже вид на жительство (прежде всего, это касалось Франции).

Первые прибывшие в Армению беженцы-армяне из Сирии оказались людьми состоятельными и уже летом 2012 г. они приобрели порядка 800 объектов недвижимости на исторической родине [8].

Компетентными органами [9] была создана комиссия по содействию армянам Сирии в вопросах бизнеса.

Динамика прибывающих в Ереван армян из Сирии возросла в 2012 г. [10]. Поэтому правительство Армении было вынуждено упростить процедуру получения гражданства страны армянам, прибывшим из Сирии [11; 12]. Армянское законодательство позволяет соотечественникам из-за рубежа получать в Армении вид на жительство.

Миграционные органы Армении выдают армянам зарубежья документы, которые действительны 10 лет. Армяне зарубежья, которые живут в Армении

по таким документам, пользуются теми же правами, что и граждане Армении. Они только не могут участвовать в выборах любого уровня и быть избранными в органы власти. Армяне зарубежья также не могут участвовать во внутренней политике Республики Армения.

Были предприняты экстренные меры по обеспечению условий для обучения детей сирийских армян в средних школах Армении, Была даже организована специальная школа, которая укомплектована педагогами-армянами прибывшими в Армению из Сирии. Школа также получила учебные пособия из Алеппо и учебный процесс продолжен по программам министерства образования Сирии. Что касается учеников старшей школы, то они начали ходить на занятия в старшие школы Армении, где демонстрировали прекрасные знания по естественным предметам обучения. Вместо русского языка, который в старших школах Армении изучается в качестве иностранного, они продолжили изучение французского языка, который они учили в Сирии. Были также организованы специальные курсы обучения восточноармянскому языку (по сути, государственному языку Армении), которые прошли несколько сот человек. Это помогло в их адаптации на исторической родине. На момент подготовки доклада численность беженцев-армян, прибывших в Армению из Сирии, достигла 11 тыс. чел. Несколько десятков семей армян из Сирии поселились на территории непризнанной Нагорно-Карабахской республики [13; 14].

Процесс их адаптации на исторической родине трудно назвать простым [15]. Был даже зафиксирован случай насилия над одним из приезжих, который попал на страницы печати [16].

С целью оказания содействия прибывшим в Армению в результате вооруженного конфликта в Сирии сирийским армянам в вопросе решения квартирных проблем в июне 2013 г. правительство Армении приняло решение об основании в г. Аштарак Арагацотнской области жилого квартала «Новый Алеппо». В очереди на жилье уже стоит около 600 семей, готовых оплатить 50% стоимости квартиры. 23 июля совет старейшин города Аштарак принял решение о предоставлении территории площадью 4,8 га под строительство квартала. Проектировку квартала на общественных началах взяла на себя группа архитекторов, в том числе главный архитектор Еревана, представители Государственного архитектурного университета Армении и компании «Всеармянская ассоциация архитекторов и инженеров-строителей». 21 октября архитекторам предоставлены результаты геологических исследований местности. Строительство планируется осуществить за счет государственных средств, а также денег, полученных от стран-доноров и международных структур. Общий контроль над строительными работами и целевым распределением средств возложен на общественную организацию «Центр координации проблем сирийских армян». По оценкам Министерства диаспоры, строительство в городе Аштарак квартала «Новый Алеппо» для сирийских армян обойдется примерно в 20 млн.долл. [17; 18].

Поскольку Армения сама остро нуждается в финансовых средствах, поэтому ее возможности в оказании более серьезной помощи достаточно ограничены. Тем более следует учитывать то обстоятельство, что она втянута в нагорно-карабахский конфликт и еще полностью не завершила реабилитацию

зоны Спитакского землетрясения 1988 г. Международная гуманитарная и спонсорская помощь Армении в решении этой проблемы также ограничена [19], т.к. идет в основном в лагеря сирийских беженцев, расположенные в Турции и Иордании.

Армения не была приглашена на международную конференцию по урегулированию кризиса в Сирии «Женева-2» и пока неясно, будут ли на ней как-то затронуты гуманитарные вопросы, касающиеся сирийских армян. Несмотря на продолжающийся кризис в Сирии и их непростое положение в Армении, у немалой части сирийских армян, проживающих на исторической родине, по-прежнему сохранилась мотивация на возвращение в страну постоянного проживания.

Совершенно очевидно, что в обозримом будущем проблема беженцев-армян из Сирии будет достаточно актуальна для Армении, но, как нам представляется, она не будет среди первоочередных задач правительства.

Неспростая ситуация с армянской общиной в Сирии и армянскими беженцами, прибывающими из этой страны на свою историческую родину, подтверждает то обстоятельство, что Армения, в отличие от своих соседей по региону Южного Кавказа, политически, геополитически и цивилизационно, достаточно сильно связана с Большим Средним Востоком, а не только с постсоветским или европейским пространством.

Литература

1. M.Azady 1997–2012.Режим доступа: <http://www.pinterest.com/pin/63894888437543793>
2. <https://www.youtube.com/watch?v=QiBwzHNKiK4>
3. <http://www.tert.am/ru/news/2012/06/15/russia-kessab>
4. <http://timetoanalyze.wordpress.com/>
5. http://www.armenianow.com/news/38958/syrian_government_armenian_nazira_farah_sarkis
6. <http://www.youtube.com/watch?v=TLMFUVm0BEo&feature=c4-overview&list=UUmwFZqk64QduHTFLhKQe-lw>
7. <http://www.vestikavkaza.ru/articles/Armyanskaya-obshchina-v-Sirii-mozhet-byt-razrushena.html>
8. http://ru.myrealty.am/Real_Estate_News/armenian-real-estate/731
9. <http://www.kavkaz-uzel.ru/articles/210673>
10. <http://www.kavkaz-uzel.ru/articles/209694>
11. <http://www.kavkaz-uzel.ru/articles/210295>
12. <http://www.kavkaz-uzel.ru/articles/210317>
13. <http://news.am/rus/news/149833.html>
14. <http://www.aysor.am/ru/news/2013/01/22/iwpr-siria>
15. <http://www.youtube.com/watch?v=GNWNPfLvuNk>
16. <http://www.lragir.am/index/rus/0/country/view/33895>
17. http://arka.am/ru/news/society/pravitelstvo_armenii_utverdilo_poryadok_predostavleniya_kvartir_dlya_siriyskikh_armyan_v_kvartale_no
18. <http://news.am/rus/news/189687.html>
19. <http://armenpress.am/rus/news/746074/v-armenii-obosnovalis-na-zhitelstvo-11-tiysyach-siriyskikh.html>

**ЦЕННОСТНЫЕ ОЖИДАНИЯ И РАЗОЧАРОВАНИЯ МОЛОДЕЖИ
В РЕГИОНАХ СОЦИАЛЬНОЙ НАПРЯЖЕННОСТИ
(НА ПРИМЕРЕ КАБАРДИНО-БАЛКАРИИ)**

Социальное самочувствие молодежи – комплексный важный индикатор формирования (или снижения) потенциала социальной напряженности. Особенно важны замеры данного показателя в регионах потенциальной социальной конфликтности, к которым относятся в России северокавказские республики. Эта проблема остро актуальна в Кабардино-Балкарской Республике (КБР), что объясняется её центральным геополитическим положением в северокавказском регионе; тенденцией роста межреспубликанской конкуренции в регионе, что проецируется на межэтническую конкуренцию и активизирует ее. Осенью 2011 г. Центром прикладных социологических исследований Южного федерального университета совместно с Кабардино-Балкарским университетом проведен массовый опрос молодежи в различных районах Кабардино-Балкарской республики (студентов, учащихся старших классов, работающей и временно не работающей). Всего опрошено 8439 чел., 41,2% из которых (3480) – юноши, 59,8% (5450) – девушки. По типу поселения респонденты представляют город (51%) и село (49%). При этом 69,5% респондентов идентифицировали себя как кабардинцы, 16,1% - балкарцы, 11,3% - русские и еще 7,9% – указали иную национальную принадлежность.

Анализ материалов позволил выделить следующие позиции:

1. Общая оценка молодежью социально-политической обстановки КБР определяется основной тенденцией в ее социальном самочувствии – нарастании социального пессимизма и страхов. Интегрированная оценка сегодняшней жизни в Кабардино-Балкарии в целом по массиву опрошенной молодежи не высокая: только треть опрошенных (31,4%) указали, что им в целом нравится жизнь в республике. Наиболее критично общая оценка жизни в КБР выражена возрастной подгруппой от 19 до 21 года: в ней 62,5% респондентов указали на то, что им в целом жизнь в республике не нравится.

2. По мере взросления молодежи область социальной неуверенности расширяется: проблемы социально-экономического характера приобретают такое же значение как обещание северокавказские проблемы. В частности, проблемы трудоустройства и криминогенности внутри республики, регулирование которых должно обеспечиваться республиканской властью, молодежью рассматриваются в качестве такой же зоны риска, как и северокавказский терроризм. Социальные ожидания молодежи проявляются, в первую очередь, в ожиданиях хорошего рабочего места, обладающего достаточно высокой оплатой и возможностью для проявления инициативы. Но по мере взросления и обретения опыта трудоустройства на республиканском рынке труда расширяется группа, которая осознает недостижимость этот образца. Пик максимальных ожиданий от работы приходится на возрастную группу 19-21 год, т.е. период подготовки к профессиональной деятельности (студенчество). По мере продвижения к возрастной группе 26-29 лет почти 20% уже не надеются на

обретение престижной работы; почти столько же отказываются от планов карьерного роста в профессии или социально-политической сфере и еще 25% считают, что не смогут реализовать себя в бизнесе. Подчеркнем: речь идет об отказе от данных перспектив. Но если суммировать данные по позициям «хотелось бы, но вряд ли смогу добиться этого» и «в моих жизненных планах этого нет», то молодежная подгруппа снизившая уровень своих притязаний, сознательно ориентированная на пассивность к завершению периода молодости (т.е., к 29 годам) увеличивается в среднем вдвое, и достигает около 30%.

3. Неуверенность в стабильности политической обстановке и перспективе роста экономической эффективности республики обуславливает высокий уровень недоверия молодежи основным субъектам республиканского управления: органам власти, местному самоуправлению и политическим партиям. Наиболее позитивное отношение у молодежи сохраняется к силовым структурам федерального уровня и федеральным органам власти. На республиканском уровне наиболее высок уровень доверия к суду и прокуратуре. Суммарное отношение к республиканским органам власти (сумма позиций «абсолютно доверяю» и «доверяю») уступает недоверию, о чем свидетельствует и разница между числом респондентов доверяющих и не доверяющих республиканским органам власти. Такая позиция подтверждается и ответами молодежи на вопрос о наличии в республике общественного деятеля, который вызывает доверие и пользуется авторитетом у молодежи. Утвердительно на этот вопрос ответили только 10,9% респондентов. Иными словами, 90% молодежи не видят образца позитивного общественного деятеля, позиция и убеждения которого вызывают доверие и заставляют прислушаться. К общей неудовлетворенности жизнью в КБР, которую высказала молодежь, добавляется также оценка общественно-политической ситуации в республике как нестабильной (69,5%). При этом 20% респондентов прогнозируют в ближайшее время ухудшение ситуации, еще четверть (26,9%) надеются на улучшение, и около 30% полагают, что она останется без изменений. То есть, более половины респондентов не ожидают и не надеются на преодоление ситуации политической нестабильности, которая сложилась к настоящему времени. Основное большинство респондентов (около 65%) склонны видеть причину этого – в бездействии органов власти, 36,4% из них указывают при этом на бездействие республиканской власти.

4. Рост социального пессимизма открывает несколько возможных стратегий адаптации молодежи к социальным условиям, которые расцениваются как несправедливые: а) установку на поиск всевозможных дополнительных заработков, которую разделяет чуть больше половины респондентов; б) выезд за пределы республики и северокавказского региона, к которому готовы до 15% респондентов; в) участие в протестном движении и акциях протеста, готовность к которому выражают примерно 5% респондентов. Иными словами, молодежь КБР проявляет в целом пассивно-конформистский тип социальной адаптации.

ПРИНЦИП ТОЛЕРАНТНОСТИ КАК ОСНОВА ГАРМОНИЗАЦИИ МЕЖКОНФЕССИОНАЛЬНЫХ И МЕЖЭТНИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Мне кажется, что сейчас все мы ищем, на что опереться после кораблекрушения. То, что раньше было опорой нашей духовной жизни, лежит в обломках. Поэтому три из семи евангельских добродетелей, забытые нами, – вера, любовь, надежда, – тождественны мечте и сегодня, может быть, как никогда ранее, нам жизненно необходимы.

Г.С. Померанц [1]

В настоящее время мы являемся свидетелями возрастания этнокультурного и религиозного разнообразия во многих странах, в том числе и в Российской Федерации, с одной стороны, и, с другой стороны, мы наблюдаем сложный процесс поиска создания своего рода «мегатренда»: социально – политической системы, адекватной масштабу внутренних и внешних задач и вызовов XXI века. Вследствие этого в современном российском обществе вопрос реализации принципа толерантности как основы гармонизации межконфессиональных и межэтнических отношений стал одним из наиболее актуальных по совокупности нескольких причин: влияния внешнеполитического фактора на внутренние этноконфессиональные процессы, роста национального самосознания, принимающего порой экстремистские формы, тесной связи религиозного и этнического факторов, многочисленных этноконфессиональных конфликтов в различных регионах России. Сегодня перед нашей страной стоит задача сохранения гражданского общества и баланса этнических и конфессиональных интересов в поликонфессиональном государстве в условиях нарастающего национал – экстремизма, сепаратизма и религиозного фанатизма, нередко инспирируемых извне. И всё это происходит на фоне чрезвычайно многообразного, разнородного конфессионального и этнического пространства. Таким образом, проблемы формирования и сохранения этносоциального пространства в современном российском обществе принадлежат к числу наиболее сложных, поскольку затрагивают не только собственно духовные, культурные, образовательные интересы и потребности, но и национальное самосознание и чувства людей. Особую актуальность эти проблемы приобретают в условиях кардинальной политической и социально-экономической трансформации общества и государства, характеризующейся быстрой сменой фундаментальных социально-культурных парадигм.

Россия многонациональна (по переписи 2010 г. в РФ проживает более 192 народов), а значит, многоязычна, поликультурна, поликонфессиональна, а в связи с сохранением и жизнеспособностью многих традиций – иполицивилизационна. Сложность процессов, происходящих в полиэтнической стране, заключается в том, что сфера этносоциального пространства призвана создавать условия для сохранения религиозного наследия и формирования общенационального сознания, духовной, языковой и культурной интеграции народов России. В этой связи особенно важным представляется проблема создания единого духовного, образовательного и культурного пространства современ-

ной социальной, политической и национальной ситуации в России. Социальные и экономические преобразования, происходящие в России, изменение взаимоотношений федеральной и региональных властей, возрастающее влияние религиозного фактора порождают необходимость изучения современной религиозной ситуации с целью обновления, прежде всего, региональной политики. В этой связи огромное значение приобретают вопросы переосмысления исторических событий, изучение истории взаимоотношений народов, центральной власти России с национальными окраинами. Многовековой опыт показывает, что субъекты Российской Федерации органично вплетены в единое территориальное пространство, общероссийский хозяйственный комплекс, их объединяет общность исторической судьбы России. «Толерантность означает уважение, принятие и правильное понимание богатого многообразия культур нашего мира, наших форм самовыражения и способов проявлений человеческой индивидуальности. Ей способствуют знания, открытость, общение и свобода мысли, совести и убеждений. Толерантность – это гармония в многообразии. Это не только моральный долг, но и политическая, и правовая потребность. Толерантность – это добродетель, которая делает возможным достижение мира и способствует замене культуры войны культурой мира» – пишут авторы «Декларации принципов толерантности»[2].

В современных конфликтах, принимающих окраску этноконфессиональных, тесно переплелись социальные, политические, экономические, этнические и религиозные причины; конфликты в чистом виде, где присутствовала бы только одна из них, редки. Глобализация и порождаемые ею проблемы заставляют задуматься над тем, как сохранить самобытность культур, вековых традиций и основополагающих ценностей отдельных наций и народов путем преодоления раздробленности и разногласий. В этой связи резко возрастает значение религиозного фактора, усиливающего свое влияние на общекультурные, духовные, социальные и политические процессы. В эпоху крушения различных идеологий именно религия стала основным фактором, формирующим систему политических, социальных и других взглядов индивидуума на различные сферы жизни современного общества. Религиозный фактор, как известно, может оказывать как интегрирующее, так и дезинтегрирующее влияние на глобализационные процессы.

Поэтому для создания объективных условий для решения новых проблем и преодоления новых опасностей, которые, по мнению К.Ясперса, стали мировыми [3]. Необходим межрелигиозный диалог, позволяющий «разрушить неверные представления о других вероучениях и конфессиональных общностях, преодолеть религиозным сообществам «образ врага», проникнуться доверием к намерениям и действиям друг друга, а, следовательно, вести к гармонизации межрелигиозных и межэтнических отношений и, в конечном счете, к сглаживанию политических противоречий» [4].

В современный период развития общества процесс глобализации перешел от имперского и колониального противостояния, характерного для XVII–начала XX вв., к новой эпохе с бурным развитием этнической активности, созданием на этнической основе национальных государств. «Процесс политиза-

ции присущ всем мировым религиозным системам в целом», – утверждает С.А. Семедов[5].

Данный процесс, на наш взгляд, зашел настолько далеко, что в современной науке возникает новое понимание термина «политическая религия»[6], появившегося еще в 1938 г.[7].

Разнородность и насыщенность конфессионального пространства России в переплетении с многообразием этнического состава населения составляет культурное богатство России, но при этом всегда таит в себе возможность возникновения и обострения противоречий и конфликтов на национальной и религиозной почве.

Перед российским обществом стоит непростая и ответственная задача консолидации как одного из важнейших условий выхода из кризиса, обеспечения национальной безопасности и поступательного движения вперед. Предпосылкой ее достижения в многонациональном и многоконфессиональном обществе является воспитание, утверждение, даже заботливое культивирование в массах населения национальной и религиозной терпимости, установок толерантного сознания и поведения.

Межкультурная компетентность, открытость по отношению к идеям и социокультурным ценностям других народов – неперенное условие становления и развития гражданской зрелости населения. С нашей точки зрения, толерантность – важная норма поведения члена общества, выражающая его гражданскую позицию.

Литература

1. Померанц Г.С. Духовность как возвращение в свое «я» // Стратегия России. 2007. №10 (46). С. 92.
2. Декларация принципов толерантности. Утверждена резолюцией 5.61 генеральной конференции ЮНЕСКО от 16 ноября 1995 г.
3. Ясперс К. Смысл и назначение истории. М., 1991. С. 141.
4. Нуруллаев А.А. Проблемы диалога религий в эпоху глобализации // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2001. № 3. С. 28.
5. Семедов С.А. Причины политизации ислама в современном мире // Государство, религия и церковь в России и за рубежом. М., 2009. №4. С.231.
6. Van der Veer. P. Political religion in the Twenty-first Century // International order and the Future of World Politics / Ed by T.V. Paul, J.A. Hall. Cambridge: Cambridge University Press, 1990. P.311-327.
7. Voegelin E. The New Science of Politics. An Introductory Essay. Chicago, 1952.

ОЛЬГА ПОПОВА

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ МОЛОДЕЖИ: К ВОПРОСУ О ФОРМИРОВАНИИ ЗАДАННОЙ МОДЕЛИ

В Российском государстве в последние несколько лет в официальном политическом консервативно-охранительном дискурсе все более активно звучит запрос на формирование заданных моделей идентичности различных социальных групп; особенно остро этот вопрос касается молодежи. Состояние

перманентной переходности и расплывчатых представлений об идеалах создаст особые трудности политической идентификации этой группы. В ситуации заметного изменения внешнеполитического курса и ограничения ставших уже рутинными практик выражения политических взглядов гражданских активистов усиливается риск доминирования негативных или кризисных моделей политической идентичности определенной группы российских граждан.

Исследование политической идентичности в российских условиях в последние годы является не только областью научных интересов исследователей, но все чаще связывается представителями политической элиты и контрэлиты с запросами политической практики по формированию заданных моделей политической идентичности, так называемой направленной политической социализации, конструктивной и/или деструктивной политической мобилизации молодежи. Не в последнюю очередь это определяется пониманием элитой того факта, что молодежь является одним из скрытых ресурсов, от мобилизации которых зависят изменения или сохранение status-quo в государстве и обществе.

Запрос политической элиты на формирование заданной модели матрицы идентичности пока не реализуется на практике. Фактор межпоколенных ценностей расколов постсоветского общества проявляется в частности в том, что шансы передачи людьми старшего и среднего возраста неких заданных элементов своей матрицы идентичности молодежи очень невысоки.

Политическая идентичность — одна из важнейших установок политического сознания людей, позволяющая им, наряду с отнесением себя к одной или нескольким из социальных и/или политических общностей, не просто формировать свое отношение к происходящим политическим событиям, но и максимально легко принимать политические решения, включая участие в электоральном процессе, массовых протестных акциях и т.д. Коллективная политическая идентичность, связанная с восприятием индивида себя как члена определенной группы на основе общих политических ценностей и представлений, является важным компонентом матрицы идентичности. Актуальной является конституирующая роль значимого «Другого», особенности образа «Мы» и представления об отношениях с «Они». Фундаментальной базой формирования идентичности является оппозиция «мы — они» и/или «свои — чужие». В ситуации политизации социальных форм идентичности достаточно остро стоит вопрос об оценке значимости компонентов определения этноса и конфессии для групп «Мы» и «Они». Процесс формирования политической идентичности отнюдь не всегда четко задается и регулируется государством и социумом, однако он не является и абсолютно спонтанным, зависящим только от воли самого индивида. Поливариантность формирования политических идентичностей в современном обществе не тождественна абсолютной неограниченной свободе и независимости этого процесса от системы социально-политических условий развития общества, доминирующей в нем системы ценностей и норм культуры, особенностей политического режима государства и проводимой в нем информационной политики и т.д.

Идентичность молодежи достаточно часто формируются как противовес образам многих «Других», а не единому «Другому» — государственным

структурам. Политическая идентичность молодежи изменчива, лабильна, неустойчива, фрагментарна. Эта установка сознания российской молодежи находится в состоянии конверсии, поскольку в ее основе лежат противоречивые представления: негативное восприятие текущей политической действительности вполне сочетается с адаптированным восприятием экономических принципов современной жизни в России, положительные представления о далеком историческом прошлом страны и ее богатой культуре сочетаются с ощущением ущербности современных российских реалий. В сознании российской молодежи присутствуют тенденции негативной мобилизации вследствие принимаемых некоторыми политическими акторами попыток сплочения этой группы на основе общей ненависти к чему-либо (культивируются ксенофобия, этноцентризм, изоляционизм).

В Российском государстве утрачены навыки эффективной практики конструировать позитивные образы идентификации. Последовавшие в последние несколько лет весьма неуклюжие попытки предъявить для молодежи в качестве таковых финансово успешных «selfmademen», «простых людей труда», исторических личностей не были успешными вследствие избыточной активности разоблачительной информационной политики. В условиях реальной политического плюрализма и политической конкуренции у молодых людей возникают определенные сложности при выборе модели политической идентичности. Быстро меняющиеся нормы политической жизни требуют от людей высокой степени адаптации.

У молодых людей в современном обществе образ «мы» менее значим, чем автономность его «я», что связано с разрушением коллективизма как нормы общественной жизни, с особенностями возрастной психологии этой группы, со спецификой активной виртуальной коммуникации в сети Интернет. Виртуальная реальность предлагает особое видение мира, порождающее фрагментарную, диффузную, неустойчивую идентичность.

Проведенные в «нулевых» годах XXI в. исследования позволили российским ученым сделать вывод о незначительной роли политической составляющей в самоидентификации молодежи. Предлагаемая ими типология идентичности молодежи включает следующие варианты: а) «инициативные» (склонны к участию в бизнесе, готовы брать на себя предпринимательский риск, участвовать в гражданских и политических инициативах, проявлять себя лидерами; б) «исполнительные» (законопослушны, «ведомы», склонны участвовать в жизни общества и государства в качестве квалифицированных специалистов-исполнителей); в) «спекулятивные» (ориентированы на успех в трудовой деятельности, но не за счет проявления деловых качеств в рамках добросовестной профессиональной конкуренции, а благодаря «доходной» должности (предпочитают чиновничье-управленческие должности) или рода деятельности в области торговли, различного вида посредничества, а также за счет получения высоких процентов в качестве рантье); г) «социально-зависимые» (склонны к патернализму, не проявляют личную инициативу, рассчитывают на социальную защиту и гарантии со стороны государства, минимизируют объем и качество выполняемой работы) д) «оппозиционные» (гражданские активисты, демонстрирующие активный публичный протест, а также те, кто не вписался в

систему социальных и политических отношений в современной России и склонны к пассивному социальному протесту); е) «анархические» (индивидуалисты-скептики, отрицающие законопослушность как условие нахождения в системе социальных отношений, склонные к маргинальным поступкам и чаще всего принадлежащие к какой-либо молодежной субкультуре); ж) «пассивные» (законопослушная часть молодежи, готовая делать жизненный выбор только под влиянием какого-то лидера общественного мнения, включая представителей близкого круга общения (родные и друзья) или кумиров или популярных представителей СМИ) [1; 2, с. 5-36]. Согласно результатам исследований, 87% молодых людей способны безболезненно интегрироваться в современное российское общество, приняв его ценности и существующие модели политической идентичности [1].

Для молодых людей исключительные ценности представляют их собственные безопасность, свобода, право выбора, успехи, достижения, имущество, личное счастье, добиваться которых они склонны в одиночку, как и искать выходы из сложных жизненных коллизий. В этой ситуации и представления об ответственности перед другими размываются. «Я никому ничего не должен» — весьма распространенный в этой группе принцип жизни. Лишь для единиц существует как проблема необходимость выбора между материальным и духовным, личным и коллективным, нравственным и безнравственным. Понятия «честь», «совесть», «правда» не актуализированы в самосознании значительной части молодежи.

Призывы проводить целенаправленную государственную политику идентичности для этой социальной группы, предлагая привлекательную систему символов для политической самоидентификации, являются весьма неэффективными. Однако молодежь достаточно податлива в плане реакции на скрытые формы негативной и деконструктивной пропаганды и агитации, особенно если они распространяются через каналы коммуникации в Интернете. Поэтому риски роста доли молодых людей, ориентирующихся на идеи, не связанные с интересами Российского государства, остаются очень высокими.

Литература

1. Горшков М.К., Шереги Ф.Э. Молодежь России: социологический портрет. М.: ЦСПиМ, 2010. 592 с.
2. Горшков М.К., Шереги Ф.Э. Современная молодежь: тенденции социализации // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2009. №6 (94). С. 5-36.

**ОРАЛМАНЫ: «СВОИ» VS «ЧУЖИЕ»
(СОЦИАЛЬНО-АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ
НАЦИОНАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ В КАЗАХСТАНЕ)**

Выполнено в рамках работ по проекту «Человек в меняющемся мире. Проблемы идентичности и социальной адаптации в истории и современности» (грант Правительства РФ № 14.В25.31.0009)

По утверждению известного казахстанского демографа А. Алексеенко, в истории населения Казахстана выделяется три периода с различным этническим содержанием. Первый длился с 1897 по 1959 гг. и характеризовался ростом численности населения преимущественно за счет европейских народов (русских, прежде всего), что являлось следствием государственной политики, как Российской империи, так и СССР. Временной отрезок 1959–1989 гг. автор называет «промежуточным», «инерционным». Он характеризуется продолжением роста числа европейцев, но при этом темпы роста азиатских этносов намного выше. Увеличивается удельный вес казахов в составе населения. Третий, суверенный, этап (1989–2009 гг.) ликвидирует этнодемографические последствия первых двух этапов. Проводимая казахстанскими властями политика репатриации этнических казахов (оралманов) на историческую родину с середины 1990-х годов, целью которой является ликвидации этнодемографических диспропорций, способствовала тому, что в конце XX–начале XXI вв. казахи стали абсолютным большинством населения в Казахстане [1, с. 570].

Для привлечения оралманов в Казахстан властями принимается ряд поощрительных мер. Переселившиеся казахи (в основном с территорий Узбекистана, Таджикистана, Китая и Монголии), получая статус «оралмана», получают ряд экономических, социальных, правовых и других преференций, решаемая с помощью этих мер задача – успешная адаптация и интеграция этнических казахов-переселенцев в современное казахстанское общество.

Однако декларируемые цели и поставленные задачи совершенно очевидно преломляются сквозь призму существующих в современном Казахстане экономических и социокультурных реалий. Наделяя переселенцев статусом «оралман» (а соответственно, рядом привилегий), государство в то же время маркирует их как особую группу, которая в большинстве случаев воспринимается «местными» казахами, как «чужие». Таким образом, государство выступает одним из акторов процесса конструирования идентичности оралманов и способствует воспроизводству границ между принимающим сообществом казахов и репатриантами. Еще одним (но далеко не последним) «игроком» на поле конструирования идентичностей является непосредственно само сообщество – как оралманов, так и местных казахов – особенно в ситуациях повседневного взаимодействия.

Целью настоящего сообщения является показать, каким образом на уровне повседневных интеракций и дискурсивных практик конструируется и воспроизводится граница между «своими» и «чужими» в казахстанском обще-

стве в контексте «оралманской проблемы» (операционально-пригодные дифференциации «свои» – «чужие», по Н. Луману [3]), каким образом и в каких ситуациях происходит движение этих границ.

В качестве иллюстративного кейса будет использована Восточно-Казахстанская область (г. Усть-Каменогорск, пос. Шыгыс, Новоявленка), где в августе 2013 г. мною проведено разведывательное исследование. Выбор именно этого района Республики Казахстан обусловлен несколькими факторами, создающими особый контекст для маркирования границ: во-первых, большой концентрацией русского (русскоговорящего) населения; во-вторых, по результатам исследования, проведенного в 2005 г. Центром социальных технологий, в Восточной области преобладает удельный вес критических оценок населения в отношении оралманов [2].

Среди информантов, местных казахов, распространено мнение, что оралманы делятся на тех, кто приехал в 1990-е гг. и в 2000-е гг., что они не поддерживают связь друг с другом. В интервью с оралманом, приехавшим из Монголии именно в 1990-е гг. и уже добившегося довольно высокого социального положения, удалось уловить подобное отделение себя от оралманов 2000-х гг. Он уже стал «своим», и предпочитает причислять себя к группе местных казахов, дистанцируясь от оралманов, что является значимым моментом в идентификации. Статус «оралман» официально является временным (до получения казахстанского гражданства), однако реально он еще долго закреплен (как ярлык) за человеком.

В определениях оралманов самих себя существуют внутренние дифференциации по странам выхода. Основанием служит, как правило, язык (казахи из Монголии и Китая определяют друг друга по степени заимствования в казахском языке слов из монгольского и китайского), а также некоторые особенности обрядовой стороны жизни (разница в проведении мусульманских обрядов). Кроме того, среди оралманов есть еще более дробная идентификация, не только обозначающая страну выхода, но также и регион выхода и особенности материальной стороны жизни.

Таким образом, в ходе исследования удалось выявить несколько пар оппозиций «мы» - «они»:

- русские – казахи;
- русские – оралманы;
- казахи местные – оралманы;
- оралманы из Монголии – оралманы из Китая;
- оралманы, живущие давно в КЗ – недавно переехавшие оралманы;
- оралманы в городе – оралманы в Шыгысе;
- оралманы Китая из района Алтай – оралманы Китая из района Тарбагатай.

Иными словами, именно так выглядят границы, по которым в повседневных практиках проходит деление внутри определенной части казахстанского сообщества, и которые во многом конструируются государственной политикой по отношению к репатриантам. Используя «этничность» (во многом понимаемую с точки зрения эссенциализма) как ресурс для создания единой

нации казахов, власть не учитывает сложный характер «низовых» взаимодействий, что влечет за собой конфликтные ситуации.

Литература

1. Алексеенко А. Казахстанская репатриация: причины, особенности, перспективы // Миграции и диаспоры в социокультурном, политическом и экономическом пространстве Сибири. Рубежи XIX–XXи XX–XXI веков/ науч. ред. В.И. Дятлов. Иркутск, 2010. С. 567-592.

2. Оралманы: реалии, проблемы, перспективы // Демоскоп-Weekly. № 245-246 (1–21 мая), 2006 Электронный ресурс. <http://www.demoscope.ru/weekly/2006/0245/analit07.php>

3. Луман Н. Введение в системную теорию. М., 2007.

МАРИЯ ПРЕДЕИНА

ВЛАСТЬ И НАЦИОНАЛЬНЫЙ ВОПРОС

Национальный вопрос как отображение внутривнутриполитических противоречий

Российскому обществу объективно присущи противоречия. Экономическое неравенство, выражающееся – по Марксу – в эксплуатации, а, значит, и в отчуждении человека от труда. То есть в отношении человека к труду как чуждой, принужденной (а не свободной) деятельности. Политическое неравенство, выражающееся в отчуждении государства от общества и человека от государства, в сведении свободы к фикции выбора. «Одномерность» человеческого бытия, проявляющаяся в ощущении себя человеком в животных функциях, в потреблении (но не в труде). Все эти противоречия, не будучи еще осознанными, обнаруживают себя для конкретного человека в смутном чувстве неудовлетворенности, протеста. Последнее побуждает человека к осознанию данных противоречий с целью их «снятия» в изменении «форм общения».

Изменение отчужденных «форм общения» от одних требует усилий, сопряженных с риском, а для других чревато потерей власти. Поэтому получает распространение искаженное отображение противоречий – замена действительных противоречий мнимыми. То есть отображение противоречий внутри общества как противоречий между обществами – точнее, между нациями. Такое отображение, с одной стороны, дает человеку иллюзию единства нации при расколе, силы при бессилии, богатства при бедности – бедный россиянин беспокоится о прибыли «Газпрома» (ведь тот «национальное достояние»), бесправный россиянин защищает неприкосновенность «суверенной демократии», одинокий россиянин переживает о сохранении «традиционных семейных ценностей» и т.п. И, с другой стороны, оно дает образ «соседа-неудачника» или «врага» в лице украинца, американца, европейца, по отношению к которым можно почувствовать себя сильнее, богаче, добродетельнее, утвердить себя и получить эмоциональное возмещение за несвободу в действительной жизни.

Национальный вопрос как отображение внешнеполитических противоречий

Отношениям России с другими странами объективно присущи противоречия, выражающиеся в борьбе за сферы приложения капитала. Здесь положение России двойственно: с одной стороны, она слабее Запада как его «сырьевой придаток», с другой стороны, сильнее «ближнего зарубежья» как собственник природных ресурсов. Поэтому российский капитализм, уступая западному в «дальнем зарубежье», борется за «постсоветское пространство» – за свою экономическую выгоду, за свои рынки сбыта. И в этой борьбе нет «хороших» или «плохих», а есть капиталы (= государства), одинаково чуждые и своему народу, и чуждому.

Осознание противоречий между государствами сопряжено с осознанием противоречий внутри государства (общества) – они имеют общие корни в отчужденных «формах общения». Поэтому искаженное осознание одних влечет искаженное осознание других. И в результате экономические противоречия между капиталами с благословения властей отображаются как противоречия национальные (цивилизационные). Такое отображение придает романтизм неромантической борьбе и способствует мобилизации народа в чуждых ему целях – к примеру, ни один народ не будет биться за право быть ограбленным российским или европейским капиталом, но может и будет биться за «славянское братство» или «европейские ценности». Цивилизационная общность, взятая в аспекте оппозиции к «другому», обосновывает контроль над определенными территориями, отношения господства и подчинения (старшего – младшего, учителя – ученика), закрепляет несвободу как национальную самобытность.

Национальный вопрос и «снятие» противоречий

«Снятие» противоречий сопряжено с их осознанием – с отображением противоречий в мышлении. Это осознание не творит и не отменяет противоречий, но его адекватность, всесторонность, глубина определяет меру возможной свободы – способности к изменению общества. Здесь особое значение имеет раскрытие действительных причин противоречий, преодоление искаженных форм их отображения.

Противоречия между нациями выражают конкретно-исторические противоречия внутри обществ. Поэтому их «снятие» лежит через изменение «формы общения» (формации) как преодоления отчуждения (= несвободы) во всех формах. Иначе говоря, действительное присвоение собственной свободы «снимает» потребность в подавлении другого – дает признание свободы другого. Здесь различия раскрывают себя как условие межнационального взаимодействия – сотрудничества в разделении труда, обогащении культур – при наличии основополагающей общности – свободы и гуманизма.

ЦЕЛЕ-ЦЕННОСТНЫЕ ОСНОВАНИЯ СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ СУБЪЕКТНОСТИ

Актуальность темы, предложенной к обсуждению организаторами форума, связана с анализом современных преобразований и трансформаций, происходящих в нашей стране и мире. Изменения в социальной, политической и экономической сферах жизни во многом способствовали разрушению ценностного мира человека, его (человека) дезориентации и дезорганизации.

Эпоху, как известно, не выбирают. Но время перемен заставляет делать выбор каждого, думающего о своем будущем, будущем своих детей и своей страны. Этот выбор предопределяется системой базовых ценностей, идеальных целей и набором допустимых средств, а также готовности рисковать, воплощая в жизнь то или иное решение.

Базовые ценности, как известно, являются ядром мировоззрения человека. Вместе с тем нравственные ценности являются фундаментальными для всей общественной структуры. Ценности принадлежат к фактам духовной жизни и относятся к субъективным явлениям макроуровня. Посредством ценностей предметы материального и духовного мира обретают социальную значимость. Ценности – это социокультурные стандарты, усвоение которых индивидами способствует поддержанию и воспроизведению определенного общественного порядка. Без ценностных оснований у общества нет будущего: если нет конституирующих ценностей, то нет и конституирующих отношений, а значит, нет возможности построить какие-либо нормальные и устойчивые социальные взаимодействия. В ситуациях институционального слома и распада сферы представлений о высших целях, о социально возможном, кризис ценностей грозит разложением самой ткани общественной жизни.

Проблема субъекта социально-политической реальности и его системных качеств актуализирована с одной стороны трудностями, с которыми столкнулось российское общество в решении вопросов, связанных с формированием гражданского общества, с другой — проблемами преодоления таких социальных зол как коррупция, правовой нигилизм, политическая индифферентность электората, хлебнувшего дикого капитализма, разочарованного и уверившегося в том, что «лучше не будет».

Представление о социальной субъектности связано в частности, с тем как общество прививает «добродетели хорошего человека и гражданина» (Аристотель) [1], и как общество востребует (воспитывает и готовит) рассудительных управленцев. Выражаясь языком древних, речь идет о добродетелях гражданина и правителя или в современном варианте — в контексте социальной субъектности – о моделях руководства и подчинения.

Сложность данной темы, по нашему мнению, заключается в неопределенности толкования ключевого понятия «субъектность», обойденного вниманием исследователей социально-политических трансформаций.

Современные трактовки социальной реальности исходят из двойственного понимания ее характера: человек предстает и как создатель, и как созда-

ние этой реальности. С одной стороны, человек как бы застает, включается в социальную реальность, социализируется, с другой — он своей самореализацией, осмысленной деятельностью активно на нее воздействует, изменяя ее по своему разумению. Степень этого «разумения» связана с развитием его интеллекта и субъективности.

Важно учитывать, что становление личности, социального субъекта тесно связано как с процессом социализации, так и с развитием его субъективности, а качество того и другого определяет в конечном счете политическую субъектность — фактора весьма немаловажного в судьбе страны и народа.

Именно кризис вымывает мировоззренческие основания, происходит подмена базовых ценностей особенно в ситуации нестабильности и экстремального выживания индивида. Легко заметить, что даже самые простые (обыденные) ценности становятся дефицитом. Речь идет даже не о политической свободе и правах личности или идеалах демократии, а о таких ценностях, как солидарность, взаимопомощь, порядочность, труд и трудолюбие, право на жизнь. Нас уже не шокируют высказывания, за которыми стоит определенная социальная практика: «Это твои проблемы», «Ничего личного, просто – бизнес» и т.п.

Если взглянуть на сюжет власти и ценности так сказать практически, то всплывает проблема социализации. Новое мироустройство требует новой социализации, т.е. практики усвоения новой или существенно скорректированной системы ценностей. Социализация– это процесс усвоения индивидом определённой системы знаний, норм и ценностей, позволяющих ему функционировать в качестве полноправного члена общества.

Обычно полагают, что проблему социализации необходимо решать в отношении народа, или определенного класса, или социальной группы. Якобинцы, как известно, прибегли к такому средству как гильотина. В 1917 г. большевики отказали в возможности социализироваться в новом социальном порядке классу дворян или так называемых «бывших». Тех, кто мог повлиять или помешать в выборе базовых ценностей, – посадили на паролод, а прочих несогласных отправили в Сибирь. Младореформаторы времен перестройки, по нашему мнению, вообще проблемой социализации не были озабочены. Однако формулировка: «Пенсионеры не впишутся в рынок» или такие фатальные характеристики своего народа как «совка», не способного понять своего «капиталистического счастья», позволяют судить о своеобразном видении проблемы социализации. Иными словами, «совку» (т.е. большинству бывшего советского народа) также было отказано в социализации. Более того единственный адрес реформ – это будущие поколения. И дело сделано: катастрофа вымирания страны очевидна, ее демографическая несостоятельность стала реальностью. В поисках национальной идеи – деньги были провозглашены как ценность. Общество, в котором деньги являются ценностью, уверенно идет к тотальной и непобедимой коррупции. Здесь хотелось бы упомянуть практику Китая: в течение 10 лет казнены за коррупцию 10 тысяч чиновников, еще 120 тысяч получили по 10-20 лет заключения... [2] Что касается современной России, то вполне очевидна актуальность вопроса социализации элиты и бизнеса. Номенклатурное прошлое, усугубляемое почти полным отсутствием социального

контроля и нравами легализовавшихся дельцов теневой экономики, ярко проявилось у посткоммунистической российской элиты. Ее низкие деловые и нравственные качества во многом объясняют перманентность и глубину кризиса российского общества, массовое распространение коррупции и безответственности.

В условиях системного кризиса, разрушения системы базовых ценностей, привычных условий жизнедеятельности с неизбежностью происходит сбой не только в процессах социализации, атакуется субъективность человека, но также подвергается уничтожению такое системное качество как субъектность.

В данной статье я буду говорить, по крайней мере, о трех субъектах (или точнее, о значимых субъектах разной степени общности). Это — индивидуальный (простой) человек, это — социум как целое и это — лидер, представляющий не только себя, но и персонифицирующий интересы первых двух.

Принято полагать, что качество субъектности присуще человеку уже в силу принадлежности к социуму, являющейся главным онтологическим условием жизни человека. Спорность этого тезиса, по нашему мнению, заключается в том, что в таком полагании мы усматриваем большое поле неопределенности. Неопределенность этой характеристики, связана уже с тем, что субъект — особый, нетривиальный компонент социальной реальности, модели которой в системе философского знания неоднозначны.

Субъективность — это личностное содержание человека, система его базовых ценностей. Субъектность — это манифестация субъективности, системное свойство субъекта. Поведенчески субъектность означает быть способным на поступок. Она характеризует не только возможные формы проявления его (человека) личности, его предназначение, предопределенное его социализацией и неповторимым образом сформировавшейся субъективностью, но и вероятные формы его проявления в поведенческом действовании.

Субъектность на уровне индивидуального человека связана с социальной ролью, социальным предназначением. В идеале они гармонично сочетаются. Однако нередко случается, что проявление субъектности оказывается нелегким делом. Сובлазн казаться, а не быть — то, что Э. Фромм определил как феномен бегства от свободы, как раз свидетельствует о недостаточности субъектности, ее недоразвитости. Трудноуловимость, неопределенность субъектности заключается в норме ее наличия, и всегда остро переживается, когда мы чувствуем ее отсутствие. Поясню примером по аналогии. Воздух, которым мы дышим, незаметен для нас, является смесью газов в определенной пропорции, каждый из которых в отдельности не пригоден для жизни человека. Причем изменение этой пропорции также губительно для человека. Мы реагируем на разреженность горного воздуха, избыточность углекислого газа или кислорода, и т.д.

Субъектность, по нашему мнению, это системное качество личности и она весьма многолика и разнообразна в своих манифестациях. Однако можно с уверенностью сказать, что это всегда верхняя граница качества возможного личностного проявления. Норма субъектности — это существование личности в максимальном выражении своих личностных возможностей. Именно недоста-

ток тонуса и нереализованность этой предельности, а иногда и запредельности субъектного проявления нередко или даже почти всегда свидетельствует о недостатке этого системного качества. На простейших примерах поясню, о чем идет речь. Парень защитил девушку от хулиганов, спешащий прохожий не прошел мимо потерявшегося ребенка или человека, которому вдруг стало плохо. Рядовой сотрудник сумел отстоять свою точку зрения, не совпадающую с мнением руководства. Сравните: не защитил – ну, не Джеки Чан; прошел мимо – действительно, очень некогда было; не отстоял, потерял интересную перспективную тематику исследований – так ведь крут и категоричен характер у начальника.

Субъектность проявляется парадоксально: с одной стороны легко, «а как же иначе?», с другой – всегда на усилие, на самопреодоление соблазна легкого пути. Приведу конкретный трагический пример. Известно, что С.С. Прокофьев всю жизнь переживал по поводу разгромной статьи А.А. Жданова, публикации, критикующей его творчество. Его изумила не столько агрессивная категоричность оценок, сколько грамотность использованной музыкальной терминологии в отношении его произведений (полифония, атональность и т.п.), что явно было не по зубам партийному функционеру, малосведущему в музыкальной теории. Как впоследствии оказалось, Жданов «обратился за консультацией» к близкому другу Прокофьева композитору Б.В. Асафьеву. Сам Асафьев спустя год умер.

Субъект – понятие, как известно, обозначающее того, кто осуществляет действие над объектом. Субъект политического контекста – это тот, кто имеет отношение к власти, к принятию решений, несет ответственность за эти решения. Именно политическая сторона схватки вокруг понятия субъекта вскрывает ее подлинный смысл. Человек становится субъектом, когда решает быть для самого себя основанием того, что называется действием. Специалисты отмечают возросший уровень сложности символического оснащения социальных действий [3, с. 7], под которым понимаются знания, нормы, ценности, смысловые полагания и конструкции, формирующие, направляющие и ориентирующие действия. Вместе с тем я бы подчеркнула скорее динамический характер уровня сложности символического оснащения социальных действий. Динамичку мы понимаем как изменения в сторону усложнения или упрощения (деградации, разрушения, подрыва, опошления и изъятия).

Главный пульс современной социальной динамики – процесс смыслообразования, целеполагания и целедостижения, реализующийся на разных уровнях субъектной организации социума, границами которого выступают надиндивидуальная целостность (общность) и феноменальный уровень (самость), определенный ментальным опытом и самосознанием.

В историко-логической реконструкции общая тенденция формирования модели социально-политического руководства и подчинения выглядит таким образом: Античность – субъектность полиса и идея общего блага, гражданин полиса – численное меньшинство. Средневековые – субъектность монарха, вассалитет. Новое время – конституционная монархия, намечается тенденция разрушения и диффузии субъектности поданных монархии, формирование

классовой субъектности. Новейшее время – атомизированная субъектность наряду с ассоциированной классовой и государственной (суверенитет).

В современном системном кризисе происходит: разрушение государственной субъектности; в личностном развитии заметен акцент на Эго, индивидуализм и права человека; возникает идея гражданина мира; широко распространяется этика, язык и дух корпоративности. Системный регресс и деградация губительным образом сказываются на субъектности и части, и целого. Индивидуальный человек вынужден заново социализироваться в корпоративное мироустройство. Корпоративная субъектность подменяет индивидуальную субъектность.

На уровне индивидуального субъекта имеет смысл говорить с одной стороны о субъектности как внешнем выражении его субъективности, с другой – о проблеме усвоения моделей подчинения. Например, М. Фуко говоря о субъекте, различает два понимания субъекта. Субъект, связанный со своей идентичностью и субъект как подданный, подчиненный другому через контроль и зависимость. Если в XIX веке на первом плане была борьба с эксплуатацией, то сегодня преобладает борьба против порабощения, иначе говоря, против подчинения субъективности. [4, С. 168] Каналы современного подчинения субъективности охватывают разные стороны жизни современного человека. Это – сексуальность, мода и антимода, религиозные верования, здоровье, красота, идеология успеха, воспитание и образование.

Субъективность, скроенную по заданным лекалам, Фуко называет подчинением. То, что российские специалисты называют неудачной школьной реформой, реформой ухудшающей образовательную конкурентоспособность, обнаруживающей поверхностность в усвоении богатства собственной культуры, является удачей в деле нового подчинения субъективности будущих поколений, и, соответственно, элиминации их самостоятельной и ответственной субъектности. Индивидуальная субъектность становится иллюзорной, квази-субъектностью. Избиратель выбирает, но не решает. Индивидуальная свобода предстает как освобождение от принятия решений.

Современная глобализация атакует субъектность государства. Эта атака осуществляется транснациональными корпорациями, обретающими собственную субъектность. Средством давления становятся инвестиции, ради которых иные государства готовы поступиться и суверенитетом страны, и интересами своего народа. Это качественно новая геополитическая ситуация.

Нам представляется интересным рассмотреть в аспекте модели власти известное высказывание Людовика XIV: «Государство – это Я». По нашему мнению, это не гипертрофия личностного Эго, а формула власти эпохи расцвета феодализма, яркое выражение персонифицированной субъектности государства. Еще один пример модели власти – дефиниция Николая II в анкете переписи населения. Он обозначил себя как «Хозяин земли Русской» – в крестьянской стране модель власти и подчинения принятая всем сообществом сверху до низу. Пример субъектности монарха интересен и в плане международного. Убийство монарха — означает устранение субъекта государственной власти, возможность создания опасной ситуации бессубъектности. Именно непрерывность субъектности власти выражена в высказывании: «Король умер!

Да здравствует король!» Смерть монарха грозит утратой субъектности, а в российском контексте и извечной бесхозностью колоссальной территории. Убийство царских наследников – это стратегия на лишение субъектности государства. Смена властителя (будь то монарх или Генеральный секретарь) – всегда важный, опасный и многое определяющий момент в жизни страны и народа.

Политическая субъектность проявляется в борьбе за власть, за влияние на принятие решений. Факторы, разрушающие субъектность, работают на углубление кризиса, порождающие ситуацию политической (на уровне государства) и гражданской (на уровне индивидуального человека) бессубъектности.

Таким образом, субъектность как системное качество, присущее субъекту, возникает на базе социализации, становления и развития субъективности и интеллекта, манифестируется в активной деятельной жизненной позиции. Формирование субъектности гражданина, классовой субъектности, субъектности государства – процесс, сопряженный со многими факторами социально-политического, экономического, психологического порядка.

Социально-философский анализ показывает, что системный кризис обнаруживает болезненный процесс трансформации субъектности разных уровней и разной степени общности. Системный кризис нельзя объяснить только слабостью или параличом власти. Бессубъектность означает неспособность элит ответить на вызовы системного кризиса, что с необходимостью требует появления надэлитной, надклассовой персоны, личности бонапарта, лидера, способного предложить свои пути выхода из кризиса, свои решения ключевых проблем, стоящих перед социумом.

Важно понимать, что власть сама не творит ценности. Ценности существуют и транслируются посредством субъективности человека в проявлениях его субъектности. Власть может поддержать те или иные ценности, уже существующие в социуме.

Усиление авторитарных тенденций во власти принято трактовать однозначно негативно, как возврат к прошлому, советскому, тоталитарному, к такому положению дел, когда за человека думает власть и предлагает ему готовые формы [5]. Иными словами, патернализм власти, когда народ – дитя, государство – отец, которое воспитывает это дитя, трактуется как возвращение к такому состоянию страны и общества, которое можно определить как детское, не взрослое, безответственное. Однако глубина социального кризиса, социально-классовое расслоение выдвигает на первый план проблему государственно-го регулирования в условиях социально-политической трансформации.

Обострение отношения культурной общности и государства ставит в центр социально-философской аналитики проблему эффективности государственного управления, связанную с поиском ресурсов социального контроля, надежности функционирования социальной системы, стабильности государства и безопасности жизни его граждан.

Именно ценности обеспечивают легитимацию политической власти, помогая осуществить связь между индивидом и властью, создавая иллюзию их общности, необходимости и естественности, незыблемости и правильности. И

как это ни парадоксально, ценностное измерение политики, вопреки ее нередко апологетическому назначению, привлекает большое внимание к гуманистическим аспектам самой политики. Оно требует признания потребности человека быть субъектом, а не только объектом политических решений. Назначение ценностей как раз в том и состоит, чтобы заполнить ими все политикомотивационное пространство в обществе, ибо в политике действует конкретный человек, который ведет себя в соответствии со своим особым складом ума и ценностными представлениями. Своим участием в политике он пытается что-то изменить в мире, выдвигая те или иные требования, так как считает то или иное явление справедливым или, напротив, несправедливым. Для политической практики существенно то, что ценности связаны с чувствами и настроениями индивида таким образом, что они всегда могут быть регулятивами его мышления и его действия, и потому никакая политическая сила не может быть исключительно материальной. Если же по каким-то причинам роль политических ценностей (политические ценности в отличие от иных ценностей, затрагивающих сферу труда, семейной жизни, досуг и т.п.) снижается или утрачивается, то утрачивается и ощущение общности с системой политической власти, возникают настроения неодобрения, недовольства, несогласия с ней и как следствие противостояние. Эта ситуация создает основу для резких политических потрясений, а затем и для смены власти или политического режима.

В общем и целом идейное руководство, в котором нуждается страна, должно опираться на прочное и искреннее одобрение граждан. Такой основополагающий консенсус не может быть обеспечен законными и судебными решениями, его достижение предполагает обращение к огромному моральному капиталу нации. Вместе с тем успешное реформирование общества возможно лишь на пути создания новой системы рекрутирования элит, основанной на конкурентных началах и институционализации требований к деловым и нравственным качествам политических и административных руководителей.

Таким образом, целе-ценностная ориентация социума задается властью и элитой. Именно элитные группы выступают той средой, где в первую очередь происходит генерация новых социальных тканей, создание и рост общественного капитала. В условиях системного кризиса, социально-политической трансформации, отсутствии единства правящего класса, раскол элиты на правящую и оппозиционную, с неизбежностью вызывает надклассового, надпартийного «арбитра», реализующего интересы государственной субъектности, опираясь на ценности той части социума, отвечающие решению этой задачи.

Несомненно, бонапартизм как режим авторитарной власти – проявление архаизации (откат революции). Вместе с тем, общество закономерно обращается к такого рода архаизации как механизму мобилизации своих ресурсов. Этот процесс сопряжен с ограничением индивидуальной субъектности и усилением надиндивидуальной субъектности. Бонапартизм запускает процессы ресоциализации, реструктурирует социум, восстанавливает разрушенную или утраченную в результате социального катаклизма субъектность общества как социального целого и индивида как части этого целого. Стратегия бонапарта направлена на то, чтобы не просто возник некий «капиталистический класс», но появились буржуазии в собственном смысле слова, то есть «государственные буржуазии» (И.

Валлерстайн), одновременно способные к политическому, экономическому и культурному господству, стратегически состоятельный класс,полномасштабно ответственный за нормальное функционирование государства.

Литература

1. Аристотель. Политика // Сочинения: В 4-х т. М.: Мысль, 1983. Т. 4.
2. Овчинников В. За взятку — к высшей мере// Российская газета. Неделя.2009. №4939(115) 25.06.URL: <http://www.rg.ru/2009/06/25/korrupcia.html>
3. Кимелев Ю.А. «Субъект» и «субъективность» в современной западной социальной философии: Научно-аналитический обзор / РАН ИНИОН. Центр гуманитар. научно-информ. исслед., отд. философии. М., 2006.
4. Фуко М. Субъект и власть // Фуко М. Интеллектуалы и власть: Избранные политические статьи, выступления и интервью. М.: Праксис, 2006. Ч. 3. С. 161-190.
5. Нателашвили Е.Историки: чем опасен Мединский // Publicpost. 21.05.2012.Режим доступа: http://www.publicpost.ru/theme/id/1478/istoriki_chem_opasen_medinskiy/?utm_source=news_mail&utm_medium=teaser&utm_content=medinskiy&utm_campaign=mail

RAJEEV KUMAR

TRIBAL IDENTITY AS AN OBJECT OF POLITICAL MOBILISATION IN INDIA

About 10 crore forest dwellers in India, called adivasis or tribals, obviously, live on forest resources. They have ancient roots. They have been rulers in the past but they are alienated with the western style of urban development after independence which is culminated in the form of naxalite insurgency on the one side and on the other, in the form of non-violent political movement, called Gondwana Movement. Notably, Gond tribe is the largest tribe in India and it is claimed that its 750 branches absorb almost all the tribes in India.

Forest and Tree cover of India according to India State of Forest Report 2011 is about 24% of the geographical area. A decrease in forest cover has also been reported. The forest dwellers ethnic tribes utilize fuelwood. The 23% population is obtaining fuelwood from forests.

It is significant to note that after independence 1947, the government took over all the forest land. Consequently, the ancient traditional forests inhabitants, the tribal people, became encroachers on their own homeland. The forest department officials used to exploit them on every ground. Notably, after the notification of the scheduled Tribes and other Traditional Forest Dwellers Act or FRA in 2008, the ethnic ancient communities thought that they will gain their customary right to use land, water bodies and forest resources. On ground, nothing changed for ethnic tribal groups. The forest of Central India and adjoining areas are rich in minerals. The situation became more sensitive when the government handed over the forest land to corporations. The plea of the government is based on potentiality of economic gains through mining or utilizing the forests reserves. While, the plea of local ethnic groups is based on threat to the environment and their livelihoods. The naxalite insurgency emerge in 70s has roots in this dichotomy. Their armed followers do not

allow any governance in the forest area of Central India and its adjoining areas. About 6 thousand people have been killed from both side between 2002 and 2010. The government had raised armed tribal group to fight with their fellow armed rebels. Later, it was disbanded by the orders of Supreme Court. Both the sides, the tribals were the losers.

But, some non-violent movements of tribals addressing the above grievances also emerged in 80s, in which the Gondwana movement is gaining popular support. The Gond kings happened to be rulers in Central India. To remind, the Gond is also the largest tribe in India and it is claimed that its 750 branches absorb almost all the tribe in India, has linkages even with tribal ethnic groups in every part of the world. The non-violent Gondwana movement not only organised gond tribals but indirectly saved them from being killed by police forces. The movement has become voice of their grievances. Their threat perception became vocal in the movement. The movement has compelled decision makers to reshape their model of economic growth where local communities must be made stakeholders in a project of development. Instead of selling land and water to big capital which leads environmental degradation and loss of livelihoods for forest ethnic groups, their concerns of livelihood must be heard.

In ancient time, the Central India, a centre of Gondwana non violent movement and naxal violence as well, was ruled by Gond kings. The Gond tribe and their kings fought with Aryans, the Mughals and the Britishers. They were rulers and with the passage of time, they became not only ruled but placed at the bottom of development stage. With this political memory, the Gondwana movement is organizing the tribes and other downtrodden castes. The whole Central Indian tribal area speak Gondi Language. They claim about 30 Lakh people mentioned Gondi Language as mother tongue in census 2011, which is larger than other Indian regional language but Gondi language could not get place in Indian Constitution. The Gondi language is claimed one of the oldest language of the world. In addition, the movements is preaching their rich values that we have three jewels- grain, water and sweet language. Live and Let live to thousands & Lakhs of people is our motto. Save villages, we have everything in villages, even supra powers. This so called concrete jungles of urban development will endanger environment, our culture, our daughters and our respect. Save daughter, food & culture by deciding that we will not sale our land. If we could not save our land and could not resist displacement, we will not be able to save our culture, climate, and daughters. We have to recapture power and reverse our status through seven means-health, education, culture, self-reliant, social responsibility, security and than power. The Gondwana will rule. The movement claims that it has sow the seed, the field is also ready. The tribal ethnic groups only have to plough it to gain power. The movement is politically mobilizing tribals on the basis of political memory and cultural symbolic resources.

On the basis of their cultural religious symbols, the tribals claim that their religion is humane religion. They worship their parents as God. They regard nature as God. They believe that earth, space, air, fire and water, these five elements are the creator and real God. To save environment and serve humanity is the real worship. They analyses that Aryans interaction or invasion in India, introduced idol worship and caste based hierarchical social set-up which gradually put all the original inhab-

itants of India, about 6500 ethnic groups that are called scheduled tribe and caste today, into Shudra category, the last in caste hierarchy. The Gondwana movement is of the view that the Aryans were cunning manipulators while the tribal people are happened to be simple and truthful. They allowed Aryans to live here. With the passage of time, the ancient ethnic communities in India became slaves in their own homeland. They still preserve old traditions, values, live in forests, still shy towards western culture and model of development. Their society is not hierarchical, they believe in equality. They, however have religious ways of life, marriage or life guidelines.

The impact of Gondwana movement can be sensed at the occasion of Kachargarh festival in February every year, about 100 km from Gondia district of Maharashtra, at the border of Madhya Pradesh, Chattisgarh and Maharashtra and of course, recognised as naxal prone area. About 35 Lakh tribals, it is estimated, visited the caves at Kachargarh, which has been recognized their most important religious place.

The impact of political mobilization of tribals ethnic groups are seen in Chattisgarh, Madhya Pradesh, Maharashtra, Andhra Pradesh and even in Uttar Pradesh. The dimension of this movement has also been responsible for its success. It has established rationality behind alienation of tribals ethnic groups from so-called development. It is very strange to notice that urban people feel fear when moving towards forests and the forest dwellers are also fearful towards urban visitor or state activities. The ultimate reaction of such fear is armed revolt. The Gondwana movement organised on cultural symbolic resources and spirited by political memories has provided forest ethnic groups a democratic platform. It has reached at a place where it is capable to affect any political outcome in the Indian political system, therefore, can not be ignored. A careful insight into this field will connect underground political undercurrent with the studies of political system.

**НАТАЛИЯ РОДИГИНА,
ОКСАНА СИДОРЧУК**

**«РАСШИРЯЯ ГРАНИЦЫ...»: ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЕ ЖУРНАЛЫ
ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX–НАЧАЛА XX В. В ПРОЦЕССЕ
КОНСТРУИРОВАНИЯ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ О
ПРИСОЕДИНЕНИИ И ОСВОЕНИИ ИМПЕРСКИХ ОКРАИН**

*Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ,
проект № 12-01-00258 «Репрезентации Сибири в русских еженедельных
изданиях второй половины XIX – начала XX в.: аннотированный библио-
графический указатель».*

В названии мы акцентировали внимание на роли еженедельных журналов в конструировании исторической памяти о процессе территориального и ментального освоения окраин Российской империи во второй половине XIX – начале XX в. Под «расширением границ» мы понимаем не только реакцию

журналов на рост территории империи за счет Средней Азии, Дальнего Востока, но и «расширение границ» представлений об этническом своеобразии «окраинных» регионов, их культуре, религии, истории и др. Мы исходим из того, что рассчитанные на массового читателя «тонкие» журналы, расширяли границы «своего» и «чужого/другого», формировали историческую память о процессе вхождения тех или иных территорий в состав государства, создавали визуальные представления о природе и людях фронтиров, способствовали формированию русской национальной идентичности в широком ее понимании.

В качестве предмета своего анализа мы выбрали тексты и иллюстрации, посвященные окраинным регионам Российской империи, опубликованные на страницах еженедельников «Всемирная иллюстрация» (1869–1898) и «Природа и люди» (1879–1881; 1889–1914). Их выбор обуславливается, с одной стороны, популярностью среди «среднего слоя читателей» (чиновничества, купечества, провинциальной интеллигенции), с другой же, стабильным интересом к «народоведческой» тематике. Так, каждый номер журнала «Природа и люди» в 1879–1881 гг. открывался разделом «Народы России». В разделе помещались сведения о народах России, собранные по определенному плану: 1) географические и природно-климатические условия проживания; 2) сведения об истории; 3) особенности хозяйственной-экономической деятельности; 4) традиционное жилище; 5) пища; 6) национальная одежда; 7) религия; 8) праздники и обряды; 9) развитие грамотности. С 1889 г. сведения об окраинных регионах Российской империи и их населении концентрировались в историческом и географо-этнографическом.

В журнале «Всемирная иллюстрация» такого рода информация содержалась в рубриках «Сибирские виды, сцены и типы», «Наши окраины», «Отечественное и наши экспедиции». Как правило, очерки названных разделов сопровождалась гравюрами с рисунков и фотографий и пояснением их содержания. Иллюстрации конструировали визуальные каноны реальности, усиливая символическое господство журналов. Они демонстрировали, например, как должен выглядеть «наш "иностранец"», «наш Ермак», «наша Грузия» и все «наши окраины». При этом иллюстраторы стремились изображать представителей «иностранческого» населения в национальных костюмах. Как уже замечено Е. Вишленковой, «"костюмы" воспринимались неоспоримым доказательством существования той или иной группы жителей, ее принадлежности к России, они же давали обществам локальную и культурную приписку... В результате принявший все это на веру зритель в реальной жизни соотносил внешность встречаемых людей с известными ... народами, то есть использовал графические "костюмы" как опознавательные маркеры» [1, с. 35]. Одним из способов «ментального присвоения» окраинных регионов было создание визуальных коллажей, создававших иллюзию путешествия читателя по описываемой территории, его сопричастности к жизни и быту описываемых и изображенных на иллюстрации народов.

В журнале «Природа и люди» на разных этапах его существования наибольший интерес редакции из окраинных регионов вызывали Сибирь и Грузия. Так, с 1879 по 1904 гг. Сибири было посвящено 148 публикаций, Гру-

зии – 78. На наш взгляд, это не случайно, равно как и схожие модели описания этих регионов на страницах издания. Это объясняется схожим статусом регионов в составе Российской империи, являвшимся предметом рефлексии современников [2, с. 157], интересом к их экзотическому для массового читателя коренному населению. С точки зрения замысла нашей работы показательным, что отсчет «настоящей» истории этих регионов начинается с их вхождения в состав Российского государства, а критерием «развитости» культуры является ее сопоставление с русской культурой. Проиллюстрируем это одной из многих цитат, характерных, как для репрезентаций Грузии, так и Сибири: «Грузия – страна во всех отношениях чрезвычайно богатая, народ способный, имеет много хороших задатков и жаждет образования, но культура народа и экономические силы страны стоят пока на очень низкой ступени, когда же они разовьются, это будет один из благодатнейших уголков земного шара» [3, с. 710].

Безусловным лидером по количеству публикаций, посвященных регионам России, в журнале «Всемирная иллюстрация» была Сибирь (219 публикаций, 139 иллюстраций). Большая часть текстов о Сибири была представлена информационными сообщениями о событиях в экономической, административной, реже культурной жизни региона, популярными и художественными очерками о сибирских губерниях, городах, народах. Основной акцент делался на описании «инородческого» населения Сибири. Показательно, что в большинстве случаев авторы публикаций избегали оценочных суждений и стремились «объективно» проинформировать о жизни «наших сибирских индейцев», однако отдельные тексты еженедельника можно смело отнести к ориенталистскому дискурсу об «инородцах».

Литература

1. Вишленкова Е. Визуальное народоведение империи, или «Увидеть русское дано не каждому». М.: НЛЮ, 2011.
2. Ремнев А.В. Российская власть в Сибири и на Дальнем Востоке: колониализм без министерства колоний – русский «Sonderweg»? // Imperium inter pares: Роль трансфертов в Российской империи / под ред. М. Ауста, Р. Вильпиус, А. Миллера. М.: НЛЮ, 2010.
3. Беловодский П. Кавказ и Закавказье (Очерки и наброски туриста) // Природа и люди. 1891. № 45.

НЕЛЛИ РОМАНОВИЧ

ДВА ОБРАЗА ГОСУДАРСТВА В СОЦИАЛЬНОЙ ПАМЯТИ

Многие современные ученые (историки, социологи, психологи) говорят о существовании надличностного механизма хранения социально значимой информации, который они называют коллективной памятью или социальной памятью. Коллективная память закрепляет в социальном опыте те модели, которые были успешны в прошлом. Она инициирует совокупность действий, предпринимаемых коллективом или социумом, по символической реконструкции прошлого в настоящем. Социальная память есть набор символов и пред-

ставлений о том, какой должна быть социальная реальность и её элементы: семья, общество, государство и т.д.

Образ государства хранится в социальной памяти и воссоздается вновь и вновь с каждым следующим поколением. И чем больше реальная власть соответствует этому образу, тем выше степень доверия населения к ней [1, с. 304-305]. Поэтому действующая власть будет стремиться воспроизводить тот образ государства, который доминирует в социальной памяти. Обычно в социальной памяти доминирует традиционный для данного общества образ государства. Но могут присутствовать и вкрапления не традиционного образа, который являлся успешным в другой обществе, но посредством систем информации и связи стал известен некоторым членам данного общества и был ими усвоен.

Известно мнение Дюркгейма о том, что категории коллективной памяти имеют религиозное происхождение. Образ государства и государственной власти, хранящийся в социальной памяти, – это своеобразный ключ к пониманию различий в ценностях восточной и западной культуры, которые созидались на основе религиозных форм. Д.А. Хомяков уверял, что «понятие о высшей власти» является «Рубиконом», разделяющим мировоззрение Востока и Запада, предопределяя различные формы общественного устройства.

Исторические пути развития восточной и западной культуры получили практическое воплощение в различных моделях образа государства. Эти различия отражены в традиционном для России и западном образе государства, которые противостоят друг другу.

Всероссийское социологическое исследование обнаружило доминирование аспектов образа государства, свойственных традиционной модели общества (см. таблицу 1) [5]. В таблице 1 представлены суждения россиян по поводу государства и различных вариантов взаимодействия личности и государства.

1. Традиционная и западная модели **образа государства** по-разному отражают взгляд на предназначение государства. Предназначение государства, согласно российской **традиционной модели**, состоит в том, чтобы объединять людей на основе наличия сильной смыслополагающей составляющей, выходящей за рамки просто благополучной обыденной жизни. Восприятие государства только лишь как «регулирующего устройства» не характерно для российской традиции. В **западной модели** государство существует в основном в качестве регулирующего механизма. Поэтому взаимодействие между личностью и государством основано, прежде всего, на рациональных началах. Смыслополагающая составляющая здесь формируется не государством, а «гражданским обществом».

В том, что смысл объединения людей в государство должен выходить за рамки просто благополучной жизни, убеждены 63% россиян. Если государство – это лишь возможность в большей или меньшей степени «набить свой карман», тогда наилучшее государство – это то, которое позволяет это сделать беспрепятственно. Иными словами, большинство россиян ждут от своего государства чего-то большего, чем просто «обеспечения достойной жизни», как это обозначено в российской Конституции (статья 7). В то же время воспринимают государство только лишь как регулирующее устройство всего 30%

жителей страны. Очевидно, это для них закреплено в Конституции РФ п.2 (ст. 13): «Никакая идеология не может устанавливаться в качестве государственной». Но для остальных граждан эта норма обесмысливает мотивы объединения людей в российское государство. «Достойную жизнь» может обеспечить и другое государство. Почему тогда нужно оставаться в России? Почему нужно ей служить? На эти вопросы нельзя найти ответа, если у государства нет своей идеологии (национальной идеи), под знаменем которой люди бы объединились.

Следовательно, во взглядах россиян на предназначение государства преобладает **традиционная модель**, хотя в российском законодательстве закреплены нормы западной модели государства.

Цель, выходящая за рамки просто благополучной жизни, имманентна прежде всего для людей старшего поколения (67%), но и большинство молодежи (56%) также разделяют такие воззрения. Особенно близка эта идея россиянам с ученой степенью (83%).

2. Социокультурный принцип легитимации властей России в **традиционной модели** предполагает приоритет интересов общества, выразителем которых выступает государство, с правом личности быть услышанной. Представление о «сильной руке» сращивается в общественном сознании с инстинктивной верностью власти той идее, на базе которой цементируется общество. Если власть действует нерешительно, население воспринимает это как сомнение в идеологических принципах, что приводит к реальному «колебанию» всего государственного «тела», вплоть до его разрушения (крушение православной идеологии, крушение коммунистической идеологии).

Демократический принцип легитимации власти в **западной модели** предполагает приоритет интересов личности с гарантией защиты этих интересов со стороны государства. Идеологические или этические «промашки» представителей власти в западных странах не имеют таких разрушительных последствий, как в России – они могут привести к отказу в доверии конкретному лицу, но не к распаду государства.

В традиционной концепции интересы всего народа признавались общественным мнением выше интересов отдельного человека. И действительно, 60% россиян признают, интересы общества в целом выше, чем интересы отдельного человека, но каждый гражданин должен иметь право быть услышанным. Ставят интересы общества ниже интересов отдельных людей около трети (32%) опрошенных. В такой постановке вопроса очевидно преобладание традиционной модели в менталитете россиян.

3. Традиционная и западная модели по-разному отражают характер взаимодействия личности и общества. В **традиционной** концепции государство выступает гарантом интересов общества, а не личности. Интересы всего народа общественным мнением признавались выше интересов отдельного человека. Более того, пожертвовать собственными интересами для общего блага всегда считалось делом праведным и заслуживающим уважения со стороны общества.

4. Предназначение и роль политических партий в традиционной и западной моделях выглядят различно. В российской **традиционной** модели образа

власти существование политических партий оправдано только как возможность существования разных точек зрения на комплекс предпринимаемых средств для достижения поставленной государством общей для всех цели. То есть задачей политических партий может быть выбор «правильного пути» для достижения цели. Сам принцип формирования политических партий, который отрицает существование в обществе единой общей для всех цели и предполагает не временное, а перманентное разногласие, перманентный конфликт интересов, чужд для российского опыта жизни государства. И действительно, по поводу партийного строительства большинство населения мыслит в рамках традиционной модели: 71% опрошенных считают, что работа политических партий, несмотря на разность позиций, должна служить единой цели – укреплению государства в целом.

В западной модели партии существуют как противоборствующие команды, отражая внутренний конфликт интересов между группами населения, поскольку общей, единой для всех цели, ради которой можно было бы пожертвовать личными интересами, нет. Именно так рассуждают сегодня 16% россиян, соглашаясь с суждением: «работа политических партий должна быть направлена в первую очередь на достижение интересов сторонников этих партий, поскольку общей для всех цели не существует».

Таблица 1

С КАКИМ ИЗ ДВУХ СУЖДЕНИЙ ВЫ СКОРЕЕ СОГЛАСИТЕСЬ?

№ п/п	Традиционная модель		Западная модель		з/о
1	Людей, живущих в государстве, должна объединять общая цель, выходящая за рамки просто благополучной жизни	63%	Каждый гражданин должен преследовать свои личные цели, а государство просто регулировать пути их достижения	30%	7%
2	Интересы общества в целом выше, чем интересы отдельного человека, но каждый гражданин должен иметь право быть услышанным	60%	Интересы отдельного человека выше, чем интересы общества в целом, и должны защищаться государством	32%	8%
3	Человек должен жертвовать своими интересами ради интересов других людей	39%	Человек должен бороться за свои интересы, даже если они противоречат интересам других людей	46%	15%
4	Работа политических партий, несмотря на разность позиций, должна служить единой цели — укреплению государства в целом	71%	Работа политических партий должна быть направлена в первую очередь на достижение интересов сторонников этих партий, поскольку общей для всех цели не существует	16%	13%
5	Президент России должен состоять в какой-то партии	21%	Президент России должен быть беспартийным и выполнять функции «арбитра» между различными ветвями власти и партиями	67%	12%
6	Политические партии должны стремиться действовать в интересах страны в целом, даже если это ущемляет интересы их избирателей	57%	Политические партии должны бороться друг с другом за интересы своих избирателей, даже если это противоречит интересам страны в целом	21%	22%
7	Политический торг не уместен в российском парламенте	52%	Политический торг уместен в российском парламенте по примеру западных стран, где решения зачастую принимаются посредством сделок, уступок, компромиссов.	24%	24%

Отношение населения российского общества к политическим партиям также соответствует традиционной модели, когда политические партии рассматриваются как соратники в достижении единой цели, а не представители интересов определенных групп населения (71/16).

5. Политические партии и глава государства есть нечто несовместимое в традиционной модели общества. Глава государства в традиционном русском обществе – это чаще всего царь или князь, и он выполнял функцию «отца» всех подданных, был «всею для всех». Эта роль верховного правителя, который воплощает интересы всего населения, была перенесена в сознании народа на образ Президента, от которого также ждут, что он будет выполнять интегрирующую «печальника» всех «сущих в государстве», т.е. Президент – это та конечная инстанция на земле, кому можно «ничтоже сумняшася» пожаловаться всем и обо всем. Именно поэтому мы слышим на телемостах просьбы граждан к главе государства, диапазон которых настолько же широк, насколько неуместен: провести водопровод, сменить председателя колхоза, починить крышу и т.п. Глава государства в традиционной модели не может быть представителем чьих-то узкопартийных интересов, он призван быть «арбитром» между отдельными партиями, оставаясь беспартийным. Именно роль арбитра делегирует население России в своем большинстве (67%) сегодняшнему Президенту РФ. Более того, в образе власти, имманентном для большинства населения, Президент не вписан в структуру разделения властей, а напротив, он также призван на роль арбитра и между отдельными ветвями власти. И большинство населения будет поддерживать того Президента, который впишется в это представление о роли главы государства.

Западная модель предполагает членство главы государства в определенной партии, которая выдвигает своего лидера на главный пост в стране. Такой образ Президента имманентен 21% россиян, которые указали при опросе, что видят своего Президента членом какой-либо партии. В образе Президента явно превалирует традиционная модель в отношении 67/21.

6. Традиционная и западная модель рожают различные представления о личном и публичном праве. В России нормой является сознательное ограничение своих индивидуальных прав ради «общего блага». «Отдельный коллектив не может иметь собственные цели, которые ставятся выше целей общества» - цитирует О.Хархордин основополагающий тезис К.К. Платонова в работе «Общие проблемы теории групп и коллективов», которая относится к советскому периоду [2, с.90].

В западной модели нормой является отстаивание своих индивидуальных прав путем объединения в группы по интересам. Эта норма закреплена в законодательстве и является основой демократического избирательного права.

Сегодня большинство населения с пониманием бы отнеслось к тому, что партии должны действовать в интересах страны, даже если это ущемляет интересы их избирателей (57%) – то есть действовать в полном соответствии с традиционной моделью образа власти. Только 21% опрошенных полагают, что политические партии должны бороться друг с другом за интересы своих избирателей, даже если это противоречит интересам страны в целом.

Взгляд на партии в рамках «правильного пути» отражен в пьесе А.К.Толстова: «Царь Федор Иоаннович». Царь обращается к Борису Годунову с такими словами:

«Шурин, даже грустно
Мне слышать это: тот сторонник Шуйских,
А этот твой! Когда ж я доживу,
Что вместе все одной Руси лишь будут
Сторонники?»

Таким образом, получается политический нонсенс: большинство российских избирателей (57%) сегодня якобы дают избранным ими партиям карт-бланш действовать вопреки интересам самих избирателей, лишь бы это было на благо страны в целом. Этим самым нивелируется смысл разделения граждан по политическим партиям, логика диктует образование одной партии, которая вела бы страну «верным путем», учитывая интересы всех и каждого. Следуя этой логике, граждане интуитивно в большинстве своем отдают свои голоса одной большой «государственной» партии, как бы эти партии не назывались: КПСС, «Единство», «Единая Россия»... Поэтому в России у партии-лидера нет и не может быть достойных по массовости конкурентов. В отношении к политическим партиям убедительно лидирует традиционная модель: 57.21 и 71/16.

В традиционной и западной моделях образа государства по-разному выглядят принципы представленности интересов различных групп населения в социуме. В России традиционно выразителем интересов определенных групп населения выступает государство в целом. Поэтому именно от «партии власти» население прежде всего ждет защиты своих интересов.

В западной модели выразителем интересов определенных групп населения выступают отдельные политические силы. Каждый человек имеет возможность делегировать представительство своих интересов политической партии. Но такая модель «не укладывается» в сознание россиян. Форма та же, но содержание, которое они вкладывают в голосование за ту или иную партию – другое. Известно, что некоторые российские предприниматели, например, голосовали за КППФ во время избирательной кампании 2011 г. (выборы в Госдуму). Но они вовсе не делегировали КППФ защиту своих интересов (в случае её победы их собственность могла оказаться под угрозой), они уменьшали рейтинг нелюбимой партии, т.е. исходили из интересов страны в целом так, как они их понимали. Но это было протестное голосование, а обычно российский избиратель ищет среди партий не «партию для себя», а «партию для всех», т.е. ту, которая поведет страну в целом верным курсом.

7. Отношение населения к политическому торгу является своеобразным индикатором политической системы. Характер взаимодействия между собой политических партий в традиционной и западной моделях образа власти имеет различную подоплеку.

Суть взаимодействия политических партий в российской традиционной модели заключается в совместном поиске истины. Возможность политического торга для населения не приемлема, вызывает раздражение, которое ведет к отказу в легитимации политической силе.

Идея парламентаризма признается некоторыми исследователями «абсолютно неорганичной для России», так как доминанта её политической культуры – не согласование групповых интересов, а «стояние за правду» в рамках идеократического государства [3, с.66]. Поэтому в результатах опроса превалирует суждение, соответствующее традиционной модели властных отношений: «политический торг не уместен в российском парламенте». Общая картина отношения к политическим партиям более соответствует традиционной модели властных отношений, т.е. от партий ожидается работа на укрепление страны в целом, и в рамках этой общей для всех цели не одобряется борьба за узкопартийные предпочтения в ущерб общим интересам.

В западной модели взаимодействия существующих партий допускает возможность политического торга. Последний рассматривается населением как один из дипломатических способов достижения договоренности для разрешения конфликта существующих интересов.

Политолог О.В. Гаман-Голутвина пишет, что присущий США основанный на консенсусе компромиссный, гибкий стиль политического взаимодействия и практика внутриэлитного консенсуса в целом являются главными системными характеристиками американской элиты, институционализированными в механизме политического торга. Именно политический торг является важнейшим механизмом внутриэлитных отношений в США и иных типологически близких политиях. «Не будет значительным преувеличением сказать, что в политической системе США процесс принятия решений – это процесс сделок, уступок и компромиссов... В этом контексте уместно упомянуть оценку Р. Дая: «Возможно, ни в одной другой политической системе в мире торг не является таким основополагающим компонентом политического процесса, как в США» [4, с.76]. Однако не так в России.

Только 24% российских граждан полагают, что политический торг приемлем в российском парламенте по примеру западных стран, где решения зачастую принимаются посредством сделок, уступок, компромиссов. Но большинство жителей страны с этим не согласны. 52% опрошенных уверенно заявили, что политический торг в российском парламенте неуместен, руководствуясь традиционными представлениями о принципиальной идеологической позиции «радетелей за правду». Итак, в вопросе политического торга тоже можно уверенно говорить о преобладании традиционной модели (52/24).

Отторжение большинством населения возможности политического торга можно объяснить тем, что российской культурной традиции свойственно представление о том, что существует правильный (и неправильный) путь развития общества. Соответственно, держатели «правильного пути» не должны вступать в сделки с представителями иных направлений.

В западной политической модели понятия «правильного пути» вообще нет как такового, есть только те или иные проблемы общества, которые необходимо рассматривать в рамках определенных социальных течений. Западная модель имеет дело с задачами инструментального характера и отвращается от трансцендентных проблем. Поэтому политический торг возникает здесь как метод решения злободневных задач.

В итоге можно говорить о преобладании характеристик традиционной модели в большинстве рассмотренных случаев. Эти черты российской традиционной модели образа государства (так же, как и многие другие, сформированные в лоне православия) в процессе эволюции утратили роль факторов прямого воздействия на общественное сознание. Но будучи частью ментальных структур, они не могут не проявляться в различных формах социальной памяти: исторических стереотипах, архетипах, традициях, мифах и других универсалиях культуры, придавая характеристикам образа власти и государства оттенки традиционализма.

В результате можно наблюдать, что демократическая форма государственного устройства, отраженная в западной модели образа государства, борется с «фрусской идеей», воплощенной в традиционной модели этого образа.

Особенность аспектов социальной памяти состоит в том, что они не вербализируются населением (люди просто считают, что жизнь в государстве должна быть именно такой, не рефлексировав по этому поводу). Совокупность таких аспектов составляет ожидаемый образ государства, который предъявляется власти в качестве общественного запроса (экспектации). Власть, отвечая на запрос, способствует формированию реального образа государства. Возникновение противоречий между ожидаемым и предлагаемым обществом (реальным) образом государства дестабилизирует социально-политическую систему, которая пытается восстановить нарушенное равновесие. Возникновение противоречия «включает» действие социокультурного механизма, актуализирующего запрос на те аспекты в образе власти, которые затронуло это противоречие. Если власть удовлетворит этот запрос, уровень доверия к ней повысится, если не удовлетворит, – понизится. Сравнительно высокий уровень доверия к действующей власти свидетельствует о том, что она в той или иной степени удовлетворяет этот не вербализированный общественный запрос, в котором доминируют характеристики традиционного образа государства. Следовательно, социальная память вовсе не является пассивным элементом социальной системы, архивом для «ненужных вещей». Она наполняет содержанием и приводит в действие социокультурный механизм, который отвечает за воспроизводство обществом самого себя.

Литература

1. Романович Н.А. Формирование и воспроизводство образа власти в российском обществе». Воронеж: Изд-во Воронеж.гос. ун-та, 2009.
2. Хархордин О.В. Обличать и лицемерить. СПб.; М., 2002.
3. Иванов А.Ф., Устименко С.В. Самодержавная демократия: дуалистический характер российского государственного устройства // Полис.2007. № 5.
4. Гаман-Голутвина О.В. Процессы современного элитогенеза: мировой и отечественный опыт. // Полис. 2008. № 6.
5. Анализ базировался на результатах опроса, проведенного в 2011 г. на основе половозрастных квот, репрезентирующих российское население с учетом региональных особенностей в 66 населенных пунктах в 13 субъектах Российской Федерации. N=1301 чел. Опрос проводился методом личного интервью. Опросы проводились институтом общественного мнения «Квалитас».

ГРОЗИТ ЛИ РОССИИ ЦВЕТНАЯ РЕВОЛЮЦИЯ?

Конвейер революционной смены власти в новых странах, ранее бывших республиками Советского Союза, был запущен уже давно.

Еще в 2005 г. смену власти в Украине, Грузии и Киргизии, которая получила наименование «цветных» революций, секретарь Совета Безопасности РФ И.С. Иванов назвал с правовой точки зрения неконституционной и недемократической. «Цветные» революции вызвали немало споров социологов, политологов и действующих политиков, которые пытались обосновать их причины. Одни считали, что подобные революции либерализуют условия беспрепятственной деятельности транснациональных корпораций, по большей части ориентированных на рынок и законы США, поэтому корень «оранжевых цветов» следует искать вовне. Другие анализировали причины слабости свергнутой власти. Третьи пытались найти закономерность «революционных ситуаций», якобы исторически заложенную в странах бывшего СССР.

В мае 2005 г. ИОМ «Квалитас» предложил воронежцам ответить на вопрос: «Как известно, в последнее время в ряде бывших советских республик прошли так называемые «цветные» революции (Грузии, Украине, Киргизии). Как Вы думаете, с чем это связано в первую очередь?». Тогда прозвучавшие ответы распределились следующим образом:

Недовольством населения социально-экономической или политической ситуацией в этих республиках – 38%;

Полной дискредитацией правящей элиты в этих республиках – 14%;

Влиянием внешних сил (в том числе и отдельных стран – 31%;

Ничего не знаю о ситуации в этих странах – 9%;

Другое – 2%;

Затрудняюсь ответить – 9%.

По результатам опроса Института общественного мнения «Квалитас» (опрошено 685 человек по репрезентативной для взрослого населения г. Воронежа выборке), есть две основные причины. Первая – это *недовольство населения* (38%), вторая – *влияние внешних сил* (31%). Чем выше у респондентов образование, тем скорее они склонялись к мнению, что главная причина лежит не внутри Украины, Грузии или Киргизии, а за их пределами. Люди с высшим образованием *внешние влияния* ставили на первое место, полагая, что произошедшие революции санкционировались другими странами. Особенно твердо убеждены в этом военнослужащие [1, с.12].

О том, что бывшая власть в этих республиках сама себя дискредитировала (14%), чаще других говорили горожане с низким уровнем дохода и домашней хозяйки.

Обратимся к результатам российских опросов на эту же тему. 7-10 апреля 2005 г. компания «Башкирова и партнеры» провела опрос 1500 россиян (репрезентативная выборка взрослого населения РФ), предложив ответить на следующий вопрос: «Как известно, в марте 2005 года произошли революционные события в Киргизии. Бывший президент Киргизии А. Акаев обвинил в

разжигании революции спецслужбы США. В какой степени Вы согласны или не согласны с его мнением?» 39,5% респондентов согласились с мнением бывшего главы республики А. Акаева и видят в произошедшем «руку США», и почти столько же (36,1%) не согласны с этой позицией.

После трех подряд «цветных революций», произошедших в странах бывшего СССР, эксперты, усматривая в этом тенденцию, ещё в 2005 г. начали давать прогнозы о том, какая страна будет следующей. Кто-то считает, что после Киргизии на очереди Молдавия, а потом Россия, кто-то думает, что очередь России наступит только после Белоруссии, другие политологи называют первыми в списке кандидатов на смену режима Армению, Казахстан, Узбекистан и Таджикистан. По словам аналитиков, Россия находится во второй "группе риска" - шансы на революцию есть, но они пока некритичны. А кто-то высказывает весьма оригинальное мнение, говоря, что российская «оранжевая» революция уже произошла в 1991 г. ...

Что показывали результаты опросов? В частности, каковы были ответы на вопрос: *«Как Вы считаете, возможно ли осуществление одного из вариантов такой «цветной» революции в России?»*, – почти десять лет назад? В 2005 г. 50% воронежцев считали, что осуществление одного из вариантов «цветной» революции в России возможно, в то время как 40% опрошенных склоняются к противоположному мнению. Таким образом, перевес оставался за первым мнением, и если бы прогнозы населения сбывались, то России «цветной революции» было бы трудно избежать. Пророчили революционные события в нашей стране люди с бедственным материальным положением, а считают их невозможными чаще состоятельные люди. Скорее всего, каждый из них выдавали желаемое за прогноз.

А каковы были прогнозы россиян в целом? Согласно результатам опроса компании «Башкирова и партнеры» (апрель 2005 г., опрошено 1500 россиян – репрезентативная выборка взрослого населения РФ), больше половины участников исследования (53,9%) полагали, что в России возможно повторение революционных событий. Противоположного мнения придерживались 37,6% респондентов. Вопрос, поставленный перед россиянами, звучал так: *«Как Вы считаете, возможны ли в России события, подобные «бархатным революциям» в Киргизии, Украине, Грузии?»*. В наибольшей степени допускали возможность «цветной революции» в России сторонники партий КПРФ и ЛДПР (66,7% и 57,7% соответственно). Число положительных ответов на вопрос имело тенденцию возрастать с увеличением возраста респондентов: так в возрастной группе от 18 до 29 лет количество участников исследования, допускающих возможность в России революционных событий, составляет 50%, а в возрастной группе от 60 лет и старше – 58,4%.

Наиболее любопытны были ответы населения на вопрос: *«Если бы в России произошли революционные события, подобные событиям на Украине, в Грузии и в Киргизии, какие были бы Ваши действия?»* (опрос проводился в мае 2005 г. в г. Воронеже).

Буду активно отстаивать существующую власть – 7%,

Буду симпатизировать существующей власти, но участвовать в акциях поддержки не буду – 13%,

Останусь в стороне от конфликта и не буду симпатизировать ни той, ни другой стороне – 41%,

Буду симпатизировать протестующим, но лично участвовать в акциях протеста не буду – 17%,

Присоединюсь к протестующим, буду активно способствовать смещению существующей власти – 7%,

Затрудняюсь ответить – 15%.

Оказалось, что число активных борцов за существующую власть (7%) равно числу активных борцов против существующей власти (7%). Биться между собой в случае революционных событий пришлось бы именно им. Остальные бы сочувствовали тем или другим, сидя у себя дома, или вовсе остались бы индифферентными к происходящему.

Кто же готов был выйти на улицу и с какими намерениями? Следует отметить, что все руководители предприятий и высокопоставленные чиновники намерены были оставаться дома. На чьей стороне был бы перевес в разных социальных группах между решившимися на активные действия? Среди специалистов с высшим образованием небольшой перевес был бы на стороне тех, кто намерен отстаивать действующую власть, а рабочие выйдут на улицы, чтобы её свергнуть (на то он и пролетариат!). Некоторые из воронежских предпринимателей присоединились бы к рабочим в действиях, направленных на смещение власти. Но власть могла получить неожиданную поддержку со стороны студенческой молодежи, которая готова была выступить в защиту власти (11%). Отметим, что ни один студент в нашем опросе не пожелал сражаться против действующих правителей. А вот большинство безработных вышли бы на улицы, чтобы прогнать ту власть, которая не смогла обеспечить их работой (но, право, здесь трудно было бы ожидать иных действий). Заметим, что большинство военнослужащих осталось бы верными присяге – власть может на них положиться в случае революционной ситуации.

Обратил на себя внимание факт, что от тех, кто, глядя из окон своих домов, только лишь сочувствовал бы тем или другим, активные революционеры получили бы больше сочувствия (17%), чем контрреволюционеры (13%). Основная же часть горожан (41%) предпочла бы остаться в стороне от конфликта не только физически, но и эмоционально.

Но если участвовать в революции в собственной стране основная часть опрошенных не собиралась, то, судя по общероссийским опросам, большинство наших сограждан считали правильным вмешаться в революционные события, происходящие в других странах. Так, по результатам опроса компании «Башкирова и партнеры» (апрель 2005 г., опрошено 1500 россиян - репрезентативная выборка взрослого населения РФ), 69,6% соотечественников считали, что Россия может использовать свои Вооруженные силы в случае революционных событий в союзных ей государствах. Только 20,3% респондентов категорически возражали против возможности вооруженного вмешательства.

Такие данные получали социологи с «полей» почти десять лет назад, а что же сегодня, в 2014 г. – после второго «Майдана» в Украине?

Институт общественного мнения «Квалитас» провел исследование 26-28 июля 2014 г. в городе Воронеже по репрезентативной для населения старше 18

лет выборке [2, С. 7-8]. Были повторены вопросы 2005 г. (они повторялись также и в 2006 г., и в 2011 г.).

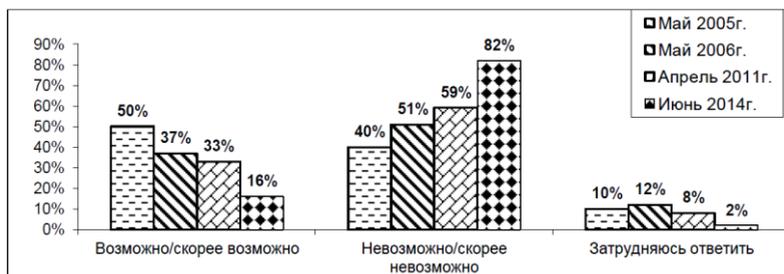
Если в 2005 г. 50% опрошенных предрекали цветную революцию в России, то в 2014 г. только 16% воронежцев допускают мысль, что такой вариант развития революционных событий возможен в нашей стране. Подавляющее большинство населения (82%) это отрицают.

С 2005 до 2011 гг. каждый замер общественного мнения показывал постепенное снижение вероятности «цветной» революции в России. А последний замер обнаружил, что она просто рухнула с 33% в 2011 году до 16% в 2014 г. В то же время, уверенность в её невозможности подскочила с 59% до 82%. Очевидно, украинский Майдан стал для России своеобразной противореволюционной прививкой.

Как менялось мнение воронежцев за последние годы (график 1)?

График 1

Как Вы считаете, возможно ли осуществление одного из вариантов такой «цветной» революции в России?

Если сегодня начнутся революционные события, то в Воронеже, по крайней мере, они обречены на поражение. Потому что свергать действующую власть выйдут на улицы лишь 4% горожан, поощряемые моральной поддержкой других 4% жителей города, которые предпочитают остаться дома. А воевать им предстоит с 39% воронежцев, которые будут активно отстаивать существующую власть при моральной поддержке 25% своих менее активных единомышленников. При этом в стороне от революционных событий останутся 20% горожан, предпочитающая заниматься повседневными делами, поскольку революция не отменяет потребности людей в пище, тепле, свете, воде и т.п.

События последних лет кардинально изменили спектр ответов воронежцев на этот вопрос, как представлено на графике 2 ниже.

Если бы в России произошли революционные события, подобные событиям на Украине, в Грузии и в Киргизии, какие были бы Ваши действия?

Число воронежцев, готовых с оружием в руках (как вариант – с камнями в руках на баррикадах) отстаивать действующую власть, возросло за девять последних лет с 7% до 40%. Симпатизировать им, глядя из окон, будут ещё 25% горожан (в 2011 г. их было только 7%). Таким образом, 65% сторонников действующей власти сегодня готовы выступить против 8% её противников (активных или пассивных). Количество индифферентных граждан снизилось вдвое: с 41% до 20%. Второй Майдан и последующая гражданская война в Украине заставили жителей российских городов дорожить тем, что имеют. Иммунитет на революционную угрозу явно повысился.

Литература

1. Ежемесячный Бюллетень социологических сообщений по городу Воронежу №2005-05. URL: <http://www.qualitas.ru/ru/publications/bulletin> (дата обращения 09.09.2014).
2. Ежемесячный Бюллетень социологических сообщений по городу Воронежу №2014-06. URL: <http://www.qualitas.ru/ru/publications/bulletin> (дата обращения 10.09.2014).

НЕЛЛИ РОМАНОВИЧ

ПРАВОСЛАВИЕ И ГОСУДАРСТВО: ВМЕСТЕ ИЛИ ВРОЗЬ?

Православие, возникнув как государствообразующая религия в России, на протяжении всей истории существования имела далеко не простые отношения с самим государством, которое она породила. Идея «симфонии властей» во взаимоотношениях государственной и церковной власти всегда маячила как путеводная звезда, но в реальности воплощалась как-то неуклюже. То прини-

мала вид противоборства личных характеров царя и патриарха (в допетровской Руси), то государство подминало под себя Церковь (в послепетровской России), то государство отделяло от себя Церковь (в советское время).

Что это такое – «симфония властей»? Православие признает государственность необходимым условием социальной жизни, но отношения с государством строит в зависимости от характера государственности. Если с языческим Римом они имели внешний характер, то во времена императора Константина произошло сближение Церкви и государства до такой степени, что Церковь приняла на себя ответственность за его судьбу. После миропомазания и превращения императора в христианского царя, Константин Великий определяет свое место в Церкви в качестве епископа внешних дел, возвращая тем самым званию епископа то ограниченное значение управителя, наблюдающего за финансами и административными делами общины, какое ему принадлежало в век апостольский. Для обоснования взаимодействия между светской и церковной властью была призвана на вооружение теория «симфонии властей», взятая из

6-й новеллы Юстиниана, которая была позднее изложена в Славянской Кормчей, в начале 42-й главы (Православная Русская Церковь управлялась на основании греческого Номоканона, называвшегося позднее Кормчею книгой). В ней говорится о том, что священство и царство происходят из одного начала и оба служат украшением жизни. И о царстве, и о священстве должны все молиться Богу (и действительно, Православная Церковь молится и по сей день, упоминая имя Патриарха, а за неимением царя произносится молитва лишь «о властях и воинстве» государства). И если священство и царство пребудут «непорочны», то есть без греха, то будут иметь дерзновение к Богу просить всяческих благ и получают просимое, так как само согласие между ними (священством и царством) уже есть благо и украшение городов, оно является источником добра в человеческом обществе. Православные идеологи утверждают, что при сохранении этого догмата Бог пошлет величайшие блага: утвердит те, которые уже имеются, и добавит те, которых еще не было до сих пор [1].

Сама идея о религиозном учреждении, совершенно отдельном от государства, была абсолютно нова для Руси. До этого (в язычестве) здесь царило патриархальное сознание неразделимости всего национального и религиозного или смешение религии с политикой, причем родоначальники и князья считались в то же время и представителями народа перед богами. А после принятия христианства наряду с государственной властью появилась власть Церкви, представленная вначале в лице митрополита, а затем патриарха. Структура, существующая в государстве, но от государства не зависимая – это явление было не только новым, но и не вполне удобоваримым для государственной власти, которой рекомендовалось выстраивать отношения с церковной властью на основе «симфонии властей». Оттолкнувшись от «симфонии властей» через путь в тысячу лет пришли к отделению этих властей друг от друга.

Собственно, Церковь законодательно отделить от государства можно, но возникают некоторые вопросы по поводу этого формального отделения. Ведь православие проникло в культурные традиции России и стало не просто ча-

стью церковного быта, но и быта вообще, определив фундаментальные основы социальных взаимодействий, включая и взаимодействие с властью.

Русские мыслители солидарны в том, что именно православие является источником формирования представления о власти и о государстве. По мнению И.А. Ильина, «оно указывало людям, чему должен служить правитель, какова высшая цель государства, и тем самым определяло, кто именно должен стоять во главе государства» [2]. Именно вера, пишет Д.А.Хомяков, «дает указание на отношение человека к так называемой культуре, то есть к науке, искусству и общественному строю, на культуре основанному» [3]. Из веры проистекает и само представление о государстве, о наиболее подходящем государственном устройстве.

Православная Церковь в России – это российский народ, который в большинстве своем считает себя православным. Отделив формально от себя церковь, власть отделяет и народ, из которого и состоит церковь. А между тем специфика политической культуры России как раз и заключается в единении власти и народа – если оно есть, то Русь сильна и непобедима.

Это понимали мыслители прошлых веков. И.А.Ильин в свое время писал: «Истинная сила власти – в её способности звать, не грозя, и встречать верный отклик в народе. Ибо власть есть прежде всего и больше всего дух и воля, т.е. достоинство и правота наверху, которым отвечает свободная лояльность снизу. Чем меньше напряжения нужно сверху и чем больший отклик оно вызывает внизу, тем сильнее власть» [4]. Иными словами, чем выше единение власти и народа, тем сильнее власть (поскольку именно *единство* и есть основа могущества власти). Это понимают и современные общественные деятели. Глава отдела межхристианских связей Московского Патриархата В.Чаплин прямо указывает на это: «Россия не должна стесняться своей политической культуры..., которая в отличие от западных культур основана на «идеале единства народа и власти» [5].

А что же определяет взаимоотношения государства и православия сегодня? Взгляды народа на происходящее могут и отличаться от законодательных актов. Как видит эти взаимоотношения население? Для того, чтобы выяснить это, мы обратились к жителям Воронежской области с вопросом: *«Есть ли, по Вашему, в России сегодня официальная государственная религия или нет? Если есть, то какая?»* (опрос проведен в январе 2014 г., опрошено 1208 респондентов, выборка репрезентативна по полу, возрасту и образованию).

Да, православие – 68%,

Да, ислам – 0,2%,

Да, католицизм – 0,0%,

Нет государственной религии – 22%,

Другое – 1,5%,

Затрудняюсь ответить – 8%.

Большинство населения Воронежской области простодушно считает, что в России есть государственная религия и это православие (68%). Среди женщин этот показатель достигает 73%.

Им, видимо, невдомек, что действующая Конституция России от 1993 г. определяет нашу страну как светское государство. В ст. 14 прямо написано:

«Никакая религия не может устанавливаться в качестве государственной или обязательной», и утверждается равенство перед законом всех религиозных объединений. Очевидно, последнее дает основание некоторым людям считать ислам государственной религией России (0,2%). Обращает на себя внимание, что эти люди проживают в малых городах и селах области (не в областном центре) и, возможно, являются приезжими (беженцами), которые нашли приют и кров в Черноземье. Однако никому из опрошенных не пришло в голову сказать, что государственной религией России является католицизм.

На самом деле правы те (22%), кто считает, что в России нет государственной религии. Ведь если учреждение является государственным, то государство берет на себя обязанность его финансировать, само назначает религиозных лидеров, принимает законы, регулирующие внутреннюю деятельность организации и т.п. Неофициальная поддержка государством того или иного вероучения (как бы она ни была широка и объемна) не даёт ему статус государственного.

А что же думают остальные жители России на этот счет? По результатам опроса ВЦИОМ, 46% россиян считают, что в стране сегодня есть государственная религия, и 44% полагают, что это – православие (опрошено 1600 чел. в 42 регионах в октябре 2013 г.).

Интересно вообще – как оценивают граждане роль Православной церкви в истории России. В ответе на вопрос: «*Как Вы считаете, какую роль сыграла Православная церковь в истории России?*», население было достаточно солидарно:

Скорее значительную, Церковь оказывала определяющее влияние на ход истории страны во многие поворотные периоды – 79%,

Скорее незначительную, Церковь практически никогда не влияла на ход исторических событий в России – 15%,

Затрудняюсь ответить – 5%.

Подавляющее большинство опрошенных (79%) уверены в том, что Православная Церковь оказывала определяющее влияние на ход истории страны во многие поворотные периоды. Мужчины (81%) утверждают это чаще, чем женщины (78%). Молодежь (90%) считает так чаще, чем люди старшего поколения (73%).

В то же время 15% опрошенных склоняется к тому, что Православная Церковь практически никогда не влияла на ход исторических событий в России. Сравним результаты воронежского опроса с ответами россиян в целом. Всероссийский опрос проведен ВЦИОМ в октябре 2013 г., опрошено 1600 чел. в 42 регионах страны.

Жители Воронежской области чаще свидетельствовали о значительной роли Православной Церкви в российской истории (79%), чем граждане страны в целом (56%). Возможно, это связано с тем, что всероссийский опрос проводился, в том числе, в регионах, где ярко представлен ислам, например, в Татарстане, а у мусульман могут быть свои представления о роли православной церкви.

Как Вы считаете, какую роль сыграла Православная Церковь в истории России?

Эта роль может даже некоторой части населения представляться негативной, а не позитивной. В связи с этим жителям Воронежской области был задан уточняющий вопрос: «Какая из точек зрения вам ближе?»

Православие чаще являлось движущей и позитивной силой развития России – 63%;

Православие чаще тормозило развитие России – 10%;

Православие никак не влияло на развитие России – 18%;

Затрудняюсь ответить - 10%.

Жители Воронежской области в большинстве своем (63%) уверены в том, что православие чаще являлось движущей и позитивной силой для России. Среди людей с высшим образованием число сторонников этой точки зрения достигает 70%.

В то же время 18% населения полагают, что православие никак не влияло на развитие России, а каждый десятый считает, что оно тормозило развитие страны. Число сторонников последнего мнения возрастает по мере уменьшения возраста респондентов от 5% среди пожилых до 15% среди молодежи.

Сравним ответы жителей Воронежской области и россиян в целом (ВЦИОМ, октябрь 2013 г., 1600 чел.).

Если в Воронежской области 63% опрошенных разделяют представление о православии как движущей позитивной силе развития России, то в целом по стране – 47%. Граждане страны чаще отрицают какое бы то ни было влияние православия (30%) на судьбу страны, чем жители воронежской области (18%).

Какая из точек зрения Вам ближе?

И как представляют граждане идеальные взаимоотношения Православной Церкви и государства? Вот какие ответы мы получили на вопрос:

«Как, на ваш взгляд, должны строиться отношения между церковью и обществом, государством?»

Церкви следует заниматься проблемами веры и религии, не вмешиваясь в жизнь общества и государства – 15%;

Церковь должна влиять на моральную духовную жизнь всего общества, но не вмешиваться в политику и государственные дела – 55%;

Церковь должна активно участвовать в обсуждении и решении проблем современного общества и государства – 28%;

Затрудняюсь ответить – 2%.

Мнение большинства жителей Воронежской области согласуется с Основами социальной концепции РПЦ: «Церковь не должна брать на себя функции, принадлежащие государству... В то же время Церковь может обращаться к государственной власти с просьбой или призывом употребить власть в тех или иных случаях, однако право решения этого вопроса остается за государством». Население области тоже считает, что *Церковь не должна вмешиваться в политику и государственные дела, но должна влиять на моральную и духовную жизнь всего общества* (55%). И в Концепции о том же: «Церковь должна уделять главное внимание не системе внешней организации государства, а состоянию сердец своих членов». Церковь возбраняет своим клирикам участвовать в делах государственного управления, политической борьбе, предвыборной агитации и т.п.

Более четверти опрошенных (28%) призывают Церковь *более активно участвовать в обсуждении и решении проблем современного общества и государства*. В селах Воронежской области число сторонников этой позиции возрастает до 37%. Собственно, это тоже не расходится с Концепцией: «Взаимоотношения с законодательной властью представляют собой диалог Церкви и законодателей по вопросам совершенствования общегосударственного и местного права, имеющего отношение к жизни Церкви, церковно-государственному соработничеству и сферам общественной обеспокоенности Церкви». Но в то же время Церковь не должна пытаться изменить существующий строй. Архиерейский Собор РПЦ ещё в 1994 г. подчеркнул правильность позиции о «непредпочтительности для Церкви какого-либо государственного строя, какой-либо из существующих политических доктрин».

Лишь 15% опрошенных ожидают от Церкви, что она *займется только проблемами веры и религии*, закрывая глаза на все общественно-политические процессы, происходящие в обществе. В целом по России число сторонников таких взглядов возрастает до 30% (ВЦИОМ, октябрь 2013 г., выборка 1600 чел.). В Воронеже почти в два раза чаще, чем в среднем по России (28/15), встречается мнение, что *Церковь должна активно участвовать в обсуждении и решении проблем современного общества и государства*.

Как, на Ваш взгляд, должны строиться отношения между Церковью и обществом, государством?

	ВОРОНЕЖ	РОССИЯ
Церкви следует заниматься проблемами веры и религии, не вмешиваясь в жизнь общества и государства	15%	30%
Церковь должна влиять на моральную духовную жизнь всего общества, но не вмешиваться в политику и государственные дела	55%	50%
Церковь должна активно участвовать в обсуждении и решении проблем современного общества и государства	28%	15%
Затрудняюсь ответить	2%	5%

Для Православной церкви всегда было немаловажно, насколько привержен к вере глава государства – положение её в зависимости от этого вопроса менялось кардинально. А для населения важно ли вероисповедание Президента России?

Так жители Воронежской области отвечали на вопрос: *«По Вашему мнению, допустимо или нет, чтобы Президентом России был человек, исповедующий отличную от православия религию?»*

Да, допустимо – 14%;

Нет, не допустимо – 56%;

Вероисповедание не имеет значения – 28%;

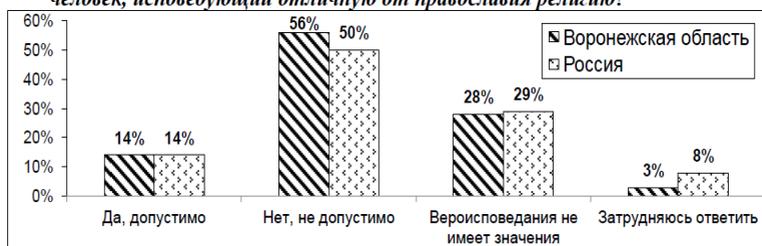
Затрудняюсь ответить – 2%.

Большинство жителей Воронежской области не допускает мысли о том, чтобы во главе российского государства стал бы человек, исповедующий отличную от православия религию (56%). Чем выше уровень образования людей, тем чаще они так считают: от 39% (неп. сред.) до 62% (высшее).

Для 28% опрошенных вероисповедание президента России не имеет значения, а 14% респондентов допускают вероятность, что страну возглавит человек, исповедующий отличную от православия религию. Согласны на неправославного Президента люди тем чаще, чем они беднее (от 5% среди самых богатых до 22% среди самых бедных).

А каково мнение на это счет у жителей России в целом? Всероссийский опрос проведен ВЦИОМ в октябре 2013 г., опрошено 1600 чел. в 42 регионах страны.

По Вашему мнению, допустимо или нет, чтобы президентом России был человек, исповедующий отличную от православия религию?

В целом результаты опросов схожи, только жители Воронежской области чуть чаще ратуют за православного президента в России (56%), чем в среднем жители страны (50%).

А почему, собственно, нельзя допустить, чтобы Президент РФ исповедовал отличную от православия религию? Может быть, ответ даст русский мыслитель Б.Н. Чичерин, который считал, что «государство есть союз народа, связанного законом в одно юридическое целое, управляемое верховной властью для общего блага»; а также: «государство есть организованное Отечество» [6]. Из этих определений видно, что Чичерин понимал государство как общество, т.е. согласно тому представлению, которое запечатлелось в традиционной российской модели образа власти, и не утрачено по сей день. Иными словами, государство не есть собственно государственный аппарат принуждения, а народ и власть, взятый в своей совокупности, в своем единстве. Несмотря на то, что Чичерина принято относить к западникам, он не мыслит гражданское общество, противостоящим государству. Но если большинство граждан в государстве считают себя православными, а глава государства – нет, то о каком единстве и о каком союзе может тогда идти речь? Собственно государства как духовного союза народа и власти уже быть не может. Россия пережила и такие времена, и Православная церковь выработала свою линию поведения при несочувствующих ей правителях. Её верно обозначил отец Сергей Булгаков, который отмечал, что «Церковь, принимая юридическое отделение от области кесаря, от государства как своё освобождение, отнюдь не отказывается от задачи оказывать влияние на всю жизнь государства... Идеал государственного претворения государственности силою церковности остается во всей силе и без всяких ограничений и в эпоху отделения Церкви от государства... , ибо это отделение остается только внешним, а не внутренним. Пути влияния Церкви при этом изменяются, оно приходит не извне, сверху, но изнутри, снизу, из народа, чрез народ» [7].

Таким образом, разделённые сегодняшним законом православие и государство соединяются через народ, который призван быть союзником и того, и другого. Церковные деятели, у которых на памяти ещё остаются кабальные для православия синодальные времена, сегодня понимают, что формальная дистанция государства и Церкви служит своеобразным гарантом её независимости и не стремятся менять это положение.

Литература

1. Соболев Н.Б. (Арх. Серафим). Русская идеология. М.: Лествица, 2000. С. 135.
2. Ильин И.А. Путь к очевидности. М.: Республика, 1993. С. 248-24.
3. Хомяков Д.А. Православие, самодержавие, народность. Минск: Белорусская грамота, 1997. С. 39.
4. Ильин И.А. О сильной власти. М., 1992. С.318.
5. Чаплин В. Россия не должна стесняться своей политической культуры. Выступление на международной конференции «Русская политическая культура и формирование политических культур стран «Евразии». Волынское, 4.06.2006. URL: <http://www.kreml.org/opinions/122522845> (дата обращения: 15.04.2008).
6. Искра Л.М. Борис Николаевич Чичерин о политике, государстве и истории. Воронеж, 1995.
7. Булгаков С.Н. Православие. Очерки учения Православной Церкви. М., 1991. С. 343.

ВЛАДИМИР САБИРОВ

ЦИВИЛИЗОВАННОСТЬ ЧЕЛОВЕКА И ОБЩЕСТВА КАК ТЕОРЕТИЧЕСКАЯ ПРОБЛЕМА

Глубокие противоречия и острейшие конфликты с применением военной силы или угрозой их применения разворачиваются между Западным миром, с одной стороны, и с определенной частью исламского мира, Китаем и Россией – с другой. Эти противоборства имеют под собой не только экономическую, и геополитическую подоплеку, но в явной или скрытой форме содержат цивилизационные противостояния. Столкновение цивилизаций, о котором предупреждал С. Хантингтон, стало грозной реальностью. Важно отметить, что эти противостояния сопровождаются агрессивными информационными воздействиями, содержанием которых является стремление представить оппонентов как варваров, аннигилирующее все их исторически сложившиеся социокультурные притязания на цивилизованность. Именно спор между двумя разными типами цивилизационной ориентации, до предела обострившийся и, по сути дела, принявший форму практически неразрешимой социокультурной контроверзы со всей очевидностью проявился в событиях последнего времени на Украине, ставшей настоящим ристалищем цивилизационной и информационной войны между Западом и Россией. На протяжении двух десятилетий граждане Украины подвергались мощному информационному прессу, из-под которого возникло целое поколение националистически ориентированных людей с «идеей фикса» в головах: Россия – враждебная агрессивная империя, стремящаяся поработить свободных и высокоразвитых европеизированных украинцев, а русские – это «совки» и «ватники», т.е. нецивилизованные, деградированные недочеловеки, обреченные влачить жалкое существование на задворках истории. Очень печально, хотя и не ново то, что отрицание у русских каких-либо

прав на собственную «цивилизованность», имманентную их ментальности, политическим и религиозным устроениям, культуре, образу жизни, принципам и формам гражданского и политического строительства, культивирует часть политической, интеллектуальной и культурной элиты России, а также многие обыватели, мыслящие в духе Смердякова. В этом контексте исследование особенностей российской цивилизации в ее исторической ретроспективе, историко-культурной динамике и современном состоянии, своеобразии цивилизованности русских являются чрезвычайно важной теоретической задачей.

В имеющихся публикациях касательно данной проблемы в основном преобладает сугубо нормативный подход, содержащий в себе некое неразрешимое противоречие, поскольку традиционная дескрипция «цивилизованного человека» сводится в основном к перечислению неких его умозрительных качеств и свойств, априорно выдаваемых за характеристики самой цивилизованности человека. Именно поэтому, так называемая, «натуралистическая ошибка», сформулированная в свое время Дж. Муром по отношению к определению добра в этике, в полной мере проявляется и здесь, ибо то, что, по существу, должно быть доказано и обосновано, подается как самоочевидное и непререкаемое. «Мне кажется, - весьма резонно заметил английский мыслитель, - что в этике, как и во всех других областях философского исследования, трудности и разногласия, которыми полна их история, возникают в основном по одной, весьма простой причине, а именно: в силу того что ученые пытаются ответить на вопросы, не уяснив окончательно, каковы те вопросы, которые они собираются решать» [2, с. 37].

Как ни парадоксально, но проблема цивилизованности человека и общества не получила до сих пор глубокого теоретического осмысления ни в нашей стране, ни за рубежом. В основном цивилизованность человека как некая эмпирическая констатация рассматривается в публицистической и научно-популярной литературе, и представляет собой, как правило, перечисление нормативно-педагогических требований, главным образом назидательного характера, позволяющих характеризовать тот или иной антропологический тип как цивилизованный или нецивилованный. Нередко эти требования предъются в виде неких кодексов поведения. Одним из первых опытов такого рода была «Книга цивилизованного человека» (Book of the Civilized Man), написанная Дэниелом Веккелсом (Daniel Beccles) в начале XIII века в Англии. Кроме того, существует значительный пласт литературы, посвященной теме цивилизации как таковой в разных ее аспектах. Вообще понятие цивилизации вошло в широкий культурный оборот в XVIII в. благодаря французским философам-просветителям, назвавшим «цивилованным» общество, построенное на основаниях разума и справедливости с акцентом на «правах человека» как естественно-природных, так и социально-гарантированных. Именно этот момент, рассмотренный в широком идеологическом и социокультурном контекстах, становится основополагающим в европоцентристской версии цивилизованности человека и общества. Тем не менее, эта фундаменталистская тенденция в определении критериев и оснований цивилизации в феноменологическом, антропологическом и социокультурном аспектах была со временем успешно преодолена в теориях культурно-исторических типов от Н.Я. Дани-

левского до С. Хантингтона, рассматривающих разные варианты цивилизации, а соответственно и разные социокультурные типы цивилизованного человека в борьбе и противостоянии, неизбежных вследствие разнообразия репрезентируемых их духовно-ценностных оснований. Эта же тенденция реконструируется в идеологии постмодерна, акцентирующей как момент различия, так и равноправия дискурсов внутри самой теории цивилизации как таковой. По существу, именно этой теме касаются с разных сторон и разных точек зрения Ж-Ф. Лиотар, Ж. Бодрийяр, Ж. Деррида, Ф. Джеймисон, Р. Рорти, П. Козловски. Следует подчеркнуть, что в целом у названных авторов все же не поставлен во всей полноте и теоретической значительности вопрос о цивилизованном человеке, не выявлены его антропологические качества, не осуществлена типология форм и стилей цивилизованного поведения и действия и уж тем более не классифицированы необходимые качественные различия в видах и версиях цивилизованности человека эпохи модерна и эпохи постмодерна в ретроспективах и перспективах его становления и развития.

Наконец, существует обширный ареал литературы, посвященной России, ее культуре и цивилизации. Можно с уверенностью констатировать, что эта литература в основном построена на оценочных суждениях и делится на два резко поляризованных класса: недоброжелательно настроенные авторы (от маркиза А. де Кюстина и русских западников XIX века доЗ. Бжезинского и современных отечественных русофобов) и в целом комплиментарно оценивающие культуру и традиции России (от Ж. де Местра и русских славянофилов XIX столетия до К. Гарднера и ряда современных отечественных исследователей, будь то А.Г. Дугин или Е.С. Холмогоров). Изыскания такого рода, к сожалению, не дают возможности для объективного анализа цивилизованности России и русских, равно как и малопригодны в поиске объективных критериев цивилизованности этого социокультурного типа. Более благодатный материал в этом плане можно найти в трудах русских философов Серебряного века или книге В. Шубарта «Европа и душа Востока», где более гармонично сочетаются позитивные восприятия России с ее конструктивной критикой вплоть до стремления понять сущность «русскости» в аспекте ее цивилизующего воздействия на мировое развитие в целом. Однако новейшие реалии социального бытия требуют более свежих и оригинальных исследований. Из иностранных авторов, достойных внимания в рамках рассматриваемой проблемы, хотелось бы выделить Э.К. д'Анкосс, известного французского ученого и политического деятеля, которая в своих работах, посвященных России, рассматривает вопрос о цивилизованности русских, решая его положительно. Однако, повторимся, развернутой теоретической работы, посвященной проблеме социокультурных, духовно-ценностных, граждански-политических и ментальных оснований цивилизованности человека, равно как и возникающих в связи с этим противоречиях и контроверзах цивилизаций в современном мире, пока не существует. Все еще нет глубокого и конструктивного анализа этой проблемы применительно к настоящему и будущему России, находящейся в стадии перехода от одной цивилизационной модели к другой, требующей непредвзятого анализа и новых теоретических обобщений.

Поскольку цивилизованность того или иного народа вообще и русских в частности приобрела в настоящее время необычайную полемическую остроту и является одной из основополагающих тем в современных информационных войнах, то одной из основных задач в контексте рассматриваемой проблемы становится анализ наиболее существенных аргументов и инвектив касательно нецивилизованности того или иного народа и, в особенности, русского, посредством раскрытия духовно-метафизических, ментальных, нравственно-психологических и других мотивов этой критики. И, коль скоро цивилизованность человека и общества не является некоей абстрактной, внеисторической и универсальной данностью, то, следовательно, осмысление феномена цивилизованности неизбежно предполагает обращение к разным аспектам ее культурно-исторического контекста, а также динамики взаимоотношений между соперничающими или конфликтующими цивилизациями в плане их откровенной поляризации или возможной комплиментарности.

Не менее важным является также вопрос о причинах и факторах, воспроизводящих в нашей стране слой лиц и даже групп в составе политической, интеллектуальной и культурной элиты, а также в среде обывателей, негативно настроенных по отношению к России и русским как извечным представителям варварства и дикости и вследствие этого противостоящим любым «цивилизующим» воздействиям Запада. Как представляется автору, это цивилизационное неприятие русскими самих себя представляет собой некую социокультурную и духовную загадку, не получившую до сих пор глубокого теоретического осмысления. Между тем, подобная ситуация чрезвычайно опасна для существования не только нашей цивилизации, но и для мира в целом, поскольку вводит в соблазн и дезориентирует наших геополитических противников, могущих принять по отношению к нашей стране роковые политические решения. Об этом в свое время с глубокой иронией и знанием предмета дела писал И.Л. Солоневич: «Вся немецкая концепция завоевания востока была целиком списана из произведений русских властителей дум. ... Так в умах всей Германии, а вместе с ней, вероятно, и во всем остальном мире, русская литературная продукция создала заведомо облыжный образ России — и этот образ спровоцировал Германию на войну» [3, с. 156-157, 158].

То, что архаика (будь то нравы, привычки, формы существования или даже приемы политического противостояния) будет становиться неотъемлемой частью современного мира и даже начнет наполнять являвшиеся всегда эталоном цивилизованности западноевропейские формы жизни, предупреждал еще Н. Бердяев, отмечая, что весь европейский мир будет обречен переживать эпоху «нового средневековья» с сопутствующим ему крахом европоцентристского цивилизационного проекта, с очагами откровенной варваризации и нарождающимися новейшими формами социокультурных отношений со спонтанно возникающими протагонистами этих процессов: «Мы живем в эпоху обнажений и разоблачений. Обнажается и разоблачается и природа гуманизма, который в другие времена представлялся столь невинным и возвышенным. Если нет Бога, то нет и человека - вот что опытно обнаруживает наше время» [1, с.6].

Тема цивилизованности человека и общества имеет и много других измерений, до сих пор не получивших достойного внимания исследователей. К ним можно отнести следующие вопросы: каковы причины, факторы и закономерности утраты человеком и обществом цивилизованного состояния (такие процессы встречались в прошлом и наблюдаются сейчас); в чем состоит роль идей и ценностей в обретении и утрате цивилизованности (в качестве негативного примера можно сослаться на опыт нацистской Германии); как влияют революции и войны на цивилизованность человека и общества; каковы антропологические пределы цивилизованности и нецивилизованности людей (бесценный материал в этом плане можно обнаружить в «Колымских рассказах» В. Шаламова); существует ли предметно-ценностная взаимосвязь между религиозностью, моральностью и цивилизованностью человека и общества (здесь возможны самые затейливые и мировоззренческие комбинации, о чем в полной мере свидетельствует история мировой культуры); в чем проявляется цивилизующая и децивилизующая роль науки и техники в современном обществе; как взаимно влияют друг на друга потребительское общество, гламурная цивилизация и цивилизованность людей; какова роль либеральных идей в эволюции представлений о цивилизованности людей; в чем значение рыночной и планово-социалистической экономик в цивилизационных процессах; каково влияние глобализации на состояние цивилизованности человека и общества; как представлена тема цивилизованности человека и общества в современных информационных войнах и т.п.

Нам представляется, что все эти вопросы требуют тщательного теоретического анализа, широких концептуальных обобщений и глубоких достоверных выводов, имеющих несомненное практическое значение.

Литература

1. Бердяев Н.А. Новое средневековье (Размышление о судьбе России). Берлин, 1924.
2. Мур Дж. Принципы этики. М.: Прогресс. 1984.
3. Солоневич И.Л. Народная монархия. М.: Феникс, 1991.

**ВЛАДИМИР САБИРОВ,
ОЛЬГА СОИНА**

ИДЕЯ СПАСЕНИЯ В РУССКОЙ КУЛЬТУРЕ

Понять сущность русской культуры – это значит исследовать ее предельные ценностные основания. Поскольку русская культура не одинока в мире, то постижение ее сущности неизбежно связано с сопоставлением ее, как это обычно делается, с западной и восточной культурами.

Специфическая особенность русской культуры, рассмотренной с точки зрения ее основополагающих ценностей, нашла выражение в идее соборности, введенной в культурный оборот А.С. Хомяковым и представляющей собой одно из величайших прозрений русской мысли. Именно в ней со всей отчетливостью просматривается уникальность России на фоне западной и восточной

цивилизаций. Если Запад строится на принципе индивидуализма, индивидуальные свободы и личный интерес почитает больше других ценностей, а Восток, наоборот, опирается на принцип корпоративности (коллективизма), общественные интересы ставит выше личных, то Россия стремится к соборности. В. Соловьев так формулирует соборный идеал: «полная свобода составных частей в совершенном единстве целого». Таким образом, принцип соборности представляет собой попытку соединения личной свободы с социальным единством людей. Но в идее соборности имманентно содержатся и другие очень важные ценностные понятия, такие как добро и зло, справедливость, любовь, личность и др.

Хотелось бы особо подчеркнуть, что соборность, в отличие от принципов индивидуализма и корпоративизма, на которых построена жизнь на Западе и Востоке, имеет не столько нормативно-культурный характер, сколько духовно-идеальный. Иначе говоря, индивидуализм и корпоративизм – это принципы, реализующиеся в повседневной жизни людей, они практически составляют их норму. Соборность же – это сфера устремлений русского человека, к которой одни ближе, другие – дальше, третьи – совсем в стороне. Вот отчего соборность как принцип организации жизни русского человека и русского общества порой очень трудно зафиксировать эмпирически, непосредственно и особенно в относительно благополучные периоды русской истории. Однако в полную меру он обнаруживает себя в периоды испытаний, войн, природных катаклизмов и т.д. Необходимо отметить также, что соборность, будучи одним из принципов и признаков христианской Церкви, закрепленных в символе веры, имеет корни и связь с христианской (православной) традицией. Это обстоятельство вполне объясняет духовно-идеальный характер этого принципа и в то же время предостерегает от приземленного его толкования. Высшим смыслом и главной целью человека, согласно Евангельской истины, является спасение человека как личности. Только в этом контексте и можно понять русскую соборность в целом и основные ценностные понятия, ее составляющие.

Проблема свободы составляет один из важнейших компонентов сущности культуры. Для русской культуры характерно специфическое понимание свободы, не совпадающее с тем, как ее понимают, переживают и оценивают на Западе.

Для западного человека свобода есть нечто, имеющее предел. Каждый свободен ровно настолько, насколько позволяет ему его капитал. Другое ограничение на свободу накладывается правом. Человек свободен в рамках права. Это нужно, чтобы индивидуальные притязания на свободу не находились в состоянии антагонизма с притязаниями на свободу других людей. В русском же сознании свобода осмысливается и переживается иначе. Она не имеет столь жесткой фиксации с материальным богатством и правом. Очень часто на Руси богатство казалось тяжким бременем. Материально преуспевающий представитель правящих сословий мог испытывать угрызения совести перед бедным народом. Парадоксально, но факт, что крупные русские купцы и промышленники (такие, как С. Мамонтов, С. Морозов, Н. Мешков) финансировали партии леворадикального толка, т.е. выступавшие против частной собственности. В

русском народе самым свободным считался странник, полностью лишенный собственности. «Странник ходит по необъятной русской земле, никогда не оседает и ни к чему не прикрепляется. Странник ищет правды, ищет Царства Божьего, он устремлен вдаль» [1, с. 218]. Русский жаждет безграничной свободы, ничем не скованной: ни собственностью, ни правом и законом. Безграничная свобода, по-русски – воля, манит его, и он очень часто из своей интенции свободы попирает законы. Собственно говоря, преодоление силы закона и составляет существо стремления к беспредельной, т. е. абсолютной свободе. Причем попираание или преодоление закона может осуществляться на разных уровнях. Во-первых, нарушаются юридические законы. Правда, главное тут не само нарушение закона, ибо везде, где действуют законы, есть нарушения и нарушители правопорядка, а в отношении к закону, праву и правонарушению. В русском сознании до сих пор не утвердилась идея верховенства закона над человеком. Русский человек, особенно наделенный властью, осознает себя выше закона. «Закон что дышло, куда повернул, – туда и вышло». В этой поговорке четко прослеживается характерное для русских пренебрежение к юридическим законам и установлениям. Было бы ошибкой интерпретировать это обстоятельство как признак криминальности русского сознания. Просто для широкой русской души всякий закон узок, к тому же никакой законодатель не способен уследить и поспеть за многообразием и текучестью жизни в России. Во-вторых, русский способен посягнуть и на социально-исторические законы. Петровские реформы, социалистическая революция в полуфеодальной стране, программа построения основ рыночной экономики в 500 дней – таков далеко не полный перечень примеров социально-исторического волонтаризма в России, который, подчеркнем, не следует трактовать упрощенно: как проявление банального самодурства царя, маниакальной жажды власти большевиков и теоретической неискушенности молодых реформаторов-демократов. Имеются более глубокие причины, побуждающие русских пренебрегать юридическими и социально-историческими законами. Они-то и составляют третий, с нашей точки зрения, основной уровень, на котором русский стремится преодолеть закон. Речь идет в данном случае об онтологических законах, законах самого бытия. Русский понимает и чувствует свободу как избавление от всякого зла, включая и зло смерти. Смерть – это закон павшего бытия. Таким образом, абсолютная свобода оказывается, по существу, тождественной спасению, а своеобразии русского понимания и переживания свободы заключается в том, что ей (свободе) придается духовный, религиозный смысл, а не экономический и юридический, как на Западе. В таком восприятии свободы есть свои плюсы и минусы. Жажда воли побуждала русского к освоению новых земель, которые, в свою очередь, требовали мощного государства, способного управлять обширными территориями. Феномен русского космизма (весьма специфического и уникального явления русской культуры) также может быть объяснен интенциями русского сознания к абсолютной свободе: если она не достижима на земле, то, может быть, ей найдется место на небе? Н. Бердяев писал: «У русских всегда есть жажда иной жизни, иного мира, всегда есть недовольство тем, что есть» [1, с. 217]. Жажда иного мира, иной жизни (читай: спасения или абсолютной свободы) из недовольства тем, что есть, приводили и приводят рус-

ских к самым разнообразным последствиям: святости и праведности, нигилизму и анархизму, западничеству и славянофильству, религиозному сектантству и богоискательству, бунтам и революциям... Чтобы русское понимание и переживание свободы носило конструктивный характер, его необходимо соединить с религиозным опытом и христианскими традициями. В противном случае искание абсолютной свободы на земле, как и искание абсолютного добра на земле, будет приводить к очередному рабству: какой-либо общественной идее, технике, моде, кумирам и вождям и т.д. Эту альтернативную ситуацию лучше всего выражает русская пословица «Вольному воля, спасенному рай» (безудержная свобода без религиозной основы ничего не дает человеку, а свобода во Христе означает спасение его личности во времени и в вечности). В этом контексте понятно, почему в современной России трудно начинались экономические и политические реформы. Именно потому, что молодые реформаторы не учитывали своеобразие нашего менталитета и не опирались на духовные традиции предшествующих эпох. Как только стали у нас в стране обращать внимание на духовную сторону жизни людей, так в обществе установилась стабильность и наметились позитивные сдвиги в экономике и политике.

Со времен Аристотеля утвердилась традиция деления справедливости на уравнивающую и воздающую. На Западе, начиная с Возрождения и Нового времени, акцент был сделан на воздающей справедливости, что вполне объяснимо с точки зрения принципа индивидуализма. На Востоке, напротив, преобладала и преобладает уравнивающая справедливость. В русской дореволюционной культуре оба эти аспекта справедливости находились в более или менее сбалансированном состоянии, что вполне соответствовало духу и принципу соборности, учитывающей интересы и личности, и общества. Весьма показательными в этом плане являлись, например, нравы и обычаи рабочих артелей. В артели все заработанные деньги делились на две части. Из первой части все члены артели получали одинаковую сумму денег, т.е. каждый имел гарантированную плату за свой труд. Вторая же часть заработанных артелью денег распределялась пропорционально профессиональному уровню, квалификации, личному трудовому вкладу и ответственности конкретного работника. В результате никто не был в обиде. Аналогичные принципы соблюдались в сельской общине, где на всеобщих сходах крестьян (на миру) принимались только такие решения, которые удовлетворяли всю общину в целом и каждого конкретного крестьянина. На этих же соборных началах строилась с конца XIX в. система местного самоуправления (земство), где пропорционально были представлены все слои населения, сословия и профессиональные группы. Но все же самой адекватной формой выражения идеи соборности в аспекте проблемы справедливости являлся и является православный храм, где все люди равны перед Богом, будучи неравными между собой. На богослужениях в православном храме стояли рядом цари со своими придворными, дворяне, купцы, крестьяне и представители других сословий. Соборность как духовный принцип означает, что если в обществе нет веры в высшую Божественную справедливость, то существует реальная опасность перекоса и одностороннего понимания общественной справедливости. Дело в том, что русский человек очень чувствителен

к несправедливости. Если в обществе нарушается принцип равенства, то народ впадает либо в апатию, либо способен на бунты и революции. Если вознаграждение не соответствует трудовому вкладу конкретного работника, то это также вызывает злбу или зависть. В советское время господствовал принцип равенства и люди равнялись по среднему или низшему уровню. Эта ситуация подрывала трудовую и творческую инициативу наиболее активных и одаренных работников. В конечном счете от этого страдало общество в целом. Когда не поощряются талант и инициатива, общество оказывается в состоянии застоя и упадка. В эпоху либеральных реформ формально был сделан акцент на воздающей справедливости: стала поощряться предприимчивость людей. Однако в силу того, что произошел криминальный или незаконный дележ государственной собственности, в обществе возникло весьма существенное размежевание граждан по уровню доходов и величине собственности. Разительный контраст по уровню благосостояния между 3–5 % элиты и остальной частью граждан России является крайне опасным состоянием общества, чреватым социальными конфликтами. Таким образом, односторонность советской и постсоветской справедливости играли и играют негативную роль в жизни современного российского общества. Для успешного эволюционного развития нашего общества необходимо сбалансированное сочетание социального равенства и вознаграждения по труду, таланту и инициативности конкретных граждан, которое должно подкрепляться духовно. Понятия справедливости и несправедливости, в свою очередь, восходят к еще более общим оценочным понятиям: добру и злу.

В восприятии добра и зла в русской культуре и народном сознании долгое время духовный момент преобладал над моральным. Н.О. Лосский, рассматривая специфику национального восприятия добра, писал: «Основная, наиболее глубокая черта характера русского народа есть его религиозность и связанное с нею искание абсолютного добра, которое осуществимо лишь в Царстве Божием» [2, с. 240].

Специфика русского понимания добра адекватно может быть понята только в контексте идеи соборности. Русские крестьяне, заставшие вора на месте преступления, не раздумывая, могли совершить над ним акт самосуда вплоть до убийства. Так проявлялась непосредственная реакция на зло и преступление. И в то же время в народе проявлялась удивительная мягкость и терпимость к осужденным преступникам, которых называли «несчастными». В этом контексте не стоит удивляться и тому обстоятельству, что после судебной реформы 1863 г. суды присяжных заседателей очень часто выносили оправдательные приговоры. Народ тонко чувствовал сложную метафизику и драматизм жизни. Вот отчего на Руси так популярна была поговорка: «От тюрьмы и от сумы не зарекайся». У русских крестьян глубоко развито было чувство общей ответственности за зло и грех. Старец Зосима из «Братьев Карамазовых», выразивший эту интенцию национального сознания, поучал, что греха единичного нет, что все люди буквально перепутаны грехом. Вот почему и спасение (окончательное избавление от зла и греха) возможно только всеобщее, соборное, а не индивидуальное или групповое.

В стремлении к абсолютному добру есть положительная и отрицательная стороны. Положительная в том, что русские, осознав какое-либо моральное или социальное зло, могут напрячь все свои силы и искоренить его. Так, например, накануне Первой мировой войны в России было практически покончено со взяточничеством, в советское время – с безграмотностью населения, с отсталостью в сфере промышленности. Отрицательная же сторона обнаруживается в нетерпимости к людям, имеющим другие убеждения, в морализаторстве. Попытки построить на земле общество без всякого зла также вытекает из этой интенции национального сознания. Как показывает наша история, это приводит к еще большему злу и насилию над человеком. Рай на земле невозможен, а вот подобие ада – возможно, если стремиться к построению общества без зла.

Любовь является одной из важнейших ценностей культуры. Однако понимание и переживание любви также имеют свои вариации в разных культурных традициях. В трактовке любви европейскими народами огромное и решающее значение имеет христианство в целом и христианское богословие в частности. Важно подчеркнуть, что в христианской традиции тема любви неотрывна от темы личности.

В православии любовь была воспринята во всей полноте ее божественности. Не случайно на Руси весьма почитаемые храмы – это храмы Пресвятой Троицы (самый знаменитый из них – в Троице-Сергиевой лавре) и Христа Спасителя (в частности, недавно восстановленный в Москве). Надо сказать, что и православный народ тонко чувствовал Божественную любовь и понимал, что она непохожа на человеческую. Раньше простые крестьяне говорили сокращенно, что «Бог их оставил», если в семье долго не было неприятностей или несчастий. Для правильно поставленного православного сознания естественно восприятие всего, что выпадает на долю человека или народа, как прямое и непосредственное воздействие и проявление Божественной любви. Поэтому за все надо благодарить Бога: за приобретения и потери, за удачу и за беды, за удовольствия и за страдания, за счастье и за несчастье, поскольку все это дается ради блага спасения человеческой личности.

У М. Волошина есть строки, которые прекрасно передают православное переживание любви:

«Нам ли весить замысел Господний?

Все пойдем, все вынесем любя –

Жгучий ветер полярной преисподней

Божий бич, приветствую тебя» [3, с. 221].

Бог изливает Свою любовь на всех и на каждого, любовь эта принимает такие формы и масштабы, такую ценностную окраску, какие могут послужить человеку или народу для их блага не только в пределах этой земной жизни, но и в вечном бытии. Пока русский народ жил этим восприятием Божественной любви, он был более человеческим, более терпимым, более смиренно нес свой крест. Он был великодушен к пойманному и осужденному преступнику, называя их «несчастными».

В зависимости от того, как трактуется и переживается любовь, происходит также культурное размежевание относительно понимания личности.

По устоявшейся традиции в христианской антропологии принято разделять природу человека и его личность. Природа человеческая у всех одна, и она выражается в том, что в каждом человеке есть образ Божий, образ Христов. В то же время каждый человек имеет свое лицо, он – личность, нечто уникальное и неповторимое. Однако эту уникальность человеческой личности надо понимать не в плане эмпирической непохожести на других людей, которая нередко, особенно в настоящее время, достигается посредством экстравагантности человеческого облика и поведения. Так понимаемая личность вполне укладывается в понятие индивидуальности. Но «личность» и «индивидуальность» не тождественные понятия. Личность – это человек, которого **отличает** Бог. Индивидуальность – тот, кто выделяется среди людей. Личность создается с неба, разумеется, при участии человека. Индивидуальность – плод творчества самого человека.

Так сложилось исторически, что на Западе личность, особенно начиная с Возрождения, под влиянием идей гуманизма стала пониматься фактически как индивидуальность. Человек все больше и больше полагался на себя, развивая (иногда до высот гениальности) свою индивидуальность в разных сферах общественной жизни и творчестве. Это, безусловно, дало свои положительные плоды, о чем свидетельствуют достижения западной цивилизации в экономике, науке и технике. Но отсюда берет начало и большая часть глобальных проблем.

В православной же традиции каждый человек своим бытием обязан Божественной любви и несет в своей глубине эту любовь. В своем же земном существовании, омраченном грехопадением прародителей, человеку необходимо сохранить свою человечность, не утратить этот дарованный свыше образ Божий, не погасить в себе искру Божественной любви. Таким образом, личность есть не что иное, как **от-к-лик** человека на дар и зов Божественной любви. Личность – это бытие в общении с Богом. Данные суждения не следует трактовать в том духе, что только верующие в Бога суть личности, а индивидуальность есть участь неверующих. Личность есть там, где присутствует любовь. Любовь же в ее эмпирическом выражении есть не что иное, как желание вечной жизни с любимым. Иначе говоря, в простом переживании любви отмечается присутствие Бога, потому что только Он вечен и, следовательно, то, что приобретено Ему, также вечно. Любовь – это живое единство любящих лиц в общении, опосредованное Богом, Божественной любовью. Итак, личность и любовь существуют, потому что есть Бог. Человеческая личность сильна только любовью и в любви, ибо любовь – сущность, содержание и стержень личности. Без любви нет личности. Таково православное понимание любви и личности, которое было глубоко укоренено в русской культуре и народном сознании. В XX в. в силу известных обстоятельств такое понимание и переживание личности было существенно подорвано.

Человеческая личность утверждается в бытии благодаря любви. Все отданное в любви содействует обретению, укреплению и росту личности, ипостаси, соразмерной Божественным Ликам. Любовь Божественная и человеческая раскрывается только в общении. Личность открыта в общении, поскольку она источает любовь (бескорыстную и жертвенную) и в силу этого, как это ни

парадоксально, она непостижима рационально. Индивидуальность же требует автономности, изолированности, замкнутости человека на самом себе. Индивидуальность жива самоутверждением человека, которое может осуществляться социально приемлемыми (труд, творчество, спорт, путешествия и т.д.) и асоциальными (эпатаж, скандальность, девиантное поведение, преступления и т.д.) способами. Индивидуальность в силу замкнутости на самое себя закрыта и поэтому, как это ни парадоксально, она может быть понята рационально. Это происходит потому, что индивидуальность самоутверждается через интересы, имеющие земной и, следовательно, конечный набор потребностей, поддающихся исчислению и распознаванию.

Не трудно догадаться, что судьбы человечества будут во многом зависеть от того, пойдет ли развитие мировой цивилизации по пути возрастания человеческой личности или же путем утверждения индивидуальности, будет ли она одухотворяться или, напротив, стремиться к комфорту и роскоши. В конечном счете через эти альтернативы решается вопрос о спасении или гибели человечества.

Литература

1. Бердяев Н.А. Русская идея // О России и русской философской культуре. М., 1990. С. 218.
2. Лосский Н.О. Характер русского народа // Лосский Н.О. Условия абсолютного добра. М., 1991. С. 240.
3. Волошин М. Стихотворения и поэмы. Екатеринбург, 1992. С. 221.

АЛЕКСАНДР САМОХИН

ПОЛИТИКА РОССИИ В АРКТИКЕ В КОНТЕКСТЕ ГЕОПОЛИТИЧЕСКОЙ КОНКУРЕНЦИИ НАЧАЛА XXI ВЕКА

В последние десятилетия «арктическое направление» приобретает всё большую значимость в политике ведущих государств мира. Открытие в этом регионе существенных запасов энергоресурсов, а также прогнозируемое учёными облегчение условий их добычи, связанное с процессами потепления климата, наличие транспортных артерий и богатых рыбных запасов придаёт арктическим пространствам стратегическую важность и, как следствие, приводит к повышению их конфликтного потенциала.

Основными игроками на арктической арене остаются государства, исторически связанные с этим регионом: Россия, США, Канада, Норвегия и Дания – «арктическая пятёрка». Долгое время пространства Северного Ледовитого океана в силу суровых климатических условий и отдалённости от мировых центров развития цивилизации оставались «закрытым пространством» и не привлекали существенного внимания со стороны международного сообщества. Однако истощение запасов традиционных источников углеводородов превращает Арктику в одну из приоритетных областей не только для прибрежных

государств, но и для наиболее динамично развивающихся мировых центров, к которым следует отнести государства ЕС и страны Юго-Восточной Азии.

Для России арктическое направление имеет стратегическую важность: обладая наиболее протяжённой границей в Северном Ледовитом океане, РФ располагает перспективами не только разработки сырьевой базы региона, но и развития судоходства. В будущем он может стать альтернативой активно эксплуатируемому маршруту, проходящему через Суэцкий канал, и превратиться в основную морскую артерию, соединяющую порты Азии, России и Европы. РФ имеет перспективы ведущей арктической державы. Достижение и поддержание этого статуса является национальным интересом государства [1].

Однако изменение геополитического значения Арктики несет как неоспоримые преимущества, так и серьёзные вызовы. Обеспечение присутствия в регионе требует усиления военного потенциала, развития прибрежной инфраструктуры, интенсификации научно-исследовательской деятельности, налаживания международного сотрудничества.

Безусловно, военно-стратегическая безопасность северных территорий является одним из наиболее важных аспектов. Но, в отличие от времен «холодной войны», когда Арктику воспринимали, главным образом, как зону траекторий полётов стратегических ядерных ракет и бомбардировщиков, сегодня не меньшее значение имеет обеспечение экономической, экологической и информационной безопасности: наличие соответствующего экологическим стандартам оборудования, развитие национальной законодательной базы, которая была бы направлена на снижение рисков и угроз, связанных с деятельностью в регионе, готовность принимать активное участие в международном сотрудничестве по сохранению экосистем, становятся одними из важнейших направлений политики прибрежных государств, направленной на отстаивание интересов в регионе.

Разработка полезных ископаемых в полярных широтах осложнена суровыми климатическими условиями. В силу того, что в 1990-х гг. разрушена вся инфраструктура Арктической зоны России, РФ не имеет достаточных технологических и финансовых ресурсов для полномасштабного освоения Арктической зоны и по ряду крупных проектов полагается на иностранное инвестирование.

Особенно активно развивается сотрудничество с КНР. В 2013 г. председатель правления ОАО «НК «Роснефть» И. Сечин и президент Китайской национальной нефтегазовой корпорации (CNPC) Чжоу Ципин в рамках Петербургского международного экономического форума подписали долгосрочные соглашения по поставке нефти в присутствии В.В. Путина и первого вице-преьера Госсовета КНР Чжана Гаоли. Соглашение предусматривает изучение и разработку Западно-Приновоземельского участка в Баренцевом море и Южно-Русского и Медынско-Варандейского месторождений в Печорском море [2]. «Роснефть» и CNPC подписали меморандум, предусматривающий создание совместного предприятия для реализации проектов в области разведки и добычи углеводородов на территории Восточной Сибири, доли участия в котором распределены: ОАО «НК «Роснефть» – 51%, CNPC – 49%. CNPC зани-

мает третье место в списке крупнейших партнёров «Роснефти» после итальянской «Eni» и норвежской «Statoil» [3].

Ещё одной компанией, тесно взаимодействующей с иностранными инвесторами, является «НОВАТЕК» - вторая по объёмам газодобывающая компания России, которая в сотрудничестве с французской «Total» и китайской «CNPC» реализует крупный проект «Ямал СПГ». «НОВАТЕК» в этом предприятии имеет 60%, а его партнёры владеют 20% пакетами акций [4]. Участием в «Ямал СПГ» интересуются индийские, японские и южнокорейские компании. Общий объём инвестиций в проект оценивается в 1 трлн. р. [5]. Проект «Ямал СПГ» включает в себя строительство завода по производству сжиженного природного газа, создание морского порта Сабетта и танкерного флота ледового класса. Ресурсной базой завода выступает Южно-Тамбейское месторождение, запасы которого оцениваются в 1,3 трлн куб. м. Газ, добываемый на месторождении, планируется экспортировать на международный рынок в форме СПГ [6]. Уникальное географическое положение полуострова Ямал создает возможность обеспечить круглогодичные поставки СПГ на рынки Европы, прямые поставки в Азиатско-Тихоокеанский регион через Северный морской путь, что, по мнению губернатора Ямало-Ненецкого автономного округа Д. Кобылкина, позволит «сделать Ямал арктическим Сингапуром» [7].

Россия стремится развивать навигацию по Северному Морскому пути. Ярким примером служит подписание в 2010 г. ОАО «Совкомфлот» и Китайской государственной нефтегазовой компанией «China National Petroleum Corp.» соглашения о долгосрочном стратегическом партнерстве по использованию транспортных возможностей СМП для доставки в Китай транзитных партий углеводородов, для перевозки в восточном направлении нефти и газа с российских арктических месторождений [8].

Дочерняя компания CNPC «PetroChina» подписала с «Совкомфлот» соглашение о стратегическом сотрудничестве, согласно которому предусматривается создание для китайской компании системы перевозки нефти крупнотоннажными танкерами класса VLCC (супертанкеров вместимостью более 160 тыс. т.) [9]. По словам генерального директора компании «Совкомфлот» С. Франка, маршрут через Арктику станет «плавающим нефтепроводом», который постепенно поможет России переориентировать нефтегазовый экспорт с Европы на более динамичный юго-восточный рынок, включая Китай [10].

Тесное сотрудничество РФ с Китаем в Арктике выгодно и в экономическом, и политическом плане. Во-первых, оно является отражением тенденции к развитию взаимовыгодных отношений между государствами и способствует развитию отношений. Во-вторых, проникновение КНР в Арктику следует рассматривать как основной момент в трансформации региональной системы международных отношений, которая выражается в ослаблении позиций США в регионе и появлении нового центра силы. Ввиду нарастания противоречий между Китаем и США и сохранения традиционной конфронтации во взаимоотношениях США и России, в Арктике формируется геостратегический треугольник «США – КНР – РФ». Как отмечает заместитель директора Института политического и военного анализа А.А. Храмчихин, «участие других стран и коалиций возможно, но оно заведомо является чисто вспомогательным» [11].

Но в технологическом плане РФ всё же продолжает ориентироваться на государства Северо-Западной Европы, имеющие опыт разработки месторождений в полярных условиях. Речь идёт как о специальных трубах и бурильных установках, так и об огромных плавучих платформах для морской разведки. Поэтому Россия сильно зависит от западных сервисных компаний в плане завершения сложных процедур, которые проводятся после того, как скважину пробурили [12]. По сведениям американской газеты «International Herald Tribune», в области глубоководной разработки нефти в Арктике российская зависимость от ЕС в области технологий бурения может достигать 60% [13].

Введение санкций ЕС на передачу технологий, используемых для ведения арктической, глубоководной или шельфовой разведки – критически важных для российской нефтяной отрасли может негативно сказаться на российской нефтяной отрасли. Как отмечает французская «Le Huffington Post», данные меры в большей степени имеют характер информационного давления и направлены на «усиление беспокойства в среде инвесторов, которые сейчас необходимы России» [14].

Но и в этой ситуации, по мнению гендиректора Института национальной энергетики С. Правосудова, «надо учитывать, что Запад не является более монополистом технологий или оборудования для бурения на шельфах, в том числе арктических. Есть бразильское государственное предприятие PetraBras, которое оказывает подобные услуги по контрактам, есть подобное предприятие у Китая, российские компании сами уже имеют опыт подобных работ на шельфах Вьетнама. Возможно, с введением подобных санкций РФ придется покупать не лучшее в мире оборудование, а то, которое будет доступно на рынке. Но все эти вопросы решаемы [15]».

Меры экономического и информационного воздействия оказываются не только на официальном уровне, но и на уровне общественного сознания. К примеру, всемирно известный британский дизайнер В. Вествуд в феврале 2014 г., сотрудничая с «Гринпис», запустила серию одежды с логотипом «Спасём Арктику» [16]. Её поддержали такие знаменитости, как американский актёр Дж. Клуни, британский музыкант К. Мартин, модель Дж. Мэй Джаггер. Нельзя не сказать и об акциях «Гринпис» в отношении российской нефтяной платформы «Приразломная», когда 30 членов организации задержаны сотрудниками пограничной службы ФСБ России и обвинены в пиратстве, а впоследствии – в хулиганстве [17]. Данный случай вызвал широкий общественный резонанс во всем мире, и дело дошло до рассмотрения вопроса в рамках Международного трибунала по морскому праву [18].

Россия проводит активную политику охраны окружающей среды. В 2010 г. РФ стала инициатором Международного арктического форума. В 2013 г. он проходил под названием «Арктика – территория диалога». Основной темой встречи была экологическая безопасность освоения и использования природных ресурсов [19]. Подчеркнув, что «ключевым принципом развития Арктики должно быть природособережение, обеспечение баланса между хозяйственной деятельностью, присутствием человека и сохранением окружающей среды» и согласившись, что «хрупкий, восприимчивый климат Арктики во многом определяет экологическое самочувствие всей нашей планеты», В.В. Путин

сделал упор на вклад, который государство вносит в дело сохранения экологического баланса региона (по его словам, в 2011–2013 гг. на очистку Арктики выделено 1,42 млрд руб.) и дал понять, что «Россия является крупнейшей арктической державой», и в регионе для неё «сконцентрированы большие интересы – и экономические, и политические, и гуманитарные» [20]. Такая позиция представляется конструктивной, позволяя создать положительный образ государства, что весьма важно в условиях современной ситуации в Арктике, которую можно охарактеризовать как информационно-психологическое противостояние с применением современных коммуникационных технологий, распространением фобий относительно деятельности региональных государств, в особенности крупнейшего из них – России, манипулирования сознанием общественности.

Арктика становится одним из наиболее геостратегически значимых регионов планеты, за преобладание в котором ведётся борьба в различных сферах. Для России закрепление за собой роли ведущей арктической державы, безусловно, связано с масштабными финансовыми вложениями и необходимостью жестко отстаивать здесь свои национальные интересы. Но укрепление позиций в этом направлении может стать историческим шансом для нашего государства, который, судя по предпринимаемым мерам, РФ не намерена упустить.

Литература

1. Основы государственной политики Российской Федерации в Арктике на период до 2020 года и дальнейшую перспективу // Российская газета. 2009. 30.03.
2. «Роснефть» и CNPC подписали соглашения о поставках нефти. Управление информационной политики ОАО «НК «Роснефть». URL: <http://www.rosneft.ru/news/pressrelease/210620139.html> (дата обращения: 02.05.2014).
3. Guschin A. Understanding China's Arctic Policies. URL: <http://thediplomat.com/2013/11/understanding-chinas-arctic-policies/> (дата обращения: 02.05.2014).
4. Инвестиционный проект «Ямал СПГ». Информационное Агентство «Арктика-Инфо». URL: <http://www.arctic-info.ru/Projects/Page?alias=%D0%BF%D1%80%D0%BE%D0%B5%D0%BA%D1%82-6> (дата обращения: 03.05.2014).
5. Проект «Ямал СПГ». Pro-gas. URL: <http://pro-gas.ru/gas/jamal/> (дата обращения: 03.05.2014).
6. Южно-Тамбейское месторождение (проект «Ямал СПГ»). Официальный сайт ОАО «НОВАТЭК». URL: <http://www.novatek.ru/ru/business/yamal/southtambej/> (дата обращения: 03.05.2014).
7. Кобылкин предложил построить арктический Сингапур. Российское информационное агентство «Ура.Ru». URL: <http://ura.ru/content/yamal/21-03-2013/articles/1036259274.html> (дата обращения: 01.04.2014).
8. «Совкомфлот» и CNPC согласовали формат взаимодействия по использованию транспортных возможностей Севморпути. Информационно-аналитическое агентство «ПортНьюс». URL: <http://portnews.ru/news/59758/> (дата обращения: 26.04.2014).
9. PetroChina и «Совкомфлот» договорились совместно развивать концепцию перевозок углеводородов танкерами VLCC. Информационно-аналитическое агентство «ПортНьюс». URL: <http://portnews.ru/news/59686/> (дата обращения: 28.04.2014).

10. «Плавающий нефтепровод» в Арктике. URL: http://www.bbc.co.uk/russian/international/2010/03/100302_brit_press.shtml(дата обращения: 29.04.2014).
11. Храмчихин А.А. Станет ли Арктика театром военных действий по последнему переделу мира? // Арктика и Север. 2013. №10. С. 59.
12. Чейзан Г., Фарчи Дж. Энергетические амбиции России в Арктике под угрозой из-за западных санкций. URL: http://www.inopressa.ru/article/02sep2014/ft/rus_arctic.html. (дата обращения: 12.09.2014).
13. Китай не заменит России Запад в освоении Арктики. URL: <http://russian.rt.com/inotv/2014-08-12/Sankei-Kitaj-ne-zamenit-Rossii>(дата обращения: 12.09.2014).
14. Меред М. Как Россия обходит санкции и занимается бурением в Арктике. URL: <http://inosmi.ru/arctica/20140814/222353149.html>
15. Семенов С. Замороженный резерв. URL: <http://svpressa.ru/economy/article/97904>(дата обращения: 12.09.2014).
16. Vivienne Westwood: Climate Change, Not Fashion, Is Now My Priority. URL: <http://www.theguardian.com/lifeandstyle/2014/feb/08/westwood-arctic-campaign>(дата обращения: 2.04.2014).
17. Все иностранные активисты с ArcticSunrise уехали из России. URL: <http://www.rosbalt.ru/main/2013/12/29/1216913.html>(дата обращения: 03.04.2014).
18. Российская Федерация изучит решение Международного трибунала по морскому праву в связи с делом «Арктик Санрайз». URL: http://www.un.org/russian/news/story.asp?NewsID=20654#.U1oJbFV_tgg(дата обращения: 13.05.2014).
19. Международный арктический форум. Администрация Президента РФ. URL: <http://www.kremlin.ru/news/19279>(дата обращения: 02.04.2014).
20. Выступление на пленарном заседании III Международного арктического форума «Арктика – территория диалога». Администрация Президента РФ. URL: <http://www.kremlin.ru/transcripts/19281>(дата обращения: 02.04.2014).

**CSABA MÁTÉ SARNYAI,
TIBOR PAP**

**SYSTEM CHANGE, NATION, POLITICS (1989–2010)
THE CHALLENGE OF ETHNIC POLICIES
(LANGUAGE SITUATION, DUAL CITIZENSHIP,
INTER-COUNTRY SUPPORT OF HUNGARIANS,
SHIFTS OF NATIONAL/ETHNIC IDENTITY):
EXPECTATIONS OF HUNGARIAN COMMUNITIES ABROAD AND
HUNGARY'S RESPONSES – BEFORE AND AFTER
THE MILLENNIUM**

Our starting point is the regionally relevant interpretation of the wider socio-theoretical discourse that defines minority integration throughout Europe. Integration methods/ways are a central issue in national/ethnic and minority politics. In other words, they are about the institutionalised assertiveness (options) of communities with a non-majority identity. It is a system of interrelations with at least three factors. One of its definers is nation. It is politically dominant, the most able to act in

the trinary contingency, its actor is the original home („mother”) country. On the other hand, from the perspective of nation fragments in minority situation, the issue is whether institutions defined by the majority (the third actor), such as the education system, are increasing the general differences between communities or, through a conscious and targeted effort, are able to eliminate/mitigate the mentioned disadvantages.

The challenge is further aggravated by the fact that even in the beginning of the 21st century, no procedures has been designed (or delineated in theory) that affect the intended area only ('nano-technological procedures', to use a scientific metaphor). In other words, every social intervention (like a mobilisation with the promise of good results during an election campaign) will bring about the necessity of further, unforeseeable social interventions.

Well embedded in Western-European publicity and referring to basic human rights, the so-called critical discourse (a human rights approach, to be short) presupposes that the majority society's concepts on minorities can be changed with perseverance and conviction. Thus, it can be made accepted that creating the conditions for integration is a task of the state. We also intend to oppose this so-called post-national view. We wish to demonstrate that referring to human rights and dignity does not eliminate (rather, increases) the necessity of efficient involvement of the nation in this still forming action space. The aforementioned post-national approach leaves only a little room for the mother country, which would have an outstanding action potential as an international actor that does have a responsibility for the parts of its nation that are beyond state borders. Its role in minority integration and in the virtual/practical unification of the nation in post-socialist conditions gained its rightful place only very slowly, after more than two decades. This place is a position where it can measure both its possibilities and responsibilities.

During the transition, most of the energy was concentrated to the creation of market economy and democratic political conditions. Meanwhile, an important fact was neglected: operating on a nation-state principle, the unresolved ethnic issues of newer democracies reproduce the ethnically based inequities among social large groups.

In the early nineties, the practice of the national strategy only partially took the abroad nation parts into consideration and marked economic development as the mainstream of integration. Today it can be said that it failed to yield the expected results, while transferring too much of its price onto various sub-groups of the nation. The other main direction of integration was the establishment of a democratic institution system. The result was ambiguous again. External expectations were met formally, but the same cannot be said about internal social expectations. Democratic political conditions were unable to guarantee either the material achievements of economic welfare or the immaterial gains of national cohesion. With the occasional restrictions caused by external expectations, the emergence of these was constantly postponed.

Therefore, democratic national unification was either removed from the agenda, or it remained in the realm of political slogans (“15 million Hungarians – spiritually”). Actual integration remained an uncompleted task even after the EU-integration.

The EU-level political space presented new challenges of current politics (/e-/migration, economic migration) about the integration of national entities and also new opportunities (“inter-state” and bottom-up cooperations). The essence of the matter is what is understood as integration. In other words: which does Europe need more: *Citizens with equal rights, who are able to live with and assert their identity on a national/ethnic participation level within the European framework? Or conflicting “n-th class” citizens already fatigued by the regional competition of member states, whose identification with a nation or with the EU is only marginal?*

One part of our research is about the examination of the social effects of the above process. In addition, we address the question how this social conflict could have been mitigated during the bottom-up reshaping of majority-principled political decision-making mechanisms. That is, how the program of the idealised economic and political integration could have been replaced by a program of cultural coordination. We wish to draw attention to certain crucial opportunities. The ignorance of these, or their improper “solution” (without proper preparation and lacking a real national strategy), or failing to use these (in the name of priority state interests) all caused the perpetual postponing of any option of national reunion after the change of system.

Around the turn of the millennium, the political causes of vertical social inequities disappeared. The free and equal ballots through general suffrage do not cause differences in this regard.

However, horizontal social inequities have not (or less than expected) mitigated in the region. In this sense, there are two well-distinguishable set of countries. One is of (new) nation states, striving to increase their homogeneity. The other is of those that wish to make their internal heterogeneity more transparent, having learned their lessons from recent or older historical experiences. Among the latter group, there are still two significantly different models: the concepts of the regional principle and those of personal autonomy.

We examine the options and potential traps of these concepts, while analysing the Hungarian institution systems of national policies, their actual operation during the various regimes, their concept or the lack thereof – illustrated by case studies. We also have a look at the nearby parallel events in the given era. Through these politico-theoretical discussions presenting the possible advantages and de facto disadvantages of the Hungarian model, we also intend to prevent a re-creation of the ‘wasted time’ paradigm.

While examining the ethnic dimensions of horizontal inequities, we also keep the wider European context in mind: institution creation, its potentials and presenting these in the fields of national politics. On the one hand, it means the regional contacts between those neighboring countries that used to be parts of the same imperial territory. This also affects minority institution systems. However, the greatest effect derives from the expectations of the European Union, and its actual and potential possibilities, especially the EU-urged regionalisation. Bearing the above in mind, our paper is intended to present a picture that is both well-founded in theory and illustrated by practical examples. We include the issue of horizontal social inequities potentially mitigated by regionally and personally principled correction mechanisms, also how the operation of the mechanisms on the level of national policy can facili-

tate the 21th century reintegration of nations. This set of problems is a new challenge that can be the basis of a Europe with more efficient and just nations. Such a Europe would not be able to ignore the systematic reproduction of disadvantageous discrimination and insults, for the sake of the state's sovereignty.

**ОЛЬГА СЕНИУТКИНА,
ЮЛИЯ ГУСЕВА**

ИСТОРИКИ И ИХ РОЛЬ В СОХРАНЕНИИ ЭТНИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ

Историческая память о специфике татар-мишарей, как субэтнуса татарской нации, стала в XX веке постепенно угасать. Главной причиной тому явилась её не востребованность в советские времена по идеологическим соображениям: прежде всего, из-за имевшего место в государственной политике приоритета значимости формирования новой исторической общности – советского народа. Возрождение этнической памяти мишарей не приветствовалось и в постперестроечные времена, когда из политических соображений казанские татары стремились объединить вокруг себя другие группы татарской общности, предпочитая говорить о единстве татарской нации, не делая при этом акцент на особенностях мишарской общности. Следовательно, объективная ситуация не складывалась позитивно для тех татар-мишарей, которые хотели сохранить память об истории своего народа.

Тем не менее, специфика мишарей вполне просматривается по разным параметрам: собственно этнографическим, лингвистическим (западный диалект татарского языка) и антропологическим (понтийский тип европеоидной расы). У мишарей есть свои особенности этногенеза и этнической истории, отличающие их от других групп татар.

Но эти особенности стали забываться, как уже было отмечено, в мишарской среде, поскольку, если отсутствует коллективная потребность сохранения памяти общности, то и воспоминания склонны к исчезновению. Эта ситуация ярко проявилась во время сплошного анкетирования сел и деревень Горьковской области в 1980-е гг., когда вспыхнул некоторый интерес под воздействием общественных перемен к специфике татарских селений региона [1]. По результатам опросов выявилось, что местными жителями почти забыты не только истоки татарских селений, но и многие важные эпизоды мишарской этноистории.

Однако на рубеже XX-XXI столетий все явственнее проступал интерес к мишарской специфике, что проявилось, в частности, в инициативе Духовного управления мусульман Нижегородской области – создать историю татаро-мусульманских селений региона. После написания коллективом авторов истории исламских общин (а именно ислам и сохранил татарский этнос от русификации и христианизации) [2], вполне логично встала задача обращения к истокам этноистории, что вылилось в создание целого ряда работ [3], сделанных на архивных материалах, и, в конечном итоге, привело к научной реконструкции

истории одной из составляющих татаро-мишарской общности – истории нижегородских татар.

Литература

1. Центральный архив Нижегородской области (ЦАНО). Ф. Р2890. Оп. 1. Д. 295, 297, 301, 304 и др.
2. Идрисов У.Ю., Сенюткин С.Б., Сенюткина О.Н., Гусева Ю.Н. Из истории нижегородских мусульманских общин в XIX–30-х гг. XX века. Н. Новгород: Изд-во ННГУ, 1997. 182 с.; Сенюткин С.Б., Сенюткина О.Н., Гусева Ю.Н. История исламских общин Нижегородской области. Н. Новгород: Изд-во ННГУ, 1998. 550 с.
3. Сенюткин С.Б. История татар Нижегородского Поволжья с последней трети XVI до начала XX вв. (Историческая судьба мишарей Нижегородского края). Н. Новгород: Изд-во ННГУ, 2001. 416 с.; Гусева Ю.Н. История татарских сельских общин Нижегородской области в XX веке (1901–1985 гг.). Н. Новгород: Изд-во ННГУ, 2003. 275 с.

ЕВГЕНИЙ СЕНОШКИН

КОНЦЕПЦИЯ УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ КАК ФАКТОР ПРЕДУПРЕЖДЕНИЯ ПОЛИТИЧЕСКИХ РИСКОВ

В условиях резкого увеличения политических рисков актуализировалось осмысление угроз, вызванных приближением масштабов деятельности человечества к границам устойчивости экосистем и экосферы Земли. Это обстоятельство связано как с разрушением биосферы в целом, так и с исчерпанием ресурсов планеты, в результате чего формируется качественно новый контекст развития общества. В связи с этим перед современным человечеством встали вопросы о возможности увеличения устойчивости экосистем, об отказе от нелIMITированного потребления и переориентации его на экологически сбалансированное развитие, об алгоритме практического воплощения экологических подходов в политике.

Поиск ответов на эти вопросы нацеливает на исследование ключевых факторов реализации концепции устойчивого развития, среди которых определяющее значение имеет взаимодействие государства и гражданского общества.

Теоретические проблемы, связанные с концепцией устойчивого развития, разрабатывают такие авторы как С.Алексеев, Н.Беломытцева, О.Васюта, Э.Гирусов, А.Гранберг, В.Данилов-Данильян, О.Лазор, К.Лосев, Л.Мельник, Н.Моисеев, Н.Реймерс, А.Урсул, М.Циканов, Е.Шопхоев и др.

Основополагающие идеи, касающиеся функционирования гражданского общества и его взаимодействия с государством содержатся в классическом философском наследии, которое составляют труды Б.Спинозы, Т.Гоббса, Дж.Локка, Г.Гроция, Ж.-Ж.Руссо, Г.Гегеля и др.

В современных исследованиях гражданское общество рассматривается в различных аспектах: на концептуальном уровне - в работах В.Шинкарука, М.Мокляка, В.Баркова, Ю.Корнилова, Е.Лазоренко, Ю.Теплицкого, В.Трипольского, как механизм развития демократии – в исследованиях В.Степаненко, О.Мурашина, А.Серанта, Ю.Привалова, Ю.Сапелкина,

В.Кременя, В.Ткаченко, Ф.Конака; в контексте прав и свобод человека и их гарантий – в публикациях В.Горбатенко; как партийная система общества – в трудах А.Билоуса, Ш.Авинери; в контексте развития местного самоуправления – в исследованиях В.Черного, В.Кампо, А.Рыбакова, А.Беляева; как система общественных организаций – в публикациях М.Ищенко, М.Ходаковского, В.Полохало, Е.Андроса и др.

Как показывает обзор исследований, посвященных проблеме «устойчивого развития», этот термин был введен для изучения отношений человека, общества и природы. При этом для того, чтобы развитие было устойчивым, следует учитывать не только его экономические аспекты, но и социальные и экологические факторы. Об этом, в частности, говорится в докладе «Всемирная стратегия охраны природы» (1980), представленном Международным союзом охраны природы и природных ресурсов [2]. Связь экономического и социального развития с проблемами окружающей среды была отмечена также в Декларации Первой конференции ООН об окружающей среде (Стокгольм, 1972).

Термин «устойчивое развитие» получил широкое распространение после публикации доклада, подготовленного в 1987 году Международной комиссией по окружающей среде и развитию при ООН во главе с премьер-министром Норвегии Гру Харлем Брундланд [3]. Перед комиссией была поставлена задача «Глобальной программы изменений». Эти изменения Международная комиссия назвала термином «*sustainable development*», получившим русский перевод как устойчивое развитие. В дальнейшем термин был закреплен ЮНИСЕД, где ему попытались придать более конкретные и даже программные формы.

Основным механизмом реализации концепции устойчивого развития является эффективная экологическая политика, которая основывается на взаимодействии органов государственной власти, политических партий, общественных организаций и бизнеса.

В реализации концепции устойчивого развития особую роль играют международные неправительственные организации. Широко известны экологические инициативы международных организаций, действующих под эгидой ООН: ЮНЕСКО, ФАО – продовольственная и сельскохозяйственная организация, ВОЗ – Всемирная организация здравоохранения, ВМО – Всемирная метеорологическая организация, а также других организаций: МАГАТЭ – Международное агентство по атомной энергии, региональных организаций: Европейский Союз, Совет Европы, Организация экономического сотрудничества и развития, Азиатско-Африканский юридический консультативный комитет, Экологическая организация независимых государств, бывших республик СССР, Совет Европы, Европейская конференция министров, отвечающая за региональное планирование (СЕМАТ) и др.). Одним из направлений деятельности этих организаций является разработка нормативных документов и реализация программ экологической направленности. Так, принята Конвенция ООН по морскому праву, в которой обозначены меры по защите и сохранению морской среды, мирового океана и его ресурсов, провозглашена Всемирная хартия охраны природы, принята программа ООН по окружающей среде – ЮНЕП, для фиксирования изменения в биосфере, создаются Глобаль-

ная система наблюдения и Глобальная система мониторинга окружающей среды (ГСМОС), создана Международная комиссия по окружающей среде и развитию и т.д.

Как свидетельствует текст Ежегодного обзора изменений состояния окружающей среды, подготовленного ЮНЕП в 2006 г., дальнейшее продолжение процесса ратификации важных многосторонних природоохранных соглашений, свидетельствует о все большей приверженности стран делу решения глобальных экологических проблем. В частности, значительно увеличилось число участников относительно Киотского протокола к Рамочной конвенции ООН об изменении климата и 2 конвенций, касающихся химических веществ – Роттердамской и Стокгольмской конвенций, вступивших в силу в 2004 году [5, с. 78].

В настоящее время международные организации, включающие в свою деятельность экологические программы, являются эффективным средством объединения интеллектуальных, материально-технических и финансовых ресурсов для решения наиболее актуальных проблем в экологической сфере. Кроме того, международные организации, действующие в интересах устойчивого развития, дают возможность заинтересованным государственным, общественным и частным учреждениям, фондам, союзам предпринимателей устанавливать взаимовыгодные деловые связи и партнерские отношения.

Сотрудничество органов государственной власти и международных организаций в осуществлении экологической деятельности на региональном уровне целесообразно проанализировать на примерах экологических программ ПАСЕ. Например, ПАСЕ приняла резолюцию «О формировании глобальной системы предупреждения и преодоления последствий природных катастроф и устранению последствий стихийных бедствий» (МФКК).

В последние годы усиливается участие эоНПО в публичном управлении, активизируется процесс экологизации общественных организаций. В последние десятилетия существенно активизировалась их деятельность во многих странах (Германия, Великобритания, Швейцария и др.), там растет число экологических организаций, усиливается их авторитет в обществе и увеличивается представительство во властных структурах. Многие экологические организации добились существенных результатов в получении властных полномочий на местном, региональном и федеральном уровнях. В частности, это подтверждает опыт экологической деятельности движения «Гражданские инициативы» в Федеративной Республике Германии.

Наиболее громкий резонанс в ФРГ вызвал ряд акций протеста 1977–1979гг. против строительства объектов ядерной энергетики (Брокдорф, Вюль, Горлебен, Гронде), в которых принимали участие не только местные отделения «Гражданских Инициатив», но и активисты из разных регионов ФРГ. Тем не менее, ощутимого эффекта эти акции протеста не дали. Это обусловило необходимость создания собственных политических структур, которые бы смогли самостоятельно защищать интересы движения парламентскими методами и использовать представительную трибуну для пропаганды своих идей. К этому процессу подключились группы разной идеологической «окраски», которых часто объединял лишь лозунг защиты окружающей среды. Первые

успехи на местных и региональных выборах конца 70-х гг. оказывали содействие консолидации отдельных экологических организаций и групп.

Важным событием политической жизни ФРГ стало проведение в ноябре 1980 г. Крефельдского форума под лозунгом: «всем нам угрожает атомная смерть. Никаких ракет в Европе!». В форуме приняли участие несколько сотен участников. На форуме было принято обращение, в котором участники призывали общественность с помощью давления повлиять на руководство страны ради разоружения. Этот документ получил название «крефельдский призыв», и первыми его подписали, кроме инициаторов форума, большая группа известных деятелей культуры, науки и искусства. Призыв подействовал: в демонстрациях и митингах приняли участие сотни тысяч участников. В июне 1981 г. под «крефельдским призывом» стояло уже больше 1 млн. подписей, что свидетельствовало об огромном потенциале антиракетного движения, в котором активную роль играли «зеленые» [1, с. 124].

Как показывает опыт ФРГ, экологические движения, партии и неправительственные организации в современном мире являются активными акторами, которые действуют в интересах устойчивого развития. Сегодня их деятельность по снижению глобальных и национальных экологических рисков уже не может ограничиваться только экологическими акциями. Глобализация экологических проблем требует концентрации усилий на деятельности, связанной с экологизацией органов государственной власти и местного самоуправления, СМИ, политических партий, профсоюзов и других общественных организаций. Только при таком подходе будут создаваться условия для того, чтобы государство проводило рациональную экологическую политику, стало активным субъектом устойчивого развития, способного изменить негативную тенденцию в развитии глобальной экологической ситуации.

Литература

1. «Зеленые»: идеология и политика. М.: Политиздат, 1985. 346 с.
2. Наше общее будущее. Доклад Международной комиссии по окружающей среде и развитию ООН. М.: Право, 1989. 86 с.
3. Обзор изменений состояния окружающей среды 2006. Ежегодник ГЭП. ЮНЕП. Программа Организации Объединенных наций по окружающей среде. Мальта: ProgressPressLtd, 2006. 82 с.
4. Теркулов Ю.К. Экологический императив. Философский анализ. М.: Изд-во МГУ, 1996. 224 с.
5. World Conversation Strategy: Living Resource Conversation for Sustainable Development. IUCN // UNEP // WWF. 1980. 86 p.

ЕВГЕНИЙ СЕНЮШКИН

УПРАВЛЕНИЕ ПОЛИТИЧЕСКИМИ РИСКАМИ КАК ТЕОРЕТИЧЕСКАЯ ПРОБЛЕМА

Проблематика, связанная с управлением политическими рисками, несмотря на всю свою актуальность, не может считаться всесторонне исследованной в современных научных изысканиях. Методология и методики управ-

ления политическими рисками стали разрабатываться в конце 1950-х годов преимущественно крупными западными корпорациями и специализированными консультативными центрами для оценки влияния политических факторов на перспективы инвестиционной и другой коммерческой деятельности.

Из зарубежных исследователей, занимающихся проблемой управления политическими рисками, наиболее существенный вклад в данное направление внёс американский политолог С.Кеннеди [1]. В российской политологии исследования политических рисков наиболее полно представлены в работах В.В.Гришаева [2].

В данной статье будет предложено авторское видение проблемы теоретико-методологического обоснования проблемы управления политическими рисками.

В самом общем смысле понятие «риск» может быть интерпретировано как возможная опасность [3]. Следовательно, политические риски связаны с возможными опасными проявлениями политического фактора. Проблематика, связанная с политическими рисками, имеет тройное измерение: риски конкретного гражданина, риски государства и риски социальных групп. С точки зрения конкретного человека или социальной группы риски связаны с ущемлением или нарушением основных прав, как индивидуальных, так и коллективных. С точки зрения государства риски связаны с возможными препятствиями или опасностями для достижения национальных интересов.

Так как политический фактор тесно связан с экономическими, демографическими, геополитическими, религиозными, социально-психологическими и другими процессами, проблему управления политическими рисками целесообразно исследовать при помощи системного подхода.

Система — слово греческое, буквально означает «целое, составленное из частей». В другом значении — «порядок, определенный правильным расположением частей и их взаимосвязями» [4].

Для системного метода характерно целостное рассмотрение определенной совокупности объектов — материальных или идеальных — при котором выясняется, что их взаимосвязь и взаимодействие приводят к возникновению новых интегративных свойств системы, которые отсутствуют у составляющих ее объектов [5].

При этом система представляет собой абстрактную схему в виде множества конкретных элементов (или их абстрактных представителей с определенным числом и видом отношений между этими элементами — структурой системы). Важно подчеркнуть, что любой предмет сам по себе системой не является, системой его делает наше моделирование в качестве такового.

Термин «системный подход» содержательно отражает группу методов, с помощью которых реальный объект описывается как совокупность взаимодействующих элементов. Эти методы развиваются в рамках отдельных научных дисциплин и общенаучных концепций, являются результатом междисциплинарного синтеза [6].

В каждом конкретном случае для характеристики системы необходимо выявить механизм, с помощью которого осуществляется взаимодействие между элементами системы. Системный подход предполагает анализ как системы

в целом, так и подсистем, из которых она состоит. В этом случае одной из версий системного подхода можно считать структурный функционализм, основателем которого является американский теоретик Т. Парсонс. Согласно Т. Парсонсу, общество можно рассматривать как систему, состоящую из различных подсистем, каждая из которых выполняет свою, отличную от других функцию. Выполнение этих функций каждой подсистемой обеспечивает функционирование других подсистем, благодаря чему достигается эффект когерентности и система в целом функционирует в соответствии с изначально заданными параметрами. При этом главным отправным пунктом является понятие социальных систем действия. Имеется в виду, что взаимодействие индивидов происходит таким образом, что этот процесс взаимодействия можно рассматривать как систему в научном смысле и подвергать ее теоретическому анализу, успешно примененному к различным типам систем в других науках [7].

Рассматривая методологические возможности структурного функционализма для изучения проблемы управления политическими рисками, подчеркнем, что подсистемы встречаются в иерархически организованных системах. Связь и взаимодействие элементов таких систем обеспечивается структурой системы. В свою очередь, структура социальной системы рассматривается в контексте функционального измерения подсистем, что и позволило Парсонсу использовать для нового теоретического направления, основанного им, название «структурный функционализм».

Согласно Парсонсу, «любую систему, с одной стороны, можно представить как структуру, т. е. ряд единиц, или компонентов, со стабильными свойствами..., а с другой стороны, как события, процессы, в ходе которых «нечто происходит», изменяя некоторые свойства и отношения между единицами» [8]. При этом структуру системы и ее окружения следует отличать от процессов внутри системы и процессов взаимодействия между системой и ее окружением.

Исследователи, работающие в рамках системного подхода, выделяют разные типы систем. Для исследования проблемы управления политическими рисками целесообразно рассмотреть два типа — сложные и сверхсложные системы. По мнению С. Лебедева, для сложной системы характерны следующие свойства:

1. Система состоит из достаточно большого количества элементов и/или свойств, связей и отношений.
2. Структура и поведение системы не могут быть описаны имеющимися средствами полностью и/или однозначно.
3. Изменения в системе не могут быть описаны линейными математическими уравнениями [9].

Наличие первого признака характерно для онтологически сложных систем, к числу которых относят системы, имеющие либо сетевую структуру, либо уровневую организацию, или состоящие из огромного числа элементов.

Существуют также сверхсложные системы, которые состоят из нескольких сложных систем и обладают высокой степенью организованности и самоуправления. К числу сверхсложных систем исследователи относят биосферу,

общество, государство, национальные и мировые экономики, культуру и т. п. Все сверхсложные системы функционируют по своим собственным внутренним законам, обладают большим запасом энергии и способностью к эволюции.

Применение системного метода к исследованию проблематики, связанной с управлением политическими рисками, позволяет наиболее продуктивно использовать возможности абстрактного мышления. Это связано с тем, что объект политологического исследования с самого начала строится как системный, причем системность этого объекта не дана исследователю изначально, а задается в ходе его методолого-теоретического конструирования. Таким образом, в контексте исследования разнообразных факторов, влияющих на формирование политических рисков, становятся возможными переосмысление и конкретизация методологического содержания таких понятий системного подхода, как «связь», «организация», «целостность».

Таким образом, системное видение процесса управления политическими рисками предполагает целостное рассмотрение ключевых факторов, формирующих рисковое пространство политики. При этом система управления политическими рисками на этапе теоретического обоснования может быть представлена как абстрактная схема в виде множества конкретных элементов (структура системы). Структурирование данной системы может быть основано на выявлении подсистем и их функционального взаимодействия. В качестве подсистем можно рассматривать риски, возникающие в сфере экономики, культуры, религии, социальной жизни, демографии, геополитики и др.

Наряду с использованием системного подхода заявленная тема в качестве дальнейших перспектив исследования проблемы управления политическими рисками может быть ориентирована на применение сетевого подхода, позволяющего проследить зависимость возникновения политических рисков от особенностей обмена различными видами ресурсов между сетевыми акторами, участвующими в формировании политического пространства.

Литература

1. Kennedy C. Political Risk Management. New York, 1987.
2. Гришаев В.В. Риск и общество. (Дискуссия о понятии риска и библиография). М., 2002.
3. Словарь русского языка. Сост. С.И.Ожегов. М.: Государственное издательство иностранных и национальных словарей. М., 1953. 848 с. С. 626.
4. Сурмин Ю. П. Теория систем и системный анализ : учеб. Пособие. К. : МАУП, 2003. 368 с. С.3.
5. Рузавин Г. И. Методология научного исследования : учеб. пособие для вузов. М. : ЮНИТИ-ДАНА, 1999. 317 с. С.276.
6. Там же. С.3.
7. Парсонс Т. Система координат действия и общая теория систем действия: культура, личность и место социальных систем // Американская социологическая мысль: Тексты. М. : Изд-во МГУ, 1994. С. 448—464. С. 448.
8. Там же. С. 448.
9. Лебедев С. А. Философия науки: краткая энциклопедия (основные направления, концепции, категории): научное издание. М. : Академический Проект, 2008. 692 с. С.251.

**АЛЬТРУИЗМ КАК ФАКТОР СОЦИАЛЬНЫХ
ВЗАИМОДЕЙСТВИЙ**

Особенность развития современной цивилизации обусловлена проявлением исторической памяти о тех событиях, которые произошли в XX веке и были насыщены различными идейными наслоениями и активизацией научно-технического прогресса в материально-техническом обеспечении общественной жизни. Начало XX века характерно сохранением традиционных способов жизни людей, обусловленных сложившимися способами передачи опыта из жизни предшествующих поколений на основе семейных и родственных отношений, так как отношения между семьями способствовали развитию доверительности и информативности, а также активизации познания окружающего мира. Жизнедеятельность людей была основана на общинном способе управления социальными и политическими процессами. Информация существовала в форме частных сообщений между семьями и близкими знакомыми в письменной или устной форме. Письма носили особый стиль изложений, который был характерен сословному положению граждан, ибо грамотность определялась классовым сословием, так как образование было доступно ограниченному кругу лиц, в зависимости от сословной принадлежности.

Переход к социалистическим принципам организации жизни людей после октябрьской социалистической революции привел к совершенно новым формам взаимоотношений. Эти изменения характерны ростом городского населения в общей структуре, в связи с ростом промышленного потенциала Украины. Так, соотношение городского населения в Украине с 1913 по 1970 гг. качественно изменилось и характеризуется активными темпами урбанизации. Если в 1913 г. уровень городского населения был всего лишь 10%, то в последующие периоды наблюдается тенденция ускоренного роста городского населения. Так, в 1940 г. его доля составила 34%, в 1959 г. – 46%, в 1966 г. – 51% и в 1970 г. – 55% [1, с. 11]. Как видно из приведенных данных, процесс урбанизации в довоенный период к уровню 1913 г. составил 179%, т.е. повысился в 1,79 раза. Этому развитию способствовал социалистический способ организации общественной системы в советской Украине. Развитие урбанизации в Украине характерно и в последующие периоды. Период для исследований определен теми факторами, которые характерны историческим условиям подъема экономики и обусловлены мирным развитием социальной среды, т.е. из анализа исключен период оккупации Украины в годы Великой Отечественной войны.

Таким образом, с 1959 г. по 1970 г. уровень урбанизации в Украине увеличился в 1,2 раза, или на 119,56%. Эти данные подтверждены приведенным расчетом соотношений приведенных показателей - $(55:46 \times 100) = 119,56\%$. Активизация процесса урбанизации сопровождалась ростом промышленности, механизацией сельскохозяйственного производства и активным увеличением доли интеллигенции в составе трудовых ресурсов, так как рост качественных признаков в общественном развитии требовал внедрения научных методов в

организации труда и социального развития общественной среды. Эти факторы были обусловлены значительным ростом контингента учащихся в общеобразовательной сети учебных заведений в Украине. Об этом свидетельствуют данные, приведенные по тексту проведенных исследований за период 1940–1970 гг. Всеобщее образование в условиях советского периода было обязательным, в зависимости от этапов социально-экономического развития в Украине. Проведенные исследования показали следующие результаты по вовлечению детей в систему образовательной деятельности. Так, число детей, охваченных школами всеобщего образования, составляло: в 1940/41 учебном году – 6830,0 тыс. чел., в 1950/51 учебном году – 7134,0 тыс., в 1960/61 учебном году – 6722,0 тыс., в 1965/66 учебном году – 8671,0 тыс., в 1968/69 учебном году – 8459,0 и в 1969/70 учебном году – 8480 тыс. детей. Средний темп роста числа учащихся в общеобразовательной сети за период с 1940 по 1970 гг. составил 1,154 раза. Таким образом, во всех типах общеобразовательной сети число учащихся за исследуемый период увеличилось на 15,4%. Это обусловлено тем, что дети были учтены по микрорайонам жизни населения Украины и был организован государственный контроль по вовлечению детей в сеть народного образования независимо от национальных и иных признаков социальной принадлежности. Рост объемов промышленного и сельскохозяйственного производства требовал постоянного кадрового обеспечения, которое способствовало тенденции роста функционирования профессиональных учебных заведений, - профессионально-технического среднего и высшего уровня образовательной деятельности. Показатели по системе высшего образования в Украинской ССР по состоянию на начало учебного года характеризуется следующими данными: в 1940/41 число учебных заведений – 173, а число обучающихся в них 198,6 тыс. чел., в 1950/51 учебном году соответственно 160 и число студентов в них 201,6 тыс. чел., в 1960/61 учебном году – 135 учебных заведений и 417,7 тыс. обучающихся, в 1965/66 учебном году действовало 132 учебных заведения и обучалось в них 690,1 тыс. студентов, в 1968/69 учебном году действовало 138 учебных заведений с общим контингентом 792,2 тыс. человек, а в 1969/70 учебном году – 138 учебных заведений с общим контингентом обучающихся в них 804,1 тыс. чел.

Как видно из приведенной динамики функционирования высших учебных заведений, происходили существенные изменения, а именно учебные заведения уменьшились на 35 единиц, а число студентов увеличилось на 607,3 тыс. чел. или на 308,59%, т.е. в три с лишним раза. Эти данные свидетельствуют о качественных изменениях в системе образовательной деятельности, обусловленных концентрацией и специализацией учебных заведений в соответствии с потребностями подготовки кадрового потенциала. Рост подготовки специалистов с высшим образованием требовал качественного роста научно-педагогического персонала. Это способствовало росту педагогического мастерства и постоянного совершенствования методов обучения подрастающего поколения. Так, по данным статистики в советский период, численность научных работников в анализируемом периоде характеризуется следующими данными: число научных работников составляло в 1940 г. 19304 чел., в 1950 – 22363, в 1960 году – 46557, в 1965 – 93984 и в 1968 – 114142 чел., в 1969 г. чис-

ло научных работников составило 122754 чел., из них докторов наук – 2867 и кандидатов наук 30296. Как видно из приведенных данных за период с 1940 по 1969 гг. наблюдается постоянный рост научно-педагогического персонала в Украине и за исследуемый период их число возросло в 6,36 раза. При этом почти половину научных работников составляли остепененные сотрудники, при этом большая доля принадлежит докторам наук. Социалистическая система создала объективные условия для развития человека как социального, так и политического субъекта, ибо власть при социализме принадлежала народу, а материальное и духовное развитие человека определялось закрепленными в конституции гарантиями прав и обязанностей в обеспечении образования, здравоохранения, социальной защиты, труда, жилищного и социально-культурного развития каждого человека за счет фондов общественного потребления.

В условиях социалистического развития оставалась на высоком уровне система медицинского обслуживания населения. Так с 1940 по 1969 гг. обеспеченность населения врачебным персоналом в расчете на десять тысяч населения составила в 1940 году 8,4 (по СССР – 7,9); в 1950 г. – 13,9; в 1960 г. – 19,8; в 1965 г. – 24,2, в 1968 г. – 26,0 и в 1969 г. – 26,7 единиц [1, с.728]. Как видно из приведенных данных, уровень числа врачебного персонала постоянно возрастал и к 1969 г. его уровень увеличился в 3,18 раза. При этом в 1941–1944 гг. Украина понесла большие потери в связи с оккупацией фашистской Германией во время Великой Отечественной войны и врачебная помощь требовалась на восстановление здоровья военнослужащих и мирного населения, пострадавшего от военных действий в условиях оккупации. Как видно из приведенных данных, в 1950 г. число врачей на 10000 чел. населения увеличилось в 1,65 раза (13,9/8,4). Это свидетельствует о высоком уровне воздействия социалистической системы на социальное развитие Украины в составе СССР. Можно перечислять и другие аспекты проявления альтруизма в качестве позитивного ресурса социального развития в Украине. Альтруизм был внедрен как элемент социального действия в интересах достижения гармоничного развития каждого человека в равных условиях достижения целей жизни каждым человеком по его интересам, так как он был обеспечен всеми благами из общественных фондов потребления и, в первую очередь, из государственного бюджета. Общественные фонды потребления (кроме бюджета) создавались из финансовых ресурсов профсоюзного бюджета, прибыли предприятий как государственных, так и коллективных, и кооперативных. При этом частная форма собственности отсутствовала, так как на право пользования личными доходами действовали гражданские права личной собственности, обеспеченные правовыми нормами регулирования доходов и расходов граждан на личные потребности в интересах каждого с учетом целевых установок государства. Частная собственность в СССР была устранена к 1920 г. Об этом свидетельствует характеристика классового состояния населения СССР в сравнении с 1913 г. В 1913 г. в составе населения рабочие и служащие составляли 17%, крестьяне – единоличники – 66,7%. Буржуазия, помещики, торговцы и кулаки – 16,3%, а в 1939 году – рабочие и служащие 50,2%, колхозное крестьянство и кооперированные кустари – 47,2%, крестьяне-единоличники- 2,6% [1, с. 30].

Таким образом, социализм способствовал развитию альтруизма в проведении социальной политики на основе предпочтения роста материального и социально-политического благосостояния населения на основе улучшения качества жизни человека и преодоления классового подхода в формировании общественно-политического строя в достижении социального и политического равенства человека. Современные идеологи пытаются исказить роль социализма и внушить современной молодежи «прелести» капитализма на основе внедрения рыночного механизма в регулировании экономики на основе действия частной формы собственности и капитала. В современных условиях рынка предпочли альтруизму авторитаризм и плюрализм. Первый активно проявился в политических протестах и массовых акциях в Киеве, начиная с 28 ноября 2013 г. и привёл к нестихающим процессам гражданского противостояния в первой половине 2014 г. Следовательно, нарушение принципов альтруизма в социально-политической стратегии государства ведет к катаклизмам и кризисам в развитии экономики, социальной политики и деградации отдельных социальных категорий граждан.

Литература

1. Народное хозяйство СССР в 1969 году // Статистический ежегодник. М.: Статистика, 1970.

ТАТЬЯНА СЕНОШКИНА

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ОРГАНОВ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ВЛАСТИ И ОБЩЕСТВЕННЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ КАК ЭЛЕМЕНТ СИСТЕМЫ РАННЕГО ПРЕДУПРЕЖДЕНИЯ ЭТНИЧЕСКИХ КОНФЛИКТОВ

Публикация подготовлена в рамках поддержанного РГНФ научного проекта № 15-31-10178 «Этническая и этнополитическая карта Крыма. Организация мониторинга и раннего предупреждения этнических и религиозных конфликтов» (рук. В.Ю.Зорин).

Организация эффективного и результативного этноконфликтологического менеджмента предполагает выявление и исследование ключевых структурно-функциональных элементов системы управления этническими конфликтами. Одним из элементов данной системы является раннее предупреждение этнических конфликтов.

Раннее предупреждение этнических конфликтов следует рассматривать как систему комплексной деятельности, основным элементом которой является этнологический мониторинг. Этнологический мониторинг чаще всего рассматривается как система сбора и анализа информации, касающейся потенциального развития конфликтности в многоэтническом обществе. Эффективный этнологический мониторинг в системе государственного управления этнополитическими процессами повышает надежность системы информационно-аналитического обеспечения деятельности органов государственной власти на всех уровнях управленческой иерархии. Своевременная и достоверная

информация о текущих изменениях в этнополитической ситуации позволяет принимать своевременные и оптимальные управленческие решения. В результате мониторинга статистическая и аналитическая информация объективно превращается в инновационный продукт, что, в свою очередь, существенно влияет на эффективность государственного управления [1, с. 189].

Наряду с этнологическим мониторингом важную роль в системе раннего предупреждения конфликтов, возникающих на этнической и религиозной почве, играет сотрудничество органов государственной власти и общественных организаций, созданных по национальному признаку. Такое сотрудничество, особенно на локальном уровне, дает позитивные результаты при решении этнических проблем. Рассматривая этот вопрос, целесообразно обратиться к зарубежному опыту.

Югославский опыт взаимодействия местных органов власти и общественных организаций национальных меньшинств показывает, что в этом регионе найдены эффективные механизмы взаимодействия органов государственной власти и институтов гражданского общества. В частности, органами власти совместно с представителями общественных организаций, созданных по национальному признаку, разрабатываются и внедряются разнообразные инициативы, цель которых – интегрировать национальные меньшинства в социальную, культурную, политическую жизнь местных сообществ и обеспечить мирный характер межэтнического взаимодействия на конкретной территории.

Среди таких мероприятий – формирование собственных автономных управленческих органов национальных меньшинств (Словения); финансовая поддержка деятельности организаций национальных меньшинств (Словения, Босния и Герцеговина, Хорватия); билингвистические программы в детских садах, а также программы, обеспечивающие равные образовательные возможности (с учетом изучения этнических языков) для меньшинств; проект социальной интеграции цыган (Македония); семинары для управленцев по этническому менеджменту; общественные инициативы по интеграции и формированию доверия между местным населением и беженцами (Босния и Герцеговина); программа выстраивания отношений взаимного доверия между детьми и молодежью из числа беженцев и иммигрантов, которые возвращаются в Хорватию из тех регионов бывшей Югославии, где велись военные действия, в частности из Боснии и Герцеговины; создание молодежных клубов с целью сохранения позитивных межэтнических отношений (Союзная Республика Югославия).

Зарубежный опыт взаимодействия органов государственной власти и общественных организаций национальных меньшинств свидетельствует о том, что решение этнополитических проблем осуществляется более эффективно при использовании общественных структур в реализации национальной политики.

Сказанное выше подтверждается также опытом деятельности национально-культурных общественных организаций в Республике Крым, где наблюдается повышение общественной и культурной активности национальных меньшинств, углубление процессов их самоорганизации. По данным министерства юстиции, на июль 2015 года в Крымском федеральном округе офици-

ально зарегистрировано 90 национально-культурных общественных организаций, в том числе 9 региональных национально-культурных автономий, имеющих местные филиалы в городах и районах Крыма. Региональные национально-культурные автономии в Крыму создали азербайджанцы, армяне, болгары, греки, евреи, караимы, молдаване, немцы, эстонцы. В период регистрации региональных национально-культурных автономий (НКА) в общественном дискурсе Крыма отмечались дискуссии о целесообразности создания украинской национально-культурной автономии в Крыму, однако эта идея не была реализована.

Организационные механизмы реализации государственной национальной политики в Крыму в первую очередь связаны с деятельностью Государственного комитета по делам межнациональных отношений и депортированных граждан Республики Крым. Одним из приоритетных направлений в деятельности Государственного комитета является реализация Указа Президента Российской Федерации от 21.04.2014 №268 «О мерах по реабилитации армянского, болгарского, греческого, крымско-татарского и немецкого народов и государственной поддержке их возрождения и развития», основная цель которого - восстановление исторической справедливости, устранение последствий незаконной депортации этих народов Крыма.

С целью реализации данного указа распоряжением Совета министров Республики Крым от 27.05.2014 №436-р утвержден План мероприятий, которым предусмотрен комплекс мер по разработке нормативно-правовых актов, регламентирующих вопросы в сфере межнациональных отношений, обустройства, социально-культурной адаптации репатриантов, образования на государственных языках Республики Крым и изучения армянского, болгарского, новогреческого, крымскотатарского и немецкого языков, а также реализации мероприятий, направленных на удовлетворение социальных и этнокультурных потребностей репрессированных народов.

Взаимодействие общественных организаций национальных меньшинств с органами республиканской исполнительной власти и местного самоуправления является одним из приоритетов реализации национальной политики в Крыму. Для того, чтобы убедиться в сказанном выше, мы проанализировали «Отчёт об итогах деятельности Государственного комитета по делам межнациональных отношений и депортированных граждан Республики Крым в курируемой отрасли за 2014 год», размещённый на официальном сайте этого органа государственной власти.

Как следует из текста отчёта, «государственный комитет при осуществлении своей деятельности руководствуется основами государственной национальной политики Российской Федерации, в соответствии с которыми обеспечение равных прав и свобод в вопросах самореализации и сохранении идентичности, развития культуры, традиций и языков всех этнических групп и народов, составляющих многомиллионное население России, является залогом сохранения и развития стабильности и прогнозируемости в сфере межнациональных и межконфессиональных отношений».

Согласно тексту отчёта, основными задачами Государственного комитета 2014 году являлись:

- сохранение и развитие исторически сложившегося государственного единства многонационального народа Республики Крым;
- профилактика и противодействие проявлениям ксенофобии, экстремизма и дискриминации на этнической и религиозной почве, повышение уровня толерантности в обществе;

- комплексное решение вопросов восстановления исторической справедливости, политического, социального и духовного возрождения репрессированных народов;

- создание благоприятных условий для сохранения и развития национальной, культурной, языковой самобытности народов, проживающих на территории Республики Крым.

Для реализации этих целей был утверждён Комплекс мер по восстановлению исторической справедливости, политическому, социальному и духовному возрождению армянского, болгарского, греческого, крымско-татарского и немецкого народов, подвергшихся незаконной депортации и политическим репрессиям по национальному и иным признакам на 2014-2016 годы.

Комплексом мер предусмотрены мероприятия, направленные на обеспечение языковых, этнокультурных, образовательных потребностей репрессированных народов Крыма, обустройство мест их компактного проживания, а также разработка и обеспечение принятия нормативных, правовых актов, направленных на удовлетворение социальных потребностей народов Крыма, возвратившихся в Республику Крым из мест депортации и др.

Постановлением Правительства Российской Федерации от 11.08.2014 № 790 утверждена федеральная целевая программа «Социально-экономическое развитие Республики Крым и г.Севастополя до 2020 года», в соответствии с которой на меры, направленные на национально-культурное и духовное возрождение армянского, болгарского, греческого, крымско-татарского и немецкого народов, а также на социальное обустройство территории Республики Крым и г.Севастополя в период 2015-2020 гг. предусмотрено 10 321,74 млн.руб.

10 декабря 2014 года Государственным Советом Республики Крым принят Закон «О мерах социальной поддержки отдельных категорий граждан и лиц, проживающих на территории Республики Крым», в соответствии с которым гражданам из числа лиц, подвергшихся необоснованным репрессиям по политическим мотивам и впоследствии реабилитированных, и гражданам, признанным пострадавшими от политических репрессий в соответствии с Законом Российской Федерации от 18 октября 1991 года №1761-1 «О реабилитации жертв политических репрессий» предоставлено право на получение льгот, предусмотренных Законом Российской Федерации «О реабилитации жертв политических репрессий».

Постановлением Государственного Совета Республики Крым от 24.12.2014 №379-1/14 в соответствии с Законом Российской Федерации от 18 октября 1991 г. № 1761-1 «О реабилитации жертв политических репрессий» и постановлением Президиума Верховного Совета Российской Федерации от 30 марта 1992 г. № 2610-1 «Об утверждении Положения о комиссиях по восстановлению прав реабилитированных жертв политических репрессий» образова-

на Комиссия Республики Крым по восстановлению прав реабилитированных жертв политических репрессий.

Государственным Советом Республики Крым 24.12.2014 принят Закон Республики Крым «О предоставлении земельных участков, находящихся в государственной и муниципальной собственности, и некоторых вопросах земельных отношений», в соответствии с которым одними из льготных категорий граждан, имеющих право на приобретение земельных участков являются лица, признанные подвергшимися политическим репрессиям и подлежащими реабилитации либо пострадавшими от политических репрессий.

В соответствии с Указами Главы Республики Крым в 2014 году главные праздники для мусульман Ораза байрам и Къурбан байрам объявлены нерабочими праздничными днями в Республике Крым.

Пытаясь найти ответ на интересующий нас вопрос – каким образом в 2014 году осуществлялось взаимодействие органов государственной власти и общественных национально-культурных организаций, мы обратили внимание на утверждение авторов отчёта о том, что «система реализации госнацполитики, сложившаяся в нашей республике в 2014 году ... является одной из показательных и образцовых». Пытаясь выяснить особенности показательности и образцовости данной системы, мы узнали из данного текста, что «в 2014 году Государственный комитет наладил конструктивные, партнерские отношения между национально-культурными организациями и органами власти, а также оказывал всестороннюю поддержку деятельности национально-культурных объединений Республики Крым, направленной на реализацию общественно значимых программ национально - культурного развития, сохранение и поддержание традиций, культуры, языка, национального своеобразия народов Республики Крым и укрепления гражданской идентичности российской нации».

В отчёте указано также, что в течение 2014 года сотрудники Государственного комитета и представители национально-культурных обществ активно сотрудничали с представителями силовых структур, министерств и ведомств республики в рамках реализации мероприятий по профилактике экстремизма и терроризма в Республике Крым.

Кроме этого, как следует из текста отчёта, при организационной и финансовой поддержке Государственного комитета по делам межнациональных отношений и депортированных граждан Республики Крым были проведены следующие мероприятия: дни французской, чешской, караимской, крымчакской, немецкой, болгарской, армянской, греческой культур; мероприятия, приуроченные ко Дню памяти жертв депортации из Крыма; национальный греческий праздник «Панаир»; национальный праздник «Всекрымский Сабантуй-2014»; армянский церковный праздник «Вардавар»; международный турнир по борьбе Куреш; мероприятия, посвященные празднованию 700-летию мечети Хана-Узбека; греческий национальный праздник «День Охи»; мероприятия, посвященные ко Дню памяти крымчаков и евреев жертв нацизма; фотовыставки «Таврида-благодатный край», «Многонациональный Крым»; фестиваль «Долина дружбы» в с. Доброе Симферопольского района и другие мероприятия.

В результате, подводя итоги деятельности Крымского Госкомнаца за 2014 год, авторы отчёта пришли к выводу, что «в целом можно констатировать стабильную ситуацию в сфере межнациональных отношений в Республике Крым».

Анализируя подобные документальные тексты, предоставленные органами власти для публичного ознакомления, можно предположить, что взаимодействие национально-культурных общественных организаций с органами государственной власти в реальной практике осуществляется успешно, что находит своё проявление в сотрудничестве при разработке и реализации национальной политики.

Наряду с этим, как показывает анализ публикаций и социологических исследований, это взаимодействие нередко носит формальный, или декларативный характер. Кроме того, следует отметить, что национально-культурные общества, как правило, функционируют благодаря усилиям небольшого количества энтузиастов, которые по типу личности принадлежат к высоко мобильным, что может создавать определенный резонанс в обществе и приводить к позитивным эффектам гражданского развития в целом [2, с. 266]. Поэтому, рассматривая вопросы развития национально-культурных общественных организаций и их взаимодействия с органами власти, мы сосредоточим основное внимание на некоторых проблемах.

Для выявления проблемного поля в сфере взаимодействия органов государственной власти и национально-культурных объединений целесообразно обратиться к результатам социологических исследований.

В мае 2015 года экспертами Сети этнологического мониторинга и раннего предупреждения конфликтов (ЕАWARN) был проведён экспертный опрос представителей общественных и муниципальных организаций, функционирующих в Крымском Федеральном округе, деятельность которых связана с межнациональными отношениями и этнокультурными процессами.

Опрос был организован в рамках поддержанного РГНФ научного проекта № 15-31-10178 «Этническая и этнополитическая карта Крыма. Организация мониторинга и раннего предупреждения этнических и религиозных конфликтов» (рук. В.Ю.Зорин). В опросе приняли участие 56 экспертов, представляющих 11 городов и районов Республики Крым и города Севастополя.

В ходе анализа данных, полученных в результате опроса, исследовательским коллективом были обобщены экспертные оценки, и сделаны выводы, связанные с возможностями и основными проблемами во взаимодействии общественных организаций национально-культурного характера и органов власти как регионального, так и федерального уровня с целью предупреждения этнических и религиозных конфликтов.

Большинство экспертов (83, 9 %) считают, что в городе, в котором они живут, существует необходимость в разработке специальной политики, связанной с ранним предупреждением конфликтов. В данном случае можно говорить о том, что наряду с мерами государственного регулирования федерального и республиканского уровня, необходимо разрабатывать превентивные меры на муниципальном уровне, учитывая специфику местного сообщества в каждом городе, или районе. Этот вывод подтверждается анализом этнополитиче-

ских процессов в Крыму за последние годы, который показывает, что существуют явные различия в этнополитической динамике, связанные с особенностями местных сообществ. К примеру, территории на Южном берегу Крыма и в Симферопольском районе в прошлом являлись зонами повышенной этнополитической конфликтности, что связано с конкуренцией за доступ к земельным ресурсам. Город Севастополь и прилегающие к нему районы также обладают этнополитической спецификой, связанной с наличием в прошлом в городской черте военных флотов двух государств. Такие города как Белогорск и Бахчисарай отличаются высокой плотностью компактного проживания крымско-татарского населения, что отражается на электоральной активности местного населения и должно учитываться при прогнозировании результатов избирательного процесса. Всё это подтверждает вывод о необходимости учёта местной специфики при разработке механизмов раннего предупреждения этнических и религиозных конфликтов.

Подтвердив важность и значение деятельности органов государственной власти, связанной с предупреждением этнических конфликтов, экспертный опрос выявил разброс мнений в оценке фактического состояния этой сферы государственной политики. Почти треть экспертов (26,8%) считает, что в городе, в котором они живут, мероприятия, связанные с предупреждением межнациональных конфликтов, вообще не проводятся. При этом 39,3 % опрошенных экспертов указали, что подобные мероприятия проводятся, но редко. А 25% экспертов считают, что такие мероприятия проводятся регулярно. Подобный разброс мнений может быть связан с тем, что экспертам из числа представителей муниципальных органов власти пришлось оценивать свою собственную деятельность, и в этом случае оценки могут носить субъективный характер.

Использованные выше фрагменты анализа результатов экспертного опроса свидетельствуют о том, что взаимодействие органов государственной власти и общественных организаций национально-культурного характера характеризуется не только положительной динамикой. Существуют и проблемы в этих взаимоотношениях, как и в любом типе социального взаимодействия.

Подводя итог, отметим, что анализ развития этнополитических и этносоциальных процессов в Крыму подтверждает наличие этноконфликтного потенциала в местном сообществе. Учитывая высокий ресурсный потенциал полуострова и прилегающей к нему акватории Черного моря, а также геополитическую конкуренцию в Черноморско-Каспийском регионе, можно предположить, что этнический и религиозный факторы будут использоваться основными геополитическими игроками в их борьбе за влияние на дальнейшее развитие Крыма. В связи с этим нельзя исключить временного обострения этнополитической и межконфессиональной обстановки, для которой характерен уже накопленный за последние годы конфликтный потенциал.

С целью нивелирования рисков, связанных с этнополитическим и этносоциальным конфликтным потенциалом Крыма, органами государственной власти совместно с институтами гражданского общества необходимо отказаться от декларативности в своей деятельности. Целесообразно разработать конкретные механизмы снижения межэтнической напряженности, основанные на

объединении реальных возможностей и ресурсов общественных организаций и органов муниципальной власти.

Деятельность общественных организаций и органов муниципальной власти в сфере разработки и реализации национальной политики должна быть подкреплена качественной научной экспертизой, которая может полноценно осуществляться при объединении усилий представителей государственных информационно-аналитических структур и независимого экспертного сообщества. Наряду с этим целесообразно проанализировать состояние и качество этноконфликтологической экспертизы, осуществляющейся в Крыму, а также разработать критерии оценки профессионализма кадров, работающих в системе информационно-аналитического обеспечения органов государственной власти.

Литература

1. Сеньюшкина Т.А. Информационная поддержка принятия управленческих решений в условиях этнополитической конфликтности в Крыму // ПОЛИТЭКС. 2014. Т. 10. № 2. С.185-198.

2. Сеньюшкина Т.О. Попередження та врегулювання етнічних конфліктів: державно-управлінський вимір. Проблеми теорії, методології, практики. Монографія. Одеса: ОРІДУ НАДУ, 2005. 368 с.

ТАТЬЯНА СЕНЮШКИНА

ФЕНОМЕНОЛОГИЯ ГЕОПОЛИТИЧЕСКОГО ВЫБОРА: К ВОПРОСУ О КОНСТРУИРОВАНИИ ИНДИВИДУАЛЬНЫХ И КОЛЛЕКТИВНЫХ УГРОЗ В ПРОСТРАНСТВЕ ЖИЗНЕННОГО МИРА

Целью данной статьи является обоснование тезиса, в соответствии с которым геополитический выбор государства, который, как правило, навязывается обществу правящей элитой, в ряде случаев может корректироваться индивидуальным и коллективным геополитическим выбором, в частности, в условиях, когда он не совпадает, или приходит в противоречие с доминирующим или навязываемым правящей элитой несогласной части общества геополитическим выбором.

Для обоснования данного тезиса в предлагаемом докладе мы опираемся на феноменологический метод, который позволяет осмыслить индивидуальное и коллективное геополитическое мироощущение в пространстве жизненного мира, а также выявить значение и роль осознания на индивидуальном уровне угроз, как реальных, так и конструируемых при помощи СМИ, социальных сетей, и других каналов формирования общественного мнения.

В контексте сказанного выше, события, произошедшие в Украине в 2013–2014 гг., начиная с первой протестной акции студентов в центре Киева, вызванной неподписанием Украиной договора об ассоциации с ЕС, мы будем рассматривать в связи с воссоединением Крыма с Россией, которое произошло

в марте 2014 г. и состоявшимися 11 мая 2014 г. референдумами за независимость в Донецкой и Луганской областях.

Независимо от того, какую интерпретацию дают этим событиям политические оппоненты, их важность и уникальность сегодня вряд ли кто-то сможет отрицать.

Задача научного и аналитического сообщества, в отличие от политиков и журналистов, состоит в том, чтобы максимально объективно и непредвзято осмыслить происходящие процессы и представить реальную картину происходящего.

При этом следует учитывать, что изначально подписание Украиной соглашения об ассоциации с ЕС имело не только экономический смысл, но и геополитическую окраску. Подписание ассоциативного договора, основную часть которого составляют вопросы двусторонних отношений в сфере торговли, фактически погружало Украину в пространство безальтернативного геополитического выбора. Примечательно, что для большинства населения Украины этот, скрытый контекст соглашения, не озвучивался официальными политическими рупорами, однако, по мере развития политического и социального феномена под названием «Евромайдан», геополитический подтекст организации политических протестов в центре Киева становился всё более очевидным.

Следует отметить, что среди требований, которые были озвучены протестующими в Киеве, был представлен широкий спектр социально значимых для всего общества проблем, в частности, борьба с коррупцией и др. Однако в контексте темы нашего доклада мы не будем останавливаться на этих вопросах, сосредоточив основное внимание на геополитическом измерении проблемы.

Один из «неудобных» вопросов, который остаётся вне поля зрения сегодняшней украинской власти, заключается в том, какая часть населения Украины поддерживает курс правящей элиты на евроатлантическую интеграцию?

Проблемность ответа на этот вопрос заключается в следующем. На протяжении 23-х лет становления независимого государства украинскому обществу так и не удалось достигнуть консенсуса в отношении приоритетов внешнеполитического курса страны.

Это подтверждается данными ежегодного мониторинга «Украинское общество», который проводился Институтом социологии НАН Украины с 1992 г. [1]. Согласно данным опросов, позитивное отношение к вступлению Украины в ЕС ежегодно демонстрировали не более половины респондентов. Примечательно, что общий процент сторонников вступления Украины в ЕС снизился с 56,0% в 2000 г. до 41,4% в 2011 г. При этом количество респондентов, имеющих негативное отношение к идее вступления Украины в ЕС возросло более чем в два раза: с 9,6% в 2000 г., до 20,5% в 2011 г. Более трети респондентов в течение всего мониторингового периода затруднились с ответом, и этот сегмент общества, судя по опросам, за 20 лет также имел небольшую динамику, балансируя от 34,4% в 2000 г. до 38,1% в 2011 г.

Ещё более контрастной выглядит противоречивость взглядов украинцев на возможность вступления Украины в НАТО. Если в 2000 г. количество позитивно относящихся респондентов к идее вступления в НАТО составляло

24,9%, то в 2011 г. этот показатель снизился в два раза и составил 12,6%. В тоже время, количество респондентов, для которых характерно негативное отношение к идее вступления в НАТО в 2000 г. составляло 33,5%, а в 2011 г. этот показатель значительно увеличился и составил 54,7%. Следует отметить, что более трети респондентов затруднились с ответом, эта категория за 20 лет имела небольшую динамику снижения: от 41,5% в 2000 г. до 32,7% в 2011 г.

В тоже время, идею присоединения Украины к Союзу России и Белоруссии на протяжении всех лет независимости поддерживало более половины населения. В 1998 г. с этим вектором развития украинского государства были согласны 61,4%, в 2011 – 58,4%. Негативное отношение к этой идее ежегодно демонстрировали не более 20% (21,0% в 1998-м, 22,1% - в 2011 г.). Примерно 15% затруднялись с ответом на этот вопрос.

Таким образом, украинское общество в вопросе внешнего вектора развития страны разделилось ровно пополам. Соответственно, и восприятие угроз сформировалось у каждой половины общества соответственно представлениям об опасностях, которые исходят из разных географических и культурно-исторических пространств.

Отсутствие единства в обществе в представлениях о внешнеполитическом векторе развития должно было сориентировать правящую элиту на учёт мнения всех регионов, жители которых являются гражданами украинского государства. Однако, вопреки этому, народу Украины стал навязываться геополитический выбор доминирующей во власти на данный момент части политической элиты, которую поддерживает не более половины населения всей страны.

Цивилизационные противоречия украинского общества, основанные на религиозных, культурных, этнических и языковых различиях, разном историческом опыте и коллективной памяти, вплелись в ткань противоречий геополитического характера, что существенно обострило внутренний латентный конфликт и привело к его эскалации.

Пробуждённая на Майдане революционная энергия распространилась на юго-восточные области страны. Население крупных промышленных, культурных и научных центров, которые сконцентрированы в Донецке, Харькове, Луганске, Одессе и Мариуполе столкнулись с невиданными ранее проявлениями ненависти, агрессии и насилия.

Единственным исключением в этом смысле можно считать Крым, где ситуация развивалась по мирному сценарию. Существует несколько причин, которые позволили удержать крайне сложную и внутренне противоречивую крымскую ситуацию в русле мирного развития. Решающую роль в этом сыграли жители Крыма, каждый из которых сделал свой личный геополитический выбор, приняв тем самым участие в определении вектора развития крымского полуострова.

Наряду с этим, нельзя не учитывать этноконфликтный потенциал Крыма, который на данный момент «загнан внутрь» и может быть использован внешними силами в любой момент для расшатывания ситуации на полуострове. Эта угроза представляется сегодня нам наиболее опасной и требует разработки механизмов снижения напряжённости, связанной с тем, что часть местного

сообщества по разным причинам не поддержала воссоединение Крыма с Россией.

Литература

1. Українське суспільство. Двадцять років незалежності. Соціологічний моніторинг: У 2-х т. Т.2: Таблиці і графіки / За ред. С.І.Головахи, М.О. Шульги. К.: Інститут соціології НАН України, 2011.

SOFIA SYMKANYCH

ROLE OF MEDIA IN ETHNO-POLITICAL MOBILIZATION

We live in a world where most of the population is unsatisfied with its living conditions. The number of protests that occurred during last several years indicates this fact. In particular, during the last 7 years there has been more than 850 protests, in 87 countries, which makes more than 90% of world population. General tendency is that of growth, as from year to year more public upheavals occur. Many various factors contribute to this dissatisfaction, from economic and global injustice to political representation and people's rights issues (including rights of minorities). The profile of "typical" protester is also not easy to describe, different social and age groups are present, with and without previous involvement in political activism in a form of movements and organizations [1]. To link this variety of factors and actors of political and social life, provide objective coverage and conclusions, engage international community into discussion and make sure human rights are preserved - is the job of the media.

Free and independent media are vital component in every democratic society and societies striving on their path towards democracy. "The central role of media in promotion mass revolutions and political agendas is not a new phenomenon. This was evident in Martin Luther's ninety-five printed theses in the early Sixteenth century, and in more recent times in Ayatollah Khomeini's cassette tapes of the 1970s. In the contemporary Middle Eastern context, we cannot ignore the significant role Played by satellite television networks, especially Al-Jazeera, which has been broadcasting to the masses over the heads of the regimes since 1996" [2]. All kinds of media are politically important as they can reach big number of people. The influence of each particular kind of media varies. It depends on information load and quantity of people "consuming" information. Some messages might reach big audiences but effects of such transmission will be marginal, while other messages reach small but "right" audience (people that have power and influence) might cause significant change. Printed media provide the biggest amount of facts and analysis but they also require certain level of literacy. Television provides greater sense of reality and use of spoken language makes it more inclusive for different types of audiences [3]. These means of mass communication went through significant changes in recent years with expanding popularity of so called new media, and changing of the structure of message transmission to "many to many" [4]. "Instead of relying exclusively on professional journalists and photographers, newsrooms are increasingly using materials created by a variety of amateur sources, which arrive directly from the

scene of events. This requires making substantive changes in the structure of the editing and fact-checking of materials, but it also provides them with an unprecedented opportunity to be everywhere and get there quickly.” (Chorev) For example portal Syria untold, Sham News Network and others operating in Syria that aims to “check the credibility of every material they receive and providing a clear description and context for potential viewers [5].”

Usage of new media attracted attention of scholars, due to popular opinion that events such as Arab Spring revolutions, 2010 Iranian election protests and Occupy Wall Street movement were triggered by social network activity. Slogans such as “Twitter revolution” and “Facebook revolution” made headlines and were celebrated by “internet enthusiasts”. Academics, however, argue that role of these new media, while significant should not be overestimated. (Revolution 2.0) “Protests would have happened anyway [6]”. New media play significantly more important role at the beginning of the movement, they help “participants and spectators to produce and circulate protest-related content [7].”

The mechanism behind this rapid gathering is connected to the psychological impact of the social media outlets, which provide the individual at home or at an Internet café with confirmation that there are many others who share his or her views and anger. Therefore, if s/he were just to join the wave of protests, the chance that their goals will be achieved increases. (Chorev) However such “spark” that can be caused by social media, has, under proper circumstances the potential to become a powerful movement. The “circumstances” are long growing level of dissatisfaction and disappointment with political and economic situation in the country. Mass protests in Ukraine that started in November 2013 and are still unfolding today, started as a result of the Facebook appeal of journalist Mustafa Nayeem to group of his Facebook “friends” and followers. He was able to gather a crowd of couple hundred people. However, it wasn’t until the first attempt of police to dissipate the crowd, that caused the mass resentment and consequently the cross-country wave of protests we have today [8].

Numerous attacks of governments and regimes on new media prove that leaders of regimes fear the potential consequences of such activity. Internet access is being limited or in some cases blocked. In case of traditional media, programs that mock or criticize governmental policies are being shut down and their presenters face various administrative charges (for instance popular presenter Bassem Yusuf and his humoristic show *Al Bernameg* in Egypt). “The news Businessmoreparticipatory, diverse and partisan; a development that in many ways has returned journalism to its 19th century form: chaotic, free and highly political.” (Chorev)

In case of social media, they can also be perceived as unifying platform from people of different socio-economic backgrounds. Coalition can be built around unifying goal, like overthrowing the regime, of members that would very unlikely interact on any other basis. (Chorev)

New media and especially social networks receive many skeptical opinions in the debate about their potential to “change the world”. One of the famous critics of the notion that social networks can play significant role in political mobilization is Malcolm Gladwell, writer and New Yorker commentator. He believes that such activism is too weak to be translated into genuine effort, and that parallel ties and

sense of comradeship are needed. Like those that existed between members of Italian Red Brigades, Afghani Mujahedeen and East German Protest movements. Others like Harel Chorev argue that there is no contradiction between conventional social networks (family, friendship, workplace, neighborhood, organizational, ceremonial and other) and those created by SNS, as those two dimensions can overlap. He states that this type of integration is used by prominent figures to spread their philosophy, answer questions, raise funds etc. and it does not weaken the relationship with audience, in fact it works the opposite way.

Many factors play role in ethno political mobilization [9]. Let's see how media address some of those factors. First economic development enhances technologies that influence the possibility of mobilization. Mass media may allow for the cultivation of national or sub-national identities [10].

Some find that economically backward peripheries with ethnic identities mobilize around that identity, as opposed to class-based mobilization, to protest their maldevelopment [11]. It can be assumed that media penetration of those "economically backward peripheries" is limited.

Secondly, democracy facilitates political activism and, perhaps, reinforces ethnic identity as a personal right. Democracy is impossible without freedom of speech. (Cartrite)

Culture, namely cultural differences between dominant part of society and minorities is a powerful trigger for ethno-political mobilization. Among these, religion, language, and phenotype distinctions appear most relevant. (Cartrite). There're many examples of regional papers and radio stations, lately also internet pages and groups in social networks, usually in local language or dialect, that further contribute to strengthening of the ties with local community and feeling of belonging.

With respect to demographics, "some groups may simply be too small to effectively mobilize. Or it may be the size of a minority relative to the dominant group that represents the causal factor, as even relatively small polities may

References

1. World Protests 2006-2013, Isabel Ortiz Sara Burke Mohamed Berrada Hernán Cortés, Initiative for Policy Dialogue and Friedrich-Ebert-Stiftung New York Working Paper, 2013.
2. The Spring of Networked Nations: Social Media and the Arab Spring, Harel Chorev, The Levantine Review. Fall 2012. Vol. 1 No 2.
3. Doris Appel Graber. Mass media and American politics. CQ Press, 2006.
4. Revolution 2.0? The Role of Digital Media in Political Mobilization and Protest, Jan Hanrath, Claus Leggewie, World Society and Development.
5. <http://www.syriauntold.com/en/work-group/4580> (visited January 2014).
6. The role of social media in the Arab uprisings – past and present. Eds.: Maha Taki, Lorenzo Coretti, Westminster Papers in communication and culture. Vol. 9. Issue 2. April 2013.
7. Watching From Afar: Media Consumption Patterns Around the Arab Spring, Sean Aday, Henry Farrell, Deen Freelon, Marc Lynch, John Sides and Michael Dewar American Behavioral Scientist XX(X) 1 –21 2013 SAGE Publications.
8. <http://watcher.com.ua/2013/11/29/yevromaydan-ukrayinska-tsyfrova-revoluytsiya-ta-ostanniy-shans-analohovym-politykam-staty-tsyfrovymy/>, visited in January 2014.

9. Britt Cartrite. Complexity and Ethnopolitical Mobilization. Prepared for the IPSA Research Committee on Politics and Ethnicity (RC 14): "Beyond Case Studies: What Have We Learned about Ethnicity and Politics?" Ottawa, 2004.

10. Anderson Benedict. Imagined Communities. N.Y.: Verso, 1991.

11. Hechter Michael. Internal Colonialism: the Celtic Fringe in British National Development. New Brunswick: Transaction Publishers, 1999.

ОЛЬГА СОИНА

ДУХОВНО-ПРАВСТВЕННАЯ ЖИЗНЬ ЧЕЛОВЕКА В УСЛОВИЯХ ИНФОРМАЦИОННОГО ОБЩЕСТВА

Современная философия морали в основном базируется на данностях и реалиях эпохи модерна, игнорирующих радикальные изменения в нравственном сознании человека постмодернистской эпохи, равно как и возникающие на этой основе конфликты и противоречия, противостояния и вызовы, актуализирующиеся в информационном обществе. К примеру, извечное постулирование общечеловеческих или абсолютных моральных ценностей в качестве непререкаемой константы, долженствующей разрешить все проблемы современности, явно находится в вопиющем противоречии как с острейшими коллизиями современной социально-гражданской жизни, так и с вновь возникшими социокультурными феноменами, которые даже и не предусматривались в многочисленных футурологических прогнозах духовно-нравственного развития человечества. К примеру, как можно на основании категорического императива И. Канта обосновать и разрешить такие этико-правовые коллизии как эвтаназию, ЭКО, опыт суррогатного материнства, возможность смены половой принадлежности, однополые браки и многое другое?!

Сейчас уже совершенно очевидно, что этический инструментарий, сложившийся в эпоху модерна и заявивший о себе как о некоей непререкаемой реальности, нуждается в серьезном творческом переосмыслении его социокультурных и теоретических возможностей. Становится несомненным, что *духовно-нравственная жизнь человека* должна быть рассмотрена именно в контексте тех задач и проблем, которые ставит перед человечеством современная информационная реальность как таковая; игнорирование же этого обстоятельства, равно как и многочисленные попытки разрешить новые проблемы архаичными способами и приемами, по глубокому убеждению автора, не только запутывают существо дела, но и деконцептуализируют само его теоретическое содержание.

Прежде необходимо отметить, что сам феномен *духовно-нравственной жизни* человека, к сожалению, остался вне обстоятельного внимания классической философии морали и не был должным образом освоен именно в теоретическом отношении. Этическая мысль как прошлого, так и настоящего в основном уповает на абстрактные теоретические программы, формулирует этические принципы и системы нормативных предписаний, и отказывается изучать эмпирико-практическое пространство духовно-нравственного бытия человека с его извечными метаниями между добром и злом, муками совести,

поисками смысла жизни и обоснованием морального идеала, а также устремленностью к трансцендентным основаниям бытия индивида – к Богу и бессмертию души.

Вмешательство в бытие современного человека информационных технологий не только придало его жизни исключительный динамизм и чрезвычайную социальную мобильность, но и во многом изменило, казалось бы, незыблемую структуру его нравственного сознания и в особенности, «взаимоотношения» индивида с миром трансцендентных оснований его жизнедеятельности. Именно духовное «измерение» человека и связанные с ним собственно моральные целеполагания и мотивации сделали сейчас чрезвычайно хрупкими, уязвимыми и в силу этого в высшей степени незащищенными. Исключительные возможности самовыражения и самоактуализации, предоставленные человеку современными сетевыми системами, с одной стороны, породили у него иллюзию абсолютной *свободы* реализации самых экстравагантных витальных потребностей, а с другой стороны, привели его к абсолютной *безответственности* в отношении последствий своего волеизъявления – как в социокультурном, так и в индивидуально-личностном планах. Исследование процессов деструкции нравственных ценностей в контексте современных глобальных коммуникационных систем, информационных потоков и их ресурсного обеспечения является чрезвычайно важной задачей в теоретическом и практическом планах.

Фундаментальные открытия в области этической теории в основном совершались в эпоху модерна, что привело к возникновению великих этических систем со своим теоретическим инструментарием, идеями и понятиями, со временем оформившимися в качестве особого категориального аппарата. Однако, как пронизательно отметил А. Макинтайр в книге с характерным названием «После добродетели», теоретические концепты классической этики зачастую не имеют никакого практического отношения к социокультурным данностям морали как общественной, так и индивидуальной, и, по сути дела, «обслуживают» некую иллюзорную псевдореальность, давно утратившую всякие связи с действительностью: «... В области морали мы имеем лишь фрагменты концептуальной схемы, обрывки, которые в отсутствие контекста лишены значения. На самом деле у нас есть лишь подобие морали, и мы продолжаем использовать многие из ключевых ее выражений. Но мы утратили – если не полностью, то по большей части – понимание морали как теоретического, так и практического» [1, с. 7].

Ни в коей мере не разделяя всецело глобальный этический имморализм А. Макинтайра, мы все же считаем необходимым подчеркнуть, что этика, ставшая лишь теоретизированием о морали, явно изживает себя и интеллектуально, и практически.

В контексте рассматриваемой проблемы интересен подход к современному информационному обществу Ж. Бодрийяра, разработавшего, так называемый, симулятивный подход, в центре которого находится понятие симулякра, введенное для характеристики субъективных образов и представлений, которые далеки от подобия вещам и выражают, по сути дела, душевное состояние, фантомы, галлюцинации, репрезентации снов, страхов и др. Основываясь на

этих представлениях, Бодрийяр рассматривает три типа симулякров: подделку, характеризующую жизнедеятельность классической эпохи; производство, составляющее господствующий тип промышленной или индустриальной эпохи; а также собственно симуляцию как таковую, возникшую в современном информационном обществе и представляющую собой необъятное поле семантических возможностей, регулируемых кодами. Характеризуя современную культуру, Ж. Бодрийяр говорит о том, что пределов насыщения знаками нет, поэтому сама культура постепенно подменяется идеей культуры. т.е. ее разнообразными фальсификациями, постоянно конфликтующими между собой в сфере духовно-нравственных потребностей индивида. Так, в настоящее время, по Бодрийяру, происходит конфликт между избыточным потреблением и его осуждением. Перенасыщение вещами, смыслами и идеями уводит современного человека от «принципа реальности», порождая у него ложное ощущение насыщенности жизни при ее духовно-нравственном опустошении, деструкцию моральных ценностей и идеалов, понимаемую как плюрализм мнимых возможностей, прав и свобод. В когнитивном плане Бодрийяр отмечает связь постмодернистской культуры с постнеклассическим научным знанием, высокими технологиями и средствами электронной информации. Их совокупное влияние на культуру он называет «киберлицем», усиливающим информационный шум, релятивистскую индетерминированность аксиологического поля индивида. Конец классической способности суждения, снятие оппозиций между прекрасным и безобразным, моральным и immoralным (аморальным), нравственно достойным и этически неприемлемым оборачиваются постмодернистским социокультурным карнавалом, чья единственная «реальность» - симулякры ценностно нейтральных знаков и кодов. В результате тотальной симулякризации бытия именно форма, «упаковка» предмета или явления, становящаяся своего рода подменой, симуляцией подлинной реальности, начинает восприниматься как ее единственное полноценное содержание. Результатом этих сложных коммуникативных процессов неизбежно становится разложение духовно-нравственной жизни человека, утрачивающей, по Бодрийяру, не только способность этического целеполагания, но и вообще потребность в различении добра и зла как фундаментальных моральных понятий. Виртуальную реальность Ж. Бодрийяр понимает как знаковую реальность, гиперреальность, в рамках которой симулякры вытесняют и подменяют собой реальные объекты.

Соглашаясь во многом с Ж. Бодрийяром, увидевшем в современном социуме своеобразное «царство» симулякров, разлагающих устойчивые связи и отношения, автор берет на себя смелость утверждать, что наряду с распадом и деградацией многих традиционных форм добродетельного поведения индивида несомненно возникают новые формы духовно-нравственных ориентаций, результатом чего становится и вновь формирующийся социальный запрос относительно места и роли добра в современном мире и соответствующих ему принципиально иных поведенческих установках. Решительно отвергая *морализм* и *ханжесство*, столь часто выдаваемые за добродетели в минувшие эпохи, современный человек, живущий в сложных условиях информационного общества, стремится к *предельной открытости* своей нравственной позиции, пора-

зительно сочетающейся с анонимностью ее репрезентации и при этом в максимальной степени готовой воссоединять слово и дело, порыв и волевое устремление, потребность в соучастии и сопереживании, а также желание максимально полно интегрировать в «жизнь» свои моральные интенции.

Именно поэтому, вводя понятие духовно-нравственной жизни человека, рассмотренной в контексте новых социокультурных реалий информационного общества, мы пытаемся оформить его в качестве принципиально новой стратегии этико-философских исследований и творчески разрешать целый ряд теоретико-практических задач, до сих пор не поднятых и не исследованных в этике. На наш взгляд, такими принципиальными новациями этического знания в контексте информационного общества могут быть:

- этико-философская и социокультурная аналитика феномена «деструкции добродетелей», приведшего к тотальной утрате социально-значимых авторитетов, ценностной аннигиляции добродетельного образа жизни как такового; разрушению понятийного «аппарата» этического знания и, наконец, к духовно-нравственному отчуждению человека от моральных традиций и мировоззренческих стереотипов;

- исследование альтернативных форм духовно-нравственных коммуникаций на основе Интернета и сетевых взаимодействий, выступающая как основа возникновения нового этоса информационного общества со своим оригинальным «моральным языком», семиотикой и семантикой;

- изучение и концептуализация и до сих пор практически никем не исследованных категориальных оснований «новой этики» будущего и, в особенности, идеи *тотальной взаимопомощи*.

Современное информационное общество, безусловно, создает определенные причины, факторы и условия, оказывающие разрушительное воздействие на нравственные ценности, сложившиеся в предыдущие эпохи. Здесь возникают вопросы относительно того, насколько тотальны и пагубны они сами по себе, являются ли изменения в ценностной сфере уже полностью необратимыми, или они переживают период «частичной порчи», становятся ли они сугубо отрицательными или же в них намечаются ростки нового этоса, где формируется иная система ценностных координат, наполняющих традиционные этические понятия новыми смыслами и значениями? Автор данной статьи склоняется ко второму выводу.

Литература

1. Макинтайр А. После добродетелей. М.: Екатеринбург. 2000.
2. Бодрийяр Ж. Прозрачность зла. М.: Добросвет. 2000.
3. Бодрийяр Ж. Симулякры и симуляция. Тула: Тульский полиграфист, 2013.

**О ПРОЯВЛЕНИЯХ СТРАТЕГИИ
ФОРМИРОВАНИЯ ЭТНОКУЛЬТУРНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ
В СТАНДАРТАХ ОТЕЧЕСТВЕННОГО ШКОЛЬНОГО
ИСТОРИЧЕСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ**

Выполнено в рамках работ по проекту «Человек в меняющемся мире. Проблемы идентичности и социальной адаптации в истории и современности» (грант Правительства РФ № 14.В25.31.0009)

В современном многонациональном государстве, к каковым относится Российская федерация, вряд ли нужно обосновывать необходимость создания и совершенствования системы этнополитического менеджмента. Данная система предполагает наличие разнообразных инструментов управления этническими процессами, среди которых особого интереса заслуживает школьное историческое образование. Яркие и содержательные уроки истории способны на долгие годы в эмоционально-образной форме сформировать у школьника представление о собственной этнической уникальности, о своеобразии других народов. О стратегии управления данной деятельностью можно судить по различным нормативным документам, в числе которых немаловажную роль играют федеральные образовательные стандарты.

В российском образовании в 2004 и 2010 гг. были приняты стандарты образования первого и второго поколения. При первом приближении школьные стандарты по истории первого поколения производят впечатление документа, в котором сделана попытка «управленчески отреагировать» на спонтанно развивающиеся в 1990-е годы процессы формирования этнонационального самосознания в региональных учебниках и школьных курсах истории. Под влиянием этих процессов, по мнению исследователей, в ряде учебных курсов происходит националистическая идеологизация прошлого, которая выражается в появлении, с одной стороны, этноцентрических версий региональной истории, пропитанных этническим национализмом, а с другой стороны, евразийских трактовок отечественной истории, поддерживающих настроения религиозного фундаментализма и культурного расизма. [1, с. 42].

В этих условиях логичным выглядело появление в стандартах школьного исторического образования 2004 г. указаний на необходимость «воспитания национальной идентичности» школьника. Однако данная цель просто «терялась» в обилии других целей, связанных с изучением предметного материала. Кроме того, в предметной тематике стандартов практически отсутствует материал по истории и современному состоянию российских этносов, а в списке предполагаемых результатов вопрос о формировании национальной идентичности даже не поднимается.

Стандарты по истории второго поколения, как известно, разрабатывались в рамках перехода отечественного образования с предметноцентрированной на личностноцентрированную парадигму. Главной целью обучения истории в новых стандартах провозглашается воспитание личности, способной к

самоидентификации, а в перечне важнейших идентичностей, которые должны сформироваться у школьника, указывается этнонациональная идентичность. Судя по тексту «Примерное тематическое планирование» в программе основной школы формирование этнонациональной идентичности в новых стандартах получило содержательное и деятельностное обеспечение. Правда это формирование ограничено в основном когнитивным уровнем - учащиеся должны знать основные народы России, уметь показать места их расселения в различные периоды, составить рассказ об их прошлом и т.д.

Однако и эта ограниченная возможность формирования этнонациональной идентичности школьников в значительной мере проблематизируется содержанием другого документа новых стандартов - «Концепции духовно-нравственного развития и воспитания личности гражданина России». В концепции указывается, что «образованию отводится ключевая роль в духовно-нравственной консолидации российского общества, его сплочении перед лицом внешних и внутренних вызовов». Нетрудно догадаться, что в эту новую «консолидирующую» роль образования сложно вписывается задача формирования этнонациональной самоидентификации.

Приоритеты в новых стандартах со всей определенностью представил профессор московской Академии повышения квалификации Е.Е.Вяземский: «Сегодня для российской федерально-региональной системы общего образования актуально не стимулирование этнокультурных различий между народами России (что имело место в конце 1980–1990-е гг.), а укрепление российской гражданской идентичности педагогическими средствами». [2, с. 5].

В практике обсуждения и первичной апробации новых стандартов по истории, последовавших после 2010 г., все более очевидными становятся черты новой идентификационной стратегии. Она направлена на построение иерархически выстроенной системы идентичностей, на вершине которой находится государственная идентичность, а остальные типы идентичностей, в том числе и этнонациональная, занимают соподчиненное положение. Данная система «скрепляется» понятиями двойного назначения. Так, понятие «нация» употребляется то в этнокультурном, то общегосударственном смысле; «гражданская идентичность» трактуется то узко, как принадлежность к отдельной группе гражданского общества, то широко, как отнесенность к государству в целом. Причем, гражданская самоидентификация все чаще трактуется как государственная (на когнитивном уровне она подразумевает знание о власти, правовой основе организации общества, государственной символике, выборах, политических лидерах и т.д.).

В этом контексте трудно представить, как дезактуализация изучения «этнокультурных различий между народами России» в федеральных курсах истории, в условиях определенного «спада» в преподавании региональной истории скажется на подготовке школьников к участию в сложных межнациональных отношениях, к выбору ими взвешенной позиции в межэтнических конфликтах.

Литература

1. Шнирельман В. Между евразийским и этноцентризмом: о новом историческом образовании в России // Вестник Института Кеннана в России. М., 2003. Вып. 4.
2. Вяземский Е.Е. Формирование гражданской идентичности школьников в поликультурном обществе // Преподавание истории в школе. 2011. № 4.

АЛЕКСАНДР СУНГУРОВ

ПРОБЛЕМЫ МИГРАЦИИ РЕШАЕМ ВМЕСТЕ: ОПЫТ СОЗДАНИЯ МЕЖСЕКТОРНОЙ ДИАЛОГОВОЙ ПЛОЩАДКИ

Сообщение посвящено опыту реализации общественной организацией «Санкт-Петербургский гуманитарно-политологический центра СТРАТЕГИЯ» проекта «Проблемы миграции решаем вместе: создание межсекторной коммуникативной площадки». Осенью 2013 г. этот проект был поддержан Комитетом по социальной политике Правительства Санкт-Петербурга в рамках субсидий на поддержку социально ориентированных некоммерческих организаций.

Целью проекта было содействие установлению конструктивного диалога между представителями мигрантских и национально-культурных сообществ, органов власти и МСУ, экспертного сообщества и гражданских организаций города, направленного на анализ и поиски решений возникающих в связи с миграционными потоками проблем.

Очень часто представители мигрантских сообществ просто не знают, где они могут найти помощь в сложных ситуациях, и в результате в поисках такой помощи оказываются втянутыми в незаконные действия. Однако если бы они понимали существующие легальные пути решения своих проблем, такого бы не произошло. С другой стороны, в городе имеется большой научный и экспертный потенциал: ученые – этнологи, религиоведы, социологи, конфликтологи и политологи, многие из которых пока не востребованы в нашем городе при решении вопросов реализации миграционной политики, и либо работают в чисто академической сфере, либо реализуют свои экспертные возможности в других регионах России и в других странах. Их привлечение к обсуждению проблем миграции и поиску их решения является очень актуальной задачей. Реальная практика работы с мигрантскими сообществами и защиты их прав накоплена также в правозащитных и других неправительственных организациях Санкт-Петербурга, в том числе и в национально-культурных ассоциациях.

Наконец, пока явно недостаточно вовлечены в обсуждение проблем, связанных с растущей миграцией сами представители мигрантов и их официальных и неформальных сообществ. В то же время современные представления в области публичной политики, делиберативной демократии и процесса принятия властных решений подразумевают, что все эти решения должны приниматься в процессе консультаций с заинтересованными группами населения, в

процессе консультаций с учетом мнений представителей этих групп. Настоящий проект и стал одним из шагов в направлении развития подобных практик.

Для достижения этой цели, прежде всего, была сформирована группа экспертов, которые были ответственны за подготовку отдельных направлений анализа эффективности уже существующих в городе усилий по решению связанных с миграцией проблем, а также по составлению аннотированного списка научных и экспертных коллективов, занимающихся различными проблемами миграции. При этом, с учетом исходного интереса к реализации данного проекта со стороны Уполномоченного по правам человека в Санкт-Петербурге, было решено также сделать особый акцент на проблеме соблюдения прав человека в процессе решения связанных с миграцией проблем.

В рамках проекта состоялось два рабочих семинара и итоговый круглый стол. В этих встречах приняли участие представители всех перечисленных выше групп жителей Санкт-Петербурга и мигрантских сообществ. Дискуссии на встречах проекта выявили, в частности, проблему корректного использования терминов «мигрант», «диаспора», данных о численности мигрантов, а также о невозможности единого подхода к адаптации «мигрантов разного вида» (иностранцев и россиян, представителей разных регионов, стран и этнических групп). Отмечен феномен различных задач внутри «диаспор»: для «укорененных» - сохранение национального языка и культурного наследия, для других «первичное обустройство» и преодоление дискриминации.

Важной частью проекта стало обсуждение опыта уже действующих в городе программ - «Толерантность-1», «Толерантность-2» и «Миграция». Одним из важных итогов проекта стала подготовка Рекомендаций, адресованных как представителям власти, так и научному (экспертному) сообществу, а также неправительственным общественным организациям города. Эти рекомендации были направлены адресатам, включая Правительства Санкт-Петербурга и Ленинградской области. Они также стали предметом обсуждения в Общественном консультативном совете при Территориальном управлении Федеральной миграционной службы по Санкт-Петербургу и Ленинградской области и в других аналогичных структурах.

В реализации проекта активное участие приняли также студенты бакалаврской и магистерской программ отделения Прикладной политологии НИУ ВШЭ – Санкт-Петербург.

Деятельность в рамках проекта будет продолжена и в 2014 г., уже после окончания срока действия субсидии комитета по социальной политике Санкт-Петербурга, так как большинство участников проекта изъявили желание и далее обсуждать на созданной межсекторной коммуникативной площадке актуальные проблемы миграции и искать пути их решения.

**ВЛИЯНИЕ ТЕНДЕНЦИЙ СТАНОВЛЕНИЯ
ИНФОРМАЦИОННОГО ОБЩЕСТВА НА ФОРМИРОВАНИЕ
ПРОТЕСТНЫХ ФОРМ ПОЛИТИЧЕСКОЙ АКТИВНОСТИ
МОЛОДЕЖИ В ПОЛИЭТНИЧНЫХ РЕГИОНАХ РОССИИ
(НА ПРИМЕРЕ ЮФО И СКФО)**

В процессе социализации молодежь усваивает особенности существующих общественных отношений, накопленный опыт политической жизни, ценности, политические образы и переводит их на уровень индивидуального опыта. В результате, у подрастающего поколения формируется социально-политическая зрелость, способность к активному участию в общественных делах. Все эти процессы, так или иначе, связаны с влиянием и особенностями становления информационного общества.

Особое значение в политическом развитии личности имеют повседневные события в жизни человека, которые наполнены информационными потоками, в той или иной мере предопределяющими направленность жизненной активности. Кроме того, региональная специфика, характер связей, социального контроля, обустроенность быта – все это влияет на формирование интереса человека к политике, внимание к деятельности властных органов и на устремленность прикоснуться к политике под действием личной заинтересованности.

Общественная активность молодежи рассматривается сегодня государством как одна из форм раскрытия потенциала молодых людей в интересах страны. По оценкам специалистов, разработавших Стратегию государственной молодежной политики, около 75% молодых людей нуждаются в информировании и вовлечении в общественные практики, а около 15% наиболее активных должны участвовать в развитии созидательной активности [1, с. 21].

Так, в ходе политической модернизации стали появляться новые практики для включения в политическую деятельность и проявления политической активности. Это предполагает возможность протестного поведения молодых людей по отношению к порядкам, законам, вызывающим споры и разногласия. Так или иначе, молодежь более открыта изменениям, обладает большим инновационным потенциалом, хотя и сталкивается с рядом нескольких сложных решаемых вопросов, например – высокие показатели уровня безработицы, трудности в выборе и профессиональной реализации. В результате накопившихся вопросов, а также неразрешенных задач, может сформироваться база для протестных действий, появиться предпосылки к различного рода напряжениям, в частности – социальной напряженности. А накопление протестного потенциала снижает удовлетворенность жизнью, что может привести к конфликтам, постепенно разрушить общество. Как подтверждают результаты некоторых эмпирических исследований по проблемам протестной активности граждан России, в современной ситуации большинство акций протеста возникает стихийно.

В более широком понимании протест можно рассмотреть как некий публичный феномен, оказывающий влияние на общественное мнение. В то же

время, это и форма гражданской активности. Мы можем сказать, что участие в акциях протеста, в деятельности организации, которая вероятно инициирует протестную активность – это отчасти элемент формирующегося гражданского общества.

Например, в некоторых исследованиях отмечается, что на территории Российской Федерации радикальные формы активности молодого поколения можно представить в виде трехуровневой системы:

- первый уровень, организационный, предполагает формальное и неформальное членство в организациях и движениях экстремистского толка (например, в движении скинхедов, футбольных фанатов);

- второй уровень, ментальный, представлен протестной политической культурой, а также деструктивными действиями средств массовой коммуникации (экстремистские идеи, ценностные ориентации);

- третий уровень, поведенческий, на котором проявляются конкретные действия и поступки протестного толка [2].

Активизирующиеся радикальные движения вовлекают в свою деятельность именно молодых людей. В среднем 80% участников организаций экстремистского характера составляют лица, возраст которых не превышает 30 лет, – какотмечается в экспертных оценках. [3]. Безусловно, и среди молодежи есть группы с различной общественной активностью, но активисты не являются большинством. Протестная активность молодого человека может выступать как переоценка ценностей. Субъективно готовность молодого человека участвовать в акциях протеста не отражает реального положения дел, поскольку участие или неучастие зависит от совершенно других факторов, таких как ущемленность конкретных жизненных интересов граждан, поведения властных субъектов в конфликтных ситуациях, характера и содержания информационного фона, принадлежности к определенным социальным группам. В связи со спецификой возникновения акций протеста, проявление протестности и протестная активность возникает очень быстро и сложно контролируемы.

Тенденция политизации общества, наметившаяся в России, не обходит стороной процесс социализации и такую часть общества, которая относится к молодежи. Если не так давно, в научной среде чаще утверждалось, что молодежь политикой не интересуется, то сегодня ситуация иная. Например, в социальных сетях можно заметить некоторый всплеск интереса к политике. Проблема состоит в том, что такой рост интереса к политической жизни в среде российской молодежи, может подготовить основания для роста экстремизма политического. Молодежь острее чувствует свою отчужденность от мира политики, неспособность повлиять на изменение политического курса. Описанная ситуация показывает основные факторы, которые могут способствовать росту экстремизма молодежи в будущем, а именно – экономический и социальный кризис, этническая напряженность и политизация молодежи. Необходимо понимать, что если сегодня не направить энергию молодежи в положительное русло, то в будущем это может негативно отразиться на всей жизни страны.

Утрата моральных ценностей, низкий уровень образования, наркомания и алкоголизация населения, культ насилия – все это не может стать позитив-

ной почвой развития личности. Для раннего возраста характерно гипертрофированное восприятие всего, что происходит вокруг, проблемы кажутся больше, неудачи переживаются более болезненно. Разрыв между желаемым и действительным, накладываясь на воспринимаемые националистические установки, может стать решающей составляющей в развитии экстремальных настроений. Возникновение нетерпимости по этническому признаку начинается с семьи, которая испытывает постоянные материальные трудности и неудачи, объясняя происходящее этнической составляющей. Возможно, что в таких семьях националистические настроения выходят на первый план в воспитании подрастающего поколения.

Важно отметить, что молодежная среда рассматриваемых федеральных округов поликонфессиональна, полиэтнична, а также различается по профессиональным и социальным признакам. В Интернете в свободном доступе размещены ресурсы самого различного содержания, в том числе отрицательного и поток информации, чаще негативной, оказывает деструктивное влияние на формирование личности и социализацию молодого человека.

Большинство исследователей отмечают, что межэтнические отношения среди молодежи Краснодарского края продолжают оставаться стабильными, но любая конфликтная ситуация в молодежной среде между представителями различных этнических групп может быть использована в политических целях и перенесена в плоскость межэтнических и межконфессиональных отношений.

Таким образом, повышение эффективности работы региональных органов государственной власти, совершенствование информационной деятельности, а также формирование с помощью средств массовой информации и образовательных технологий патриотичного сознания у молодых людей, будет способствовать более конструктивному влиянию информационной среды и усилению интеграционных процессов в сфере молодежи.

Властным элитам необходимо ориентировать средства массовой информации на создание безопасного информационного пространства, способствующего позитивной межэтнической коммуникации и формированию дружественных по отношению к другим этносам установок в молодежной среде.

Более целесообразным было бы глубокое рассмотрение природы и социальных факторов распространения протестных форм политической активности в молодежной среде, являющейся важной частью современного информационного общества, и как следствие, борьба с причинами его возникновения.

Обращая внимание на территориальную неравномерность социального расслоения политического пространства Южного и Северо-Кавказского федеральных округов, его высокую этническую мозаичность, активное развитие информационных технологий, необходимо разрабатывать эффективные методы по преодолению неблагоприятного влияния информационных потоков на возможное формирование протестных форм политической активности среди молодежи.

Литература

1. Гусев Б.Б., Лопухин А.М. Стратегия государственной молодежной политики (с комментариями). М.: РГСУ, 2007. 148 с.

2. Обзор прессы: Экстремизм – угроза обществу. URL: <http://www.shorshel-marpos.edu.cap.ru/?t=publ&eduid=4481&publ=31281> (дата обращения 08.09.2014).

3. Методические рекомендации по профилактике и противодействию экстремизму в молодежной среде (разработаны Минспорттуризмом России совместно с МВД России и ФСБ России) // URL: <http://www.gzt.ru/addition/-metodicheskie-rekomendatsii-po-profilaktike-i-/357032.html> (дата обращения 08.09.2014).

**ТАТЬЯНА ТИТОВА,
ЕЛЕНА ГУЩИНА,
МАРИЯ ВЯТЧИНА**

МОРДВА-КАРАТАИ (CASE-STUDY) ДЕРЕВНИ МОРДОВСКИЙ КАРАТАЙ КАМСКО-УСТЬИНСКОГО РАЙОНА РЕСПУБЛИКИ ТАТАРСТАН)

Мордва – самый крупный народ финно-угорской языковой группы и один из крупных народов многонационального Среднего Поволжья. Общая численность мордвы превышает 1,2 млн. чел. Основными регионами расселения мордвы в Татарстане являются Алексеевской, Альметьевский, Бугульминский и Черемшанский районы.

Мордва этнически неоднородна и состоит из двух крупных этнических общностей – эрзии мокши. Кроме основных этнических групп мордвы выделяются отдельные локальные или этнографические группы, происхождение которых связано преимущественно с расселением мордовского этноса и последующим культурно-бытовым взаимовлиянием с соседствующими народами. Этнографической группой мордвы являются и каратаи, проживающие в дер. Мордовский Каратай Камско-Устьинского района Татарстана.

Сведения о здешних каратаях в научной литературе стали появляться более двух столетий назад. Впервые на существование этой группы мордвы, живущей в Тетюшском уезде Казанской губернии, указал исследователь XVIII в. И. Лепехин. Он считал ее особым мордовским племенем, наряду с эрзей и мокшей. К самостоятельной этнической группе мордовского народа относил каратаев и академик П. Кеппен в середине XIX в., а также некоторые другие исследователи прошлого века. Другого взгляда придерживались ученые, знатоки местного края А. Риттих, С. Кузнецов и другие. По их мнению, мордва-каратаи – локальная группа мордовского народа, а термин «каратаи» не этнический, а географический. Действительно, в середине XIX в. на территории Казанской губернии было несколько селений с названием «Каратаи» (пять в Тетюшском уезде и одно в Казанском). В трех этих селениях жила мордва (Мордовские Каратаи, деревня Каратай при озере Менситово или починок Менситов и деревня Шершаланы или Малые Каратаи), в двух – русские (Завражные Каратаи и село Барское – КаратайСавиновка) и в одном — татары (дер. Каратаи на р. Шешме в Казанском уезде).

Проведенные до нас исследования материальной и духовной культуры каратаев позволяют считать их локальной группой мордовского народа, смешанной по своему составу (эрзянско-мокшанской), длительное время жившей среди тюркских народов, вначале болгар, а затем и татар. Под их влиянием каратаи постепенно восприняли язык своих соседей, сохранив лишь отдельные мордовские слова. Начиная с середины XVI в., на каратаев оказывали воздействие русские, приходившие в Поволжье из северных, верхневолжских и центральных областей России. Это наложило большой отпечаток на их быт и мировоззрение.

По конфессиональной принадлежности каратаи – православные, но по рассказам старожилов, предки каратаев, переселившиеся из Заволжья, были язычниками. Во второй половине XVI в. каратаи приняли христианство и были крещены в озере близ дер. Менситово. Однако дохристианские верования играют большую роль в мировоззрении и быту современных каратаев. Старшее поколение сохранило воспоминания о молениях, которые устраивались в прошлом в лесах около их селений. На этих молениях приносили в жертву домашних животных и птиц, испрашивали хороший урожай, приплод скота, успешную охоту, богатый улов. Существовали и специальные рыбные моления, когда обращались с молитвой к богу воды с просьбой об удачной ловле рыбы. В языке мордвы-каратаев осталось эрзянское слово «паз», означающее верховное божество. Хранителями старых поверий и обычаев на сегодняшний день являются только пожилые женщины.

В настоящее время дер. Мордовский Каратай не обошли стороной негативные для деревни процессы последних десятилетий, результатом которых стал массовый отток молодежи и людей среднего возраста в города и рабочие поселки, что соответственно привело как к численному сокращению населенных пунктов, так и к существенному старению сельского населения. Выходцы из д. Мордовский Каратай в своем большинстве переехали в пос. Камское Устье, г. Нижнекамск, г. Набережные Челны и г. Казань.

Каратаи – уникальная этнографическая группа, но при нынешней ситуации ее перспективы неопределенны. В настоящее время большинство жителей дер. Мордовский Каратай затрудняются с собственной этнической идентификацией. Отмечая «официальную» мордовскую национальность, наши информаторы высказывали сомнения относительно «правильности» своей национальности. Проведенные нами глубинные интервью показали, что подавляющее большинство жителей мордовских деревень сомневаются в «истинной» причастности к мордовскому народу.

**АНКЕТНОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ РЕЛИГИОЗНОГО СТАТУСА
«МАРДЖА' АТ-ТАКЛИД» СРЕДИ ГОРОДСКОГО НАСЕЛЕНИЯ
ИРАНА**

*Исследование выполнено при поддержке Российского гуманитарного
научного фонда (заявка № 14-03-00656: «Центры власти в шиизме: причи-
ны, факторы и последствия ослабления института религиозного настав-
ничества»)*

В XVI веке шиитскими правоведами была разработана теория, описывающая взаимоотношения между шиитскими религиозными авторитетами и их последователями. Исходя из этой теории, каждый член шиитской общины должен был либо достичь наивысшего уровня шиитского права, либо стать последователем одного из живых авторитетов (марджа'), который достиг такого уровня.

Шиитские титулы по возрастающей значимости распределяются так – 1) сэгат-оль эслам (доверие ислама), 2) ходжат-оль-эслам (доказательство истины ислама), 3) ходжат-оль-эслам валь-мослемин (доказательство истины ислама и мусульман), 4) аятолла (знамение или откровение аллаха) и 5) аятолла аль-узма (великий аятолла). Последний автоматически получает наименование «марджа' ат-таклид». Обладающие этими титулами лица образуют шиитскую элиту и, начиная с четвертой ступени, могут называться муджтахидами. Это звание дает право выносить собственные суждения по основополагающим вопросам ислама, сначала в виде проповедей на пятничной молитве и написания всеобъемлющей религиозной работы под названием «ресале» (книга, трактат – перс.), которая является обязательным условием достижения звания марджа', а затем в виде фетв (обязательных предписаний для последователей муджтахиды). Титул «марджа' ат-таклид» состоит из двух ступеней: не абсолютной (мотаджаззи) и абсолютной (мутлак). «Марджа' ат-таклид аль-мотаджаззи» может выносить фетву лишь в некоторых разделах исламского права. Обладатель «марджа' ат-таклид аль-мутлак» достигает способности выносить решения во всех разделах исламской юриспруденции. За всю историю «марджаата» таких высот добивалось очень незначительное число представителей шиитского духовенства, так как наделение данным титулом требовало согласия всех марджа'. Например, основатель Исламской Республики Иран (ИРИ) аятолла Хомейни таковым не обладал.

Каждый член шиитской общины (девочки в 9 лет, мальчики в 15 лет) обязан выбрать из «марджа' ат-таклидов» себе одного наставника и следовать его указаниям в течение всей жизни духовного лица. Для этого человек должен спросить трех правверных мусульман-шиитов о том, кого из учителей они посоветуют. Правда, после смерти выбранного марджа' желательно, чтобы член шиитской общины нашел себе нового наставника.

До середины XIX в. система марджаата была крайне локализована. В каждой области были свои правоведы, решениям которых следовали члены шиитской общины. Затем она трансформировалась в межнациональный институт. В результате марджа' смогли иметь последователей по всему шиитскому миру. Современное технологическое развитие, особенно современные телекоммуникационные технологии и свобода передвижений, дало еще больше возможностей муджтахидам для донесения своих идей до последователей теперь уже по всему земному шару.

Несмотря на то, что глобализация и интернет позволили марджа' найти верующих по всему миру и привлечь верующих, невзирая на то, где они проживают, по иронии судьбы институт «марджаата» становится более локальным. Новейшие коммуникационные возможности позволяют все большему числу шиитских правоведов (по некоторым данным их сейчас в мире насчитывается около 70) объявлять себя марджа', что влечет увеличение конкуренции между ними. Время, когда только один или несколько марджа' имели право на вынесение фетв, закончилось. Сейчас очень мало новых марджа' могут претендовать на наследство предыдущего, что очень часто случалось в прошлом (современным примером передачи марджаата от наставника к ученику является аятолла Али Систани, который получил находящееся у него в управлении имущество и финансы после смерти аятоллы Абулькасима Хои в 1992 г). Фактически до Исламской революции в Иране новый марджа' всегда получал помощь и благословение от уже утвердившегося религиозного авторитета, и мог претендовать на его наследство. Сейчас же, когда марджа' умирает, его офис продолжает заниматься благотворительностью и другой организационной деятельностью. Его имущество не передается новому марджа', поэтому каждый новый марджа' должен развивать свой авторитет фактически с нуля. Но это позволяет большому количеству людей становиться марджа' без того, чтобы быть протеем предыдущего.

Произошедшее изменение статуса марджа' требует значительного изучения, которое до последнего времени осуществлялось не в достаточном объеме. Данное исследование проводилось в январе–феврале 2014 г. Было роздано, отправлено по электронной почте 634 анкеты (Эта цифра включает в себя только зафиксированные авторами исследования розданные анкеты. Возможно, их было больше, так как некоторые иранцы раздавали их своим родственникам и друзьям, но те отказывались их заполнять), из них получено частично или полностью заполненными 53. Опрашивались, иранцы, находившиеся в России и их друзья и родные, проживающие в Иране. Контингент опрошенных – студенты и аспиранты, обучающиеся в российских ВУЗах, представители иранского бизнеса и культуры, сотрудники посольства Исламской Республики Иран в Москве, а также их родные и друзья. Все они проживают в больших городах. Был получен 531 зафиксированный отказ. Причины отказа: 310 иранцев отказались по причине незнания проблемы (своя вера в ислам, вера в общие принципы ислама, но не в частности), 63 иранца отказались по причине боязни отвечать на вопросы анкеты, 156 иранцев отказались отвечать по непонятным причинам, 4 иранца – по причине исповедования «другой веры».

Как показали результаты анкетного опроса, полностью верующим назвали себя только 3 человека, остальные заявили, что они веруют частично или, не верую вообще. 38 человек заявили, что в вопросах религии для них важнее интуитивное познание бога, чем мораль и религиозные предписания. 7 человек указали, что они следуют фетвам марджа́ ат-таклидов. Аятолла Систани – 3 человека, аятолла Хаменеи – 2 человека аятолла Макарем Ширази – 1 человек, аятолла Гольпайгани – 1 человек. Интересно, что на вопрос: какие сферы жизни могут входить в компетенцию марджа́? – никто из опрошенных не назвал политику. Самым почитаемым марджа́, исходя из 53 анкет, является Али Систани (7 ответов), за ним следует Макарем Ширази (2 ответа), Али Хаменеи (2 ответа), Сафи Голпайгани (1 ответ), Вахид Хорасани (1 ответ). Ни один из опрошенных не подтвердил существования в шиитском мире марджа́ ат-таклид аль-мутлак. На вопрос: Какие религиозно-политические институты имеют для вас авторитет помимо марджа́? – 46 человек ответили, что никакие, 6 человек – Общество борющегося духовенства, 1 человек – Ассамблея борющегося духовенства, 1 человек – Партия Хезболла в Ливане. На вопрос: Какие религиозные или политические деятели имеют для вас авторитет помимо марджа́? – 15 человек назвали Али Шариати, Мохаммада Хатами назвали 7 человек, Мохсена Кадивара – 6 человек, Абдолькарима Соруша – 5 человек, Моктаду Ас-Садра – 3 человека, Хасана Насралла – 3 человека, Месбаха Язди – 1 человек, профессора Мохаммад-Таки Джаафари – 1 человек. На вопрос: с какими идеологическими течениями может конкурировать концепция марджа́? – ответы распределились следующим образом: Идеи Али Шариати – 8 человек, идеи аятоллы Монтазери – 7 человек, идеи Абдолькарима Соруша / Мохсена Кадивара – 6 человек, идеи Мохаммада Хатами – 5 человек. Несколько людей поставили утвердительные ответы напротив марксизма, либерализма и глобализма. Многие из опрошенных заявили, что существует возможность совмещать следование марджа́ со следования идеям других религиозных и политических деятелей, не являющихся религиозными наставниками. Половина опрошенных отметили потерю марджа́ своего авторитета в современных реалиях и ослаблении его авторитета в будущем.

Результаты исследования подтвердили утверждение об изменении статуса марджа́, по крайней мере, среди многих иранцев, проживающих в больших городах. Более того, становится ясно, что на сегодняшний день марджа́ теряют свою монополию среди религиозных институтов.

НИКИТА ФИЛИН

ИНТЕРНЕТ-ПРОСТРАНСТВО МАССОВЫХ ПРОТЕСТОВ ОППОЗИЦИИ 2009 Г. В ИРАНЕ

*Исследование выполнено при поддержке Российского научного фонда
[проект № 14-18-03615]*

После начала массовых протестов оппозиции против результатов президентских выборов 12 июня 2009 г. в Иране стало понятно, что в их организации значительную роль играли виртуальные социальные сети: Фейсбук, Твит-

тер, Тор и др. Правда, некоторые исследователи не без оснований считают, что они как координировали, так и спутывали организацию уличных протестов [2, с. 436]. Важно то, что эта форма самоорганизации в больших масштабах проявились в Иране впервые, что не позволило иранским властям применить адекватные меры на первом этапе массовых выступлений. Также социальные сети проясняли и упорядочивали требования оппозиции для международного сообщества.

Их важная роль заключалась, во-первых, в том, что они помогали сторонникам оппозиции общаться друг с другом и с внешним миром. Во-вторых, они помогали окружающему миру общаться и с иранцами, и с теми, кто их поддерживал. В Твиттере и Фейсбуке мгновенно передавались новости. Блоги, Википедия и местные журналисты помогали распространять и фильтровать эту информацию. Было сложно представить, что именно происходило на улицах Тегерана в дни иранского электорального кризиса, однако через социальные сети и Ютьюб эта информация выкладывалась нон-стоп.

Твиттер обеспечивал относительно легкие, но вместе с тем мощные средства передачи информации, в то же время, поддерживая разные степени анонимности. Это позволило сторонникам оппозиции не бояться репрессий со стороны государства. С самого начала протестов через Твиттер осуществлялись попытки координации оппозиционных выступлений, а также привлечения новых сторонников, путем рассылки уведомлений [7].

За первые 18 дней протестов 479780 пользователей Твиттера отправили хотя бы одно сообщение, касающееся проблемы выборов в Иране. Из них только 10% были наиболее активными, написав более 6 посланий, 1% отправил более 58 сообщений [4]. Наибольшее количество сообщений (более 15 тыс. в час) наблюдалось 20 июня, когда начались насильственные действия против демонстрантов.

Правда, нет данных по поводу того, какое количество сообщений распространялось внутри Ирана, а какие приходили из-за границы. Многие иранцы, находящиеся за пределами страны меняли местоположение в Твиттере на Тегеран или часовой пояс +3:30, пытаясь создать защиту для тех, кто посылал сообщения из Ирана. Но это не помогало, так как при загрузке личной информации о пользователе, выдавалось его истинное местоположение. Также по иронии судьбы, изменение дат затрудняло действия тех людей, кто искал протестующих, чтобы примкнуть к ним [5].

Наиболее широко в первые недели протестов было представлено сообщество #IranElection. Оно могло стать точкой пересечения между разными группами, однако содержало в себе настолько огромный массив информации, что превышало физические возможности человека при чтении сообщений. Этот тег имел так много данных, что пользователь должен был бы просматривать минимум 1000 твитов каждый час, чтобы быть в курсе событий [3]. Всего за первые 16 дней протестов через #IranElection было отправлено 1,166,765 сообщений, что составило 58% от всего объема пересылаемой информации [4]. Правда, к сентябрю 2009 г. число отправляемых сообщений этой группой уменьшилось до 1000 в день [6], демонстрируя тенденцию к дальнейшему сокращению.

Обратимся к топологии социальных сетей, основанной на анализе групп в Твиттере, с которыми хотели идентифицировать себя пользователи. Она демонстрирует порядок расположения различных сообществ, а также пути их взаимодействия друг с другом.

Рисунок 1 показывает, что в течение нескольких месяцев после объявления результатов выборов, кроме группы #IranElection, существовали два отдельных сообщества практически полностью изолированные друг от друга.

Слева расположена довольно большая сфера #HelpIranElection, справа четыре остальные группы: #GR88, #FreeIran, #Neda и #Sohrab. Было еще около сотни массовых сообществ, посвященных иранским протестам. Некоторые из них видны на представленном рисунке.

Группа #HelpIranElection была создана сразу после объявления результатов выборов 2009 г. Она включала в себя большое количество людей, которые выступали в поддержку оппозиции, но не проявляли высокой активности. В ней практически не было призывов к массовым протестам, не осуществлялась их координация, не производился обмен видео файлов. Многие пользователи вместо обмена сообщениями просто помещали зеленый цвет на свои аватары, который был символом протестного движения. Если 18 июня количество сообщений этой группы доходило до 3,5 тысяч, то в следующие недели оно значительно уменьшилась, сократившись до пары твитов в день в конце июля 2009 г.

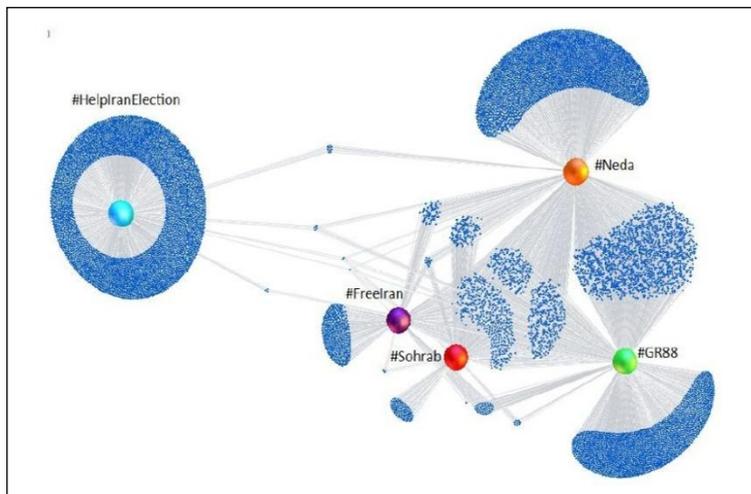

Рис. 1. Топология социальной сети в Твиттере середина июня – ноябрь 2009 г. (Пять главных сообществ, посвященных итогам президентских выборов в ИРИ и протестам).

Источник: Fisher A. Bullets with Butterfly Wings [1, с. 112].

Сообщество #Neda было создано после убийства 20 июня 2009 г. Неды Солтани. Таким же образом было образована группа #Sohrab, названная в честь Сохраба Араби. Он пропал через несколько дней после начала массовых протестов, и только семь недель спустя его тело отдала семье. Эти теги часто использовались как символы солидарности и сопротивления.

Название группы #GR88 является аббревиатурой «Зеленая революция 1388» (Green Revolution 1388 [2009 г. по иранскому календарю]). Это сообщество, как и три другие справа на рисунке 1, часто использовалась как место координации действий активистов оппозиции. Например, здесь обсуждалось использование машин для блокировки улиц в качестве способа защиты протестующих от полиции и Басидж, или применение укороченных интернет адресов, чтобы делиться информацией и видео контентом [1, с. 112]. Группа #FreeIran также имела похожие цели.

Тех людей, кто использовал эти сообщества, в целом можно было определить как инсайдеров – широкий круг людей, которые могли быть протестующими, находящимися в Иране или вне его, но с прочными связями с людьми в внутри страны, иранской диаспорой, аналитиками и комментаторами.

Объединяющим моментом в ранних сообщениях этих инсайдерских групп было желание выложить информацию о протестах на местные вебсайты или загрузить на YouTube, чтобы их могли видеть международные СМИ или западная аудитория в широком смысле слова. Это частично удалось с видео убийства Неды Солтани, которое продемонстрировало большинство западных телеканалов.

В отличие от сообщества #HelpIranElection, остальные обозначенные группы имели более долгий срок существования. К концу ноября тег #FreeIran продолжал функционировать, хотя уменьшил количество сообщений за день. Также в отличие от #HelpIranElection, каждый член которого использовал в среднем 1,09 сообщений, в #FreeIran среднее количество твитов на пользователя было 15,4, а, например, в #Sohrab – 11,99 [1, с. 112], который, как и #GR88 с #Neda, к ноябрю 2009 г. также не прекратил своего существования. Это показывает разницу между реальным вовлечением людей в протесты и разовым сообщением, которое отправляли большинство пользователей #HelpIranElection.

Однако, нужно отметить, что наибольшее количество сообщений в группе #FreeIran пришлось на 18 сентября и составило около 600 сообщений, а наибольшая их концентрация наблюдалась в период с 10 по 18 августа, когда каждый день они превышали порог в 400 сообщений. В большинство остальных дней оно не выходило за 100-200 твитов. Похожая динамика характерна и для сообществ #GR88, #Neda и #Sohrab [6]. Можно констатировать отсутствие массового участия в этих группах сторонников оппозиции.

Несмотря на широкое распространение Твиттера и других социальных сетей среди сторонников оппозиции, исследователи указывают на ограниченность его применения среди протестующих, так как большинство из них не имело доступа в интернет [2, с. 443-445]. Увеличившаяся активность в иранских блогах, создание большого количества протестных сайтов, постоянное выкладывание новых видеоматериалов на YouTube – все это имело значение в

большей степени в организации онлайн протестов, а также информировании мирового сообщества, чем в реальных демонстрациях.

Также деятельность в онлайне отнимала у людей силы, которые они могли потратить на улицах. Большое количество всевозможного материала в социальных сетях путало людей, которые не могли найти нужной информации. Вдобавок, иранские спецслужбы организовали несколько успешных кампаний по созданию альтернативных сайтов, где распространялась ложная информация об организации протестов, а также осуществили ряд удавшихся DoS-атак на сайты оппозиции [1, с. 112].

Большинство протестных акций координировались в оффлайне, то есть непосредственно с помощью прямого контакта между участниками протестов на иранских улицах.

Литература

1. Fisher A. Bullets with Butterfly Wings: Tweets, Protest Networks, and the Iranian Election // Media, Power, and Politics in the Digital Age: The 2009 Presidential Election Rising in Iran. Lanham, 2010. P. 110.
2. Harris K. The Brokered Exuberance of the Middle Class: An Ethnographic Analysis of Iran's 2009 Green Movement // Mobilization: An International Quarterly. Vol. 17. №4. December 2012. P. 436.
3. Parr B. Mindblowing #IranElection stats: 221,744 tweets per hour at peak // Mashable. 17.06.2009. URL: <http://mashable.com/2009/06/17/iranelection-crisis-numbers>
4. The Iranian Election on Twitter: The First Eighteen Days // Web Ecology Project. Pub. 1. 26.06.2009. P. 4. URL: <http://www.webecologyproject.org/wp-content/uploads/2009/08/WEP-tweetFINAL.pdf>
5. Thompson N. Iran: Before you have that Twitter-gasm... // WIRED.com. 17.06.2009. URL: <http://www.wired.com/dangerroom/2009/06/iran-before-you-have-that-twitter-gasm>
6. What does 1.4 million tweets looks like? The #IranElection data: (update on USC Public Diplomacy blog post) // Wandren PD: A testing ground for new possibilities. 29.11.2009. URL: <http://www.wandrenpd.com/2009/11/what-does-1-4-million-tweets-looks-like-the-iranelection-data-update-on-usc-public-diplomacy-blog-post/>
7. Zilber N. Twitter against the ayatollahs: The upheaval in Iran is a milestone in the influence of new media technology on global politics // The Guardian. 25.06.2009. URL: <http://www.guardian.co.uk/commentisfree/2009/jun/25/iran-new-media-upheaval>

**ГИЗЕЛА ХАМИД,
ДАНИЯ ХАТАМОВА**

КОРОЛЕВСТВО МАРОККО – СТРАНА МЕЖЭТНИЧЕСКОЙ И ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ ТОЛЕРАНТНОСТИ

Королевство Марокко – уникальная страна, представляющая разнообразные этнические группы, где каждая имеет свою богатую культуру и цивилизацию. За всю свою историю Королевство Марокко посетило много людей, приезжающих как с Востока (арабы, финикийцы, евреи), так и с Юга (африканцы области Сахары), также и с Севера (римляне, вандалы, мавры и евреи). Все эти этнические группы имели воздействие на социальную структуру Ма-

рокко. Отсюда родом и все формы верований – от язычества, до иудаизма, христианства и ислама. Королевство Марокко установило среди своих главных приоритетов – защиту своего наследия и сохранение своей культурной идентификации [1].

Большинство населения Королевства Марокко имеет берберское происхождение, в связи с этим страну считают арабско-берберской. Берберы идентифицируются, прежде всего, по языку, по письменности, а также и по традиционным обычаям и культуре, которая проявляется в характерной музыке и танцах.

Потомки арабов, пришедших с территории современных Сирии и Аравии, составляют незначительную часть населения. Исламскую культуру на территорию страны принесли выходцы из арабских стран. Они передали местному населению арабский язык, как язык Корана и ислам как религию, но берберские племена приняли ислам намного позднее.

Кроме мусульман в стране имеются небольшие общины христиан и иудеев. Численность христиан не превышает 100 тыс. человек, проживающих преимущественно в крупных городах. Большинство из них – приверженцы римско-католической церкви, которая имеет на территории Королевства Марокко две епархии – Танжер и Рабат. В стране действуют католические миссионеры.

Также в Королевстве Марокко существует около 4 тыс. представителей православных Александрийского патриархата, в основном это греки, проживающие в Касабланке и некоторых других городах.

В столице есть русская православная церковь, построенная еще в начале XX века эмигрантами из Российской Федерации и стран СНГ.

Число протестантов ограничено несколькими тысячами человек (в основном это англичане и американцы). Из протестантских организаций в Королевстве Марокко действуют Миссия Южного Марокко, Североафриканская миссия, Миссия адвентистов седьмого дня.

Иудаистская община Марокко тоже присутствует и насчитывает приблизительно 13 тыс. чел. Королевство Марокко всегда обладало значительным еврейским населением – сефарды. Благодаря своей многонациональности Королевство Марокко – многоязычная страна. В стране более длительно существовавший берберский язык официально еще не признан, хотя широко используется французский язык, но он является колониальным. Арабский язык остается официальным языком Марокко и используется в ежедневных социально-экономических и культурных событиях страны [2].

Языковой колорит страны настолько интересен, что изучению и исследованию страны в этом направлении можно посвятить долгие годы. Каждый язык, диалект, интонация или фраза наполнены своей загадочностью, историей возникновения территории распространения. Лингвистически берберский язык принадлежит к группе семито-хамитской семьи языков и имеет много диалектов [3].

Берберская письменность восстановлена и получила статус языков, имеющих письменность. Тот диалект, на котором говорит 100% населения

Королевства Марокко – магрибский(марокканский диалект), не имеет своей письменности. И парадокс, что язык до сих пор сохранен.

Практически наравне с магрибским языком широкое распространение имеет французский язык. Он распространен настолько широко, что фактически рассматривается в качестве ещё одного государственного языка. Его используют в сфере туризма, во время бизнес переговоров, в экономической деятельности. Помимо этого, французский язык часто применяют в сфере образования и политики. Это язык государственного делопроизводства, науки и художественной литературы. Хотя он и является колониальным, на нем говорит практически все городское население Королевства Марокко.

Исторически на севере и северо-западе страны распространён испанский язык, где он является рабочим языком в некоторых учреждениях.

Поскольку часть местных квалифицированных специалистов в своё время получили высшее образование в странах бывшего СССР, то знание русского так же не редкость, правда, владеет им больше профессиональная элита, а не обыватели.

Страна контрастов – это название описывает не только разнообразную красоту Марокко, ее природу, многонациональность и многоязычность. Язык является главным средством коммуникации и это вне времени. Марокканцев в этом смысле можно назвать полиглотами, так как благодаря своей многонациональной истории и умению сохранить корни, они сохранили, и уникальные языки, умело пользуясь несколькими. При совместном сосуществовании народов и языков с исконно историческим наследием с их культурой и самобытностью, одновременно, произошло накопление изменений и влияний других культур, религий и цивилизаций на языки этой страны. Хотя берберы были, в конечном счете, все-таки обращены в Ислам, их этническая и лингвистическая чистота сохранилась. Созданы и существуют берберские ассоциации. Газетные киоски или книжные магазины во всех главных городах страны заполнены берберскими журналами и другими публикациями, которые предлагают статьи о берберской культуре. Государственная телерадиокомпания «RTM» начала вещание сводок новостей на трех берберских языках уже с середины 1990-х гг. [4]. Политика страны бережно хранит свою древнюю самобытность, этнические корни, исключительность и колорит.

Литература

1. Декларация принципов толерантности Утверждена резолюцией 5.61 Генеральной конференции ЮНЕСКО от 16 ноября 1995 года // Первое сентября. 2000. № 66. С. 3-4.
2. Oxford. Большая энциклопедия. М.: Росмэн, 2002. 664 с.
3. Сергеев М.С. Берберы Северной Африки: прошлое и настоящее. М., 2003.
4. Ланда Р.Г. Марокко: 30 лет независимости. М., 1985.

ЭТНИЧЕСКИЙ СТИЛЬ – ИНСТРУМЕНТ ТОЛЕРАНТНОСТИ В СОВРЕМЕННЫХ МЕЖЭТНИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЯХ

Этнический стиль в одежде, интерьере, жизни хранит в себе мудрость всех народов мира по созданию и комбинированию природный знаний в со-творении собственного стиля. Знаменитый дизайнер Ив Сен Лоран понял и прочувствовал суть и драгоценность, которую представляет собой этнический стиль и приложил немалые усилия, чтобы поднять его до уровня богатых и знаменитых людей современности. Мы должны обратить внимание на все то, что хранит каждую крупицу самобытности народа или страны. Этнический стиль – это характерная черта нашего времени и единственный симптом глобализации, против которого не будут выступать даже самые радикальные анти-глобалисты.

Одним из наиболее ярких примеров этнического стиля является марокканский стиль, который, как стиль, сформировался в эпоху колониальных завоеваний. Он представляет собой смесь как европейских, так и североафриканских традиций, при этом бережно сохраняя свою историческую уникальность. Влияние на марокканский стиль произвели традиции многих народов: берберов, мавританцев, финикийцев, римлян и греков, французов, испанцев, португальцев, а также народов других европейских стран [1]. Сегодня в марокканском стиле идеально сочетаются сложные мавританские орнаменты, европейские материалы и мебель, грубоватый стиль кочевников. Материалы используются те же, что и использовались несколько столетий назад кочевниками. Основными особенностями являются мозаика из керамической плитки, очень тонкая резьба по дереву, большое количество ковров и тканей, богатство орнаментов, каждый из которых имеет свою историю. Наиболее популярными предметами являются всевозможные вазы, сундуки, кальяны, светильники с витражными вставками, латунные кувшины. Цветовая гамма марокканского стиля также достаточно необычна — белый, голубой, синий, красный, терракотовый, зеленый. Это одно из самых экзотичных смешений нескольких культурных слоёв, его условно можно разделить на два направления: берберский и испано-мавританский (андалузский).

Берберский – простой и лаконичный, немного грубоват по исполнению. На протяжении тысячелетий искусство берберов сохраняется в первоначальном – примитивном виде, где основными являются утилитарные задачи. И никакие цивилизации, даже доминирующая – мусульманская культура не смогли оказать на него заметного влияния.

Андалузский – отличается от берберского пышностью испано-мавританских традиций. Римляне, испанцы, англичане – все они оставили здесь следы своей культуры, но самым сильным оказалось влияние французов. Однако это отнюдь не выражается в навязывании европейских архитектурных канонов, это органичный синтез европейских и североафриканских элементов [2].

Одно из самых грандиозных проявлений марокканской архитектуры и сооружений мусульманского мира, является здание, входящее в десятку самых дорогих строений всего мира – Мечеть Хасана II. Мечеть является самой большой в Королевстве Марокко и пятой по величине во всем мире. Ее минарет крупнейший в мире, его высота достигает 689 футов, и может похвастаться лазерным лучом (влияние современных технологий) на ее вершине, указывая путь в Мекку. По словам главного архитектора — Мишеля Пинсо, его вдохновили слова из Корана: «Трон Аллаха находится на воде», эту идею он использовал при проектировании постройки. Примечательно, что архитектор мечети — француз Мишель Пинсо, не был мусульманином и это одно из немногих религиозных сооружений в Марокко, куда разрешён вход не мусульманам, представителям других религий. Здание мечети задумано таким образом, чтобы при приливе у молящихся создавалось впечатление, что мечеть плывёт по волнам подобно кораблю. Этот эффект усиливается по мере увеличения высоты волн. В Мечети Хасана II предоставлена возможность человеку любого вероисповедания и принадлежности к любой конфессии зайти внутрь и собственными глазами убедиться в красоте исполнения, изяществе и мастерстве отделки, торжественности стиля реализации символа надежд и стремлений марокканского народа и Марокко в целом. Сооружение относительно молодое. Потому ваятели внедрили современные технологии и применили достижения современности. Отделка из марокканского кедра Атласских гор, розовый тафраутский гранит и золотистый итальянский мрамор, зеленый оникс, многочисленные светильники муранского стекла, двери из российского титана. Всё с нотками и с привкусом африканского континента [3]. Еще одним из ярких представителей архитектурных объектов в Марокко является сад Жака Мажореля, который был заложен французским художником в 1920 г. В Марракеше он приобрел участок земли и вокруг своей мастерской стал сажать растения, которые привозил из разных уголков мира. Климат Марракеша благоприятствовал росту любых растений. После смерти Мажореля сад пришел в запустение, но в 1962 г. полностью восстановлен его новыми владельцами Ивом Сен-Лораном и Пьером Берже. Сегодня сад представляет собой интересное ботаническое явление, где можно увидеть различные пальмы, банановые деревья, гигантский бамбук, бугенвиллеи и даже прудик с лягушками и подмосковными кувшинками. Это уникальное место является ярким примером марокканского стиля и одновременно примером толерантного сосуществования и объединения многих культур мира [4].

Сегодня марокканский стиль актуален во всем мире. Он прочно удерживает одно из лидирующих мест, легко узнаваем и становится весьма популярным в РФ. Использование этого стиля одинаково будет уместно в роскошном особняке и простом жилище. Он как будто является тонкой нитью напоминания, что, вне зависимости от расы, национальности, богатства и положения в обществе, все мы являемся частичкой единого целого. Такое длительное пересечение, взаимовлияние и взаимопроникновение разных культур не могли не сказаться на развитии культуры в самом стиле, и как следствие создания синтеза несоединимого, интернационального, современного и неизменного – уходящего вглубь веков.

Литература

1. Богораз-Тан В.Г. Распространение культуры на земле: основы этногеографии / предисл. С.И. Ковалева. М.; Л.: Гос. изд-во, 1928.
2. Межкультурный диалог: Лекции по проблемам межэтнического и межконфессионального взаимодействия / Под ред. О.В.Луновой и Т.Г. Стефаненко. М.: РУДН, 2003. 406 с.
3. Чулов Д. Жемчужина Магриба// Вокруг света.2001. №2. URL: <http://www.vokrugsveta.ru/vs/article/8/>
4. Bienvenue au Jardin Majorelle. URL: <http://www.jardinmajorelle.com/>

IVANE TSERETELI

THE PROCESS OF SELF-IDENTIFICATION AND INTER-RELATIONS OF ETHNIC GROUPS IN GEORGIA AT THE TURN OF THE 20TH CENTURY (ACCORDING TO THE PRESS MATERIALS)

The paper aims to analyze interrelation of the titular nation and ethnic minorities in the era of formation of the Georgian nationalism. To this end, various newspapers, published at the turn of the 20th century, will be analyzed in some details. Attitudes of ethnic groups expressed in these newspapers have been determining the self-perception and interrelation of ethnic groups (titular and non-titular) residing on the territory of Georgia.

Georgia is the multicultural and multiethnic state. Civic integration and maintenance of ethnic/cultural diversity are those problems Georgia is facing currently in the era of civic nationalism. The problem of identity becomes more acute in the era of nationalism. Narrative plays the crucial role in the determination of identity. Any text, which reflects the self-perception of physical, cultural and intellectual place of society in the world and provides key how they should be perceived by *others* could be considered as an identity narrative. Identity narrative also determines the mode of action of an individual as a member of particular ethnic and cultural entity and defines their attitudes towards the members of the out-group.

Press materials are one of the most important narratives. According to the nationalism theories printed press plays the crucial role in the determination of the *in-group* that is its sets foundation for the formation of a nation as an imagined community and determines the relations between the ethnic groups. The press materials at the turn of the 20th century are the primary target of our research. Articles, reflecting relations among Georgians, as titular nation, and ethnic and cultural minorities residing on the territory of Georgia, quite often appear in different newspapers. The newspaper articles reflect cultural and economic life, the issues of representations of ethnic minorities in the local self-government unit of Tbilisi and other sensitive issues related to the Muslim Georgians of Adjara region. No fact, related to ethnic minorities, is left without the attention of newspapers.

The study attests complexity of ethnic self-identification in the beginning of the 20th century; it also proves that the Georgian intellectual elite was aware of im-

portance of cultural diversity of Georgia, as well as seriously considered this fact in the future build-up of the Georgian state.

ВЕРОНИКА ЦИБЕНКО (ИВАНОВА)

КРЫМ В СОСТАВЕ РОССИИ КАК ВЫЗОВ ТУРЕЦКОЙ КОНЦЕПЦИИ НЕООСМАНИЗМА

На протяжении вот уже нескольких веков Крым играет важную роль в русско-турецких отношениях. Османских султанов и крымских ханов связывали многочисленные династические браки, что с учетом верховенства султана как халифа над крымскими татарами-мусульманами превращало Крым в один из главных форпостов Османской империи и центр распространения ислама турецкого образца. Потеря Крыма болезненно отразилась на престиже Османской империи: мусульманские территории перешли в руки христиан, Черное море окончательно утратило статус «внутреннего моря» Османской империи, значительно ослабло османское влияние на Кавказе.

В этой связи неудивительно, что вопрос «возвращения Крыма» или, как минимум, восстановлении там турецкого влияния, сохранил свою актуальность. Эта идея популяризировалась в начале XX в. турецкими пантюркистами, во второй половине XX в. – идеологами тюрко-исламского синтеза и, наконец, в XXI в. – сторонниками воссоздания Османской империи в новых условиях (неоосманизма). Во всех этих течениях Крым признавался исконной турецкой территорией, а крымские татары воспринимались как единственное «законное» население полуострова, мечтающее о воссоединении с родственной ему Турцией.

После распада СССР в Крыму широко развернулась деятельность различных турецких организаций и религиозных фондов, способствующих возрождению тюрко-исламского облика Крыма и укрепления его связей с Турецкой Республикой. Они финансировали возвращение депортированных в 1944 г. крымских татар, открытие школ и образовательных центров, реставрацию памятников и культовых сооружений. Представители крымских татар регулярно принимали участие в мероприятиях, проводимых турецкой стороной, представляя Автономную Республику Крым, как башкиры – Республику Башкортостан, а казанские татары – Республику Татарстан. Благодаря этому в Турции укрепилось представление о современном Крыме как о крымскотатарской автономии и органичной части Тюркского Мира.

Вхождение Крыма в состав России стал настоящим потрясением для турецкой политической элиты и широкой общественности, подвергнув испытанию на прочность концепцию неоосманизма, приведя к пересмотру преувеличенных представлений о мере автономности Крыма, влиянии там тюркского населения и самой Турции.

Пока вопрос о присоединении к России не был решен, турецкая пресса всерьез рассматривал вариант перехода Крыма к Турции, опираясь на мифические параграфы Кючук-Кайнарджийского мирного договора 1774 г., согласно

которым Крым, якобы, не может быть независимым и должен принадлежать либо России, либо Турции. В случае же провозглашения независимости, он должен автоматически перейти под контроль Турции. Сожалея, что при распаде СССР Турция не воспользовалась инструментами международного права для возвращения Крыма, авторы многочисленных статей призывали Турцию исправить ошибку.

Однако вскоре тон публикаций кардинально изменился, что было вызвано неожиданно нейтральной линией правительства по отношению к факту присоединения Крыма к России. Такая позиция стала результатом политического прагматизма, возобладавшему над политическим идеализмом. Акцент в повестке дня сместился с протекции крымским татарам в сторону выгод, которые может получить Турция из этой ситуации, лавируя между энергетическим партнером-Россией и главным партнером по НАТО – США.

При этом политическое партнерство с Россией на данном этапе оказалось важнее геополитических амбиций, что продемонстрировало также и участие премьер-министра Турции Реджепа Тайипа Эрдогана вместе с супругой в открытии Зимней Олимпиады в Сочи. Это произвело скандальный эффект в самой Турции, поскольку многочисленная черкесская диаспора Турции в течение нескольких лет настойчиво призывала бойкотировать проведение Олимпиады на территориях, вошедших в состав России после Кавказской войны.

Подобную смену курса турецким руководством можно объяснить расколом, прошедшим между Реджепом Тайипом Эрдоганом и его бывшим сторонником – проживающим в США влиятельным турецким проповедником Фетхуллахом Гюленом. Именно этим, по мнению самого Эрдогана, спровоцированы антиправительственные выступления в Турции 2013-2014 гг. Последовавшие за ними высказывания мирового сообщества о «нелегитимности» турецких властей и обвинениях их в исламофашизме воспринимаются Эрдоганом как «черная метка» от США, вынуждая искать поддержки Владимира Путина, имеющего положительный опыт решения сходных вопросов. Украинский пример еще раз продемонстрировал Эрдогану, насколько легко в современных условиях проходит мобилизация «народных масс» и смена «тиранических режимов».

Кроме того, политика, проводимая в русле неоосманизма, не только потребовала неподъемных для современной Турции затрат, но и не принесла ожидаемых результатов. Крым стал вторым после Сирии провалом идей неоосманизма. Не выдержало испытания и представление о Крыме как части Тюркского Мира. Турецкая общественность с удивлением узнала реальные проценты татарского и русского населения полуострова. Аргумент Кючук-Кайнарджийского мирного договора также был отброшен – выяснилось, что у Турции отсутствует даже оригинал этого документа.

Тем не менее, в отсутствие новых оригинальных идей неоосманизм сохранился как долгосрочная стратегия. Это подтверждают официальные заявления автора концессии неоосманизма министра иностранных дел Турции Ахмета Давутоглу о непризнании референдума, защите прав крымских татар и планируемом усилении их интеграции с Турцией. Продолжение использования в турецком общественно-политическом дискурсе крымскотатарских назы-

ваний таких городов, как Севастополь (Акъяр) и Симферополь (Акмесджит) отражает представление о принадлежности полуострова крымским татарам.

ЕВГЕНИЙ ЧЕРНЫЙ

ЦЕННОСТЬ ВРАГА: ПСИХОСЕМАНТИКА ПРОТИВОСТОЯНИЯ

...И насколько проще выглядит антагонизм у животных! Враг – тот, кто может тебя или твоих детёнышей догнать (достать, если это кладка яиц) и, тем или иным образом, убить. Чаще – съесть. Если бы у животных была точка зрения и возможность её выразить, то они наверняка бы заявили, что совсем не нуждаются во врагах. Они чувствовали бы себя прекрасно, если бы им не приходилось убежать от тех, кто выше в пищевой цепочке. Они бы плодились и размножались. Правда, объективно, с позиции теории эволюции наличие естественного «врага» позволяет сохранять равновесие в мире фауны, а животным держаться в хорошей «спортивной» форме. И только появление противоестественного, то есть неприродно сильного врага – человека, да ещё технически оснащённого, ломает баланс и нередко приводит к вымиранию того или иного вида.

Возможно, в этом есть действие некой высшей справедливости, но человек наказан необходимостью иметь врага (хотя, обычно люди этого не признают). Некоторые религиозно-философские системы теоретически пытались преодолеть эту неизбежность, призывая к состраданию, любви. Одинаково красиво звучит и на греческом, и на церковнославянском призыв возлюбить врагов, благословлять проклинаящих, творить им добро, молиться за них: «Азь же глаголю вамъ: любите враги ваша, благословите кленущыя вы, добро творите ненавидящымъ васъ, и молитесь за творящихъ вамъ напасть и изгонящыя вы...» [Матф.5:44].

Впрочем, история практического воплощения этой идеологии весьма скудна примерами. Скорее, наоборот, враги не только чётко обозначались и фиксировались, но и уничтожались – в прежние времена исключительно физически, в нынешние – чаще морально или организационно.

А всё потому, что враг нужен по разным причинам. Оставляя в стороне геополитические, экономические и прочие, остановимся лишь на психологических:

- чтобы почувствовать себя праведником или, по крайней мере, не таким грешником, как враг;

- чтобы иметь моральное право искоренить грехи в душе ближнего нашего, злодея и супостата;

- чтобы иметь возможность победить зло (чинимое врагом) добром: *«Не будь побежден злом, но побеждай зло добром»* [Рим. 12:21];

- враг, как *громоотвод* или способ *«выпустить пар»*, сбросить агрессию не на близких или самого себя, а вовне;

- враг как *отличное средство диагностики собственных слабостей* – уж он-то не упустит возможность ткнуть в больное, слабое или недоразвитое.

Но если смотреть ещё глубже, то можно говорить о вечной проблеме человека, которая, как и все прочие проблемы, есть результат наличия сознания, самосознания, рефлексии и бессознательного. И производных от этого микса: культуры, морали, совести, идентичности... В каком-то смысле, для человека так же естественно жить в ситуации внутренних конфликтов (например, между инстинктами и моралью, желанием и совестью), и соответствующим образом это переживать и реагировать на уровне поведения, как для животного жить без внутренних конфликтов, руководствуясь лишь инстинктами и адекватно реагируя на ситуацию.

Необходимость иметь врага и его ценность для отдельного человека и для группы, состоит в том, что это позволяет из мира внутренних конфликтов, которые по определению:

- разрушают изнутри и никогда не могут быть полностью изжиты;
- ввергают в отчаяние;
- вызывают тревожность, агрессию, в том числе, аутоагрессию,

вынести эти конфликты вовне, освободиться от вечного напряжения, перенести его в плоскость деятельности, пусть разрушительной.

Если человек не рефлексивен, напряжение стремится найти выход в спонтанном действии и тогда, точно направленный в его дремлющее сознание и всегда активно живущее бессознательное, лозунг (как сгусток идеологии), является импульсом, включающим его в «мы», с которым он автоматически идентифицируется.

Человек с иной когнитивной организацией, блуждая в лабиринтах рефлексии, испытывает чувства неопределённости, незавершённости, неизбежности внутренних проблем, постоянно мучим вопрошанием: «Что делать»? Впрочем, нередко, всё заканчивается тем же благостным слиянием с группой и погружением в соответствующую идеологию. Вечный псевдозащитный механизм проекции, позволяет не видеть «бревна в своём глазу» и автоматически приписывать эти «брёвна» другим-чужим-врагам. Будоражащая чуждость Другого уравнивается умиротворяющей близостью к Своему. Искомый баланс достигнут, но он должен постоянно поддерживаться идеологией и действиями. То и другое предлагаются сегодня в избытке. Как на уровне идеологий, так и в форме их практического воплощения: локальных конфликтов (в том числе, замороженных, тлеющих и проч.), войн.

Сущностное содержание понятия «идеология» понимается нами в традиции М.М.Бахтина, как некоторая перенос «внутреннего знака» и «внутренней речи», т.е. психологических феноменов, вовне – в знак, в социальность, в явление внешнего мира. «(К)о всякому знаку приложимы критерии идеологической оценки (ложь, истина, справедливость, добро и пр.). Область идеологии совпадает с областью знаков. Между ними можно поставить знак равенства. Где знак – там и идеология» [2, с.354]. Для обозначения объективно существующих форм идеологии М.М.Бахтин, а вслед за ним Ю.Кристева, использовали термин «идеологема»[3].

Объединяя миф и идеологию, Р.Барт определял их как «вторичные семиотические системы», «вторичные языки», «метаязык», а смысл идеологии ви-

дел в том, что она является инструментом введения мифического построения в рамки всеобщей истории и определённых социальных интересов [1].

Идеологемы, как некие концепты, концентрирующие какие-то ключевые фрагменты идеологии, служат определённой цели. Или, точнее, проявляют и отражают содержание бессознательного – скрытые комплексы, мотивы, влечения, импульсы, страхи...

Есть случаи, когда чтобы подавить, унижить врага и/или снизить собственную напряжённость, тревогу или страх, необходимо противопоставить его идеологии свою. Тогда декларируется противостояние идеологий: этноцентризм или его крайние формы – нацизм, фашизм с одной стороны и интернационализм, либерализм – с другой. Противопоставляются и соответствующие идеологемы. Но нередко, противники бывают или идеологически близки, или равно нейтральны идеологически. В этом случае действия сторон определяются не идеологией, а политикой: используются схожие идеологемы, концепты, лексемы. Фактически, происходит обмен, перебрасывание одного и того же «мяча» на территорию противника. Или же это напоминает стремление не очень уверенного в себе игрока в шахматы путём наивного повторения ходов, *во всяком случае, не проиграть*, поскольку он не знает, как выиграть.

Например, характерные для определённого периода и возобновляемые время от времени некоторыми украинскими политиками обвинения в геноциде украинского народа во время Голодомора – весьма раздражающая Россию лексика, достаточно длительное время применявшаяся в ходе информационной войны со стороны Украины. Россия защищалась, зачастую, оправдываясь: это был не искусственно созданный голод, а естественный; был голод в других регионах СССР; даже если это и был искусственно созданный голод, то он касался не только Украины; даже если этот искусственно созданный голод и касался только Украины, то в этом виноват не русский народ, а сталинизм, большевики и проч. Понятие «геноцид» всячески развенчивалось, как неприемлимое к данной ситуации. Всё это несколько не влияло на политиков, политологов, СМИ Украины: одни из кожи вон лезли, чтобы доказать, другие выдвигали гипотезы за аксиомы, третьи просто и без всяких затей повторяли одно и то же. Эта дразнилка звучала однообразно и громко.

Прошло время и пришло время, когда в связи с событиями на Юго-Востоке Украины обвинения в геноциде русских звучат в адрес Украины и, несомненно, подкрепляются определёнными фактами. В целом, для отношений между Россией и Украиной в настоящий момент характерен также обмен такими экспрессивными лексемами как: фашизм, нацизм, хотя большинство населения этих стран, по понятным причинам одинаково негативно относится к этим явлениям и соответствующим историческим событиям. Во всяком случае, никто открыто не исповедует ни фашистскую, ни нацистскую идеологию. Другие знаки взаимных обвинений связаны с весьма эмоционально насыщенными понятиями: агрессия, терроризм, бандитизм. Вот наиболее часто встречающиеся слова и обороты:

- сепаратисты, боевики, наемники, террористы, российско-террористические войска, теракты, «колорады», «ватники» – в сторону вою-

щих со стороны Донбасса людей (сами они называют себя ополченцами) и мирного населения;

- каратели, бандеровцы, «укропы», нацисты, фашисты – по отношению к правительственным силам (которые называют себя Антитеррористическими силами, украинскими военными (Вооружёнными) силами, Нацгвардией) и части населения Украины.

Однако, как будет восприниматься эта ситуация через несколько лет или несколько десятков лет?

Литература

1. Барт Р. Мифологии. Mythologies. М.: Изд-во им. Сабашниковых, 2000. 320 с.
2. Бахтин М.М. Фрейдиизм. Формальный метод в литературоведении. Марксизм и философия языка. Статьи. М.: Лабиринт, 2000. 640 с.
3. Кристева Ю. Семиотика: Исследования по семанализу. М.: Академический Проект, 2013. 285 с.

НАТАЛЬЯ ЧУВИЛИНА

ОСОБЕННОСТИ СОВРЕМЕННОЙ РОССИЙСКОЙ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ

Для анализа политических аспектов «политики памяти» в современной науке часто используется категория «историческая политика». Существует разные смысловые интерпретации термина «историческая политика», одной из которых является «интерпретация истории, избранной по политическим, то есть партийным, мотивам, и попытки убедить общественность в правильности такой интерпретации» [1]. «Историческая политика» может быть представлена как взгляд на историю сквозь фокус политических интересов и отношений и использование политическими акторами исторической проблематики в политических целях для решения политических задач.

В контексте структурно-функционального подхода структура категории «историческая политика» включает субъектов с их целями и интересами, деятельность данных субъектов по реализации своих целей и интересов (действия), факторы (среда), объекты «исторической политики». Политическими субъектами «исторической политики» выступают правящие и оппозиционные элиты и лидеры, политические партии, общественные группы и организации, средства массовой информации, интеллектуальная элита и эксперты.

В демократических, плюралистических обществах историческая политика развивается в результате конкуренции точек зрения на исторические события прошлого различных политических субъектов – правящих оппозиционных элитных групп, партий, а также при участии представителей и организаций профессионального исторического и медийного сообществ.

Особую актуальность, остроту и специфичность проявления историческая политика приобретает в трансформирующихся обществах, переживающих борьбу «старого» и «нового», решающих задачу формирования граждан-

ской идентичности на новых основаниях. В посткоммунистических демократиях историческая политика часто используется правящими элитами для борьбы с политическими оппонентами, вытеснения их из сферы политики, для решения тактических вопросов противостояния в сфере внешней политики. В «новых демократиях» правящие элиты зачастую используют специфические способы вмешательства в «политику памяти» и новые стратегии легитимации такого вмешательства [2].

Специфической чертой современной российской исторической политики является слабость плюрализма, доминирование в ее поле государства в лице правящей элиты.

Другой особенностью современной российской исторической политики является абсолютное доминирование в круге ее властных субъектов федерального уровня в лице Президента страны, думского руководства и депутатского корпуса партии «Единая Россия», ограничение пространства функционирования исторической политики преимущественно федеральным уровнем политики и ее содержательного наполнения вопросами общероссийской истории. В то время как в 90-е гг. XX в. региональные правящие элиты в национальных республиках активнейшим образом использовали историческую политику для отстаивания региональных интересов во взаимодействии с Центром, для легитимации собственной политики и мобилизации общественной поддержки.

Характерными чертами современной российской государственной исторической политики являются содержательная невнятность, ограниченность и противоречивость.

Ограниченность государственной исторической политики проявляется в том, что власть предпочитает не касаться многих важных проблем исторического прошлого (трагедий коммунистического периода) — они остаются нерешенными. Противоречивость российской государственной исторической политики проявляется в создании некоторых явно искаженных образов прошлого, наличии в ней разновекторных тенденций в части способов ее реализации.

Так, анализируя практику историческую политику российской власти в 2008-2009 гг., А.И. Миллер отмечал такие ее особенности, как попытки насаждения в школе единственного, редактируемого из политического центра, учебника истории; создание специальных политически ангажированные структур, совмещающих задачу организации исследований в области истории с контролем за архивами и издательской деятельностью; попытки законодательного регулирования исторических интерпретаций; использование типичных для исторической политики методов легитимации и идеологического обеспечения всех перечисленных выше практик [3].

В последние два года налицо некоторая активизация процесса реализации государственной исторической политики в России, сосредоточение главного акцента государственной исторической политики на образовательном и воспитательном процессах, внедрение новых механизмов ее реализации, основанных на взаимодействии государства, профессионального исторического сообщества при патронате государства. Вместе с тем, государственная историческая политика в России продолжает сохранять ограниченно плюралистический и противоречивый характер.

Так, с одной стороны, решение Президента В.В. Путина о создании единого учебника истории, который не должен иметь «внутренних противоречий и двойных толкований» вполне укладывается в русло ограничения плюрализма. С другой стороны, экспертная комиссия Российского исторического общества в процессе подготовки историко-культурного стандарта убедила Правительство отказаться от «единого» учебника истории и в итоге принято решение о подготовке 3-4 линейек учебников по истории России.

С одной стороны, разработчики историко-культурного стандарта внесли в него перечень «трудных вопросов истории», вызывающих острые дискуссии в обществе, утвердили принцип, согласно которому «трудные вопросы» получают альтернативные оценки [4]. Однако оценка и подробный анализ причин развала СССР были оставлены («за кадром») историко-культурного стандарта.

Российская государственная историческая политика в современной России – формирующийся институт. Базовый вектор ее развития на современном этапе пока не ясен. Однако поворот российской власти к патриотическому воспитанию [5], неразрывная связь государственной политики в области патриотического воспитания с государственной исторической политикой позволяют прогнозировать дальнейшее развитие государственной исторической политики в России.

Литература

1. Миллер А.И. Россия: власть и история // ProetContra. 2009. № 3-4. С. 9.
2. Там же. С. 11-13.
3. Там же. С. 20.
4. Хамраев В. «Важно только не политизировать историю, и тогда место в ней найдется всему». Академик Александр Чубарьян о проекте историко-культурного стандарта // Коммерсантъ. 2013. № 200 (5231). 31.10. URL: <http://www.kommersant.ru/doc/2332432>.
5. Винокурова Е. В администрации Президента готовят новую концепцию российского патриотизма // Газета.Ру. 21.02.2013. URL: http://www.gazeta.ru/politics/2013/02/21_a_4976877.shtml; Нагорных И. Еще раз о любви. Патриотическое воспитание взято под новое управление администрации президента // Коммерсантъ. 2012. 22.10. URL: <http://www.kommersant.ru/doc/2050269>.

IRAKLI CHKHAIDZE

THE “ROSE REVOLUTION”: NEW TRENDS OF THE POST-SOVIET GEORGIAN NATIONALISM

Introduction. The paper aims at exploring the trends of Georgian nationalism since the “Rose Revolution” (2003) when the new course of nation and state-building was declared. The scientific literature, public speeches of the Georgian politicians and official documents are analyzed in the framework of the constructivist theory of nationalism.

“A nation is a project for the present and the future – a project that unites us beyond our political, social, religious, ethnic, or regional differences and characteristics. A nation is not an ethnicity and it cannot be only a common History. A nation, ladies and gentlemen, is a national project”, – this is a fragment from the president Saakashvili’s speech after the clash between the members of former president’s party “United National Movement” and the supporters of the new ruling party “Georgian Dream” led by the former Prime Minister Bidzina Ivanishvili on February 8, 2013. Georgia’s ex-president declared a course aiming at creation of modern Georgian nation-state based on civic nationalism. “Multiethnic Georgian Nation” was his favorite concept frequently used at diverse meetings and appeals. In the above-mentioned speech, Mikheil Saakashvili also presented main features of the Georgian national project: independence, sovereignty, territorial integrity, democracy, prosperity, Europe; he stressed interconnection of all these principles as in the absence of even one of them, the whole edifice can crumble [8].

Since the collapse of the Soviet Union, Georgia (like other post-Socialist states) was immediately found in captivity of nationalism. Despite several transformations in the post-Soviet period, various forms of nationalistic ideas still remain one of the central questions for the Georgian politics and society.

As Lowell Barrington says, nationalism was the most powerful force in the last centuries. Its ideas revolutionized international politics, aided in the collapse of the Central, Eastern and southeastern European empires, contributed significantly to World War II and played crucial role in breakup of three federal communist states: the Soviet Union, Yugoslavia and Czechoslovakia [Barrington 2006: 3]. The power of nationalism as a maker and destroyer of states is well recognized by scholars. Nationalism is elite driven, masses have often enthusiastically followed nationalist leaders.

Georgian Nationalism in Independence. What happens to nationalism after the achievement of the ultimate goal of creation of a new state? What happens to nationalist ideas after independence? Let’s make short review of dynamics of the Georgian nationalism since gaining sovereignty in 1990s.

Georgia’s road to independence began in the late 1980s, in parallel with the *perestroika* in the Soviet Union. Initially, the national movement had no radical, extreme nature expressing Georgians’ romantic relationship to their landscape [6; p. 222]. The first mass protest was against building of the trans-Caucasian railway. According to this project, Tbilisi had to be directly connected to Vladikavkaz (North Ossetia). The Georgian nationalist leaders assessed the project as containing an ecological as well as ethnic threat for the mountainous part of the country as, in their opinion, the railway construction could change the traditional ethnic picture of the region. The next mass protest was directed against the trainings of the Soviet army on the territory of David Gareji monastery complex – one of the oldest cultural monuments in Georgia. This protest was mostly expressed by youth and it was the first open resistance to the Soviet military machine.

National feelings quickly spread among Georgians and, beginning from 1988, tens of thousands of people demonstrated in support of the independence of Georgia in front of the Parliament building in Tbilisi. After April 9, 1989, when the anti-Soviet demonstration in the centre of Tbilisi, crushed by the Soviet Army, ended up

with death of the peaceful population, Georgia became one of the frontrunner in the political emancipation from the Soviet regime [4, p. 63].

The period between 1989 and 1991 was a time of dominance of a radical ethnic nationalism. Obviously exclusive character of the Georgian national project confronted the radical ethnic movements of the ethnic minorities residing on the territory of Georgia. This supported political and territorial disintegration and military conflicts in the country.

Since the middle of 1990s, the process of de-radicalization of the Georgian nationalism was started. Georgian nationalism moved from “sovereignty-protecting” to “civic nation-building” form. The language of militant nationalism expunged from the official lexicon and was replaced by the concepts of citizenship and minority rights. Nationalist organizations disappeared from the political scene. The absence of public support to these parties should be explained. Stephen Jones suggests that illiberal populism under the first president Gamsakhurdia’s leadership brought economic chaos, civil war, disorder of the state institutions, identity crisis, regional fragmentation, and isolation from Europe. Georgian Ethnic nationalism severely defeated in early 90s and failed to bring results [5, p. 260].

The increasing role of Europe and international organizations in Georgia was an important factor in this process as well. After the negative experience of Gamsakhurdia’s alienation of Europe and US, Georgians’ desire to be Europeans required conformity with European ideas of civil and minority rights, the rule of law and opened them to new and more flexible interpretations of sovereignty. Official acceptance into the Western community which followed on president Shevardnadze’s return to Georgia in 1992 brought recognition of independence and financial support by the West. Later on, Georgia became a member of the Council of Europe (1999).

An important role in the de-radicalization of the Georgian nationalism was played by the shift in the political elite. Shevardnadze’s Soviet background and pragmatic approach to administrative needs led to the restoration of Georgia’s former “nomenklatura” – the old regional party secretaries, Komsomol officials, enterprise managers transformed into the governors and Presidential advisers. Together with them, the President brought into the power young pro-Western modernizers educated abroad (future Rose Revolutionaries). Popular participation and street politics withered away. Shevardnadze did not abandon nationalism but reframed it from a nation-seeking activity to the nation and state-building one. His “institutional” nationalism avoided popular mobilization and aimed to attach both the Georgian nation and national minorities to the state [5; p. 263]. In this context, nationalism became important focus for unity based on reconciliation and a restored self-image of the multinational tolerance. Nationalism in Georgia acquired passive and stable form. “Stability” was a major message of the government in the period.

“Rose Revolution” – the Time of Mass Mobilization and Re-radicalization.

Despite certain success of Shevardnadze’s government in the state and nation-building, country’s stability turned into stagnation and huge corruption. The situation hampered the process of territorial and Euro- integration, damaged state institutions and social development of the country. The ruling party “Union of Citizens of Georgia” split out and new wing under the leadership of Mikheil Saakashvili, Zurab

Zhvania (former PM) and Nino Burjanadze (Former head of the Parliament) went into opposition.

In November 2003, tens of thousands of Georgian citizens demonstrated in front of the parliament in Tbilisi for the second time in the modern history. The new wave of national awakening took place as a reaction to the election falsifications. Shevardnadze tried to block the opposition by gaining a majority in the parliament and inadvertently caused the “Rose Revolution” – a peaceful regime change in Georgia.

The new government of President Saakashvili faced raft of problems intrinsic to colonial history, multiethnic population, and weak tradition of national and state cohesion. Reaffirmation of Georgian statehood was the primary issue to increase state capacity and authority, to integrate multiethnic population and regain territorial integrity, to reinforce the process of North-Atlantic integration.

The first symbolic steps moved by the government clearly demonstrated innovative approach to the national question. In 2004, main national symbols of the state (anthem, coat of arms, and flag) were renewed and officially declared a new stage of nation-building. The symbolic act expressed directions of the Georgian nationalism – for example, Georgia’s five cross national flag shows centuries long relationship with the Christian West, the text of the National Anthem – “Today our freedom sings to the glory of future... So praise be to freedom, to freedom be praise” – expresses gaining of real freedom and sovereignty under the new leadership and final liberation from the Soviet legacy.

Nationalism is an unavoidable outcome of any transformation because of its connection to increased mass participation, which is exploited to legitimize a new system. In this regard, nationalism relies on mass ideology and on mass participation. “In the name of the people” and “rule by majority” is transcendental for it [1, p. 125].

The new government of President Saakashvili utilized nationalism which had been kept by Shevardnadze on low heat. The new administration needed popular support and active national consolidation of the society to implement its ambitious plans of creating an effective state, promoting economy, and changing the frozen *status quo* in the conflict regions. At the same time, there was a principled distinction between Gamsakhurdia’s and Saakashvili’s nationalisms. The new government consciously chose an inclusionary nationalism discourse addressing Georgian citizens and not only ethnic Georgians. Saakashvili repeatedly addressed Azerbaijanis, Armenians, Ossetians and Abkhazians, traveling to the minority regions which were under the control of the central government.

The Role of External Forces in National Consolidation – “Friend” and “Enemy”. The major external forces which played crucial role in national consolidation of the Georgian society after the “Rose Revolution” were Russia and the West (mainly USA). Parallel to the strengthening tight relations with USA, the Georgian government was continuously representing Russia as a major enemy of the Georgian people. Re-activation of the heroic past and battles against the Soviet Russia during the period of Georgia’s occupation in 1920s, recalling of Georgian national heroes who died in resistance to Russia became typical for the state propaganda. For example, re-burying of national hero Kakutsa Cholokashvili from Paris in 2005 and of

Georgia's first president Zviad Gamsakhurdia from Chechnya in 2007 to Tbilisi was raised to the rank of national celebration.

On the other hand, US was considered the main supporter and protector for the independence of Georgia, its territorial integrity and pro-Western aspirations. Culmination was in May 2005 when the President of United States George W. Bush visited Georgia. In his appeal to the Georgian people at the Freedom Square in the center of Tbilisi people sang the national anthems of Georgia and USA.

Russia and USA have been good players of their "roles". Moscow continuously tried to provoke the Georgian leadership into open confrontation. Russians also applied economic, political, and military pressure against Georgia and supported the secessionist regimes in Abkhazia and South Ossetia. On the other hand, US provided economic, political and technical assistance for upgrading Georgia's system of governance and armed forces.

Success and Failure. The new administration quickly succeeded in building state capacities, especially in the security sector, and then relied on the relative strength of those institutions. Saakashvili's nationalism sought to unify Georgia's polity and to bridge ethnic confrontations, but the lessons of early 1990s and the fear in the face of a fractured political landscape persuaded the government to tighten control.

Public structures became more present nationwide, providing better services with almost no corruption. In minority regions, the Georgian government was more eager to implement different policies aimed at integration, providing Georgian language courses where appropriate. Based on its increased capabilities and popular support, Saakashvili managed to effectively broaden governmental control over the regions of Georgia. In 2004, the local revolution in Adjara Autonomous Republic pushed the de facto ruler Aslan Abashidze to abandon the country. Saakashvili also increased state presence in Javakheti, an ethnic Armenian populated region, where the central government's control under Shevardnadze was almost a formality.

National consolidation reached its limits in conflict zones. Recent experience of the ethnic hatred was still alive. Georgian government's civic discourse but revolutionary behavior increased fears in both minority communities. Georgia's state-building program, its focus on anti-corruption and military reform, as well as the effects of increasing state centralization certainly feared ethnic and cultural minorities. In 2004, Saakashvili attempted to replicate the Adjara approach to South Ossetia. A mixture of military threats to the local elite and social help program strengthened rather than weakened local elite-population coherence in the breakaway region.

Russia's policy towards Abkhazia and South Ossetia was critical to the escalation of tensions into violent conflict. Worsening relations between Tbilisi and Moscow, Russia's growing ambitions in the former Soviet space and the Western brokered independence of Kosovo influenced Russia's position regarding Abkhazia and South Ossetia. After Kosovo's independence, Moscow started the process of the de facto recognition of South Ossetian and Abkhazian regimes by setting up direct institutional links between Russian and corresponding public agencies in both regions. Further, Moscow increased its military presence and infrastructure in Abkhazia and South Ossetia. The process culminated in five days war in August 2008 be-

tween Russia and Georgia. As a result of the war, Russia occupied the territories and recognized independence of both breakaway regions.

Georgian nationalism defeated second time in the last two decades. The war had a shocking effect on the Georgian people. The period following the war was characterized with great frustration and disappointment. Alongside with the visit of East European presidents to Tbilisi during the war, which partially prevented Russia's invasion of the capital, there was a real expectation of military help by the West in the hostility. The war brought a feeling in the Georgian people that they were alone in front of Russian aggression.

Conclusion. The study revealed several stages of the post-Soviet Georgian nationalism. Having passed through the radical ethnic and balanced institutional forms, it developed into the civic discourse with revolutionary behavior. Russian-Georgian war switched the Georgian nationalism on a low heat and slowed down the process of national mobilization. The Government significantly changed its internal policy from national consolidation and active militant nationalism to social and employment programs, building of infrastructure as well as tried to strengthen Euro-Atlantic integration process. In the manner president Saakashvili and his government managed to stay in power for several years in spite of resistance by radical opposition.

References

1. Aprasidze D., Siroky D. Frozen Transitions and Unfrozen Conflicts, Or What Went Wrong in Georgia?// Yale Journal of International Affairs. 2010.
2. Barrinlton W.L. Nationalism and Independence. Making and Protecting the Nation in Postcolonial & Post-Communist States. The University of Michigan Press, 2006
3. Clarc D.T. Nationalism in Post-Soviet Lithuania: New Approaches for the Nation of "Innocent Sufferers". Making and Protecting the Nation in Postcolonial & Post-Communist States. The University of Michigan Press, 2006.
4. Chkhaidze I. Georgian National Project in the Context of Ethnic and Civic Nationalism// Civilization Researches. № 7. Tbilisi State University Press, 2009.
5. Jones S. Georgia: Nationalism From Under the Rabble. Making and Protecting the Nation in Postcolonial & Post-Communist States. The University of Michigan Press, 2006.
6. Jones S. Georgia: A Political History Since Independence. Ibtauria. N.Y., 2013.
7. Suny R.G. The Making of the Georgian Nation. Indiana University Press, 1988.
8. <http://tradebridgeconsultants.com/news/government/president-mikheil-saakashvili-delivers-annual-address-in-national-library/> (accessed on January 31, 2014).

АСИЕТ ШАДЖЕ

КУЛЬТУРНАЯ ПОЛИТИКА ПАМЯТИ И ИДЕНТИЧНОСТИ: НА ПРИМЕРЕ ЭТНОГРУППЫ КУРДОВ АДЫГЕИ

Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ, проект №12-06-00131 «Социокультурная адаптация курдов в Республике Адыгея и прогнозистика развития этногруппы»

1. Ментальность этногруппы курдов – вынужденных переселенцев/беженцев из зоны Карабахского конфликта и из других регионов Закавказья и Средней Азии – медленно трансформируется, об этом свидетельствует

жизнь по законам и нормам этнической группы. Курды живут и работают в рамках исторически сложившегося образа жизни. Этническая культура/ этнокультурная идентичность обеспечивает выживание группы в иноэтничной поликультурной среде.

Этнокультурные ценности оказались более устойчивыми и явились опорой для курда и в целом этнической группы. Ментальность современного курда-переселенца такова, что не может чувствовать себя человеком, принадлежащим к нескольким культурным мирам, т.е. он, живя в полиэтноконфессиональном регионе, не может чувствовать себя носителем многих культурных идентичностей. Курды укоренены в свои этнокультурные традиции, определяющие их миропонимание, мироощущение и мировоззрение, формирующие ценностно-мировоззренческие ориентации.

2. Культура/память формирует личность, помогает идентифицировать себя с определенной социальной общностью. Профессор Калифорнийского университета С. Бенхаbib, определяя моральные, этические и оценочные составляющие культуры, подчеркивает, что «культуры представляют смысловые сети, вновь и вновь переопределяемые через слова и дела носителей» [1]. «По мере накопления наших знаний о других культурах и о нас самих растет и наше ощущение относительности... Чем больше мы понимаем, тем больше способны простить, [и поэтому] в изучении человеческой культуры и общества [действует принцип: все понять – значит все простить]» [2].

Важно стремление к пониманию другой культуры. С одной стороны, усвоение и понимание той или иной культуры требуют самоидентификации с ней. Определяя свою идентичность, личность вживается в другую культуру, познает ее ценности. С другой – культура является основой взаимосвязи прошлого и настоящего, идентичности и культурной/исторической памяти.

Культура помогает понять значимость исторической памяти. Историческая память оказывает влияние на формирование ценностно-мировоззренческих ориентаций человека, социализацию личности.

Познание и понимание курдов-переселенцев – задача не из легких. Здесь на авансцену выходит формирование позитивного образа курдов-переселенцев. Говоря словами Л.М. Дробижевой, потребность в позитивном образе, тоже воспринимается как ресурс, но она просматривалась во все времена и у всех народов. Потому дальновидно строить политику исходя из того, что такая потребность есть и у большинства, и у меньшинства [3].

3. Социокультурная адаптация и интеграция курдов в Адыгее требует комплексного подхода: а) в полиэтничном регионе важно формировать соответствующий информационный дискурс, нацеленный на конструирование образа «мы – полиэтничное сообщество»; б) образование следует рассматривать как путь к толерантности, путь к формированию культуры восприятия «другого»; в) региональную культурную политику важно подчинить созданию условий для саморазвития каждой культуры и каждого этноса, укрепления социальной стабильности и безопасности в регионе.

4. В современной полиэтничной Адыгее, как и в России, много проблем и трудностей. Между тем не следует обвинять в них ни курдов, ни другие этносы. И не следует использовать имеющиеся проблемы для дихотомического

противостояния «мы» – «они»). Важно понять также, что «не существует опасных народов» Могут быть опасные политические условия, создаваемые некоторыми политиками и учеными. Поэтому важно проявить научную и политическую корректность и мудрость, содействовать взаимопониманию на основе диалога этносов и этнокультурных идентичностей.

5. Решение «курдской проблемы» / социокультурной адаптации курдов осуществляется в контексте формирования и укрепления общероссийской национальной идентичности. Важно, чтобы они тоже нашли свою нишу в современной России. Поэтому культурная политика в стране и регионах должна быть направлена на сохранение каждой культурной/этнической единицы и укрепление нашего «единства в многообразии». При этом правящая элита не должна руководствоваться крайними принципами «назад к традиции» или «долой традиции». Стратегические задачи в этой сфере определены Правительством РФ в Федеральной целевой программе «Укрепление единства российской нации и этнокультурное развитие народов России (2014-2020 годы)», подготовленной в соответствии со Стратегией государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года.

6. Политика памяти и идентичности, вся система управления межэтническими отношениями в стране и регионах нуждается в обновлении: не политика силового вмешательства, а политика мягкого воздействия на этносферу, политика направления самоорганизующихся этнокультурных процессов; важно использовать федеральный и региональный потенциал для восприятия интегрирующего образа «мы-россияне» в массовом сознании. Для этого необходима конкретизация в ориентации власти и научных дискуссиях главного положения, связанного с тем, что российская идентичность не влечет за собой унификацию, т.е. исчезновения этносов и этнических идентичностей. Наоборот, российская, региональная и этническая идентичности могут и должны сосуществовать по принципу взаимодополнительности.

Литература

1. Бенхабиб С. Притязания культуры. Равенство и разнообразие в глобальную эру. М., 2005. С. 47, С. 36.
2. Там же. С.40.
3. Проблемы обеспечения межэтнического согласия в России. Материалы круглого стола, состоявшегося 14 марта 2011 г. в Институте социологии РАН // Вестник Института Кеннана в России. М., 2011. Вып. 19. С.104.

ГАЗИЗ ШАЙМЕРДЕН

ЭТНИЧЕСКАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ КАЗАХСКОЙ ИРРЕДЕНТЫ

Проблема национальной идентичности для казахской диаспоры в настоящее время является весьма острой. Как отмечает Н.А. Назарбаев, «для казахских гуманитариев нет сегодня задачи более актуальной, нежели проложить дорогу в колоссальном поле взаимодействия национальной идентичности и динамичных императивов времени» [1, с. 13].

Сложность проблемы не освобождает от обязанности стремиться к продуктивной научной рефлексии, хотя бы в плане постановки и обсуждения возможных гипотез и версий. В этой связи, попытка наметить некоторые контуры теоретической системы координат, позволяющей рассмотреть разнообразие интерпретаций казахской идентичности в проекции геокультурных парадигм, может оказаться вполне оправданной. Тем более, что существует настоятельная необходимость оценить их на соответствие интересам страны.

По мнению автора, в диаспорологии необходимо обозначить несколько наиболее значимых составляющих. Первая – это отношение населения к диаспорам и, соответственно, диаспоры к населению, среди которого она проживает. Вторая – это отношение государства к диаспоре и обратное отношение диаспоры к государству проживания. Третье – это отношение «своего» государства, если оно имеется (или исторической родины), к диаспоре, и отношение диаспоры к «своему» государству. Четвертое – это комплекс проблем самоидентификации и национальной идентичности, связанных с существованием диаспоры в чуждой среде. На эти процессы огромное влияние оказывают ряд факторов, а именно, фактор иноэтнического окружения, природно-географический фактор, зачастую определяющий иной тип хозяйственного уклада, фактор относительной изолированности от основного этнического массива [2, с. 136-140]. Последний имеет свою специфику для казахской диаспоры, проживающей в приграничных с Казахстаном областях. В частности, казахская диаспора данных регионов предпочитает именовать себя ирредентой. Ирредента – это, как принято в современной политической науке, этническое меньшинство, населяющее территорию смежную с государством, в котором представители этого меньшинства являются титульной нацией. Для ирреденты характерны более тесные связи с исторической родиной, у многих к тому же, имеются родственные связи. Однако проблемы самоидентификации являются для ирреденты не менее острыми и определяются всем комплексом исторического, культурного, социально-экономического и политического содержания. В первую очередь – это феномен этнического самосознания, наиболее важного признака этнической группы, собственно отличающей ее от группы этнографической и способствующей не только консервации, как считают многие этнологи, но и идеологизации форм как материальной, так и духовной культуры. При этом многие исследователи отмечают, что для этнических групп, проживающих в иноэтническом окружении, самосознание часто играет особую этнодифференцирующую роль [2, с. 133]. Удивительно то, что самосознание субэтнуса, оторванного от основного этнического ядра, приобретает известную самостоятельность и сохраняется даже при утрате родного языка. Этот факт отмечают многие этнологи.

В современной западной науке уже давно констатируется тот факт, что чем более мир превращается в единое целое, тем более множатся различия и в первую очередь этнического и конфессионального свойства. Как пишет С. Хантингтон, «в мире после холодной войны наиболее важными между людьми стали уже не идеологические, политические или экономические различия, а культурные. Народы и нации пытаются дать ответ на самый простой вопрос: кто мы есть. И они отвечают традиционным образом – обратившись к поняти-

ям, имеющим для них наибольшую важность. Люди определяют себя, используя такие понятия, как происхождение, религия, язык, история, ценности, обычаи и общественные институты. Они идентифицируют себя с культурными группами: племенами, этническими группами, религиозными общинами, нациями и – на самом широком уровне – цивилизациями. Не определившись со своей идентичностью, люди не могут использовать политику для преследования собственных интересов. Мы узнаем, кем являемся, только после того, как нам становится известно, кем мы не являемся, и только затем мы узнаем, против кого мы» [3, с. 15]. Как считает К. Хюбнер, национальная идентичность опирается на структурированное множество систем правил и обозначается в качестве структурированного множества систем, которые разнообразными способами определяют поведение индивидов и групп – носителей нации [4, с. 303].

Этот постулат является краеугольным камнем теории этногенеза Л.Н. Гумилева и ярко иллюстрируется страницами этнической истории казахов, половина этноса которого составляют так называемые шала-казахи, представляющие собой плоды политики русификации. И тем не менее, как отмечает Ж. Жакупов, шала-казахи ощущают себя казахами, «и это при том, что данный шала-казак, возможно, толком и одного предложения не скажет на родном языке, не испытывает особого интереса к национальной культуре и плохо знает историю своего народа. Тем не менее, в нем сидит глубокое осознание того, что он является казахом, и это «казахское состояние» соответствует его личностному «я». Через понимание данного феномена я прихожу к осмыслению глубинности казахского цивилизационного кода» [5, с. 21-22]. В научной литературе этот феномен получил название «коллективного бессознательного», совокупности архетипов, в основе которых лежат паттерны, т.е. виды действия. Л.Н. Гумилев обозначает данный феномен как стереотип поведения и ощущение комплиментарности, которые меняются в зависимости от фаз этногенеза, но основополагающее идентификационное ядро самосознания этноса при этом остается неизменным [6].

Язык, как известно, является одним из самых существенных признаков этноса. К. Хюбнер определяет язык как элемент национального системного множества, наряду с религией, историей, судьбой и национальным духом. При этом, по его мнению язык всегда выполняет в нем несущую функцию. По образному выражению К. Хюбнера, «язык – это медиум, в котором движется всякий национальный дух. Поэтому он является его необходимым условием» [4, с. 341]. В то же время он утверждает, что проблема национальной идентичности, как и проблема тождества личности не может быть решена с помощью языка. «Образно можно было бы сказать, язык – это мать. Но рожденное из ее лона, как бы оно не походило на свою родительницу, живет своей собственной жизнью, далеко выходящей за пределы материнского влияния. Правда, нельзя отрицать, что происхождение от матери тоже участвует в формировании идентичности, но себя самого обретают не только в этом... В рамках этого может быть обосновано, что две нации могут говорить на одном языке и все же не являются идентичными» [4, с. 341]. Эта мысль К. Хюбнера отражает современную действительность казахской диаспоры.

Для казахской ирреденты характерен билингвизм, знание и владение русским (в большей степени) и родным казахским (как правило, на бытовом уровне) языками. Невостребованность родного языка в сфере государственных институтов другого государства, как следствие приводит к тому, что с каждым годом все меньше детей и молодежи хотят изучать родной язык, литературу и культуру. Данные социологических исследований подтверждают эту негативную и тревожную тенденцию.

Более того, самосознание казахского народа приобрело такие черты, которые в природно-историческом смысле ей не свойственны. Главное, пожалуй, состоит в том, что под влиянием русификации, достигшей апогея в советское время этническое сознание казахов раскололось, оно стало двойственным. Определенная часть казахов, в основном сельская сохранила традиционные казахские ценности, что побудило некоторых современных исследователей, в частности, Ж. Жакупова, классифицировать их как «*нагыз қазақ*». Казахи с русифицированным сознанием, составляющие почти половину казахского населения, преимущественно – городское население, стали называться «шала қазақ» [5, с.10-11]. Шала казахи стали составлять субэтнос в рамках казахского этноса. Это утверждение Ж. Жакупова относится к этническому ядру, но той же мере справедливо и для ирреденты.

Феномен данной этнической подгруппы известен давно. Ж. Артыкбаев, ссылаясь на источники, отмечает появление этой довольно многочисленной группы в казахском этносе в начале XIX в. Их появление стало результатом смешанных браков. Эти нечистокровные казахи, как свидетельствуют источники, занимались торговлей, ремеслами, скотоводством и обучением детей грамоте [7, с. 61-62].

В советское время межнациональные браки всячески поощрялись и служили наглядным примером дружбы народов и новой суперэтнической единицы – советского народа. Кроме того, не секрет, что продвигаться по служебной лестнице в партийно-советском аппарате было гораздо быстрее, если будущий функционер был женат на русской. К тому же межнациональные браки способствовали негласной политике ассимиляции, в результате которой субэтнические группы могли с течением времени раствориться в русско-славянском массиве. В настоящее время стала проявляться иная, более позитивная тенденция, о которой свидетельствуют многие представители казахской диаспоры. Более частыми становятся эндогамные браки среди молодых людей. В условиях иноэтнического окружения – это единственный способ сохранения своей этничности и самоидентификации.

Таким образом, для казахской ирреденты проблема самоидентификации в настоящее время является очень острой. Этническое самосознание постепенно пробуждается, однако этот процесс тормозится рядом факторов, в первую очередь, фактором невостребованности казахского языка в сфере государственного применения, а также в СМИ, на телевидении и в сфере культуры. К сожалению, факты свидетельствуют о тревожной и негативной тенденции в некоторых областях РФ. Постепенно количество школ, в которых ведется преподавание родного (татарского и казахского) языка и литературы сокращается, а полноценный предмет школьной программы заменяется факультативной

формой обучения. Играет роль и более пассивная позиция казахской диаспоры, по сравнению с татарской. Помимо этого, для казахской и татарской диаспор общими являются следующие проблемы: кадровая проблема, то есть отсутствие учителей родного языка и литературы и недостаточное финансирование со стороны государства. Следует отметить то обстоятельство, что российские власти открыто не отказывают в помощи, но всячески тормозят открытие школ с казахским языком обучения. Различные культурные программы или мероприятия российскими властями финансируются по остаточному принципу.

Теперь необходимо вспомнить о третьей составляющей проблемы диаспоры. Мы имеем в виду отношение «своего» государства, в данном случае, Казахстана, к своим соотечественникам в ближнем и дальнем зарубежье.

Многие представители казахской ирреденты постоянно и справедливо пытаются обратить внимание на необходимость поддержки Казахстаном своих соотечественников в СНГ, о необходимости государственной программы, аналогично той, которая существует в России. В РФ такая программа поддержки славянских диаспор существует и хорошо финансируется.

У казахской ирреденты множество проблем, связанных с недостатком литературы, учебников казахского языка, специалистов, учителей казахского языка. Казахстан в свою очередь обязан решить вопросы финансирования различных культурных проектов казахской ирреденты. Кроме того, необходимо открыть филиалы казахстанских вузов в приграничных областных центрах РФ и в перспективе с отделениями на казахском языке обучения. На первых порах можно наладить обмен студентами на стажировках в вузах Казахстана с вузами Челябинска, Оренбурга, Кургана и других российских городов.

Российским казахам не следует торопиться и переезжать на свою историческую родину. Им необходимо развивать родной язык, культуру, культивировать казахские обычаи и традиции, способствовать улучшению демографической ситуации, добиваться открытия как можно большего количества школ с казахским языком обучения, открытия казахского телевидения и печатных СМИ в приграничных областях России. А Казахстан должен быть мощным тылом для своих соотечественников.

Литература

1. Назарбаев Н.А. В потоке истории. Алматы: Атамұра, 1999. 296 с.
2. Коновалов А.В. Казахи Южного Алтая: (Проблемы формирования этнической группы). Алма-Ата, Наука, 1986. 168 с.
3. Хантингтон С. Столкновение цивилизаций. М: АСТ, 2007. 571 с.
4. Хюбнер К. Нация: от забвения к возрождению. М.: Канон+, 2001. 400 с.
5. Жакупов Ж. Шала Қазақ: прошлое, настоящее, будущее. Алматы, 2009. 150 с.
6. Гумилев Л.Н. Этногенез и биосфера Земли. М.: ТОО «Мишель и К», 1994. 504 с.
7. Артыкбаев Ж.О. Казахское общество в XIX веке: традиции и инновации. Караганда: Полиграфия, 1993. 330 с.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

№	Ф.И.О.	НАУЧНАЯ СТЕПЕНЬ	МЕСТО РАБОТЫ, ДОЛЖНОСТЬ	ГОРОД
1.	David Matsaberi-dze	PhD	Professor, Department of Political science and International Relations, Iv.Javakishvili State University	Georgia, Tbilisi
2.	Federico D'Agostino	PhD	Professor of Sociology, University of Rome III and University of Napoli	Italy, Rome
3.	Irakli Chkhaidze		PhD Student, MA in Cultural Studies Institute of Cultural Studies, Iv. Javakhishvili State University	Georgia, Tbilisi
4.	Ivane Tsereteli	PhD	Associate Professor, Iv. Javakhishvili State University, Institute of Cultural Studies, Faculty of Humanities	Georgia, Tbilisi
5.	Jakab Albert Zsolt	PhD	Researcher, The Romanian Institute for Research on National Minorities	Romania
6.	John Johnson	PhD	Senior Lead Faculty, Doctorate of Education Program, Walden University	USA
7.	Michaela Moravčíková	PhD	Professor, Institute for Legal Aspects of Religious Freedom, Law Faculty of Trnava University in Trnava	Slovakia, Trnava
8.	Pap Tibor	PhD	University of Pécs, Hungary	Hungary
9.	Peti Lehel	PhD	Researcher, The Romanian Institute for Research on National Minorities	Romania
10.	R. Boyd Johnson	PhD	College of Management and Technology,	USA

			Doctor of Business Administration Program, Walden University, USA	
11.	Rajeev Kumar	PhD	Associate Professor, Dept. of Political Science, S.M.M.T.P.G. College, Ballia, Honorary Director of Centre for Studies in Social Sciences (C.S.S.S.)	India, Uttar Pradesh
12.	Sarnyai Csaba Máté	PhD	Associate Professor, Dept. of General Humanities, Károli Gáspár University of the Hungarian Reform Church Budapest, Hungary	Hungary
13.	Sofiia Symkanych		Student of Master's Program in International Management, Gdańsk University of Technology	Poland, Gdańsk
14.	Vadim Bezverbný	Ph.D	Research Associate, Socio-Political Research Institute of the Russian Academy of Sciences	Russian Federation, Moscow
15.	Абдрахманова Флориды Ривхатовна		Аспирант кафедры философии, социологии и политологии Башкирского государственного педагогического университета им. М. Акмуллы»	Российская Федерация, Республика Башкортостан, г. Уфа
16.	Антонова Наталья Леонидовна	Доктор социологических наук	Профессор кафедры теории и истории социологии Уральского федерального университета им. первого Президента России Б.Н. Ельцина	Российская Федерация, г. Екатеринбург
17.	Антошкин Виктор Николаевич	Доктор социологических наук	Профессор кафедры философии, социологии и политологии Башкирского государ-	Российская Федерация, Республика Башкортостан

			ственного педагогического университета им. М. Акмуллы	стан, г. Уфа
18.	Аппельганц Елена Петровна		Магистрант Евразийского национального университета им. Л.Н. Гумилева	Республика Казахстан, г. Астана
19.	Бадерхан Фасих	Кандидат исторических наук	Старший научный сотрудник Института востоковедения РАН, заместитель руководителя Научного центра «Российско-арабский диалог»	Российская Федерация, г. Москва
20.	Байшева Саргылана Макаровна	Кандидат экономических наук	Старший научный сотрудник сектора этносоциологии Института гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН	Российская Федерация, Республика Саха (Якутия), г. Якутск
21.	Балика Александра Дмитриевна	Кандидат философских наук	Нижегородский государственный архитектурно-строительный университет, доцент	Российская Федерация, г. Нижний Новгород
22.	Балика Златислава Сергеевна	Кандидат философских наук	Сотрудник психологической службы Нижегородского государственного архитектурно-строительного университета	Российская Федерация, г. Нижний Новгород
23.	Баранецкий Андрей Наумович	Кандидат философских наук	Начальник лаборатории социальных и социально-культурных проектов	Российская Федерация, г. Севастополь
24.	Баранов Андрей Владимирович	Доктор политических наук, доктор исторических наук	Профессор кафедры политологии и политического управления Кубанского государственного университета	Российская Федерация, г. Краснодар
25.	Баранов Николай	Доктор политиче-	Профессор кафедры культурологии и гло-	Российская Федерация,

	Алексеевич	ских наук	балистики Балтийского государственного технического университета «Военмех»	г. Санкт-Петербург
26.	Барсова Елена Сергеевна		Магистрант кафедры политологии и политического управления Кубанского государственного университета	Российская Федерация, г. Краснодар
27.	Белова Галина Ивановна		Студентка психолого-педагогического факультета Севастопольского городского гуманитарного университета	Российская Федерация, г. Севастополь
28.	Богомолова Наталья Николаевна		Сотрудник Межвузовского исследовательского центра «Политика и образование» КУ «Запорожский областной институт последипломного педагогического образования» Запорожского областного совета	Украина, г. Запорожье
29.	Будков Дмитрий Валентинович	Кандидат исторических наук	Директор Украинского центра международного образования	Украина, г. Киев
30.	Буко Светлана Леонидовна	Кандидат социологических наук	Руководитель отдела научных исследований Международной организации «Precedent Academics»	Российская Федерация, г. Севастополь
31.	Веденев Дмитрий Валерьевич	Доктор исторических наук	Заместитель директора по научным вопросам Украинского института национальной памяти при Кабинете Министров Украины	Украина, г. Киев
32.	Велешко Елена Николаевна	Кандидат политических наук	И.о. доцента кафедры психологии РВУЗ «Крымский гуманитарный университет»	Российская Федерация, г. Севастополь

			(г. Ялта)	
33.	Вшивцева Людмила Николаевна	Кандидат философских наук	Доцент кафедры социальной философии и этнологии ФГАОУ ВПО «Северо-Кавказский федеральный университет»	Российская Федерация, Ставропольский край, г. Михайловск
34.	Вятчина Мария Васильевна		Научный сотрудник кафедры археологии и этнологии Казанского (Приволжского) федерального университета, Институт международных отношений, истории и востоковедения	Российская Федерация, Республика Татарстан, г. Казань
35.	Гарагонич Анастасия Александровна		Студентка Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского	Российская Федерация, Республика Крым, г. Симферополь
36.	Гарас Людмила Николаевна	Кандидат философских наук	Доцент кафедры философских и социальных наук Севастопольского национального технического университета	Российская Федерация, г. Севастополь
37.	Гаффаров Ильдар Завдатович	Кандидат исторических наук	Казанский (Приволжский) федеральный университет, ассистент	Российская Федерация, Республика Татарстан, г. Казань
38.	Герман Роман Эдуардович	Кандидат исторических наук	Зав. кафедрой менеджмента и административного права филиала Российского государственного социального университета в г. Ставрополь	Российская Федерация, г. Ставрополь
39.	Говорухина Каринэ Александровна	Кандидат политических наук	Доцент кафедры политологии и политического управления Кубанского государ-	Российская Федерация, г. Краснодар

			ственного университета	
40.	Гордяненко Виктор Георгиевич	Доктор исторических наук	Профессор кафедры социологии Днепропетровского национального университета им. О. Гончара	Украина, г. Днепропетровск
41.	Горшкова Елена Геннадиевна	Кандидат педагогических наук	Доцент кафедры теории и методик и воспитания КУ «Запорожский областной институт последипломного педагогического образования» Запорожского областного совета	Украина, г. Запорожье
42.	Гребенник Геннадий Петрович	Кандидат исторических наук	Профессор Одесского национального университета им. И.И. Мечникова	Украина, г. Одесса
43.	Грошева Галина Васильевна	Кандидат исторических наук	Старший научный сотрудник Томского государственного университета, лаборатория социально-антропологических исследований	Российская Федерация, г. Томск
44.	Губайдуллина Наиля Калимулловна	Кандидат социологических наук	Доцент кафедры социологии Казанского государственного строительного университета	Российская Федерация, Республика Татарстан, г. Казань
45.	Гура Светлана Павловна		Старший преподаватель кафедры теории и методики воспитания КУ «Запорожский областной институт последипломного педагогического образования» Запорожского областного совета	Украина, г. Запорожье
46.	Гусева Юлия Николаевна	Кандидат исторических наук	Старший преподаватель кафедры истории и зарубежного регио-	Российская Федерация, г. Самара

			новедения Самарского филиала ГБОУ ВПО «Московский городской педагогический университет»	
47.	Гуцина Елена Геннадьевна		Директор Этнографического музея Казанского (Приволжского) федерального университета	Российская Федерация, Республика Татарстан, г. Казань
48.	Давид Петросян		Независимый журналист	Армения, г. Ереван
49.	Денисова Галина Сергеевна	Доктор социологических наук	Зав. кафедрой социальных коммуникаций и технологий Южного федерального университета	Российская Федерация, г. Ростов-на-Дону
50.	Денисова Анастасия Валерьевна	Кандидат социологических наук	Преподаватель Южного федерального университета	Российская Федерация, г. Ростов-на-Дону
51.	Диденко Нелли Измайловна	Кандидат технических наук	Старший научный сотрудник Санкт-Петербургского научного центра РАН	Российская Федерация, г. Санкт-Петербург
52.	Досанова Гулим Мендыгалиевна	PhD в области социологии	И.о. доцента Евразийского национального университета имени Л.Н. Гумилева	Республика Казахстан, г. Астана
53.	Ефимов Сергей Алексеевич		Старший научный сотрудник Центрального музея Тавриды	Российская Федерация, Республика Крым, г. Симферополь
54.	Жаде Зуриет Анзауровна	Доктор политических наук	Зав. кафедрой теории государства и права и политологии, профессор Адыгейского государственного университета	Российская Федерация, Республика Адыгея, г. Майкоп
55.	Жарчинская Ксения Алексан-		Аспирант, научный сотрудник Лаборатории социально-	Российская Федерация, г. Томск

	дровна		антропологических исследований Томского государственного университета	
56.	Истомина Анна Геннадьевна		Аспирантка кафедры методов сбора и анализа социологической информации НИУ ВШЭ	Российская Федерация, г. Москва
57.	Калдыбаева Ольга Владимировна	PhD в области социологии	И.о. доцента Евразийского национального университета имени Л.Н. Гумилева	Республика Казахстан, г. Астана
58.	Ковалёв Виктор Антонович	Доктор политических наук	Профессор кафедры политологии и международных отношений Сыктывкарского государственного университета	Российская Федерация, Республика Коми, г. Сыктывкар
59.	Колесов Михаил Семёнович	доктор философских наук	Севастопольский национальный технический университет	Российская Федерация, г. Севастополь
60.	Кондорский Борис Михайлович	Кандидат биологических наук	Начальник отдела НПФ «Синбиас»	г. Донецк
61.	Куква Елена Сергеевна	Кандидат социологических наук	Ученый секретарь НИИ комплексных проблем Адыгейского государственного университета	Российская Федерация, г. Майкоп
62.	Кульпин-Губайдуллин Эдуард Сальманович	Кандидат экономических наук, доктор философских наук	Профессор кафедры истории, главный научный сотрудник Института востоковедения РАН, главный редактор журнала «История и современность»	Российская Федерация, г. Москва
63.	Лебедев Эдуард Васильевич	Кандидат философских наук	Доцент кафедры истории и социально-гуманитарных наук Севастопольского	Российская Федерация, г. Севастополь

	ВИЧ		городского гуманитарного университета	
64.	Лебедев Виктор Сергеевич		Аспирант кафедры политологии и политического управления Кубанского государственного университета	Российская Федерация, г. Краснодар
65.	Липкин Аркадий Исаакович	Доктор философских наук	Профессор кафедры философии Московского физико-технического института и кафедры истории науки РГГУ, доцент	Российская Федерация, г. Москва
66.	Лиханова Тамара Юрьевна		Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, факультет политологии	Российская Федерация, г. Москва
67.	Лиханова Александра Борисовна		Эксперт МИГСУ (Международный институт государственной службы и управления – факультет РАНХиГС)	Российская Федерация, г. Москва
68.	Логвиненко Денис Владимирович		Аспирант кафедры политологии и политического управления Кубанского государственного университета	Российская Федерация, г. Краснодар
69.	Лукьянова Рушалина Абдурахмановна	Кандидат философских наук	Доцент кафедры философии, социологии и политологии Башкирского государственного педагогического университета им. М. Акмуллы	Российская Федерация, Республика Башкортостан, г. Уфа
70.	Ляпкина Татьяна Федоровна	Доктор культурологии	Профессор ФГБОУ ВПО «Санкт-Петербургский государственный университет культуры и искусств»	Российская Федерация, г. Санкт-Петербург

71.	Майборода Александр Никитович	Доктор исторических наук	И.о. директора Института политических и этнонациональных исследований им. И.Ф. Кураса НАН Украины	Украина, г. Киев
72.	Маковская Дарья Владимировна	Кандидат политических наук	Севастопольский экономико-гуманитарный институт (филиал) ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В.И. Вернадского»	Российская Федерация, г. Севастополь
73.	Малеваный Николай Михайлович	Кандидат философских наук	Заведующий Межвузовским исследовательским центром «Политика и образование» КУ «Запорожский областной институт последипломного педагогического образования» Запорожского областного совета	Украина, г. Запорожье
74.	Малинова Ольга Юрьевна	Доктор философских наук	Главный научный сотрудник Института научной информации по общественным наукам РАН	Российская Федерация, г. Москва
75.	Мальцева Виктория Викторовна		Аспирант Северо-Кавказского федерального университета	Российская Федерация, г. Ставрополь
76.	Манжикова Элина Кимовна	Кандидат философских наук	Старший научный сотрудник Калмыцкого филиала Московского государственного гуманитарного университета им. М.А. Шолохова	Российская Федерация, Республика Калмыкия, г. Элиста
77.	Миклина Наталья Николаевна	Доктор философских наук	Профессор кафедры культурологи и искусств ФГАОУ ВПО «Северо-Кавказский федеральный университет»	Российская Федерация, г. Ставрополь

78.	Мирзаев Джалалитдин Зайниевич	Кандидат исторических наук	Старший научный сотрудник Термезского археологического музея	Республика Узбекистан, г. Термез
79.	Мирской Рудольф Яковлевич	Доктор философских наук	Директор Регионального научно-образовательного центра изучения проблем Голодомора и Холокоста, профессор Национального университета «Львовская политехника»	Украина, г. Львов
80.	Могилевская Виктория Моисеевна	Кандидат социологических наук	Директор научно-методического центра внешкольного образования КУ «Запорожский областной институт последипломного педагогического образования» Запорожского областного совета	Украина, г. Запорожье
81.	Муза Дмитрий Евгеньевич	Доктор философских наук	Заведующий научно-исследовательским отделом «Крымский университет культуры, искусств и туризма», член-корреспондент КАН	Российская Федерация, Республика Крым, г. Симферополь
82.	Муфтахутдинова Диляра Шамилевна	Кандидат исторических наук	Доцент Казанского федерального университета	Российская Федерация, Республика Татарстан, г. Казань
83.	Набиев Ринат Ахматгалиевич	Доктор исторических наук	Зав. кафедрой политической истории и мировой политики Института международных отношений, истории и востоковедения Казанского федерального университета	Российская Федерация, Республика Татарстан, г. Казань
84.	Нам Ираида	Доктор исторических наук	Профессор кафедры современной	Российская Федерация,

	Владими- ровна	ских наук	отечественной исто- рии, зав. лабораторией социально- антропологических исследований Национального иссле- довательского Том- ского государственного университета	г. Томск
85.	Носенко Татьяна Всеволо- довна	Кандидат историче- ских наук	Ведущий научный сотрудник Института востоковедения РАН	Российская Федерация, г. Москва
86.	Носкова Елена Петровна		Научный сотрудник ГБУ «Центр перспек- тивных экономиче- ских исследований Академии наук Рес- публики Татарстан»	Российская Федерация, Республика Татарстан, г. Казань
87.	Оберемко Олег Алексеевич	Кандидат социологи- ческих наук	Доцент кафедры ме- тодов сбора и анализа социологической ин- формации, ведущий научный сотрудник Центра социального предпри- нимательства Нацио- нального исследова- тельского университе- та Высшая школа эко- номики	Российская Федерация, г. Москва
88.	Оберемко Татьяна Викторовна		Старший преподава- тель кафедры «Ино- странные языки – 1» Финансового универ- ситета при Правитель- стве РФ	Российская Федерация, г. Москва
89.	Оболонкова Марина Алексан- дровна	Кандидат историче- ских наук	Зав. кафедрой всеоб- щей истории Перм- ского государственного гуманитарно- педагогического уни- верситета	Российская Федерация, г. Пермь

90.	Ожигова Людмила Николаевна	Доктор психологических наук	ФГБОУ ВПО «Кубанский государственный университет», профессор кафедры психологии личности и общей психологии	г. Краснодар
91.	Онопrienко Алеся Васильевна	Кандидат политических наук	Доцент кафедры социальной философии и этнологии Северо-Кавказского федерального университета	Российская Федерация, г. Ставрополь
92.	Оруджиева Адила Гамидовна	Кандидат экономических наук	Доцент кафедры экономики и управления Уральского института Российской академии народного хозяйства и государственной службы при президенте Российской Федерации	Российская Федерация, г. Екатеринбург
93.	Пашков Владимир Васильевич	Доктор философских наук	Ректор КУ «Запорожский областной институт последипломного педагогического образования» Запорожского областного совета	Украина, г. Запорожье
94.	Пашковский Пётр Игоревич	Кандидат политических наук	Крымский федеральный университет имени В.И. Вернадского	Российская Федерация, Республика Крым, г. Симферополь

95.	Петков Сергей Валерьевич	Доктор юридических наук	Заведующий кафедрой международного права Классического частного университета (КПУ)	Украина, г. Запорожье
96.	Петрулевич Ирина Анатольевна	Доктор социологических наук	Профессор кафедры социальных коммуникаций и технологий Южного федерального университета	Российская Федерация, г. Ростов-на-Дону
97.	Поканинова Елена Борисовна	Доктор философских наук	Профессор Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации	Российская Федерация, Республика Калмыкия, г. Элиста
98.	Попова Ольга Валентиновна	Доктор политических наук	Зав. кафедрой политических институтов и прикладных политических исследований Санкт-Петербургского государственного университета	Российская Федерация, г. Санкт-Петербург
99.	Поправко Ирина Геннадьевна	Кандидат исторических наук	Ведущий научный сотрудник лаборатории социально-антропологических исследований исторического факультета Томского государственного университета	Российская Федерация, г. Томск

100.	Предеина Мария Юрьевна	Кандидат философских наук	Доцент кафедры философии и социологии Южно-Уральского государственного университета	Российская Федерация, г. Челябинск
101.	Прогасенко Ирина Николаевна	Кандидат философских наук	Санкт-Петербургский Союз Ученых, Член Координационного Совета СПбСУ, член правления СПбСУ	Российская Федерация, г. Санкт-Петербург
102.	Раванди-Фадаи Лана Меджидовна	Кандидат исторических наук	Старший научный сотрудник сектора Ирана Института востоковедения РАН	Российская Федерация, г. Москва
103.	Родигина Наталия Николаевна	Доктор исторических наук	Профессор кафедры отечественной истории Новосибирского государственного педагогического университета	Российская Федерация, г. Новосибирск
104.	Романович Нелли Александровна	Доктор социологических наук	Профессор кафедры политологии и политического управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (Воронежский филиал); генеральный директор Института общественного	Российская Федерация, г. Воронеж

			мнения «Квалитас»	
105.	Сабиров Владимир Шакирович	Доктор филологических наук	Зав. кафедрой философии и истории Сибирского государственного университета телекоммуникаций и информатики	Российская Федерация, г. Новосибирск
106.	Самохин Александр Анатольевич	Кандидат исторических наук	Доцент кафедры новой, новейшей истории и международных отношений ФГБОУ ВПО «Кубанский государственный университет»	Российская Федерация, г. Краснодар
107.	Сенюткина Ольга Николаевна	Доктор исторических наук	Профессор кафедры культурологии, истории и древних языков Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н.А. Добролюбова	Российская Федерация, г. Нижний Новгород
108.	Сенюшкин Евгений Александрович	Кандидат политических наук	Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского, доцент	Российская Федерация, Республика Крым, г. Симферополь
109.	Сенюшкина Маргарита Александровна	Кандидат экономических наук	Заслуженный работник образования Республики Крым	Российская Федерация, Республика Крым, г. Симферополь

110.	Сенюшкина Татьяна Александровна	Доктор политических наук	Профессор кафедры политических наук и международных отношений Крымского федерального университета им. В.И. Вернадского	Российская Федерация, Республика Крым, г. Симферополь
111.	Сидорчук Оксана Николаевна	Кандидат исторических наук	Доцент кафедры отечественной истории Новосибирского государственного педагогического университета	Российская Федерация, г. Новосибирск
112.	Соина Ольга Сергеевна	Доктор философских наук	Профессор кафедры философии и истории Сибирского государственного университета телекоммуникаций и информатики	Российская Федерация, г. Новосибирск
113.	Соколов Виктор Юрьевич	Кандидат исторических наук	Доцент кафедры современной отечественной истории исторического факультета Томского государственного университета	Российская Федерация, г. Томск
114.	Сулейманов Марат Радинович		Студент 5 курса юридического факультета Казанского Федерального университета	Российская Федерация, Республика Татарстан, г. Казань
115.	Сунгуров Александр Юрьевич	Доктор политических наук	Зав. кафедрой прикладной политологии Санкт-Петербургского филиала НИУ	Российская Федерация, г. Санкт-Петербург

			«Высшая школа экономики»	
116.	Телятник Татьяна Евгеньевна	Кандидат политических наук	Преподаватель кафедры политологии и политического управления ФГБОУ ВПО «Кубанский государственный университет»	Российская Федерация, г. Краснодар
117.	Титова Татьяна Алексеева	Доктор исторических наук	Профессор кафедры археологии и этнологии Казанского (Приволжского) федерального университета Института международных отношений, истории и востоковедения	Российская Федерация, Республика Татарстан, г. Казань
118.	Филин Никита Александрович	Кандидат исторических наук	Российский государственный гуманитарный университет, доцент	Российская Федерация, г. Москва
119.	Хамид Гизела Раильевна		Генеральный директор региональной общественной организации «Дом культуры и дружбы Королевства Марокко и Республики Башкортостан»	Российская Федерация, Республика Башкортостан, г. Уфа
120.	Хатамова Дания Дамировна		Менеджер по связям с общественностью, специалист по международным отношениям при региональной	Российская Федерация, Республика Башкортостан, г. Уфа

			общественной организации «Дом культуры и дружбы Королевства Марокко и Республики Башкортостан»	
121.	Цибенко (Иванова) Вероника Витальевна	Кандидат исторических наук	Старший научный сотрудник Северо-Кавказского научного центра высшей школы Южного федерального университета	Российская Федерация, г. Ростов-на-Дону
122.	Черный Евгений Владимирович	Доктор психологических наук	Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского	Российская Федерация, Республика Крым, г. Симферополь
123	Чувиллина Наталья Борисовна	Доктор политических наук	Профессор кафедры политологии, социологии и философии Башкирской академии государственной службы и управления при Президенте Республики Башкортостан	Российская Федерация, Республика Башкортостан, г. Уфа
124	Шадже Асиет Юсуфовна	Доктор философских наук	Профессор кафедры философии и социологии Адыгейского государственного университета	Российская Федерация, Республика Адыгея, г. Майкоп
125	Шаймерден Газиз Иксангалиевич	Кандидат политических наук	Доцент кафедры философии Костанайского государственного университета	Республика Казахстан, г. Костанай

СОДЕРЖАНИЕ

НАТАЛЬЯ АНТОНОВА	
ИНОСТРАННЫЕ СТУДЕНТЫ: СОЦИАЛЬНЫЕ СВЯЗИ И СЕТИ	3
ВИКТОР АНТОШКИН, ФЛОРИДА АБДРАХМАНОВА	
ТИПОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ И ЕГО РОЛЬ В ФОРМИРОВАНИИ	
РЕЛИГИОЗНОЙ ТОЛЕРАНТНОСТИ.....	5
ЕЛЕНА АППЕЛЬГАНЦ	
ОСОБЕННОСТИ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ КАТОЛИЧЕСКИХ	
ОБЩИН КАЗАХСТАНА	9
ФАСИХ БАДЕРХАН	
ЭХО СОБЫТИЙ АРАБО-МУСУЛЬМАНСКОГО МИРА И КАВКАЗА	
НА МАЙДАНЕ В КИЕВЕ: УКРАИНА НА ОЧЕРЕДИ?	13
САРГЫЛАНА БАИШЕВА	
СОЦИАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ НАЦИОНАЛЬНОЙ МОДЕРНИЗАЦИИ	
В РЕСПУБЛИКЕ САХА (ЯКУТИЯ)	16
АЛЕКСАНДРА БАЛИКА, ЗЛАТИСЛАВА БАЛИКА	
КОЛЛЕКТИВНАЯ ПАМЯТЬ КАК ЕДИНСТВО СОЗНАТЕЛЬНОГО И	
БЕССОЗНАТЕЛЬНОГО В ЭПОХУ СОЦИАЛЬНЫХ	
ПРЕОБРАЗОВАНИЙ	18
АНДРЕЙ БАРАНЕЦКИЙ	
СОЦИОЛОГИЧЕСКОЕ И ГЕОПОЛИТИЧЕСКОЕ ЗНАЧЕНИЕ	
МОДЕРНИЗАЦИИ ТЕСТОВ НА КРЕАТИВНОСТЬ	21
АНДРЕЙ БАРАНЕЦКИЙ	
ЛОГИКА ЦЕННОСТНОГО ОТНОШЕНИЯ – ОСНОВА СОЦИАЛЬНО	
ЗНАЧИМОЙ ИНИЦИАТИВЫ	23
АНДРЕЙ БАРАНОВ	
КОНФЛИКТНОСТЬ УКРАИНСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ И	
КОНСТРУИРОВАНИЕ ИДЕНТИЧНОСТИ НОВОРОССИИ:	
ОСНОВНЫЕ ИНДИКАТОРЫ	26
АНДРЕЙ БАРАНОВ	
ПОЛИТИКА ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ КАК КОМПОНЕНТА	
КОНСТРУИРОВАНИЯ РОССИЙСКОЙ ГРАЖДАНСКОЙ	
ИДЕНТИЧНОСТИ (ПО МАТЕРИАЛАМ СЕВЕРНОГО КАВКАЗА)..	29
НИКОЛАЙ БАРАНОВ	
ОБЩЕСТВЕННАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ В КОНТЕКСТЕ	
ЭТНОПОЛИТИЧЕСКОЙ МОБИЛИЗАЦИИ.....	32
ЕЛЕНА БАРСОВА	
СОВРЕМЕННАЯ ПОЛИТИКА ГОСУДАРСТВЕННЫХ	
ИНСТИТУТОВ РФ В УСЛОВИЯХ МИРОВОГО ПОЛИТИЧЕСКОГО	
ПРОЦЕССА.....	34

ВАДИМ БЕЗВЕРБНЫЙ	
ЭТНИЧЕСКИЙ ИМПЕРИАЛИЗМ ИЛИ ЗАМЕЩАЮЩАЯ МИГРАЦИЯ: ПРИМЕРЫ, ФАКТОРЫ И ПОСЛЕДСТВИЯ	38
ДМИТРО БУДКОВ, ДМИТРО ВЕДЕНСЬВ	
ДЕРЖАВНА ПОЛІТИКА ПАМ'ЯТІ В УКРАЇНІ: ДО ПИТАННЯ ПРО ВИЗНАЧЕННЯ ЦІЛЕЙ, СПРЯМОВАНОСТІ ТА НАПРЯМІВ РЕАЛІЗАЦІЇ	42
SVITLANA VUKO	
IT OUTSOURCING IN UKRAINE: CROSS-CULTURAL ASPECTS OF COMPETENCY FRAMEWORK	44
ЕЛЕНА ВЕЛЕШКО	
ПРОБЛЕМЫ ЭТНОПОЛИТИЗАЦИИ МАССОВОГО СОЗНАНИЯ ...	48
ЛЮДМИЛА ВШИВЦЕВА	
ЦИВИЛИЗАЦИОННОЕ САМООПРЕДЕЛЕНИЕ СЕВЕРОКАВКАЗСКИХ ЭТНОСОВ В УСЛОВИЯХ КРИЗИСА РОССИЙСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ	51
АНАСТАСИЯ ГАРАГОНИЧ	
УПРАВЛЕНИЕ ЭТНОПОЛИТИЧЕСКИМИ КОНФЛИКТАМИ: ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И ПРИКЛАДНЫЕ ПРОБЛЕМЫ	53
ЛЮДМИЛА ГАРАС	
ОСОБЕННОСТИ РЕЛИГИОЗНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ В СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИХ ПРОЦЕССАХ ЕВРОПЕЙСКОГО СОЮЗА	58
ИЛЬДАР ГАФФАРОВ	
ОБРАЗЫ РЕГИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ В КОНТЕКСТЕ СОВРЕМЕННЫХ ТРАНСФОРМАЦИЙ	61
РОМАН ГЕРМАН	
ИСТОРИЧЕСКОЕ ПРОШЛОЕ КАК РЕСУРС ЭТНОПОЛИТИЧЕСКОЙ МОБИЛИЗАЦИИ НА СЕВЕРНОМ КАВКАЗЕ	64
КАРИНЭ ГОВОРУХИНА	
ПРОБЛЕМЫ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ИНФОРМАЦИОННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ В УСЛОВИЯХ ПОЛИЭТНИЧНОГО ОБЩЕСТВА	66
ВИКТОР ГОРОДЯНЕНКО	
СОЦИАЛЬНАЯ НОСТАЛЬГИЯ КАК КОНСТРУКТ КОЛЛЕКТИВНОЙ ПАМЯТИ	68
ЕЛЕНА ГОРШКОВА, СВЕТЛАНА ГУРА	
ИСТОРИЧЕСКАЯ ПАМЯТЬ И ЕЁ ВЛИЯНИЕ НА ВОСПИТАНИЕ ГРАЖДАНИНА	70

ГЕННАДИЙ ГРЕБЕННИК ТЕХНОЛОГИЯ МИФОТВОРЧЕСТВА — СЕКРЕТНОЕ ОРУЖИЕ АЛЕКСАНДРА ВЕЛИКОГО В БОРЬБЕ ЗА МИРОВОЕ ГОСПОДСТВО	73
ГАЛИНА ГРОШЕВА НЕМЕЦКИЙ ДИСКУРС О ПРОШЛОМ И ПРОБЛЕМА СООТНОШЕНИЯ НАЦИОНАЛЬНОЙ И ЕВРОПЕЙСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ НЕМЦЕВ (ВТОРАЯ ПОЛОВИНА XX–НАЧАЛО XXI В.).....	76
НАИЛЯ ГУБАЙДУЛЛИНА, МАРАТ СУЛЕЙМАНОВ ВЛИЯНИЕ ТРАНСНАЦИОНАЛЬНЫХ КОРПОРАЦИЙ НА ПРОЦЕСС МИГРАЦИИ РАБОЧЕЙ СИЛЫ И ЭТНОПОЛИТИЧЕСКУЮ МОБИЛИЗАЦИЮ	78
FEDERICO D'AGOSTINO PUBLIC RELIGION, COLLECTIVE MEMORY IN A MULTIETHNIC AND GLOBAL SOCIETY.....	80
АНАСТАСИЯ ДЕНИСОВА АНГЛИЙСКИЙ ЯЗЫК КАК ФАКТОР КОНСТРУИРОВАНИЯ ЕВРОПЕЙСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ В РОССИЙСКОМ ПРОВИНЦИАЛЬНОМ ВУЗЕ	80
ГАЛИНА ДЕНИСОВА ЦЕННОСТНЫЕ ОСНОВАНИЯ КОНСТРУИРОВАНИЯ ЕВРОПЕЙСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ В СОЗНАНИИ РОССИЙСКОЙ МОЛОДЕЖИ.....	82
R. BOYD JOHNSON ADAPTATION OF LEADERSHIP PRACTICE INVENTORY (LPI) IN UKRAINE	85
JOHN JOHNSON RELIGIOUS REACTIONARY MOVEMENTS IN THE UNITED STATES: THE CASE STUDY OF THE CONSERVATIVE HOLINESS MOVEMENT	88
НЕЛЛИ ДИДЕНКО КОНСТРУИРОВАНИЕ ЕВРОПЕЙСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ И НОВЫЕ ВЫЗОВЫ НАУЧНО-ОБРАЗОВАТЕЛЬНОГО СООБЩЕСТВА РОССИИ.....	90
ГУЛИМ ДОСАНОВА РЕЛИГИОЗНАЯ ГРАМОТНОСТЬ МОЛОДЕЖИ В ФОКУСЕ СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ (CASE-STUDY АСТАНА).....	91

СЕРГЕЙ ЕФИМОВ	
ЭТНИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ АДМИНИСТРАТИВНО-ТЕРРИТОРИАЛЬНОГО УСТРОЙСТВА КРЫМА 20-х–30-х ГОДОВ ХХ ВЕКА.....	94
ЗУРИЕТ ЖАДЕ	
ГОСУДАРСТВЕННОЕ УПРАВЛЕНИЕ ЭТНО-КОНФЕССИОНАЛЬНЫМИ ПРОЦЕССАМИ В РЕСПУБЛИКЕ АДЫГЕЯ.....	106
КСЕНИЯ ЖАРЧИНСКАЯ	
ВИЗУАЛЬНЫЕ ОБРАЗЫ И СРЕДСТВА КОНСТРУИРОВАНИЯ ЭТНИЧЕСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ ДРЕВНИХ СЛАВЯН В ВИРТУАЛЬНЫХ СООБЩЕСТВАХ	108
ЖАКАВАЛБЕРТЗСОЛТ	
COLLECTIVE MEMORY AS A SOCIO-POLITICAL PHENOMENON. CREATING AND USE OF MEMORY IN CLUJ-NAPOCA (ROMANIA)	110
АННА ИСТОМИНА	
ПРОФЕССИОНАЛЬНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ УЧИТЕЛЕЙ:МЕЖДУ НЕГАТИВНОЙ И ПОЗИТИВНОЙ СВОБОДОЙ.....	111
ОЛЬГА КАЛДЫБАЕВА	
СОЦИАЛЬНЫЙ ПОРТРЕТ МОЛОДОГО ВЕРУЮЩЕГО ГОРОЖАНИНА В КАЗАХСТАНЕ (ПО РЕЗУЛЬТАТАМ СОЦИОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ)	113
ВИКТОР КОВАЛЁВ	
КОНФЛИКТ ЦЕННОСТЕЙ И ИДЕОЛОГИЧЕСКИЕ МИФЫ В РОССИЙСКОЙ ПОЛИТИКЕ И ПОЛИТОЛОГИИ: НЕОБХОДИМОСТЬ ДЕКОНСТРУКЦИИ.....	116
МИХАИЛ КОЛЕСОВ	
МИФЫ УКРАИНСКОГО КРИЗИСА	119
БОРИС КОНДОРСКИЙ	
НЕКОТОРЫЕ ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ РЕВОЛЮЦИОННЫХ СОБЫТИЙ В АРАБСКИХ СТРАНАХ.....	122
ЕЛЕНА КУКВА	
НЕКОТОРЫЕ ТЕНДЕНЦИИ ИДЕНТИФИКАЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ МОЛОДЕЖИ НА СЕВЕРНОМ КАВКАЗЕ (ПО РЕЗУЛЬТАТАМ СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ)	124
<u>ЭДУАРД КУЛЬПИН</u>	
ФЕНОМЕН КРЫМА С ПОЗИЦИЙ СОЦИОЕСТЕСТВЕННОЙ ИСТОРИИ.....	126

ВИКТОР ЛЕБЕДЕВ	
ПЕРСПЕКТИВЫ КОНСОЛИДАЦИИ ЭТНОСОВ НА ОСНОВЕ ИСЛАМА В РЕСПУБЛИКЕ ДАГЕСТАН	132
<u>ЭДУАРД ЛЕБЕДЕВ</u> , ГАЛИНА БЕЛОВА	
ЗНАНИЕ И ВЕРА.....	134
АРКАДИЙ ЛИПКИН	
КАКИЕ ПРОЦЕССЫ МОГУТ СТОЯТЬ ЗА ПОЛИТИЧЕСКИМИ ПРОТЕСТАМИ В СТРАНАХ БЛИЖНЕГО ВОСТОКА И В УКРАИНЕ.....	138
АЛЕКСАНДРА ЛИХАНОВА	
ПРОШЛОЕ В НАСТОЯЩЕМ.....	140
ТАМАРА ЛИХАНОВА	
ТРАНСФОРМАЦИЙ НАЦИОНАЛЬНОГО САМОСОЗНАНИЯ В ПОСТСОВЕТСКИЙ ПЕРИОД.....	141
ДЕНИС ЛОГВИНЕНКО	
ВЛИЯНИЕ ИЗРАИЛЬСКОГО ЛОББИ НА ИНСТИТУТЫ ВЛАСТИ США ПРИ ФОРМИРОВАНИИ БЛИЖНЕВОСТОЧНОЙ ПОЛИТИКИ: СТРАТЕГИЯ И ТАКТИКИ.....	142
РУШАЛИНА ЛУКЪЯНОВА, ФЛОРИДА АБДРАХМАНОВА	
СЕКТА – ДЕСТРУКЦИЯ ОТНОШЕНИЙ В СОВРЕМЕННОМ СОЦИУМЕ.....	144
ТАТЬЯНА ЛЯПКИНА	
КОНСТРУИРОВАНИЕ ИНДИГЕННОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ: РЕГИОНАЛЬНЫЕ ПРАКТИКИ.....	152
ОЛЕКСАНДР МАЙБОРОДА	
«ВІДКРИТИЙ УРЯД» ЯК МОДЕЛЬ ВИРШЕННЯ ЗАГАЛЬНОНАЦІОНАЛЬНИХ ПРОБЛЕМ.....	154
ДАРЬЯ МАКОВСКАЯ	
ЭТНОГЕОПОЛИТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ.....	157
ОЛЬГА МАЛИНОВА	
ОФИЦИАЛЬНАЯ РИТОРИКА И КОНСТРУИРОВАНИЕ НАЦИОНАЛЬНОГО ПРОШЛОГО: АНАЛИЗ ТЕМАТИЧЕСКОГО РЕПЕРТУАРА ПАМЯТНЫХ РЕЧЕЙ ПРЕЗИДЕНТОВ РФ (2000–2013 гг.).....	159
ВИКТОРИЯ МАЛЬЦЕВА	
ВЛИЯНИЕ ЦЕННОСТНЫХ УСТАНОВОК МОЛОДЕЖИ ЮГА РОССИИ НА ПРЕОДОЛЕНИЕ ЭКСТРЕМИСТСКИХ ПРОЯВЛЕНИЙ	161

ЭЛИНА МАНЖИКОВА	
О НЕКОТОРЫХ ОСОБЕННОСТЯХ РАЗВИТИЯ	
МЕЖРЕЛИГИОЗНЫХ ОТНОШЕНИЙ В РЕСПУБЛИКЕ КАЛМЫКИЯ	
НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ.....	163
DAVID MATSABERIDZE	
CONSTITUTIONAL DEBATES – A WAY TOWARDS THE CONFLICT	
OVER ABKHAZIA (THE LATE 1980-S AND THE EARLY 1990-S)..	167
НАТАЛЬЯ МИКЛИНА	
ФЕНОМЕН ВЛАСТИ В ОПЕРНОМ НАСЛЕДИИ Н.А. РИМСКОГО-	
КОРСАКОВА	169
НАТАЛЬЯ МИКЛИНА	
«РУССКИЙ МИР» В ОПЕРНОМ ТВОРЧЕСТВЕ Н.А. РИМСКОГО-	
КОРСАКОВА	171
ДЖАЛАЛИТДИН МИРЗАЕВ	
САЙИДЫ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ В КОНТЕКСТЕ	
ФОРМИРОВАНИЯ НАЦИОНАЛЬНОГО САМОСОЗНАНИЯ	171
РУДОЛЬФ МИРСКИЙ	
НЕОНАЦИЗМ В УКРАИНЕ И ХОЛОКОСТ: ПОЛИТИКА	
НАЦИОНАЛЬНОЙ ПАМЯТИ И МЕТАМОРФОЗЫ ИСТОРИЧЕСКОЙ	
ПРАВДЫ	174
МИХАЭЛА МОРАВЧИКОВА	
РЕЛИГИОФОБИЯ ИЛИ ВОЗРОЖДЕНИЕ РЕЛИГИИ? ИСЛАМ И	
ХРИСТИАНСТВО В ЕВРОПЕ	176
ДМИТРИЙ МУЗА	
А.С. ПАНАРИН О СТРУКТУРОГЕНЕЗЕ И ИНТРИГАХ	
ВОСТОЧНОГО МЕГАЦИКЛА ВСЕМИРНОЙ ИСТОРИИ.....	183
ДИЛЯРА МУФТАХУТДИНОВА	
ПЕСНИ СОЦИАЛЬНОГО ПРОТЕСТА ПОВОЛЖСКИХ ТАТАР	
КОНЦА XIX – НАЧАЛА XX В.	185
РИНАТ НАБИЕВ	
ВОЗРОЖДЕНИЕ ИСТОРИКО-КУЛЬТОВЫХ ОБЪЕКТОВ	
ТАТАРСТАНА В КОНТЕКСТЕ ПОЛИТИКИ ПАМЯТИ.....	187
ИРАИДА НАМ	
СИБИРСКАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ КАК ПОЛИТИЧЕСКИЙ ПРОЕКТ	
.....	194
ТАТЬЯНА НОСЕНКО	
ПАЛЕСТИНО-ИЗРАИЛЬСКИЙ КОНФЛИКТ НА ФОНЕ	
«АРАБСКОГО ПРОБУЖДЕНИЯ»	196

ЕЛЕНА НОСКОВА	
МОДЕЛИ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО ТЕЛА КАК ФАКТОР РАЗЛИЧИЕНИЯ ВЕРУЮЩЕЙ И НЕВЕРУЮЩЕЙ МОЛОДЕЖИ НА ПРИМЕРЕ МОЛОДЫХ ЖИТЕЛЕЙ г. КАЗАНИ.....	198
ОЛЕГ ОБЕРЕМКО, ТАТЬЯНА ОБЕРЕМКО	
ВОЛОНТЕР ИЛИ ДОБРОВОЛЕЦ: РАЗЛИЧИЯ В ОСНОВАНИЯХ ДЛЯ МОБИЛИЗАЦИИ РАДИ ОБЩЕСТВЕННОЙ ПОЛЬЗЫ.....	199
МАРИНА ОБОЛОНКОВА	
МИГРАЦИОННЫЙ КОНТЕКСТ ПЕРМСКОЙ ПОВСЕДНЕВНОСТИ 1941–1945 гг. И МЕТАМОРФОЗЫ КОЛЛЕКТИВНОЙ ПАМЯТИ В ЛОКАЛЬНОМ ИЗМЕРЕНИИ.....	203
ЛЮДМИЛА ОЖИГОВА	
ЦЕННОСТНО-СМЫСЛОВЫЕ ОРИЕНТАЦИИ ЛИЧНОСТИ: ГЕНДЕРНЫЕ РАЗЛИЧИЯ.....	205
АЛЕСЯ ОНОПРИЕНКО	
СОВРЕМЕННЫЙ РОССИЙСКИЙ МИФОГЕНЕЗ.....	209
АДИЛА ОРУДЖИЕВА	
ТРАНСФОРМАЦИЯ СТЕРЕОТИПОВ ЭТНИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ КОРЕННЫХ МАЛОЧИСЛЕННЫХ НАРОДОВ СЕВЕРА (НА ПРИМЕРЕ ЯМАЛО-НЕНЕЦКОГО АВТОНОМНОГО ОКРУГА)	211
ВЛАДИМИР ПАШКОВ, НИКОЛАЙ МАЛЕВАННЫЙ, СЕРГЕЙ ПЕТКОВ, ВИКТОРИЯ МОГИЛЕВСКАЯ, НАТАЛЬЯ БОГОМОЛОВА	
НАЦИОНАЛЬНАЯ, МАКРОРЕГИОНАЛЬНАЯ И РЕГИОНАЛЬНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ КАК ФАКТОР ФОРМИРОВАНИЯ ГРАЖДАНСТВЕННОСТИ.....	213
ПЕТР ПАШКОВСКИЙ	
ТЕОРИЯ НОВОРОССИИ: ВЗГЛЯД ИЗ КРЫМА.....	215
ПЕТР ПАШКОВСКИЙ	
МИХАИЛ ГОРБАЧЁВ И ПРОЦЕСС ДЕЗИНТЕГРАЦИИ СССР: КОНЦЕПЦИИ ЗАПАДНЫХ ИССЛЕДОВАТЕЛЕЙ.....	222
ПЕТР ПАШКОВСКИЙ	
ПРОБЛЕМА «КОНФЛИКТА ПОКОЛЕНИЙ» В КОНТЕКСТЕ ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКОГО ВЫБОРА УКРАИНЫ.....	224
LEHEL PETI	
ETHNICITY AND RELIGIOUS INTERFERENCES IN EASTERN ROMANIA. THE ROLE OF PENTECOSTALISM IN THE CONTACT ZONES OF ORTHODOXY AND CATHOLICITY.....	230

ДАВИД ПЕТРОСЯН	
ЭТНОРЕЛИГИОЗНЫЕ МЕНЬШИНСТВА В УСЛОВИЯХ КОНФЛИКТА(АРМЯНСКАЯ ОБЩИНА В СИРИИ И БЕЖЕНЦЫ В АРМЕНИИ)	230
ИРИНА ПЕТРУЛЕВИЧ	
ЦЕННОСТНЫЕ ОЖИДАНИЯ И РАЗОЧАРОВАНИЯ МОЛОДЕЖИ В РЕГИОНАХ СОЦИАЛЬНОЙ НАПРЯЖЕННОСТИ (НА ПРИМЕРЕ КАБАРДИНО-БАЛКАРИИ)	241
ЕЛЕНА ПОКАНИНОВА	
ПРИНЦИП ТОЛЕРАНТНОСТИ КАК ОСНОВА ГАРМОНИЗАЦИИ МЕЖПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ И МЕЖЭТНИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ.....	243
ОЛЬГА ПОПОВА	
ПОЛИТИЧЕСКАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ МОЛОДЕЖИ: К ВОПРОСУ О ФОРМИРОВАНИИ ЗАДАННОЙ МОДЕЛИ.....	245
ИРИНА ПОПРАВКО	
ОРАЛМАНЫ: «СВОИ» VS «ЧУЖИЕ» (СОЦИАЛЬНО- АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ НАЦИОНАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ В КАЗАХСТАНЕ).....	249
МАРИЯ ПРЕДЕИНА	
ВЛАСТЬ И НАЦИОНАЛЬНЫЙ ВОПРОС.....	251
ИРИНА ПРОТАСЕНКО	
ЦЕЛЕ-ЦЕННОСТНЫЕ ОСНОВАНИЯ СОЦИАЛЬНО- ПОЛИТИЧЕСКОЙ СУБЪЕКТНОСТИ.....	253
RAJEEV KUMAR	
TRIBAL IDENTITY AS AN OBJECT OF POLITICAL MOBILISATION IN INDIA	260
НАТАЛИЯ РОДИГИНА, ОКСАНА СИДОРЧУК	
«РАСПИРЯЯ ГРАНИЦЫ...»: ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЕ ЖУРНАЛЫ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX–НАЧАЛА XX В. В ПРОЦЕССЕ КОНСТРУИРОВАНИЯ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ О ПРИСОЕДИНЕНИИ И ОСВОЕНИИ ИМПЕРСКИХ ОКРАИН	262
НЕЛЛИ РОМАНОВИЧ	
ДВА ОБРАЗА ГОСУДАРСТВА В СОЦИАЛЬНОЙ ПАМЯТИ.....	264
НЕЛЛИ РОМАНОВИЧ	
ГРОЗИТ ЛИ РОССИИ ЦВЕТНАЯ РЕВОЛЮЦИЯ?	272
НЕЛЛИ РОМАНОВИЧ	
ПРАВОСЛАВИЕ И ГОСУДАРСТВО: ВМЕСТЕ ИЛИ ВРОЗЬ?	276
ВЛАДИМИР САБИРОВ	
ЦИВИЛИЗОВАННОСТЬ ЧЕЛОВЕКА И ОБЩЕСТВА КАК ТЕОРЕТИЧЕСКАЯ ПРОБЛЕМА	284

ВЛАДИМИР САБИРОВ, ОЛЬГА СОИНА	
ИДЕЯ СПАСЕНИЯ В РУССКОЙ КУЛЬТУРЕ.....	288
АЛЕКСАНДР САМОХИН	
ПОЛИТИКА РОССИИ В АРКТИКЕ В КОНТЕКСТЕ	
ГЕОПОЛИТИЧЕСКОЙ КОНКУРЕНЦИИ НАЧАЛА XXI ВЕКА.....	295
CSABA MÁTÉ SARNYAI, TIVOR PAP	
SYSTEM CHANGE, NATION, POLITICS (1989–2010)	
THE CHALLENGE OF ETHNIC POLICIES (LANGUAGE SITUATION,	
DUAL CITIZENSHIP, INTER-COUNTRY SUPPORT	
OF HUNGARIANS, SHIFTS OF NATIONAL/ETHNIC IDENTITY):	
EXPECTIONS OF HUNGARIAN COMMUNITIES ABROAD AND	
HUNGARY'S RESPONSES – BEFORE AND AFTER	
THE MILLENNIUM	300
ОЛЬГА СЕНЮТКИНА, ЮЛИЯ ГУСЕВА	
ИСТОРИКИ И ИХ РОЛЬ В СОХРАНЕНИИ ЭТНИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ	
.....	303
ЕВГЕНИЙ СЕНЮШКИН	
КОНЦЕПЦИЯ УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ КАК ФАКТОР	
ПРЕДУПРЕЖДЕНИЯ ПОЛИТИЧЕСКИХ РИСКОВ.....	304
ЕВГЕНИЙ СЕНЮШКИН	
УПРАВЛЕНИЕ ПОЛИТИЧЕСКИМИ РИСКАМИ КАК	
ТЕОРЕТИЧЕСКАЯ ПРОБЛЕМА	307
МАРГАРИТА СЕНЮШКИНА	
АЛЬТРУИЗМ КАК ФАКТОР СОЦИАЛЬНЫХ ВЗАИМОДЕЙСТВИЙ	
.....	311
ТАТЬЯНА СЕНЮШКИНА	
ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ОРГАНОВ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ВЛАСТИ И	
ОБЩЕСТВЕННЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ КАК ЭЛЕМЕНТ СИСТЕМЫ	
РАННЕГО ПРЕДУПРЕЖДЕНИЯ ЭТНИЧЕСКИХ КОНФЛИКТОВ	
.....	321
ТАТЬЯНА СЕНЮШКИНА	
ФЕНОМЕНОЛОГИЯ ГЕОПОЛИТИЧЕСКОГО ВЫБОРА: К	
ВОПРОСУ О КОНСТРУИРОВАНИИ ИНДИВИДУАЛЬНЫХ И	
КОЛЛЕКТИВНЫХ УГРОЗ В ПРОСТРАНСТВЕ ЖИЗНЕННОГО	
МИРА	321
SOFIA SYMKANYSH	
ROLE OF MEDIA IN ETHNO-POLITICAL MOBILIZATION	324
ОЛЬГА СОИНА	
ДУХОВНО-НРАВСТВЕННАЯ ЖИЗНЬ ЧЕЛОВЕКА В УСЛОВИЯХ	
ИНФОРМАЦИОННОГО ОБЩЕСТВА	327

ВИКТОР СОКОЛОВ	
О ПРОЯВЛЕНИЯХ СТРАТЕГИИ ФОРМИРОВАНИЯ	
ЭТНОКУЛЬТУРНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ В СТАНДАРТАХ	
ОТЕЧЕСТВЕННОГО ШКОЛЬНОГО ИСТОРИЧЕСКОГО	
ОБРАЗОВАНИЯ	331
АЛЕКСАНДР СУНГУРОВ	
ПРОБЛЕМЫ МИГРАЦИИ РЕШАЕМ ВМЕСТЕ: ОПЫТ СОЗДАНИЯ	
МЕЖСЕКТОРНОЙ ДИАЛОГОВОЙ ПЛОЩАДКИ.....	333
ТАТЬЯНА ТЕЛЯТНИК	
ВЛИЯНИЕ ТЕНДЕНЦИЙ СТАНОВЛЕНИЯ ИНФОРМАЦИОННОГО	
ОБЩЕСТВА НА ФОРМИРОВАНИЕ ПРОТЕСТНЫХ ФОРМ	
ПОЛИТИЧЕСКОЙ АКТИВНОСТИ МОЛОДЕЖИ В	
ПОЛИЭТНИЧНЫХ РЕГИОНАХ РОССИИ (НА ПРИМЕРЕ ЮФО И	
СКФО).....	335
ТАТЬЯНА ТИТОВА, ЕЛЕНА ГУЩИНА, МАРИЯ ВЯТЧИНА	
МОРДВА-КАРАТАИ (CASE-STUDY ДЕРЕВНИ МОРДОВСКИЙ	
КАРАТАЙ КАМСКО-УСТЬИНСКОГО РАЙОНА РЕСПУБЛИКИ	
ТАТАРСТАН)	338
НИКИТА ФИЛИН, ЛАНА РАВАНДИ-ФАДАИ	
АНКЕТНОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ РЕЛИГИОЗНОГО СТАТУСА	
«МАРДЖА’ АТ-ТАКЛИД» СРЕДИ ГОРОДСКОГО НАСЕЛЕНИЯ	
ИРАНА	340
НИКИТА ФИЛИН	
ИНТЕРНЕТ-ПРОСТРАНСТВО МАССОВЫХ ПРОТЕСТОВ	
ОППОЗИЦИИ 2009 Г. В ИРАНЕ.....	342
ГИЗЕЛА ХАМИД, ДАНИЯ ХАТАМОВА	
КОРОЛЕВСТВО МАРОККО – СТРАНА МЕЖЭТНИЧЕСКОЙ И	
ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ ТОЛЕРАНТНОСТИ.....	346
ГИЗЕЛА ХАМИД, ДАНИЯ ХАТАМОВА	
ЭТНИЧЕСКИЙ СТИЛЬ – ИНСТРУМЕНТ ТОЛЕРАНТНОСТИ В	
СОВРЕМЕННЫХ МЕЖЭТНИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЯХ.....	349
IVANE TSERETELI	
THE PROCESS OF SELF-IDENTIFICATION AND INTER-RELATIONS	
OF ETHNIC GROUPS IN GEORGIA AT THE TURN OF THE 20TH	
CENTURY (ACCORDING TO THE PRESS MATERIALS).....	351
ВЕРОНИКА ЦИБЕНКО (ИВАНОВА)	
КРЫМ В СОСТАВЕ РОССИИ КАК ВЫЗОВ ТУРЕЦКОЙ	
КОНЦЕПЦИИ НЕООСМАНИЗМА.....	352
ЕВГЕНИЙ ЧЕРНЫЙ	
ЦЕННОСТЬ ВРАГА: ПСИХОСЕМАНТИКА ПРОТИВОСТОЯНИЯ.....	354

НАТАЛЬЯ ЧУВИЛИНА	
ОСОБЕННОСТИ СОВРЕМЕННОЙ РОССИЙСКОЙ	
ИСТОРИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ.....	357
IRAKLI SHKHAIDZE	
THE “ROSE REVOLUTION”: NEW TRENDS OF THE POST-SOVIET	
GEORGIAN NATIONALISM	359
АСИЕТ ШАДЖЕ	
КУЛЬТУРНАЯ ПОЛИТИКА ПАМЯТИ И ИДЕНТИЧНОСТИ:	
НА ПРИМЕРЕ ЭТНОГРУППЫ КУРДОВ АДЫГЕИ.....	364
ГАЗИЗ ШАЙМЕРДЕН	
ЭТНИЧЕСКАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ КАЗАХСКОЙ ИРРЕДЕНТЫ.....	366
СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ	371
СОДЕРЖАНИЕ	391

Научное издание

ЭТНИЧНОСТЬ, РЕЛИГИЯ И ПОЛИТИКА

сборник научных трудов

Под общей редакцией Т.А. Сенюшкиной и А.В. Баранова

Формат 60x84/16. Усл. печ. л. 23,36. Тираж 300 экз. Зак. № 10А/09.

ИЗДАТЕЛЬСТВО ТИПОГРАФИЯ «АРИАЛ».
295034, Республика Крым, г. Симферополь, ул. Севастопольская, 31-а/2,
тел.: (0652) 70-63-31, +7 978 71 72 901.
E-mail: it.arial@yandex.ru

Отпечатано с оригинал-макета в типографии ООО «ИТ «АРИАЛ»
295034, Республика Крым, г. Симферополь, ул. Севастопольская, 31-а/2,
тел.: (0652) 70-63-31, +7 978 71 72 901.
E-mail: it.arial@yandex.ru